ИИСУС

I. ХРИСТОС

ИУДА ИСКАРИОТ

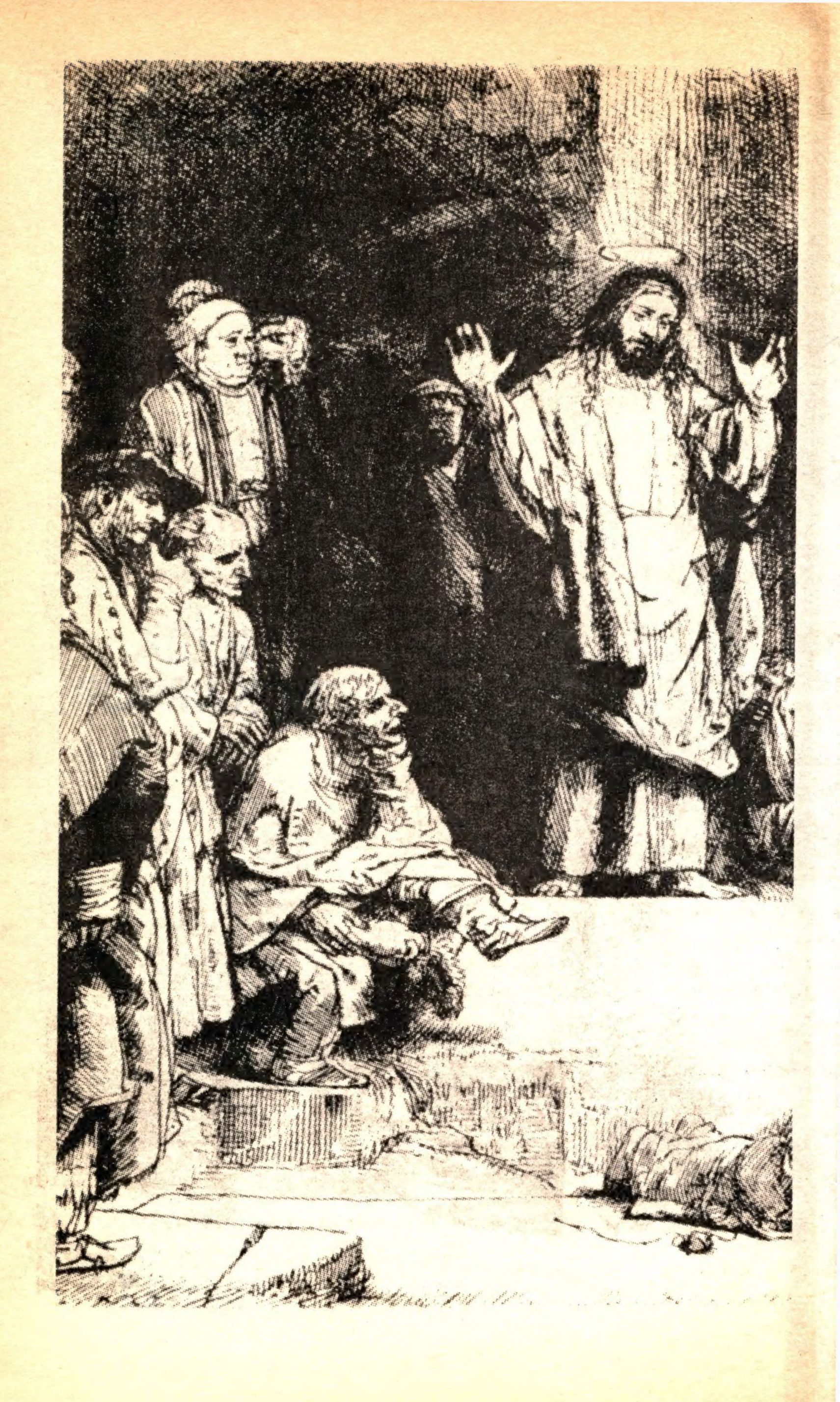
ПОНТИЙ ПИЛАТ

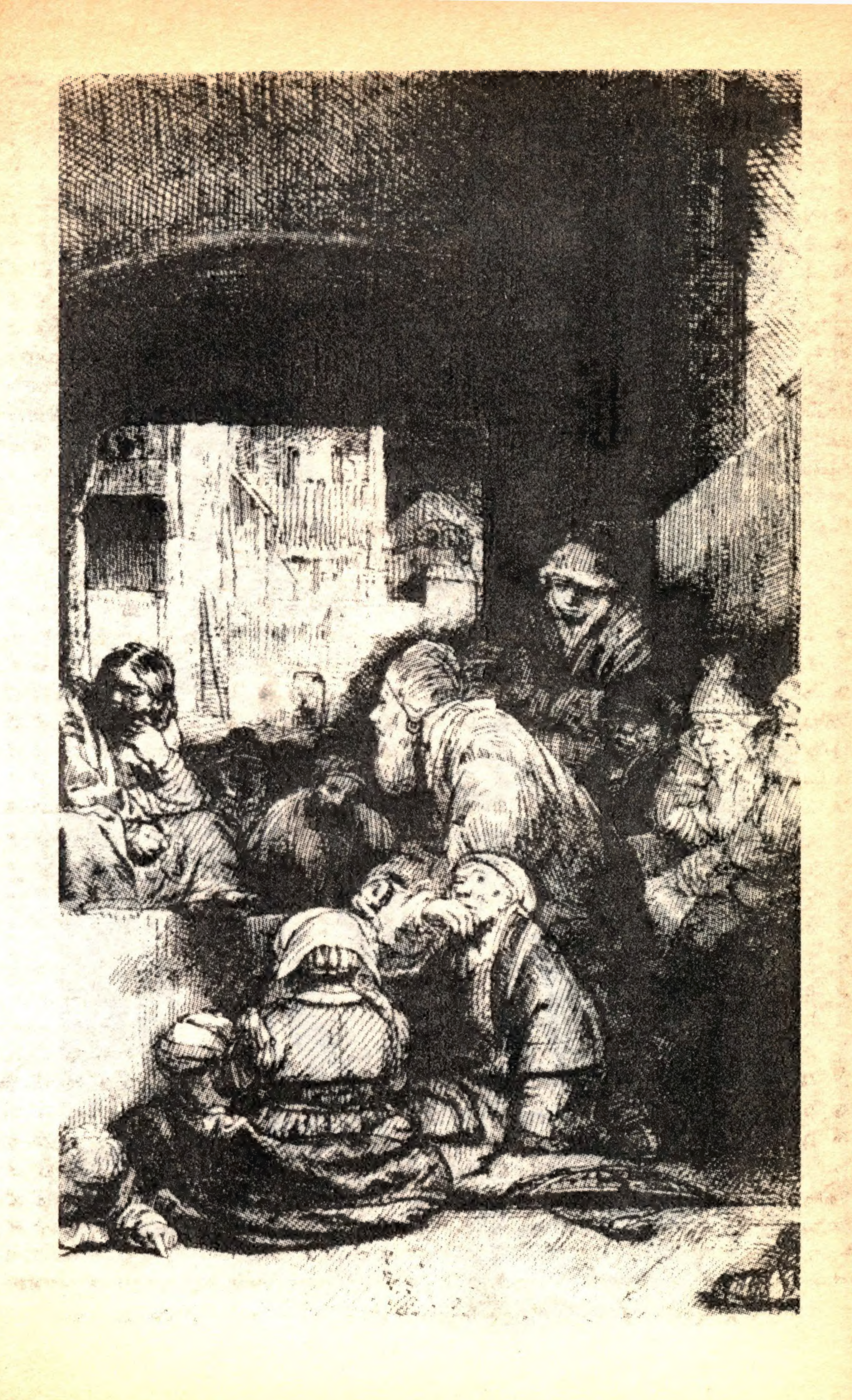
Х.

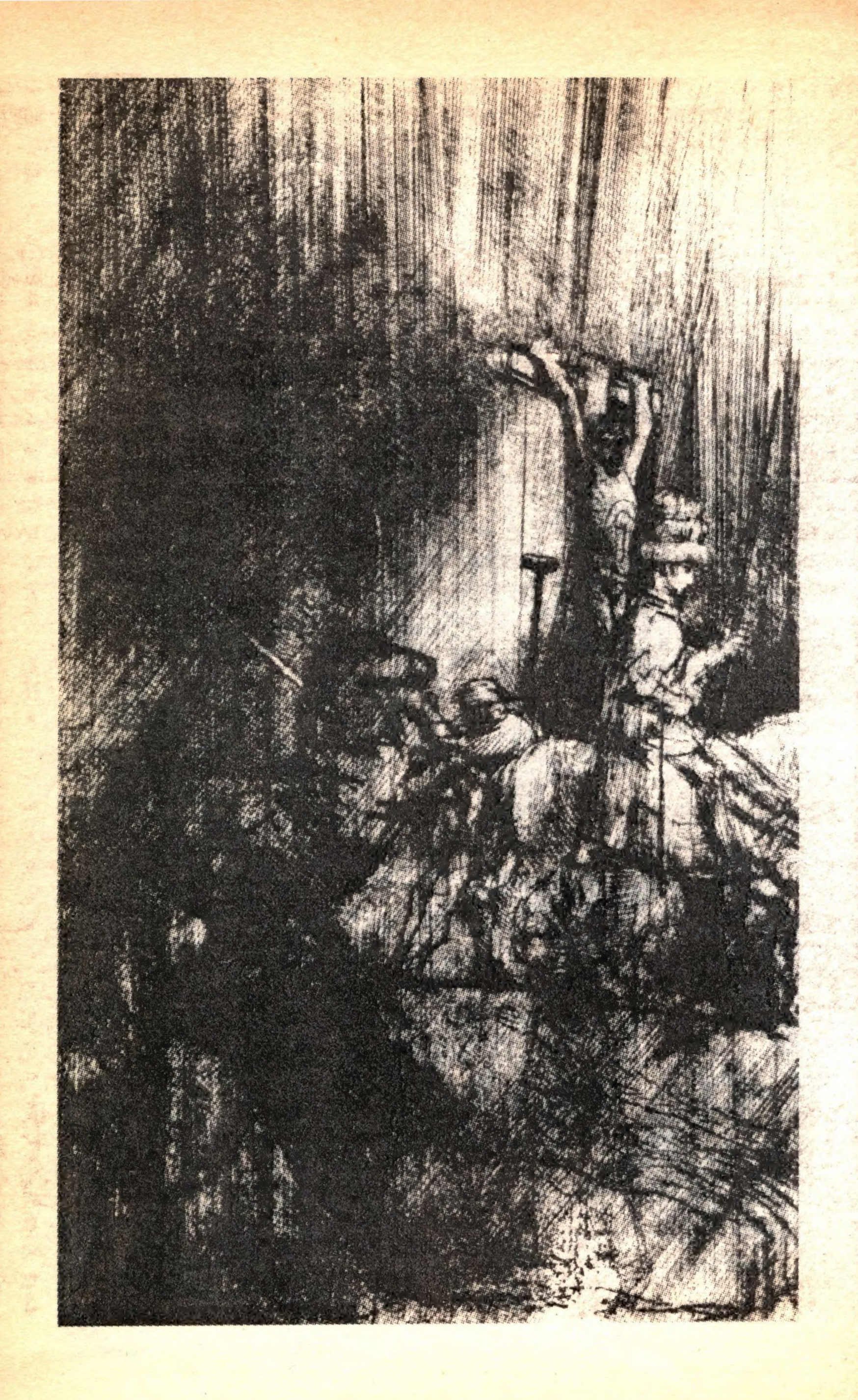
ИИСУС
ХРИСТОС

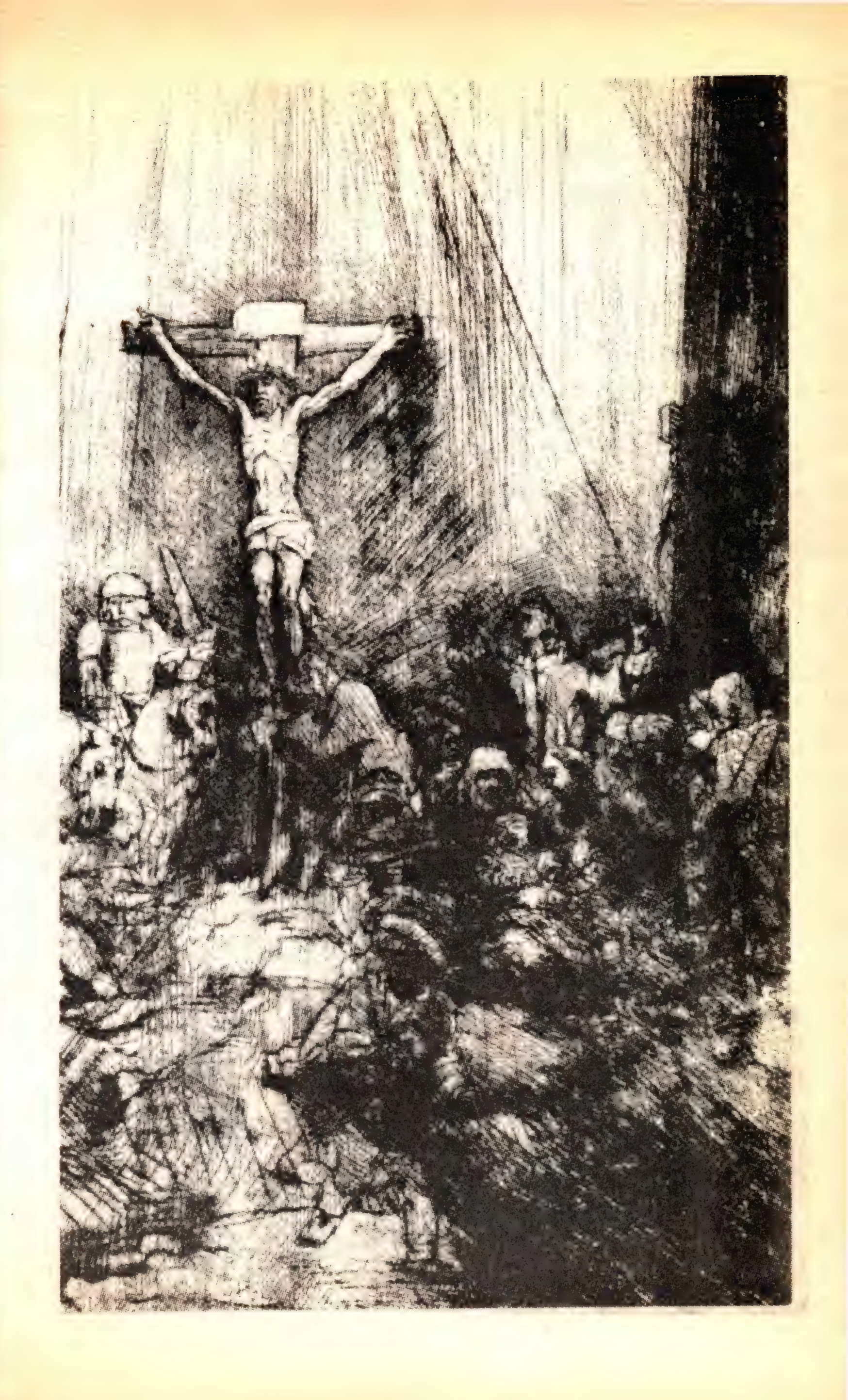
ИУДА
ИСКАРИОТ

ПОНТИЙ
ПИЛАТ









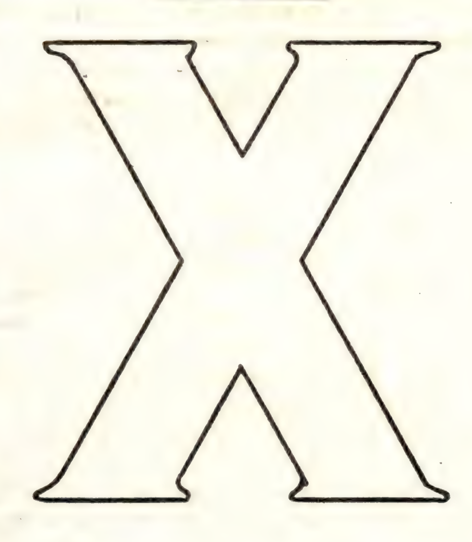
HV
GEN
RED

ИИСУС
ХРИСТОС

ИУДА
ИСКАРИОТ

ПОНТИЙ
ПИЛАТ

В НОЧЬ НА 14 НИСАНА



Ассоциация
уральских
издателей

Средне-Уральское
книжное
издательство

Екатеринбург
1991

ББК 84Р7
В 11

Составитель В. А. Блинов
Редактор М. Э. Чупрякова

В $\frac{4702010206\text{-}061}{М158(03)\text{-}91}$ Без объявл.-91

ISBN 5—7529—0429—3

ИВАН ТУРГЕНЕВ

Христос

Я видел себя юношей, почти мальчиком в низкой деревенской церкви. Красными пятнышками теплились перед старинными образами восковые тонкие свечи.

Радужный венчик окружал каждое маленькое пламя. Темно и тускло было в церкви... Но народу стояло передо мною много.

Всё русые крестьянские головы. От времени до времени они начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрелые колосья, когда по ним медленной волной пробегает летний ветер.

Вдруг какой-то человек подошел сзади и стал со мною рядом.

Я не обернулся к нему — но тотчас почувствовал, что этот человек — Христос.

Умиление, любопытство, страх разом овладели мною. Я сделал над собою усилие... и посмотрел на своего соседа.

Лицо как у всех — лицо, похожее на все

человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем как на всех.

«Какой же это Христос! — подумалось мне.— Такой простой, простой человек! Быть не может!»

Я отвернулся прочь. Но не успел я отвести взор от того простого человека, как мне опять почудилось, что это именно Христос стоит со мной рядом.

Я опять сделал над собою усилие... И опять увидел то же лицо, похожее на все человеческие лица, те же обычные, хоть и незнакомые черты.

И мне вдруг стало жутко — и я пришел в себя. Только тогда я понял, что именно такое лицо — лицо, похожее на все человеческие лица,— оно и есть лицо Христа.

Декабрь, 1878

А.М.

АЛЕКСАНДР МЕНЬ

В поисках подлинного Христа

БИБЛИЮ СПРАВЕДЛИВО НАЗЫВАЮТ СПУТНИЦЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Многообразие ее влияния на жизнь и творчество общеизвестно. Обращение писателей XX века к библейским темам — явление не случайное и не конъюнктурное. Оно органически вписывается в длительную традицию, восходящую еще к античным временам. Чтобы определить

[1] Статья печатается с сокращениями. Полный текст — см. журнал «Иностранная литература», 1991, № 3. Здесь и далее — примечания составителя.

место современных писателей — интерпретаторов Евангелия в этой традиции, чтобы понять, отчего Евангелие вновь и вновь входит в круг животрепещущих тем — в том числе и в художественную литературу,— было бы полезно проследить историю новозаветной сюжетики в поэзии и прозе [1].

Первые попытки дать литературно-художественную интерпретацию Евангелия стары почти так же, как сама эта книга. Они появились в Египте и Сирии еще до того, как Новый Завет был сформирован полностью.

Авторы древних апокрифов стремились дать собственную версию жизни и учения Христа, домыслить эпизоды, сцены и диалоги, которые, как им казалось, опущены евангелистами. Кроме самих Евангелий образцами для апокрифов служили Ветхий Завет, античные романы, биографии, а также сборники афоризмов и легенд, издавна существовавшие на Востоке и Западе.

Строгая и целомудренная сдержанность евангелистов подменялась разгулом фантазии, фольклорными узорами, а подчас сложной метафизикой.

Несмотря на это, а частично, быть может, благодаря этому, апокрифы приобрели широкую популярность и нашли отражение в изобразительном искусстве. И все же в библейский канон они приняты не были. В этом проявилось удивительное чутье составителей канонического свода новозаветных книг.

Следует признать, что и с чисто художественной точки зрения апокрифы решительно уступают творениям евангелистов. Дистанция между апокрифической литературой и Новым Заветом так же велика, как между грубой имитацией и великим оригиналом. Усилия превзойти евангелистов закончились грандиозной литературной неудачей. И в этом смысле апокрифы предвосхитили судьбу последующих попыток подобного рода.

Однако едва ли правомерно считать, что художественная литература на евангельскую тему писалась напрасно. При всем своем несовершенстве она имела и определенную ценность. В частности, как форма *актуа-*

---

[1] Рамки журнального очерка не позволили автору рассмотреть многие поэтические произведения на новозаветные сюжеты; исследуется лишь творчество западных ученых и прозаиков. Однако концептуальный подход А. Меня применим и к отечественной литературе, в том числе к произведениям, составившим настоящую книгу.

лизации и осмысления тех или иных аспектов Евангелия.

Потребность в таком осмыслении не угасла и после того, как канон был окончательно закреплен. Об этом свидетельствует богатство апокрифической литературы на средневековом Западе, в Византии, в Древней Руси.

С эпохи Ренессанса христианские мастера слова начинают отдавать предпочтение ветхозаветным темам. И это вполне объяснимо. Писатели и поэты все чаще убеждались, насколько трудно овладеть материалом Нового Завета. Ведь Ветхий Завет, изображая человека перед лицом Божиим, рисует его со всеми присущими ему страстями, конфликтами и противоречиями. А Евангелие, меняя перспективу, говорит об ответе самой Вечности на человеческие вопрошания. «Перевести» это священное Слово на язык поэзии или прозы оказалось не просто.

Даже отважная попытка такого гиганта, как Джон Мильтон, написавшего в 1671 году поэму «Возвращенный Рай», только лишний раз подтвердила, что и гений сталкивается здесь с почти непосильной задачей. А чего же можно было ждать, если за нее брались писатели меньшего масштаба?

Это стало особенно очевидно, когда в 1773 году Фридрих Клопшток выпустил эпос «Мессиада» о событиях Страстной недели. В восприятии современного человека изъяны поэмы смягчаются благодаря музыке Генделя, создавшего ораторию на текст Клопштока. Но сама по себе «Мессиада» многословна, напыщенна, порой сентиментальна, обременена грузом аллегорий, помпезных сцен и богословских рассуждений.

В конце XVIII века некоторым авторам показалось, что они нашли ответ на вопрос: почему не удается «изображение жизни Иисуса»? Астроном Шарль Дюпюи, член Конвента, и писатель-романтик Вольней заявили, что образ Христа — не более чем одна из форм древнего солнечного мифа и поэтому никому не удается разглядеть в нем человеческие черты.

Это была капитуляция, признание — пусть и в виде исторической гипотезы — того, что на протяжении веков литература силилась достичь неосуществимого.

Предположение Дюпюи и Вольнея мало кого удовлетворило. Еще их старший современник Жан-Жак Руссо признавал, что «мифологическая гипотеза» создает лишь новые трудноразрешимые проблемы. «Евангелие,— писал он,— заключает в себе столь великие, столь порази-

тельные, столь неподражаемые черты истины, что изобретатель был бы еще более удивительным, чем самый герой». Руссо не закрывал глаза на то, что в Евангелии есть многое, что выходит за пределы национального. Поэтому он призывал молча и скромно отступить перед непознаваемым.

Однако для рационализма, убежденного во всемогуществе «здравого смысла», в его роли последнего судьи во всех вопросах, осторожная позиция Руссо была столь же неприемлема, как и теория мифа.

На рубеже XVIII и XIX веков рационалисты четко сформулировали проблему: если Христос не откровение Бога и не вымысел, то кто Он? Нельзя ли приблизиться к Его личности, если изгнать из евангельской истории все сверхрациональное?

Многие писатели и мыслители приняли этот ориентир и решили воссоздать жизнь Иисуса, заключив ее в прокрустово ложе морализирующего просветительства. Среди них был молодой Гегель, написавший в 1795 году собственный «апокриф». В нем изображена бесцветная фигура Учителя разумной жизни, которая не идет ни в какое сравнение с евангельским Христом.

Грозные события Французской революции вдохновили Карла Вентурини представить Иисуса вождем мятежа. Его «Реальная история великого Пророка из Назарета» (1800—1802) явилась одним из первых романов на евангельскую тему, в котором дан простор безбрежной фантазии. Следовавшие за ним авторы шли по тому же пути. При всем рационализме в их книгах воображение работало не меньше, чем у авторов старых апокрифов.

Итог этим опытам был подведен в 1835—1836 годах, когда вышла в свет «Жизнь Иисуса» гегельянца Давида Фридриха Штрауса. Начав как теолог, Штраус поставил перед собой задачу найти компромисс между идеальной сущностью христианства и исторической критикой. Результат оказался разрушительным. Христос у Штрауса превратился в «идею», которая отражает универсальную человечность. А такая «идея», по выражению Штрауса, «не любит» воплощаться в одном лице. Исторический Иисус был только проповедником веры и этики, а почти все, что рассказано о нем в Евангелиях,— не реальность, а цикл мифов, заимствованных из ветхозаветной веры в грядущего Спасителя-Мессию. Свой «апокриф» о жизни

«исторического Иисуса» Штраус написал 30 лет спустя, когда бури, вызванные его первой книгой, уже утихли. Но к этому времени во Франции уже была издана книга о Христе, которая произвела гораздо большее впечатление и повлияла на всех писателей, бравшихся потом за этот сюжет...

Автором книги был Эрнест Ренан.

6 октября 1845 года по широкой лестнице семинарии св. Сюльпиция спускался молодой человек в сутане. Он знал, что идет здесь в последний раз. Ему было всего 22 года; еще недавно он готовился принять сан священника. Но теперь с этим было покончено навсегда. Сделать решительный шаг было мучительно тяжело. Прежде чем Жозеф Эрнест Ренан, от природы нежный и ранимый, перешел свой рубикон, он долго метался, страдал, спорил с самим собой, советовался с друзьями и наставниками.

Сын бретонского рыбака, он вырос в тихом провинциальном городке, овеянном легендами, в атмосфере старинного традиционного благочестия. Набожная мать радовалась школьным успехам сына и его будущей церковной карьере. Благодаря блестящим способностям юный бретонец был отправлен в Париж, где должен был изучать богословские науки.

Врожденная и воспитанная чистота, любовь к научным занятиям, внимательная забота наставников помогли ему избежать вульгарных соблазнов Парижа.

Но его подстерегали другие искушения. Тогда, в середине XIX века, считалось, что Библия абсолютно непогрешима в смысле фактов, что любые научные взляды, вносящие коррективы в традиционные представления, неприемлемы. Между тем Ренан, изучая протестантских библеистов, убеждался в обоснованности многих их теорий. Это внесло в его сердце и разум тяжкий разлад.

Вера Ренана дала непоправимую трещину. Мать, узнав о его сомнениях, горестно недоумевала, почему сын становится отступником из-за каких-то спорных толкований, а он считал, что она «недостаточно образованна», хотя и умна. По иронии судьбы позднейшая католическая наука оказалась на стороне этой простой женщины.

Но, пожалуй, дело было не только в библейской науке. Позитивизм и рационализм оказали сильное разрушительное воздействие на мысль Ренана. И что особенно важно, его скепсис был поддержан сестрой Генриеттой,

которую он бесконечно уважал и любил. При ее содействии бывший семинарист вступает на светское поприще. Он посвящает себя восточной филологии и истории, издает переводы, пишет эссе и исследования по древним языкам.

Постепенно формируется его новое мировоззрение, которое представляет собой истинный клубок противоречий. Он отрицает религию, но в то же время восхищается ею, он постоянно говорит о Боге, но никогда нельзя понять, какой смысл он вклыдывает в это слово; он проповедует скептицизм, пытаясь остаться романтиком-идеалистом. В основе его мышления — каприз, игра, любование тем, во что он не верит, и вера в то, что подвергает сомнению. Он остается «прогрессистом» в духе XIX века, но при этом никогда не упускает случая поговорить о тщетности всех человеческих усилий...

Мы намеренно остановились на душевной драме Ренана. Это многое объясняет в характере его книг. Отойдя от Церкви, он тем не менее сохранил своеобразную любовь к личности Христа.

В 1860 году Ренан принял участие в экспедиции на Восток, которую организовало правительство Наполеона III. Сестра отправилась вместе с ним. Она была свидетельницей и вдохновительницей его первых попыток набросать контуры книги о Христе. Писалась повесть в дороге, в окружении восточного пейзажа, который делал необыкновенно живым рассказ евангелистов. Ренан имел с собой минимум книг и пособий, но панорамы, которые открывались перед ним, стали для него «пятым Евангелием».

Генриетта не дождалась окончания работы брата. Находясь в Ливане, оба они заболели тяжелой лихорадкой, и, когда Ренан очнулся после многодневного забытья, он узнал, что сестра скончалась. Ей он и посвятил свою «Жизнь Иисуса», которая вышла в Париже в 1863 году.

Книга была построена как историческое повествование, но несла в себе все признаки романа. Многочисленные ссылки на источники, глубокое знание эпохи не могли скрыть этого от читателей. Там были и яркие картины древнего быта, и описания природы, и обилие произвольных домыслов. Ренан даже не удержался и в конце поместил главу «Судьба врагов Иисуса» — совсем как в классическом романе.

Книга имела шумный успех. Одни восторгались — другие выражали негодование. За полтора года «Жизнь Иисуса» выдержала 13 изданий!

Цели своей — воссоздать образ евангельского Христа как человека, как живой индивидуальный характер без чего-либо выходящего за пределы хорошо известных явлений — автор не скрывал. И с художественной точки зрения эта задача, казалось, была выполнена.

Что же мы находим в книге Ренана?

Его любимый литературный прием — контрасты. Он живописует цветущую Галилею, северную часть Палестины, с ее садами и нивами и противопоставляет ей суровый гористый юг, Иудею, пустынную и мрачную. В Галилее женщины и дети водят хороводы и поют песни, а в Иудее обитают угрюмые фанатики, сухие знатоки уставов. Иисус Назарянин — юноша, выросший в «упоительной» среде Севера. Он чист, наивен, полон нежности и снисходительности к людям. Он проповедует счастливое Царство добрых бедняков, проповедует безоблачную «религию сердца», веру в благого небесного Отца. По выражению Ренана, это был «чистый культ, религия без священников и без обрядности, всецело основанная на влечении сердца, на подражании Богу». В течение года, пишет Ренан, «Бог поистине обитал на земле». Однако идиллия была прервана. «Чарующий Учитель» столкнулся с грозным иудейским пустынником, Иоанном Крестителем. Он-то и внес смущение в сердце Иисуса. Проповедник любви и радости задумал после этой встречи покорять мир более энергично. Он вступает в споры с учеными, совершает мнимые чудеса (или позволяет верить в них), становится резким и нетерпимым, ставит перед своими последователями невыполнимые требования и наконец идет в Иерусалим, чтобы бросить вызов темному царству фарисеев. Словом, жизнь Иисуса Ренан реконструирует по тому же методу контрастов, к какому он прибегал, когда рисовал стилизованные картины природы и быта.

Поход в Иерусалим приводит к трагической развязке. «Второй» Иисус, этот «мрачный гигант», подавивший «первого», кончает жизнь на кресте. Сцену Голгофы Ренан заканчивает панегириком, который в его устах звучит странно и двусмысленно: «Покойся же отныне в славе Своей, благородный Учитель; Твой подвиг совершен: незыблема божественность Твоя. Да не смущается

Дух твой; никакая роковая ошибка не разрушит вовек воздвигнутое Тобою здание...»

Иные наивные читатели принимали подобные хвалы за чистую монету, не замечая, что все это пустая риторика. Ибо чем было восхищаться? Кого изобразил французский беллетрист? Слабого человека, легко подверженного влияниям, жившего иллюзиями и наивными доктринами давно прошедших дней. Человека, готового на «невинные обманы», полного постоянных колебаний и внутренних противоречий.

Невозможно себе представить, чтобы герой этого романа положил начало великой мировой религии, изменившей ход истории.

Обнаружилась и фальшь в призыве Ренана благоговейно относиться к образу Основателя христианства. Это видно хотя бы из его трактовки Гефсиманской молитвы Христа в час Его смертельной скорби. Она истолкована Ренаном в высшей степени тривиально. «Вспомнил ли Он,— пишет романист,— о светлых галилейских ключах, где Ему можно было освежиться; о виноградных кустах и смоковницах, под тенью которых Он мог отдохнуть, или о юных девах, которые, быть может, готовы были полюбить его?» За каждым словом здесь сквозит однаединственная мысль: «Он человек, Он просто человек, Он такой же человек, как мы,— не более». И этого было достаточно, чтобы опошлить, сделать элементарным и плоским трагическое и священное.

Таков был эксперимент Ренана.

Когда прошел первый шок, вызванный его книгой, христианские и нехристианские писатели извлекли из нее немало поучительных уроков. Одни критиковали Ренана за произвол и натяжки, другие, соглашаясь с критиками, учились у него так называемой «исторической живописи». Но большинство прозаиков интуитивно поняли его главный изъян. Выяснилось, что того Христа, который стал «светом миру», изобразить Ренан не смог.

И его неудача определила подходы к евангельской теме почти во всей беллетристике XIX века.

В 1877 году Гюстав Флобер, друг Ренана, создает повесть «Иродиада», первый русский перевод которой был сделан И. С. Тургеневым. В ней мы найдем и подробное описание Иродова дворца у берегов Мертвого моря, и гор, «похожих на гребни окаменелых волн», и сцены прид-

ворных нравов, и филиппики Крестителя против Иродиады, и бури страстей. Нет там лишь одного — Иисуса. Он «скрыт за кадром». Его присутствие в драматических перипетиях повести лишь смутно угадывается.

Флобер по достоинству оценил наиболее сильную сторону книги Ренана — ювелирную отделку «рамы» и сам дальше этой «рамы» пойти не рискнул.

Почти то же самое находим мы у Анатоля Франса, глубокого почитателя Ренана. Впрочем, его новелла «Прокуратор Иудеи» (1892) куда интереснее и глубже, чем произведение Флобера. Автор «Саламбо» дал лишь яркий эпизод из древних времен, любопытный, подобно музейному экспонату. Франс же попытался разобраться в психологии человека, приговорившего к казни Иисуса Назарянина, и найти в ней нечто, присущее многим людям.

Действие происходит через несколько лет после Голгофы. Бывший правитель Иудеи беседует о тех временах с товарищем. Тот напоминает Пилату об Иисусе, казненном по его приказу. Но странное дело — прокуратор ничего не может вспомнить. Даже красота куртизанки Марии Магдалины им не забыта, а смерть Невинного начисто стерлась из его сознания. Напрасно собеседник пытается оживить его память. Пилат лишь упорно твердит: «Нет. Не помню. Ничего не помню».

Франс, вероятно, имел в виду, что распятие какого-то галилеянина было для Пилата событием малопримечательным. Действительно, из исторических свидетельств известно, что прокуратор часто расправлялся с неугодными людьми без суда и следствия. На этом кровавом фоне крест «Царя иудейского» словно бы терялся. Однако, хотел того Франс или нет, читатель чувствует, что дело вовсе не так просто. Римлянин *не желал* помнить о том, что смутно тревожило его совесть...

Как бы то ни было, самого Христа Франс не изображает. Попытку обрисовать Его образ предпринял Оскар Уайльд в своем посмертно изданном произведении «De Profundis», но это не беллетризация Евангелия, а эссе-размышление. «Мне нисколько не трудно,— признавался он,— поверить в волшебное действие Его личности. Я верю, что одно присутствие Его могло приносить мир измученным душам, и те, что касались Его одежды или рук, забывали свою боль; и когда Он шел мимо по большой дороге жизни, люди, для кого до сих пор тайна жизни

оставалась сокрытой, ясно видели ее теперь... И толпа, когда Он проповедовал на склоне холма, забывала голод и жажду и заботы мира сего. И друзьям Его, внимавшим Ему, когда Он сидел за трапезой, грубая пища казалась вкусными яствами, вода — прекрасным вином; и весь дом как будто наполнялся сладким ароматом нарда».

Находясь в тюрьме, Уайльд часто читал Евангелие, но он не скрывает, что его представление о Христе во многом обязано книге Ренана. Она казалась ему «прелестным пятым Евангелием, которое хотелось бы назвать «Евангелием от Фомы». Как и у французского писателя, у Оскара Уайльда во всем господствует эстетический критерий оценок и восприятия. Однако именно этот критерий все же не позволил ему вывести Христа в драме «Саломея» (1893), которая по сюжету близка к «Иродиаде» Флобера, но в отличие от нее пропитана напряженным эротизмом (в драме плясунья Саломея, дочь Иродиады, страстно влюблена в Иоанна Крестителя и губит его за то, что он ее отверг).

Итак, в художественной прозе Флобера, Франса и Уайльда, когда они обращаюся к новозаветным темам, Христос отсутствует. Факт этот, несомненно, заслуживает внимания. Кажется, будто мастера слова смущенно кружат вокруг главной загадки, вокруг главного Лица, не рискуя пересечь границу, которая от Него отделяет...[1]

На рубеже XIX и XX веков художественная литература, казалось, получила новый импульс от обширных исследований историков и критиков, старавшихся избежать ошибок, допущенных Ренаном. В первых рядах мы видим здесь сторонников так называемого «либерального богословия». Они задались целью «освободить Евангелие от легендарных напластований» и найти в нем «чистое учение Иисуса». Корифеем либеральной школы был историк Адольф Гарнак, который сформулировал свои взгляды в лекциях, изданных под названием «Сущность христианства (1901). В этих лекциях Благая Весть Иисусова сводилась лишь к проповеди о Боге как Отце человечества, о ценности души, о нравственном служении идеалу.

От Ренана Гарнак отличался более строгим, объективным подходом к источникам и верой в истинность

[1] Читатель, несомненно, обратит внимание на подобный творческий прием «изображения Христа без Христа» в заключающем нашу книгу произведении А. Володина «Мать Иисуса».

«подлинного христианства, свободного от метафизики и догм» (в то время как Ренан вообще сомневался в возможности познать истину).

Многие писатели схватились за «компас», предложенный Гарнаком.

Но читателей ждало разочарование.

Хотя новый подход в чем-то и был ближе духу Евангелия, чем подход Ренана, он не принес в художественной литературе ожидаемых плодов. Характерным образчиком в этом смысле является роман немецкого писателя Густава Френсена «Святая земля» («Hilligenlei», 1905).

Герой книги, провинциальный юноша Кай Янс, мечтает вырваться из затхлой среды, ищет новых идеалов. Несмотря на бедность, ему удается попасть в университет, где он много размышляет над призванием человека. Результатом его штудий и раздумий становится рукопись, которую он дарит невесте. Рукопись называется «Жизнь Спасителя по новейшим исследованиям, основание, на котором должно созидаться возрождение современного общества».

Сам Френсен в послесловии к роману пишет, что эта вставная глава есть плод «долголетних занятий по этому вопросу и добросовестного изучения всей соответственной научной литературы». Но воистину «гора родила мышь». Сто с небольшим страниц повествования, полных взвинченной риторики, банальных и невыразительных,— в сущности, пересказ все того же Ренана, однако уступающий ему на несколько порядков.

Люди, поясняет Френсен, поверили в воскресение Иисусово потому, что очень этого хотели.

«Он снова придет» — так говорили древние книги... «Он должен прийти...» — так шептали люди и оглядывались с тоской. «Он должен прийти...» — так шептали озеро, и деревья, и ветер ночью в тех местах, где он ходил всего лишь две недели назад. «Я должен еще раз увидеть его,— говорил Петр, отрекшийся от него,— иначе я не могу жить».

«Чу!.. Ты видел что-нибудь, Петр?»

И на следующий день облетела окраину первая молва: на берегу озера, вдоль которого он так часто ходил, Петр вечером увидел Его. Он стоял в темноте — приветливый, светлый призрак — и смотрел на него».

Этими несложными психологическими мотивами и объясняет романист событие, ставшее подлинным началом

христианства. Он мало задумывается над тем, что Моисей и Будда, Исайя и Сократ тоже оставили глубокий след в душах современников, но никто из них не утверждал, будто их великие учителя победили смерть, восстали из гроба.

А что нашел Френсен оригинального в той вере в «вечное Могущество», которое, по его словам, составляет суть учения Христа? Ведь подобную веру можно найти во многих священных книгах мира. «Либеральное богословие» и его приверженец Френсен не дают на это внятного, убедительного ответа.

Через год после выхода «Hilligenlei» появилась работа Альберта Швейцера, религиозного философа и музыканта. Во втором издании она была названа «История поисков жизни Иисуса». Проследив попытки реконструкции евангельской истории в XVIII—XIX веках, Швейцер убедился, что беллетристы и историки в равной степени были субъективны. Каждый из них видел в Евангелии только то, что хотел, что подсказывали ему его воззрения. Но странный парадокс! Сам же Швейцер не устоял перед искушением и в конце книги дал собственную версию жизни Христа, недалеко ушедшую от «либеральной», против которой он ополчался.

После выхода книги Швейцера стало модным утверждать, что он «похоронил надежды достоверно изобразить личность Иисуса Назарянина». Однако вопреки ожиданиям именно тогда на книжный рынок буквально хлынул поток новых интерпретаций Евангелия, литературных и научных, христианских и нехристианских.

Любопытно, однако, что новые «ключи» к художественному решению задачи так и не были найдены. Морис Метерлинк пошел по пути Флобера, Франса и Уайльда. В драме «Мария Магдалина» (1909) он изображает внутренний конфликт раскаявшейся грешницы. Римлянин предлагает ей вернуться к прежней распутной жизни, за что обещает спасти Иисуса. Но она отказывается, сохраняя верность заветам Учителя. Христа в драме нет.

Герхарт Гауптман вдохновляется полотнами западных живописцев, нередко изображавших Христа на фоне современной жизни, и пишет роман «Юродивый во Христе Эмануэль Квинт» (1910). Его герой живет в начале нашего столетия. Он в чем-то похож на Христа; многие события его жизни по-своему повторяют евангельскую историю. И в конце концов он приходит к мысли, что

Христос реально воплотился в нем. Правда, Эмануэля не распинают, но он подвергается общественному остракизму и странствует, побираясь, по городам и селам. Причем всюду повторяется одна и та же сцена. Когда у порога его спрашивают: «Кто тут?», он отвечает: «Христос»,— и дверь немедленно захлопывается...

«Невольно приходится благодарить небо,— пишет Гауптман с мрачной иронией,— за то, что этот странник — только несчастный земной юродивый, а не сам Христос...» Затем неожиданно писатель добавляет загадочные слова: «Как знать, не был ли это в конце концов настоящий Спаситель, который в одежде бедного юродивого захотел посмотреть, насколько созрел его посеянный Богом посев, посев царства?»

Эмануэль погибает в горах. Тайна остается неразгаданной. Таким образом, Гауптман умело оградил себя от упрека в том, что профанировал образ Иисуса. Ведь он в любой момент мог сказать: это не Спаситель — это просто «бедный юродивый». И хорошо, что эта оговорка имелась у него про запас. Слишком жалок и курьезен его герой, хотя в какие-то моменты в нем и чувствуются черты духовного величия.

Было бы удивительно, если бы в наш век революций не появились также книги, рисующие Христа вождем восстания. И таких романов, эссе и исследований действительно было много. В 20-е годы среди них наибольшую известность приобрел апокриф Анри Барбюса «Иисус» (1927), написанный в подражание Евангелиям и даже разделенный, как они, на главы и стихи. К этой книге примыкает исторический очерк «Иуды Иисуса» (1927; в русском переводе «Иисус против Христа». М.; Л., 1928) и драма-мистерия «Иисус против бога» (1927), изданная только по-русски (1971). В этих трех произведениях Барбюс дает свою радикальную интерпретацию Евангелия. Те тексты, которые дошли до нас, утвержает французский писатель, полностью фальсифицированы. Иисус остался непонятым из-за тех, кто исказил его проповедь. В действительности он был революционером и атеистом, мечтавшим об освобождении человечества от гнета всех властей. Однако даже в антирелигиозной литературе было признано, что подобная концепция построена на песке. Не говоря уж об абсурдности самой мысли об «атеизме Иисуса», в Евангелиях мы не находим даже намека, что Христос одобрял зелотов — группировку, которая призывала к восстанию.

В попытке Барбюса и других, так или иначе разделявших его трактовку (А. Робертсон, Дж. Кармайкл и др.), нашли подтверждение слова Гарнака, который писал: «Есть нечто трогательное в этом стремлении всех и каждого подойти к этому Иисусу Христу со стороны своей личности и своих интересов, найти в Нем самого себя или получить бы некоторую долю в Нем».

Тем временем научные исследования Евангелий набирали силу. Картина уточнялась, оставляя все меньше места произвольным догадкам и фантазиям. Поэтому, когда немецкий писатель Эмиль Людвиг, автор ряда талантливых беллетризированных биографий, взялся за книгу о Христе, он старался по возможности держаться источников и данных истории. Повествование было названо «Сын человеческий» и вышло в 1928 году. Людвиг решительно отбросил попытки перефразировать и дополнять слова Христа, приведенные в Новом Завете. «Кто бы ни пытался,— писал он,— вложить свои слова в уста Иисуса, тот должен обладать интуитивной силой, по меньшей мере равной Его силе. Поэтому каждое слово Иисуса и каждое из Его деяний должно быть взято из одного из Евангелий». Но Людвиг не избежал другой ошибки. Ему хотелось проникнуть во внутренний мир своего Героя, постичь сокровенную динамику Его самосознания. Такого рода анализ, трудный в воссоздании любого другого великого образа, неизбежно вел к снижению и упрощению. Людвиг не сумел по достоинству оценить сдержанность евангелистов, которые всегда показывали Христа «извне», таким, каким Его видели и слышали люди.

Можно сказать, что полной противоположностью книге Людвига явилась «Жизнь Иисуса», написанная классиком французской литературы Франсуа Мориаком (1936). И уж никак она не напоминает Ренана, несмотря на тождество названия.

Если Людвиг сознательно старался избегать богословских аспектов темы, то Мориак — христианин и нисколько не затушевывает этого. Он смотрит на Спасителя глазами евангелистов и разделяет их веру. Более того, он подчеркивает, что не ради Церкви принимает веру в Христа, а ради Христа принимает Церковь.

Лаконично, благоговейно, бережно рассказывает он о том, что происходило. Скупыми штрихами мастерски

набрасывает он портреты людей, окружавших Христа, показывает различную их реакцию на Его слова и поступки. Он словно отражен в них. И в итоге книга оставляет впечатление встречи, встречи с Непостижимым, с Любовью, которая открыта всем.

С середины XX века в художественной литературе на евангельскую тему закрепляются две тенденции. Обе они так или иначе учитывают эксперимент Ренана. Но одна сохраняет христианский взгляд, взгляд евангелистов, другая упорно продолжает искать чисто «земные» подходы к теме.

Вторая версия развивается у шведа Пера Лагерквиста и грека Никоса Казандзакиса.

Роман Казандзакиса «Последнее искушение» (1952) представляет собой лишь разработку того довольно элементарного толкования Гефсиманской молитвы Христа, которое предложил Ренан и о котором мы уже говорили. Книга была недавно экранизирована, и фильм вызвал у многих резкий протест. Повесть Лагерквиста «Варавва» (1950) преследует более широкие цели. Умирающему на кресте Иисусу противопоставлен разбойник, освобожденный по решению толпы и Пилата. Варавве чужда и непонятна евангельская заповедь любви, он больше доверяет силе. Однако этот суровый и грубоватый человек не может освободиться от впечатления, которое произвели на него события, связанные с его освобождением. Он словно становится невольным двойником Христа.

Потом, лет тридцать спустя, Варавва оказывается среди римских христиан. И когда начинается пожар города, в разбойнике на миг вспыхивает вера, что пришел истинный Христос — грозный мститель, и Варавва, желая помочь ему, швыряет в дома горящие головни. А затем арест и казнь на кресте, которой Варавве так и не удалось избежать. Но в отличие от христиан, разбойник умирает без веры и надежды, отдавая свою душу тьме...

В 1953 году вышел роман польского писателя Яна Добрачинского «Письма Никодима». Автор — католик, сознательно возродивший жанр древних апокрифов. Рассказ ведется от лица ученого-иудея, члена Совета, упоминаемого в Евангелии от Иоанна. Книга состоит из цикла писем, которые Никодим отправляет на Запад своему другу Юстусу. Тем самым Добрачинский избегает рискованных опытов Ренана и Людвига, пытавшихся раскрыть мысли и чувства Христа. Все факты — от проповеди

Крестителя до последних явлений Воскресшего — преломлены через восприятие и мысли Никодима и других действующих лиц романа. Надо сказать, имитация подлинных писем автору едва ли удалась. В них слишком много пейзажей и описаний, которые кажутся неуместными в частной корреспонденции тех времен. Кроме того, автор часто измышляет слова Христа, отсутствующие у евангелистов. И на этом примере читатель может убедиться, насколько прав был Людвиг, предостерегая от подобной вольности.

Однако не случайно роман был переведен на все европейские языки и много раз переиздавался. Добрачинский тонко раскрывает внутренние колебания и сомнения Никодима, его путь к вере через все препятствия. Боль за умирающего близкого человека, которая создает трагический фон всего романа, делает его живым и очень личным. Исторический колорит, подчас несколько загромождающий «Письма», не умаляет этого свойства книги. Ее успех обусловлен неумирающим интересом к самой теме, причем трактуемой без излишних натяжек, наиболее близко к первоисточнику. Добрачинский помог читателю зримо представить события, почти участвовать в них вместе с героями романа. И это несмотря на то, что сам образ Христа в романе не обладает той яркостью, которая присуща ему в Евангелиях.

Здесь нет ничего удивительного. Для художественной литературы подобная задача так и осталась непосильной. Пожалуй, единственный из беллетристов нашего века, который с ней справился,— это Клайв Стейплз Льюис. Но в его цикле о фантастической стране Нарнии дан не исторический Христос; Его символизирует образ священного Льва Аслана. Однако этот иносказательный образ ближе к евангельскому Христу по духу, чем все попытки романистов «живописать» события Нового Завета.

Теперь коротко остановимся на недавно написанных книгах Генрика Панаса и Мигеля Отеро Сильвы, которые вскоре же были переведены на русский язык.

В романе «Евангелие от Иуды» (1973) Г. Панас предпочел вести рассказ не от лица человека, взыскующего веры и нашедшего ее, а остановился на апостоле-предателе. Трудно сомневаться, что в какой-то степени выбор был чисто личным, автобиографическим. Этим же, наверно, объясняется и то, что Ииуда Панаса — фигура несколько необычная для окружения Христа.

Согласно роману, он вырос в Александрии в богатой семье, получил обширное западное образование. Иуда — типичный скептик, прошедший путь богоискательства и не приставший ни к какому берегу. Финансовые дела семейной фирмы поглощают его энергию, а душа погружена в беспросветную меланхолию.

Но вот он встречает красавицу Марию Магдалину, презираемую всеми за связь с римлянином-поработителем. Иуда пытается с помощью обмана завоевать ее, но внезапно у него появляются иные соперники. Мария примыкает к ученикам Иисуса и отдает свое сердце новому Учителю.

Свои записки о происшедшем он составляет уже в глубокой старости, обращаясь к некоему другу.

И вновь тень Ренана возникает на страницах книги. Панас готов принять ряд его сомнительных гипотез, в частности, в том, как встреча с Крестителем изменила проповедь Иисуса. И сам Иисус в романе человек слабый, нерешительный, словно плывущий по течению. Он знает, что ученики готовят мятеж против Рима (это уже мотив из Барбюса), однако, не веря в успех, все же не останавливает их. Предпочитает погибнуть вместе с ними. Только Иуда, ум которого Он разглядел, своевременно «выводится из игры», чтобы потом поведать о чем-то важном (о чем, не совсем ясно).

Бунт подавлен. Предводитель умер на кресте. Но Марию Иуде заполучить не удалось. Ее экзальтация породила веру в Воскресение (опять-таки все по Ренану). И даже Иуда на миг поколебался в своем скептицизме, слушая ее восторженные слова. Однако, как и следовало ожидать, гипноз очень скоро прошел.

Глубокое противоречие свойственно роману: с одной стороны, он насыщен реалиями религиозно-общественной и политической жизни I века, цитатами из древних текстов, а с другой — дает совершенно произвольную трактовку евангельских событий, которую нельзя даже назвать гипотетической реконструкцией.

Иначе построен роман Мигеля Отеро Сильвы «И стал тот камень Христом». Почти вся книга состоит из диалогов и длинных монологов, по большей части — парафразов традиционного текста. Цель этих парафразов — приблизить его к современному языку и мышлению. В целом задача актуализировать Евангелие выполняется.

Почему же М. Отеро Сильва, коммунист, взялся за книгу о Христе?

3 Заказ № 313

По той же причине, почему за эту тему брались и верующие, и атеисты, и скептики. Очевидно, и по прошествии двух тысяч лет не иссякло магнетическое притяжение Евангелия, заставляющее возвращаться к нему вновь и вновь. В поисках фундаментальных ценностей обойти его невозможно.

Евангелие возносит человеческую личность на небывалую высоту, видя в ней отображение Вечности. Для Евангелия бытие не бессмысленный ход вещей, не абсурд, а борьба светлого духовного начала против губительных стихий ненависти, эгоцентризма, суетности, приземленности. Человек, по Евангелию, не случайный продукт вещества, рожденный на миг из тьмы и обреченный во тьме угаснуть. Он — носитель бессмертного духа, дитя небесного Отца, призванное к высшей задаче: восходить к своему первообразу через второе рождение, «рождение в духе».

Цель всего созданного — Царство Божие, когда будут повержены зло и смерть. Но уже сейчас, учит Евангелие, в нашем несовершенном мире, Царство это присутствует, хотя и «неприметным образом». Оно осуществляется в единении со Спасителем, победившим смерть, в заповеданной Им жертвенной любви, в открытости человека человеку и людей — Запредельному.

Христос не призывает к бегству от жизни. Евангельский идеал должен стать действенным в самом его средоточии. Природа, труд, плоть должны одухотворяться и преображаться. И в этом человек — свободный соучастник Творца. Абсолютное доверие к Нему, служение Ему, углубление человечности приближает Царство.

Христос сказал ученикам, что останется с ними «до скончания века». Останется не Его «учение», а Он — Воскресший, лик божественной тайны, явленной миру. Вот почему неудача постигла всех тех, кто хотел представить Его только учителем морали. Он бесконечно больше, чем мудрец, изрекающий этические афоризмы. Подобные изречения можно в изобилии найти у философов и в древних священных книгах. Сила Евангелия не в новой системе нравственности как таковой, а в центральном Образе, который мы в нем находим.

Сегодня историки все больше убеждаются, что в Евангелии запечатлелась исключительно древняя традиция, живая память свидетелей тех удивительных событий. Но независимо от выводов исторической критики ясно,

что за таким текстом, как четыре Евангелия, стоит особая реальность. Гёте говорил: «Я все четыре Евангелия считаю несомненно подлинными, так как на всех них лежит отблеск той духовной высоты, источником которой была личность Христа и которая является божественной более, чем что-нибудь на земле».

Когда-то Михаилу Пришвину задали вопрос: «Христос ли создал себя или Его создали другие люди?», то есть евангелисты, церковники, творцы народных легенд. И писатель ответил: «Христос — причина веры». Таков ответ христианского сознания на загадку, которую ставит перед миром Евангелие. Почти двадцать веков питает оно мировую культуру, оставаясь неисчерпаемым, способным вдохновлять, волновать, будить раздумья о жизни, смерти, вечности и человеческом призвании на земле.

г. Загорск

М.

Евангелие от Матфея

1 Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына
Авраамова.
2 Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков
родил Иуду и братьев его; 3 Иуда родил Фареса и Зару
от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама;
4 Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наас-
сон родил Салмона; 5 Салмон родил Вооза от Рахавы;
Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; 6 Иессей
родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от быв-
шей за Уриею; 7 Соломон родил Ровоама; Ровоам родил
Авию; Авия родил Асу; 8 Аса родил Иосафата; Иосафат

Примечание. *Курсивом* набраны слова, внесенные в русский перевод для ясности речи.

Глава 1. [1] Лк 3, 23. [2] Быт 21, 2; 25, 26; 29, 35. [3] Быт 38, 30; 46, 12. Руфь 4, 18. 1 Пар 2, 5. [5] Руфь 4, 21. 1 Пар 2, 11. [6] 1 Цар 17, 12. 2 Цар 12, 24. [7] 3 Цар 11, 43; 14, 31; 15, 8. 1 Пар 3, 10. [10] 4 Цар

родил Иорама; Иорам родил Озию; [9] Озия родил Иоа-
фама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; [10] Езе-
кия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил
Иосию; [11] Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию
и братьев его, перед переселением в Вавилон. [12] По пере-
селении же в Вавилон, Иехония родил Салафииля; Сала-
фииль родил Зоровавеля; [13] Зоровавель родил Авиуда;
Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; [14] Азор
родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуда;
[15] Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Мат-
фан родил Иакова; [16] Иаков родил Иосифа, мужа Марии,
от Которой родился Иисус, называемый Христос. [17] Итак
всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов;
и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать ро-
дов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать
родов.

[18] Рождество Иисуса Христа было так: по обручении
Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались
они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Свя-
таго. [19] Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая
огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. [20] Но когда он
помыслил это,— се, Ангел Господень явился ему во сне и
сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию,
жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Свя-
таго; [21] родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус,
ибо Он спасет людей Своих от грехов их. [22] А все сие
произошло, да сбудется реченное Господом через про-
рока, который говорит: [23] се, Дева во чреве приимет и
родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит:
с нами Бог. [24] Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел
ему Ангел Господень, и принял жену свою, [25] и не знал
Ее. [*Как*] наконец Она родила Сына Своего первенца,
и он нарек Ему имя: Иисус.

2 Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском
во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы *
с востока и говорят: [2] где родившийся Царь Иудей-

* Мудрецы.

20, 21. 1 Пар 3, 13. [11] 4 Цар 23, 34; 24, 6. 1 Пар 3, 16. 2 Пар 36, 4. [12] 1 Пар 3, 17. 2 Пар 36, 8. 1 Езд 3, 2; 5, 2. [18] Лк 1, 27. [21] Лк 1, 31. Деян 4, 12. 1 Ин 2, 2. Рим 3, 24. [23] Ис 7. 14. [25] Лк 2, 21.

Глава 2. [1] Лк 2, 6. [2] Чис 24, 17. Ис. 60, 3. [6] Мих 5, 2. Ин 7,

ский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли
поклониться Ему. 3 Услышав это, Ирод царь встревожился,
и весь Иерусалим с ним. 4 И, собрав всех первосвящен-
ников и книжников народных, спрашивал у них: где должно
родиться Христу? 5 Они же сказали ему: в Вифлееме
Иудейском, ибо так написано через пророка: 6 и ты, Виф-
леем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных,
ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ
Мой, Израиля. 7 Тогда Ирод, тайно призвав волхвов,
выведал от них время появления звезды 8 и, послав их
в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Мла-
денце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне
пойти поклониться Ему. 9 Они, выслушав царя, пошли.
[И] се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед
ними, *как* наконец пришла и остановилась над *местом*,
где был Младенец. 10 Увидев же звезду, они возрадо-
вались радостью весьма великою, 11 и, войдя в дом, увидели
Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились
Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото,
ладан и смирну. 12 И, получив во сне откровение не
возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

13 Когда же они отошли,— се, Ангел Господень яв-
ляется во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Мла-
денца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе
не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы
погубить Его. 14 Он встал, взял Младенца и Матерь Его
ночью и пошел в Египет, 15 и там был до смерти Ирода,
да сбудется реченное Господом через пророка, который
говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего.

16 Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами,
весьма разгневался и послал избить всех младенцев в
Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже,
по времени, которое выведал от волхвов. 17 Тогда сбылось
реченное через пророка Иеремию, который говорит: 18 глас
в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль
плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет.

19 По смерти же Ирода,— се, Ангел Господень во
сне является Иосифу в Египте 20 и говорит: встань,

42. [11] Ис 60, 6. [15] Ос 11, 1. [18] Иер 31, 15. [23] Суд 13, 5. Ис 11, 1—2.

возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израи-
леву, ибо умерли искавшие души Младенца. [21] Он встал,
взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израи-
леву. [22] Услышав же, что Архелай царствует в Иудее
вместо Ирода, отца своего, убоялся туда идти; но, полу-
чив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские
[23] и, придя, поселился в городе, называемом Назарет,
да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем
наречется.

3 В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует
в пустыне Иудейской [2] и говорит: покайтесь, ибо
приблизилось Царство Небесное. [3] Ибо он тот, о кото-
ром сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне;
приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.
[4] Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса
и пояс кожаный на чреслах своих, а пищею его были
акриды и дикий мед. [5] Тогда Иерусалим и вся Иудея
и вся окрестность Иорданская выходили к нему [6] и кре-
стились от него в Иордане, исповедуя грехи свои. [7] Уви-
дев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих
к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины!
кто внушил вам бежать от будущего гнева? [8] сотворите
же достойный плод покаяния [9] и не думайте говорить
в себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что Бог
может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. [10] Уже
и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не
приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.
[11] Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною
сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет
крестить вас Духом Святым и огнем; [12] лопата * Его в
руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу
Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым.

[13] Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к
Иоанну креститься от него. [14] Иоанн же удерживал Его
и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли при-

---

* Которою веют хлеб.

Глава 3. [1] Мк 1, 4. Лк 3, 3. Ин 1, 28. Деян 13, 24. [3] Ис 40, 3. Мк 1, 3. Лк 3, 4. Ин 1, 23. [4] Мк 1, 6. [7] Мф 23, 33. Лк 3, 7. [9] Ин 8, 39. Деян 13, 26. [10] Мф 7, 19. [11] Мк 1, 8. Лк 3. 16. Ин 1, 26. Деян 1, 5; 2, 2—4. [12] Лк 3, 17. [13] Мк 1, 9. Лк 3, 21. [16] Мк 1, 10. Лк 3, 21. Ин 1, 32. [17] Мк 1, 11. Лк 3, 22. Ин 5, 37. 2 Пет 1, 17. Кол. 1, 13.

ходишь ко мне? 15 Но Иисус сказал ему в ответ: оставь
теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду.
Тогда *Иоанн* допускает Его. 16 И, крестившись, Иисус
тотчас вышел из воды,— и се, отверзлись Ему небеса, и
увидел *Иоанн* Духа Божия, Который сходил, как голубь,
и ниспускался на Него. 17 И се, глас с небес глаголющий:
Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благо-
воление.

4 Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для
искушения от диавола, 2 и, постившись сорок дней
и сорок ночей, напоследок взалкал. 3 И приступил
к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи,
чтобы камни сии сделались хлебами. 4 Он же сказал ему
в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек,
но всяким словом, исходящим из уст Божиих. 5 Потом
берет Его диавол в святой город и поставляет Его на
крыле храма, 6 и говорит Ему: если Ты Сын Божий,
бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает
о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься
о камень ногою Твоею. 7 Иисус сказал ему: написано
также: не искушай Господа Бога твоего. 8 Опять берет
Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему
все царства мира и славу их, 9 и говорит Ему: всё это
дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. 10 Тогда Иисус
говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Гос-
поду Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.
11 Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили
и служили Ему.

12 Услышав же Иисус, что Иоанн отдан *под стражу*,
удалился в Галилею 13 и, оставив Назарет, пришел и
поселился в Капернауме приморском, в пределах Заву-
лоновых и Неффалимовых, 14 да сбудется реченное через
пророка Исаию, который говорит: 15 земля Завулонова
и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом,
Галилея языческая, 16 народ, сидящий во тьме, увидел
свет великий, и сидящим в стране и тени смертной
воссиял свет. 17 С того времени Иисус начал проповеды-
вать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство
Небесное.

Глава 4. [4] Втор 8, 3. Лк 4, 4. [6] Пс 90, 11—12. Лк. 4, 10. [7] Втор 6, 16. Лк 4, 12. [10] Втор 6, 13; 10, 20. Лк 4, 8. [12] Мк 1, 14. Лк 4,

18 Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел
двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея,
брата его, закидывающих сети в море, ибо они были
рыболовы. 19 И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю
вас ловцами человеков. 20 И они тотчас, оставив сети,
последовали за Ним. 21 Оттуда, идя далее, увидел Он
других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата
его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих
сети свои, и призвал их. 22 И они тотчас, оставив лодку
и отца своего, последовали за Ним.

23 И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах
их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую
болезнь и всякую немощь в людях. 24 И прошел о Нем
слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных,
одержимых различными болезнями и припадками, и бесно-
ватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их.
25 И следовало за Ним множество народа из Галилеи
и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана.

5 Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел,
приступили к Нему ученики Его. 2 И Он, отверзши
уста Свои, учил их, говоря:

3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

14. Ин 4, 43. [16] Ис 9, 1—2. [17] Мк 1, 15. [18] Мк 1, 16. [24] Мк 6, 55. [25] Лк 6, 17.

Глава 5. [3] Лк 6, 20. [4] Ис 61, 2—3. Лк 6, 21. [5] Пс 36, 11. [8] Пс 23, 4. [9] Евр 12, 14. [10] 1 Пет 3, 14. [11] Лк 6, 22. 1 Пет 4, 14. [12] Мф 21, 35. [13] Мк 9, 50. Лк 14, 34. [14] Флп 2, 15. [15] Мк 4, 21. Лк 8, 16; 11, 33. [16] Пет 2, 12. Флп 2, 15. [18] Лк 16, 17. [21] Исх 20, 13. Втор 5, 17. Мф 19, 18. Мк 10, 19. Лк 18, 20.

[9] Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

[10] Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

[11] Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

[12] Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали *и* пророков, бывших прежде вас.

[13] Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям.

[14] Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоя-
щий на верху горы. [15] И, зажегши свечу, не ставят
ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.
[16] Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они
видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

[17] Не думайте, что Я пришел нарушить закон или
пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. [18] Ибо
истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля,
ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока
не исполнится все. [19] Итак, кто нарушит одну из запо-
ведей сих малейших и научит так людей, тот малейшим
наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит,
тот великим наречется в Царстве Небесном. [20] Ибо, го-
ворю вам, если праведность ваша не превзойдет правед-
ности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство
Небесное.

[21] Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто
же убьет, подлежит суду. [22] А Я говорю вам, что всякий,

[25] Лк 12, 58. [27] Исх 20, 14. Втор 5, 18. [29] Втор 13, 6—8. Мф 18, 8—9. Мк 9, 43, 47. [31] Втор 24, 1. Мф 19, 7. Мк 10, 4, 11. Лк 16, 18. 1 Кор 7, 10. [33] Лев 19, 12. Втор 23, 21. Исх 20, 7. [37] Иак 5, 12. [38] Исх 21, 24. Лев 24, 20. Втор 19, 21. [39] Лк 6, 29. Иак 3, 13. Рим 12, 17. 1 Кор 6, 7. 1 Фес 5, 15. [42] Втор 15, 7. Лк 6, 34. [43] Лев 19, 18. Мф 22, 39. Мк 12, 31. Иак 2, 8. Рим 13, 9. [44] Лк 6, 27; 23, 34. Деян 7, 60. 1 Кор 4, 12. [45] Лк 6, 35.

гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака́» *, подлежит синедриону **; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.
23 Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,
24 оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.
25 Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу;
26 истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

27 Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.
28 А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.
29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.
30 И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

31 Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.
32 А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

33 Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.
34 А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;
35 ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;
36 ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.
37 Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

---

* Пустой человек.

** Верховное судилище.

[38] Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.
[39] А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит
тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; [40] и
кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку,
отдай ему и верхнюю одежду; [41] и кто принудит тебя
идти с ним одно поприще, иди с ним два. [42] Прося-
щему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвра-
щайся.
[43] Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего
и ненавидь врага твоего. [44] А Я говорю вам: любите
врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благо-
творите ненавидящим вас и молитесь за обижающих
вас и гонящих вас, [45] да будете сынами Отца вашего
Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить
над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных
и неправедных. [46] Ибо если вы будете любить любящих
вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари *?
[47] И если вы приветствуете только братьев ваших, что
особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

[48] Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш
Небесный.

6 Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми
с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам
награды от Отца вашего Небесного. [2] Итак, когда
творишь милостыню, не труби перед собою, как делают
лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли
их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду
свою. [3] У тебя же, когда творишь милостыню, пусть
левая рука твоя не знает, что делает правая, [4] чтобы
милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное,
воздаст тебе явно.

[5] И, когда молишься, не будь, как лицемеры, кото-
рые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь,
молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю
вам, что они уже получают награду свою. [6] Ты же, когда

* Сборщики податей.

Глава 6. [2] Рим 12, 8. [9] Лк 11, 2. [14] Сир 28, 2. Мк 11, 25. [20] Лк 12, 21, 33. 1 Тим 6, 19. [22] Лк 11, 34. [24] Лк 16, 13. [25] Пс 54, 23. Лк 12, 22. 1 Пет 5, 7. [33] Мк 10, 30. Лк 12, 31. 1 Тим 4, 8.

молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою,
помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой,
видящий тайное. воздаст тебе явно. [7] А молясь, не говорите
лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии
своем будут услышаны; [8] не уподобляйтесь им, ибо знает
Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего
прошения у Него. [9] Молитесь же так:

Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;
[10] да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на
земле, как на небе; [11] хлеб наш насущный дай нам на
сей день; [12] и прости нам долги наши, как и мы прощаем
должникам нашим; [13] и не введи нас в искушение, но
избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила
и слава во веки. Аминь.

[14] Ибо если вы будете прощать людям согрешения
их, то простит и вам Отец ваш Небесный, [15] а если
не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш
не простит вам согрешений ваших.

[16] Также, когда поститесь, не будьте унылы, как
лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица,
чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю
вам, что они уже получают награду свою. [17] А ты, когда
постишься, помажь голову твою и умой лице твое, [18] чтобы
явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом
твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное,
воздаст тебе явно.

[19] Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль
и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут,
[20] но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль,
ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и
не крадут, [21] ибо где сокровище ваше, там будет и сердце
ваше.

[22] Светильник для тела есть око. Итак, если око твое
будет чисто, то всё тело твое будет светло; [23] если же
око твое будет худо, то всё тело твое будет темно. Итак,
если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

[24] Никто не может служить двум господам: ибо или
одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному
станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете

служить Богу и маммоне *. [25] Посему говорю вам: не
заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни
для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли
пищи, и тело одежды?

[26] Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут,
ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает
их. Вы не гораздо ли лучше их? [27] Да и кто из вас, за-
ботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть?
[28] И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые
лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; [29] но гово-
рю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался
так, ка́к всякая из них; [30] если же траву полевую, кото-
рая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так
одевает, кольми паче вас, маловеры! [31] Итак не заботьтесь
и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что
одеться? [32] Потому что всего этого ищут язычники, и по-
тому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду
во всем этом. [33] Ищите же прежде Царства Божия и
правды Его, и это все приложится вам. [34] Итак не
заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет
заботиться о своем: довольно для *каждого* дня своей
заботы.

7 Не судите, да не судимы будете, [2] ибо каким судом
судите, *таким* будете судимы, и какою мерою мерите,
такою и вам будут мерить. [3] И что ты смотришь
на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не
чувствуешь? [4] Или как скажешь брату твоему: «дай, я
выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно?
[5] Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда
увидишь, *как* вынуть сучок из глаза брата твоего.

[6] Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга
вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами
своими и, обратившись, не растерзали вас.

[7] Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; сту-
чите, и отворят вам; [8] ибо всякий просящий получает,

---

* Богатству.

Глава 7. [1] Лк 6, 37. Рим 2, 1. 1 Кор 4, 5. [2] Мк 4, 24. Лк 6, 38. [3] Лк 6, 41. [7] Мф 21, 22. Мк 11, 24. Лк 11, 9. Ин 14, 13. Иак 1, 6. [9] Лк 11, 11.

и ищущий находит, и стучащему отворят. 9 Есть ли между
вами такой человек, который, когда сын его попросит
у него хлеба, подал бы ему камень? 10 и когда попросит
рыбы, подал бы ему змею? 11 И так, если вы, будучи злы,
умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец
ваш Небесный даст блага просящим у Него.

12 Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали
люди, та́к поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и
пророки.

13 Входите тесными вратами, потому что широки́ врата
и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут
ими; 14 потому что тесны́ врата и узок путь, ведущие
в жизнь, и немногие находят их.

15 Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам
в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. 16 По
плодам их узна́ете их. Собирают ли с терновника вино-
град, или с репейника смоквы? 17 Та́к всякое дерево доб-
рое приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит
и плоды худые. 18 Не может дерево доброе приносить
плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.
19 Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают
и бросают в огонь. 20 Итак по плодам их узна́ете их.
21 Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет
в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего
Небесного. 22 Многие скажут Мне в тот день: Господи!
Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали?
и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли
именем многие чудеса творили? 23 И тогда объявлю им:
Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие
беззаконие.

24 Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и испол-
няет их, уподоблю мужу благоразумному, который постро-
ил дом свой на камне; 25 и пошел дождь, и разлились
реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не
упал, потому что основан был на камне. 26 А всякий,

[12] Тов 4, 15. Лк 6, 31. [13] Лк 13, 24. [15] Иер 23, 16. Мф 24, 4. 1 Ин 4, 1. [18] Лк 6, 43. [19] Мф 3, 10. Ин 15, 6. [21] Лк 6, 46. Ин 6, 40. Иак 1, 22. Рим 2, 13. [23] Пс 6, 9. Лк 13, 25, 27. [24] Лк 6, 47—48. [28] Мф 22, 33. Мк 1, 22. Лк 4, 32.

кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой
на песке; [27] и пошел дождь, и разлились реки, и подули
ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

[28] И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился
учению Его, [29] ибо Он учил их, как власть имеющий,
а не как книжники и фарисеи.

8 Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало
множество народа. [2] И вот подошел прокаженный и,
кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь
меня очистить. [3] Иисус, простерши руку, коснулся его
и сказал: хочу, очистись. И он тотчас очистился от проказы. [4] И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай, но пойди, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им.

[5] Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему по-
дошел сотник и просил Его: [6] Господи! слуга мой лежит
дома в расслаблении и жестоко страдает. [7] Иисус гово-
рит ему: Я приду и исцелю его. [8] Сотник же, отвечая,
сказал: Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой;
[9] ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает.
[10] Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры.
[11] Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве
Небесном; [12] а сыны царства извержены будут во тьму
внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. [13] И сказал
Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час.

[14] Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, [15] и коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им.

Глава 8. [2] Мк 1, 40. Лк 5, 12. [4] Лев 14, 3—4. Мк 1, 44. Лк 5, 14. [5] Лк 7, 2.
[12] Мф 22, 13. [14] Мк 1, 29—30. Лк 4, 38 [16] Мк 1, 32. Лк 4, 40.

[16] Когда же настал вечер, к Нему привели многих
бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех
больных, [17] да сбудется реченное через пророка Исаию,
который говорит: Он взял на Себя наши немощи и понес
болезни.

[18] Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа,
велел [ученикам] отплыть на другую сторону. [19] Тогда
один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду
за Тобою, куда бы Ты ни пошел. [20] И говорит ему Иисус:
лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын
Человеческий не имеет, где приклонить голову. [21] Другой
же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне
прежде пойти и похоронить отца моего. [22] Но Иисус сказал
ему: иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих
мертвецов.

[23] И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали
ученики Его. [24] И вот, сделалось великое волнение на
море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал.
[25] Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его
и сказали: Господи! спаси нас, погибаем. [26] И говорит
им: что вы *так* боязливы, маловерные? Потом, встав,
запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина.
[27] Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры
и море повинуются Ему?

[28] И когда Он прибыл на другой берег в страну
Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие
из гробов *, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем. [29] И вот, они закричали: что Тебе до
нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени
мучить нас. [30] Вдали же от них паслось большое стадо
свиней. [31] И бесы просили Его: если выгонишь нас, то
пошли нас в стадо свиней. [32] И Он сказал им: идите.
И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, всё стадо
свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде.
[33] Пастухи же побежали и, придя в город, рассказали
обо всем и о том, что было с бесноватыми. [34] И вот,

---

* Из пещер, где погребали.

[17] Ис 53, 4. 1 Пет 2, 24. [19] Лк 9, 57. [22] Лк 9, 60. [23] Мк 4, 35—36. Лк 8, 22. [28] Мк 5, 1—2. Лк 8, 27. [29] Мк 1, 24.

весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили,
чтобы Он отошел от пределов их.

9 Тогда Он, войдя в лодку, переправился *обратно* и
прибыл в Свой город. [2] И вот, принесли к Нему
расслабленного, положенного на постели. И, видя
Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! про-
щаются тебе грехи твои. [3] При сем некоторые из книж-
ников сказали сами в себе: Он богохульствует. [4] Иисус
же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите
худое в сердцах ваших? [5] ибо что легче сказать: про-
щаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? [6] Но
чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть
на земле прощать грехи,— тогда говорит расслабленному:
встань, возьми постель твою, и иди в дом твой. [7] И он
встал, *взял постель свою* и пошел в дом свой. [8] Народ
же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую
власть человекам.

[9] Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего
у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй
за Мною. И он встал и последовал за Ним. [10] И когда
Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли
и возлегли с Ним и учениками Его. [11] Увидев то, фари-
сеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и
пьет с мытарями и грешниками? [12] Иисус же, услышав
это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но
больные, [13] пойдите, научитесь, что́ значит: милости хочу,
а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников,
но грешников к покаянию.

[14] Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и гово-
рят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики
не постятся? [15] И сказал им Иисус: могут ли печалиться
сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут
дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься.
ся. [16] И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты
из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от ста-
рого, и дыра будет еще хуже. [17] Не вливают также вина
молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино

Глава 9. [1] Мк 2, 1. [2] Мк 2, 3. Лк 5, 18. [5] Мк 2, 9. Лк 5, 23. [9] Мк 2, 14. Лк 5, 27. [13] Ос 6, 6. Мф 12, 7. Мк 2, 17. Лк 5, 32. [14] Мк 2, 18. Лк 5, 33. [16] Мк 2, 21. Лк 5, 36. [18] Мк 5, 22. Лк 8, 41. [20] Мк 5, 25.

вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают
в новые мехи, и сберегается то и другое.

[18] Когда Он говорил им сие, подошел к Нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает; но приди, возложи на нее руку Твою, и
она будет жива. [19] И, встав, Иисус пошел за ним, и ученики
Его.

[20] И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды
Его, [21] ибо она говорила сама в себе: если только при-
коснусь к одежде Его, выздоровею. [22] Иисус же, обратив-
шись и увидев ее, сказал: дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова.

[23] И когда пришел Иисус в дом начальника и увидел
свирельщиков и народ в смятении, [24] сказал им: выйдите
вон, ибо не умерла девица, но спит. И смеялись над
Ним. [25] Когда же народ был выслан, Он, войдя, взял ее
за руку, и девица встала. [26] И разнесся слух о сем по всей
земле той.

[27] Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое
слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов!
[28] Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему.
И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать?
Они говорят Ему: ей, Господи! [29] Тогда Он коснулся глаз
их и сказал: по вере вашей да будет вам. [30] И открылись
глаза их; и Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы
никто не узнал. [31] А они, выйдя, разгласили о Нем по
всей земле той.

[32] Когда же те выходили, то привели к Нему человека
немого бесноватого. [33] И когда бес был изгнан, немой
стал говорить. И народ, удивляясь, говорил: никогда не
бывало такого явления в Израиле. [34] А фарисеи говорили:
Он изгоняет бесов силою князя бесовского.

[35] И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча
в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя

[27] Мф 20, 30. [32] Лк 11, 14. [34] Мф 12, 24. Мк 3, 22. Лк 11, 15. [35] Мк 6, 6. Лк 13, 22. [36] Ис 53, 6. Мк 6, 34. [37] Лк 10, 2. Ин 4, 35. [38] 2 Фес 3, 1.

всякую болезнь и всякую немощь в людях. [36] Видя толпы
народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены
и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. [37] Тогда
говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало;
[38] итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей
на жатву Свою.

10 И, призвав двенадцать учеников Своих, Он дал
им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять
их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь.
[2] Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Си-
мон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеве-
деев и Иоанн, брат его, [3] Филипп и Варфоломей, Фома
и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный
Фаддеем, [4] Симон Кананит и Иуда Искариот, который и
предал Его. [5] Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал
им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город
Самарянский не входите; [6] а идите наипаче к погибшим
овцам дома Израилева; [7] ходя же, проповедуйте, что при-
близилось Царство Небесное; [8] больных исцеляйте, прока-
женных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте;
даром получили, даром давайте. [9] Не берите с собою ни
золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, [10] ни сумы на
дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудя-
щийся достоин пропитания. [11] В какой бы город или селение
ни вошли вы, наведывайесь, кто в нем достоин, и там
оставайтесь, пока не выйдете; [12] а входя в дом, привет-
ствуйте его, говоря: мир дому сему; [13] и если дом будет
достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет
достоин, то мир ваш к вам возвратится. [14] А если кто
не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя
из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших;
[15] истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской
и Гоморрской в день суда, нежели городу тому. [16] Вот,
Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры,
как змии, и просты, как голуби. [17] Остерегайтесь же
людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в сина-
гогах своих будут бить вас, [18] и поведут вас к правителям
и царям за Меня, для свидетельства перед ними и

Глава 10. [1] Мк 3, 14. Лк 9, 1. [6] Мф 15, 24. [7] Лк 9, 2. [9] Мк 6, 8. Лк 9, 3.
[10] Лк 10, 7. 1 Тим 5, 18. [12] Лк 10, 5. [14] Мк 6, 11. Лк 9, 5. Деян 13, 51. [16] Лк 10, 3. Рим 16, 19. 2 Кор 1, 12. [19] Мк 13, 11. Лк 12,

язычниками. [19] Когда же будут предавать вас, не заботь-
тесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет
вам, что сказать, [20] ибо не вы будете говорить, но Дух
Отца вашего будет говорить в вас. [21] Предаст же брат
брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на
родителей, и умертвят их; [22] и будете ненавидимы всеми
за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. [23] Когда
же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой.
Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов
Израилевых, как приидет Сын Человеческий. [24] Ученик
не выше учителя, и слуга не выше господина своего:
[25] довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его,
и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина
дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних
его? [26] Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровен-
ного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы
узнано. [27] Что говорю вам в темноте, говорите при свете;
и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. [28] И не
бойтесь убивающих тело, ду́ши же не могущих убить; а
бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить
в геенне. [29] Не две ли малые птицы продаются за асса-
рий *? И ни одна из них не упадет на землю без *воли*
Отца вашего; [30] у вас же и волосы на голове все сочтены;
[31] не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц. [32] Итак
всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того испо-
ведаю и Я пред Отцем Моим Небесным; [33] а кто отречется
от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем
Моим Небесным. [34] Не думайте, что Я пришел принести
мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, [35] ибо
Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью
ее, и невестку со свекровью ее. [36] И враги человеку —
домашние его. [37] Кто любит отца или мать более, нежели
Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь
более, нежели Меня, не достоин Меня; [38] и кто не берет
креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.
[39] Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу
свою ради Меня сбережет ее. [40] Кто принимает вас, при-
нимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Послав-

---

* Мелкая монета.

11. [24] Лк 6, 40. Ин 13, 16; 15, 20. [25] Мф 9, 34. [26] Мк 4, 22. Лк 8, 17; 12, 2. [28] Лк 12, 4. [29] Лк 12, 6. [32] Мк 8, 38. Лк 9, 26; 12, 8. [33] 2 Тим 2, 12. [34] Лк 12, 51. [36] Мих 7, 6. [37] Лк 14, 26. [38] Мф

шего Меня; 41 кто принимает пророка, во имя пророка,
получит награду пророка; и кто принимает праведника, во
имя праведника, получит награду праведника. 42 И кто
напоит одного из малых сих только чашею холодной
воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет
награды своей.

11 И когда окончил Иисус наставления двенадцати
ученикам Своим, перешел оттуда учить и пропо-
ведывать в городах их. 2 Иоанн же, услышав в
темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников
своих 3 сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти,
или ожидать нам другого? 4 И сказал им Иисус в ответ:
пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: 5 сле-
пые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются
и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благове-
ствуют; 6 и блажен, кто не соблазнится о Мне.

7 Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу
об Иоанне: чтó смотреть ходили вы в пустыню? трость
ли, ветром колеблемую? 8 Чтó же смотреть ходили вы?
человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие
одежды находятся в чертогах царских. 9 Чтó же смотреть
ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка.
10 Ибо он тот, о котором написано: се, Я посылаю Ангела
Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой
пред Тобою. 11 Истинно говорю вам: из рожденных же-
нами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший
в Царстве Небесном больше его. 12 От дней же Иоанна
Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и
употребляющие усилие восхищают его, 13 ибо все пророки
и закон прорекли до Иоанна. 14 И если хотите принять,
он есть Илия, которому должно придти. 15 Кто имеет
уши слышать, да слышит! 16 Но кому уподоблю род сей?
Он подобен детям, которые сидят на улице и, обра-
щаясь к своим товарищам, 17 говорят: мы играли вам на
свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни,
и вы не рыдали. 18 Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет;

16, 24. Мк 8, 34. [39] Мк 8, 35. Лк 9, 24. Ин 12, 25. [40] Лк 10, 16. Ин 13, 20. [42] Мк 9, 41.

Глава 11. [2] Лк 7, 18—19. [3] Втор 18, 15. [5] Ис 29, 18; 35, 5. [10] Мал 3, 1. Мк 1, 2. Лк 7, 27. [12] Лк 16, 16. [14] Мал 4, 5. [16] Лк 7, 31. [19] Лк 7, 34—35.

и говорят: в нем бес. [19] Пришел Сын Человеческий, ест
и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить
вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премуд-
рость чадами ее.

[20] Тогда начал Он укорять города, в которых наи-
более явлено было сил Его, за то, что они не покаялись:
[21] горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в
Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то
давно бы они во вретище и пепле покаялись, [22] но говорю
вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели
вам. [23] И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада
низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы,
явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; [24] но
говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день
суда, нежели тебе. [25] В то время, продолжая речь, Иисус
сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты
утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам;
[26] ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение.

[27] Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает
Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына,
и кому Сын хочет открыть. [28] Придите ко Мне все труж-
дающиеся и обремененные, и Я успокою вас; [29] возьмите
иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и
смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; [30] ибо
иго Мое благо, и бремя Мое легко.

12 В то время проходил Иисус в субботу засеян-
ными полями; ученики же Его взалкали и начали
срывать колосья и есть. [2] Фарисеи, увидев это,
сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно
делать в субботу. [3] Он же сказал им: разве вы не читали,
что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним?
[4] как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения,
которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним,
а только одним священникам? [5] Или не читали ли вы в за-
коне, что в субботы священники в храме нарушают суб-

[21] Лк 10, 13. [25] Пс 8, 3. Лк 10, 21. 1 Кор 1, 27. 2 Кор 11, 3. [27] Мф 16, 17. Ин 3, 35; 6, 46. [29] Иер 6, 16. [30] 1 Ин 5, 3.

Глава 12. [1] Втор 23, 25. Мк 2, 23. Лк 6, 1. [4] Исх 29, 32. 1 Цар 21, 6. Мк 2, 26. Лк 6, 4. [5] Лев 8, 31; 24, 9. [7] Ос 6, 6. Мф 9, 13. [9] Мк 3, 1. Лк 6, 6.

боту, однако невиновны? [6] Но говорю вам, что здесь Тот,
Кто больше храма; [7] если бы вы знали, что́ значит: милости
хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных, [8] ибо
Сын Человеческий есть господин и субботы.

[9] И, отойдя оттуда, вошел Он в синагогу их. [10] И вот,
там был человек, имеющий сухую руку. И спросили Иисуса,
чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы?
[11] Он же сказал им: кто из вас, имея одну овцу, если
она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит?
[12] Сколько же лучше человек овцы! Итак можно в субботы
делать добро. [13] Тогда говорит человеку тому: протяни
руку твою. И он протянул, и стала она здорова, как другая.

[14] Фарисеи же, выйдя, имели совещание против
Него, как бы погубить Его. Но Иисус, узнав, удалился
оттуда. [15] И последовало за Ним множество народа, и Он
исцелил их всех [16] и запретил им объявлять о Нем, [17] да
сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит:
[18] Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой,
Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на
Него, и возвестит народам суд; [19] не воспрекословит, не
возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его;
[20] трости надломленной не переломит, и льна курящегося
не угасит, доколе не доставит суду победы; [21] и на имя Его
будут уповать народы.

[22] Тогда привели к Нему бесноватого слепого и
немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал
и говорить и видеть. [23] И дивился весь народ и говорил:
не это ли Христос, сын Давидов? [24] Фарисеи же, услы-
шав *сие*, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как *силою*
веельзевула, князя бесовского. [25] Но Иисус, зная помыш-
ления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само
в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся
сам в себе, не устоит. [26] И если сатана сатану изгоняет,
то он разделился сам с собою: как же устоит царство
его? [27] И если Я *силою* веельзевула изгоняю бесов,
то сыновья ваши чьею *силою* изгоняют? Посему они
будут вам судьями. [28] Если же Я Духом Божиим изгоняю

[21] Ис 42, 1—4. [22] Лк 11, 14. [24] Мф 9, 34. Мк 3, 22. Лк 11, 15. [25] Мк 3, 24. Лк 11, 17. [31] Мк 3, 28. Лк 12, 10. 1 Ин 5, 16. [34] Лк 6, 45. [37] Лк 19, 22. [38] Мф 16, 1. 1 Кор 1, 22. [39] Лк 11, 29. [40]

бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие. 29 Или,
как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи
его, если прежде не свяжет сильного? и тогда расхитит
дом его. 30 Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не
собирает со Мною, тот расточает. 31 Посему говорю вам:
всякий грех и хула простятся человекам, а хула на
Духа не простится человекам; 32 если кто скажет слово
на Сына Человеческого, простится ему; если же кто ска-
жет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке,
ни в будущем. 33 Или признайте дерево хорошим и плод
его хорошим; или признайте дерево худым и плод его
худым, ибо дерево познается по плоду. 34 Порождения
ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы?
Ибо от избытка сердца говорят уста. 35 Добрый человек
из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек
из злого сокровища выносит злое. 36 Говорю же вам, что
за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они
ответ в день суда: 37 ибо от слов своих оправдаешься,
и от слов своих осудишься.

38 Тогда некоторые из книжников и фарисеев ска-
зали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение.
39 Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный
ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знаме-
ния Ионы пророка; 40 ибо как Иона был во чреве кита
три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в
сердце земли три дня и три ночи. 41 Ниневитяне восста-
нут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись
от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы. 42 Ца-
рица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его,
ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости
Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона. 43 Когда
нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным
местам, ища покоя, и не находит; 44 тогда говорит: возвра-
щусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит
его незанятым, выметенным и убранным; 45 тогда идет и
берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя,
живут там; и бывает для человека того последнее хуже
первого. Так будет и с этим злым родом.

Иона 2, 1. [41] Иона 3, 5. Лк 11, 32. [42] 3 Цар 10, 1. 2 Пар 9, 1. Лк 11, 31. [43] Лк 11, 24. [45] 2 Пет 2, 20. Евр 6, 4. [46] Мк 3, 31. Лк 8, 19. [50] Ин 15, 14.

[46] Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья
Его стояли вне *дома*, желая говорить с Ним. [47] И некто
сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне,
желая говорить с Тобою. [48] Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? [49] И,
указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот
матерь Моя и братья Мои; [50] ибо, кто будет исполнять
волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра,
и матерь.

13 Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря.
[2] И собралось к Нему множество народа, так что
Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на
берегу. [3] И поучал их много притчами, говоря: вот,
вышел сеятель сеять; [4] и когда он сеял, иное упало при
дороге, и налетели птицы и поклевали то; [5] иное упало
на места каменистые, где немного было земли, и скоро
взошло, потому что земля была неглубока. [6] Когда же
взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло;
[7] иное упало в терние, и выросло терние и заглушило
его; [8] иное упало на добрую землю и принесло плод: одно
во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.
[9] Кто имеет уши слышать, да слышит! [10] И, приступив,
ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь
им? [11] Он сказал им в ответ: для того, что вам дано
знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, [12] ибо кто
имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет,
у того отнимется и то, что имеет; [13] потому говорю им
притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат,
и не разумеют; [14] и сбывается над ними пророчество
Исаии, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите, [15] ибо
огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат,
и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат
ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы
Я исцелил их. [16] Ваши же блаженны очи, что видят, и уши
ваши, что слышат, [17] ибо истинно говорю вам, что многие
пророки и праведники желали видеть, что́ вы видите, и не
видели, и слышать, что́ вы слышите, и не слышали. [18] Вы
же выслушайте *значение* притчи о сеятеле: [19] ко всякому,

Глава 13. [3] Мк 4, 2. Лк 8, 4. [12] Мф 25, 29. Мк 4, 25. Лк 8, 18; 19, 26. [14] Мк 4, 12. Лк 8, 10. Ин 12, 40. Деян 28, 26. Рим 11, 8. [15] Ис 6, 9—10. [16] Лк 10, 23. [17] 1 Пет 1, 10.

слушающему слово о Царствии и не разумеющему, при-
ходит лукавый и похищает посеянное в сердце его — вот
кого означает посеянное при дороге. 20 А посеянное на
каменистых местах означает того, кто слышит слово и
тотчас с радостью принимает его; 21 но не имеет в себе
корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение
за слово, тотчас соблазняется. 22 А посеянное в тернии
означает того, кто слышит слово, но забота века сего и
обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бес-
плодно. 23 Посеянное же на доброй земле означает слы-
шащего слово и разумеющего, который и бывает плодо-
носен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в
шестьдесят, а иной в тридцать.

24 Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство
Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на
поле своем; 25 когда же люди спали, пришел враг его и
посеял между пшеницею плевелы и ушел; 26 когда взошла
зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. 27 При-
дя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не
доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем
плевелы? 28 Он же сказал им: враг человек сделал это.
А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их?
29 Но он сказал: нет,— чтобы, выбирая плевелы, вы не
выдергали вместе с ними пшеницы, 30 оставьте расти вместе
то́ и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам:
соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, стобы
сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою.

31 Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство
Небесное подобно зерну горчичному, которое человек
взял и посеял на поле своем, 32 которое, хотя меньше
всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех зла-
ков и становится деревом, так что прилетают птицы небес-
ные и укрываются в ветвях его.

33 Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное
подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три
меры муки, доколе не вскисло всё.

34 Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи
не говорил им, 35 да сбудется реченное через пророка,

[18] Мк 4, 15. Лк 8, 11. [31] Мк 4, 30. Лк 13, 18. [33] Лк 13, 20. [34] Мк 4, 33. [35] Пс 77, 2; 48, 4. [39] Иоил 3, 13. Откр 14, 15. [43] Прем

который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира.

[36] Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом. И,
приступив к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам
притчу о плевелах на поле. [37] Он же сказал им в ответ:
сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; [38] поле
есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы —
сыны лукавого; [39] враг, посеявший их, есть диавол; жатва
есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. [40] Посему как
собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине
века сего: [41] пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих,
и соберут из Царства Его все соблазны и делающих
беззаконие, [42] и ввергнут их в печь огненную; там будет
плач и скрежет зубов; [43] тогда праведники воссияют, как
солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да
слышит!

[44] Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то.

[45] Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему
хороших жемчужин, [46] который, найдя одну драгоценную
жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее.

[47] Еще подобно Царство Небесное неводу, закину-
тому в море и захватившему рыб всякого рода, [48] кото-
рый, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее
собрали в сосуды, а худое выбросили вон. [49] Так будет
при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из
среды праведных, [50] и ввергнут их в печь огненную: там
будет плач и скрежет зубов. [51] И спросил их Иисус: по-
няли ли вы всё это? Они говорят Ему: та́к, Господи!
[52] Он же сказал им: поэтому всякий книжник, научен-
ный Царству Небесному, подобен хозяину, который выно-
сит из сокровищницы своей новое и старое.

[53] И, когда окончил Иисус притчи сии, пошел оттуда.
[54] И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их,
так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая

3, 7. Дан 12, 3. [54] Мк 6, 1. Лк 4, 16. [55] Ин 6, 42. [57] Мк 6, 4. Лк 4, 24. Ин 4, 44.

премудрость и силы? [55] не плотников ли Он сын? не Его
ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий,
и Симон, и Иуда? [56] и сестры Его не все ли между нами?
откуда же у Него всё это? [57] И соблазнялись о Нем.
Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве
только в отечестве своем и в доме своем. [58] И не совер-
шил там многих чудес по неверию их.

14 В то время Ирод четвертовластник услышал
молву об Иисусе [2] и сказал служащим при нем:
это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых,
и потому чудеса делаются им. [3] Ибо Ирод, взяв Иоанна,
связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену
Филиппа, брата своего, [4] потому что Иоанн говорил ему:
не должно тебе иметь ее. [5] И хотел убить его, но боялся
народа, потому что его почитали за пророка. [6] Во время
же *празднования* дня рождения Ирода дочь Иродиады
плясала перед собранием и угодила Ироду, [7] посему он
с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. [8] Она же,
по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на
блюде голову Иоанна Крестителя. [9] И опечалился царь,
но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей,
[10] и послал отсечь Иоанну голову в темнице. [11] И принесли
голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери
своей. [12] Ученики же его, придя, взяли тело его и погребли
его; и пошли, возвестили Иисусу.

[13] И, услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в
пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел
за Ним из городов пешком. [14] И, выйдя, Иисус увидел
множество людей, и сжалился над ними, и исцелил боль-
ных их. [15] Когда же настал вечер, приступили к Нему
ученики Его и сказали: место здесь пустынное и время
уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения
и купили себе пищи. [16] Но Иисус сказал им: не нужно
им идти, вы дайте им есть. [17] Они же говорят Ему: у нас
здесь только пять хлебов и две рыбы. [18] Он сказал: прине-
сите их Мне сюда. [19] И велел народу возлечь на траву
и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благо-
словил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу.

Глава 14. [1] Мк 6, 14. Лк 9, 7. [3] Мк 6, 17. Лк 3, 19.
[13] Мк 6, 32. Лк 9, 10. [17] Мк 6, 38. Лк 9, 13. Ин 6, 9. [23] Мк 6, 46.
Ин 6, 15. [34] Мк 6, 53.

20 И ели все и насытились; и набрали оставшихся
кусков двенадцать коробов полных; 21 а евших было около
пяти тысяч человек, кроме женщин и детей.

22 И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в
лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока
Он отпустит народ. 23 И, отпустив народ, Он взошел на
гору помолиться наедине; и вечером оставался там один.
24 А лодка была уже на средине моря, и ее било волнами,
потому что ветер был противный. 25 В четвертую же стражу
ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. 26 И ученики,
увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили:
это призрак; и от страха вскричали. 27 Но Иисус тотчас
заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бой-
тесь. 28 Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты,
повели мне придти к Тебе по воде. 29 Он же сказал:
иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы
подойти к Иисусу, 30 но, видя сильный ветер, испугался и,
начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. 31 Иисус
тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: мало-
верный! зачем ты усомнился? 32 И, когда вошли они в
лодку, ветер утих. 33 Бывшие же в лодке подошли, покло-
нились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий.

34 И, переправившись, прибыли в землю Геннисарет-
скую. 35 Жители того места, узнав Его, послали во всю
окрестность ту и принесли к Нему всех больных, 36 и
просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды
Его; и которые прикасались, исцелялись.

15 Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книж-
ники и фарисеи и говорят: 2 зачем ученики Твои
преступают предание старцев? ибо не умывают
рук своих, когда едят хлеб. 3 Он же сказал им в ответ:
зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания
вашего? 4 Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: зло-
словящий отца или мать смертью да умрет. 5 А вы
говорите: если кто скажет отцу или матери: дар *Богу*
то, чем бы ты от меня пользовался, 6 тот может и не
почтить отца своего или мать свою; таким образом вы

Глава 15. [1] Мк 7, 1.
[4] Исх 20, 12; 21, 17. Лев 20, 9. Втор 5, 16. Притч 20, 20. Сир 3, 7. Мк 7, 10. Еф 6, 2. [8] Мк 7, 6. [9] Ис 29, 13. [10] Мк 7, 14. [13] Ин 15, 2. [14]

устранили заповедь Божию преданием вашим. [7] Лицемеры!
хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: [8] прибли-
жаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня
языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; [9] но тщет-
но чтут Меня, уча учениями, заповедям человеческим.
[10] И, призвав народ, сказал им: слушайте и разумейте!
[11] не то́, что́ входит в уста, оскверняет человека, но то́,
что́ выходит из уст, оскверняет человека. [12] Тогда уче-
ники Его, приступив, сказали Ему: знаешь ли, что фари-
сеи, услышав слово сие, соблазнились? [13] Он же сказал
в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небес-
ный насадил, искоренится; [14] оставьте их: они — слепые
вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба
упадут в яму. [15] Петр же, отвечая, сказал Ему: изъясни
нам притчу сию. [16] Иисус сказал: неужели и вы еще не
разумеете? [17] еще ли не понимаете, что всё, входящее
в уста, проходит в чрево и извергается вон? [18] а исходя-
щее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет чело-
века, [19] ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства,
прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства,
хуления — [20] это оскверняет человека; а есть неумытыми
руками — не оскверняет человека.

[21] И, выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские
и Сидонские. [22] И вот, женщина Хананеянка, выйдя из
тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Дави-
дов, дочь моя жестоко беснуется. [23] Но Он не отвечал
ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его:
отпусти ее, потому что кричит за нами. [24] Он же сказал
в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израи-
лева. [25] А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Гос-
поди! помоги мне. [26] Он же сказал в ответ: нехорошо
взять хлеб у детей и бросить псам. [27] Она сказала: так,
Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола
господ их. [28] Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина!
велика́ вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И ис-
целилась дочь ее в тот час.

[29] Перейдя оттуда, пришел Иисус к морю Галилей-
скому и, взойдя на гору, сел там. [30] И приступило к Нему

Ис 42, 19. Иер 5, 31. Лк 6, 39. [18] Иак 3, 6. [19] Быт 6, 5; 8, 21. Мк 7, 21. [21] Мк 7, 24. [24] Ис 58, 6. Иер 50, 6. Иез 34, 5—6. Мф 10, 6. [30] Ис 35, 5—6. [32] Мк 8, 1.

множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых,
увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым;
и Он исцелил их; [31] так что народ дивился, видя немых
говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и сле-
пых видящими; и прославлял Бога Израилева.

[32] Иисус же, призвав учеников Своих, сказал им:
жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне,
и нечего им есть; отпустить же их неевшими не хочу,
чтобы не ослабели в дороге. [33] И говорят Ему ученики
Его: откуда нам взять в пустыне столько хлебов, чтобы
накормить столько народа? [34] Говорит им Иисус: сколько
у вас хлебов? Они же сказали: семь, и немного рыбок.
[35] Тогда велел народу возлечь на землю. [36] И, взяв семь
хлебов и рыбы, воздал благодарение, преломил и дал уче-
никам Своим, а ученики народу. [37] И ели все и насытились;
и набрали оставшихся кусков семь корзин полных, [38] а
евших было четыре тысячи человек, кроме женщин и детей.

[39] И, отпустив народ, Он вошел в лодку и прибыл
в пределы Магдалинские.

16 И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая
Его, просили показать им знамение с неба. [2] Он
же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет
вёдро, потому что небо красно; [3] и поутру: сегодня ненастье,
потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба
вы умеете, а знамений времен не можете. [4] Род лука-
вый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не
дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив
их, отошел.

[5] Переправившись на другую сторону, ученики Его
забыли взять хлебов. [6] Иисус сказал им: смотрите, бере-
гитесь закваски фарисейской и саддукейской. [7] Они же
помышляли в себе и говорили: *это значит*, что хлебов
мы не взяли. [8] Уразумев то, Иисус сказал им: что по-
мышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли?
[9] Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять

Глава 16. [1] Мф 12, 38. Мк 8, 11. 1 Кор 1, 22. [2] Лк 12, 54. [4] Иона 2, 1. Мф 12, 39. [5] Мк 8, 14. [6] Мк 8, 15. Лк 12, 1. [13] Дан 7, 13—14. Мк 8, 27. Лк 9, 18. [16] Мф 14, 33. Мк 8, 29. Лк 9, 20. Ин 6, 69. [17] Мф 11, 25, 27.

тысяч *человек,* и сколько коробов вы набрали? [10] ни о
семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы
набрали? [11] как не разумеете, что не о хлебе сказал Я
вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской?
[12] Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не
закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского.

[13] Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус
спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают
Меня, Сына Человеческого? [14] Они сказали: одни за
Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иере-
мию, или за одного из пророков. [15] Он говорит им: а вы
за кого почитаете Меня? [16] Симон же Петр, отвечая, ска-
зал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго. [17] Тогда Иисус
сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, по-
тому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец
Мой, Сущий на небесах; [18] и Я говорю тебе: ты — Петр *,
и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не
одолеют ее; [19] и дам тебе ключи Царства Небесного: и
что́ свяжешь на земле, то́ будет связано на небесах,
и что́ разрешишь на земле, то́ будет разрешено на небе-
сах. [20] Тогда [Иисус] запретил ученикам Своим, чтобы
никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос.

[21] С того времени Иисус начал открывать ученикам
Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много по-
страдать от старейшин и первосвященников и книжни-
ков, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. [22] И, ото-
звав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив
к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! [23] Он же,
обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, са-
тана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том,
что́ Божие, но что́ человеческое. [24] Тогда Иисус сказал
ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись
себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, [25] ибо
кто хочет душу ** свою сберечь, тот потеряет ее, а кто
потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; [26] ка-

---

* Камень.
** Жизнь.

[18] Лк 22, 31—32. 1 Пет 2, 4. 1 Кор 3, 11. [19] Мф 18, 18. Ин 20, 23. [20] Мк 8, 30. [23] Рим 8, 7. [24] Мф 10, 38. Мк 8, 34. Лк 14, 27. [27] Пс 61, 13. Зах 14, 5. Мф 25, 31. Рим 2, 6. Откр 19, 14. [28] Мк 9, 1. Лк 9, 27.

кая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе
своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу
свою? [27] ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца
Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по
делам его. [28] Истинно говорю вам: есть некоторые из
стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже уви-
дят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

17 По прошествии дней шести, взял Иисус Петра,
Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору
высокую одних, [2] и преобразился пред ними:
и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделa-
лись белыми, как свет. [3] И вот, явились им Моисей и
Илия, с Ним беседующие. [4] При сем Петр сказал Иисусу:
Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем
здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии.
[5] Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их;
и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой
Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слу-
шайте. [6] И, услышав, ученики пали на лица свои и очень
испугались. [7] Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал:
встаньте и не бойтесь. [8] Возведя же очи свои, они ни-
кого не увидели, кроме одного Иисуса. [9] И когда схо-
дили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не
сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не
воскреснет из мертвых. [10] И спросили Его ученики Его:
как же книжники говорят, что Илии надлежит придти
прежде? [11] Иисус сказал им в ответ: правда, Илия *должен*
придти прежде и устроить всё; [12] но говорю вам, что
Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним,
как хотели; та́к и Сын Человеческий пострадает от
них. [13] Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне
Крестителе.

[14] Когда они пришли к народу, то подошел к Нему
человек и, преклоняя пред Ним колени, [15] сказал: Гос-
поди! помилуй сына моего; он в новолуния *беснуется*
и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто
в воду, [16] я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли

Глава 17. [1] Мк 9, 2. Лк 9, 28. [5] Втор 18, 15. Мф 3, 17. Лк 3, 22. [10] Мф 11, 14. Мк 9, 11.
[14] Мк 9, 17. Лк 9, 38. [20] Мф 21, 21. Мк 9, 23; 11, 23. Лк 17, 6. [21] Мк 9, 29. [22] Лк 9, 22; 24, 7.

исцелить его. [17] Иисус же, отвечая, сказал: о, род невер-
ный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду
терпеть вас? приведите его ко Мне сюда. [18] И запретил
ему Иисус, и бес вышел из него; и отрок исцелился
в тот час. [19] Тогда ученики, приступив к Иисусу на-
едине, сказали: почему мы не могли изгнать его? [20] Иисус
же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю
вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и ска-
жете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет;
и ничего не будет невозможного для вас; [21] сей же род
изгоняется только молитвою и постом.

[22] Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал
им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие,
[23] и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма
опечалились.

[24] Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к
Петру собиратели дидрахм * и сказали: Учитель ваш не
даст ли дидрахмы? [25] Он говорит: да. И когда вошел он
в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется,
Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати?
с сынов ли своих, или с посторонних? [26] Петр говорит
Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак сыны свобод-
ны; [27] но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море,
брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и,
открыв у ней рот, найдешь статир **; возьми его и от-
дай им за Меня и за себя.

18 В то время ученики приступили к Иисусу и ска-
зали: кто больше в Царстве Небесном? [2] Иисус,
призвав дитя, поставил его посреди них [3] и ска-
зал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете
как дети, не войдете в Царство Небесное; [4] итак, кто ума-
лится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном;
[5] и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня
принимает; [6] а кто соблазнит одного из малых сих, верую-
щих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему

* Две драхмы — определенная дань на храм.
** Четыре драхмы

Глава 18. [2]. Мк 9, 36. [4] Мк 10, 14. 1 Кор 14, 20. [6] Мк 9, 42. Лк 17, 1. [7] 1 Кор 11, 19.

мельничный жернов на шею и потопили его во глубине
морской. [7] Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти
соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн
приходит. [8] Если же рука твоя или нога твоя соблазняет
тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь
без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя но-
гами быть ввержену в огонь вечный; [9] и если глаз твой
соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе
с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами
быть ввержену в геенну огненную.

[10] Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих;
ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят
лице Отца Моего Небесного. [11] Ибо Сын Человеческий
пришел взыскать и спасти погибшее. [12] Как вам кажется?
Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблу-
дилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и
не пойдет ли искать заблудившуюся? [13] и если случится
найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней бо-
лее, нежели о девяноста девяти незаблудившихся.
[14] Та́к, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один
из малых сих.

[15] Если же согрешит против тебя брат твой, пойди
и обличи его между тобою и им одним; если послушает
тебя, то приобрел ты брата твоего; [16] если же не послуша-
ет, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами
двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово;
[17] если же не послушает их, скажи церкви; а если и церк-
ви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и
мыта́рь. [18] Истинно говорю вам: что́ вы свяжете на земле,
то́ будет связано на небе; и что́ разрешите на земле, то́
будет разрешено на небе. [19] Истинно также говорю вам,
что если двое из вас согласятся на земле просить о
всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца
Моего Небесного, [20] ибо, где двое или трое собраны во
имя Мое, там Я посреди них.

[21] Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи!
сколько раз прощать брату моему, согрешающему против

[8] Мк 9, 43. [9] Втор 13, 6—8. Мф 5, 29. [10] Быт 19, 16. Пс 33, 8. Евр 1, 14. [11] Мф 10, 6. Лк 9, 56. [12] Лк 15, 4. [15] Лев 19, 17,. Лк 17, 3.

меня? до семи ли раз? 22 Иисус говорит ему: не говорю
тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз.

23 Посему Царство Небесное подобно царю, который
захотел сосчитаться с рабами своими; 24 когда начал он
считаться, приведен был к нему некто, который должен
был ему десять тысяч талантов *; 25 а как он не имел,
чем заплатить, то государь его приказал продать его, и
жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить;
26 тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь!
потерпи на мне, и всё тебе заплачу. 27 Государь, умило-
сердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил
ему. 28 Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей
своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив
его, душил, говоря: отдай мне, чтó должен. 29 Тогда то-
варищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потер-
пи на мне, и всё отдам тебе. 30 Но тот не захотел, а по-
шел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга.
31 Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и,
придя, рассказали государю своему всё бывшее. 32 Тогда
государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг
тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; 33 не над-
лежало ли и тебе помиловать товарища твоего, кáк и я
помиловал тебя? 34 И, разгневавшись, государь его отдал
его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. 35 Тáк и
Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит
каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений
его.

19 Когда Иисус окончил слова сии, то вышел из Га-
лилеи и пришел в пределы Иудейские, Заиордан-
скою стороною. 2 За Ним последовало много людей,
и Он исцелил их там.

3 И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его,
говорили Ему: по всякой ли причине позволительно чело-
веку разводиться с женою своею? 4 Он сказал им в ответ:
не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и

* Вес серебра.

Иак 5, 19—20. [16] Втор 17, 6; 19, 15. Ин 8, 17. 2 Кор 13, 1. Евр 10, 28. [18] Мф 16, 19. Ин 20, 23. [21] Лк 17, 4.

Глава 19. [1] Мк 10, 1. [4] Быт 1, 27. Мк 10, 6. [5] Быт 2, 24. Мк 10, 7—8. 1 Кор 6, 16. Еф 5, 31. [7] Втор 24, 1 и сл. Мф 5,

женщину сотворил их? [5] И сказал: посему оставит чело-
век отца и мать и прилепится к жене своей, и будут
два одною плотью, так что они уже не двое, но одна
плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлу-
чает. [7] Они говорят Ему: как же Моисей заповедал да-
вать разводное письмо и разводиться с нею? [8] Он говорит
им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам раз-
водиться с женами вашими, а сначала не было так; [9] но
Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за пре-
любодеяние и женится на другой, *тот* прелюбодейству-
ет; и женившийся на разведенной прелюбодействует.
[10] Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность че-
ловека к жене, то лучше не жениться. [11] Он же сказал
им: не все вмещают слово сие, но кому дано, [12] ибо есть
скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть
скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы,
которые сделали сами себя скопцами для Царства Не-
бесного. Кто может вместить, да вместит.

[13] Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он воз-
ложил на них руки и помолился; ученики же возбраня-
ли им. [14] Но Иисус сказал: пустите детей и не препят-
ствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство
Небесное. [15] И, возложив на них руки, пошел оттуда.

[16] И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий!
что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?
[17] Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим?
Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь
войти в жизнь *вечную*, соблюди заповеди. [18] Говорит Ему:
какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй;
не кради; не лжесвидетельствуй; [19] почитай отца и мать;
и: люби ближнего твоего, как самого себя. [20] Юноша го-
ворит Ему: всё это сохранил я от юности моей; чего
еще недостает мне? [21] Иисус сказал ему: если хочешь быть
совершенным, пойди, продай имение твое и раздай ни-
щим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи
и следуй за Мною. [22] Услышав слово сие, юноша отошел

31. [9] Мф 5, 32. Мк 10, 11. Лк 16, 18. [12] Ис 56, 3. 1 Кор 7, 7. [13] Мк 10, 13. Лк 18, 15. [14] Мф 18, 3. [16] Мк 10, 17. Лк 18, 18. [17] Иак 1, 17. [19] Исх 20, 12—16. Лев 19, 18. Втор 5, 16—20. [26] Иов 42, 2. [27] Мк 10, 28. Лк 18, 28. [28] Лк 22, 30. [30] Мк 10, 31. Лк 13, 30.

с печалью, потому что у него было большое имение.
[23] Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам,
что трудно богатому войти в Царство Небесное; [24] и еще
говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные
уши, нежели богатому войти в Царство Божие. [25] Услы-
шав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так
кто же может спастись? [26] А Иисус, воззрев, сказал им:
человекам это невозможно, Богу же всё возможно.

[27] Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили
всё и последовали за Тобою; что же будет нам? [28] Иисус
же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовав-
шие за Мною,— в пакибытии, когда сядет Сын Челове-
ческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двена-
дцати престолах судить двенадцать колен Израилевых.
[29] И всякий, кто оставит до́мы, или братьев, или сестер,
или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради
имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь
вечную. [30] Многие же будут первые последними, и послед-
ние первыми.

20 Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, ко-
торый вышел рано поутру нанять работников в
виноградник свой [2] и, договорившись с работника-
ми по динарию на день, послал их в виноградник свой;
[3] выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих
на торжище праздно, [4] и им сказал: идите и вы в вино-
градник мой, и что́ следовать будет, дам вам. Они пошли.
[5] Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал
то́ же. [6] Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он
нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что́ вы
стоите здесь целый день праздно? [7] Они говорят ему: ни-
кто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в вино-
градник мой, и что́ следовать будет, полу́чите. [8] Когда же
наступил вечер, говорит господин виноградника управите-
лю своему: позови работников и отдай им плату, начав
с последних до первых. [9] И пришедшие около одиннадца-
того часа получили по динарию. [10] Пришедшие же первы-
ми думали, что они получат больше, но получили и они по
динарию; [11] и, получив, стали роптать на хозяина дома

Глава 20. [1] Мф 21, 33. [16] Мф 19, 30; 22, 14. [18] Мк 10, 33. Лк 18, 31. [19] Мк 10, 34. Ин 18, 31—32. [20] Мк 10, 35. [22] Мф 26, 39, 42. [24] Мк 10, 41.

[12] и говорили: эти последние работали один час, и ты
сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной.
[13] Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю
тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? [14] возьми
свое и пойди; я же хочу дать этому последнему *тó
же*, чтó и тебе; [15] разве я не властен в своем делать, что
хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр? [16] Так
будут последние первыми, и первые последними, ибо много
званых, а мало избранных.

[17] И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал
двенадцать учеников одних, и сказал им: [18] вот, мы восходим
в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет
первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть;
[19] и предадут Его язычникам на поругание и биение и
распятие; и в третий день воскреснет.

[20] Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых
с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него.
[21] Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи,
чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую
сторону, а другой по левую в Царстве Твоем. [22] Иисус
сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить
чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением,
которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. [23] И говорит
им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я
крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую
сторону и по левую — не от Меня *зависит*, но кому
уготовано Отцем Моим. [24] Услышав *сие*, *прочие* десять
учеников вознегодовали на двух братьев. [25] Иисус же, подозвав
их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют
над ними, и вельможи властвуют ими; [26] но между
вами да не будет так: а кто хочет между вами быть
бóльшим, да будет вам слугою; [27] и кто хочет между
вами быть первым, да будет вам рабом; [28] так как Сын Человеческий
не *для того* пришел, чтобы Ему служили, но
чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления
многих.

[29] И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало
множество народа. [30] И вот, двое слепых, сидевшие у до-

Лк 22, 24. [28] Мф 26, 28. Ин 11, 51. Флп 2, 7—8. [29] Мк 10, 46. Лк 18, 35. [30] Мф 9, 27.

роги, услышав, что Иисус идет мимо, начали кричать: по-
милуй нас, Господи, Сын Давидов! 31 Народ же заставлял
их молчать; но они еще громче стали кричать: помилуй
нас, Господи, Сын Давидов! 32 Иисус, остановившись, подо-
звал их и сказал: чего вы хотите от Меня? 33 Они гово-
рят Ему: Господи! чтобы открылись глаза наши. 34 Иисус
же, умилосердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас
прозрели глаза их, и они пошли за Ним.

21 И когда приблизились к Иерусалиму и пришли
в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал
двух учеников, 2 сказав им: пойдите в селение,
которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу при-
вязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко
Мне; 3 и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что
они надобны Господу; и тотчас пошлет их. 4 Всё же сие
было, да сбудется реченное через пророка, который гово-
рит: 5 Скажите дщери Сионовой: се, Царь твой грядет к
тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъ-
яремной. 6 Ученики пошли и поступили так, как повелел
им Иисус: 7 привели ослицу и молодого осла и положили
на них одежды свои, и Он сел поверх их. 8 Множество
же народа постилали свои одежды по дороге, а другие
резали ветви с дерев и постилали по дороге; 9 народ же,
предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осан-
на * Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Гос-
подне! осанна в вышних! 10 И когда вошел Он в Иеруса-
лим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей?
11 Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назаре-
та Галилейского.

12 И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех про-
дающих и покупающих в храме, и опрокинул столы менов-
щиков и скамьи продающих голубей, 13 и говорил им:
написано,— дом Мой домом молитвы наречется; а вы сде-
лали его вертепом разбойников. 14 И приступили к Нему
в храме слепые и хромые, и Он исцелил их. 15 Видев же
первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотво-
рил, и детей, восклицающих в храме и говорящих: осан-

---

* Спасение.

Глава 21. [1] Мк 11, 1. Лк 19, 29. [5] Ис 62, 11. Зах 9, 9. Ин 12, 15. [7] Мк 11, 7. [8] Ин 12, 13. [9] Пс 117, 26. Мк 11, 10.

на Сыну Давидову! — вознегодовали [16] и сказали Ему:
слышишь ли, что они говорят? Иисус же говорит им:
да! разве вы никогда не читали: из уст младенцев и груд-
ных детей Ты устроил хвалу? [17] И, оставив их, вышел вон
из города в Вифанию и провел там ночь.

[18] Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; [19] и, уви-
дев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего
не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не
будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница
тотчас засохла. [20] Увидев это, ученики удивились и говори-
ли: как это тотчас засохла смоковница? [21] Иисус же ска-
зал им в ответ: истинно говорю вам, если будете иметь
веру и не усомнитесь, не только сделаете то́, что́ *сделано*
со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись
и ввергнись в море,— будет; [22] и всё, чего ни попросите
в молитве с верою, полу́чите.
[23] И когда пришел Он в храм и учил, приступили к
Нему первосвященники и старейшины народа и сказали:
какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую
власть? [24] Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об
одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою
властью это делаю; [25] крещение Иоанново откуда было: с
небес, или от человеков? Они же рассуждали между со-
бою: если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же
вы не поверили ему? [26] а если сказать: от человеков,—
боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка.
[27] И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал им и Он:
и Я вам не скажу, какою властью это делаю.

[28] А ка́к вам кажется? У одного человека было два
сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня
работай в винограднике моем. [29] Но он сказал в ответ: не
хочу; а после, раскаявшись, пошел. [30] И, подойдя к друго-
му, он сказал то́ же. Этот сказал в ответ: иду, государь,
и не пошел. [31] Который из двух исполнил волю отца? Го-
ворят Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю
вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство
Божие, [32] ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и

Лк 19, 38. [12] Мк 11, 15. Лк 19, 45. Ин 2, 14. [13] Ис 56, 7. Иер 7, 11. Мк 11, 17. Лк 19, 46. [16] Пс 8, 3. [19] Мк 11, 13. [21] Мф 17, 20. Лк 17, 6. Иак 1, 6. [22] Мф 7, 7. Мк 11, 24. Ин 14, 13. [23] Мф 7, 29. Мк 11, 28. Лк 20, 1—2.

вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему.

[33] Выслушайте другую притчу: был некоторый хозяин
дома, который насадил виноградник, обнес его оградою,
выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его вино-
градарям, отлучился. [34] Когда же приблизилось время
плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои
плоды; [35] виноградари, схватив слуг его, иного прибили,
иного убили, а иного побили камнями. [36] Опять послал он
других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так
же. [37] Наконец, послал он к ним своего сына, говоря:
постыдятся сына моего. [38] Но виноградари, увидев сына,
сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и за-
владеем наследством его. [39] И, схватив его, вывели вон из
виноградника и убили. [40] Итак, когда придет хозяин вино-
градника, что сделает он с этими виноградарями? [41] Го-
ворят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноград-
ник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать
ему плоды во времена свои. [42] Иисус говорит им: неужели
вы никогда не читали в Писании: камень, который от-
вергли строители, тот самый сделался главою угла? Это
от Господа, и есть дивно в очах наших?
[43] Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Бо-
жие и дано будет народу, приносящему плоды его; [44] и тот,
кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет,
того раздавит. [45] И, слышав притчи Его, первосвященни-
ки и фарисеи поняли, что Он о них говорит, [46] и стара-
лись схватить Его, но побоялись народа, потому что Его по-
читали за Пророка.

22 Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал:
[2] Царство Небесное подобно человеку царю, ко-
торый сделал брачный пир для сына своего [3] и по-
слал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хоте-
ли придти. [4] Опять послал других рабов, сказав: скажи-

[26] Мф 14, 5. Мк 6, 20. [31] Лк 7, 29. [32] Лк 3, 12. [33] Пс 79, 9. Песн 8, 11—12. Ис 5, 1. Иер 2, 21. Мк 12, 1. Лк 20, 9. [35] Мф 5, 12; 23, 34, 37. [38] Мф 26, 4; 27, 1. [39] Евр 13, 12. [42] Пс 117, 22—23. Ис 28, 16. Мк 12, 10. Лк 20, 17. Деян 4, 11. [44] Ис 8, 14. Дан 2, 44—45. 1 Пет 2, 7. Рим 9, 32.

Глава 22. [2] Притч 9, 1—2. Лк 14, 16. Откр 19, 7. [7] Лк

те званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что
откормлено, заколото, и всё готово; приходите на брачный
пир. [5] Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое,
а кто на торговлю свою; [6] прочие же, схватив рабов его,
оскорбили и убили *их*. [7] Услышав о сем, царь разгневал-
ся, и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег
город их. [8] Тогда говорит он рабам своим: брачный пир
готов, а званые не были достойны; [9] итак пойдите на
распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир.
[10] И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только
нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился
возлежащими. [11] Царь, войдя посмотреть возлежащих,
увидел там человека, одетого не в брачную одежду, [12] и
говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одеж-
де? Он же молчал. [13] Тогда сказал царь слугам: связав
ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внеш-
нюю; там будет плач и скрежет зубов; [14] ибо много зва-
ных, а мало избранных.

[15] Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уло-
вить Его в словах. [16] И посылают к Нему учеников своих
с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справед-
лив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об
угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице;
[17] итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли
давать подать кесарю, или нет? [18] Но Иисус, видя лукав-
ство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? [19] пока-
жите Мне монету, которою платится подать. Они принес-
ли Ему динарий. [20] И говорит им: чье это изображение
и надпись? [21] Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им:
итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. [22] Услы-
шав это, они удивились и, оставив Его, ушли.
[23] В тот день приступили к Нему саддукеи, которые
говорят, что нет воскресения, и спросили Его: [24] Учитель!
Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат
его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя
брату своему; [25] было у нас семь братьев; первый, женив-
шись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату
своему; [26] подобно и второй, и третий, даже до седьмого;
[27] после же всех умерла и жена; [28] итак, в воскресении,

19, 27. [14] Мф 20, 16. [15] Мк 12, 13. Лк 20, 20. [21] Мк 12, 17. Рим 13, 7. [23] Мк 12, 18. Лк 20, 27. Деян 23, 8. [24] Втор 25, 5. Мк 12, 19. Лк 20, 28. [30] 1 Кор 15, 44.

которого из семи будет она женою? ибо все имели ее.
[29] Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писа-
ний, ни силы Божией, [30] ибо в воскресении ни женятся,
ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на
небесах. [31] А о воскресении мертвых не читали ли вы речен-
ного вам Богом: [32] Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог
Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых. [33] И, слыша,
народ дивился учению Его.

[34] А фарисеи, услышав, что Он привел саддукеев в
молчание, собрались вместе. [35] И один из них, законник,
искушая Его, спросил, говоря: [36] Учитель! какая наиболь-
шая заповедь в законе? [37] Иисус сказал ему: возлюби
Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею
твоею и всем разумением твоим: [38] сия есть первая и наи-
большая заповедь; [39] вторая же подобная ей: возлюби
ближнего твоего, как самого себя; [40] на сих двух запо-
ведях утверждается весь закон и пророки.

[41] Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил их:
[42] что́ вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему:
Давидов. [43] Говорит им: ка́к же Давид, по вдохновению,
называет Его Господом, когда говорит: [44] сказал Господь
Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу вра-
гов Твоих в подножие ног Твоих? [45] Итак, если Давид
называет Его Господом, как же Он сын ему? [46] И никто не
мог отвечать Ему ни слова; и с того дня никто уже не
смел спрашивать Его.

23 Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам
Своим [2] и сказал: на Моисеевом седалище сели
книжники и фарисеи; [3] итак всё, что они велят вам
соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не по-
ступайте, ибо они говорят, и не делают: [4] связывают бре-
мена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи
людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; [5] все же
дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расши-
ряют хранилища * свои и увеличивают воскрилия одежд

---

* Повязки на лбу и на руках со словами из закона.

[32] Исх 3, 6. Мк 12, 26. Лк 20, 37. [35] Мк 12, 28. Лк 10, 25. [37] Втор 6, 5. Мих 6, 8. Мк 12, 30. Лк 10, 27. [39] Лев 19, 18. Мф 5, 43. Мк 12, 31. [42] Мк 12, 35. Лк 20, 41. [44] Пс 109, 1. Лк 20, 42.

своих; [6] также любят предвозлежания на пиршествах и
председания в синагогах [7] и приветствия в народных
собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель! [8]
А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учи-
тель — Христос, все же вы — братья; [9] и отцом себе
не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец,
Который на небесах; [10] и не называйтесь наставниками,
ибо один у вас Наставник — Христос.
[11] Больший из вас да будет вам слуга: [12] ибо, кто возвы-
шает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот
возвысится.

[13] Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что за-
творяете Царство Небесное человекам, ибо сами не вхо-
дите и хотящих войти не допускаете. [14] Горе вам, книж-
ники и фарисеи, лицемеры, что поедаете домы вдов и ли-
цемерно долго мóлитесь: за тó примете тем бóльшее осуж-
дение. [15] Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что
обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда
это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим
вас. [16] Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто
поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется
золотом храма, то повинен. [17] Безумные и слепые! что
больше: золото, или храм, освящающий золото? [18] Также:
если кто поклянется жертвенником, то ничего, если же
кто поклянется даром, который на нем, то повинен. [19] Бе-
зумные и слепые! что больше: дар, или жертвенник, ос-
вящающий дар? [20] Итак клянущийся жертвенником кля-
нется им и всем, что на нем; [21] и клянущийся храмом
клянется им и Живущим в нем; [22] и клянущийся небом
клянется Престолом Божиим и Сидящим на нем. [23] Горе
вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину
с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе:
суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не ос-
тавлять. [24] Вожди слепые, оцеживающие комара, а верб-
люда поглощающие! [25] Горе вам, книжники и фарисеи, ли-
цемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между

Глава 23. [4] Лк 11, 46. Деян 15, 10. [5] Чис 15, 38. Втор 22, 12. [6] Мк 12, 39. Лк 11, 43; 20, 46. [8] Иак 3, 1. 1 Кор 3, 4. [9] Мал 1, 6. [12] Лк 14, 11. [13] Иез 22, 26. Лк 11, 52. [14] Мк 12, 40. Лк 20, 47. [19] Исх 29, 37. [21] 2 Пар 6, 2. Пс 25, 8. [23] Ос 6, 6. Мих 6, 8. Мф 12, 7. Лк 11, 42. [27] Лк 11, 44. Деян 23,

тем как внутри они полны хищения и неправды. [26] Фа-
рисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блю-
да, чтобы чиста была и внешность их. [27] Горе вам, книж-
ники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашен-
ным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внут-
ри полны костей мертвых и всякой нечистоты; [28] так и
вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри
исполнены лицемерия и беззакония. [29] Горе вам, книжни-
ки и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы проро-
кам и украшаете памятники праведников, [30] и говорите:
если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы
сообщниками их в *пролитии* крови пророков; [31] таким
образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы
сыновья тех, которые избили пророков; [32] дополняйте же
меру отцов ваших. [33] Змии, порождения ехиднины! как
убежите вы от осуждения в геенну? [34] Посему, вот, Я по-
сылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы
иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах
ваших и гнать из города в город; [35] да придет на вас
вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля
праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого
вы убили между храмом и жертвенником. [36] Истинно го-
ворю вам, что всё сие придет на род сей. [37] Иерусалим,
Иерусалим, избивающий пророков и камнями побиваю-
щий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать де-
тей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья,
и вы не захотели! [38] Се, оставляется вам дом ваш пуст.
[39] Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не
воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!

24

И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили уче-
ники Его, чтобы показать Ему здания храма.
[2] Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истин-
но говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё
будет разрушено.

[3] Когда же сидел Он на горе Елеонской, то присту-
пили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам,
когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и
кончины века? [4] Иисус сказал им в ответ: берегитесь, что-

3. [33] Мф 3, 7. [34] 2 Пар 36, 15—16. Лк 11, 49. [35] Быт 4, 8. 2 Пар 24, 21—22. Лк 11, 51. 1 Ин 3, 12. [37] Втор 32, 11—12. Лк 13, 34. [38] Лк 13, 35. [39] Пс 117, 26. Мф 21, 9.

Глава 24. [1] Мк 13, 1. Лк 21, 5. [2] Мк 13, 2. Лк 19, 44; 21, 6.

бы кто не прельстил вас, [5] ибо многие придут под именем
Моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прель-
стят. [6] Также услышите о войнах и о военных слухах.
Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому
быть, но это еще не конец: [7] ибо восстанет народ
на народ, и царство на царство; и будут глады, моры
и землетрясения по местам; [8] всё же это — начало
болезней. [9] Тогда будут предавать вас на мучения и
убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за
имя Мое; [10] и тогда соблазнятся многие, и друг друга
будут предавать, и возненавидят друг друга; [11] и мно-
гие лжепророки восстанут, и прельстят многих; [12] и,
по причине умножения беззакония, во многих охла-
деет любовь; [13] претерпевший же до конца спасет-
ся. [14] И проповедано будет сие Евангелие Царствия
по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда
придет конец. [15] Итак, когда увидите мерзость запустения,
реченную через пророка Даниила, стоящую на святом ме-
сте,— читающий да разумеет,— [16] тогда находящиеся в
Иудее да бегут в горы; [17] и кто на кровле, тот да не сходит
взять что-нибудь из дома своего; [18] и кто на поле, тот да не
обращается назад взять одежды свои. [19] Горе же беремен-
ным и питающим сосцами в те дни! [20] Молитесь, чтобы
не случилось бегство ваше зимою или в субботу, [21] ибо
тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира
доныне, и не будет. [22] И если бы не сократились те дни,
то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных
сократятся те дни. [23] Тогда, если кто скажет вам: вот,
здесь Христос, или там,— не верьте. [24] Ибо восстанут лже-
христы и лжепророки, и дадут великие знамения и чуде-
са, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. [25] Вот,
Я наперед сказал вам. [26] Итак, если скажут вам: «вот,
Он в пустыне»,— не выходите; «вот, *Он* в потаенных ком-
натах»,— не верьте; [27] ибо, как молния исходит от востока
и видна бывает даже до запада, так будет пришествие
Сына Человеческого; [28] ибо, где будет труп, там соберутся
орлы. [29] И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет,
и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и
силы небесные поколеблются; [30] тогда явится знамение

[4] Мк 13, 5. Лк 21, 8. Еф 5, 6. 2 Фес 2, 3. [9] Мф 10, 17. Мк 13, 9. Лк 21, 12. Ин 15, 20. [15] Дан 9, 27. Мк 13, 14. Лк 21, 20. [23] Мк 13, 21. Лк 17, 23. [28] Лк. 17, 37. [29] Ис 13, 10. Иез 32, 7. Иоил 2, 31. Мк 13, 24. Лк 21, 25.

6 Заказ № 313

Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все пле-
мена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на
облаках небесных с силою и славою великою; [31] и пошлет
Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избран-
ных Его от четырех ветров, от края небес до края их.
[32] От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее стано-
вятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко
лето; [33] так, когда вы увидите всё сие, знайте, что близко
при дверях. [34] Истинно говорю вам: не прейдет род сей,
как всё сие будет; [35] небо и земля прейдут, но слова Мои
не прейдут. [36] О дне же том и часе никто не знает, ни
Ангелы небесные, а только Отец Мой один; [37] но, ка́к
было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Чело-
веческого: [38] ибо, ка́к во дни перед потопом ели, пили,
женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной
в ковчег, [39] и не думали, пока не пришел потоп и не истре-
бил всех,— так будет и пришествие Сына Человеческого;
[40] тогда будут двое на поле: один берется, а другой остав-
ляется; [41] две мелющие в жерновах: одна берется, а дру-
гая оставляется. [42] Итак бодрствуйте, потому что не зна-
ете, в который час Господь ваш приидет. [43] Но это вы
знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу
придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать
дома своего.

[44] Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не
думаете, приидет Сын Человеческий. [45] Кто́ же верный и
благоразумный раб, которого господин его поставил над
слугами своими, чтобы давать им пищу во время? [46] Бла-
жен тот раб, которого господин его, придя, найдет посту-
пающим так; [47] истинно говорю вам, что над всем имением
своим поставит его. [48] Если же раб тот, будучи зол, ска-
жет в сердце своем: не скоро придет господин мой, [49] и
начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами,—
[50] то придет господин раба того в день, в который он не
ожидает, и в час, в который не думает, [51] и рассечет
его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там
будет плач и скрежет зубов.

[30] Зах 12, 10. Мк 14, 62. Откр 1, 7. [31] 1 Кор 15, 52. 1 Фес 4, 16. [34] Мк. 13. 30—31. [35] Ис 51, 6. 2 Пет 3, 10. [37] Быт 7, 7. Лк 17, 26. 1 Пет 3, 20. [42] Мф 25, 13. Мк 13, 33. [43] Лк 12, 39. 1 Фес 5, 2. Откр 16, 15. [45] Лк 12, 42. 1 Кор 4, 2. [46] Откр 16, 15.

25 Тогда подобно будет Царство Небесное десяти де-
вам, которые, взяв светильники свои, вышли на-
встречу жениху. 2 Из них пять было мудрых и пять
неразумных. 3 Неразумные, взяв светильники свои, не взя-
ли с собою масла. 4 Мудрые же, вместе со светильника-
ми своими, взяли масла в сосудах своих. 5 И как жених
замедлил, то задремали все и уснули. 6 Но в полночь раз-
дался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему.
7 Тогда встали все девы те и поправили светильники свои.
8 Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего мас-
ла, потому что светильники наши гаснут. 9 А мудрые от-
вечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пой-
дите лучше к продающим и купите себе. 10 Когда же по-
шли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним
на брачный пир, и двери затворились; 11 после приходят и
прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам.
12 Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю
вас. 13 Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни
часа, в который приидет Сын Человеческий.

14 Ибо *Он поступит*, как человек, который, отправ-
ляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им
имение свое: 15 и одному дал он пять талантов, другому
два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отпра-
вился. 16 Получивший пять талантов пошел, употребил их
в дело и приобрел другие пять талантов; 17 точно так же
и получивший два таланта приобрел другие два; 18 полу-
чивший же один талант пошел и закопал *его* в землю
и скрыл серебро господина своего. 19 По долгом времени,
приходит господин рабов тех и требует у них отчета.
20 И, подойдя, получивший пять талантов принес другие
пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал
мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. 21 Гос-
подин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в
малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди
в радость господина твоего. 22 Подошел также и получив-
ший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал
мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. 23 Гос-
подин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб!

Глава 25. [10] Лк 13, 25. [11] Мф 7, 21. [12] Пс 5, 5. Авв 1, 13. [13] Мк 13, 33. 1 Кор 16, 13. [14] Лк 19, 12. [15] Рим 12, 6. 1 Кор 12, 7, 11. [21] Ис 61, 7. [29] Мф 13, 12. Мк 4, 25. Лк 8, 18; 19, 26. [30] Мф 24, 51. [31] Мф 13, 49; 16, 27. Деян 1, 11.

в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди
в радость господина твоего. [24] Подошел и получивший
один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты чело-
век жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не
рассыпáл, [25] и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой
в земле; вот тебе твое. [26] Господин же его сказал ему в
ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не
сеял, и собираю, где не рассыпáл; [27] посему надлежало
тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил
бы мое с прибылью, [28] итак, возьмите у него талант и дай-
те имеющему десять талантов, [29] ибо всякому имеющему
дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и
тó, чтó имеет; [30] а негодного раба выбросьте во тьму внеш-
нюю: там будет плач и скрежет зубов. Сказав сие, возгла-
сил: кто имеет уши слышать, да слышит!

[31] Когда же приидет Сын Человеческий во славе Сво-
ей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престо-
ле славы Своей, [32] и соберутся пред Ним все народы; и
отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от коз-
лов; [33] и поставит овец по правую Свою сторону, а коз-
лов — по левую. [34] Тогда скажет Царь тем, которые по
правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Мое-
го, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира:
[35] ибо алкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напои-
ли Меня; был странником, и вы приняли Меня; [36] был наг,
и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в тем-
нице был, и вы пришли ко Мне. [37] Тогда праведники
скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя ал-
чущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? [38] ког-
да мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим,
и одели? [39] когда мы видели Тебя больным, или в темни-
це, и пришли к Тебе? [40] И Царь скажет им в ответ: ис-
тинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих
братьев Моих меньших, то сделали Мне. [41] Тогда скажет и
тем, которые по левую сторону: идите от Меня, прокля-
тые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его:
[42] ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы
не напоили Меня; [43] был странником, и не приняли Меня;
был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посе-

[34] Мф 20, 23. [35] Ис 58, 7. Иез 18, 7. 2 Тим 1, 18. [40] Притч 14, 31; 19, 17. Мф 10, 42. [41] Пс 6, 9. Лк 13, 27. [46] Дан 12, 2. Ин 5, 29.

тили Меня. [44] Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи!
когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? [45] Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. [46] И пойдут сии в му́ку вечную,
а праведники в жизнь вечную.

26 Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал
ученикам Своим: [2] вы знаете, что через два дня
будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет
на распятие.

[3] Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, [4] и положили в совете взять Иисуса хитростью и
убить; [5] но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.

[6] Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона
прокаженного, [7] приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. [8] Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? [9] Ибо можно было бы
продать это миро за большую цену и дать нищим. [10] Но
Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину?
она доброе дело сделала для Меня: [11] ибо нищих всегда
имеете с собою, а Меня не всегда имеете; [12] возлив
миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; [13] истинно говорю вам: где ни будет проповедано
Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и
о том, что она сделала. [14] Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам
[15] и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его?
Они предложили ему тридцать сребреников; [16] и с того
времени он искал удобного случая предать Его.

[17] В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить
Тебе пасху? [18] Он сказал: пойдите в город к такому-то и
скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя

Глава 26. [2] Мк 14, 1. Лк 22, 1. Ин 13, 1. [3] Пс 2, 2. Ин 11, 47. [4] Пс 40, 8. [6] Мк 14, 3. Ин 11, 2; 12, 3. [11] Втор 15, 11.

совершу пасху с учениками Моими. [19] Ученики сделали,
как повелел им Иисус, и приготовили пасху.

[20] Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью
учениками; [21] и когда они ели, сказал: истинно говорю вам,
что один из вас предаст Меня. [22] Они весьма опечали-
лись, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли,
Господи? [23] Он же сказал в ответ: опустивший со Мною
руку в блюдо, этот предаст Меня; [24] впрочем Сын Чело-
веческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку,
которым Сын Человеческий предается: лучше было бы это-
му человеку не родиться. [25] При сем и Иуда, предающий
Его, сказал: не я ли, Равви́? *Иисус* говорит ему: ты сказал.

[26] И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив,
преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите:
сие есть Тело Мое. [27] И, взяв чашу и благодарив, подал
им и сказал: пейте из нее все, [28] ибо сие есть Кровь
Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление
грехов. [29] Сказываю же вам, что отныне не буду пить от
плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с
вами новое *вино* в Царстве Отца Моего.

[30] И, воспев, пошли на гору Елеонскую. [31] Тогда го-
ворит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь,
ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада;
[32] по воскресении же Моем предварю вас в Галилее.
[33] Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазнятся о
Тебе, я никогда не соблазнюсь. [34] Иисус сказал ему, истин-
но говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет
петух, трижды отречешься от Меня. [35] Говорит Ему Петр:
хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь
от Тебя. Подобное говорили и все ученики.

[36] Потом приходит с ними Иисус на место, называе-
мое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока
Я пойду, помолюсь там. [37] И, взяв с Собою Петра и обоих
сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. [38] Тогда

[14] Мк 14, 10. Лк 22, 4.[15] Зах 11, 13. [17] Исх 12, 6, 15. Мк 14, 12. Лк 22, 7. [20] Лк 22, 14. [21] Пс 40, 10. Мк 14, 18. Ин 13, 21. [24] Пс 21, 3. Ис 53, 3. Дан 9, 26. [26] Мк 14, 22. Лк 22, 19. 1 Кор 11, 24. [28] Мф 20, 28. [31] Зах 13, 7. Мк 14, 27. Ин 16, 32. [32] Мф 28, 16. Мк 14, 28. [34] Мк 14, 30. Лк 22, 34. Ин 13, 38. [36] Мк 14, 32. Лк 22, 39. [37] Пс 114, 3. Ин 12, 27.

говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; по-
будьте здесь и бодрствуйте со Мною. [39] И, отойдя немно-
го, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой!
если возможно, да минут Меня чаша сия; впрочем, не
как Я хочу, но как Ты. [40] И приходит к ученикам и нахо-
дит их спящими, и говорит Петру: та́к ли не могли вы один
час бодрствовать со Мною? [41] бодрствуйте и молитесь,
чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощ-
на. [42] Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче
Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне
не пить ее, да будет воля Твоя. [43] И, придя, находит их
опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. [44] И, оставив
их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же
слово. [45] Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им:
вы всё еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и
Сын Человеческий предается в руки грешников; [46] встаньте,
пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

[47] И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из две-
надцати, пришел, и с ним множество народа с мечами
и кольями, от первосвященников и старейшин народных.
[48] Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поце-
лую, Тот и есть, возьмите Его. [49] И, тотчас подойдя к Иису-
су, сказал: радуйся, Равви́! И поцеловал Его. [50] Иисус
же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда по-
дошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. [51] И вот,
один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч
свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо.
[52] Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его ме-
сто, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; [53] или дума-
ешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он
представит Мне более, нежели двенадцать легионов Анге-
лов? [54] как же сбудутся Писания, что та́к должно быть?
[55] В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойни-
ка вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый
день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали
Меня. [56] Сие же всё было, да сбудутся писания пророков.
Тогда все ученики, оставив Его, бежали.

[39] Мф 20, 22. Ин 5, 30. Флп 2, 8. Евр 5, 7—8. [47] Мк 14, 43. Лк 22, 47. Ин 18, 3. [52] Быт 9, 6. Откр 13, 10. [53] Дан 7, 10. [54] Пс 21, 2. Ис 53, 2. Дан 9, 26. [57] Мк 14, 53. Лк 22, 54 [59] Пс 26, 12; 34, 11. Мк 14, 55. [61] Мф 27, 40. Мк 14, 58. Ин 2, 19.

[57] А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе перво-
священнику, куда собрались книжники и старейшины.
[58] Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвя-
щенникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы
видеть конец. [59] Первосвященники и старейшины и весь
синедрион * искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы
предать Его смерти, [60] и не находили; и, хотя много лже-
свидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два
лжесвидетеля [61] и сказали: Он говорил: могу разрушить
храм Божий и в три дня создать его. [62] И, встав, перво-
священник сказал Ему: *что же* ничего не отвечаешь?
что́ они против Тебя свидетельствуют? [63] Иисус молчал.
И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом жи-
вым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? [64] Иисус
говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне у́зри-
те Сына Человеческого, сидящего одесную силы и гряду-
щего на облаках небесных. [65] Тогда первосвященник разо-
драл одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что́
еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульст-
во Его! [66] как вам кажется? Они же сказали в ответ: по-
винен смерти. [67] Тогда плевали Ему в лице и заушали
Его; другие же ударяли Его по ланитам [68] и говорили:
прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?

[69] Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему
одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилея-
нином. [70] Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю,
что ты говоришь. [71] Когда же он выходил за ворота, уви-
дела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с
Иисусом Назореем. [72] И он опять отрекся с клятвою, что
не знает Сего Человека. [73] Немно́го спустя подошли стояв-
шие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и
речь твоя обличает тебя. [74] Тогда он начал клясться и бо-
житься, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух.
[75] И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде
нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И вый-
дя вон, плакал горько.

---

* Верховное судилище.

[63] Ис 53, 7. Деян 8, 33. [64] Пс 109, 1. Дан 7, 13. Мф 16, 27. Ин 6, 62. Деян 1, 11. Рим 14, 11. 1 Фес 4, 16. Откр 1, 7. [67] Ис 50, 6; 53, 3. [70] Мк 14, 68. [74] Мк 14, 72.

27 Когда же настало утро, все первосвященники и
старейшины народа имели совещание об Иисусе,
чтобы предать Его смерти; 2 и, связав Его, отвели
и предали Его Понтию Пилату, правителю.

3 Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осуж-
ден и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников пер-
восвященникам и старейшинам, 4 говоря: согрешил я, пре-
дав кровь невинную. Они же сказали ему: что́ нам до
того? смотри сам. 5 И, бросив сребреники в храме, он
вышел, пошел и удавился. 6 Первосвященники, взяв среб-
реники, сказали: непозволительно положить их в сокро-
вищницу церковную, потому что это цена крови. 7 Сделав
же совещание, купили на них землю горшечника, для по-
гребения странников; 8 посему и называется земля та «зем-
лею крови» до сего дня. 9 Тогда сбылось реченное через
пророка Иеримию, который говорит: и взяли тридцать
сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны
Израиля, 10 и дали их за землю горшечника, как сказал
мне Господь.

11 Иисус же стал пред правителем. И спросил Его пра-
витель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты гово-
ришь. 12 И когда обвиняли Его первосвященники и старей-
шины, Он ничего не отвечал. 13 Тогда говорит Ему Пилат:
не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? 14 И не
отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма ди-
вился. 15 На праздник же *Пасхи* правитель имел обычай
отпускать народу одного узника, которого хотели. 16 Был
тогда у них известный узник, называемый Варавва; 17 итак,
когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы
я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Хри-
стом? 18 ибо знал, что предали Его из зависти. 19 Между
тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала
ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому
что я ныне во сне много пострадала за Него. 20 Но перво-
священники и старейшины возбудили народ просить Ва-
равву, а Иисуса погубить. 21 Тогда правитель спросил их:
кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали:
Варавву. 22 Пилат говорит им: что́ же я сделаю Иисусу,

Глава 27. [1] Пс 2, 2. [2] Мк 15, 1. Лк 23, 1. [5] Деян 1, 18. [8] Деян 1, 19. [9] Иер 32, 9. Зах 11, 12. [11] Мк 15, 2. Лк 23, 3. Ин 18, 37. 1 Тим 6, 13. [12] Мф 26, 63.

называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят.
23 Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще
сильнее кричали: да будет распят. 24 Пилат, видя, что ни-
что не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и
умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови
Праведника Сего; смотрите вы. 25 И, отвечая, весь народ
сказал: кровь Его на нас и на детях наших. 26 Тогда от-
пустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

27 Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию*,
собрали на Него весь полк 28 и, раздев Его, надели на Него
багряницу; 29 и, сплетши венец из терна, возложили Ему на
голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь
пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуй-
ся, Царь Иудейский! 30 и плевали на Него и, взяв трость,
били Его по голове.

31 И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багря-
ницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распя-
тие. 32 Выходя, они встретили одного Киринеянина, по
имени Симона; сего заставили нести крест Его. 33 И, при-
дя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное
место, 34 дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и,
отведав, не хотел пить. 35 Распявшие же Его делили одеж-
ды Его, бросая жребий; 36 и, сидя, стерегли Его там;
37 и поставили над головою Его надпись, означающую
вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский. 38 Тогда рас-
пяты с Ним два разбойника: один по правую сторону,
а другой по левую. 39 Проходящие же злословили Его, ки-
вая головами своими 40 и говоря: Разрушающий храм и в
три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын
Божий, сойди с креста. 41 Подобно и первосвященники
с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь,
говорили: 42 других спасал, а Себя Самого не может спа-
сти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста,
и уверуем в Него; 43 уповал на Бога; пусть теперь избавит
Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын.
44 Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его.

---

* Судилище преторское.

[17] Мф 21, 11. [20] Мк 15, 11. Лк 23, 18. Ин 18, 40. Деян 3, 14. [26] Мк 15, 15. Ин 19, 1. [33] Мк 15, 22. Лк 23, 33. Ин 19, 17. Евр 13, 12. [34] Пс 68, 22. [35] Пс 21, 19. [38] Ис 53, 12. [39] Пс

[45] От шестого же часа тьма была по всей земле до часа
девятого; [46] а около девятого часа возопил Иисус громким
голосом: Или́, Или́! лама́ савахфани́? то есть: Боже Мой,
Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? [47] Некоторые из
стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он.
[48] И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил
уксусом и, наложи́в на трость, давал Ему пить; [49] а другие
говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его.
[50] Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил
дух. [51] И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху
донизу; и земля потряслась; и камни расселись; [52] и гробы
отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли [53] и,
выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град
и явились многим. [54] Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий.
[55] Там были также и смотрели издали многие женщины,
которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему;
[56] между ними была Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых.

[57] Когда же настал вечер, пришел богатый человек из
Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; [58] он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда
Пилат приказал отдать тело; [59] и, взяв тело, Иосиф обвил
его чистою плащаницею * [60] и положил его в новом своем
гробе, который высек он в скале; и, привалив большой
камень к двери гроба, удалился. [61] Была же там Мария
Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба.

[62] На другой день, который следует за пятницею, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату [63] и говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; [64] итак
прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики
Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу:
воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого. [65] Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняй-

---

* Полотном.

21, 8; 108, 25. [40] Мф 26, 61. Мк 14, 58. [43] Пс 21, 9, 18. Прем 2, 18. [45] Ам 8, 9. [46] Пс 21, 2. Мк 15, 34. [48] Пс 68, 22. Ин 19, 29. [51] Исх 26, 31. 2 Пар 3, 14. Евр 10, 20. [57] Мк 15, 42—43. Лк 23, 50. Ин 19, 38.

те, как знаете. [66] Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать.

28 По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб.

[2] И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень
от двери гроба и сидел на нем; [3] вид его был, как молния,
и одежда его бела, как снег; [4] устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые.

[5] Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; [6] Его нет
здесь — Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите
место, где лежал Господь, [7] и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас
в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. [8] И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его.

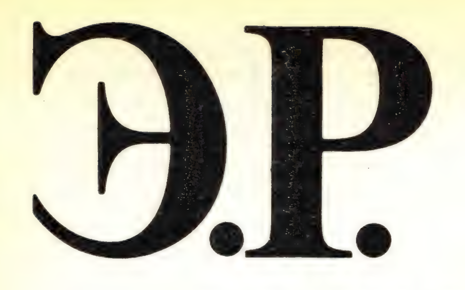
[9] Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се, Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив,
ухватились за ноги Его и поклонились Ему. [10] Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня.
[11] Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем.
[12] И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, [13] и сказали: скажите,
что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; [14] и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. [15] Они, взяв
деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня.

[16] Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, [17] и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. [18] И, приблизившись, Иисус

Глава 28. [1] Мк 16, 1. Лк 24, 1. Ин 20, 1. [5] Мк 16, 6. [6] Мф 12, 40; 16, 21; 17, 23. [7] Мф 26, 32. Мк 14, 28. Ин 21, 1. Деян 1, 3; 10, 41. 1 Кор 15, 5. [9] Мк 16, 9. Ин 20, 14. [10] Ин

сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле.
[19] Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца
и Сына и Святаго Духа, [20] уча их соблюдать всё, что Я
повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания
века. Аминь.

20, 17. Евр 2, 11. [18] Мф 11, 27. Лк 1, 32. Ин 3, 35; 13, 3; 17, 2. 1 Пет 3, 22. Рим 14, 9. Еф 1, 10. Флп 2, 9. Кол 1, 16. Евр. 2, 8. Откр 19, 16.



ЭРНЕСТ РЕНАН

Жизнь Иисуса

Светлой душе
моей сестры Генриетты,
умершей в Библосе
24 сентября 1861 г.

ВСПОМИНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ПОКОЯСЬ НА ЛОНЕ БОЖИЕМ, О ТЕХ длинных днях в Газире, когда наедине с тобою я писал эти страницы, вдохновленные местами, которые мы вместе посетили? Ты сидела возле меня молчаливо, перечитывала каждый листок и переписывала его тотчас после того, как он был написан, а у наших ног расстилались море, селения, долины, горы. И когда после томительного зноя мириады звезд усеивали небосклон, твои умные, осторожные вопросы, скромные сомнения заставляли меня возвращаться к великому предмету наших общих дум. Однажды ты сказала мне, что будешь любить эту книгу, прежде всего потому, что я написал ее вместе с тобою, и затем еще потому, что она тебе по душе. Если иногда ты опасалась, как бы не при-

шлось услыхать о ней узкие суждения какого-нибудь легкомысленного человека, то всегда ты питала уверенность в том, что истинно религиозной душе в конце концов она понравится. Среди этих милых дум смерть коснулась нас обоих своим крылом; глубокий сон после жестокой лихорадки овладел нами обоими в один и тот же час; и проснулся я одиноким! Теперь ты спишь в земле Адониса близ священного Библоса, близ тех священных вод, с которыми смешивались слезы женщин древних мистерий. О мой добрый гений! Ты так меня любила, раскрой же мне те истины, которые выше смерти, которые не только рассеивают страх смерти, но почти внушают любовь к ней.

ГЛАВА I

МЕСТО ИИСУСА ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.

Главным событием всемирной истории является тот переворот, при посредстве которого благороднейшие расы человечества перешли от древних религий, известных под общим неопределенным названием языческих, к религии, основанной на идее единого божества, троичности, воплощения Сына Божия. Для этого обращения потребовалось около тысячелетия. Новая религия употребила только на свою организацию по меньшей мере триста лет. Но исходной точкой переворота, о котором идет речь, послужило событие, имевшее место в царствование Августа и Тиверия. В эту эпоху жил великий человек, который своей смелой инициативой и той преданностью, какую он сумел внушить к себе, создал и самый объект, и исходную точку будущей веры человечества.

С тех пор как человек стал отличаться от животного, он сделался религиозным, то есть начал видеть в природе нечто сверх реальности и в самом себе нечто по ту сторону смерти. Это чувство в течение тысячелетий приводило к самым странным заблуждениям. У многих рас оно не выходило за пределы верования в колдунов в грубой форме, как это можно еще встретить в некоторых пунктах Океании. У некоторых народностей религиозное чувство привело к тем постыдным сценам бойни, которые характеризуют древнюю религию Мексики. Другие страны, в особенности Африка, в этом отношении не шли далее фетишизма, то есть поклонения материальным объектам, ко-

торым приписывалась сверхъестественная сила. Подобно тому, как инстинкт любви в известные моменты возвышает самого обыденного человека над самим собой, а в другой раз превращается в разврат и зверство, божественное свойство религиозности в течение долгого промежутка времени могло представлять собой разъедающую язву, от которой следовало избавить род человеческий, источник заблуждений и преступлений, к искоренению которого мудрецы должны были прилагать все свои старания.

Блестящие цивилизации, которые были созданы со времен весьма отдаленной древности в Китае, в Вавилоне, в Египте, внесли в религию некоторый прогресс. Китай быстро усвоил известную степень посредственного здравого смысла, который удерживал его от крупных заблуждений. Ни преимущества, ни злоупотребления религиозного гения были ему неизвестны. Во всяком случае, с этой стороны Китай не имел никакого влияния на направление великого течения человеческой мысли. Религии Вавилона и Сирии никогда не могли отделаться от лежавшей в их основе чувственности; вплоть до тех пор, пока они не угасли в IV и V веках нашей эры, они оставались школами безнравственности, в которых иногда, благодаря некоторой поэтической созерцательности, открывались светлые горизонты божественного мира. В Египте, несмотря на некоторого рода внешний фетишизм, уже в раннюю эпоху были созданы метафизические догматы и высший символизм. Но, без сомнения, эти толкования утонченной теологии не были первобытными.

Человек, владея ясной идеей, никогда не старался маскировать ее символами: чаще всего только после долгих размышлений и ввиду невозможности для человеческой мысли примириться с абсурдом он пускается в поиски идей, скрывающихся под старыми мистическими образами, смысл которых утрачен. И наконец, вера человечества вышла не из Египта. Элементы, перешедшие в религию христианина при посредстве тысячи превращений из Египта и Сирии, представляют собой внешние формы, не имеющие большого значения, или шлаки, какие всегда можно встретить в культе, наиболее очищенном от пережитков. Огромным недостатком религий, о которых идет речь, является их суеверный характер; они выбросили в мир миллионы амулетов и талисманов. Ни одна великая идея не могла родиться у нас, приниженных вековым деспотизмом и привыкших к государственным

учреждениям, отнимавшим у индивидуумов почти всякую свободу мысли.

Поэзия души, вера, свобода, честь, самоотвержение появились в мире вместе с двумя великими расами, которые, в известном смысле, составляют человечество — я говорю о расе индоевропейской и о расе семитической. Первое религиозное миросозерцание индоевропейской расы было, по существу, натуралистическим. Но то был натурализм, отличавшийся глубиной и нравственностью, любовное отношение человека к природе, восхитительная поэзия, полная чувства бесконечного, словом, основа всего того, что впоследствии должен был выразить гений германцев и кельтов в лице своих Шекспиров, Гете. Эта была не религия, не строго обдуманная нравственность; то была меланхолия, нежность, воображение; прежде всего, это было глубокомыслие, то есть существенное условие и нравственности, и религии. Но вера человечества не могла выйти отсюда, ибо эти старые культы лишь с большим трудом могли освободиться от политеизма и не выливались в достаточно ясный символ. Браманизм дожил до наших дней лишь благодаря изумительной привилегии консервирования, которою, по-видимому, обладает Индия. Буддизм потерпел неудачу во всех своих попытках распространиться к Западу. Друидизм остался исключительно национальной формой без всякого мирового значения. Греческие попытки реформ, орфизм, мистерии были недостаточны для того, чтобы дать душе солидную пищу. Одна Персия успела создать для себя догматическую религию, почти монотеистическую и организованную весьма мудро; но весьма возможно, что эта организация была подражанием или позаимствованием. Во всяком случае, Персия не обратила мир в свою веру; напротив, она сама обратилась в новую веру, когда на ее границах развернулось знамя единого божества, провозглашенного исламом.

Таким образом, слава создания религии человечества принадлежит семитической расе [1]. Еще в доисторические

---

[1] Напомню, что это название здесь относится просто к народам, которые говорят, или говорили, на одном из языков, называемых семитическими. Подобная терминология, конечно, весьма ошибочна, но это слово принадлежит к числу тех, вроде «готической архитектуры», «арабских цифр», которые приходится оставлять в употреблении для того, чтобы быть понятым, хотя и установлено, что они сами по себе могут внушить неверное понятие.

времена бедуинский патриарх подготовлял всемирную веру в своем шатре, которого не коснулись беззакония мира, уже успевшего развратиться. Сильнейшая антипатия к чувственным культам Сирии, большая простота быта, полное отсутствие храмов, низведение идола до степени ничтожного терафима — вот в чем заключалось превосходство этой веры. Среди других семитических кочевых племен племя Бен-Израиля уже было намечено для великого будущего. Старинные связи с Египтом и сделанные у него позаимствования, обширность которых нелегко поддается определению, только увеличивали отвращение к идолопоклонству. «Закон», или Тора, написанный в весьма отдаленные времена на каменных досках и приписываемый великому освободителю этого племени, Моисею, представлял собой уже целый кодекс монотеизма и по сравнению с установлениями Египта и Сирии заключал в себе мощные зародыши социального равенства и нравственности. Переносный ковчег, украшенный на крышке сфинксом [1], с кольцами по сторонам для поручней, составлял всю религиозную утварь; в нем складывались все священные предметы нации, ее реликвии, сувениры и, наконец, «книга», хроника этого племени, которая велась непрерывно, но записи в которую заносились весьма скупо [2]. Род, на обязанности которого лежало носить ковчег и охранять этот переносный архив, как состоявший в непосредственной близости к нему и располагавший им, очень скоро приобрел выдающееся значение. Но не отсюда вышло то учреждение, которому принадлежало будущее. Еврейский жрец не слишком отличался от других жрецов античного мира. Существеннейшая черта, отличающая Израиль от других теократических народностей, заключается в том, что у него жрец всегда был подчинен индивидуальному вдохновению. Помимо жрецов у каждого кочевого племени был свой «нави», или пророк, нечто вроде живого оракула, с которым совещались по вопросам неясным, требующим для своего разрешения высокой степени ясновидения. «Нави» Израиля, организованные в группы или школы, обладали огромным значением. Защитники древнего демократического духа, враги богатых, противни-

---

[1] Ср. Лепсиус, «Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien», VIII, табл. 245; Де Руже, Etude sur une stèle égypt. apartenant à la Bible imper. (Paris, 1858); Де Вогюэ, Le Temple de Jerusalem, стр. 33; Гюньо, Rel. de l'ant., табл. 173.

[2] 1 книга Царств, X, 25.

ки всякого рода политической организации и всего того, что увлекло бы Израиль на путь, которым шли другие нации, они были истинным орудием религиозного первенства еврейского народа. С ранних пор они исповедовали безграничные упования, и когда народ, отчасти под влиянием их неполитичных советов, был раздавлен ассирийской державой, они провозгласили, что Иуде предназначено царство без границ, что некогда Иерусалим будет столицей всего мира и весь род людской будет еврейским. Иерусалим с его храмом представлялся им в виде города, расположенного на вершине горы, к которой должны были стекаться все народы, в виде оракула, которому предстоит возвестить мировой закон, в виде центра идеального царства, в котором род людской, умиротворенный Израилем, снова обретет все радости Эдема [1].

Здесь уже слышатся до той поры неведомые мотивы, восхваляющие мученичество и прославляющие могущество «человека скорби». По поводу некоторых из этих великих страстотерпцев, которые, подобно Иеремии, обагряли своей кровью улицы Иерусалима, один вдохновенный поэт создал песнь, посвященную страданиям и триумфу «служителя Божия» и как бы сосредоточившую в себе всю пророческую силу Израиля [2]. «Ибо Он взошел перед Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу,— и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание и, как агнец, пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих... Ему назначили гроб со злодеями, но

[1] Исайя, II, 1 — 4, и в особенности главы XL и след., LX и след.; Михей, IV, 1 и след. Надо помнить, что вторая часть книги пророка Исайи, начиная с главы XL, принадлежит не Исайе.

[2] Исайя, LII, 13 и след. и вся LIII.

Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его».

В то же время крупные изменения произошли в *Торе*. Были созданы новые тексты, которым приписывалось, что они представляют собой истинный закон Моисея, как, например, Второзаконие, и которые на самом деле вносили дух, значительно отличавшийся от духа древних кочевников. Господствующей чертой этого нового духа был фанатизм. Исступленные верующие беспрестанно взывают к насилию против всех, кто уклоняется от культа Иеговы; им удалось ввести кровавый кодекс, карающий смертью за отступление от религии. Благочестие почти всегда влечет за собой странные противоположения жестокости и кротости. Такое усердие, чуждое грубой простоте нравов во времена Судей, сообщало проповеди неслыханные в мире до тех пор ноты внутреннего волнения и нежного умиления. Теперь начинает уже чувствоваться сильная наклонность к решению социальных вопросов; в кодекс проникают утопии, мечты о совершенном обществе. Таким образом, Пятикнижие, представляя собой смесь патриархальной морали и пламенной веры, первобытной созерцательности и утонченной набожности, то есть чувств, подобных тем, которыми было переполнено сердце Иезекииля, Осии, Иеремии, приняло окончательно ту форму, в которой оно нам известно, и превратилось на все времена в абсолютный закон национального гения.

Как только была создана эта великая книга, история еврейского народа начала развертываться с неудержимой стремительностью. Великие государства, возникавшие одно за другим в Восточной Азии, отняли у Израиля всякую надежду на земное господство и повергли его в религиозное мечтательство, которому он предавался с мрачной страстностью. Не заботясь особенно ни о национальной династии, ни о политической независимости, он примирялся с любым правительством, которое предоставляло ему свободу культа и право жить по своим обычаям. Таким образом, отныне для Израиля не существовало ни иного направления, кроме указываемого его религиозными энтузиастами, ни иных врагов, кроме врагов единого Божества, ни иной родины, кроме своего Закона.

И надо заметить при этом, что этот Закон обладал всей полнотой социального и морального закона. Это было создание людей, проникнутых высоким идеалом будущей жизни и веровавших в то, что они открыли лучшие способы осуществить его. Все были убеждены в том, что при точном соблюдении *Торы* нельзя не достигнуть полнейшего блаженства. *Тора* не имеет ничего общего с «законами» греческими или римскими, которые рассматривают лишь отвлеченно право и мало входят в вопросы счастья и нравственности частных лиц. Уже наперед можно было предчувствовать, что выводы, проистекающие из еврейского Закона, будут относиться к социальному, а не политическому строю, что задача, над которой работает этот народ,— Царство Божие, а не гражданская республика, всемирное учреждение, а не национальность или отечество.

Пройдя через многие периоды упадка, Израиль изумительно сохранил свое призвание. Целый ряд благочестивых мужей, Ездра, Неемия, Осия, Маккавеи, пожираемых рвением к Закону, выступали один за другим последовательно на защиту древних учреждений. Идея, что Израиль — святой народ, племя, избранное Богом и связанное с ним договором, укоренялась все более и более непоколебимо. Души преисполнялись необъятным ожиданием. Весь индоевропейский мир принял рай за источник своего происхождения; все его поэты оплакивали исчезнувший золотой век. Израиль переместил золотой век в будущее. Псалмы, эта вечная поэзия религиозных умов, звучат экзальтированным пиетизмом и его божественной, меланхолической гармонией. Израиль действительно стал по преимуществу Божьим народом, в то время как вокруг него языческие религии все более приходили в упадок, превращаясь в Персии и Вавилоне в официальное шарлатанство, в Египте и Сирии — в грубое идолопоклонство, в греческом и латинском мире — в обрядовую внешность. То, что совершали христианские мученики в первые века нашей эры, то, что совершали и совершают в недрах самого христианства, вплоть до нашего времени, жертвы воинствующего правоверия, евреи совершали уже в течение двух веков, предшествовавших христианской эре. Они были живым протестом против суеверия и религиозного материализма. Необычайное возбуждение идеями, которые приводили к самым противоположным выводам, придавало евреям в эту эпоху характер самого за-

мечательного, самого оригинального народа в мире. Распространение их по всему побережью Средиземного моря и употребление ими греческого языка, который они усвоили себе вне Палестины, подготовили пути для пропаганды, совершенно беспримерной у древних обществ, разбитых на мелкие национальности.

До эпохи Маккавеев иудейство, несмотря на упорство, с которым оно провозглашало, что будет некогда религией всего рода человеческого, представляло черты, характерные для всех других античных культов: это был культ данного рода и племени. Израильтянин, конечно, думал, что его культ лучший, и говорил об иноземных богах с презрением. Но сверх того он верил, что религия истинного Бога и создана только для него одного. Кто входит в еврейскую семью, тот тем самым принимает культ Иеговы; вот и все. Ни один израильтянин не помышлял совращать чужеземца в религию, которая составляет наследие сынов Авраама. Развитие пиетизма, со времен Ездры и Неемии, привело с собой более стойкую и логичную концепцию. Иудейство сделалось истинной религией самым абсолютным образом; всякому желающему предоставлялось право вступить в нее [1]; вскоре привлечение к ней как можно больше последователей стали считать благочестивым делом [2]. Без сомнения, благородное чувство, возвышавшее Иоанна Крестителя, Иисуса, Св. Павла над расовыми идеями, еще не существовало. По странному противоречию самих совращенных (прозелитов) мало уважали и относились к ним с презрением [3]. Но идея исключительной религии, идея, что в мире есть нечто выше отечества, крови, законов, идея, которая создала впоследствии апостолов и мучеников, была уже основана. Глубокое сожаление к язычникам, каково бы ни было их блестящее светское положение, отныне стало уже чисто еврейским чувством [4]. Руководители народа пытались целой серией легенд, представляющих образцы непоколеби-

---

[1] Есфирь, IX, 27.

[2] Матфея, XXIII, 15; Иосиф, Vita, 23; Bell. Iud., II, XVII, 10; VII, III, 3; Ant., XX, II, 4; Гораций, Sat., I, IV, 143; Ювен., XIV, 96 и след.; Тацит, Ann. II, 85; Hist., V, 5; Дион Кассий, XXXVII, 17. Часто рабам давали свободу при условии, что они останутся евреями. Леви (из Бреславля), Epigraphische Beitrage zur Gesch, der Juden, стр. 299 и след.

[3] Мишна, *Шебеит*, X, 9. Вавил. Талмуд, *Нуддах*, 13b.; *Иебамот*, 47b; *Куддушин*, 70b; Мидраш, *Иалкут Руфь*, 163d.

[4] Апокрифическое посл. Варуха, у Фабриция, Cod. pseud., т. V, II, 147 и след., и у Цериани, Monum. sacra et profana, I, fasc. II, стр. 96 и след.

мой стойкости (Даниил и его товарищи, мать Маккавеев и ее семь сыновей [1], роман александрийского ристалища), внушить идею, что добродетель заключается в фанатической приверженности к определенным религиозным учреждениям.

Преследования Антиоха Епифана обратили эту идею в страсть, почти в безумие. В этом было нечто весьма сходное с тем, что произошло при Нероне спустя двести тридцать лет. Гнев и отчаяние повергали верующих в мир видений и мечтаний. Появился первый Апокалипсис, книга Даниила. Это было как бы возрождением пророков, только в форме, сильно отличавшейся от древней, и с более широким взглядом на судьбы мира. Книга Даниила дала в некотором роде окончательное выражение мессианским упованиям. Мессия представляется уже не в виде царя, наподобие Давида и Соломона, и не в виде теократического Кира Моисеева закона; он изображается «Сыном Человеческим», появляющимся в облаке [2], сверхъестественным существом, призванным судить мир и главенствовать в золотом веке. Быть может, некоторые черты этого нового идеала заимствованы у *Сосиоша* из Персии, великого ожидаемого в будущем пророка, который приготовит царство Ормузда [3]. Во всяком случае, неизвестный автор книги Даниила имел решительное влияние на религиозное событие, которому суждено было преобразовать мир. Он создал всю постановку, все технические выражения нового мессианства, и к нему приложимо то, что Иисус сказал об Иоанне Крестителе: «До него пророки, после него Царство Божие». Несколько лет спустя те же идеи были воспроизведены в книге, приписанной патриарху Еноху [4]. Ессеизм, по-видимому, находившийся в прямой связи с апокалипсической школой, возник около этого же времени [5] и представлял собой как бы первый

---

[1] 2 книга Маккавейская, VII, и De Maccabaeis, приписываемая Иосифу. Ср. посл. к Евр., XI, 33 и след.

[2] Даниил, VII, 13 и след.

[3] *Вендидад*, XIX, 18, 19; *Минохиред*, эпизод, опубликованный в Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, I, 268; *Бундехет*, XXXI. Отсутствие точной хронологии для текстов Зенда и Пехльви оставляет большой простор для сомнений относительно этой связи между еврейскими и персидскими верованиями.

[4] Ср. Введение, стр. 26—27.

[5] Первое точное указание на ессеев встречается около 106 г. до Р. Х. Иосиф, Ant., XIII, XI, 2; B. I., I, III, 5.

набросок великого учения, которое вскоре должно было конституироваться и перевоспитать род человеческий.

Однако не следует думать, что это движение, столь глубоко религиозное и страстное, имело в качестве двигателей особенные догматы, как это и бывало во всех случаях борьбы, возникавшей в недрах самого христианства. Еврей этой эпохи был меньше всего теологом. Он не задумывался над сущностью Божества; верования в ангелов, о конце мира, о лицах Божества, зачатки которых уже можно было различить, были вольными верованиями, рассуждениями, которым каждый мог предаваться по свойствам его ума, но о которых огромное большинство никогда и не слыхивало. И именно наиболее ортодоксальные люди стояли вне всех этих частных измышлений и держались закона Моисеева во всей его чистоте. В то время не существовало догматической власти, аналогичной той, которую правоверное христианство предоставило Церкви. Лихорадочная погоня за определениями, превратившая историю Церкви в историю бесконечных словопрений, начинается лишь с III века, когда христианство попало в руки резонерствующих рас, увлекавшихся диалектикой и метафизикой. Прения происходили также и у иудеев; пламенные последователи школы давали почти на все волнующие вопросы противоположные решения; но в этих диспутах, главные черты которых сохранились в Талмуде, нет ни слова, относящегося к спекулятивной теологии. Весь иудаизм сводился к соблюдению и поддержанию Закона, так как он справедлив и так как при строгом соблюдении его можно достигнуть блаженства. Никакого credo, никакого теоретического символа. Последователь одной из самых смелых арабских философских школ, Моисей Маймонид, мог сделаться оракулом синагоги, потому что он был очень опытным канонистом.

В царствование последних Асмонеев и Ирода экзальтация еще усилилась. Наступил почти непрерывный ряд религиозных движений. По мере того как власть делалась более светской и переходила в руки неверных, еврейский народ жил все менее и менее для земли, и его все более поглощала усиленная внутренняя работа. Мир, развлекавшийся другими событиями, не имел никакого представления о том, что происходило в этом заброшенном уголке Востока. Однако умы, стоявшие выше своих современников, были более осведомлены. Чуткий и прозорливый Вергилий, подобно таинственному эхо, отвечает Исайе;

рождение ребенка повергает его в мечты о всемирном возрождении [1]. Такие грезы были делом обычным и составляли как бы особый род литературы, которому давали название сивиллиной. Только что образовавшаяся Империя возбуждала воображение; великая эра мира, в которую вступало человечество, и та меланхолическая чувствительность, которая овладевает умами после длинных периодов революции, порождали повсюду преувеличенные беспредельные надежды.

В Иудее напряженное ожидание дошло до своих крайних пределов. Святые люди, в числе которых легенда упоминает о престарелом Симеоне, будто бы державшем Иисуса на руках, и об Анне, дочери Фануила, имевшей репутацию пророчицы [2], проводили всю жизнь возле храма, в посте и молитвах, чтобы Господу угодно было не отозвать их от жизни раньше, чем они увидят сбывшимися упования Израиля. В этом чувствуется могучее назревание, приближение чего-то неведомого.

Эта смутная смесь ясновидения и грез, эта смена надежд и разочарований, эти стремления, постоянно подавляемые ненавистной действительностью, нашли себе наконец выразителя в несравненном человеке, которому всемирное сознание присвоило титул Сына Божия, и присвоило вполне справедливо, ибо он заставил религию сделать шаг, с которым ничто не может сравниться и подобного которому, вероятно, никогда и не будет.

ГЛАВА II

ДЕТСТВО И МОЛОДОСТЬ ИИСУСА. ЕГО ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

Иисус родился в Назарете [3], маленьком городке Галилеи, который раньше ничем не был знаменит [4]. В течение всей своей жизни он носил прозвище «назаря-

---

[1] Ecl., IV. Cumaeum carmen (ст. 4) представлял собой сивилльский Апокалипсис, проникнутый философией истории, свойственной Востоку. См. Сервий и Carmina sibyllina, III, 797—817; Тацит, Hist., V, 13; Светоний, Vesp., 4; Иосиф, В. I., VI, 4.

[2] Луки, II, 25 и след.

[3] Матфея, XIII, 54 и след.; Марка, VI, 1 и след.; Иоанна, I, 45—46.

[4] Он не упоминается ни в книгах Ветхого Завета, ни у Иосифа, ни в Талмуде. Но он назван в литургии Калира, 9 de ab.

нина»[1] и только при помощи довольно большой натяжки[2] в легенде о его жизни удалось перенести место его рождения в Вифлеем. Ниже мы познакомимся[3] с мотивом этой подтасовки и почему она была необходимым результатом роли Мессии, которую приписывали Иисусу[4]. Год его рож-

[1] Матфея, XXVI, 71; Марка, I, 24; XIV, 67; Луки, XVIII, 37; XXIV, 19; Иоанна, XIX, 19; Деяния, II, 22; III, 6; X, 38. Ср. Иоанна, VII, 41—42; Деяния, II, 22; III, 6; IV, 10; VI, 14; XXII, 8; XXVI, 9. Отсюда название «назаряне» (Деяния, XXIV, 5), которое иудеи долго давали христианам и которое им и теперь еще дают во всех мусульманских странах.

[2] Этот эпизод вымышлен для согласования с Михеем, V, 1. Перепись, произведенная Квиринием, с которой легенда связывает путешествие в Вифлеем, происходила по меньшей мере на 10 лет позже того года, в котором, по указаниям Луки и Матфея, Иисус родился. В самом деле, оба евангелиста относят год рождения Иисуса к царствованию Ирода (Матфея, II, 1, 19, 22; Луки, I, 5). Перепись же Квириния имела место лишь после смещения Архелая, то есть спустя 10 лет после смерти Ирода, в 37 г. эры Акциума (Иосиф, Ant., XVII, XIII, 5; XVIII, I, 1; II, 1). Надпись, при помощи которой некогда пытались установить, что Квириний произвел две переписи, признана подложной (см. Орелли, Insc. lat., N 623 и добавление Генцена под тем же номером; Боргези, Fastes consulaires, еще не изданные, за 742 г.). Квириний мог два раза занимать должность легата Сирии, но перепись была произведена лишь при втором назначении его (Моммсен, Res gestae divi Augusti, Берлин, 1865, стр. 111 и след.). Во всяком случае, перепись должна была относиться к провинциям, обращенным в римские, а не к царствам и тетрархиям, особенно при жизни Ирода Великого. Тексты, при помощи которых стараются доказать, что некоторые из статистических и кадастровых мер, предписанных Августом, должны были распространяться на владения Ирода, или не заключают в себе того, что им приписывают, или принадлежат христианским авторам, заимствовавшим эти данные в Евангелии от Луки. Сверх того, самый мотив, которым объясняют путешествие семьи Иисуса в Вифлеем, лучше всего доказывает, что это вовсе не исторический факт. Иисус не принадлежал к колену Давидову (см. ниже, глава XV), а если бы и принадлежал, то все же оставалось бы непонятным, почему его родители были вынуждены, ради чисто кадастровой и финансовой меры, отправиться для записи в местечко, из которого их предки выселились за тысячу лет до этого. Требуя этого от них, римская власть санкционировала бы притязания, которые имели для нее самой весьма угрожающий характер.

[3] Гл. XV.

[4] Матфея, II, 1 и след.; Луки, II, 1 и след. Отсутствие этого эпизода у Марка и два параллельные места у Матфея, XIII, 54, и у Марка, VI, 1, в которых Назарет является родиной Иисуса, доказывают, что в первоначальном тексте, который дал повествовательную канву для нынешних Евангелий от Матфея и от Марка, такой легенды совсем не было. Только ввиду повторных возражений пришлось прибавить в начале Евангелия от Матфея оговорки, противоречение которых с остальным текстом было недостаточно очевидно, для того чтобы явилась необходимость соответственно исправить места, написанные сперва с совсем иной точки зрения. Напротив того, Лука (IV, 16), писав-

дения с точностью неизвестен. Он родился в царствование Августа, вероятно, около 750 г. эры города Рима [1], то есть за несколько лет до 1 года эры, которую все цивилизованные народы исчисляют с предполагаемого дня его рождения [2].

Имя Иисус, которое ему дали, есть измененное Иошуа. Это было довольно распространенное имя; но естественно, что впоследствии в нем стали отыскивать таинственный смысл и намек на роль Спасителя [3]. Быть может, и сам Иисус, подобно всем мистикам, возбуждал свое воображение в этом направлении. В истории известен не один случай, где имя, данное ребенку без всякой задней мысли, послужило поводом для великой исторической миссии. Пылкие натуры никогда не могут примириться со взглядом как на случайность на что-либо к ним относящееся. Для них все, что к ним относится, предуказано Богом, и они видят знак высшей воли в самых ничтожных обстоятельствах.

Население Галилеи было очень смешанное, на что указывает и самое ее название [4]. Во времена Иисуса в числе ее жителей насчитывалось много неиудеев (финикияне, сирийцы, аравитяне и даже греки) [5]. В странах с таким смешанным населением случаи обращения в иудаизм были совсем не редкостью. Поэтому здесь невозможно поднимать вопрос о расе и доискиваться, какая именно кровь текла в жилах того, кто больше всех содействовал искоренению различий людей по крови.

Он вышел из среды народа [6]. Отец его Иосиф и мать Мария были людьми среднего достатка, ремесленни-

---

ший обдуманно, для того чтобы быть последовательным, употребил более смягченное выражение. Что касается четвертого евангелиста, то ему о путешествии в Вифлеем ничего не известно: для него Иисус попросту родом из «Назарета» или «Галилеянин», и об этом упоминается как раз в двух случаях, где было бы в высокой степени важно напомнить, что он родился в Вифлееме (I, 45—46; VII, 41—42).

[1] Матфея, II, 1, 19, 22; Луки, I, 5. Ирод умер в первой половине 750 г., что соответствует 4 году до Р. X.

[2] Известно, что вычисление, положенное в основу общепринятой эры, произведено было в VI столетии Дионисием Малым. Это вычисление заключает в себе некоторые чисто гипотетические данные.

[3] Матфея, I, 21; Луки, I, 31.

[4] Gelil haggoyim — «круг язычников».

[5] Страбон, XVI, II, 35: Иосиф, Vita, 12.

[6] Ниже (глава XV) мы разъясним происхождение родословной, сочиненной для того, чтобы произвести его от колена Давидова. Евиониты с полным основанием отрицали эти родословные. (Епифан, Adv. haer., XXX, 14).

ками, жившими своим трудом [1], в состоянии, столь обычном для Востока, которое нельзя назвать ни довольством, ни бедностью. Благодаря крайней простоте нравов, в таких странах не существует потребностей в том, что у нас входит в понятие о приятной и удобной жизни; привилегия богача становится почти бесполезной, и все обращаются в добровольных бедняков. С другой стороны, полное отсутствие вкуса к искусству и ко всему тому, что придает материальной жизни известное изящество, сообщает здесь хозяйству людей, ни в чем не нуждающихся, внешний вид недостатка. Если не считать некоторых неприятных и отталкивающих особенностей, которые ислам внес с собой во всю Святую землю, город Назарет во времена Иисуса, быть может, не слишком отличался от того, что он представляет и теперь [2]. Мы узнаем улицы, где он играл ребенком, в этих каменистых тропинках или в этих маленьких переулках, отделяющих хижины одну от другой. Без всякого сомнения, дом Иосифа походил на эти бедные лачуги, в которые свет проникает через дверь и которые служат в одно и то же время и мастерской, и кухней, и спальней; вся их обстановка состоит из циновки, нескольких подушек на полу, из одного или двух глиняных сосудов и раскрашенного сундука.

Семья его, происходила ли она от одного или нескольких браков, была довольно многочисленна. У Иисуса были братья и сестры [3], и, по-видимому, он был старшим [4]. Ни

---

[1] Матфея, XIII, 55; Марка, VI, 3; Иоанна, VI, 42.

[2] Грубый внешний вид развалин, которыми покрыта Палестина, показывает, что те города, которые здесь не перестраивались по римскому образцу, были очень плохо выстроены. Что касается формы домов, то в Сирии она до такой степени непосредственно и властно предписывается самим климатом, что едва ли она когда-либо подвергалась изменениям.

[3] Матфея, I, 25 (заимствованный текст); XII, 46 и след.; XIII, 55 и след.; Марка, III, 31 и след.; VI, 3; Луки, II, 7; VIII, 19 и след.; Иоанна, II, 12; VII, 3, 5, 10; Деяния, I, 14; Гегезинн, у Евсевия, Hist. eccl., III, 20. Утверждение, будто бы слово «ah» (брат) по-еврейски имеет более обширное значение, нежели у нас, совершенно ложно. Значение слова «ah» вполне тождественно со значением слова «брат». Употребление в виде метафоры, так же как неправильное, ошибочное применение слова, ровно ничего не говорят против его истинного значения. Можно ли утверждать, что наше слово «брат» не имеет весьма определенного значения на том основании, что проповедники называют своих слушателей «своими братьями»? Но очевидно, что в указанных выше цитатах слово «брат» употребляется не в переносном смысле. См. в особенности Матфея, XII, 46 и след., где также исключается неправильный смысл слова «двоюродный брат».

[4] Матфея, I, 25; Луки, II, 7. Текст Матфея может вызвать сомнения у критика, текст же Луки — никаких.

о ком из них ничего не известно, ибо те четыре лица, которых выдают за его братьев и из числа которых один, Иаков, приобрел важное значение в первые годы христианства, приходились ему двоюродными братьями. Действительно, у Марии была сестра, которую звали тоже Марией [1]; она была замужем за неким Алфеем или Клеопой — обоими этими именами, по-видимому, обозначается одно и то же лицо [2],— и у нее было несколько сыновей, игравших видную роль среди учеников Иисуса. Эти двоюродные братья, все последовавшие за молодым учителем в то время, как родные братья не веровали в него [3], получили прозвище «братьев Господних» [4]. Родные братья Иисуса, равно как и их мать, получили известность лишь после его смерти [5]. Но и тогда они, по-видимому, не пользовались таким уважением, как их двоюродные братья, которые пошли за Христом более самостоятельно, в харак-

---

[1] Иоанна, XIX, 25. Довольно странно, что две сестры носили одно и то же имя. Здесь, вероятно, какая-нибудь неточность, происшедшая от обыкновения давать имя Марии всем почти галилеянкам без различия.

[2] Этимологически эти имена не тождественны. Alphaias — транскрипция сирийско-халдейского имени Halphei; Kleōpas или Kleopas — сокращенное Kleopatros. Но могла произойти искусственная замена одного другим, подобно тому, как Иосифов называли «Гегезинн», Елиакимов — «Алфим» и т. п.

[3] Иоанна, VII, 3 и след.

[4] Действительно, четыре лица, выдаваемые (Матфея, XIII, 55; Марка, VI, 3) за братьев Иисуса: Иаков, Иосиф или Иосий, Симон и Иуда оказываются, или почти оказываются, сыновьями Марии и Клеопы. Матфея XXVII, 56; Марка, XV, 40; XVI, 1; Луки, XXIV, 10; посл. к Гал., I, 19; посл. Иакова, I, 1; посл. Иуды, 1; Евсевий, Chron ad ann. R. DCCCX; Hist. eccl., III, 11, 22, 32 (по Гегезинну); Constitut. apostol., VII, 46. Однако лишь гипотеза, предложенная нами, в состоянии устранить огромное затруднение, без которого нельзя допустить, чтобы две сестры, имевшие по три или четыре сына, носили одно и то же имя и чтобы Иаков и Симон, два первых иерусалимских епископа, удостоенные называться «братьями Господними», были теми родными братьями Иисуса, которые сперва относились к нему неприязненно и обратились лишь впоследствии. Евангелист, слышав, что четверых сыновей Клеопы называют «братьями Господними», мог по ошибке привести их имена в тексте Матфея, XIII, 55 (также и у Марка, VI, 3) вместо имен родных братьев Иисуса, остававшихся всегда в неизвестности. Этим объясняется, почему характер лиц, называемых «братьями Господними», например, Иакова, так отличается от характера родных братьев Иисуса, как он очерчен у Иоанна, VII, 3 и след. Выражение «братья Господни» в первоначальной Церкви, очевидно, обозначало нечто вроде звания, параллельного званию апостолов. Ср. посл. к Гал., I, 19; 1 посл. к Коринф., IX, 5.

[5] Деяния, I, 14.

тере которых было как бы больше оригинальности. Имена их были неизвестны до такой степени, что когда евангелист перечисляет устами людей из Назарета природных братьев Иисуса, то первыми ему навертываются имена сыновей Клеопы.

Сестры его вышли замуж в Назарете [1], и там же он провел годы своей ранней молодости. Назарет был маленький городок, расположенный в широкой долине у вершины группы гор, замыкающей на севере равнину Ездрелона. В настоящее время в нем насчитывается от трех до четырех тысяч жителей, и в этом отношении возможно, что и не произошло большой перемены [2]. Зимой здесь бывает довольно холодно, и климат очень здоровый. Подобно всем иудейским городкам того времени, Назарет представлял собой группу хижин, выстроенных без всякого стиля, и имел тот общий вид, печальный и бедный, каким отличаются все поселения в семитических странах. Дома, повидимому, и тогда не многим отличались от тех каменных кубиков, не имеющих ни внешней, ни внутренней изящности, которые ныне покрывают самые богатые части Ливана и которые, среди виноградников и фиговых деревьев, все-таки оставляют довольно приятное впечатление. Окрестности города прелестны, и ни один уголок в мире не располагает так хорошо к мечтаниям об абсолютном счастье. Даже и теперь Назарет восхитительное место для отдыха путешественника, быть может, единственное в Палестине, где он чувствует некоторое облегчение от той тяжести, которая давит его душу среди окружающей ни с чем не сравнимой пустыни. Население здесь отличается веселым и гостеприимным характером; сады свежи и зелены. Антонин Мученик, живший в конце VI века, рисует очаровательную картину плодородия окрестностей Назарета, которые он сравнивает с раем [3]. Некоторые из долин к востоку от города вполне оправдывают это описание. Фонтан, у которого некогда сосредоточивалась вся жизнь и веселье этого маленького города, ныне разрушен; его потрескавшиеся водоемы дают мутную воду. Но красота женщин, которые здесь собираются под вечер, та красота, которая была замечена еще в VI веке и которую счита-

---

[1] Матфея, XIII, 56; Марка, VI, 3.

[2] По Иосифу (В. I., III, 2), в самом маленьком городке Галилеи было по меньшей мере пять тысяч жителей. Вероятно, эти данные преувеличены.

[3] Itin. a Burdig. Hierus., § 5.

ли даром Девы Марии [1], поразительно сохранилась и доныне. Это сирийский тип во всей его прелести, полный томности. Не может быть сомнений в том, что и Мария бывала здесь почти ежедневно и с кувшином на плече присоединялась к веренице своих соотечественниц, оставшихся безвестными. Антонин Мученик отмечает, что иудейские женщины вообще относятся к христианам презрительно, а здесь они очень приветливы. И в наши дни религиозная вражда в Назарете не так остра, как в других местах.

Горизонт города невелик, но если подняться немного выше, взойти на плоскогорье, где вечно дует ветер, и очутиться таким образом выше всего города, то откроется великолепная перспектива. На западе развертываются прекрасные линии Кармеля, которые заканчиваются вершиной, обрывом, падающим в море. Дальше видны двойная вершина, господствующая над Магеддо, гористая страна Сихем с святынями века патриархов, горы Гельбоэ, небольшая живописная группа гор, с которой связаны то прелестные, то страшные воспоминания Сулема и Ендора, Фавор, напоминавший древним женскую грудь своей закругленной формой. В небольшой впадине между горами Сулем и Фавор открывается вид на долину Иордана и на возвышенные равнины Переи, образующие на востоке непрерывную линию. На севере горы Сафед, постепенно понижаясь к морю, скрывают Сен-Жан-д'Акр, но оставляют на виду очертания залива Каифа. Таков был горизонт, который открывался перед Иисусом. Этот очаровательный кругозор, колыбель Царства Божия, целыми годами был его миром. Жизнь его почти и не заходила за пределы, в которых прошло его детство. В самом деле, на севере отсюда почти видна на склонах Гермона Кесария Филиппийская, самый отдаленный пункт, до которого он доходил в стране язычников, а на юге, за этими уже не столь живописными горами Самарии, уже предчувствуется печальная Иудея, словно высушенная жгучим ветром отвлеченности и смерти.

Если когда-либо мир, оставаясь христианским, но усвоив себе более высокое понятие о том, в чем заключается истинное уважение к его первоисточнику, вздумает заменить подлинными святыми местами апокрифические и жалкие святилища, с которыми связывалось благоче-

[1] Антонин Мученик; loc. cit.

стие грубых веков, то на этой назаретской возвышенности он воздвигнет свой храм. Здесь, на том месте, где появилось христианство, в центре, из которого распространялась деятельность его основателя, должна бы возвышаться великая церковь, где могли бы молиться все христиане. Здесь же, на этой земле, в которой покоятся плотник Иосиф и тысячи безвестных назарян, никогда не заходивших за пределы своей долины, философ нашел бы лучшее место, нежели где-либо на всем свете, для того, чтобы предаться созерцанию человеческих дел, находить утешение от оскорблений, которые они наносят наиболее дорогим для нас инстинктам, для того, чтобы уверовать в божественную конечную цель, к которой идет человечество через бесчисленные препятствия, невзирая на всяческую суету.

ГЛАВА III

ВОСПИТАНИЕ ИИСУСА.

Эта улыбающаяся и в то же время величественная природа была единственной воспитательницей Иисуса. Он учился читать и писать[1], без сомнения, по восточному методу, который заключается в том, что ребенку дают книгу и заставляют повторять ее в такт с его маленькими товарищами до тех пор, пока он не выучит ее наизусть[2]. Однако сомнительно, чтобы он хорошо понимал еврейские книги на их оригинальном языке. У биографов он их цитирует в переводе на арамейский язык[3]; его правила экзегетики, насколько мы можем их себе представить по словам его учеников, весьма походили на те, которые тогда были в ходу и составляли дух *Таргуммима* и *Мидрашима*[4].

Школьными учителями в иудейских городах были *гаццаны* или синагогоальные чтецы[5]. Иисус мало посещал школы более высокого уровня, книжников или *соферим* (быть может, в Назарете их и не было), и не имел никакого звания из числа тех, которые в глазах толпы дают

[1] Иоанна, VIII, 6.
[2] «Завет двенадцати патриархов», Левий, 6.
[3] Матфея, XXVII, 46; Марка, XV, 34.
[4] Иудейские переводы и комментарии библейских книг.
[5] Мишна, *Шаббат*, 1, 3.

права на ученость [1]. Но было бы большой ошибкой думать, что Иисус был невеждой в том смысле, как мы понимаем это слово. У нас школьное воспитание проводит черту, резко отличающую в отношении личной ценности тех, кто получил его, от тех, кто им не воспользовался. Не так было на Востоке и вообще в доброе старое время. То состояние грубости, в котором у нас, в силу нашей изолированной и чисто индивидуальной жизни, остается человек, не прошедший школу, неизвестно в обществе, где нравственная культура и, в особенности, общий дух времени взаимно передаются благодаря постоянному соприкосновению людей между собой. Араб, не имевший никакого учителя, тем не менее часто бывает весьма развитым, ибо его шатер представляет собой в некотором роде открытую всегда и для всех академию, где из встреч людей хорошо воспитанных рождается великое умственное и даже литературное движение. Деликатность в обращении и тонкий ум на Востоке не имеют ничего общего с тем, что у нас называют воспитанием. Здесь, как раз наоборот, педантами и неблаговоспитанными людьми считают именно ученых. В этом социальном строе невежество, у нас осуждающее человека занимать низшую ступень в обществе, является принадлежностью великого и вполне оригинального деятеля.

Мало вероятно, чтобы Иисус знал греческий язык, который вообще был слабо распространен в Иудее вне правящих классов и вне городов, населенных язычниками, как Кесария [2]. Родным языком Иисуса был сирийский, смешанный с еврейским, наречие, на котором тогда говорила Палестина [3]. Тем более нет оснований предполагать, чтобы он имел какое-нибудь понятие о греческой культуре. Эта культура была изгнана палестинскими учителями, предававшими одинаково проклятию и «того, кто выкармливал свиней, и того, кто обучал своего сына грече-

---

[1] Матфея, XIII, 54 и след.; Иоанна, VII, 15.

[2] Мишна, *Шекалим*, III, 2; Иерус. Талмуд, *Мегилла*, галака XI; *Сота*, VII, 1; Вавил. Талмуд, *Баба кама*, 83а; *Мегилла*, 8b и след.

[3] Матфея, XXVII, 46; Марка, III, 17; V, 41; VII, 34; XIV, 36; XV, 34. Выражение hē patrios phōnē у писателя этого времени всегда означает семитическое наречие, на котором говорили в Палестине (2 книга Маккавейская, VII, 21, 27; XII, 37; Деяния, XXI, 37, 40; XXII, 2; XXVI, 14; Иосиф, Ant., XVIII, VI, 10; XX до конца; B. I., prooem., I; V, VI, 3; V, IX, 2; VI, II, 1; Contra Apionem, I, 9; De Macc., 12, 16). Ниже мы покажем, что некоторые из документов, послуживших основанием для синоптических Евангелий, были написаны на этом се-

ской науке»[1]. Во всяком случае, она не проникала в такие мелкие городки, как Назарет. Правда, невзирая на проклятия учителей, некоторые евреи уже успели познакомиться с эллинской культурой. Не говоря уже об иудейской школе Египта, попытки слить эллинизм с иудаизмом происходили в течение почти двухсот лет; один еврей, по имени Николай из Дамаска, считался в это время наиболее выдающимся, наиболее образованным, наиболее уважаемым человеком своего века. Вскоре после этого Иосиф должен был дать другой пример вполне эллинизировавшегося еврея. Но Николай был евреем только по крови; Иосиф заявляет, что он исключение среди своих соотечественников[2], и вся схизматическая школа Египта до такой степени отрешилась от Иерусалима, что о ней не сохранилось никакого воспоминания ни в Талмуде, ни в иудейском предании. Несомненно, что в Иерусалиме очень мало изучали греческий язык, что на греческие науки здесь смотрели как на нечто опасное и даже рабское, что их объявляли годными самое большее для женщин в качестве украшения[3]. Единственно изучение Закона считалось занятием и либеральным, и достойным серьезного человека[4]. Один ученый раввин ответил так на вопрос, в какое время дня всего приличнее преподавать детям «греческую мудрость»: «Не днем и не ночью, ибо сказано о Законе: изучай его день и ночь»[5].

Итак, до Иисуса не дошел ни прямо, ни косвенно ни один элемент эллинской науки. Он не знал ничего, кроме иудаизма; ум его сохранил ту свежую наивность, которую всегда ослабляет обширное и разнообразное образование. В недрах самого иудаизма он оставался чуждым многих течений, нередко параллельных ему. С одной стороны, на него, по-видимому, не оказал непосредствен-

---

митическом наречии. То же относится и ко многим апокрифам (4 книга Маккавейская, XVI, ad calcem, и пр.). Наконец, христианство, непосредственно вышедшее из первого галилейского движения (назореи, евиониты и пр.), очень долго продолжавшегося в Вифании и Гауране, говорило на семитическом наречии (Евсевий, De situ et nomin. loc. hebr., слово chōba; Епифан, Adv. haer., XXIX, 7, 9; XXX, 3; Св. Иеремия, In Matth., XII, 13; Dial. adv. Pelag., III, 2).

[1] Мишна, *Синедрион*, XI, 1; Вавил. Талмуд, *Баба кама*, 82b и 83a; *Сота*, 49a и b; *Менахот*, 64b. Ср. 2 книга Маккавейская, IV, 10 и след.

[2] Иосиф, Ant., XX, XI, 2.

[3] Иерус. Талмуд, *Пэах*, I, 1.

[4] Иосиф, Ant., loc. cit.; Ориген, Contra Celsum, II, 34.

[5] Иерус. Талмуд, *Пэах*, I, 1; Вавил. Талмуд, *Менахот*, 99b.

ного влияния аскетизм ессеев [1] и терапевтов [2]; с другой стороны, ему были неизвестны прекрасные теории религиозной философии, выработанные иудейской школой Александрии; гениальным истолкователем их был его современник Филон. Многие сходные черты, которые находят у него с Филоном [3], эти превосходные правила любви к Богу и составляющие как бы созвучие между Евангелием и сочинениями знаменитого александрийского мыслителя, объясняются общими стремлениями возвышенных умов, внушенными требованиями времени.

По счастию для него, он также не изучал и ту удивительную схоластику, которая преподавалась в Иерусалиме и из которой в ближайшем будущем должен был произойти Талмуд. Если некоторые из фарисеев и заносили ее в Галилею, то он их не посещал, а когда впоследствии вступил в соприкосновение с этой пустой казуистикой, то она только внушала ему отвращение. Тем не менее можно предполагать, что принципы Гиллеля были ему небезызвестны. За пятьдесят лет до него Гиллель высказывал афоризмы, которые имеют много общего с его афоризмами. По своей бедности, которую он переносил со смирением, по кротости своего характера, по оппозиции лицемерам и первосвященникам Гиллель был учителем Иисуса [4], если только можно говорить об учителе там, где речь идет о столь оригинальном человеке.

Чтение книг Ветхого Завета произвело на него сильное впечатление. Канон книг Священного Писания состоял из двух главных частей: Закона, то есть Пятикнижия, и Пророков, в том виде, как они дошли до нас. Обширная аллегорическая экзегетика применялась ко всем этим книгам и пыталась извлечь из них то, чего в них не было, но что отвечало потребностям времени.

Закон, представлявший собою не древние законы страны, но утопии, извращенные предписания, благочести-

---

[1] Ессеи ни разу не фигурируют в писаниях нарождающегося христианства.

[2] *Терапевты* Филона представляют собой ветвь ессеев. Самое название их, по-видимому, есть греческий перевод ессеев (Essaioi, asaya, «врачи»). См. Филон, De vita contemplatione, § 1; В. I., II, VIII, 6; Епифан, Adv. haer., XXIX, 4.

[3] См. в особенности трактаты: Quis rerum divinarum haeres sit и De philantropia Филона.

[4] *Пиркэ Абот*, гл. I и II; Иерус. Талмуд, *Песахим*, VI, 1; Вавил. Талмуд, *Песахим*, 66а; *Шаббат*, 30b и 31а; *Жома*, 35b.

вые подлоги времен царей-пиетистов с того времени, как нация не имела более собственного правительства, стал неистощимой темой для хитрых толкований. Что касается Пророков и Псалмов, то сложилось убеждение, что все до известной степени мистические выражения в них относились к Мессии, и в нем старались заранее отыскать тип того, кому суждено было осуществить все национальные упования. Иисус разделял общие симпатии к этого рода аллегорическим толкованиям. Но истинная библейская поэзия, ускользавшая от наивных иерусалимских толкователей, была во всей своей полноте открыта его дивному гению. Закон, по-видимому, не производил на него обаятельного впечатления; он думал, что мог бы создать и лучшие законы. Но религиозная поэзия Псалмов находила чудные отзвуки в его лирической душе; эти священные гимны остались на всю жизнь его духовной пищей и поддержкой. Истинными его учителями сделались пророки, в особенности Исайя и его продолжатели во времена пленения, с их блестящими мечтами о будущем, их бурным красноречием, с их бранью, перемешанной чарующими образами. Без сомнения, он читал также и многие апокрифические сочинения, то есть труды в ту эпоху довольно современные, авторы коих, чтобы придать себе авторитет, которым в то время пользовались лишь самые древние рукописи, прикрывались именами пророков и патриархов. Особенно его поразила книга Даниила [1]. Эта книга, написанная неизвестным экзальтированным евреем времен Антиоха Епифана под принятым им самим псевдонимом древнего мудреца [2], резюмировала дух последнего времени. Ее автор, истинный творец философии истории, первый осмелился объявить ход всемирной истории и следовавшие одна за другой империи не более как явлением, подчиненным судьбам иудейского народа. С самой юности своей Иисус был проникнут этими высокими упованиями. Быть может, он читал также и книги Еноха, которые в то время пользовались уважением наравне с Священным Писанием [3], и другие книги в этом роде, столь сильно

---

[1] Матфея, XXIV, 15; Марка XIII, 14.

[2] Легенда Даниила сложилась еще в VI веке до Р. Х. (Иезекииль, XIV, 14 и след.; XXVIII, 3). Впоследствии предполагали, что он жил во времена Вавилонского пленения.

[3] Посл. Иуды, 6, 14 и след.; 2 посл. Петра, II, 4, 11; «Завет двенадцати патриархов», Симеон, 5; Левий, 10, 14, 16; Иуда, 18; Зав., 3; Дан., 5; Вениам., 9; Навфал., 4; посл. Варнавы, гл. IV, XVI (по Си-

возбуждавшие народную фантазию. Пришествие Мессии во всей его славе и со всеми его ужасами, гибель наций, обрушивающихся одна на другую, крушение неба и земли давали постоянно пищу его воображению, и так как все эти перевороты ожидались в ближайшем будущем, так как многие пытались уже вычислить срок их наступления, то и вся область сверхъестественного, в которую увлекают такого рода видения, начала представляться ему совершенно естественной и простой.

Из каждого слова его наиболее удостоверенных поучений явствует, что он не имел ни малейшего понятия об общем состоянии мира. Он представлял себе, что мир разделяется на царства, которые ведут между собой войны; он не знал, по-видимому, ничего ни о «римском мире», ни о новом состоянии общества, которым прославился его век. Он не имел определенного понятия о могуществе Империи, до него дошло только имя «Кесаря». На его глазах строились в Галилее и в ее соседстве Тивериада, Иулиада, Диокесария, Кесария, пышные творения Иродов, которые предназначались ими для того, чтобы этими великолепными сооружениями доказать свое восхищение римской цивилизацией и свою преданность членам семьи Августа; по странной игре случая, теперь эти названия, совершенно исковерканные, носят жалкие поселки бедуинов. Вероятно, он видел и Себасту, построенную Иродом Великим, показной город, по развалинам которого можно думать, что он перенесен сюда весь сразу готовым, подобно машине, которую остается только поставить на свое место. Эта безвкусная архитектура, эти постройки, которые по частям привозились в Иудею на кораблях, эти сотни колонн, все одного диаметра, украшавшие какую-нибудь безвкусную «улицу Риволи»,— вот что он называл «царствами мира и всей их славой». Но эта показная роскошь, это административное и официальное искусство, конечно, были ему в высшей степени не по вкусу. Он любил галилейские деревни, эти беспорядочные группы хижин и сельскохозяйственных сооружений, отчасти высеченных в скалах, колодцев, гробниц, садов с фиговыми и олив-

---

найскому кодексу). См. выше, Введение, стр. 26—27. «Книга Еноха» составляет одну из частей эфиопской Библии. В том виде, в каком она нам известна по эфиопской версии, она состоит из отдельных частей различной даты. Некоторые из этих частей имеют сходство с поучениями Иисуса. Ср., например, гл. XCVI и XCIX с Евангелием от Луки, VI, 24 и след.

ковыми деревьями. Он всегда держался ближе к природе. Двор царя представлялся ему местом, где все люди ходят в роскошных одеждах [1]. Прелестные небывальщины, которыми полны его притчи, когда он выводит на сцену [2] царя и знатных людей, свидетельствуют, что он всегда представлял себе аристократическое общество, как молодой поселянин, который видит «свет» сквозь призму своей наивности.

Еще менее была ему знакома новая идея, созданная греческой ученостью, эта основа всей философии, вполне подтвержденная и современной наукой, заключающаяся в отрицании сверхъестественных сил, которые, по наивной вере древних, управляют будто бы вселенной. Почти за сто лет до него Лукреций великолепно выразил незыблемость общего закона природы. Отрицание чудес, мысль, что все в мире происходит по законам природы, в которые не могут вмешиваться никакие высшие существа, была общепризнанной во всех великих школах, во всех странах, получивших науку из Греции. Быть может, эта идея не была чуждой также и Вавилону и Персии. Но об этих успехах науки Иисус не имел понятия. И быть может, никогда еще евреи не были так охвачены жаждой чудес. Филон, живший в крупном центре интеллигенции и получивший весьма обширное образование, обладал также знаниями химерического характера и низкой пробы.

В этом отношении Иисус ничем не отличался от своих соотечественников. Он верил в дьявола, которого считал за духа зла [3], и, как и весь мир, воображал, что нервная болезнь происходит оттого, что больным овладевает демон, который его и волнует. Чудесное было для него не исключением, а нормальным явлением. Понятие о сверхъестественном со всеми его невозможностями создается лишь после того, как народилась экспериментальная наука о природе. Человек, не имеющий никакого представления о физике, который верит, что молитвой можно изменить ход облаков, болезнь и самую смерть, конечно, не увидит в чуде ничего особенного, так как весь ход вещей для него является результатом свободной воли Божества.

В таком умственном состоянии всегда находился Иисус. Но на его великую душу такие верования произ-

[1] Матфея, XI, 8.
[2] См., например, Матфея, XXII, 2 и след.
[3] Матфея, VI, 13.

водили совсем другое действие, нежели это бывает у обыкновенных людей. У обыкновенного человека вера в особое вмешательство Божества вызывает простодушное легковерие и шарлатанские плутни. У Иисуса эта вера связывалась с глубоким сознанием близких сношений между человеком и Богом и с преувеличенной верой в внутреннюю силу человека; эти прекрасные заблуждения составляли источник его собственной силы; ибо если впоследствии они могли повредить ему в глазах физика и химика, то в его эпоху они давали ему такую силу, какой не пользовался ни один человек ни до него, ни после него.

Его своеобразный характер обнаружился очень рано. Легенда любит рассказывать, что он с детства восстал против родительской власти и, бросив избитые пути, следовал своему призванию [1]. Несомненно, по крайней мере, что он не придавал значения родственным связям. Его собственная семья, по-видимому, не любила его [2], и по временам он сам бывает жестким по отношению к ней [3]. Как все люди, занятые исключительно своей идеей, Иисус перестал считаться с кровными узами. Такие натуры признают единственной связью между людьми идею. «Вот матерь Моя и братья Мои,— говорил он, указывая на своих учеников,— ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать!» Но простые люди понимали его иначе, и однажды одна женщина сказала ему: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» А он ответил: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его!» [4] Вскоре он должен был пойти еще дальше в этом смелом отрицании природы, и мы увидим, что он отвергнул все человеческое, кровь, любовь, родину и открыл свою душу и сердце исключительно идее, представлявшейся ему в виде абсолютной правды.

---

[1] Луки, II, 42 и след. Апокрифические Евангелия полны подобных историй, доведенных до смешного.

[2] Матфея, XIII, 57; Марка, VI, 4; Иоанна, VII, 3 и след. См. ниже, глава IX.

[3] Матфея, III, 48; Марка, VIII, 33; Луки, VIII, 21; Иоанна, II, 4; Евангелие от евреев, у Св. Иеремии, Dial. adv. Pelag., III, 2.

[4] Луки, XI, 27 и след.

ГЛАВА IV

МИР ИДЕЙ, В КОТОРОМ РАЗВИВАЛСЯ ИИСУС.

Трудно понять явления первобытного образования земного шара, так как огонь, в котором он пылал, уже погас и земля охладилась. Точно так же и всякие объяснения представляются неудовлетворительными, когда наши скромные аналитические приемы приходится применять к переворотам созидательных эпох, решавших судьбы человечества. Иисус жил в один из таких моментов, когда все карты общественной жизни раскрываются и ставка человеческой деятельности увеличивается во сто крат. В такие времена каждый, взявший на себя великую роль, рискует жизнью, ибо подобные движения предполагают такую свободу действий, такое отсутствие всяких мер предосторожности, которое не может обойтись без страшной развязки. В настоящее время человек мало рискует, но мало и выигрывает. В героические эпохи человеческой деятельности человек рискует всем, но и выигрывает все. Добрые и злые или по меньшей мере считающие себя такими, или признаваемые за добрых и злых, образуют два противоположных лагеря. Путь к апофеозу идет через эшафот, характеры приобретают резко выраженные черты и запечатлеваются в памяти человечества в виде вечных типов. За исключением французской революции, ни один из исторических моментов не был таким подходящим для развития скрытых сил, которые человечество держит как бы в запасе и проявляет только в дни своего горячечного состояния и гибели, как именно эпоха, в которую сложился характер Иисуса.

Если бы управление миром было задачей чисто спекулятивной и если бы обязанность возвестить себе подобным, во что им надлежит веровать, возлагалась бы на величайшего философа, то великие моральные и догматические правила, называемые религией, создавались бы в полном спокойствии, путем умозрений. Но на самом деле бывает не так. За исключением Сакья-Муни, великие основатели религий не были метафизиками. Самый буддизм, родившийся из чистого умозрения, завоевал пол-Азии по чисто политическим и моральным мотивам. Что касается семитических религий, то философского в них так мало, как только это возможно. Моисей и Магомет были

не умозрителями, а людьми дела. Они овладели человечеством потому, что требовали от своих современников действий. Точно так же и Иисус не был богословом или философом, создавшим более или менее сложную систему. Чтобы сделаться учеником Иисуса, не было надобности подписаться под какой-либо программой или присягнуть какому-либо вероисповеданию; нужно было только одно — привязаться к нему, любить его. Он никогда не спорил о Боге, ибо чувствовал его непосредственно в самом себе. Подводные камни метафизических тонкостей, на которые наткнулось христианство в III веке, были созданы отнюдь не основателем его. У Иисуса не было ни догматов, ни систем; у него было твердое личное решение, которое, будучи интенсивнее всякой иной искусственно созданной воли, и доныне управляет судьбами человечества.

У еврейского народа было то преимущество, что со времени Вавилонского пленения до Средних веков он всегда находился в весьма напряженном состоянии. Поэтому блюстители его национального духа в течение всего этого длинного периода пишут как бы под влиянием сильнейшего лихорадочного состояния, благодаря которому они идут или по ту, или по эту сторону разума, и редко по его среднему пути. Никогда человек не ставил задач своего будущего и своих судеб с более отчаянной смелостью, не был более склонен впадать в крайности. Еврейские мыслители, не отделяя судеб человечества от судьбы своей крошечной расы, первые взяли на себя труд создать общую теорию развития человеческого рода. Греция, всегда замыкавшаяся в самой себе и прислушивавшаяся внимательно только к распрям между своими маленькими городами, имела превосходных историков; стоицизм возвестил величайшие принципы обязанностей человека как гражданина мира и как члена великого братства; но до наступления римской эпохи тщетно было бы искать в классической литературе общей системы философии истории, охватывающей все человечество. Еврей, напротив, благодаря некоторого рода пророческому чутью, которое по временам дает семиту чудесную способность постигать великие загадки будущего, заставил историю проникнуть в религию. Быть может, он обязан этим до известной степени Персии. Перс с древних времен понимал историю мира как ряд эволюций, с особым пророком во главе каждой из них. Каждому пророку назначен свой «хацар»

или тысячелетнее царство (хилиазм), и из этих последовательных эр, аналогичных миллионам веков, предназначенных каждому индийскому будде, слагается цепь событий, подготовляющих царство Ормузда. В конце времен, когда исполнится цикл хилиазмов, наступит окончательный рай. Тогда люди будут жить счастливо, земля превратится в равнину, все будут говорить на одном языке, для всех будет один закон, одно правительство. Но этому будут предшествовать страшные катастрофы. Даяк (сатана персов) порвет цепи, которыми он скован, и обрушится на мир. Два пророка явятся утешать людей и подготовлять великое событие [1]. Эти идеи распространялись по всему свету и достигали до Рима, где под влиянием их был создан цикл пророческих поэм; основными их идеями было подразделение истории человечества на периоды, последовательное появление богов, соответствующих этим периодам, полное обновление мира и в конце концов наступление золотого века [2]. Книга Даниила, некоторые отделы книги Еноха и сивиллины книги [3] являются иудейским выражением той же теории. Конечно, мысли эти не были общим достоянием. Сперва их разделяли лишь некоторые люди с живым воображением и склонные к чужеземным доктринам. Сухой автор книги Есфирь с его узкими взглядами никогда не помышлял об остальном мире иначе, как с презрением и с пожеланиями ему всяких бед [4]. Разочарованный эпикуреец, писавший Екклезиаста, так мало мыслит о будущем, что считает излишним даже работать для детей; для эгоистического холостяка последним словом мудрости представляется обращение своего капитала в пожизненную ренту [5]. Но великие дела народа обыкновенно совершаются его меньшинством. При всех своих недостатках, жесткости, эгоизме, насмешливости, жестокости, узкости, софистике, хитрости,— еврейский народ тем не менее является творцом прекрасного движения бескорыстного энтузиазма, отмеченного ис-

---

[1] *Ясна*, XII, 24; Феопомп, у Плутарха, De Iside et Osirise, 47; *Минохиред*, см. Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, I, стр. 163.

[2] Вергилий, Экл., IV; Сервий, о 4 ст. этой эклоги; Нигидий, в цитате Сервия о 10 ст.

[3] Carmina sibyllina, кн. III, 97—817.

[4] Есфирь, VI, 13; VII; 10; VIII, 7, 11—17; IX, 1—22. Ср. с апокрифическими отделами: IX, 10—11; XIV, 13 и след.; XVI, 20, 24.

[5] Екклезиаст, I, 11; II, 16, 18—24; III, 19—22; IV, 8, 15—16; V, 17—18; VI, 3—6; VIII, 15; IX, 9, 10.

торией. Партия оппозиции всегда составляет славу своей страны. Величайшие люди нации зачастую именно те, которых она предает смертной казни. Сократ прославил Афины, считавшие, что с ним жить нельзя. Спиноза — величайший из современных евреев, а между тем синагога изгнала его со срамом. Иисус был славой народа Израиля, который его распял.

Колоссальная мечта в течение веков жила в иудейском народе, она возрождала его беспрестанно, когда он падал. Чуждаясь теории индивидуальных возмездий, которую распространяла Греция под видом учения о бессмертии души, Иудея сосредоточила на своем национальном будущем всю силу любви и желаний. Она считала, что ей дано божественное обетование в виде беспредельного будущего, и так как начиная с IX века до Р. Х. горькая действительность выражалась постоянным усилением царства мира сего и грубо разрушала все вожделения евреев, то они бросились в комбинации самых невозможных идей, покушались на самые странные извороты. До Вавилонского пленения, когда всякая будущность нации на земле была уничтожена отделением северных племен, родилась мечта о восстановлении дома Давида, о примирении между обеими частями нации, о триумфе теократии и о победе культа Иеговы над всеми идолопоклонническими культами. В эпоху пленения поэт, полный гармонии, рисовал пышность будущего Иерусалима, обратившего в своих данников все народы и самые отдаленные острова, такими нежными красками, что можно подумать, будто луч света из глаз Иисуса проник в его душу через огромное пространство шести веков [1].

Победы Кира, казалось, на некоторое время осуществили все, на что надеялись евреи. Важные ученики Авесты и поклонники Иеговы возомнили себя братьями. Персии удалось, изгнав многообразных «дэв» и превратив их в демонов («див»), извлечь нечто вроде монотеизма из древних арийских фантазий, по существу своему натуралистических. Пророческий тон многих поучений Ирана представлял много сходства с некоторыми сочинениями Осии и Исайи. При Ахеменидах [2] Израиль успокоился, а при Ксерксе (Ассур), говорят, стал даже страшить самих

---

[1] Исайя, LX и след.

[2] Вся книга Есфирь дышит большой преданностью этой династии. Екклезиаст, написанный, по-видимому, в ту же эпоху, представляет странное ослабление иудейских идей.

иранцев. Но торжествующее и подчас грубое вступление греческой и римской цивилизации в Азию снова повергло его в мечтания. Теперь, более чем когда-либо, он стал призывать Мессию как судию и мстителя народов. Он чувствовал потребность в полном обновлении, в перевороте, который всколыхнул бы землю сверху донизу; лишь в этом он нашел бы удовлетворение неутолимого чувства мести, возбуждаемого в нем сознанием своего превосходства и картиной своих унижений.

Если бы Израиль обладал так называемой спиритуалистической доктриной, которая делит человека на две части, на тело и душу, и считает совершенно естественным, что душа продолжает жить в то время, как тело истлевает, то для такого приступа гнева, энергического протеста не было бы ни почвы, ни оснований. Но такое учение, вышедшее из греческой философии, не согласовалось с традициями еврейской мысли. В древних еврейских книгах нет и следа воздаяний и кар в будущей жизни. Пока существовала идея солидарности племени, естественно было не думать о строгом воздаянии каждому по его заслугам. Тем хуже для благочестивого человека, если он попал в эпоху нечестия; наравне со всеми другими ему придется подвергнуться общественным бедствиям как результатам общего нечестия. Это учение, завещанное мудрецами школы патриархов, ежедневно встречалось с непримиримыми противоречиями. Оно было сильно поколеблено еще во времена Иова; три старца, Фемаитянин, Наамитянин, Савхеянин, исповедовавшие его, были людьми отсталыми, и молодой Елиуй, вмешавшийся в разговор, в возникшем при этом споре с первых же слов своих осмеливается высказать мысль, по существу своему революционную: «Не многолетние мудры, не старики разумеют правду» [1]. При всех осложнениях, которые вторглись в мир со времени Александра, принцип этих старцев и Моисеева закона стал еще менее терпим [2]. Никогда еще Израиль не был так верен Закону, между тем он подвергался свирепому преследованию от Антиоха. Разве только какой-нибудь ритор, привыкший повторять устарелые фразы, лишенные смысла, осмелился бы в то время утверждать, что эти несчастия народ навлек на себя своим нече-

[1] Иов, XXXIII, 9.

[2] Замечательно, однако, что Иисус, сын Сираха, строго придерживается его (XVII, 26—28; XXII, 10—11; XXX, 4 и след.; XLI, 1—2; XLIV, 9). Автор «Премудрости», напротив, совершенно противоположного мнения (IV, 1, греческий текст).

стием [1]. Как! Иегова забудет навеки эти жертвы, умирающие за веру, этих героев Маккавеев, эту мать с ее семью сыновьями, предоставит их могильному тлению? [2] Неверующий саддукей светского образа мыслей мог бы не испугаться такого результата своего поступка; мудрец, вроде Антигона из Соко [3], мог бы проповедовать, что не следует быть добродетельным, подобно рабу, в ожидании награды за это, что нужно быть добродетельным без расчета. Но масса нации этим, конечно, не могла довольствоваться. Одни, разделяя принцип философского бессмертия, представляли себе, что праведники живут в памяти Бога, вечно прославляются в воспоминаниях людей и произносят суд над теми, кто их преследовал [4]. «Они живут перед очами Бога... Они ведомы Богу» [5] — вот в чем заключается их награда. Другие, в особенности фарисеи, прибегали к догмату о воскресении [6]. Праведники воскреснут, чтобы принять участие в мессианском царстве. Они воскреснут во плоти, на глазах мира, в котором они будут царями и судьями; они увидят торжество своих идей и унижение своих врагов.

У древнего израильского народа встречаются лишь неясные следы этого основного догмата. В сущности, саддукей, который не исповедовал его, был верен древнему иудейскому учению; новатором являлся фарисей, исповедовавший воскресение из мертвых. Но в религии обновление идет всегда от более пылкой партии; она движется, она и пользуется плодами движения. Воскресение из мертвых, идея совершенно отличная от бессмертия души, кроме того, вполне естественно вытекала из предшествующих доктрин и из условий народа. Быть может, и Персия дала этому учению кое-какие элементы [7]. Во всяком

---

[1] Есфирь, XIV, 6—7 (апокриф.); апокрифическое посл. Варуха (Фабриций и Цериани, loc. cit.).

[2] 2 книга Маккавейская, VII.

[3] *Пиркэ Абот*, I, 3.

[4] Премудрость Соломона, гл. II—VI, VIII, 13; *Пиркэ Абот*, IV, 16; De rationis imperio, соч., приписываемое Иосифу, 8, 13, 16, 18. Следует еще заметить, что автор этого последнего трактата ставит на второй план по его важности мотив личного возмездия. Главным двигателем у мучеников является любовь к Закону, выгоды, которые их смерть доставит народу, и слава, которая покроет их имена. Ср. Премудрость Соломона, IV, 1 и след.; Екклезиаст, гл. XLIV и след.; Иосиф, B. I., II, VIII, 10; III, VIII, 5.

[5] Премудрость Соломона, IV, 1; De rationis imperio, 16, 18.

[6] 2 книга Маккавейская, VII, 9, 14; XII, 43—44.

[7] Феопомп, в Diog. Laert., procem., 9; *Бундехет*, гл. XXXI. Следы

случае, комбинируясь с верованием в Мессию и с учением будущего всеобщего обновления, догмат воскресения из мертвых послужил основой для апокалипсических теорий. Эти последние, не будучи символами веры (правоверный иерусалимский синедрион, по-видимому, их не признавал), всюду овладевали умами и вызывали во всем иудейском мире, из конца в конец, чрезвычайное брожение. Полное отсутствие догматической строгости было причиной того, что в одно и то же время допускались довольно противоречивые мнения, даже насчет основного пункта. То праведнику приходилось ожидать общего воскресения из мертвых [1], то тотчас после смерти ангелы относят его на лоно Авраама [2]. То проповедуется общее воскресение [3], то оно оказывается уделом одних праведников [4]. То предполагается при этом обновленная земля и новый Иерусалим, то требуется предварительно уничтожение вселенной.

Лишь только Иисус начал мыслить, как тотчас же его охватила жгучая атмосфера, созданная в Палестине идеями, которые я здесь изложил. Эти идеи не преподавались ни в одной школе, но они носились в воздухе, и вскоре душа юного реформатора прониклась ими. Наши колебания, наши сомнения никогда в нем не пробуждались. Конечно, Иисус двадцать раз сиживал без всяких сомнений на этой вершине назаретской горы, где ни один современный человек не усидит, не будучи охвачен чувством беспокойства по поводу своего предназначения, быть может, и суетного. Лишенный чувства эгоизма, этого источника наших печалей, побуждающего нас настойчиво отыскивать для добродетели загробные интересы, Иисус думал только о своем деле, о своем народе, о человечестве. Эти горы, море, лазурное небо, эти высокие равнины на горизонте для него были не меланхолическим видением души, вопрошающей природу о своей судьбе, но определенным символом, просвечивающей тенью невидимого мира и нового неба.

Он никогда не придавал большого значения политическим событиям своего времени, а быть может, был о

догмата воскресения из мертвых в Авесте весьма сомнительного характера.

[1] Иоанна, XI, 24.

[2] Луки, XVI, 22. Ср. De rationis imperio, 13, 16, 18.

[3] Даниил, XII, 2.

[4] 2 книга Маккавейская, VII, 14.

них и плохо осведомлен. Династия Иродов жила в мире настолько для него чуждом, что, без сомнения, он знал о ней лишь понаслышке. Ирод Великий умер в самый год его рождения, оставив о себе неизгладимые воспоминания, монументы, которые предназначались для того, чтобы принудить даже самое неблагосклонное к нему потомство поставить его имя рядом с Соломоном, и которые тем не менее остались незаконченными, так как их невозможно было окончить. Этот тщеславный светский человек, запутавшийся в лабиринте религиозных распрей, лукавый Идумеянин, обладал всеми преимуществами, какие дает человеку среди страстных фанатиков полное хладнокровие и разум, при полной безнравственности. Но его мысль о светском царстве Израиля, если бы даже она не была анахронизмом при том состоянии мира, при котором он ее задумал, несомненно, потерпела бы крушение, как и аналогичный проект Соломона, ввиду препятствий со стороны самого характера нации. Три его сына были не более как римскими наместниками, подобными индийским раджам под английским владычеством. Антипатр, или Антипа, тетрарх Галилеи и Переи, подданным которого и был Иисус, во всю свою жизнь был ничтожеством и ленивцем [1], любимцем и поклонником Тиверия [2], слишком часто подпадавшим под дурное влияние своей второй жены Иродиады [3]. Филипп, тетрарх Гавлонитиды и Васана, во владениях которого Иисус часто странствовал, был гораздо лучшим правителем [4]. Что касается Архелая, этнарха Иерусалима, то Иисус не мог его знать. Ему было около 10 лет, когда Август сместил [5] этого слабого и бесхарактерного, а иногда свирепого человека. Таким образом, для Иерусалима исчезли последние признаки независимого правительства. Иудея была присоединена к Самарии и Идумее и образовала нечто вроде придатка к провинции Сирии, в которой императорским легатом был сенатор Публий Сульпиций Квириний, весьма известный консуларий [6]. Целая серия римских проку-

---

[1] Иосиф, Ant., XVII, V, 1; VII, 1 и 2; Луки, III, 19.

[2] Иосиф, Ant., XVIII, III, 3; IV, 5; V, 1.

[3] Иосиф, Ant., XVIII, VII, 1.

[4] Иосиф, Ant., XVIII, IV, 6.

[5] Иосиф, Ant., XVII, XII, 2 и B. I., II, 3.

[6] Орелли, Inscr. lat., N 3693; Генцен, Suppl., N 7041; Fasti proenestini, 9 марта и 28 апр. (в Corpus inscr. lat., I, 314, 317); Боргези, Fastes consulaires (еще неизд.) в 742 г.; Моммсен, Res gestae divi Augu-

раторов, подчиненных в более важных вопросах императорскому легату Сирии,— Копоний, Марк Амбивий, Анний Руф, Валерий Грат и, наконец (с 26 г. нашей эры), Понтий Пилат — следовали один за другим [1], причем все они неустанно были заняты тушением вулкана, который производил извержения под их ногами.

Действительно, беспрерывные восстания, возбуждаемые ревнителями Моисеева закона, все это время не переставая потрясали Иерусалим [2]. Мятежники были обречены на неизбежную смерть, но когда дело касалось незыблемости Закона, смерть представлялась желанной. Фанатики, дошедшие до той степени экзальтации, при которой жизнь теряет всякую ценность, делали непрерывные попытки сбросить римских орлов, разрушить произведения искусства, воздвигнутые Иродом и не всегда согласовавшиеся с правилами Моисеева закона [3], взбунтоваться по поводу выставляемых прокураторами щитов с гербами, надписи на которых представлялись идолопоклонническими [4]. Таким образом, Иуда, сын Сарифея, Матвей, сын Маргалота, два довольно известных учителя Закона, составили партию, смело восставшую против установленного порядка и продолжавшую это дело после их казни [5]. Самаритяне были охвачены движением такого же рода [6]. По-видимому, у Закона никогда еще не было такого большого числа страстных приверженцев, как в тот момент, когда уже жил тот, кто должен был отменить его всем авторитетом своего гения и своей великой души. «Зелоты» (канаим) или «сикарии», благочестивые убийцы, ставившие своей задачей убивать каждого, кто отступит от Закона, уже начинали появляться [7]. Благодаря непреодолимой потребности того века в сверхъестественном и божественном, пользовались общим доверием и представители совсем другого духа, волшебники, на которых смотрели как на божественные существа [8].

---

sti, стр. 111 и след. Ср. Тацит, Ann., II, 30; III, 48; Страбон, XII, VI, 5.

[1] Иосиф, Ant., XVIII.

[2] Иосиф, Ant., XVII и XVIII, и B. I., кн. I и II.

[3] Иосиф,Ant., XV, X, 4; B. I., I, XXXIII, 2 и след. Ср. Енох, XCVII, 13—14.

[4] Филон, Legatio ad Caium, 38.

[5] Иосиф, Ant., XVII, VI, 2 и след.; B. I., I, XXXIII, 3 и след.

[6] Иосиф, Ant., XVIII, IV, 1 и след.

[7] Мишна, *Синедрион*, IX, 6; Иоанна, XVI, 2; Иосиф, B. I., IV и след.; VII, VIII и след.

[8] Деяния, VIII, 9 и след.

9 Заказ № 313

Гораздо более влияния на Иисуса оказало движение, поднятое Иудой Гавлонитом, или Галилеянином. Из всех мер, которые были введены в странах, только что завоеванных Римом, самой непопулярной была перепись [1]. Мера эта всегда удивляет народности, малопривыкшие к податям, устанавливаемым центральной администрацией, и она в особенности была ненавистна евреям. Известно, что еще при Давиде перепись вызвала резкие осуждения и угрозы со стороны пророков [2]. Действительно, перепись является основой налога, налог же, с точки зрения чистой теократии, сам по себе почти что нечестивое дело. Бог единый господин, которого должен признавать человек, а потому уплата десятины светскому правителю является до некоторой степени замещением Бога этим правителем. Еврейская теократия, совершенно чуждая всякой идеи государственности, в этом отношении последовательно доходила до конца, до отрицания гражданского общества и всякого правительства. Деньги в общественных кассах считались крадеными [3]. Перепись, предписанная Квиринием в 6 г. христианской эры, пробудила эти идеи во всей их силе и вызвала широкое брожение. Движение охватило северные провинции. Некий Иуда из города Гамалы на восточном берегу Тивериадского озера и фарисей по имени Садок создали многочисленную школу, отрицавшую законность налога и вскоре открыто восставшую против него [4]. Основные начала этой школы гласили, что свобода выше жизни и что никого не следует называть «господином», так как это звание принадлежит одному Богу. Иуда проповедовал много и других принципов, о которых Иосиф умышленно умалчивает, ибо он всегда старался как-нибудь не скомпрометировать своих единоверцев; иначе было бы непонятно, почему за столь несложную идею еврейский историк отводит ему место среди философов своей нации и смотрит на него как на основателя четвертой школы, параллельной фарисеям, сад-

---

[1] Discours de Claude, в Лионе, табл. II, sub fine; Де Буассье, Inscr. ant. de Lyon, стр. 136.

[2] 2 книга Сам., XXIV.

[3] Вавил. Талмуд, *Баба кама*, 113a; *Шаббат*, 33b.

[4] Иосиф, Ant., XVIII, I, 1 и 6; XX, V, 2; B. I., II, VIII, 1; VII, VIII, 1; Деяния, V, 37. В Деяниях другой агитатор, Февда, относится к времени до Иуды Гавлонита, но это, очевидно, анахронизм: движение Февды происходило в 44 г. христианской эры (Иосиф, Ant., XX, V, 4).

дукеям и ессеям. Очевидно, Иуда был главой галилейской секты, исповедовавшей мессианство и в заключение примкнувшей к политическому движению. Прокуратор Копоний подавил восстание Гавлонита, но школа его осталась и сохранила своих вождей. Мы встречаем ее снова чрезвычайно деятельной в эпоху последней борьбы иудеев с римлянами [1] под предводительством Менахема, сына ее основателя, и Елеазара, его родственника. Иисус, быть может, виделся с Иудой, который понимал иудейскую революцию столь отлично от него; во всяком случае, он был знаком с его школой, и, быть может, именно как бы в виде протеста против его заблуждения он и произнес свой афоризм относительно динария кесаря. Мудрый Иисус, далекий от мысли о каком бы то ни было восстании, воспользовался промахом своего предшественника и мечтал о другом царстве и о другом освобождении.

Галилея представляла собой нечто вроде горнила, в котором бурлили и кипели самые разнородные элементы [2]. Необычайное презрение к жизни или, лучше сказать, особенное влечение к смерти было естественным следствием этих брожений [3]. Опыт не считается ни во что во время великих фанатических движений. В Алжире в первое время французской оккупации каждую весну появлялись вдохновенные мятежники, которые объявляли, что они неуязвимы и посланы Богом изгнать неверных; на следующий год все забывали об их смерти, и их преемники внушали такую же веру в себя. С одной стороны, весьма суровое, а с другой — еще не очень придирчивое римское владычество предоставляло большую свободу. Такие грубые завоеватели, как ни жестоки в своей расправе, не страдают подозрительностью, подобно всякой власти, поставившей себе задачей соблюдение догмата. Они позволяли все, вплоть до того момента, когда вмешательство считалось необходимым. За всю его скитальческую жизнь мы не знаем, чтобы Иисус хотя бы один раз имел дело с полицией. Благодаря такой свободе вообще и исключительному положению Галилеи в том отношении, что она гораздо меньше терпела стеснений от фарисейского

---

[1] Иосиф, Ant., XX, V, 2; B. I., II, XXII, 8 и след.; VII, VIII и след.

[2] Луки, XIII, 1. Галилейское движение Иуды, сына Езекии, повидимому, не носило религиозного характера; впрочем, быть может, Иосиф умышленно скрывает этот характер (Ant., XVII, X, 5).

[3] Иосиф, Ant., XVI, VI, 2, 3; XVIII, I, 1.

педантизма, жизнь в этой местности представляла серьезное преимущество перед Иерусалимом. Революция или, другими словами, мессианство вскружило здесь всем головы. Все верили в предстоящее в ближайшем будущем обновление; Священное Писание перетолковывалось в самых различных смыслах и давало пищу самым колоссальным упованиям. В каждой строчке незатейливых книг Ветхого Завета усматривалось обещание и в некотором роде программа будущего царства, которое должно было дать мир праведникам и навеки запечатлеть творение Божие.

Во все времена это разделение на две партии, противоположные по интересам и идеям, служило для еврейской нации залогом силы в области моральной. Всякий народ, призванный для высокой миссии, должен представлять собой полный мир, заключающий в своих недрах противоположные полюсы. В Греции на расстоянии нескольких миль находились Спарта и Афины, для поверхностного наблюдателя два антипода, по существу же — сестры-соперницы, необходимые одна для другой. То же было и в Иудее. Если развитие на севере, в известном смысле, было не столь блестящим, как в Иерусалиме, то в общем оно было столь же плодотворным; наиболее живые начинания иудейского народа шли всегда оттуда. Полное отсутствие чуткости к природе, доходившее до некоторой сухости, узости, строгости, сообщало чисто иерусалимским начинаниям характер грандиозный, но в то же время печальный, бесплодный, отталкивающий. Иерусалим не мог бы завоевать человечество при помощи своих торжественных учителей, безвкусных канонистов, лицемерных и желчных ханжей. Север дал миру наивную Самаритянку, смиренную Хананеянку, страстную Магдалину, доброго воспитателя Иосифа, Деву Марию. Север один создал христианство; наоборот, Иерусалим — истинная родина упорствующего иудаизма, созданного фарисеями, фиксированного Талмудом и дошедшего до нас, пережив Средние века.

Чарующая природа помогла, со своей стороны, сложиться этому уму, гораздо менее строгому, настроенному не так болезненно монотеистически и, если можно так выразиться, придававшему всем мечтам Галилеи прелестный, идиллический отпечаток. Соседняя область Иерусалима представляется, быть может, самой печальной местностью в мире. Напротив, Галилея, вся покрытая зе-

ленью, очень тенистая, очень веселая, поистине страна Песни песней, страна песнопений Возлюбленного [1]. В течение марта и апреля это сплошной ковер цветов, несравненных по свежести красок. Животные здесь малорослые, необычайной кротости. Легкие и быстрые горлицы, черные дрозды, легкие до такой степени, что даже трава под ними не гнется, хохлатые жаворонки, опускающиеся чуть не у самых ног путника, маленькие речные черепахи с кроткими блестящими глазками, аисты с целомудренной и строгой осанкой отличаются отсутствием всякой пугливости и очень близко подпускают людей, словно приманивая их к себе. Нигде в мире горный пейзаж не развертывается в такой гармоничности, не вызывает столь возвышенных дум. Иисус, по-видимому, особенно любил горы. Все важнейшие события его жизни происходили на горах: здесь он больше всего вдохновлялся [2]; здесь он вел тайные беседы с древними пророками, здесь он явился своим ученикам после того, как преобразился [3].

Эта прелестная местность, сделавшаяся в настоящее время, благодаря необыкновенному разорению населения, которое причинил турецкий исламизм, до такой степени унылой и печальной, но где все, что не успел человек разрушить, дышит запущением, кротостью, нежностью, во времена Иисуса цвела благосостоянием и весельем. Галилеяне считались людьми энергичными, честными и трудолюбивыми [4]. За исключением Тивериады, построенной Антипой в честь Тиверия (около 15 г. до Р. Х.) в римском стиле [5], в Галилее не было больших городов. Тем не менее она была густо заселена, покрыта маленькими городами и большими селениями, повсюду отлично обработа-

---

[1] Иосиф, B. I., III, III, 2. Ужасное состояние, в которое ныне приведена эта страна, особенно близ Тивериадского озера, не должно нас смущать. Эта выжженная местность некогда была земным раем. Тивериадские воды, ныне отвратительное местечко, прежде были самым живописным уголком в Галилее (Иосиф, Ant., XVIII, III, 3). Иосиф (B. I., III, X, 8) восхваляет прекрасные деревья Генисаретской равнины, где теперь нет ни одного деревца. Антонин Мученик в 600 г., следовательно, за пятьдесят лет до нашествия мусульман, описывает Галилею покрытой роскошной растительностью и сравнивает ее по плодородию с Египтом (Itin. a Burdig. Hierus., § 5).

[2] Матфея, V, 1; XIV, 23; Луки, VI, 12.

[3] Матфея, XVII, 1 и след.; Марка, IX, 1 и след.; Луки, IX, 28 и след.

[4] Иосиф, B. I., III, III, 2.

[5] Иосиф, Ant., XVIII, II, 2; B. I., II, IX, I; Vita, 12, 13, 64.

на [1]. По развалинам, оставшимся здесь от прежнего блеска, видно, что жители ее занимались земледелием, но не были одарены художественным чутьем, мало заботились о роскоши, относились совершенно индифферентно к красоте форм и исключительно отдавались идеализму. Страна изобиловала свежей водой и плодами; виноградники и смоковницы осеняли своей тенью большие фермы; сады состояли из яблонь, орешника и гранатовых деревьев [2]. Вино было превосходное, если судить по тому, которое ныне евреи выделывают в Сафеде, и его пили в большом количестве [3]. Но эта жизнь в довольстве и полном удовлетворении ничуть не походила на тупой материализм нашего крестьянина, на грубое веселье Нормандии или тяжеловесное веселье фламандцев. Жизнь эта одухотворялась эфирными мечтами, поэтическим мистицизмом, в котором небо и земля сливались между собой. Пусть себе суровый Иоанн Креститель остается в своей Иудейской пустыне, пусть он там проповедует покаяние, питаясь вместе с шакалами одной саранчой. Должны ли гости жениха поститься, когда жених с ними? Радость будет делом Царства Божия. Разве она не дочь смиренных сердцем, благожелательных людей?

Таким образом, вся история нарождавшегося христианства была восхитительной пасторалью. Мессия на брачном пире, грешница и добродетельный Закхей, приглашенные к его трапезам, основатели Царства Небесного в виде званых на брачный пир,— вот на что дерзнула Галилея, что она допускала. Греция при помощи скульптуры и поэзии рисовала жизнь человеческую в виде чудных картин, но в них никогда не было ни глубокой перспективы, ни далеких горизонтов. Здесь не было ни мрамора, ни превосходных художников, ни изящного, утонченного языка. Но зато Галилея создала в народном воображении величайший из идеалов, ибо за этой идиллией чув-

---

[1] Иосиф, В. I., III, III, 2.

[2] Это можно себе представить по некоторым уголкам в окрестностях Назарета. Ср. Песнь песней, II, 3, 5, 13; IV, 13; VI, 6, 10; VII, 8, 12; VIII, 2, 5; Антонин Мученик, loc. cit. Общий характер больших мыз сохранился еще довольно хорошо на юге Тирской провинции (древнее племя Азер). Следы старинного палестинского земледелия, с его высеченными в скале приспособлениями (гумна, виноградные тиски, зернохранилища, колоды, мельницы и т. п.), встречаются здесь на каждом шагу.

[3] Матфея, IX, 17; XI, 19; Марка, II, 22; Луки, V, 37; VII, 34; Иоанна, II, 3 и след.

ствуется дыхание судьбы человечества, самая картина озаряется лучами солнца Царства Божия.

В такой чарующей обстановке жил и вырастал Иисус. Начиная с детства, он ежегодно совершал путешествие в Иерусалим на праздники [1]. Паломничество для провинциальных евреев было особенно привлекательным торжеством. Целый ряд псалмов был посвящен восхвалению таких путешествий всей семьей [2], которые затягивались на несколько дней; они совершались весной; путники отправлялись по горам и долинам и шли под впечатлением священного страха, внушаемого святыми местами, и радостного ощущения непосредственной близости братьев [3], имея в перспективе пышное великолепие Иерусалима. Дорога, по которой Иисус обыкновенно следовал в таких путешествиях, та же, по какой ходят и теперь, через Гинею и Сихем [4]. От Сихема до Иерусалима она довольно трудная, но соседство старинных святилищ, Силоамской купели и Вефезды, близ которых она проходит, поддерживает душевное напряжение. Последнее место остановки [5], *Аинь-ель-Гарамиэ*, прелестный, меланхолический уголок, и едва ли можно с чем-нибудь сравнить впечатления, которые испытывают здесь путники, располагаясь на ночлег. Долина очень узка и мрачна; черная вода вытекает из скал, пронизанных гробницами. Я думаю, что это та самая «долина плача», которая воспета в псалме 83 [6] и которая обратилась в эмблему жизни для упоительного и печального мистицизма Средних веков. На следующий день, рано утром, будет достигнута цель путешествия, Иерусалим; и поныне ожидание увидать его поддерживает бодрость каравана, вечер проходит быстро, и легкий сон спускается на усталых путников.

Эти путешествия, в которых вся нация обменивалась идеями и благодаря которым ежегодно в столице создавались очаги сильнейшего возбуждения, приводили Иисуса в соприкосновение с душой его народа и, без сомнения,

---

[1] Луки, II, 41.

[2] Луки, II, 42—44.

[3] См. в особенности псалмы 84, 122, 133 (Vulg., 83, 121, 132).

[4] Луки, IX, 51—53; XXII, 11; Иоанна, IV, 4; Иосиф, Ant., XX, VI, 1; B. I., II, XII, 3; Vita, 52. Однако часто поломники направлялись через Перею, чтобы обойти Самарию, где они подвергались опасности. Матфея, XIX, I; Марка, X, 1.

[5] По Иосифу (Vita, 52), путешествие продолжалось три дня. Но переход от Сихема до Иерусалима обыкновенно полагалось делать в два приема.

[6] Псалтирь, пс. 83, ст. 7.

сами по себе внушали ему живейшую антипатию к заблуждениям официальных представителей иудаизма. Утверждают, что пустыня была для него второй школой и что он живал в ней подолгу [1]. Но Бог, которого он в ней находил, не был его Богом. Это был скорее Бог Иова, суровый и грозный, никому не прощающий. Иногда сатана являлся сюда искушать его. Но тогда он возвращался в свою милую Галилею и находил здесь своего Отца Небесного среди зеленых холмов и светлых фонтанов, среди женщин и детей, которые с радостной душой и ангельским песнопением в сердцах ожидали спасения Израиля.

ГЛАВА V

ПЕРВЫЕ АФОРИЗМЫ ИИСУСА. ЕГО ИДЕИ О БОГЕ ОТЦЕ И ОБ ИСТИННОЙ РЕЛИГИИ. ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ.

Иосиф умер раньше, чем его сын начал играть какую-либо роль в общественной жизни. Таким образом, Мария стала главой семьи, и этим объясняется, почему Иисуса чаще всего называли «сыном Марии» [2], когда хотели отличить от его многочисленных соименников. По-видимому, оставшись после смерти мужа одинокой в Назарете, она переселилась в Кану [3], откуда, может быть, она и была родом. Кана [4] — небольшой городок в двух или двух с половиной часах пути от Назарета, расположенный у подножия гор, составляющих северную границу равнины Азохис [5]. Вид этой равнины, которая чрезвычайно живописно замыкается Назаретскими горами и холмами Сефорис, не так величествен, как вид Назарета. По-видимому, Иисус жил некоторое время в этом местечке. Ве-

---

[1] Луки, IV, 42; V, 16.

[2] Это выражение принадлежит Марку. Ср. Матфея, XIII, 55. Марк вообще не упоминает об Иосифе; напротив, четвертое Евангелие и Лука предпочитают называть Иисуса «сыном Иосифа»: Луки, III, 23; IV, 22; Иоанна, 1, 46; VI, 42. Странно, что в четвертом Евангелии мать Иисуса ни разу не названа по имени. Имя «Бен Иосиф», которым в Талмуде назван один из Мессий, наводит на многие размышления.

[3] Иоанна, II, 1; IV, 46. Это было известно одному Иоанну.

[4] Ныне *Кана-ель-Джелиль*, то же, что Кана Галилейская времен Крестовых походов (см. Archives des missions scientifiques, 2-я серия, Т. III, стр. 370). Не следует смешивать с *Кефр-Кенна*, местечком, расположенным к северо-западу от Назарета (*Кафархеммэ крестоносцев*).

[5] Ныне *Ель-Буттоф*.

роятно, здесь прошла часть его юности и здесь же он впервые обратил на себя общее внимание [1].

Он занимался ремеслом своего отца, который был плотником [2]. Это положение не было ни унизительным, ни неприятным. Еврейский обычай требовал, чтобы человек, посвятивший себя умственному труду, знал какое-либо ремесло. Самые знаменитые из учителей были ремесленниками [3]; так, например, Св. Павел, получивший тщательное воспитание, делал палатки или ткал ковры [4]. Иисус не был женат. Всю силу своей любви он обратил на то, что считал своим высшим призванием. Необыкновенно нежное чувство к женщинам [5], которое у него замечается, не отделялось в нем от безграничной преданности своей идее. Подобно Франциску Ассизскому и Франциску Сальскому, он относился как к сестрам к тем женщинам, которые отдавались одному с ним делу; у него была своя Св. Клара, своя Франсуаза Шанталь. Только возможно, что они любили больше его самого, чем его дело; без сомнения, не столько он любил, сколько его любили. И как это часто бывает у слишком возвышенных натур, нежность сердца у него обратилась в бесконечную кротость, в неопределенную мечтательность, всеобщую обаятельность. Его дружеские и свободные, но вполне нравственные отношения с женщинами сомнительного поведения точно так же объясняются страстной преданностью его славе Отца, внушавшей своего рода влечение ко всем прекрасным созданиям, которые могли бы послужить для этой славы [6].

Каков был ход развития мысли Иисуса в этот темный период его жизни? С какими умозрениями он выступил впервые на путь пророка? Это неизвестно, так как история его дошла до нас в виде отрывочных повествований без точной хронологии. Но ход развития живых существ всюду один и тот же, и, без сомнения, рост столь сильной натуры, какой был Иисус, строго следовал законам эволюции. Высокое познание Божества, которым он был обязан никак не иудаизму и которое, по-видимому, было сущностью его великой души, было до некоторой степени глав-

---

[1] Иоанна, II, 11; IV, 46. Один из учеников Иисуса был родом из Каны. Иоанна, XXI, 2; Матфея, X, 4; Марка, III, 18.

[2] Матфея, XIII, 55; Марка, VI, 3; Иустин, Dial. cum Tryph., 88.

[3] Например, «Равви Иоханан, башмачник, Равви Исаак, кузнец».

[4] Деяния, XVIII, 3.

[5] См. ниже, глава IX.

[6] Луки, VII, 37 и след.; Иоанна, IV, 7 и след., VIII, 3 и след.

ной основой его существа. В этой области более всего приходится отрешаться от свойственных нам идей и от тех анализов, над которыми мелкие умы истощают свои силы. Для того чтобы ясно понять особый оттенок благочестия Иисуса, нужно отрешиться от всего, что стоит между Евангелием и нами. Деизм и пантеизм сделались двумя полюсами богословия. Жалкие умозрения схоластики, сухость мысли Декарта, глубокая нерелигиозность XVIII века, умалив Бога, ограничив его до известной степени, исключив из понятия о Боге все, что не есть Бог, заглушили в современном рационализме всякое плодотворное чувство Божества. В самом деле, если Бог есть определенное существо вне нас, то человек, воображающий, будто он состоит в особых сношениях с Богом, не более как «духовидец», а так как физика и физиология удостоверяют, что всякое сверхъестественное видение есть иллюзия, то мало-мальски последовательный деист должен признать невозможность понять великие верования прошлого. С другой стороны, пантеист, отрицая индивидуальность Божества, настолько далек от Бога живого древних религий, насколько это возможно. Были ли деистами или пантеистами в некоторые моменты своей подвижнической жизни люди, достигавшие высшего понимания Бога,— Сакья-Муни, Платон, Св. Павел, Св. Франциск Ассизский, Св. Августин? Такого вопроса нельзя и ставить. Всякие физические и метафизические доказательства бытия Бога встретили бы со стороны этих великих людей полнейшее равнодушие. Они ощущали Божество в самих себе. И в первых рядах этой великой семьи истинных сынов Божиих надо поставить Иисуса. У Иисуса не было видений; Бог не говорил с ним, как с существом, стоящим вне его; Бог жил в нем; он чувствовал его в себе и брал из своего сердца то, что оно ему говорило об его Отце. Он жил на лоне Бога, находясь с ним в постоянном общении; он не видел его, но слышал, не нуждаясь ни в громе, ни в пылающей купине, как Моисей, ни в знаменательной буре, как Иов, ни в оракуле, как древние греки, ни в домашнем гении, как Сократ, ни в ангеле Гавриила, как Магомет. Здесь ни при чем такие фантазии и галлюцинации, какие были у Св. Терезы. Объяснение «суфи», возвещающего, что он равен Богу, тоже явление иного порядка. Иисус ни разу не выражал святотатственной мысли, будто он равен Богу. Иисус думает, что он находится в прямых сношениях с Богом, верит, что

он Сын Божий. Высшее познание Бога, какое только было у человечества, это то, которое имел Иисус.

С другой стороны, понятно, что, исходя из такого душевного настроения, Иисус не мог сделаться умозрительным философом вроде Сакья-Муни. Евангелие стоит далеко от схоластического богословия [1]. Умозрения греческих учителей о божественной сущности проистекают из совсем другого духа. Все богословие Иисуса в том, что Бог познается непосредственным Отцом. И это было у него не теоретическим принципом, не учением, более или менее доказанным, которое он старался внушить другим. Он не приводил своим ученикам никаких доводов рассудка [2], не требовал от них никакого умственного напряжения. Он проповедовал не свои убеждения, а себя самого. Нередко особенно великие и особенно бескорыстные натуры, при особенной возвышенности духа, носят именно такой характер вечного прислушивания к самим себе и крайней степени чувствительности, в общем свойственной женщинам [3]. У них уверенность в том, что Бог живет в них и вечно занят ими, до такой степени сильна, что они нисколько не опасаются импонировать другим; наша сдержанность, уважение к чужому мнению, отчасти составляющая наше бессилие, им совершенно несвойственны. Эта экзальтированная индивидуальность не есть эгоизм, ибо подобные люди, одержимые своей идеей, с полной готовностью отдают свою жизнь, чтобы ею запечатлеть свое дело: это доведенное до крайности отождествление своего «я» с тем делом, которому оно себя отдает. Те, которые видят в новом учении только личную фантазию основателя, гордятся таким отношением его к своему делу; для других, которые видят только результаты, в этом заключается перст Божий. Здесь безумие соприкасается с вдохновленностью, но только безумный никогда не пользуется успехом. До сих пор умственное помешательство еще никогда не влияло серьезно на ход человечества.

Без сомнения, Иисус не сразу дошел до такой высшей степени самопознания. Но возможно, что с первых

---

[1] Поучения, приписываемые Иисусу четвертым Евангелием, заключают в себе зачатки богословия. Но эти поучения абсолютно противоречат тем, которые находятся в синоптических Евангелиях, без всякого сомнения, представляющих собою первоначальные «Logia», и потому их следует относить к документам истории апостолов, а не к элементам жизни Иисуса.

[2] См. Матфея, IX, 9 и другие аналогичные повествования.

[3] См., например, Иоанна, XXI, 15 и след., хотя, по-видимому, четвертое Евангелие преувеличивает эту черту.

своих шагов он уже определял свои отношения к Богу как сына к отцу. В этом заключается главная его оригинальность и в этом нет ни малейшего признака его расы [1]. Ни иудей, ни мусульманин не понимали этой восхитительной теологии, основанной на любви. Бог Иисуса не тот грозный владыка, который нас убивает, когда ему вздумается, проклинает, когда ему вздумается, спасает, когда ему вздумается. Бог Иисуса наш Отец. Мы чувствуем его, прислушиваясь к легкому дуновению, которое в нас взывает: «Авва, Отче!» [2]. Бог Иисуса не пристрастный деспот, избравший Израиль своим народом и покровительствующий ему против всех и вопреки всем. Это Бог человечества. Иисус не может сделаться ни патриотом, как Маккавеи, ни теократом, как Иуда Гавлонит. Смело возвысившись над предрассудками своей нации, он основывает всеобщее братство по Богу. Гавлонит проповедовал, что лучше умереть, нежели называть «господином» кого-либо, кроме Бога; Иисус предоставляет называться «господином» кому угодно, а для Бога сохраняет более нежное название. Отдавая земным властям, представителям силы в его глазах, дань почтения, полную иронии, он создает высшее утешение, прибежище к Отцу, который у каждого есть на небесах, истинное Царство Божие, которое каждый носит в своем сердце.

«Царство Божие» или «Царство Небесное» [3] были любимыми выражениями Иисуса для определения того переворота, который он вносил в мир [4]. Как и все почти мессианские термины, эти слова взяты из книги Даниила. По словам автора этой необыкновенной книги, за четырьмя светскими царствами, которым суждено погибнуть, после-

---

[1] В этом отношении, как и во многих других пунктах, прекрасная душа Филона сходится с душой Иисуса. De confus. ling., § 14; De migr. Abr., § 1; De somniis, II, § 41; De agris. Noë, § 12. De mutatione nominum, § 4.

[2] Посл. к Гал., IV, 6.

[3] Слово «небо» на языке раввинов того времени есть синоним слова «Бог», которое избегали произносить. См. Бdevкcторф, Lex: chald-talm. rabb., и Даниила, IV, 22, 23. Ср. Матфея, XXI, 25; Марка, XI, 30, 31; Луки, XV, 18, 21; XX, 4, 5.

[4] Это выражение повторяется на каждой странице синоптических Евангелий, в Деяниях апостолов, в посланиях Св. Павла. Если оно всего лишь один раз встречается в четвертом Евангелии (III, 3 и 5), то это потому, что поучения, передаваемые этим Евангелием, далеко не представляют собой истинных слов Иисуса.

дует пятое, царство «святых», которое будет вечным [1]. Естественно, что это Царство Божие на земле служило темой для самых различных толкований. Для многих это было царство Мессии или нового Давида [2]; для иудейской теологии «Царство Божие» чаще всего не что иное, как самый иудаизм, истинная религия, монотеистический культ, благочестие [3]. В последнее время своей жизни Иисус, по-видимому, думал, что царство это должно осуществиться материально, путем внезапного обновления мира. Однако, без сомнения, не в этом заключалась его первоначальная идея [4]. Чудная мораль, которую он извлекает из познания Бога Отца, не свойственна тем энтузиастам, которые верят в близкую кончину мира и подготовляют себя к химерической катастрофе путем аскетической жизни: это мораль мира, который живет и хочет жить. «Царство Божие среди вас есть»,— говорил он тем, кто пытался тщательно установить признаки его будущего пришествия [5]. Реалистическое понимание будущего пришествия было лишь облаком, мимолетным заблуждением, которое смерть заставила забыть. Иисус — основатель истинного Царства Божия, царства кротких и смиренных, вот каким был Иисус первых дней его жизни [6], дней ничем не омраченной непорочности, когда голос его Отца звучал в его груди с наибольшей чистотой тембра. Тогда в течение нескольких месяцев, может быть, года, Бог действительно обитал на земле. Голос молодого плотника вдруг принял необыкновенную мягкость. Все его существо дышало бесконечной обаятельностью, и кто раньше его видал, теперь его не узнавал [7]. У него еще не было учеников, и группа,

---

[1] Даниил, II, 44; VII, 13, 14, 22, 27; Апокалипсис Варуха, у Цериани, Monum. sacra et profana, T. I, серия II, стр. 82.

[2] Марка, XI, 10; Таргум Ионафана: Исайя, XL, 9; LIII, 10; Михея, IV, 7.

[3] Мишна, *Беракот*, II, 1, 3; Иерус. Талмуд, *Беракот*, II, 2; *Киддушин* I, 2; Вавил. Талмуд, *Беракот*, 15a; *Мегилла*, 42b; Сифре, 170b. То же выражение часто повторяется в *Мидрашим*.

[4] Матфея, V, 10; VI, 10, 33; XI, 11; XII, 28; XVIII, 4; XIX, 12; Марка, X, 14, 15; XII, 34; Луки, XII, 31.

[5] Луки, XVII, 20—21. Перевод «внутри вас есть» менее точен, хотя, в сущности, и не уклоняется от мысли Иисуса, приведенной в этом месте.

[6] Действительно, великая апокалипсическая теория Сына Человеческого у синоптиков приводится лишь в главах, предшествующих повествованию о Страстях. Первые проповеди, особенно у Матфея, чисто нравственного характера.

[7] Матфея, XIII, 54 и след.; Марка, VI, 2 и след.; Иоанна, VI, 42.

собравшаяся вокруг него, не была ни сектой, ни школой; но в ней уже чуялся общий дух, нечто поразительное и привлекательное. Его приветливый характер и, быть может, обольстительная внешность [1], какая иногда встречается у еврейской расы, создали вокруг него особую увлекательную атмосферу, от влияния которой никто из среды этих добродушных и наивных племен не мог устоять.

И рай действительно снизошел бы на землю, если бы идеи молодого учителя так далеко не зашли за тот уровень средней добродетели, выше которого человеческому роду до сих пор никогда не удавалось возвышаться. Братство людей, сынов Божиих, и все моральные последствия, которые отсюда проистекают, были выведены с необыкновенно тонким чутьем. Подобно всем раввинам своего времени, Иисус был очень мало склонен к последовательным рассуждениям, излагал свое учение в кратких афоризмах, в выразительной форме, иногда загадочных и странных [2]. Некоторые из этих правил взяты из книг Ветхого Завета. Другие принадлежали более современным ученым, например, Антигону из Соко, Иисусу, сыну Сирахову, Гиллелю и дошли до Иисуса не путем ученых исследований, а благодаря тому, что они часто повторялись в виде пословиц. Синагога была богата правилами, очень удачно формулированными и составлявшими нечто вроде ходячей литературы в пословицах [3]. Иисус принял почти целиком это изустное учение, но вдохнул в него высшую идею [4]. Обыкновенно он заходил еще дальше в обязанно-

---

[1] Предание о безобразии Иисуса (Иустин, Dial. cum Tryph., 85, 88, 100; Климент Алекс., Paedag., III, 1; Strom., VI, 17; Ориген, Contra Celsum, VI, 75; Тертуллиан, De Carne Christi, 9; Adv. Iudaeos, 14) произошло из желания видеть в нем осуществление одной из тех черт, которые считались мессианскими (Исайя, LIII, 2). В первые века не существовало никакого традиционного портрета Иисуса. Св. Августин, De Trinitate. VIII, 4, 5. Ср. Ириней, Adv. haer., I, XXV, 6.

[2] В «Logia» Св. Матфея многие из подобных афоризмов соединены вместе, чтобы составить длинное поучение. Но отрывочность чувствуется здесь в искусственности изложения.

[3] Изречения иудейских учителей того времени собраны в небольшой книжке, озаглавленной *Пиркэ Абот*.

[4] Сопоставления будут сделаны ниже, по мере того как они представятся. Иногда высказывалось предположение, что поскольку редакция Талмуда относится к более позднему времени, нежели Евангелия, то иудейские компиляторы могли делать заимствования из христианской морали. Но это недопустимо; правила Талмуда, отвечающие евангельским сентенциям, снабжены весьма точными датами в виде имен тех учителей, которым эти правила приписывались, а это исключает всякую возможность заимствования.

стях, намеченных Законом и древними; он стремился к совершенству. В этом первоначальном учении его были зародыши всех добродетелей: смирения, всепрощения, милосердия, самоотречения, строгости по отношению к самому себе,— добродетелей, которые были с полным правом названы христианскими, если под этим разуметь, что Христос действительно их проповедовал. В отношении справедливости он ограничивался повторением общераспространенного изречения: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [1]. Но эта старая, все еще довольно эгоистичная истина, его не удовлетворяла. Он доходил до крайности:

«Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» [2].

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» [3].

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [4].

«Не судите, да не судимы будете [5]. Прощайте и прощены будете [6]. Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. Блаженнее давать, нежели принимать» [7].

«Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот вызвысится» [8].

По поводу милостыни, благочестия, добрых дел, кротости, миролюбия, полного сердечного бескорыстия ему почти нечего было прибавить к учению синагоги [9]. Но он

---

[1] Матфея, VII, 12; Луки, VI, 31. Это изречение есть и у Товита, IV, 16. Гиллель обыкновенно им пользовался (Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 31а) и заявлял, подобно Иисусу, что в нем заключается в сокращенном виде весь Закон.

[2] Матфея, V, 39 и след; Луки VI, 29. Ср. Плач Иеремии, III, 30.

[3] Матфея, V, 29—30, XVIII, 9; Марка, IX, 46.

[4] Матфея, V, 44; Луки, VI, 27. Ср. Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 86b; *Иома*, 23а.

[5] Матфея, VII, 1; Луки, VI, 37. Ср. Вавил. Талмуд, *Кетубот*, 105b.

[6] Луки, VI, 37. Ср. Левит, XIX, 18. Притчи, XX, 22. Екклезиаст, XXVIII, 1 и след.

[7] Изречение это приводится в Деяниях, XX, 35.

[8] Матфея, XXIII, 12; Луки, XIV, 11; XVIII, 14. Сентенции, которые приводит Св. Иеремия из «Евангелия от евреев» (коммент. в посл. к Ефес., V, 4; в книге Иезекииля, XVIII; Dial. adv. Pelag. III, 2), проникнуты тем же духом. Ср. Вавил. Талмуд, *Ерубин*, 13b.

[9] Второзак., XXIV, XXV, XXVI и пр., Исайя, LVIII, 7; Притчи, XIX, 17; *Пиркэ Абот*, I; Иерус. Талмуд, *Пэах*, I, 1; Вавил. Талмуд, *Шаббат*. 63а; Вавил. Талмуд, *Баба кама*, 93а.

умел давать своей проповеди такой умилительный характер, что давно известные афоризмы казались чем-то новым. Мораль слагается не из принципов, более или менее удачно выраженных. Поэзия поучения, внушающая к нему любовь, имеет гораздо больше значения, чем самое поучение, взятое как отвлеченная истина. И нельзя отрицать, что эти принципы, заимствованные Иисусом у его предтечей, производят в Евангелии совсем другое впечатление, нежели в древнем Законе, в *Пиркэ Абот* или в Талмуде. Мир был завоеван и преобразован не древним Законом и не Талмудом. Евангельская мораль, как ни мало в ней оригинального, в том смысле, что ее можно было бы всю целиком составить из более древних нравственных начал, остается высшим продуктом творчества человеческого духа, лучшим из кодексов совершенной жизни, какие когда-либо были составлены моралистами.

Иисус никогда не проповедовал против Моисеева закона, но чувствуется, что он понимал его недостаточность и давал это понять. Он постоянно повторял, что нужно делать больше того, чему учили древние ученые [1]. Он запрещал всякое жесткое слово [2], запрещал развод [3] и всякие клятвы [4], порицал месть [5], осуждал ростовщичество [6], вожделение считал столь же преступным, как и прелюбодеяние [7]. Он требовал прощения обид [8]. И мотивы, на которых он основывал эти правила, были всегда одни и те же: «... да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми... Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [9].

---

[1] Матфея, V, 20 и след.

[2] Матфея, V, 22.

[3] Матфея, V, 31 и след. Ср. Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 22а.

[4] Матфея, V, 33 и след.

[5] Матфея, V, 38 и след.

[6] Матфея, V, 42. Закон также запрещал ростовщичество (Второзак., XV, 7—8), но не так категорически, а обычай разрешал его (Луки, VII, 41 и след.).

[7] Матфея, XXVII, 28. Ср. Талмуд, *Массекет Кала* (изд. Фюрта, 1973), 34b.

[8] Матфея, V, 23 и след.

[9] Матфея, V, 45 и след. Ср. Левит, XI, 44; XIX, 2; посл. к Ефес., V, 1 и omoiōsis tō Платона.

Результатом этих принципов явился чистый культ, религия без жрецов и внешних обрядностей, основанная исключительно на сердечном чувстве, на подражании Богу [1], на непосредственном единении совести с Отцом Небесным. Иисус не отступал перед смелым выводом из этого, в силу которого он являлся в самом центре иудаизма выдающимся революционером. Зачем нужны посредники между человеком и его Отцом? Бог смотрит только в сердце человека, для чего же все эти очищения, обряды, касающиеся исключительно тела [2]? Самое предание, столь чтимое у иудеев, ничто по сравнению с чистым чувством [3]. Лицемерие фарисеев, которые на молитве оборачивались, чтобы убедиться, смотрят ли на них, оказывавших милостыню с шумом и отмечавших свои одежды особыми значками, по которым в них узнавали бы благочестивых людей, все эти кривлянья фальшивой набожности возмущали его. «Они уже получают награду свою,— говорил Иисус,— у тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что творит правая, чтобы милостыня твоя была втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно [4]. И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прощения у него» [5].

Он не признавал никаких внешних признаков аскетизма и довольствовался молитвой или, скорее, созерцанием на горах и в уединенных местах, где [6] человек всегда искал Бога. Это высшее познание отношений человека к Богу, которое и после Иисуса было доступно лишь немногим душам, резюмировалось в молитве, состав-

---

[1] Ср. Филон, De migr. Abr., 23, 24; De vita contemplatione в целом.

[2] Матфея, XV, 11 и след.; Марка, VII, 6 и след.

[3] Марка, VII, 6 и след.

[4] Матфея, VI, 1 и след. Ср. Екклезиаст, XVII, 18; XXIX, 15; Вавил. Талмуд, *Хагига*, 5а; *Баба батра*, 9b.

[5] Матфея, VI, 5—8.

[6] Матфея XIV, 23; Луки, IV, 42; V, 16; VI, 12.

ленной им из благочестивых изречений, бывших в употреблении у евреев и раньше; этой молитве он научил своих учеников[1]:

«Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого[2]». Он особенно настаивал на том, чтобы Отец Небесный знает лучше нас, что нам нужно, и что мы чуть не оскорбляем его, когда просим у него чего-либо определенного[3].

Все это для Иисуса было только прямым следствием из великих принципов, установленных иудаизмом; но официальные классы нации обнаруживали все большую склонность забывать их. Греческие и римские молитвы почти всегда были отмечены эгоизмом. Никогда языческий жрец не говорил своему последователю: «Итак, если ты принесешь дар свой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде помирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой»[4]. Одни иудейские пророки, в особенности Исайя, с самых древних времен чувствуя антипанию к жрецу, предвидели истинный характер того культа, которым человек обязан Богу: «К чему мне множество жертв ваших? — говорит Господь.— Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота... Курение отвратительно для Меня... ваши руки полны крови... очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро... Тогда придите»[5]. В последнее время некоторые из учителей, Симон праведный[6], Иисус, сын Сираха, Гиллель[7], почти дошли до истины и проповедовали, что сущность Закона вкратце — это справедливость. Филон

---

[1] Матфея, VI, 9 и след.; Луки, XI, 2 и след. См. Вавил. Талмуд, *Беракот*, 29b, 30a.

[2] То есть дьявола.

[3] Луки, XI, 5 и след.

[4] Матфея, V, 23—24.

[5] Исайя, I, 11 и след. Ср. там же, LVIII; книги Осии, VI, 6; Малахии, I, 10 и след.

[6] *Пиркэ Абот*, 1, 2.

[7] Иерус. Талмуд, *Песахим*, VI, 1; Вавил. Талмуд, *Песахим*, 66a; *Шаббат*, 31a.

в иудейско-египетском мире одновременно с Иисусом пришел к идеям высшей моральной святости, прямым результатом которой является равнодушие к установленным обрядам [1]. Шемая и Авталион также не раз оказывались весьма либеральными казуистами [2]. Вскоре равви Иоханан начал ставить дела милосердия выше самого изучения Закона [3]. Но один Иисус, тем не менее, высказал все это совершенно точно и определенно. Никто не был в меньшей степени жрецом, нежели Иисус, никто не был большим врагом формы, которая, под предлогом содействия религиозности, заглушает ее. В этом смысле мы все его ученики и последователи; в этом смысле он положил вечный краеугольный камень, основал истинную религию, и если религия составляет сущность человечества, то этим он заслужил, чтобы его возводили на степень божества. Через его посредство в мир вошла абсолютно новая идея, идея культа, основанного на чистоте сердца и на братстве людей; идея эта стоит на такой высоте, что в этом отношении христианская Церковь коренным образом отступила от намерений своего основателя, и даже в наши дни лишь немногие души способны всецело ей отдаваться.

Его чуткое отношение к природе ежеминутно подсказывает ему крайне образные выражения. Иногда афоризмы его отличаются замечательной меткостью, которую у нас принято называть остроумием; в других случаях их живая форма проистекает из удачного пользования народными пословицами. «Как скажешь брату твоему: «дай я выну сучок из глаза твоего», а вот в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» [4].

Эти поучения, долго копившиеся в душе молодого учителя, уже начали группировать вокруг него нескольких последователей. Образование небольших церквей было в духе времени; это был век ессениян и терапевтов. Со всех сторон появлялись раввины, проповедовавшие каждый

[1] Quod Deus immut., § 1—2; De Abrahamo, § 22; Quis rerum divinarum haeres sit, § 13 и след.; 55, 58 и след.; De profugis, § 7, 8; Quod omnis probus liber; De vita contemplatione.

[2] Вавил. Талмуд, *Песахим,* 67b.

[3] Иерус. Талмуд, *Пэах,* I, 1.

[4] Матфея, VII, 4—5; Луки, VI, 41 и след. Ср. Вавил. Талмуд, *Баба батра,* 15b; Ерахин, 16b.

свое учение: Шемая, Авталион, Гиллель, Шаммаи, Иуда Гавлонит, Гамалиил и многие другие, наполнявшие Талмуд своими поучениями [1]. В то время писали мало; иудейские ученые не составляли книг; все дело ограничивалось беседами и публичными чтениями, которым пытались придать такой характер, чтобы они легче запоминались [2]. Поэтому, когда в один прекрасный день молодой плотник из Назарета начал излагать перед толпой эти поучения, которые для большинства были уже известны, но которые благодаря ему должны были впоследствии переродить весь мир, то это само по себе не было событием. Стало одним раввином больше (правда, это был самый привлекательный из всех), и вокруг него сгруппировалось несколько молодых людей, жадно его слушавших и искавших неведомого. Надо время, чтобы преодолеть человеческое невнимание. Христиан в это время еще не было; но истинное христианство было уже основано, и конечно, оно никогда не было до такой степени совершенно, как именно в этот момент. Иисусу уже нечего было к нему прибавить для большей его прочности. Напротив, он ему повредил, ибо для успеха каждой идеи необходима уступка; из жизненной борьбы никогда нельзя выйти незапятнанным.

В самом деле, недостаточно познавать добро; надо дать ему среди людей преуспеяние. Для этого необходимы средства менее опрятные. Конечно, если бы Евангелие ограничилось несколькими главами Матфея и Луки, оно было бы ближе к совершенству и не давало бы в настоящее время столько поводов для возражений; но не будь в нем чудес, разве оно завоевало бы мир? Если бы Иисус умер в тот момент своей жизни, до которого мы ныне дошли в нашем изложении, конечно, в его жизнеописании не было бы иной страницы, действующей на нас неприятно, но, ставши более великим в глазах Бога, он остался бы неизвестен людям; он затерялся бы в толпе безвестных великих людей, бесспорно, лучший из всех, истина не получила бы всеобщего распространения, и человечество не воспользовалось бы громадным нравственным превосходством, которым наделил Иисуса его Отец. Иисус, сын Сираха, и Гиллель высказали почти столь

---

[1] См. в особенности *Пиркэ Абот*, I.

[2] Талмуд, представляющий собой сводку этого обширного движения школ, впервые начали составлять письменно лишь во II веке нашей эры.

же возвышенные истины, как и Иисус Христос. Однако Гиллель никогда не прослывет за истинного основателя христианства. В области нравственности, как и в искусстве, то, что говорится, не имеет никакого значения; важно только то, что делается; в этом все. Идея, скрытая в картинах Рафаэля, стоит не много, все дело в самой картине. Так же и в морали, истина получает некоторую ценность, только когда она выходит из области чувства, а всю свою цену она приобретает, только когда осуществляется в мире как факт. Люди посредственной нравственности иногда писали довольно хорошие поучения. С другой стороны, люди весьма добродетельные иной раз ничего не сделали, чтобы распространить в мире традицию истины. Пальма же первенства принадлежит тому, кто был силен и на словах и на деле, кто не только прочувствовал добро, но своей кровью дал ему восторжествовать. С этой точки зрения Иисусу нет равного; слава его вполне ему принадлежит и будет вечно обновляться.

ГЛАВА VI

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ. ПУТЕШЕСТВИЕ ИИСУСА К ИОАННУ КРЕСТИТЕЛЮ И ПРЕБЫВАНИЕ ЕГО В ПУСТЫНЕ ИУДЕЙСКОЙ. ИИСУС ПРИНИМАЕТ ОТ ИОАННА КРЕЩЕНИЕ.

Около этого времени появился и, несомненно, имел сношения с Иисусом необыкновенный человек, роль которого, за отсутствием документов, остается для нас до известной степени загадочной. Эти отношения принудили молодого пророка из Назарета до некоторой степени уклониться от своего пути; но, с другой стороны, они же внушили ему многие важные подробности его религиозного учреждения и, во всяком случае, дали его ученикам весьма сильный авторитет в деле возвеличения их учителя в глазах известных классов иудейского населения.

Около 28 г. нашей эры (пятнадцатый год царствования Тиверия) по всей Палестине распространился слух о некоем Иохանане или Иоанне, молодом аскете, полном огня и страсти. Иоанн происходил из семьи священника [1]

[1] Луки, I, 5; ср. также Евангелие *евионитов*, сохраненное Епифаном (Adv. haer., XXX, 13).

и родился, по-видимому, в Иутте, близ Хеврона или в самом Хевроне [1]. Хеврон, патриархальный городок, расположенный в двух шагах от пустыни Иудейской и в нескольких часах пути от великой пустыни Аравийской, был в то время тем же, что и теперь, одним из оплотов семитического духа в самой чистой его форме. С детства Иоанн был *назиром*, то есть был посвящен на некоторые воздержания [2]. С самого начала его уже привлекала к себе пустыня, которая, можно сказать, была кругом него [3]. Там он вел образ жизни индийского йога, одеваясь в шкуры и верблюжью власяницу, питаясь лишь акридами и диким медом [4]. Вокруг него образовался кружок учеников, которые вели такой же образ жизни и слушали его суровые поучения. Можно было бы совсем перенестись на берега Ганга, если бы некоторые особенные черты не выдавали в этом пустыннике последнего потомка великих пророков Израиля.

С тех пор как еврейская нация с некоторого рода отчаянием стала вдумываться в свое мистическое призвание, народное воображение было особенно склонно увлекаться учением древних пророков. Из всех же великих личностей прошлого, воспоминания о которых возбуждали и волновали народ, подобно сновидениям беспокойной ночи, величайшим был Илия. Этот гигант среди пророков, в своем суровом уединении на горе Кармель, вел образ жизни диких животных, жил в пещерах, откуда появлялся, словно буря, чтобы низлагать царей или возводить их на престол, и мало-помалу, путем последовательных превращений, обратился в сверхчеловеческое существо, то видимое, то невидимое и не вкусившее смерти. Вообще верили, что рано или поздно Илия вернется и восстановит Израиль [5]. Строгий образ жизни, которую он вел, страшные воспоминания, которые после него остались и под впечатлением которых Восток живет

[1] Луки, I, 39. Не без основания предполагали, что город *Юта* (Иисус Навин, XV, 55; XXI, 16) есть тот самый «город Иудин», о котором говорится в цитируемом месте Евангелия от Луки. Робинсон (Biblical. Researches, I, 494; II, 206), однако, разыскал эту самую Юту, под этим самым именем, в двух часах к югу от Хеврона.

[2] Луки, I, 15.

[3] Луки, I, 80.

[4] Матфея, III, 4; Марка, I, 6; отрывки из Евангелия *евионитов* у Епифана (Adv. haer., XXX. 13).

[5] Малахия, III, 23—24 (по Vulg. IV, 5—6); Екклезиаст, XLVIII, 10; Матфея, XVI, 14; XVII, 10 и след.; Марка, VI, 15; VIII, 28; IX, 10 и след.; Луки, IX, 8, 9; Иоанна, I, 21, 25.

и доныне [1], вся эта мрачная фигура, которая, вплоть до наших дней, заставляет трепетать и может убивать, вся эта мифология, полная мщения и ужасов, живейшим образом поражала умы и, в некотором роде, клала свой отпечаток на все порождения народной фантазии. Каждый, кто претендовал на сильное влияние в народе, должен был подражать Илие, а так как пустыннический образ жизни был характернейшей чертой этого пророка, то «Божьего человека» представляли себе в виде отшельника. Предполагалось, что у всех святых были свои дни покаяния, пустыннической жизни, воздержания [2]. Таким образом, условием высшего призвания и вступлением в него было удаление в пустыню.

Нет никакого сомнения, что эта мысль о подражании сильно занимала Иоанна [3]. Жизнь анахорета, как она ни противоречит древнему духу европейского народа и как ни мало в ней общего с теми обетами, которые приносились назирами и рехабитами, все-таки со всех сторон вторгалась в Иудею. Близ родины Иоанна, на берегах Мертвого озера, селились ессениане [4]. Воздержание от мяса, вина, чувственных наслаждений считалось послушничеством, обязательным для людей откровения [5]. Главу секты воображали себе отшельником, имеющим свои правила и свой устав, подобно основателям монашеских орденов. Учителя молодых людей бывали иногда чем-то вроде анахоретов [6], довольно похожих на браминских *гуру* [7]. Не сказалось ли в этом, в самом деле, отдаленное влияние индийских *муни*? Не направили ли свои стопы в Иудею некоторые из тех бродячих буддистских монахов, которые обходили весь свет, подобно францисканцам впоследствии, проповедуя своим внешним поучительным видом и обращая людей, не понимавших их языка, и которые, несомненно, заходили и в Сирию, и в Валивлон [8]?

---

[1] Свирепый Абдалла, паша в Сен-Жан-д'Акре, чуть не умер от страха, увидав его во сне стоящим на своей горе. На картинах в христианских церквах его окружают срубленные головы; мусульмане боятся его.

[2] *Вознесение Исайи*, II, 9—11.

[3] Луки, I, 17.

[4] Плиний, Hist. nat., V, 17; Епифан, Adv. haer., XIX, 1 и 2. Де Соси, Voyage autour de la Mer Morte, I, стр. 142 и след.

[5] Даниил, I, 12 и след.; X, 2 и след.; Енох, LXXXIII, 2; LXXXV, 3; 4 книга Ездры, IX, 24, 26; XII, 51.

[6] Иосиф, Vita, 2.

[7] Духовные наставники.

[8] Эту мысль я развил в другом моем сочинении (Hist. gener. des langues semitiques, III, IV, 1; Journ. Asiat., февраль — март, 1856).

На это нет ответа. Спустя некоторое время Вавилон превратился в истинный очаг буддизма; Будасп (Бодисатва) был известен как халдейский мудрец и основатель сабизма. Что собой представлял самый *сабизм*? На это указывает этимология этого индийского слова [1]: *баптизм*, то есть религия, требующая повторных крещений, корень существующей еще доныне секты, которую называют «христианами Святого Иоанна» или мендаитами, а по-арабски *ельмогтасила*, то есть «баптистами» [2]. Во всех этих туманных аналогиях разобраться очень трудно. Секты, наполняющие промежутки между иудаизмом, христианством, баптизмом и сабизмом, встречавшиеся в местности за Иорданом в течение первых веков нашей эры [3], благодаря туманности сведений, которые о них дошли до нас, представляют для критики одну из самых трудных задач. Во всяком случае, можно думать, что многие из внешних обрядностей Иоанна, ессениан [4] и духовных иудейских наставников того времени получили свое происхождение от недавнего влияния из глубины Востока. Основной обряд, которым характеризовалась секта Иоанна и от которого он получил свое прозвание, всегда гнездился в Халдее и там составлял культ, который существует до наших дней.

Обряд этот есть крещение или погружение в воду всего тела. Омовения были уже обычными у иудеев, как и во всех восточных религиях [5]. Ессениане дали им особенно обширное применение [6]. Крещение стало обычной церемонией при вступлении новообращенных в недра иудейской религии, нечто вроде посвящения [7]. Однако,

---

[1] Арамейский глагол *себа*, от которого происходит название секты *сабиев*, есть синоним baptidzō.

[2] Подробнее я разбирал это в Journal Asiatique, ноябрь — декабрь 1853 и август — сентябрь 1855. Замечательно, что елхасаиты, сабийская или баптистская секта, жили почти в той же местности, как ессениане, по восточному берегу Мертвого моря, и их с ними смешивали. (Епифан, Adv. haer., XIX, 1, 2, 4; XXX, 16, 17; LIII, 1 и 2; Philosophumena, IX, III, 15 и 16; X, XX, 29).

[3] См. данные Епифана о ессенианах, гемеробаптистах, назореях, оссенах, назареянах, евионитах, сампсеях (Adv. haer., кн. I и II), а также данные автора Philosophumena об елхасаитах (кн. IX и X).

[4] Епифан, Adv. haer., XIX, XXX, LIII.

[5] Марка, VII, 4; Иосиф, Ant., XVIII, V, 2; Иустин, Dial. sum Tryph., 17, 29, 80; Епифан, Adv. haer., XVII.

[6] Иосиф, B. I., VIII, 5, 7, 8, 13

[7] Мишна, *Песахим*, VIII; Вавил. Талмуд, *Иебамот*, 46b; *Керитут*, 9a; *Абода Цара*, 57a; *Массекет Герим* (изд. Кирхгейма, 1851), стр. 38, 40.

до нашего крещения, погружению никогда не придавали ни такого значения, ни такой формы. Иоанн избрал ареной своей деятельности часть пустыни Иудейской, соседнюю с Мертвым морем [1]. В те периоды, когда он совершал крещения, он переходил на берега Иордана [2] или в Вифанию, или Вифавару [3] на восточном берегу, вероятно, напротив Иерихона, или в местность, которая называлась *Енон* или «Колодцы» [4], близ Салима, где было много воды [5]. Там к нему стекались и получали от него крещение [6] огромные толпы, особенно из колена Иудина. Одним словом, таким образом он сделался влиятельнейшим из самых влиятельных людей в Иудее, и с ним всем приходилось считаться.

Народ считал его пророком [7], и многие воображали, что он воскресший Илия [8]. Вера в подобные воскресения была в то время очень распространена [9], верили в то, что Бог воскресит из мертвых некоторых из древних пророков, чтобы они явились руководителями Израиля к его конечной судьбе [10]. Другие видели в Иоанне самого Мессию, хотя он и не заявлял притязаний на это [11]. Свя-

---

[1] Матфея, III, 1; Марка, I, 4.

[2] Луки, III, 3.

[3] Иоанна, I, 28; III, 26. Во всех древних рукописях значится *Вифания*, но так как в этой местности нет никакий Вифании, то Ориген (Comment. in Ioann., VI, 24) предложил заменить это название *Вифаварой*, и эта поправка была в общем принята. В конце концов, оба эти слова по своему значению тождественны и, по-видимому, означают собой место, где есть переправа через реку на пароме.

[4] *Енон* есть множественное число от халдейского слова *енаван*, «колодцы».

[5] Иоанна, III, 23. Местоположение этого пункта внушает сомнения. Синоптики единогласно переносят сцену крещения Иоанном на берега Иордана (Матфея, III, 6; Марка, I, 5; Луки, III, 3). Но обстоятельство, указанное в четвертом Евангелии, «там было много воды», совершенно бессмысленно, если речь идет о местности, расположенной очень близко к реке. Сравнение же стихов 22 и 23 главы III Иоанна с стихами 3 и 4 главы IV того же Евангелия дает основание думать, что Салим находился в Иудее. По-видимому, в окрестностях Хеврона, близ развалин, называемых *Рамет-ель-Халил*, есть место, вполне удовлетворяющее всем этим требованиям (Степп, Ierusalem und das Heilige Land, Шаффгаузен, 1863, I, стр. 520 и след.). По Св. Иеремие, Салим лежит гораздо дальше на север, близ Виф-Шеана или Скифополиса. Однако Робинсон (Biblical Researches, III, 333) не нашел в этих местах ничего, что оправдывало бы такое указание.

[6] Марка, I, 5; Иосиф, Ant., XVIII, V, 2.

[7] Матфея, XIV, 5; XXI, 26.

[8] Матфея, XI, 14; Марка, VI, 15; Иоанна, I, 21.

[9] Матфея, XIV, 2; Луки, IX, 8.

[10] Ср. выше, стр. 103, прим. 2.

[11] Луки, III, 15 и след.; Иоанна, I, 20.

щенники и книжники, составлявшие оппозицию этому возрождению пророков и всегда враждебно относившиеся к энтузиастам, презирали его. Но популярность Крестителя импонировала им, и они не осмеливались возражать против него [1]. Это была полная победа народного чувства над жреческой аристократией. Когда первосвященников заставляли ясно высказываться насчет этого пункта, они всегда оказывались в большом затруднении [2].

В конце концов, крещение в глазах Иоанна имело значение лишь внешнего признака, который должен был производить впечатление и подготовлять умы к некоторому сильному движению. Нет сомнения, что он в высшей степени увлекался мессианской надеждой. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» [3]. Он предсказывал «великий будущий гнев», то есть предстоящие ужасные катастрофы [4], говорил, что «уже и секира при корне дерева лежит» и что скоро дерево будет брошено в огонь. Он изображал Мессию с лопатой в руке, собирающим пшеницу свою в житницу и сжигающим солому. Покаяние, символом которого было крещение, милостыня, исправление нравов [5] были для Иоанна главными средствами подготовиться к предстоящим событиям. В точности неизвестно, на какой именно день он ожидал эти события. Верно только то, что он с большой энергией проповедовал против тех же противников, которых впоследствии обличал также и Иисус, против богатых, священников, фарисеев, книжников, словом, против официального иудаизма; верно также и то, что, подобно Иисусу, он был принят, главным образом, презираемыми классами населения [6]. Звание сына Авраамова он не ставил ни во что и говорил, что Бог мог бы наделать сынов Авраамовых из придорожных камней [7]. По-видимому, у него не было даже в зародыше великой идеи, которая доставила торжество Иисусу, идеи чистой религии; и в то же время он оказал огромную услугу именно этой идее, заменив узаконенные церемонии, для совершения которых требовалось участие священников, частным обычаем, подобно тому,

---

1 Матфея, XXI, 25 и след.; Луки, VII, 30.
2 Матфея, loc. cit.
3 Матфея, III, 2.
4 Матфея, III, 7.
5 Луки, III, 11—14; Иосиф, Ant., XV, VIII, 2.
6 Матфея, XXI, 32; Луки, III, 12—14.
7 Матфея, III, 9.

как средневековые флагеланты были предшественниками Реформации, так как они отняли у официального духовенства монополию совершения таинств и отпущения грехов. Общий тон его проповедей был строг и суров. По-видимому, он употреблял против своих противников самые резкие выражения [1]. Это были сплошные и притом грубые ругательства. Весьма вероятно, что он не чуждался политики. Иосиф, близко стоявший к нему через своего учителя Бану, делает на это прозрачные намеки [2], и то же самое заставляет предполагать катастрофа, пресекшая его жизнь. Ученики его также вели очень строгий образ жизни [3], часто постились, принимали печальный и озабоченный вид. По временам в школе поднимался вопрос об общности имущества и о том, что богатые должны разделять между всеми все, что у них есть [4]. Бедный уже оказывается в роли того, кто в первой линии должен воспользоваться Царством Божиим.

Хотя ареной деятельности Крестителя была Иудея, слава его быстро распространилась по Галилее и достигла до Иисуса, который своими первыми проповедями уже образовал возле себя небольшой круг слушателей. Пользуясь сравнительно еще небольшим авторитетом и, без сомнения, также под влиянием естественного желания увидеть учителя, учение которого имело столько точек соприкосновения с его идеями, Иисус покинул Галилею и отправился вместе со своей небольшой школой к Иоанну [5]. Эти вновь пришедшие крестились у него, как и все остальные. Иоанн очень хорошо принял этих отроившихся галилейских учеников и не видел ничего худого в том, чтобы они отличались и впредь от его учеников. Оба учителя были люди молодые; у них было

---

[1] Матфея, III, 7; Луки, III, 7.

[2] Ant., XVIII, V, 2. Надо заметить, что когда Иосиф излагает тайное и более или менее мятежное учение кого-либо из своих соотечественников, то он старательно сглаживает в нем всякие следы мессианских верований и, чтобы не возбудить подозрений у римлян, покрывает такие учения лаком банальности, вследствие чего все вожди иудейских сект оказываются у него похожими на проповедников морали или на стоиков.

[3] Матфея, IX, 14.

[4] Луки, III, 11 (плохой авторитет).

[5] Матфея, III, 13 и след.; Марка, I, 9 и след.; Луки, III, 21 и след.; Иоанна, I, 29 и след.; III, 22 и след. По синоптикам, Иисус идет к Иоанну раньше, чем начать свою общественную деятельность. (Ср. Евангелие *евионитов* у Епифана, Adv. haer., XXX, 13, 14; Иустин, Dial. cum Tryh., 88). Но если правда то, что они говорят, будто Иоанн

много общих идей; они полюбили друг друга и соперничали перед публикой взаимными любезностями. С первого взгляда такое отношение Иоанна представляется удивительным, и многие склонны подвергать этот факт сомнению. Смирение никогда не составляло отличительной черты сильных духом иудеев. Казалось бы, что такой резкий человек, нечто вроде постоянно раздраженного Ламмензэ, должен был прийти в ужасное бешенство и не потерпеть ни соперничества, ни половинчатой приверженности. Но такой взгляд основывается на неправильном понимании личности Иоанна. Его представляют себе как человека зрелого, между тем как он был одного возраста с Иисусом [1], то есть по понятиям того времени был совсем молодым человеком [2]. В мире идей он был вовсе не отцом, а только братом Иисуса.

Эти два молодые энтузиаста, полные одних и тех же надежд и ненависти, могли сойтись на общем деле и поддерживать друг друга. Конечно, старый учитель, увидав, что к нему пришел человек, не пользующийся известностью, и сохраняет при этом по отношению к нему независимый вид, возмутился бы; едва ли найдется пример, чтобы глава школы оказывал горячий прием тому, кто должен сделаться его преемником. Но молодости свойственны всякие самоотречения, и можно допустить, что Иоанн, распознав в Иисусе дух, аналогичный с собственным, принял его без всякой личной задней мысли. Затем эти добрые взаимные отношения послужили исходной точкой для системы, развитой евангелистами, конечная цель которой была дать первую точку опоры божест-

---

сразу узнал Иисуса и сделал ему почетный прием, то надо предполагать, что Иисус в то время был уже довольно известным учителем. По четвертому Евангелию, Иисус приходит к Иоанну два раза: в первый раз будучи еще неизвестным, второй раз с толпой учеников. Не касаясь здесь вопроса о точных путях, по которым следовал Иисус (вопрос неразрешимый, ввиду противоречивости документов и ввиду того, что евангелисты не особенно заботились о точности в этом отношении), не отвергая и того, что Иисус мог сделать путешествие к Иоанну в то время, когда сам еще не пользовался известностью, мы принимаем данные четвертого Евангелия (III, 22 и след.), по которым Иисус, прежде нежели крестился у Иоанна, имел уже организованную школу. Первые страницы четвертого Евангелия представляют отрывки, сшитые между собой. Строго хронологический порядок, который здесь подчеркивается, происходит от особенной склонности автора к кажущейся точности. См. Введение, стр. 28.

[1] Луки, I, хотя все подробности повествования, особенно относящиеся к родству Иисуса с Иоанном, легендарны.

[2] Ср. Иоанна, VIII, 57.

венной миссии Иисуса в виде свидетельства Иоанна. Авторитет, приобретенный Иоанном Крестителем, был так велик, что, казалось, нигде в мире нельзя было бы найти лучшей гарантии. Креститель не только не отрекся от своего значения перед лицом Иисуса, но, напротив, Иисус все время, пока оставался у него, признавал его старшинство и лишь очень робко обнаруживал при нем свой гений.

По-видимому, Иисус, несмотря на свою оригинальность, был подражателем Иоанна, по крайней мере, в течение нескольких недель. Его путь представлялся ему еще неясным. Сверх того и во всю свою жизнь Иисус делал много уступок общему мнению и допускал многое, вовсе не отвечавшее его направлению или мало беспокоившее его, по той простой причине, что это было популярно; но все эти уступки никогда не вредили его основной мысли и были ей подчинены. Крещение получило благодаря Иоанну большую важность; Иисус счел себя обязанным поступать подобно ему: он крестился, и крестились также его ученики [1]. Без сомнения, они сопровождали эту церемонию проповедями, тождественными с проповедями Иоанна. Таким образом, к Иордану стекались со всех сторон баптисты, поучения которых пользовались большим или меньшим успехом. Ученик скоро сравнялся с учителем, и все стали стремиться получить крещение от него. В этом отношении между учениками началось некоторого рода соревнование [2]; последователи Иоанна приходили к нему жаловаться на постоянно усиливающиеся успехи молодого галилеянина, крещение которого, по их словам, угрожало в скором времени совсем вытеснить крещение Иоанна. Но оба вождя не унижались до таких мелочей. По некоторым преданиям [3], Иисус образовал группу своих наиболее знаменитых учеников именно из школы Иоанна. Превосходство Иоанна было слишком бесспорно для того, чтобы Иисус, еще не пользовавшийся известностью, мог бы подумать вести с ним борьбу. Он просто хотел окрепнуть в его тени и считал необходимым для того, чтобы привлечь к себе толпу, употреблять те самые внешние средства, которые доста-

[1] Иоанна, III, 22—26; IV, 1—2. Слова в скобках во 2 стихе, по-видимому, прибавлены впоследствии или представляют собой запоздалую оговорку редактора, который сам себя поправляет.

[2] Иоанна, III, 26; IV, 1.

[3] Иоанна, I, 35 и след.; ср. Деяния, I, 21—22.

вили Иоанну такой удивительный успех. Когда после заключения Иоанна в темницу Иисус снова начал проповедовать, то первые слова, которые ему приписывают, были повторением одной из обычных фраз Крестителя [1]. Многие другие выражения Иоанна также встречаются дословно в поучениях Иисуса [2]. По-видимому, обе школы долго существовали таким образом в добром согласии [3] между собой, и после смерти Иоанна Иисус, как верный его союзник, одним из первых был извещен об этом событии [4].

Пророческая карьера Иоанна была очень скоро прервана. Подобно другим древним иудейским пророкам, он всегда относился к установленной власти [5] в высшей степени отрицательно. Крайняя резкость, с которой он выражался насчет властей, не могла не вызвать репрессий против него. В Иудее Пилат, по-видимому, не беспокоил Иоанна, но по ту сторону Иордана, в Перее, он оказывался во владениях Антипы. Этот тиран обратил внимание на политическую закваску, плохо замаскированную в проповедях Иоанна. Большие собрания людей, привлекаемых религиозным и патриотическим энтузиазмом к Крестителю, внушали некоторые подозрения [6]. Кроме того, к государственным мотивам присоединялось и личное оскорбление, так что гибель сурового цензора нравов стала неизбежной.

Иродиада, внучка Ирода Великого, представляет собой один из наиболее выдающихся характеров среди трагической семьи Иродов. При своей жестокости, страстности и честолюбии она ненавидела иудаизм и презирала законы [7]. Она была замужем, вероятно, против собственного желания за своим дядей Иродом, сыном Мариамны [8], которую Ирод Великий лишил наследства [9] и которая никогда не играла никакой роли в общественной жизни. Подчиненное положение ее мужа по сравнению с другими

---

[1] Матфея, III, 2; IV, 17.
[2] Матфея, III, 7; XII, 34; XXIII, 33.
[3] Матфея, XI, 2—13.
[4] Матфея, XIV, 12.
[5] Луки, III, 19.
[6] Иосиф, Ant., XVIII, V, 2.
[7] Иосиф, Ant., XVIII, V, 4.
[8] Матфей (XIV, 3, по греческому тексту) и Марк (VI, 17) называют его Филиппом, но это, очевидно, недосмотр (см. Иосиф, Ant., XVIII, V, 1 и 4). Филипп был женат на Саломее, дочери Иродиады.
[9] Иосиф, Ant., XVII, IV, 2.

членами семьи не давало ей покоя: она хотела властвовать во что бы то ни стало [1]. Антипа оказался орудием, которым она воспользовалась. Этот слабохарактерный человек безумно увлекся ею, обещал жениться на ней и развестись с своей первой женой, дочерью Харета, царя Петры и Эмира, соседних племен в Перее. Аравитянская княжна, проведав об этом плане, решила бежать. Не выдавая этого своего намерения, она выразила притворное желание посетить Махерон, находившийся во владениях ее отца, и заставила воинов Антипы проводить ее туда [2].

Макур [3], или Махерон, колоссальная крепость, построенная Александром Янни и затем еще укрепленная Иродом, находилась в одном из самых уединенных оазисов к востоку от Мертвого моря [4]. То была дикая, оригинальная местность, о которой ходило много странных легенд и которая считалась населенной демонами [5]. Крепость была расположена как раз на границе владений Харета и Антипы и в данный момент находилась во власти Харета [6]. Будучи предупрежден заранее, он подготовил все для бегства своей дочери, и она, переезжая от одного племени к другому, благополучно добралась до Петры.

Тогда и состоялся брак Антипы с Иродиадой, представлявший собой почти кровосмешение [7]. Иудейские законы относительно брака всегда были камнем раздора между безбожным родом Иродов и строгими иудеями [8]. Так как члены этой многочисленной и довольно изолированной семьи были вынуждены заключать между собой браки, то в результате происходили постоянные нарушения препятствий, установленных в этом отношении Законом. Иоанн, выступив с энергичным порицанием поступка Антипы [9], был только выразителем общественных чувств.

---

[1] Иосиф, Ant., XVIII, VII, 1, 2; B. I., II, X, 6.

[2] Иосиф, Ant., XVIII, V, 1.

[3] Это название приводится Иерусалимским Талмудом (*Шебеит*, IX, 2), и оно же находится в Толкованиях Ионафана и Иерусалима (Числа, XXII, 35).

[4] Ныне Мкур, близ оазиса Зерка-Маин. См. карту Мертвого моря, изд. M. Vignes (Paris, 1865).

[5] Иосиф, B. I., VII, VI, 1 и след.

[6] Иосиф, Ant., XVIII, V, 1.

[7] Левит, XVIII, 16.

[8] Иосиф, Ant., XV, VII, 10.

[9] Матфея, XIV, 4; Марка, VI, 18; Луки, III, 19.

Этого было слишком достаточно для Антипы, чтобы дать ход своим подозрениям. Он приказал взять Крестителя и заключить в крепость Махерон, которою он овладел, вероятно, после бегства дочери Харета [1].

Антипа, скорее трусливый, нежели жестокий человек, не желал смерти Иоанна. По некоторым слухам можно думать, что он опасался вызвать народное восстание [2]. По другой версии [3], он даже находил удовольствие в поучениях узника, и беседы с ним вызывали у него большое смущение. Верно, однако, то, что заключение Иоанна продлилось и что он, находясь в темнице, сохранил за собой обширную свободу действий [4]. Он имел сношения с своими учениками, и мы еще увидим, что у него были сношения также и с Иисусом. Вера его в близкое пришествие Мессии только укреплялась; он внимательно следил за ходом движения и старался открыть в нем признаки, указывающие на осуществление надежд, которые он питал.

ГЛАВА VII

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ИИСУСА О ЦАРСТВЕ БОЖИЕМ.

Вплоть до взятия Иоанна под стражу, что мы относим приблизительно к 29 г., Иисус не покидал окрестностей Мертвого моря и Иордана. Все смотрели тогда на пребывание в пустыне Иудейской как на подготовление к великим деяниям, как на некоторого рода «удаление» перед совершением дел общественного характера. Иисус подчинился этому обычаю, следуя примеру своих предшественников, и провел сорок дней в полном одиночестве, в строгом посте, не имея другого общества, кроме диких зверей. Воображение его учеников сильно работало над этим пребыванием его в пустыне. По народным верованиям, пустыня была наполнена демонами [5]. Мало найдется на свете таких унылых, Богом забытых, безжизненных местностей, как скалистый склон,

[1] Иосиф, Ant., XVIII, V, 2.

[2] Матфея, XIV, 5.

[3] Марка, VI, 20. Я читаю eporei, а не ẽpoieі. Ср. Луки IX, 7.

[4] Восточная тюрьма не одиночная камера: заключенный, прикованный за ноги, помещается во дворе у всех на виду или в открытом помещении и беседует со всеми проходящими.

[5] Товит, VIII, 3; Луки, XI, 24.

составляющий западный берег Мертвого моря. Рассказывали, что в то время, как он скитался в этой ужасной пустыне, он подвергался страшным испытаниям, что сатана то стращал его видениями, то искушал соблазнительными обещаниями и что, наконец, в награду за его победу ангелы явились служить ему [1].

По всей вероятности, Иисус узнал об аресте Иоанна Крестителя, когда вышел из пустыни. Теперь ему уже не было основания продолжать свое пребывание в стране, которая представлялась ему наполовину чужеземной. Быть может, кроме того, он опасался подвергнуться тем же преследованиям, как Иоанн, и он не хотел рисковать собой в то время, когда ввиду того, что он был еще мало известен, его смерть не могла бы послужить для успешного распространения его идей. Он возвратился в Галилею [2], свою настоящую родину, до известной степени обогатившись важным опытом и почерпнув в своих отношениях с великим человеком, столь отличным от него, сознание своей собственной оригинальности.

В общем влияние Иоанна на Иисуса было скорее вредным для него, нежели полезным. Оно задержало его развитие: по всему можно думать, что когда он отправлялся вниз по течению Иордана, то идеи его имели несомненное превосходство над идеями Иоанна и что он на время склонился к баптизму только в виде уступки. Быть может, если бы Креститель, авторитету которого ему было бы трудно не подчиниться, остался на свободе, то Иисус не сумел бы стряхнуть с себя ига обрядов и внешних форм культа, и в таком случае, без сомнения, он остался бы в роли безвестного иудейского сектанта; ибо мир не заменил бы одних обрядностей другими. Христианство привлекло возвышенные умы именно в качестве религии, освободившейся от всяких внешних форм. Но как только Креститель был заключен в тюрьму, школа его сильно сократилась в численности, и Иисус был

[1] Матфея, IV, 1 и след., Марка, I, 12—13; Луки, IV, 1 и след. Без сомнения, поразительная аналогия между этими рассказами и легендами из *Вендидад* (frag. XIX) и *Лалитавистары* (гл. XVII, XVIII, XXI) дает повод считать это пребывание в пустыне не более как мифом. Но сухое и точное повествование об этом у Марка, представляющее, очевидно, первоначальную редакцию, заставляет предполагать, что в основе его лежал реальный факт, послуживший впоследствии темой для легендарных сказаний.

[2] Матфея, IV, 12; Марка, I, 14; Луки, IV, 14; Иоанна, IV, 3.

11 Заказ № 313

предоставлен собственному своему развитию. Единственно, чем он был обязан Иоанну, это тем, что он научился у него искусству проповедовать и приобретать последователей среди народа. Действительно, после этого проповедь Иисуса отличалась большей силой и получила в народе особую авторитетность [1].

По-видимому, знакомство Иисуса с Иоанном содействовало также разработке его идей о «Царстве Небесном», и не столько путем влияния со стороны Крестителя, сколько путем естественной эволюции собственной мысли Иисуса. С этого времени лозунгом его стала «благая» весть, что приближается Царство Божие [2]. Иисус теперь уже не ограничивается ролью обаятельного моралиста, умеющего вложить в несколько живых и кратких афоризмов поучение высокой нравственности; он становится гениальным революционером, который пытается обновить мир в самых его основах и осуществить на земле созданный им идеал. «Человек, ожидающий Царства Божия», становится синонимом ученика Иисуса [3]. Как уже было сказано [4], выражение «Царство Божие» или «Царство Небесное» давно было обычным для иудеев. Но Иисус придал ему нравственный смысл, социальное значение, которое едва осмеливался предугадывать сам автор книги Даниила в своем апокалипсическом энтузиазме.

Зло царствует в мире как таковом. Сатана «князь мира сего» [5], и все ему повинуется. Цари умерщвляют пророков. Священники и книжники сами не исполняют того, что предписывают другим. Праведники подвергаются преследованиям; «мир» является враждебным для Бога и праведников [6]; но Бог проснется и отмстит за своих святых. День этот приближается, ибо беззаконие дошло до своих пределов. Настанет очередь царства добра.

Наступление этого царства будет великим внезапным

---

[1] Матфея, VII, 29; Марка, I, 22; Луки, IV, 32.

[2] Марка, I, 14—15.

[3] Марка, XV, 43.

[4] См. выше, стр. 94.

[5] Иоанна, XII, 31; XIV, 30; XVI, 11. Ср. 2 посл. к Коринф., IV, 4; посл. к Ефес., II, 2.

[6] Иоанна, I, 10; VII, 7; XIV, 17, 22, 27; XV, 18 и след.; XVI, 8, 20, 33; XVII, 9, 14, 16, 25. Этот оттенок слова «мир» особенно характерен в посланиях апостола Павла, а также в посланиях, приписываемых Иоанну.

переворотом. Мир как бы перевернется; так как его настоящее состояние дурно, то для того, чтобы представить себе будущее, достаточно вообразить себе почти прямую противоположность существующего. Первые станут последними [1]. В человечестве водворится новый порядок. В настоящее время добро и зло перемешаны между собой, как пшеница и плевелы в поле; господин предоставляет им произрастать вместе; но наступит час, когда их насильственно отделят друг от друга [2]. Царство Божие уподобится огромному улову неводом, в который попадает и хорошая и дурная рыба; хорошую собирают в сосуды, худую выбрасывают вон [3]. Зародыш этого великого переворота сперва будет незаметен. Он подобен горчичному зерну, которое мельче всех семян, но когда оно брошено в землю, то из него вырастает дерево, на ветвях которого птицы садятся отдыхать [4]; или его можно сравнить с закваской, положенной в тесто и вызывающей брожение во всей массе [5]. Целая серия подобных притч, нередко довольно темных, предназначалась для того, чтобы выразить всю неожиданность этого внезапного переворота, кажущиеся несправедливости, которые при нем произойдут, его неизбежный и бесповоротный характер [6].

Кто установит это Царство Божие? Напомним, что первая мысль Иисуса, продуманная им так глубоко, что, по всей вероятности, у нее не было особой исходной точки, но она имела корни в самом его существе, была та, что он есть Сын Божий, доверенный своего Отца, исполнитель его воли. Следовательно, ответ на подобный вопрос был для него совершенно ясен. Убеждение, что он водворит Царство Божие, полностью овладело всем его существом. Он считал себя мировым реформатором. Небо, земля, вся природа, безумие, болезнь и смерть не более как орудие в его руках. В увлечении своей героической волей он считал себя всемогущим. Если земля не подчинится этому последнему преобразованию, то она будет уничтожена, очищена огнем и дыханием Бога. Будет

---

[1] Матфея, XIX, 30; XX, 16; Марка, X, 31; Луки, XIII, 30.

[2] Матфея, XIII, 24 и след.

[3] Матфея, XIII, 47 и след.

[4] Матфея, XIII, 31 и след.; Марка, IV, 31 и след.; Луки, XIII, 19 и след.

[5] Матфея, XIII, 33; Луки, XIII, 21.

[6] Матфея, XIII вся; XVIII, 23 и след.; XX, 1 и след.; Луки, XIII, 18 и след.

создана новая твердь небесная, и весь мир будет населен ангелами Божиими [1].

Следовательно, основной мыслью Иисуса был коренной переворот [2], захватывающий самую природу. С этого момента он, без сомнения, отказался от политики; пример Иуды Гавлонита показал ему бесполезность народных восстаний. Он никогда не думал о возмущении против римлян и тетрархов. Ему был чужд необузданный анархический принцип Гавлонита. Подчинение его установленным властям было по существу насмешкой, но по форме полным. Он уплачивал подать Цезарю, чтобы не прогневать его. Свобода и право не от мира сего; зачем же портить жизнь напрасной щепетильностью? В своем презрении к земному, в убеждении, что существующий мир не стоит того, чтобы о нем думать, он находил себе убежище в своем идеальном Царстве; он основал, таким образом, то великое учение высшего презрения [3], истинное учение о свободе духа, которое только и дает душевный мир. Но он еще не возвестил: «Царство мое не от мира сего». В его взглядах, самых определенных, все еще было много неясного. По временам в уме его пробегали странные сомнения. В пустыне Иудейской сатана предлагал ему земные царства. Не имея понятия о силах Римской империи, основываясь на том энтузиазме, какой господствовал в Иудее и который вскоре после того окончился страшным вооруженным восстанием, он мог надеяться, опираясь на смелость и численность своих приверженцев, создать новое царство. И быть может, он не раз задавал себе вопрос, осуществится ли Царство Божие силою или кротостью, восстанием или смирением? Рассказывают, будто однажды жители Галилеи задумали завладеть им и провозгласить его царем [4]. Иисус бежал от них в горы и некоторое время жил там в одиночестве. Его прекрасная натура удержала его от ошибки, благодаря которой он обратился бы в агитатора или в главу секты, вроде Февры или Баркохебы.

Переворот, который он хотел совершить, был чисто нравственный переворот; но он еще не дошел до того, чтобы вверить его осуществление ангелам и последней

---

[1] Матфея, XXII, 30. Ср. слова Иисуса, приведенные в послании Варнавы, 6: idoy poio ta eschata os ta prota (изд. Гильгенфельда, стр. 18).

[2] Apokatastasis panton. Деяния, III, 21.

[3] Матфея, XVII, 23—26; XXII, 16—22.

[4] Иоанна, VI, 15.

трубе. Он хотел действовать на людей и посредством людей. Духовидец, у которого нет другой мысли, кроме идеи о близости страшного суда, не прилагал бы столько стараний к улучшению душ, не создал бы прекраснейшего учения нравственности, какое когда-либо имело человечество. Без сомнения, в его мысли было много неясного, и скорее благородное чувство, нежели заранее обдуманное намерение, побуждало его к великому делу, которое при посредстве его осуществилось, хотя и далеко не тем способом, как он себе представлял.

Действительно, он клал основание Царству Божию, я хочу сказать, царству духа, и если ныне Иисус может видеть с высоты лона своего Отца, какие плоды принесло его дело в истории человечества, то он с полным правом может сказать: «Вот то, чего я хотел». То, что Иисус основал, что навеки осталось от него, за исключением всех несовершенств, которые примешиваются ко всему, что только осуществляется человечеством, это учение о свободе духа. Еще в Греции по этому предмету высказывались прекрасные мысли [1]. Многие стоики находили средство быть свободными под управлением тирана. Но в общем древний мир представлял себе свободу не иначе, как в связи с определенными политическими формами; либералами были Гармодий и Аристогитон, Брут и Кассий. Истинный христианин гораздо менее связан какими бы то ни было цепями; здесь на земле он не более как изгнанник: что ему за дело до временного господина земли, которая для него не родина? Свобода для него заключается в истине [2]. Иисус недостаточно был знаком с историей для того, чтобы понимать, до какой степени такое учение было как раз своевременным в тот момент, когда пришел конец республиканской свободе и когда мелкие городские конституции испускали свое последнее дыхание в поглощавшей их единой Римской империи. В этом отношении им руководили с чудесной твердостью его удивительный здравый смысл и поистине пророческое чутье, указывавшее ему, в чем заключается его миссия. Своими словами: «Воздайте кесарево кесарю, а божье Богу» — он создал нечто чуждое политике, настоящее убежище для души среди царства грубой силы. Несомненно, что такое учение представляло свои опасности. Принять за

---

[1] См. *Стобе*, Florilegium, гл. LXII, LXXVII, LXXXVI и след.
[2] Иоанна, VIII, 32 и след.

принцип, что признаком законной власти является надпись на монете, провозгласить, что совершенный человек платит подать из презрения к ней и желая избегнуть спора, это значит уничтожить республику, созданную по древним образцам, и открыть полный простор для всяческой тирании. В этом смысле христианство сильно содействовало ослаблению чувства гражданского долга и отдавало мир в абсолютную власть совершившихся фактов. Но, учредив громадный свободный союз, который сумел в течение трехсот лет обходиться без политики, христианство с избытком пополнило тот ущерб, который от него потерпели гражданские добродетели. Благодаря ему власть государства была ограничена лишь земным; дух был освобожден или, по крайней мере, страшный гнет римского всемогущества был навсегда сокрушен.

Человек, занятый главным образом обязанностями общественной жизни, не прощает другим людям, если они ставят что-либо выше его партийных интересов. Он порицает тех, кто подчиняет политические вопросы социальным и проповедует некоторого рода индифферентизм к политике. В известном смысле он, пожалуй, прав, так как всякое направление, которое стремится исключить все другие, не может быть оправдано с точки зрения правильного руководства делами человечества. Но много ли сделали партии для прогресса общей нравственности человеческого рода? Если бы Иисус вместо того, чтобы основывать свое Царство Небесное, отправился в Рим, погрузился бы в заговоры против Тиверия или предался оплакиванию Германика, что сталось бы с миром? При всем строгом республиканстве и патриотическом рвении он не остановил бы великого течения событий своего века, между тем как, объявив, что политика не имеет значения, он пробудил в мире сознание той истины, что родина — это еще не все и что человек стоит и выше, и впереди гражданина.

Наши принципы положительной науки не совмещаются с фантастической частью программы Иисуса. Мы знаем историю земли; такой переворот, какого ожидал Иисус, происходит только вследствие геологических или астрономических причин, между которыми, с одной стороны, и нравственностью, с другой, никогда не было констатировано никакой связи. Но если мы желаем быть справедливыми к великим деятелям, мы не должны обращать внимания на те предрассудки, которые они раз-

деляли. Колумб открыл Америку, исходя из совершенно ложных идей; Ньютон считал свое безумное толкование Апокалипсиса столь же верным, как и свою теорию тяготения. Не ставить же нам того или другого дюжинного человека из числа наших современников выше, например, Франциска Ассизского, или Св. Бернарда, или Жанны д'Арк, или Лютера на том основании, что он свободен от тех заблуждений, которые разделяли те деятели? Не станем же мы оценивать людей по правильности их понятий в физике или по большей или меньшей точности их сведений об истинной системе мира? Постараемся лучше уяснить себе положение Иисуса и то, в чем заключалась его сила. Деизм XVIII века и известного рода протестантизм приучили нас смотреть на основателя христианской религии только как на великого моралиста, благодетеля человечества. Мы видим в Евангелии лишь добрые нравоучения; мы мудро опускаем завесу на странное умственное состояние, которое его породило. Есть люди, которые сожалеют и о том, что Французская революция не раз отступала от принципов и что не мудрые и умеренные люди ее делали. Но не будем навязывать наших мелких программ рассудительной буржуазии этим необычайным движениям, которые до такой степени нам не по росту. Будем продолжать восхищаться «евангельской моралью»; не будем вводить в религиозное воспитание нашего времени ту химеру, которая была душой Евангелия; но не будем воображать, что простыми идеями о счастье или индивидуальной нравственности можно перевернуть мир. Идея Иисуса была гораздо глубже; то была самая революционная идея, какая когда-либо зарождалась в человеческом мозгу; историк должен считаться с ней во всей ее целости, не обращая внимания на цензуру, которая выкидывает из нее как раз именно то, благодаря чему она была способна возродить человечество.

В сущности, идеал всегда есть утопия. Что мы делаем, когда хотим в настоящее время представить себе Христа в современном духе, утешителя, судью новых времен? То самое, что Иисус совершил 1830 лет тому назад. Мы воображаем себе условия реального мира не такими, каковы они на самом деле; мы рисуем себе, как моральный освободитель, без оружия, разбивает оковы негра, улучшает положение пролетариата, освобождает угнетенные нации. Мы забываем, что для осуществления

этого надо предварительно перевернуть весь мир, изменить климат Вирджинии и Конго, изменить кровь и расовые свойства миллионов людей, довести наши сложные социальные отношения до химерической простоты, вывести политические наслоения Европы из их естественного порядка. «Всеобщий переворот» Иисуса [1] был бы не менее труден. Эта новая земля, новое небо, новый Иерусалим, сходящий с неба, этот возглас: «Се творю все новое!» [2] — все это черты, общие всем реформаторам. Всегда контраст между идеалом и печальной действительностью будет вызывать у человечества подобное возмущение против холодного рассудка, которое дюжинные умы будут называть безумием, пока в один прекрасный день эти идеи не восторжествуют и те, кто боролся против них, первые же не признают их высший смысл.

Конечно, нельзя было бы даже пытаться отрицать, что существовало некоторое противоречие между догматом близкой кончины мира и обычной моралью Иисуса, приуроченной к такому состоянию человечества, которое довольно сходно с существующим в действительности [3]. Но это противоречие именно и обеспечивало успех его дела. Один тысячелетник не создал бы ничего прочного; один моралист не создал бы ничего могущественного. Милленаризм дал толчок, мораль обеспечила будущее. Таким образом, в христианстве соединились два условия великих успехов в мире, революционная исходная точка и жизненность. Все, что хочет рассчитывать на успех, должно отвечать этим двум требованиям, ибо мир желает в одно и то же время изменяться и жить. Иисус в то самое время, когда возвещал в человечестве переворот, не имевший ничего себе подобного в прошлом, проповедовал принципы, на которых общество покоится вот уже восемнадцать веков.

Действительно, главное отличие Иисуса от агитаторов его времени и последующих веков заключается в его полнейшем идеализме. В некотором отношении Иисус является анархистом, ибо он не имеет никакого представления

---

[1] Деяния, III, 21.

[2] Апокалипсис, XXI, 1, 2, 5.

[3] Английские секты тысячелетников представляют такие же противоречия, то есть, с одной стороны, верование в близкую кончину мира и рядом с этим, с другой стороны, много здравого смысла в практической жизни, необыкновенное знание коммерческого дела и промышленности.

о гражданском правительстве. Такое правительство он считает просто-напросто злоупотреблением. Он отзывается о нем в неопределенных выражениях, как человек, вышедший из народа и не имеющий понятия о политике. Всякое должностное лицо представляется ему естественным врагом людей Божиих; он возвещает своим ученикам, что им предстоят столкновения с властями, и ни на минуту ему не приходит в голову, что это может быть стыдно [1]. Но при этом у него никогда не замечается ни малейшего стремления занять место властей и богатых. Он стремится уничтожить богатство и власть, а вовсе не завладеть ими. Он предсказывал ученикам, что они подвергнутся преследованиям и мучениям [2]; но ни разу у него не появляется мысли о вооруженном сопротивлении. Идея, что всемогущество достигается страданиями и смиреньем, что над силой можно восторжествовать чистотой сердца, такова собственная идея Иисуса. Его нельзя назвать спиритуалистом, ибо для него все заканчивается осязательным осуществлением. Но он в то же время полнейший идеалист, так как материя для него является лишь символом идеи, а все реальное — живым выражением невидимого мира.

К кому же обращаться за помощью, для того чтобы основать Царство Божие? На этот счет у Иисуса никогда не было никаких сомнений. То, что люди считают великим, в глазах Бога мерзость [3]. Основателями Царства Божия будут простые люди. Не богатые, не книжники, не священники, а женщины, люди из народа, униженные, маленькие люди [4]. Великий признак Мессии — «благовествование нищим» [5]. Здесь снова берет верх идиллическая, кроткая натура Иисуса. Мечта его — громадная социальная революция, при которой все положения переставятся, при которой все, что имело значение в этом мире, будет унижено. Мир уверует в него; мир убьет его. Но ученики его будут не от мира [6]. Они составят небольшую группу

---

[1] Матфея, X, 17—18; Луки, XII, 11.

[2] Матфея, V, 10 и след.; X вся; Луки, VI, 22 и след.; Иоанна, XV, 18 и след.; XVI, 2 и след.; 20, 33; XVII, 14.

[3] Луки, XVI, 15.

[4] Матфея, V, 3, 10; XVIII, 3; XIX, 14, 23—24; XX, 16; XXI, 31; XXII, 2 и след.; Марка, X, 14, 15, 23—25; Луки, I, 51—53; IV, 18 и след.; VI, 20; XIII, 30; XIV, 11; XVIII, 14, 16—17, 24—25.

[5] Матфея, XI, 5.

[6] Иоанна, XV, 19; XVIII, 14, 16.

униженных и смиренных, которая победит своим унижением. Чувство, по которому понятие «мирянин» является противоположностью понятию «христианин», находит себе, таким образом, полное оправдание в самых мыслях учителя [1].

ГЛАВА VIII

ИИСУС В КАПЕРНАУМЕ.

Так как идея Иисуса все более и более властно овладевала им, то отныне ему предстояло с роковой невозмутимостью следовать по тому пути, какой намечался перед ним его удивительным гением и необыкновенными условиями, среди которых он жил. До сих пор он сообщал свои мысли лишь некоторым лицам, которые тайно были привязаны к нему; отныне он стал проповедовать публично и привлекать к себе последователей. Ему было около тридцати лет [2]. Конечно, небольшая группа последователей, сопровождавших его к Иоанну Крестителю, увеличилась и, быть может, к ней присоединились некоторые из учеников Иоанна [3]. С этим первоначальным ядром будущей Церкви он смело приступил, тотчас по возвращению из Галилеи, к «благовествованию Царства Божия». Царство это приближается, и он, Иисус, есть тот самый «Сын Человеческий», который являлся Даниилу в виде божественного подготовителя последнего и высшего откровения.

Припомним, что, по понятиям иудеев, относившихся отрицательно к искусству и мифологии, простая форма человека стоит выше формы херувимов и тех фантастических животных, которыми народная фантазия, после

---

[1] См. в особенности гл. XVII Иоанна, в которой приводится если не подлинное поучение, сказанное Иисусом, то, во всяком случае, чувство, глубоко запечатлевшееся у его учеников и совершенно логически вытекающее из поучений их учителя.

[2] Луки, III, 23; Евангелие *евионитов*, у Епифана, Adv. haer., XXX, 13; Валентин у Св. Иринея, Adv. haer., I, I, 3; II, XXII, 1 и след., и у Епифана, Adv. haer., LI, 28—29. Слова в Евангелии от Иоанна, VIII, 57, ничего не доказывают; здесь «пятьдесят лет» означают просто известный человеческий возраст вообще. Ириней (Adv. haer., II, XXII, 5 и след.) является как бы отголоском указанного места в Евангелии Иоанна, VIII, 57, хотя он претендует на то, что опирается будто бы на предание «древних» Отцов Азии.

[3] Иоанна, I, 37 и след.

того как она подверглась ассирийскому влиянию, окружает божественное величие. Уже в книге Иезекииля [1] существо, сидящее на верховном троне, гораздо выше чудовищ мистической колесницы; великий провозвестник откровения в пророческих видениях имеет образ человеческий. В книге Даниила, в видении царей, изображенных в виде животных, в момент, когда начинается Страшный суд и раскрылись книги, существо, «похожее на Сына Человеческого», приближается к «Ветхому днями», который дает ему власть судить мир и вечно властвовать над ним [2]. *Сын Человеческий* на семитических языках, и в особенности на арамейских наречиях, означает просто *человека.* Но это место в книге Даниила поразило умы; по крайней мере у некоторых школ [3] понятие *Сын Человеческий* сделалось одним из эпитетов Мессии как судьи мира и царя новой эры, которая должна была начаться [4]. Таким образом, применяя этот эпитет к самому себе, Иисус объявлял себя Мессией и возвещал близкую катастрофу, в которой он должен был явиться судьей, облеченным всей властью, переданной ему «Ветхим днями» [5].

На этот раз проповедь нового пророка имела решительный успех. Группа мужчин и женщин, носивших на себе, все без исключения, отпечаток одного и того же духа юношеской чистоты и наивной невинности, последовала за ним и стала называть его Мессией. Так как

---

[1] I, 5, 26 и след.

[2] Даниила, VII, 4, 13—14. Ср. VIII, 15; X, 16.

[3] В эпизоде, который приводится у Иоанна, XII, 34, иудеи, видимо, не понимают смысла этого слова.

[4] Матфея, X, 23; XIII, 41; XVI, 27—28; XIX, 28; XXIV, 27, 30, 37, 39, 44; XXV, 31; XXVI, 64; Марка, XIII, 26; XIV, 62; Луки, XII, 40; XVII, 24, 26, 30; XXI, 27, 36; XXII, 69; Деяния, VII, 55. В этом отношении особенно поучительны следующие строки: Иоанна, V, 27, в сопоставлении с Апокалипсисом, I, 13; XIV, 14. Ср. Еноха, XLVI, 1—4; XLVIII, 2—3; LXII, 5, 7, 9, 14; LXIX, 26, 27, 29; LXX, 1 (по Дильману); 4 книга Ездры, XIII, 2 и след.; 12 и след.; 25, 32 (версии эфиопская, арабская и сирийская, изд. Эвальда, Фолькмара и Цериани); Вознесение Исайи, латинский текст Венеции, 1522 (колл. 702 по изд. де Минь); Иустина, Dial. cum Tryph., 49, 76. Эпитет Мессии «сын женщины» встречается лишь один раз в книге Еноха, LXII, 5. Надо заметить, что вся часть книги Еноха, заключающая в себе главы XXXVII—LXXI, представляет собой, быть может, ошибочную вставку. 4 книга Ездры была написана при Невре евреем, подвергавшимся влиянию христианских идей.

[5] Иоанна, V, 22, 27.

Мессия должен был принадлежать к колену Давида, то, естественно, его стали называть и Сыном Давидовым, что было синонимом Мессии. Иисус охотно позволял давать себе это название, хотя оно до некоторой степени и ставило его в затруднение, так как он происходил из народа. Для него любимым эпитетом был «Сын Человеческий», эпитет с виду скромный, но непосредственно связанный с мессианскими идеями. Этим именем он сам себя называл так часто [1], что в его устах «Сын Человеческий» сделался синонимом местоимения «я», которого он вообще избегал. Но, обращаясь к нему, ему никогда не давали этого названия, без сомнения, потому, что оно вполне подходило бы к нему только в день его будущего пришествия.

В эту эпоху жизни Иисуса ареной его деятельности был небольшой город Капернаум, расположенный на берегу Генисаретского озера. Название Капернаум, которое происходит от слова *кафар*, «селение», по-видимому, означает городское поселение древнего характера в противоположность большим городам, выстроенным по римскому образцу, как, например, Тивериада [2]. Название это было так мало известно, что Иосиф в одном из своих сочинений [3] принимает его за название фонтана, который, следовательно, пользовался большей известностью, нежели селение, расположенное возле него. Подобно Назарету, Капернаум не имел прошлого и не принимал участия в светском движении, которое поддерживали Ироды. Иисус очень привязался к этому городу, и он сделался для него как бы вторым отечеством [4]. Вскоре по своему возвращению он сделал попытку в отношении Назарета, но она не имела успеха [5]. По наивному замечанию одного из своих биогра-

---

[1] Этот эпитет повторяется в Евангелиях 83 раза, и всегда в речах самого Иисуса.

[2] Правда, что в Телль-Хуме, который обыкновенно отождествляют с Капернаумом, сохранились остатки довольно пышных монументов. Но не считая того, что правильность этого отождествления сомнительна, эти монументы, быть может, относятся к II и III векам по Р. Х.

[3] В. I., III, X, 8.

[4] Матфея, IX, 1; Марка, II, 1. Действительно, в талмудических сочинениях Капернаум упоминается как город *минимов* или еретиков; эти *минимы*, очевидно, и были христиане. См. Мидраш, *Когелет*, стих VII, 26.

[5] Матфея, XIII, 54 и след.; Марка, VI, 1 и след.; Луки, IV, 16 и след.; 23—24; Иоанна, IV, 44.

фов, он не мог сделать здесь ни одного большого чуда [1]. Здесь все знали его семью, не пользовавшуюся большим значением, и это слишком вредило его авторитету. Его не могли здесь признавать Сыном Давида, так как все ежедневно встречались с его братом, сестрой, зятем. Кроме того, замечательно, что его семья оказывала ему довольно сильное противодействие и решительно отказывалась верить в его божественную миссию [2]. Был даже такой момент, когда его мать и брат утверждали, что он потерял рассудок, относились к нему как к экзальтированному мечтателю и намеревались удержать его силой [3]. Более пылкие назареяне хотели, как говорят, убить его, сбросив с обрыва [4]. Иисус замечает, что в этом отношении он разделял общую участь великих людей, и применяет к себе пословицу: «Несть пророк в отечестве своем».

Эта неудача нисколько не лишила его мужества. Он вернулся в Капернаум [5], где встречал гораздо лучшее отношение к себе, и отсюда организовал целую серию миссий в соседние небольшие городки. Население этой прекрасной и плодородной местности собиралось почти только по субботам. Этот день он выбрал для своих поучений. В то время каждый город имел свою синагогу или место для собраний. Обыкновенно это была довольно малых размеров прямоугольная зала, с портиком греческого стиля. Евреи, не имевшие собственной архитектуры, никогда не заботились об оригинальности стиля этого рода зданий. Остатки многих древних синагог и в настоящее время встречаются в Галилее [6]. Все они построены из ценных материалов, но довольно безвкусно, благодаря обилию орнаментов с мотивами из растительного царства и всякого рода завитков, характеризующих монументы иудеев [7]. Внутреннее убранство синагоги состояло из ска-

---

[1] Марка, VI, 5. Ср. Матфея, XIII, 58; Луки, IV, 23.

[2] Матфея, XIII, 57; Марка, VI, 4; Иоанна, VII, 3 и след.

[3] Марка, III, 21, 31 и след.; надо иметь в виду связь между стихами 20, 21, 31, даже если в стихе 31 читать kai erchontai, а не erchontai oyn.

[4] Луки, IV, 29. Вероятно, речь идет о скале, находящейся близ Назарета над нынешней церковью маронитов, а не о *горе Низвержения*, которая лежит от Назарета в расстоянии одного часа пути. См. Робинсон, II, 335 и след.

[5] Матфея, IV, 13; Луки, IV, 31; Иоанна, II, 12.

[6] В Телль-Хуме, Ирбиде (Арбела), Мейроне (Меро), в Ише (Гишала), в Касиуне, Набартейне, в Кефр-Береиме две.

[7] Я не решаюсь еще высказаться ни о возрасте этих монумен-

мей, кафедры для публичных чтений, шкафа для хранения священных свитков[1]. Эти здания, не имевшие ничего общего с храмом, были центром всей жизни иудеев. По субботам сюда собирались для молитвы и для чтения Закона и Пророков. Так как иудаизм не имел духовенства в прямом смысле этого слова вне Иерусалима, то на этих собраниях любой из присутствующих мог встать, прочитать места из Священного Писания, установленные для данного дня (*параша* и *гафтара*), и затем прибавить к прочитанному *мидраш*, то есть собственные свои комментарии, в которых он мог развивать свои идеи[2]. Таково происхождение «гомелии», усовершенствованный образец которой мы находим в небольших трактатах Филона. Всякий имел право и возражать, и ставить вопросы лектору; таким образом, этого рода собрания быстро выродились в свободную сходку. Она имела своего председателя[3], «старейший»[4], *гаццана*, то есть доверенного лектора или сторожа[5], «посыльных»[6], нечто вроде секретарей или вестников, при помоши которых поддерживались сношения синагог между собою, *шаммаша* или книгаря[7]. Таким образом, синагоги были настоящими маленькими независимыми республиками; у них была собственная обширная юрисдикция, они гарантировали отпущение на волю, брали

тов, ни, следовательно, утверждать, что Иисус поучал в какой-либо из этих синагог. Сколько интереса представляла бы с точки зрения такой гипотезы синагога в Телль-Хуме! Древнейшей из всех синагог мне представляется большая синагога в Кефр-Береиме. Стиль ее довольно строгий. В синагоге в Касиуне находится греческая надпись времен Септимия Севера. Важное значение, приобретенное иудаизмом в Галилее после войны Адриана, дает основание предполагать, что многие из этих построек не старше III века, то есть эпохи, когда Тивериада стала в некотором роде столицей иудаизма. См. Journal Asiatique, дек. 1864, стр. 531 и след.

[1] 2 книга Ездры, VIII, 4; Матфея, XXIII, 6; посл. Иакова, II, 3; Мишна, *Мегилла,* III, 1; *Рош хашана,* IV, 7 и пр. См. также любопытное описание александрийской синагоги в Вавилонском Талмуде, *Сукка,* 51b.

[2] Филон, цит. у Евсевия, Proer. evang., VIII, 7 и Quod omnis probus liber, 12; Луки, IV, 16; Деяния, XIII, 15; XV, 21; Мишна, *Мегилла,* III, 4 и след.

[3] Archisynagōgos. Ср. Гаруцци, Dissert. archeol., II, 161 и след.

[4] Presbyteroi.

[5] Hypēretēs.

[6] Apostoloi или aggeloi.

[7] Diakonos. Марка, V, 22, 35 и след.; Луки, IV, 20; VII, 3; VII, 1—49; XXIII, 14; Деяния, XIII, 15; XVIII, 8, 17; Апокалипсис, II, 1; Мишна, *Жома,* VII, 1; *Рош хашана* IV, 9; Иерус. Талмуд, *Синедрион,* 1, 7; Епифан, Adv. haer., XXX, 4, 11.

под свое покровительство вольноотпущенников [1]. Подобно всем городским общинам, вплоть до позднейших времен римского владычества, синагоги выдавали почетные дипломы [2], издавали постановления, имевшие силу закона для данной общины, налагали телесные наказания, исполнителями которых обыкновенно являлись *гацціаны* [3].

При той крайней умственной живости, которой всегда отличались евреи, подобное учреждение, несмотря на строгость своих постановлений, не могло не давать поводов для весьма горячих споров. Благодаря синагогам, с другой стороны, иудаизм был в силах выдержать восемнадцать веков преследований, сохранить всю свою неприкосновенность. Каждая синагога представляла собой как бы обособленный мирок, в котором сохранялся национальный дух и который служил готовой ареной для внутренних раздоров. Здесь растрачивалась огромная сумма страстей. Борьба из-за председательства была ожесточенной. Почетное кресло в первом ряду было наградой за высокое благочестие или привилегией богатства, которая больше всего внушала зависти [4].

С другой стороны, полная свобода, предоставляемая всякому желающему сделаться лектором и комментатором Священного Писания, давала полную возможность для пропаганды новых взглядов. В этом заключался один из главных источников силы Иисуса и в то же время самое обычное из средств, которые он употреблял для того, чтобы положить основание своему учению [5]. Он входил в синагогу, вставал, чтобы читать, гаццан подавал ему свиток, он развертывал его и, прочтя назначенные на этот день отрывки, *параша* или *гафтара*, начинал развивать свои идеи, исходя из прочитанного [6]. Так как в Галилее было мало фарисеев, то прения с противниками

---

[1] Antigu. du Bosph. Cimm., надписи N 22 и 23, и Mélanges greco-latins С.-Петербургской Академии, т. II, стр. 200 и след.; Леви, Epigraphische Beiträge zur. Gesch. der Juden, стр. 273 и след., 298 и след.

[2] Надпись Беренисы в Corpus inscr. graes., N 5361; надпись в Касиуне, в Journal Asiatique, loc. cit.

[3] Матфея, V, 25; X, 17; XXIII, 34; Марка, XIII, 9; Луки, XII, 11; XXI, 12; Деяния, XXII, 19; XXVI, 11; 2 посл. к Коринф., XI, 24; Мишна, *Маккот*, III, 12; Вавил. Талмуд, *Мегилла*, 7b; Епифан, Adv. haer., XXX, 11.

[4] Матфея, XXIII, 6; посл. Иакова, II, 3; Вавил. Талмуд, *Сукка*, 51b.

[5] Матфея, IV, 23; IX, 35; Марка, I, 21, 39; VI, 2; Луки, IV, 15, 16, 31, 44; XIII, 10; Иоанна, XVIII, 20.

[6] Луки, IV, 16 и след. Ср. Мишна, *Жома*, VII, 1.

здесь не доходили до той степени резкости и язвительности, которые в Иерусалиме остановили бы его с первых же шагов. Добрые галилеяне никогда не слыхали поучений, более подходящих для их светлого настроения[1]. Ему удивлялись, лелеяли его, находили, что он говорит прекрасно и убедительно. Он с уверенностью разрешал самые трудные вопросы; почти поэтический характер его поучений пленял эти свежие умы народа, еще не высушенные педантизмом ученых.

Таким образом авторитет молодого учителя возрастал со дня на день, и естественно, что чем больше в него верили, тем больше и он веровал в самого себя. Поприще его деятельности было очень ограничено. Она не заходила за пределы бассейна Тивериадского озера, и даже здесь была особенно излюбленная им местность. Озеро это имеет до 21 километра в длину и 12 километров наибольшей ширины; хотя общее очертание его представляет довольно правильный овал, но, начиная от Тивериады и до устья Иордана, находится залив, кривая которого занимает около трех лье. Здесь оказалась та нива, на которой семя, брошенное Иисусом, нашло наконец хорошо подготовленную почву. Бросим взгляд на эту местность, стараясь при этом поднять завесу опустошения и траура, наброшенную на нее исламом.

При выходе из Тивериады встречаются прежде всего обрывистые скалы, гора, словно ниспадающая в море. Далее горы раздвигаются; равнина (*ель-Гувер*) расстилается здесь почти на уровне озера. Это прелестная, ярко-зеленая роща, по которой пробегает множество ручьев, отчасти вытекающих из большого круглого бассейна античной постройки (*Айн-ель-Мудаввара*). При входе в эту равнину, которая составляет Генисаретскую низменность, находится жалкая деревушка *Мejджель*. На другом конце этой равнины, если идти по берегу, мы встречаем место, где прежде был город (*Хань-Минья*), прекрасную речку (*Айн-ет-Тан*) и очаровательную узкую, высеченную в скалах тропинку, по которой, конечно, не раз проходил Иисус и которая служит сообщением между Генисаретской равниной и северным берегом озера. В расстоянии четверти часа пути отсюда мы переходим небольшую речку с соленой водой (*Айн-ет-Табига*), вытекающую из земли многими широкими ключами в нескольких шагах от озера

[1] Матфея, VII, 28; XIII, 54; Марка, I, 22; VI, 1; Луки, IV, 22, 32.

и впадающую в него среди густой зеленой чащи. Наконец, в расстоянии еще 40 минут пути, на бесплодном склоне, который тянется от Айн-ет-Табиги к устью Иордана, попадаются несколько хижин и довольно монументальные развалины, известные под именем *Телль-Хум*.

Во времена Иисуса на пространстве от деревни Медждель и до Телль-Хума было разбросано пять небольших городков, о которых человечество вечно будет говорить не меньше, чем о Риме и Афинах. Из этих пяти городов, Магдала, Дальмануфа, Капернаум, Вифсаида, Хоразин [1], в настоящее время можно с точностью указать место только первого. Ужасное селение Медждель, без сомнения, сохранило и название, и место города, из которого происходила самая верная из поклонниц Иисуса [2]. Местоположение Дальмануфы [3] совершенно неизвестно [4]. Возможно, что Хоразин находился немного в глуби страны, в северном направлении [5]. Что же касается Вифсаиды и Капернаума, то поистине их чисто случайно ставят на место Телль-Хума, Айн-ет-Тина, Хан-Миньи, Айн-Медаввары [6]. Можно подумать, что в отношении топографии, как и в отношении истории, существовал глубокий замысел скрыть все следы великого учителя. Сомнительно, чтобы в этой местности, так основательно опустошенной, когда-либо удалось точно определить те пункты, куда бы человечество могло стекаться для того, чтобы целовать отпечаток ног великого учителя.

---

[1] Древний Киннерет исчез, или название его было изменено.

[2] Известно, действительно, что Магдала находилась очень близко от Тивериады. Иерус. Талмуд, *Маашарот*, III, 1; *Шебеит*, IX, 1; *Ерубин*, V, 7.

[3] Марка, VIII, 10. В параллельном месте у Матфея, XV, 39, в тексте стоит Magdala, но это сравнительно позднейшая поправка истинного названия Magadan (ср. ниже, стр. 129, прим. 3). Самое слово Magadan представляется мне изменением Dalmanoytha. См. Comptes rendus l'Acad. des. inscr. et. B.— L., 17 авг. 1866.

[4] В расстоянии полутора часов пути от места, где Иордан вытекает из озера, на самом Иордане находятся следы древнего поселения, называемого *Дальгамия* или *Дальмамия*. См. Томсона, The Land and the Book, II, стр. 60—61 и карту Ван-де-Вельде. Но по Марку, VIII, 10, можно предполагать, что Дальмануфа находилась на берегу озера.

[5] В местности, называемой *Хоразн* или *Бир-Керазе*, повыше Телль-Хума. (См. карту Ван-де-Вельде и Томсона, op. cit., II, стр. 13).

[6] Старинная гипотеза, отождествляющая Телль-Хум с Капернаумом, хотя в последнее время сильно оспаривалась, тем не менее все еще имеет многих защитников. Лучший аргумент в пользу ее самое название *Телль-Хум*. *Телль* входит в название многих деревень и, быть может, заменяет прежний *Кафар* (см. пример, приведенный в Archives des

Озеро, обширный горизонт, кустарник, цветы — вот все, что осталось от небольшого округа, в котором Иисус положил начало своего божественного дела. Деревья исчезли совершенно. В этой местности, где некогда растительность была так роскошна, что Иосиф видел в этом некоторого рода чудо, так как, по его словам, природе вздумалось свести здесь и взрастить рядом растения холодных стран, произведения жаркого пояса и деревья умеренного климата, приносящие круглый год плоды и цветы [1],— в этой местности в настоящее время приходится за сутки вперед рассчитывать, где на следующий день можно будет остановиться и найти хоть немного тени. Озеро сделалось пустынным. Единственная лодка, в самом жалком состоянии, рассекает ныне те волны, которые некогда были так богаты жизнью и радостью. Впрочем, вода в озере по-прежнему подвижна и прозрачна [2]. Берега, состоящие из скал или гальки, скорее напоминают берег моря, нежели озера, как, например, берега Самохонитского озера. Берега здесь чистые, без тины, с постоянным легким прибоем волн. В озеро врезываются небольшие мысы, покрытые олеандрами, тамариндами и каперсовыми колючими кустами; в особенности в двух местах, у истока Иордана, близ Тарихеи, и на берегу Генисаретской равнины, встречаются чарующие уголки, где прибой волн теряется в густой зелени среди цветов. В устье ручья Айн-Табига находится масса хорошеньких раковин. Тучи водяных птиц покрывают озеро. Горизонт залит ослепительным солнцем. Вода цвета небесной лазури, в глубокой рамке горячих утесов, с высоты гор Сафед представляется словно налитой на дне золотой чаши. На севере белыми линиями вырисовываются на небе снежные вершины Гермона; на западе волнистые плоскогорья Гавлонитиды и Переи, абсолютно

---

missions scientif., 2 серия, т. III, стр. 369). С другой стороны, близ Телль-Хума нет другого колодца, который бы соответствовал описанному у Иосифа (B. I., III, X, 8). Этот капернаумский колодезь, по-видимому, и есть Айн-Медаввара; но Айн-Медаввара находится на расстоянии 3—4 километров от озера, между тем как Капернаум был рыбачий город на самом берегу озера (Матфея, IV, 13; Иоанна, VI, 17). В отношении Вифсаиды затруднения еще больше, ибо в гипотезе, получившей довольно общее признание, о существовании двух Вифсаид, одной на восточном, а другой на западном берегу озера, в расстоянии двух-трех лье одна от другой, все-таки много странного.

[1] B. I., III, X, 8; Вавил. Талмуд, *Песахим*, 8b; Сифре, *Везот Хабберака*.

[2] B. I., III, X, 7; Жак де Витри, в Gesta Dei per Francos, I, 1075.

бесплодные и укутанные под лучами солнца как бы в особого рода бархатистую дымку, образуют компактную массу гор или, лучше сказать, весьма возвышенную, длинную террасу, которая, начиная от Кесарии Филиппийской, тянется бесконечно по направлению к югу.

Жара на берегах озера в настоящее время очень тягостна. Озеро расположено во впадине, лежащей на 189 метров ниже уровня Средиземного моря [1] и, таким образом, находится в тех же условиях, как и Мертвое море [2]. Прежде этот чрезмерный зной умерялся роскошной растительностью; трудно понять, каким образом в таком зное, каким ныне представляется, начиная с мая месяца, весь бассейн этого озера, могла когда-либо происходить столь чудесная деятельность. Впрочем, Иосиф находил климат этой страны довольно умеренным [3]. Без сомнения, здесь, как в римской Кампаньи, произошло некоторое изменение климата, вызванное историческими причинами. Исламизм и в особенности мусульманская реакция против Крестовых походов, подобно дуновению смерти, высушили любимую местность Иисуса. Прекрасная страна Генисаретская не подозревала, что в лице этого мирного скитальца решаются ее собственные судьбы. Такой опасный соотечественник, как Иисус, имел бы роковое значение для всякой страны, которая получила бы грозную славу его родины. Галилея сделалась для всех предметом или любви, или ненависти; два соперничавшие между собой фанатизма стремились овладеть ею, и, таким образом, ценой своей славы она должна была обратиться в пустыню. Но кто бы осмелился сказать, что Иисус был бы счастливее, если бы прожил всю свою жизнь в своей деревне в полной неизвестности? Кто бы вспомнил об этих неблагодарных назареянах, если бы один из них, рискуя будущим своего городка, не признал своего Отца и не объявил себя Сыном Божиим?

Итак, пять или шесть больших селений, расположенных на расстоянии получаса пути одно от другого,— таков был мирок Иисуса в ту эпоху, которой мы занимаемся. По-видимому, он никогда не бывал в Тивериаде, этом вполне светском городе, населенном главным образом

---

[1] По данным г. Винь (Connaissance des temrs pour, 1866), которые почти совпадают с данными капитана Линч у Риттера (Erdkunde, XV, I ч., стр. XX) и г. Берту (Bulletin de la soc. de géogr., 2 серия, XII, стр. 146).

[2] Уровень Мертвого моря в два раза ниже Средиземного.

[3] B. I., III, X, 7 и 8.

язычниками; здесь же находилась обычная резиденция Антипы [1]. Однако иногда он удалялся из своих любимых мест. Он отправлялся в лодке на восточный берег, например, в Гергесу [2]. По направлению к северу он бывал в Панеас или Кесарии Филиппа [3] у подножия Гермона. Наконец, однажды он сделал путешествие в сторону Тира и Сидона [4]. в страну, которая в это время удвительно процветала. Во всех этих этих местностях он оказывался среди язычников [5]. В Кесарии он видел знаменитый грот Паниум, в котором предполагался исток Иордана и с которым народные верования связали странные легенды [6]; он имел возможность полюбоваться мраморным храмом; который был воздвигнут близ этого места Иродом в честь Августа [7]; вероятно, ему случалось останавливаться перед многочисленными статуями, посвященными Пану, Нимфам, Эхо грота, быть может, в то время уже поставленными в этом месте благочестивыми людьми [8]. Иудей-эфемерист, привыкший считать чужеземных богов или обоготворенными людьми, или демонами, должен был, конечно, смотреть на все эти пластические воспроизведения как на идолов. Чары натуралистических культов, восхищавшие более впечатлительные расы, не могли его привлечь. Без сомнения, он

---

[1] Иосиф, Ant., XVIII, II, 3; Vita, 12, 13, 64.

[2] Я разделяю мнение Томсона (The Land and the Book, II, 34 и след.), по которому Гергеса, упоминаемая у Матфея (VIII, 28), тождественна с хананейским городом Гиргаш (Бытие, X, 16; XV, 21; Второзак., VII, 1; Иисуса Навина, XXIV, 11) и находилась на месте, ныне называемом *Керза* или *Герза*, на восточном берегу, почти напротив Магдалы. Марк (V, 1) и Лука (VIII, 26) пишут *Гадара* или *Гераза* вместо *Гергеса*. Но принять *Гергесу* за *Геразу* невозможно, ибо евангелисты говорят, что этот город был близ озера и напротив Галилеи. Что касается Гадары, ныне *Ом-Кгис*, находящейся в расстоянии полутора часов пути от озера и от Иордана, то все обстоятельства места, приведенные у Марка и Луки, к ней совсем не подходят. Сверх того, можно допустить, что *Гергеса* обратилась в *Герасу*, имя довольно известное, но топографическая невозможность примириться с таким чтением текста заставила принять *Гидару*. Ср. Оригем, Comment. in Ioann., VI, 24; X, 10; Евсевий и Св. Иеремия, De situ et nomin. loc. hebr., Gergesa, Gergase.

[3] Матфея, XVI, 13; Марка, VIII, 27.

[4] Матфея, XV, 21; Марка, VII, 24, 31.

[5] Иосиф, Vita, 13.

[6] Иосиф, Ant., XV, X, 3; B. I., I, XXI, 3; III, X, 7; Бенжамен де Тудель, стр. 46, изд. Ашера.

[7] Иосиф, Ant., XV, X, 3; B. I., I, XXI, 3. Ср. монеты Филиппа. Мадден, History of Jewish Coinage, стр. 101 и след.

[8] Corpus inscr. gr., N 4537, 4538, 4538в, 4539. Правда, большая часть из этих надписей относится к более поздней эпохе.

не имел никакого понятия о том, что еще сохранилось от первоначального культа, более или менее аналогичного с иудейским, в древнем святилище Мелькарта в Тире [1]. Едва ли могло ему улыбаться язычество, которое воздвигало в Финикии на каждом холме по храму с священной рощей, ни весь этот блеск крупной промышленности и мирских богатств [2]. Монотеизм отнимает всякую способность понять языческие религии; мусульманин, попавший в страну политеистов, словно не видит ничего вокруг себя. Без сомнения, Иисус ничего не вынес из этих путешествий. Он постоянно возвращался к своим излюбленным Генисаретским берегам. Здесь был центр его дум; здесь он находил и веру, и любовь.

ГЛАВА IX

УЧЕНИКИ ИИСУСА.

В этом земном раю, которого до тех пор почти не коснулись великие исторические перевороты, население жило в полнейшей гармонии с самой местностью, в труде, честно, полное веселой и нежной радости бытия. Тивериадское озеро — одно из наиболее рыбных озер в мире [3]. Весьма успешные рыбные ловли были организованы особенно в Вифсаиде, Капернауме, и на них было основано известного рода благосостояние жителей. Эти рыбачьи семьи составляли мирное и кроткое общество, связанное многочисленными узами родства, по всему описанному нами побережью озера. Не слишком занятой образ жизни оставлял полный простор воображению. Идеи Царства Божия пользовались в этих небольших общинах добродушных людей бóльшим успехом, нежели где-либо. Сюда не проникло еще ни следа того, что называется цивилизацией в греческом и мирском смысле. То не была наша германская или кельтская серьезность; хотя сплошь и рядом доброта их была поверхностной, без надлежащей

---

[1] Луциан (ut fertur), De bea syria, 3.

[2] Следы богатой языческой цивилизации той эпохи встречаются еще по всему Белед-Бемарраху, особенно же в горах, образующих мыс Блан и мыс Накуру.

[3] Матфея, IV, 18; Луки, V, 44 и след.; Иоанна, I, 44; XXI, 1 и след.; Иосиф, В. I., III, X, 7; Иерус. Талмуд, *Песахим*, IV, 2; Вавил. Талмуд, *Баба кама*, 80b, Жак де Витри, в Gesta Dei per Francos, I, стр. 1075.

глубины, нравы их все же отличались приветливостью, и в них самих было что-то интеллигентное и изящное. Можно думать, что они были довольно похожи на лучшие из ливанских племен, только сверх того у них было свойство, которым эти последние не отличаются: свойство давать из своей среды великих людей. Иисус поистине нашел здесь свою семью. Он поселился с ними, как свой человек. Капернаум сделался «его родным городом»[1], и среди небольшого кружка, который его обожал, он забыл своих скептических братьев, неблагодарный Назарет и его насмешливую недоверчивость.

В особенности одна семья в Капернауме сделалась ему близкой, и потому что в доме ее он находил приятный приют, и потому что к ней принадлежали его преданнейшие ученики. То была семья двух братьев, сыновей некоего Ионы, который, вероятно, умер в эпоху, когда Иисус поселился на берегах озера. Эти братья были один Симон, по прозванию на сирийско-халдейском языке *Кифа*, по-гречески *Петр*, что означает «камень»[2], а другой — Андрей. Они были родом из Вифсаиды[3], и когда Иисус начал свою общественную жизнь, то застал их уже в Капернауме. Петр был женат и имел детей; с ним жила и мать его жены[4]. Иисус любил эту семью и обыкновенно жил в ее доме[5]. Андрей был, по-видимому, учеником Иоанна Крестителя, и, быть может, Иисус знавал его на берегах Иордана[6]. Оба брата не переставали постоянно заниматься рыбачеством, даже и в то время, когда, по-видимому, они были всего более преданы делу своего учителя[7]. Иисус, любивший игру слов, говорил иногда, что сделает из них ловцов человеков[8]. Среди его учеников, действительно, у него не было более верных и преданных ему.

---

[1] Матфея, IX, 1; Марка, II, 1—2.

[2] Прозвище Kēphas, по-видимому, тождественно с Kaiaphas, которое носил первосвященник Иосиф Каиафа. Прозвище *Петр* встречается в виде собственного имени одного из современников апостола, упоминаемых Иосифом в Ant., XVIII, VI, 3. Поэтому можно думать, что Иисус не давал Симону прозвище *Кифа* или *Петр*, но только дал особое толкование имени, которое этот ученик уже раньше носил.

[3] Иоанна, I, 44.

[4] Матфея, VIII, 14; Марка, I, 30; Луки, IV, 38; 1 посл. к Коринф., IX, 5; 1 посл. Петра, V, 13; Климент Алекс., Strom., III, 6; VII, 11; Лже-Клим., Recogn., VII, 25; Евсевий, Hist. eccl., III, 30.

[5] Матфея, VIII, 14; XVII, 24; Марка, I, 29—31; Луки, IV, 38.

[6] Иоанна, I, 40 и след.

[7] Матфея, IV, 18; Марка, I, 16; Луки, V, 3; Иоанна, XXI, 3.

[8] Матфея, IV, 19; Марка, I, 17; Луки, V, 10.

Другая семья зажиточного рыбака, владельца нескольких лодок [1], Забдии, или Зеведея, также оказывала Иисусу горячий прием. Зеведей имел двух сыновей, старшего Иакова и младшего Иоанна, который впоследствии был призван к столь решительной роли в истории народившегося христианства. Оба были очень усердными учениками. По некоторым указаниям можно думать, что Иоанн, как и Андрей, был известен Иисусу по школе Иоанна Крестителя [2]. Во всяком случае, семьи Ионы и Зеведея были, по-видимому, тесно связаны между собой [3]. Саломея, жена Зеведея, была очень привязана к Иисусу и сопровождала его вплоть до самой его смерти [4].

Действительно, женщины горячо принимали Иисуса. Он относился к ним с той сдержанностью, благодаря которой между обоими полами оказывается возможной очень нежная идейная связь. Отделение мужчин от женщин, препятствовавшее у восточных народов развитию всякой деликатности, без сомнения, в ту эпоху, как и в наши дни, в селах и деревнях было далеко не таким строгим, как в больших городах. Три или четыре преданные галилеянки всегда следовали за молодым учителем и оспаривали друг у друга удовольствие слушать его и по очереди услуживать ему [5]. Они вносили в новую секту тот элемент энтузиазма и чудесного, важность которого уже становится теперь очевидной. Одна из них, Мария из Магдалы, столь прославившая во всем мире имя своего бедного городка, по-видимому, была чрезвычайно экзальтированной женщиной. Говоря языком того времени, она была одержима семью демонами [6], другими словами, страдала необъяснимыми нервными болезнями. Иисус успокоил эту расстроенную натуру своей чистой и кроткой красотой. Магдалина была ему верна вплоть до Голгофы и на другой день после его смерти сыграла первостепенную роль, так как она была главным источником распространения веры в его воскресение, как мы это увидим ниже. Иоанна, жена

---

[1] Марка, I, 20; Луки, V, 10; VIII, 3; Иоанна, XIX, 27.

[2] Иоанна, I, 35 и след. Постоянный прием в четвертом Евангелии облекать имя Иоанна некоторой таинственностью дает повод думать, что ученик, имя которого не названо в этом месте, был именно сам Иоанн.

[3] Матфея, IV, 18—22; Луки, V, 10; Иоанна, I, 35 и след.; XXI, 2 и след.

[4] Матфея, XXVII, 56; Марка, XV, 40; XVI, 1.

[5] Матфея, XXVII, 55—56; Марка, XV, 40—41; Луки, VIII, 2—3; XXIII, 49.

[6] Марка, XVI, 9; Луки, VIII, 2; Ср. Товит, III, 8; VI, 14.

Кузы, одного из управителей Антипы, Сусанна и другие, оставшиеся неизвестными по имени, постоянно также следовали за ним и служили ему [1]. Некоторые из них были богаты и, благодаря своим средствам, давали молодому пророку возможность жить, не занимаясь своим прежним ремеслом [2].

Многие другие лица постоянно сопровождали его и признавали его своим учителем: Филипп из Вифсаиды, Нафанаил, сын Толмаи или Птоломея из Каны, ученик первых времен [3], Матфей, вероятно, тот самый, который сделался Ксенофонтом нарождающегося христианства. По словам предания [4], он был сборщиком пошлин и, следовательно, должен был владеть пером свободнее, нежели все прочие. Быть может, он уже задумывал написать «Logia» [5], которые составляют основу того, что нам известно о поучениях Иисуса. В числе учеников называют еще Фому или Дидима [6], которым иногда овладевали сомнения, но который был, по-видимому, человеком сердца и благородных порывов [7]; Левия или Фаддея; Симона Зилота [8], быть может, ученика Иуды Гавлонита, принадлежавшего к партии *кананитов*, которая в то время уже существовала, а вскоре должна была сыграть столь видную роль в иудейских движениях; кроме того, были тут Иосиф Варсава, прозванный Юстом; Матфий [9], загадочная личность, известная под именем Аристиона [10]; наконец, Иуда, сын Симона, из города Кериота, оказавшийся исключением среди этого верного кружка и получивший столь страшную известность. По-видимому, он был единственным учеником не из числа галилеян; Кериот, город на крайнем юге в

---

[1] Луки, VIII, 3; XXIV, 10.

[2] Луки, VIII, 3.

[3] Иоанна, I, 44 и след.; XXI, 2. Я допускаю возможным отождествлять Нафанаила с апостолом, который фигурирует в списке под именем *Вар-Толмаи* или *Варфоломея*.

[4] Матфея, IX, 9; X, 3.

[5] Папий, у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[6] Это второе имя представляет собой греческий перевод первого.

[7] Иоанна, XI, 14; XX, 24 и след.

[8] Матфея, X, 4; Марка, III, 18; Луки, VI, 15; Деяния, I, 13; Евангелие *евионитов*, у Епифана, Adv. haer., XXX, 13.

[9] Деяния, I, 21—23; Ср. Папий, у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[10] Папий (там же), как и апостолы, называет его определенно учеником Господа, приписывает ему рассказы о поучениях Господа и связывает его с *пресвитером Иоанном*. Об этом последнем см. выше, Введение, стр. 39.

колене Иудином [1], находился в расстоянии дня пути по ту сторону Хеврона.

Мы уже видели, что собственная семья Иисуса была мало к нему расположена [2]. Однако Иаков и Иуда, двоюродные братья Иисуса, сыновья Марии Клеопы [3], уже с этой поры находились среди его учеников, и сама Мария Клеопа находилась в числе женщин, сопровождавших его на Голгофу [4]. Но в эту эпоху матери его возле него не было видно. Лишь после смерти Иисуса Мария стала внушать к себе большое уважение [5], и ученики начали стараться привязать ее к себе [6]. Тогда же члены семьи основателя христианства составили влиятельную группу, известную под названием «братьев Господа», долго стоявшую во главе иерусалимской церкви и после взятия города штурмом укрывшуюся в Вифании [7]. Самая близость к ним представлялась уже важным преимуществом, совершенно так же, как после смерти Магомета жёны и дочери пророка, не имевшие при жизни его никакого значения, приобрели большой авторитет.

Среди этой группы друзей Иисус, очевидно, некоторым оказывал предпочтение и в некотором роде образовал из них более тесный кружок. По-видимому, в этот небольшой совет входили в первой линии оба сына Зеведеева, Иаков и Иоанн. Оба были полны огня и страсти. Иисус очень остроумно прозвал их «сынами громовыми» за их крайнюю ревность, которая, будь гром в ее распоряжении, слишком часто пускала бы его в ход [8]. В особенности младший брат, Иоанн, был, по-видимому, на очень короткой ноге с Иисусом. Быть может, ученики, которые позднее сгруппировались вокруг второго сына Зеведеева и, по-

---

[1] Ныне *Кириетейн* или *Кереитейн*.

[2] Эпизод, передаваемый у Иоанна, XIX, 25—27, по-видимому, дает основание предполагать, что в известный период общественной жизни Иисуса собственные его братья отдалялись от него. Если в родне Иисуса различать двух Иаковов, то некоторый намек на враждебность Иакова, «брата Господня», можно видеть в посл. к Гал., II, 6 (ср. I, 19; II, 9, 11).

[3] См. выше, стр. 66 и след.

[4] Матфея, XXVII, 56; Марка, XV, 40; Иоанна, XIX, 25.

[5] Деяния, I, 14; Ср. Луки, I, 28; II, 35, где внушается уже истинное уважение к Марии.

[6] Иоанна, XIX, 25 и след.

[7] Юлий Африкан, у Евсевия, Hist. eccl., I, 7.

[8] Марка, III, 17; IX, 37 и след.; X, 35 и след.; Луки, IX, 49 и след.; 54 и след. Такой характеристике Иоанна соответствует и Апокалипсис. Ср. особенно главы II и III, в которых ненависть бьет через край. Ср. черту фанатизма, о которой сообщает Ириней, Adv. haer., III, III, 4.

видимому, записали его воспоминания таким способом, что в них недостаточно скрыты интересы школы, до известной степени преувеличивали сердечное расположение Иисуса к нему [1]. Знаменательно, однако, что в синоптических Евангелиях Симон, сын Ионин, или Петр, Иаков, сын Зеведеев, и Иоанн, брат его, составляют нечто вроде интимного комитета, к которому Иисус прибегает в известные моменты, когда он сомневается в вере и разуме остальных [2]. Кроме того, эти три лица, по-видимому, занимались сообща и рыбной ловлей [3]. Иисус был глубоко привязан к Петру. Прямой, откровенный, поддающийся первому впечатлению характер Петра нравился Иисусу, который по временам даже посмеивался над его решительностью. Петр, не будучи склонен к мистике, сообщал учителю свои наивные сомнения, свои страхи, свои чисто человеческие слабости [4] с чистосердечной откровенностью, напоминающей Жуанвилля при Св. Людовике. Иисус относился к нему по-дружески, с полным доверием и уважением. Что касается Иоанна, то, надо полагать, много прелести было в его молодости [5], горячности [6] и живом воображении [7]. Индивидуальность этого необыкновенного человека развилась вполне гораздо позднее. Если он и не был автором четвертого Евангелия, которое носит его имя и которое заключает в себе столь ценные разъяснения (хотя характер Иисуса в нем во многих отношениях искажен), то по меньшей мере возможно, что он дал для него материал. Привыкнув перебирать свои воспоминания с лихорадочным беспокойством экзальтированной души, он мог преобразить своего учителя в полной уверенности, что рисует именно его, и дать таким образом ловким подделывателям повод к составлению книги, при редакции которой добросовестность, по-видимому, не играла первенствующей роли.

---

[1] Иоанна, XIII, 23; XVIII, 15 и след.; XIX, 26—27; XX, 2, 4; XXI, 7, 20 и след.

[2] Матфея, XVII, 1; XXVI, 37; Марка, V, 37; IX, 1; XIII, 3; XIV, 33; Луки IX, 28. Предположение, будто Иисус сообщил этим трем ученикам некоторое тайное учение, было распространено с самых древних времен. Странно, что в Евангелии, приписываемом Иоанну, ни разу не упоминается об Иакове, его брате.

[3] Матфея, IV, 18—22; Луки, V, 10; Иоанна, XXI, 2 и след.

[4] Матфея, XIV, 28; XVI, 22; Марка, VIII, 32 и след.

[5] Он жил, по-видимому, до 100 г. по Р. Х. См. четвертое Евангелие, XXI, 15—23, и древние источники, собранные Евсевием, Hist. eccl., III, 20, 23.

[6] См. прим. 1.

[7] Апокалипсис написан, по-видимому, им.

В зарождавшейся секте не существовало никакой иерархии в прямом смысле этого слова. Все должны были называться «братьями», и Иисус положительно запрещал всякие наименования, указывавшие на превосходство, вроде *равви*, «учитель», «отец», так как он один есть учитель, и один Бог есть Отец. Кто больший, тот должен быть слугой других [1]. Тем не менее Симон, сын Ионин, пользовался среди равных бóльшим значением. Иисус жил у него и поучал, сидя в его лодке [2]; его дом был центром евангельской проповеди. В глазах толпы он являлся главой всей группы, и к нему обращаются собиратели пошлины за уплатой взносов, следующих с общины [3]. Симон первый признал Иисуса Мессией [4]. В момент упадка своей популярности Иисус спрашивает своих учеников: «Не хотите ли и вы отойти?» Симон отвечает: «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» [5]. Иисус неоднократно предоставляет ему некоторого рода главенство [6] в своей церкви и истолковывает его сирийское прозвище Кифа (камень) в том смысле, что он будет краеугольным камнем нового здания [7]. Был один момент, когда Иисус как бы обещает ему «ключи от Царства Небесного» и право произносить на земле решения, которые всегда будут утверждаться и в вечности [8].

Нет сомнения, что это первенство Петра вызывало некоторую ревность. Она возгоралась особенно в видах будущего, в виду Царства Божия, где все ученики будут восседать на тронах, по правую и по левую руку своего учителя, и судить двенадцать колен Израилевых [9]. Ставился вопрос, кто же окажется в таком случае ближе к сыну Человеческому в качестве в некотором роде первого министра. На это звание изъявляли претензию оба сына Зеведеева. Занятые этой мыслью, они выдвинули вперед свою мать, Саломею, которая однажды отвела

---

[1] Матфея, XVIII, 4; XX, 25—26; XXIII, 8—12; Марка, IX, 34; X, 42—46.

[2] Луки, V, 3.

[3] Матфея, XVII, 23.

[4] Матфея, XVI, 16—17.

[5] Иоанна, VI, 68—70.

[6] Матфея, X, 2; Луки, XXII, 32; Иоанна, XXI, 15 и след.; Деяния, I, II, V и др.; посл. к Гал., I, 18; II, 7—8.

[7] Матфея, XVI, 18; Иоанна, I, 42.

[8] Матфея, XVI, 19. Правда, та же власть была дана всем апостолам (Матфея, XVIII, 18).

[9] Матфея, XVIII, 1 и след.; Марка, IX, 33; Луки, IX, 46; XXII, 30.

Иисуса в сторону и начала просить у него для своих сыновей этих почетных мест [1]. Иисус отклонил эту просьбу своим обычным изречением, что кто возвеличивается, будет унижен, и что Царство Небесное будет принадлежать малым. Это произвело во всей общине некоторую сенсацию; возникло большое неудовольствие против Иакова и Иоанна [2]. То же самое соперничество сказывается, по-видимому, в Евангелии, приписываемом Иоанну; предполагаемый повествователь постоянно повторяет здесь, что он был «любимым учеником», которому учитель, умирая, доверил свою мать; в то же время он старается выставить себя наряду с Симоном Петром, а иногда даже и впереди его, в тех важных событиях, в которых более древние евангелисты его совсем пропустили [3].

Из числа приведенных здесь лиц все, о которых что-либо нам известно, были сперва, по-видимому, рыбаками. В стране, отличающейся простотой нравов, где все жители трудятся, эта профессия вовсе не стояла на самой низкой ступени, как это навязывалось ей различными проповедниками, желавшими сильнее оттенить чудесное происхождение христианства. Во всяком случае, к высшему классу населения ни один из учеников не принадлежал. Только Левий, сын Алфеев, и, может быть, также апостол Матфей были сборщиками податей [4]. Но в Иудее это название давалось не генеральным откупщикам, людям высокого звания, которых в Риме называли publicani и которые всегда принадлежали к сословию римских всадников [5]. Здесь это были лишь агенты генеральных откупщиков, чиновники низшего разряда, простые таможенные. Благодаря большой дороге из д'Акра в Дамаск, которая была одной из самых древних дорог в мире и, пересекая Галилею, проходила воз-

[1] Матфея, XX, 20 и след.; Марка, X, 35 и след.

[2] Марка, X, 41.

[3] Иоанна, XVIII, 15 и след.; XIX, 26—27; XX, 2 и след.; XXI, 7, 21. Ср. I, 35 и след., где ученик, не названный по имени, вероятно, не кто иной, как Иоанн.

[4] Матфея, IX, 9; X, 3; Марка, II, 14; III, 18; Луки, V, 27; VI, 15; Деяния, I, 13; Евангелие *евионитов*, у Епифана, Adv. haer., XXX, 13. В первоначальном тексте значится: «Левий, сын Алфея». Последний редактор первого Евангелия заменил это имя Матфеем на основании более или менее достоверного предания, по которому этот апостол принадлежал к той же профессии (Матфея, X, 3). Надо припомнить, что единственная часть в нынешнем Евангелии от Матфея, которая может принадлежать этому апостолу, это поучения Иисуса. См. Папий, у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[5] Цицерон, De provinc. consular., 5; Pro Plancio, 9; Тацит, Ann., IV, 6; Плиний, Hist. nat., XII, 32; Аппиан, Bell. civ., II, 13.

ле самого озера [1], здесь было особенно много должностных людей этого рода. В самом Капернауме, который, быть может, лежал на этом пути, было большое число таких сборщиков [2]. Профессия эта нигде не бывает популярной, но у иудеев занятие этого рода считалось совсем преступным. Подать, только что введенная в Иудее, казалась признаком подданства; школа Иуды Гавлонита проповедовала, что уплата подати сама по себе — языческое деяние. Таким образом, и сборщики внушали ревнителям Закона отвращение. Их перечисляли не иначе как вместе с убийцами, разбойниками на больших дорогах, с людьми позорной жизни [3]. Евреи, соглашавшиеся занять такую должность, подвергались исключению из общины и не допускались к присяге; кассы их считались проклятыми, и казуисты запрещали даже разменивать в них деньги [4]. Эти бедные люди, отверженные обществом, виделись только между собой. Иисус принял обед, предложенный ему Левием, где присутствовало, как говорилось в то время, «много мытарей и грешников». Это был большой скандал [5]; в домах с такой дурной славой можно было рисковать встретиться с дурным обществом. Но мы не раз еще увидим, что Иисус нимало не заботится о том, чтобы как-нибудь не оскорбить предрассудков благомыслящих людей, старается поднять классы, униженные правоверными, и таким образом подвергает себя самым резким упрекам со стороны ханжей. Фарисейство ставило спасение в зависимость от соблюдения бесчисленных обрядностей и от некоторого чисто внешнего благочиния. Истинного моралиста, который выступил с проповедью, что Богу нужно только одно, правдивость чувств, должны были принять с благословениями все души, которых еще не успело искалечить официальное лицемерие.

Иисус был обязан этими бесчисленными победами

---

[1] Она пользовалась известностью до времен Крестовых походов под названием приморского пути (via Maris). См. Исайя, IX, 1; Матфея, IV, 13—15; Товит, I, 1. Я думаю, что дорога, высеченная в скале близ Айн-ет-Тина, составляла часть ее и что дорога эта шла к *мосту дочерей Иакова*, так же, как и в настоящее время. Часть дороги от Айн-ет-Тина к этому мосту носит следы античной постройки.

[2] Матфея, IX, 9 и след.

[3] Матфея, V, 46—47; IX, 10, 11; XI, 19; XVIII, 17; XXI, 31—32; Марка, II, 15—16; Луки, V, 30; VII, 34; XV, 1; XVIII, 11; XIX, 7; Луциан, Necromant., 11; Dio Chrysost., Orat. IV, p. 85; Orat. XIV, p. 269. (изд. Эмпериуса); Мишна, *Недарим*, III, 4.

[4] Мишна, *Баба кама*, X, 1; Иерус. Талмуд, *Демаи*, II, 3; Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 25b.

[5] Луки, V, 29 и след.

отчасти также и тому, что его личность и его слова были обаятельны до бесконечности. Одно проникновенное слово, один взгляд, скользнувший по наивной совести, которая только ожидала пробуждения, создавали ему пылкого ученика. Иногда он пользовался невинной уловкой, к которой впоследствии прибегала Жанна д'Арк. Он делал вид, будто знает некоторую тайну того лица, которое он хотел завербовать, или же напоминал ему какое-либо обстоятельство, особенно милое его сердцу. Говорят, таким именно образом он растрогал Нафанаила [1], Петра [2], Самаритянку [3]. Скрывая истинную причину своей силы, я хочу сказать, своего превосходства над окружающими, он делал уступку идеям своего времени, причем надо заметить, что эти идеи он вполне разделял и позволял думать, что откровение свыше раскрывало перед ним все тайны и сердца. Все верили, что он живет в сфере, недоступной остальному человечеству. Говорили, будто он беседует на вершинах гор с Моисеем и Илией [4]; верили и в то, что в минуты его уединения ангелы слетались поклоняться ему и таким образом поддерживали его сверхъестественные сношения с Небом [5].

ГЛАВА X

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ.

Таков был кружок лиц, сплотившихся вокруг Иисуса на берегах Тивериадского моря. Аристократия в нем была представлена сборщиком податей и женой управителя. Остальное составляли рыбаки и простолюдины. Они отличались крайним неведением; они были неглубокого ума, верили в привидения и в духов [6]. В эту первую христианскую общину не проник ни один элемент эллинской культуры; в еврейском смысле образование ее было также далеко не полным; зато члены ее были исполнены добрых чувств и доброй воли. Благодаря прекрасному климату Галилеи вся жизнь этих честных рыбаков была сплошным

---

[1] Иоанна, I, 48 и след.

[2] Иоанна, I, 42.

[3] Иоанна, IV, 17 и след. Ср. Марка., II, 8; III, 2—4; Иоанна, II, 24—25.

[4] Матфея, XVII, 3; Марка, IX, 3; Луки, IX, 30—31.

[5] Матфея, IV, 11; Марка, I, 13.

[6] Матфея, XIV, 26; Марка, VI, 49; Луки, XXIV, 39; Иоанна, VI, 19.

очарованием. Поистине прологом Царства Божия была жизнь этих простых, добрых и счастливых людей, которые то беззаботно покачивались на волнах своего прелестного маленького моря, то мирно спали на его берегах. Мы себе представить не можем всего очарования жизни, протекающей таким образом под открытым небом, того ровного и яркого, в то же время внутреннего огня, который получается от этого постоянного общения с природой, сладких сновидений в тихие ночи при свете звезд под бесконечно глубоким синим куполом неба. В такую ночь, подложив камень под голову, Иаков прочел в звездах обетование бесчисленного потомства и увидел таинственную лестницу, по которой ангелы восходили и нисходили с земли на небо и обратно. В эпоху Иисуса и небеса еще не закрылись, и земля еще не остыла. Небо отверзалось над Сыном Человеческим, и ангелы Божии восходили и нисходили к нему [1]; всюду были видения Царства Божия, ибо человек носил их в сердце своем. Эти чистые и кроткие души созерцали вселенную в ее идеальном источнике; быть может, мир раскрывал свою тайну божественно-ясному сознанию этих счастливых детей, которые за чистоту своего сердца были допущены предстать перед лицом Бога.

Иисус с своими учениками почти всегда жил под открытым небом. То он входил в лодку и отсюда поучал своих слушателей, толпившихся на берегу [2]. То он усаживался на одном из холмов, окаймлявших озеро, где воздух так чист и горизонт так ясен. Верное стадо его весело бродило за ним, подбирая вдохновения своего учителя во всей свежести их начального расцвета. Иногда возникало какое-нибудь наивное сомнение, ставился слегка скептический вопрос. Иисус одной улыбкой, одним взглядом рассеивал возражения. На каждом шагу, в каждой тучке, проносившейся по небу, в прозябавшем зерне, в желтевшем злаке чудился признак приближающегося Царства; казалось, что наступил канун дня, когда можно будет видеть Бога, когда все станут господами мира; слезы превращались в радость; на землю нисходило всеобщее утешение.

«Блаженны нищие духом,— говорил учитель,— ибо их есть Царство Небесное!»

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся!»

---

[1] Иоанна, I, 51.
[2] Матфея, XIII, 1—2; Марка, III, 9; IV, I; Луки, V, 3.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю!»

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся!»

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут!»

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят!»

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими!»

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное!» [1]

Проповедь его была приятная и нежная, дышала естественностью и благоуханием полей. Он любил цветы и пользовался ими для прелестных и поучительных сравнений. Птицы небесные, море, горы, детские игры постоянно фигурируют в его поучениях. Стиль его не имел ничего общего с греческими периодами, скорее напоминал обороты речи еврейских притч, в особенности сентенции иудейских ученых, его современников, вроде тех, какие встречаются в *Пиркэ Абот*. Мысли его развивались не в длинных предложениях, а в изречениях, вроде употребительных в Коране; впоследствии они были связаны в одно целое, и таким образом составились длинные поучения, записанные Матфеем [2]. Между этими различными отрывками не было связующих переходных вставок; однако большею частью они были проникнуты общим духом, который объединял их в одно целое. Но в особенности он был неподражаем в своих притчах. В иудаизме не существовало никаких образцов для этой чарующей формы поучения [3]. Он ее создал. Правда, в буддийских книгах встречаются притчи совершенно такого же духа и с таким же построением, как в Евангелии [4]. Но трудно было бы допустить, чтобы в этом сказывалось влияние буддизма. Для объяснения этого сходства, быть может, достаточно сказать, что как нарождающееся христианство, так и буддизм были проникнуты одним и тем же духом кротости и глубиной чувства.

В результате простого и тихого образа жизни, кото-

---

[1] Матфея, V, 3—10; Луки, VI, 20—25.

[2] Они получили название «Logia kyriaka». Папий у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[3] Аполог, который мы читаем в книге Судей, IX, 8 и след., 2 книге Самуила, XII, 1 и след., лишь по форме напоминает евангельские притчи. Глубокая оригинальность притч заключается в чувстве, которым они преисполнены. Притчи в *Мидрашим* тоже отличаются совсем другим духом.

[4] См. в особенности «Лотос доброй веры», гл. III и IV.

рый вели в Галилее, было полнейшее равнодушие ко всякой внешности и к суетным излишествам в отношении утвари и одежды, в которых наш печальный климат заставляет нас нуждаться. Холодные страны, вынуждая человека вечно бороться с внешним миром, дают слишком высокую ценность стремлению к благосостоянию. Наоборот, страны, вызывающие лишь малочисленные потребности, являются родиной идеализма и поэзии. Все аксессуары жизни здесь ничтожны по сравнению с радостью бытия. Украшения домов здесь излишни, ибо в них стараются оставаться как можно меньше. Подкрепляющая и регулярная пища более суровых климатов для юга оказывается тяжелой и неприятной. Что касается роскоши одежды, то как соперничать с той, которою Бог одарил землю и птиц небесных? Труд в этого рода климатах является бесполезным; результаты его не стоят того, во что он обходится. Полевые животные одеты лучше самого богатого человека, а они ничего не делают. Это презрение к труду, которое чрезвычайно возвышает душу, когда в основе его не лежит леность, подсказывало Иисусу прелестные поучения: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут,— говорил он,— но собирайте себе сокровища в небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше [1]. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и Маммоне [2]. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры? Итак, не заботьтесь и не

---

[1] Ср. Вавил. Талмуд, *Баба батра*, 11а.

[2] Бог богатства и подземных сокровищ, вроде Плутоса финикийской и сирийской мифологии.

говорите: что нам есть, или что пить, или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы»[1].

Это чисто галилейское настроение чувств имело решающее влияние на судьбу возникавшей секты. Счастливая группа людей, полагавшаяся на Отца Небесного во всем, что касалось удовлетворения ее потребностей, приняла главным своим правилом смотреть на жизненные заботы как на зло, которое заглушает в человеке зародыши всего хорошего[2]. Ежедневно она просила у Бога хлеба на следующий день[3]. «Для чего собирать в сокровищницы? Царство Божие приближается». «Продавайте имения ваши и давайте милостыню,— говорил учитель.— Приготовляйте влагалища неветшающие, сокровище, не оскудевающее на небесах»[4].

Что может быть бессмысленнее сбережений для наследников, которых никогда не придется увидать?[5] Как пример безумия Иисус любил приводить случай с человеком, который, увеличив свои житницы и накопив в них добра на много лет, умер прежде, нежели успел воспользоваться своим имуществом![6] Разбои, сильно укоренившиеся в Галилее[7] со своей стороны подкрепляли этого рода воззрения. Бедняк, который нисколько не страдал от разбоев, мог смотреть на себя, как на любимца Бога, между тем как богатый человек, собственность которого была мало обеспечена, и был, в сущности, обездолен. В наших обществах, основанных на весьма строгих понятиях о собственности, положение бедного ужасно; ему буквально нет места на земле. Цветы, травы, тень существуют лишь для тех, кто владеет землей. На Востоке же это дары Божии, которые никому не принадлежат. Собствен-

---

[1] Матфея, VI, 19—21, 23—34; Луки, XII, 22—31, 33—34; XVI, 13. Ср. поучение Луки, X, 7—8, проникнутые такой же наивностью, и Вавил. Талмуд, *Сота*, 48b.

[2] Матфея, XII, 22; Марка, IV, 19; Луки, VIII, 14.

[3] Матфея, VI, 11; Луки, XI, 3; таков смысл слова epioysios.

[4] Луки, XII, 33—34. Ср. совершенно такие же прекрасные правила, которые Талмуд приписывает Монобазу. Иерус. Талмуд, *Пэах*, 15b.

[5] Луки, XII, 20.

[6] Луки, XII, 16 и след.

[7] Иосиф, Ant., XVII, X, 4 и след.; Vita, 11 и пр.

ник имеет ничтожное преимущество; природа составляет общее достояние.

В конце концов, нарождавшееся христианство в этом отношении только шло по следам иудейских сект, основанных на отшельнической жизни. Принцип коммунизма был душой этих сект (ессениане, терапевты), на которых и фарисеи, и саддукеи смотрели одинаково неодобрительно. Мессианизм, имевший у правоверных иудеев чисто политический характер, у этих сект превращался в социализм. Эти маленькие церкви, в которых, быть может, не без основания предполагалось подражание неопифагорейским учреждениям, думали водворить на земле Небесное Царство посредством спокойного, уравновешенного, созерцательного образа жизни, предоставляющего свободу каждому индивидууму. Утопии блаженной жизни, основанные на братстве людей и на чистом культе истинного Бога, занимали все возвышенные умы и вызывали со всех сторон смелые, искренние попытки, не имевшие, впрочем, будущего [1]. В этом отношении Иисус, связи которого с ессенианами трудно установить с точностью (в истории сходство далеко еще не всегда определяет собой и связь), конечно, имел с ними много родственного. В течение некоторого периода времени общая собственность была правилом нового сообщества [2]. Скупость была смертным грехом [3]; следует, однако, заметить, что «скупость», к которой христианская мораль так строго относилась, была в то время не более как привязанностью к собственности. Первым условием для того, чтобы сделаться учеником Иисуса, было продать свое имущество и деньги раздать нищим. Те, кого такая крайность пугала, не могли вступать в общину [4]. Иисус неоднократно повторял, что тот, кто нашел Царство Божие, должен купить его ценой всего своего имущества и что при этом он все-таки останется в барыше. «Человек, нашедший сокровище, скрытое на поле,— говорил он,— не теряя ни минуты, идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Купец, нашед одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел,

---

[1] Филон, Quod omnis probus liber и De vita contemplatione; Иосиф, Ant., XVIII, I, 5; B. I., II, VIII, 2—13; Плиний, Hist. nat., V, 17; Епифан, Adv. haer., X, XIX, XXIX, 5.

[2] Деяния, IV, 32, 34—37; V, 1 и след.

[3] Матфея, XIII, 22; Луки, XII, 15 и след.

[4] Матфея, XIX, 21; Марка, X, 21 и след.; 29—30; Луки, XVIII, 22, 23, 28.

и купил ее» [1]. К сожалению, неудобства подобного режима не замедлили обнаружиться. Понадобилось иметь казначея. Для этого избрали Иуду из Кериота. Справедливо или нет, но его обвиняли в том, что он обворовал общую кассу [2]; громадная тяжесть антипатий скоплялась над его головой.

Иногда учитель, более осведомленный в небесном, нежели в земном, проповедовал еще более странное политико-экономическое учение. В одной притче восхваляется управитель, который приобретал себе друзей среди бедных за счет своего господина, с тем чтобы бедные, в свою очередь, ввели его в Царство Небесное. Действительно, так как предполагалось, что распорядителями в этом царстве будут бедные, то они и будут пускать в него только тех, которые им подавали. Следовательно, предусмотрительный человек должен стараться приобрести их расположение. «Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы,— говорит евангелист,— и они смеялись над ним» [3]. Но слышали ли они также и следующую грозную притчу? «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его [4]; и в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: «Отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем!» Но Авраам сказал: «Чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты «страдаешь» [5]. Что может быть справедливее? Впоследствии эта притча получила название притчи «о злом богаче». Но это притча «просто о богаче». Он попал в ад, потому что был богачом,

[1] Матфея, XIII, 44, 46.
[2] Иоанна, XII, 6.
[3] Луки, XVI, 1—14.
[4] См. греческий текст.
[5] Луки, XVI, 19—25. Известно, что Лука обнаруживает явную наклонность к коммунизму (ср. VI, 20—21, 25—26), и я полагаю, что он преувеличил этот оттенок в поучениях Иисуса. Тем не менее во всем повествовании совершенно ясны следы «Logia» Матфея.

потому что не роздал свое имение бедным, потому что ел хорошо, в то время как другие, у его порога, ели плохо. Наконец, в другой момент, момент менее сильного преувеличения, когда Иисус высказывает принцип продажи своего имущества и раздачи его бедным лишь в виде совета для самоусовершенствования, у него все же вырывается следующее страшное восклицание: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» [1].

При всем этом Иисус был преисполнен чувством удивительной глубины, так же как и кучка радостных детей, которые его сопровождали, и это чувство сделало из него навеки истинного творца душевного мира, великого утешителя в жизни. Освободив человека от того, что он называл «житейскими заботами», Иисус мог доходить до крайностей и нанести удар существеннейшим условиям человеческого общества; но он при этом положил начало тому высшему спиритуализму, который в течение веков наполнял души радостью в этой юдоли слез. Он поразительно верно подметил, что невнимательность людей, отсутствие у них философского взгляда и морали чаще всего происходят от развлечений, которым они предаются, от забот, которые их осаждают и которые безмерно усложняются благодаря цивилизации [2]. Таким образом, Евангелие было лучшим лекарством от докучности обыденной жизни, вечным Sursum corda, могущественным отвлечением от жалких земных забот, нежным призывом, вроде сказанного Иисусом Марфе: «Марфа, Марфа, ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно». Благодаря Иисусу в самой тусклой жизни, поглощаемой печальными и унизительными обязанностями, бывали свои проблески небесного света. В нашем деловом обществе воспоминание о свободной жизни в Галилее является как бы благоуханием, которое доносится с того света, «росой Ермонской» [3], которая не дала черствости и суетности всецело завладеть Божией нивой.

---

[1] Матфея, XIX, 24; Марка, X, 25; Луки, XVIII, 25; Евангелие от евреев, у Гильгенфельда, Nov. Test. extra canonem receptum, facs. IV, стр. 17. Это изречение в виде пословицы находится и в Талмуде (Вавил. Талмуд, *Беракот*, 55b, *Баба метсия*, 38b.), и в Коране (изр. VII, 38). Ориген и греческие переводчики, не знавшие этой семитической пословицы, по ошибке предполагали, что здесь говорится о морском канате (kamilos).

[2] Матфея, XIII, 22.

[3] Псалтирь, CXXXIII, 3.

ГЛАВА XI

ЦАРСТВО БОЖИЕ, ПОЗНАВАЕМОЕ КАК ГОСПОДСТВО БЕДНЫХ.

Эти нравственные правила, годные для страны, где жизнь поддерживается воздухом и светом, этот нежный коммунизм кучки детей Божиих, доверчиво живущих на лоне своего Отца, могли удовлетворять наивную секту, ожидавшую ежеминутно осуществления своей утопии. Но ясно было, что подобные принципы не могли бы объединить все общество в одно целое. Иисус очень скоро понял, что официальный мир никак не примкнет к его царству. Он принял свое решение ввиду этого с крайней смелостью. Он пренебрег этим миром людей с черствым сердцем и узкими предрассудками и обратился к людям простым. Произойдет обширное изменение расы. Царство Божие предназначается: 1) для детей и для тех, кто на них походит; 2) для отверженных существующего строя, для жертв социального высокомерия, отталкивающего хороших, но смиренных людей; 3) для еретиков и схизматиков, мытарей, самаритян, язычников из Тира и Сидона. Весьма характерная притча объясняла и узаконивала этот призыв, обращенный к народу [1]: царь делает брачный пир и посылает своих рабов звать приглашенных. Все отказываются; некоторые дурно обходятся с посланными. Тогда царь принимает решительные меры. Порядочные люди не захотели пойти по его зову; в таком случае он позовет первых встречных, людей, собирающихся на площадях и на распутье, бедных, нищих, калек, кого угодно; надо наполнить зал, «и сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина».

Чистый *евионизм*, то есть учение, по которому спасутся одни бедные (*евионим*), по которому наступает царство бедных, стал доктриной Иисуса. «Горе вам, богатые,— говорил он,— ибо вы уже получили свое утешение! Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете! Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете!» [2] — «Когда делаешь ужин,— говорил он также,— не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не

---

[1] Матфея, XXII, 2 и след., Луки, XIV, 16 и след.; ср. Матфея, VIII, 11—12; XXI, 33 и след.

[2] Луки, VI, 25.

получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» [1]. Вероятно, в этом именно смысле он часто повторял: «Будьте добрыми купцами [2]», то есть помещайте ваши капиталы, имея в виду Царство Божие, раздавайте ваше имущество бедным, следуя старинной пословице: «Благотворящий бедному дает взаймы Господу» [3].

В этом, однако, не было ничего нового. Самое экзальтированное демократическое движение, о котором только сохранилось у человечества воспоминание (и также единственное, имевшее успех, ибо только одно оно оставалось в области чистой идеи), уже давно волновало еврейскую расу. Мысль, что Бог есть мститель за бедного и слабого против богатого и сильного, повторяется чуть не на каждой странице книг Ветхого Завета. Из всех историй в истории Израиля народный дух господствовал с наибольшим постоянством. Пророки, эти истинные трибуны и, можно сказать, самые смелые из трибунов, непрерывно гремели против великих мира и установили тесную связь между понятиями: «богатый, нечестивый, жестокосердый, злой», с одной стороны, и словами: «бедный, кроткий, смиренный, благочестивый», с другой стороны [4]. При Селевкидах, когда почти все аристократы сделались отступниками и перешли в эллинизм, эти ассоциации идей только еще более укрепились. В книге Еноха находятся еще более энергичные проклятия, нежели в Евангелиях, по адресу мира богатых, сильных [5]. Роскошь здесь выставляется как преступление. В этом странном Апокалипсисе «Сын Человеческий» свергает царей с их тронов, вырывает их из чувственной жизни, ввергает в ад [6]. Выступление Иудеи на поприще мирской жизни, только что происшедшее вторжение в нее чисто светского элемента роскоши и зажиточности вызывали энергичную реакцию в пользу патриархальной простоты

---

[1] Луки, XIV, 12—14.

[2] Это слово сохранилось в очень старинном и употребительном предании. Псевдоклиментовы поучения, II, 51; III, 50; XVIII, 20; Климент Алекс., Strom., I, 28. Оно встречается также у Оригена, Св. Иеремии и у большого числа Отцов Церкви.

[3] Притчи, XIX, 17.

[4] См. Амос, II, 6; Исайя, LXIII, 9; Псалтирь, XXV, 9; XXXVII, 11; LXIX, 33.

[5] Главы LXII, LXIII, XCVII, C и CIV.

[6] Енох, гл. XLVI (быть может, христианского происхождения), 4—8.

нравов. «Горе вам, презирающим хижину и наследие ваших отцов! Горе вам, сооружающим дворцы пóтом других! Каждый камень, каждый кирпич в них есть преступление!» [1] Слово «бедный» (*евион*) сделалось синонимом «святого», «друга Господа». Галилейские ученики Иисуса любили называть себя этим именем [2]; в течение долгого времени так же называли иудействующих христиан Вифании и Гаурана (назореи, евреи), которые оставались верными как языку, так и первоначальным поучениям Иисуса и которые гордились тем, что в их среде будто бы остались потомки его семьи [3]. В конце II века эти сектанты, остававшиеся вне великого течения, которое охватило прочие церкви, считались уже еретиками (*евиониты*), и для объяснения этого названия даже измыслили не существовавшего ересиарха *Евиона* [4].

Нетрудно предвидеть, что такое преувеличенное отношение к бедности не могло существовать слишком долго. То был один из тех утопических элементов, какие всегда примешиваются к великим актам и над которыми время произносит свой суд. Перейдя в широкие круги человеческого общества, христианство рано или поздно должно было с большой легкостью примириться с существованием богатых в его среде, совершенно так же, как буддизм, исключительно монашествующий при своем зарождении, как только число обращенных стало увеличиваться, начал признавать в своей среде и мирян. Но следы происхождения сохраняются навсегда. Хотя христианство скоро переросло и забыло *евионизм*, но тем не менее оставило во всей истории христианских учреждений свою закваску, которая не погибла. Сборник Logia или поучений Иисуса составлялся или, по меньшей мере, пополнялся в евионитских церквах Вифании [5]. «Бедность» осталась идеалом, от которого истинный последователь Иисуса не может

[1] Енох, XCIX, 13, 14.

[2] Посл. Иакова, II, 5 и след.

[3] Юлий Африкан, у Евсевия, Hist eccl., I, 7; Евсевий, De situ et nomin. loc. hebr., слово Choba; Ориген, Contra Celsum, II, 1; V, 61; Епифан, Adv. haer., XXIX, 7, 9; XXX, 2, 18.

[4] См. в особенности Ориген, Contra Celsum, II, 1; De principiis, IV, 22, Ср. Епифан, Adv. haer., XXX, 17. Ириней, Ориген, Евсевий, апостольские учреждения не знали о существовании таких личностей. Автор Philosophumena, по-видимому, сомневается на этот счет (VII, 34 и 35; X, 22 и 23). Басня относительно *Евиона* была распространена Тертуллианом и в особенности Епифаном. Наконец, относительно этимологии Ebiōn = ptōchos все Отцы Церкви были между собой согласны.

[5] Епифан, Adv. haer., XIX, XXIX и XXX, в особенности XXIX, 9.

отрешиться. Истинным евангельским состоянием стало состояние человека, который ничего не имеет; нищенство сделалось добродетелью, святым состоянием. Великое умбрийское движение XIII века, которое из всех попыток создать религию больше всего приближалось к галилейскому движению, происходило исключительно во имя бедности. Франциск Ассизский, из всех людей в мире больше всего походивший на Иисуса по своей выдающейся доброте и по той чуткости и нежности, с которой он сливался с жизнью вселенной, был бедняком. Нищенствующие монашеские ордена, бесчисленные коммунистические секты Средних веков (бедные Лиона, бегарды, добрые люди, фратрицелли, униженные, евангельские бедные, сектаторы «вечного Евангелия») выдавали себя за истинных учеников Иисуса, да и были ими действительно. Но и на этот раз самые невозможные мечты новой религии дали свои плоды. Благочестивое нищенство, причиняющее столько беспокойства нашим промышленным и административным обществам, в свое время и под подходящим для него небом было полно очарования. Оно открывало массе кротких и созерцательных умов единственное состояние, которое им нравилось. Конечно, когда бедность становится любимым и желательным состоянием, когда нищего ставят на пьедестал и поклоняются рубищу бедняка, то это может не слишком коснуться политической экономии, но истинный моралист не в состоянии оставаться равнодушным к такому явлению. Для того чтобы сносить свое бремя, человечеству необходимо верить, что бремя это не вполне окупается заработной платой. И самая великая услуга, какую ему можно оказать, это почаще напоминать ему, что оно живет не одним хлебом.

Подобно всем великим людям, Иисус любил народ и чувствовал себя с ним отлично. По его мысли, Евангелие создано для бедных; им оно несет «благую весть» о спасении [1]. Все презренные с точки зрения правоверного иудаизма получают от него предпочтение. Любовь к народу, жалость к его бессилию, чувство демократического вождя, который ощущает в себе дух толпы и считает себя его естественным истолкователем, просвечивают ежеминутно в каждом из его деяний, в каждом из его поучений [2].

Избранная кучка действительно представляла доволь-

---

[1] Матфея, X, 23; XI, 5; Луки, VI, 20—23.

[2] Матфея, IX, 36; Марка, VI, 34.

но смешанный характер, и ригористы были бы им немало удивлены. В ней насчитывались люди, которых ни один уважающий себя иудей не стал бы посещать [1]. Быть может, в этом обществе, не подчинявшемся правилам общин, Иисус находил больше благородства и сердечности, нежели среди педантической буржуазии, склонной к формализму, гордой своею кажущейся нравственностью. Фарисеи, преувеличивая Моисеевы предписания, дошли до того, что считали для себя осквернением всякое соприкосновение с людьми менее строгого образа жизни; в отношении пищи они почти приближались к детским предрассудкам индийских каст. Презирая такие жалкие искажения религиозного чувства, Иисус любил принимать пищу с теми, кто являлся жертвой этих предрассудков [2]; возле него встречали людей, о которых говорили, что они ведут дурной образ жизни, правда, быть может, только на том основании, что они не разделяли смешных предубеждений ханжей. Фарисеи и книжники возмущались. «Посмотрите,— говорили они,— с кем он ест!» Но тогда у Иисуса находились меткие возражения, приводившие лицемеров в отчаяние: «Не здоровые имеют нужду во враче, а больные» [3]; или: «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшей, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью» [4]; или: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» [5]; или еще: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» [6]; наконец, дивная притча о блудном сыне, где любовь оказывает предпочтение грешнику перед тем, кто всегда оставался праведным. Слабые или провинившиеся женщины, пораженные такой снисходительностью и впервые приходя в соприкосновение с добродетелью, полной привлекательности, свободно приближались к нему. «О! — говорили брезгливые люди,— этот человек не пророк; ибо, будь он пророком, он отлично знал бы, что женщина, которая к нему прикасается, грешница». Иисус отвечал на это притчей о кредиторе, который простил своим должникам их долги разной величины и не боялся при этом предпочесть участь того должника, кому

[1] Матфея, IX, 10 и след.; Луки, XV вся.
[2] Матфея, IX, 11; Марка, II, 16; Луки, V, 30.
[3] Матфея, IX, 12.
[4] Луки, XV, 4 и след.
[5] Матфея, XVIII, 11; Луки, IX, 10.
[6] Матфея, IX, 13.

был прощен больший долг [1]. Он оценивал состояния души лишь по сумме любви, которая к ним примешивается. Женщины, с сердцем, переполненным слезами, и расположенные, благодаря сознанию своих грехов, к смирению и самоуничижению, были ближе к его царству, нежели посредственные натуры, которым зачастую нельзя ставить в заслугу то, что они не дошли до падения. С другой стороны, понятно, что эти нежные души, видя в своем присоединении к секте легкое средство для своего возрождения, страстно к нему привязывались.

Он не только нимало не старался смягчить ропот, который вызывало его презрение к социальной брезгливости своей эпохи, но, напротив, как бы находил удовольствие в том, чтобы возбуждать его. Никогда еще никто не выражал так открыто своего презрения к «миру», составляющего первое условие великих дел и великой оригинальности. Он прощал богатому только в тех случаях, когда вследствие каких-либо предубеждений этот богатый пользовался в обществе дурной славой [2]. Он явно предпочитал людей вольного поведения и не слишком уважаемых почетными правоверными членами общества. «Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие,— говорил он этим последним.— Ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видевши это, не раскаялись после, чтобы поверить ему» [3]. Нетрудно понять, каким кровным оскорблением звучал для людей, сделавших себе профессию из важности и строгой морали, такой упрек в том, что они не последовали хорошему примеру, который им давали женщины веселого поведения.

Он не обнаруживал никаких внешних признаков благочестия, ни строгой нравственности. Он не бегал от веселья, охотно ходил на свадебные пиры. Одно из его чудес, по преданию, было совершено для свадебной потехи. Свадьбы

---

[1] Луки, VII, 36 и след. Лука, который любит выдвигать все, что относится к прощению грешников (ср. X, 30 и след.; XV вся; XVII, 16 и след.; XVIII, 10 и след.; XIX, 2 и след.; XXIII, 39—43), составил этот рассказ, воспользовавшись подробностями другого эпизода, именно эпизода умащения ног, имевшего место в Вифании за несколько дней до смерти Иисуса. Однако прощение грешницы составляет, бесспорно, один из существеннейших эпизодов в жизни Иисуса. Ср. Иоанна, VIII, 3 и след.; Папий, у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[2] Луки, XIX, 2 и след.

[3] Матфея, XXI, 31—32.

на Востоке празднуются вечером. Каждый гость вооружается фонарем; эти движущиеся взад и вперед огоньки производят очень приятное впечатление. Иисус любил эти веселые и оживленные картины и черпал из них темы для своих притч [1]. И когда такое поведение его сравнивали с образом жизни Иоанна Крестителя, то иные возмущались [2]. Однажды в день, когда ученики Иоанна и фарисеи соблюдали пост, его спросили: «Почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а твои не постятся?» — И сказал им Иисус: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?.. Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни» [3]. Его настроение тихой радости выражалось остроумными замечаниями, милыми шутками. «Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят:

«Мы играли вам на свирели,
И вы не плясали,
Мы пели вам печальные песни,
И вы не рыдали» [4].

«Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее» [5].

Так он ходил по Галилее, как бы в вечном празднике. Он пользовался для своих путешествий услугами мула, этим удобным и безопасным восточным способом передвижения. Большие черные глаза мула, осененные длинными ресницами, удивительно кротки. Иногда ученики Иисуса устраивали ему сельское торжество, в котором главную роль играли их одежды, заменявшие собой ковры. Ученики покрывали ими его мула или расстилали их по земле на его пути [6]. Если он останавливался в чьем-либо доме, то это было для всех живущих в нем радостным

---

[1] Матфея, XXV, 1 и след.

[2] Марка, II, 18; Луки, V, 33.

[3] Матфея, IX, 14 и след.; Марка, II, 18 и след.; Луки, V, 33 и след.

[4] Намек на какую-нибудь детскую игру.

[5] Матфея, XI, 16 и след.; Луки, VII, 34 и след. Пословица эта означает: «человеческая мысль слепа; мудрость дел Божиих возвещается только самими этими делами». Я читаю ergōn, как значится в рукописи «*B*» Ватикана и в Codex sinaiticus, а не teknōn. Текст Матфея, XI, 19, исправлен по тексту Луки, VII, 35, который представлялся более понятным.

[6] Матфея, XXI, 7—8.

событием и целым торжеством. В городках и крупных поселках он встречал самый горячий прием. На Востоке каждый дом, в котором остановился чужеземец, обращается в публичное место. Все население сходится сюда; сбегаются дети; прислуга их разгоняет, они снова врываются. Иисус не выносил, чтобы с этими наивными слушателями грубо обращались; он подзывал их и целовал [1]. Матери, поощряемые таким его отношением, приносили к нему своих грудных детей, чтобы он коснулся их [2]. Женщины умащали ему голову маслом и обмывали ему ноги благовонными жидкостями. Ученики иногда отталкивали их, чтобы они не надоедали; но Иисус любил древние обычаи и всякие проявления простоты сердца и заглаживал обиды, нанесенные его чересчур усердными друзьями. Он заступался за тех, кто хотел его почтить [3]. И женщины, и дети обожали его. Его недруги чаще всего упрекали его в том, что он заставлял чуждаться своей семьи эти нежные существа, всегда податливые на соблазн [4].

Таким образом, нарождающаяся религия во многих отношениях была религией женщин и детей. Дети образовали вокруг Иисуса как бы молодую гвардию, прославлявшую его царское достоинство; они устраивали ему маленькие овации, которые ему очень нравились, называли его «Сыном Давидовым», кричали ему «Осанна!» [5] и носили перед ним пальмовые ветви. Подобно Савонароле, Иисус, быть может, пользовался ими как орудием благочестивых миссий; он очень был рад, когда видел, что эти юные апостолы, нисколько его не компрометировавшие, бросаются вперед и называют его так, как сам он не осмеливался себя называть. Он предоставлял им в этом отношении полную свободу действий, и когда его спрашивали, слышит ли он, как его возвеличивают, он отвечал уклон-

---

[1] Матфея, XIX, 13 и след.; Марка, IX, 36; X, 13 и след.; Луки, XVIII, 15—16.

[2] Марка, X, 13 и след.; Луки, XVIII, 15.

[3] Матфея, XXVI, 7 и след.; Луки, VII, 37 и след.; Марка, XIV, 3 и след.

[4] Евангелие Марсиона, прибавление к ст. 2 к гл. XXIII Луки (Епифан, Adv. haer., XLII, 11). Если сокращения Марсиона не представляют критической ценности, то нельзя сказать того же об его добавлениях, когда они проистекают не из предвзятого мнения, а из самого состояния рукописей, которыми он пользовался.

[5] Клич, который раздавался во время процессии при праздновании Скинопигии («кучки»), при чем потрясали пальмовыми ветвями. Мишна, *Сукка*, III, 9. Обычай этот существует до сих пор у евреев.

чиво, что хвала, которая срывается с юных уст, наиболее приятна Богу [1].

Он не упускал случая повторять, что дети святые существа [2], что Царство Божие принадлежит детям [3], что надо обратиться в детей, чтобы войти в него [4], что надо принимать его, как дитя [5], что Отец Небесный скрывает свои тайны от мудрых и открывает их детям [6]. Представление о своих учениках у него почти сливается с представлением о детях [7]. Однажды, когда между ними произошел спор о первенстве, что случалось нередко, Иисус взял ребенка, поставил его среди них и сказал: «Вот кто больше всех; кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» [8].

Действительно, во владение землей вступало детство во всем его божественном самовольстве, со всем его наивным упоением радостью. Все думали, что с минуты на минуту наступит столь желанное царствие. Каждый воображал уже себя сидящим на троне рядом с учителем [9]. Шел спор из-за мест [10]; старались вычислить дни. Все это называлось «благой вестью»; новому учению другого имени не было. Общая мечта выливалась в одном слове «рай», старинном слове, заимствованном еврейским, как и всеми восточными языками, у Персии и первоначально означавшем сады царей Ахеменидов: чудный сад, где будет вечно продолжаться та очаровательная жизнь, которая уже началась здесь на земле [11]. Сколько времени продолжалось такое упоение, неизвестно. В течение этого волшебного движения никто не измерял времени, как не считают его во сне. Течение времени приостановилось, неделя была все равно что столетие. Но длился ли он годы или месяцы, этот сон был так прекрасен, что человечество жило им и впоследствии, и до сих пор мы находим утешение в том, что стараемся уловить его уже побледневшее благоухание.

---

1 Матфея, XXI, 15—16.
2 Матфея, XVIII, 5, 10, 14; Луки, XVII, 2.
3 Матфея, XIX, 14; Марка, X, 14; Луки, XVIII, 16.
4 Матфея, XVIII, 1 и след.; Марка, IX, 33 и след.; Луки, IX, 46.
5 Марка, X, 15.
6 Матфея, XI, 25; Луки, X, 21.
7 Матфея, X, 42; XVIII, 5, 14; Марка, IX, 36; Луки, XVII, 2.
8 Матфея, XVIII, 4; Марка, IX, 33—36; Луки, IX, 46—48.
9 Луки, XXII, 30.
10 Марка, X, 37, 40—41.
11 Луки, XXIII, 43; 2 посл. к Коринф., XII, 4. Ср. Carmina sibyllina, 36; Вавил. Талмуд, *Хагига*, 14b.

Никогда еще столько счастья не заставляло высоко подниматься грудь человеческую. В этом усилии, самом могучем, какое когда-либо человечество совершало, желая стать выше своей планеты, оно на одно мгновение забыло свинцовую тяжесть, гнетущую его к земле, и все печали этого мира. Блажен, кто своими глазами видел этот божественный расцвет и хотя бы в течение одного дня разделял со всеми эту несравненную иллюзию! Но еще блаженнее тот, сказал бы нам Иисус, кто, освободившись от великой иллюзии, воспроизведет в себе это небесное видение и сумеет без всяких мечтаний о тысячелетнем царстве, о химерическом рае, без всяких небесных знамений, одной своей непреклонной волей и поэзией своей души снова создать в своем сердце истинное Царство Божие.

ГЛАВА XII

ПОСОЛЬСТВО ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ ИЗ ТЮРЬМЫ К ИИСУСУ. СМЕРТЬ ИОАННА. ОТНОШЕНИЕ ЕГО ШКОЛЫ К ШКОЛЕ ИИСУСА.

В то время как радостная Галилея ликовала по поводу пришествия своего любимца, печальный Иоанн изнывал под влиянием тщетных ожиданий и несбывшихся желаний в своей темнице в Махероне. До него долетали слухи об успехах молодого учителя, которого он видел в числе своих учеников несколько месяцев тому назад. Говорили, будто тот Мессия, о котором предсказывали пророки и которому суждено восстановить израильское царство, теперь явился и свидетельствует о своем пришествии чудными делами в Галилее. Иоанн хотел удостовериться в справедливости этих слухов, и так как он свободно сносился с своими учениками, то он избрал двух из них и послал их в Галилею к Иисусу [1].

Посланные два ученика застали Иисуса в самом разгаре его славы. Праздничное настроение, господствовавшее вокруг него, поразило их. Привыкшие к постам, к усердным молитвам, к жизни вполне созерцательной, они с изумлением чувствовали себя будто внезапно перенесенными в центр радостей пришествия [2]. Они сообщили Иисусу о цели своего посольства: «Ты ли тот, которому надлежит

[1] Матфея, XI, 2 и след.; Луки, VII, 18 и след.

[2] Матфея, XI, 14 и след.

прийти? Дожидаться ли нам другого?» Иисус уже не сомневался в своей роли Мессии, перечислял им дела, которыми должно было характеризоваться наступление Царства Божия, исцеление больных, благовествование о грядущем спасении, возвещенное бедным. Эти дела он совершал. «Блажен тот,— прибавил он,— кто не усомнится во мне!» Неизвестно, застал ли этот ответ Иоанна Крестителя в живых, и если застал, то в какое настроение привел этого сурового аскета. Умер ли он утешенным, в уверенности, что тот, кого он возвещал, уже явился, или же в нем остались сомнения насчет миссии Иисуса? У нас нет об этом никаких сведений. Но, зная, что школа его довольно долго еще продолжала существовать параллельно с христианскими церквами, можно прийти к заключению, что, при всем уважении к Иисусу, Иоанн не смотрел на него как на того, кому предстоит осуществить божественные обетования. И смерть положила конец его сомнениям. Непреодолимая свобода духа отшельника неизбежно должна была увенчать его беспокойную, полную мучений жизнь единственным концом, которого она была достойна.

Снисходительность, обнаруженная к нему на первых порах Антипой, не могла долго продолжаться. По словам христианского предания, при всех беседах Иоанна с тетрархом он не переставал повторять ему, что брак его незаконен и что он должен отослать Иродиаду [1]. Легко себе представить, какую ненависть должна была питать внучка Ирода Великого к этому надоедливому советнику.

Дочь ее от первого брака, Саломея, такая же развратная и самолюбивая, как и она, приняла участие в выполнении ее планов. В этом году (вероятно, 30 г. по Р. X.) Антипа в день своего рождения находился в Махероне. Ирод Великий построил в стенах этой крепости роскошный дворец [2], в котором тетрарх часто проводил время. Он дал здесь большое пиршество, на котором Саломея исполнила один из характерных танцев, не считающихся в Сирии неприличными для высокопоставленной женщины. Восхищенный Антипа спросил у танцовщицы, что она желает получить от него в награду, и та по внушению матери ответила: «Голову Иоанна на этом блюде» [3]. Антипа был

---

[1] Матфея, XIV, 4 и след.; Марка, VI, 18 и след.; Луки, III, 10.

[2] Иосиф, В. I., VII, VI, 2.

[3] Блюдо, на котором на Востоке подают напитки и яства.

недоволен, но не хотел отказать ей. Воин взял блюдо, отсек голову узника и принес ее Саломее [1].

Ученики Крестителя получили его тело и похоронили его. Народ был очень недоволен. Шесть лет спустя Харет напал на Антипу, желая вернуть себе Махерон и отомстить за бесчестие, нанесенное его дочери; Антипа был разбит наголову, и общий голос объяснял его поражение наказанием за убийство Иоанна [2].

Известие о смерти Иоанна принесли Иисусу ученики самого Крестителя [3]. Последний шаг, сделанный Иоанном к Иисусу, окончательно установил тесную связь между обеими школами. Иисус, опасаясь насилий со стороны Антипы, принял некоторые предосторожности и удалился в пустыню [4]. За ним последовало много народа. Благодаря крайней умеренности в потребностях, святые люди перебивались кое-как в пустыне, но естественно, что в этом видели чудо [5]. С этого времени Иисус упоминал об Иоанне с удвоенным восхищением. Он не колеблясь признал [6], что Иоанн был более чем пророком, что Закон и древние пророки имели силу только до него [7], что он их отменил, но что Царство Небесное, в свою очередь, и его отменит. Наконец, в общей истории христианства он отводил ему особое место, именно он видел в нем связь между Ветхим Заветом и пришествием нового царства.

Пророк Малахия, мнению которого на этот счет придавалось большое значение [8], весьма категорически возвещал о предшественнике Мессии, который должен будет подготовить людей к окончательному обновлению, другими словами, предсказывать появление предтечи, который приготовит путь для избранника Божия. В качестве посланника ожидали не кого иного, как пророка Илию, и по весьма распространенному верованию, он вскоре должен был спуститься с неба, куда он был взят живым, и путем покаяния приготовить людей к великому событию, и примирить Бога с его народом [9]. Некоторые полагали, что вместе

---

1 Матфея, XIV, 3 и след.; Марка, VI, 14—20; Иосиф, Ant., XVIII, V, 2.

2 Иосиф, Ant., XVII, V, 1 и 2.

3 Матфея, XIV, 12.

4 Матфея, XIV, 13.

5 Матфея, XIV, 15 и след.; Матфея, VI, 35 и след.; Луки, IX, 11 и след.; Иоанна, VI, 2 и след.

6 Матфея, XI, 7 и след.; Луки, VII, 24 и след.

7 Матфея, XI, 12—13; Луки, XVI, 16.

8 Малахия, III и IV; Екклезиаст, XLVIII, 10; см. выше, глава VI.

9 Матфея, XI, 14; XVII, 10; Марка, VI, 5; VIII, 28; IV, 10 и след.; Луки, IX, 8, 19; Иоанна, I, 21; Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 49.

14 Заказ № 313

с Ильей явится или патриарх Енох, которому в последние два века стали приписывать высокое значение [1], или Иеремия [2], считавшийся в некотором роде покровителем народа, постоянно предстательствующим за него перед троном Бога [3]. Эта же идея, что два древних пророка должны воскреснуть, чтобы играть роль предшественников Мессии, с поразительной аналогией встречается в учении парсов, и потому многие склонны думать, что она заимствована именно оттуда [4]. Как бы то ни было, в эпоху Иисуса она, несомненно, входила в круг иудейских теорий о Мессии. Допускалось, что появление двух «верных свидетелей», в покаянных одеждах, будет прологом великой драмы, которая разыграется к изумлению вселенной [5].

Понятно, что, разделяя этого рода идеи, Иисус и его ученики не могли ни минуты сомневаться насчет миссии Иоанна Крестителя. Когда книжники в виде возражения указывали им, что не может быть речи о Мессии, так как не явился еще Илия [6], они отвечали, что Илия уже являлся, что Иоанн и был воскресшим Илией [7]. Действительно, своим образом жизни, своим отношением к установленной политической власти Иоанн напоминал эту удивительную личность древней истории Израиля [8]. Иисус не обходил молчанием заслуги и превосходство своего предшественника. Он говорил, что среди детей человеческих не рождалось более великого человека. Он энергично порицал фарисеев и книжников за то, что они не приняли его крещения и не послушались его голоса [9].

---

[1] Екклезиаст, XLIV, 16; 4 книга Ездры, VI, 26; VII, 28; ср. XIV, 9 и последние строки сирийского, эфиопского, арабского и арамейского переводов (Фолькмар, Esdra proph., стр. 212; Цериани, Monum. sacra et profana, Т. 1, вып. II, стр. 124; Армянская Библия Зораба, Венеция, 1805, прибавление к стр. 25).

[2] Матфея, XVI, 14.

[3] 2 книга Маккавейская, XV, 13 и след.

[4] Тексты, цитируемые Анкетиль-Дюперроном из *Зенд-Авесты*, I, 2 ч., стр. 46, испр. Шпигелем, в Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, I, 261 и след.; извлечение из *Джамасп-Намэ* в Авесте, у Шпигеля, I, стр. 34. Ни один из парсийских текстов, действительно внушающих мысль о воскресших пророках в роли предтечей, нельзя считать древним; однако идеи, заключающиеся в этих текстах, представляются гораздо более древними, нежели эпоха редакции этих текстов.

[5] Апокалипсис, XI, 3 и след.

[6] Марка, IX, 10.

[7] Матфея, XI, 14; XVII, 10—13; Марка, VI, 15; IX, 10—12; Луки, IX, 8; Иоанна, I, 21—25.

[8] Луки, I, 17.

[9] Матфея, XXI, 32; Луки, VII, 29—30.

Ученики Иисуса разделяли принципы своего учителя. В первом поколении христиан[1] уважение к Иоанну было неизменным преданием. Его считали даже родственником Иисуса[2]. Его крещение рассматривалось как первое событие и в некотором роде как обязательное вступление всей евангельской истории[3]. Для того чтобы поддержать его миссию общепризнанным авторитетом, создали рассказ, будто бы Иоанн с первого взгляда на Иисуса провозгласил его Мессией, что он признавал себя ниже Иисуса, недостойным развязать шнурки его башмаков; что сперва он будто бы отказывался крестить Иисуса и утверждал, что, наоборот, Иисус должен его крестить[4]. Это были преувеличения, которые в достаточной степени опровергаются последним посольством Иоанна к Иисусу, как бы вызванным некоторым сомнением[5]. Но в более общем смысле Иоанн остался в христианской легенде тем, что он и был на самом деле, строгим подготовителем, печальным проповедником покаяния перед радостным прибытием жениха, пророком, возвестившим Царство Божие и умершим, не дождавшись его наступления. Этот гигант в истории происхождения христианства, аскет, питавшийся акридами и диким медом, резкий обличитель заблуждений, играл роль горечи, приготовляющей уста к сладости Царства Божия. Казнь его открыла собой эру христианского мученичества; он был первым свидетелем обновившегося самосознания. Миряне, распознавшие в нем своего непримиримого врага, не могли оставить его в живых; и его обезображенный труп, повергнутый на порог христианства, наметил тот кровавый путь, по которому после него должно было пройти столько других мучеников.

Школа Иоанна не погибла вместе с своим основателем. Некоторое время она продолжала существовать отдельно от школы Иисуса и сперва в добром согласии с ней. Спустя несколько лет после смерти обоих учителей все еще практиковалось крещение Иоанна. Некоторые принадлежа-

---

[1] Деяния, XIX, 4.

[2] Луки, I.

[3] Деяния, I, 22; 37—38. Это станет совершенно понятным, если допустить, как это делает четвертый евангелист (гл. I), что первых и самых главных из своих учеников Иисус приобрел именно в школе Иоанна.

[4] Матфея, III, 14 и след.; Луки, III, 16; Иоанна, I, 15 и след.; V, 32—33.

[5] Матфея, XI, 2 и след.; Луки, VII, 18 и след.

ли одновременно к обеим школам; например, знаменитый Аполлоний, соперник Св. Павла (около 54 г.), и значительное число христиан в Эфесе [1]. Иосиф принадлежал к школе (53 г.) аскета, по имени Бану [2], который представляет большое сходство с Иоанном Крестителем, а быть может, был его учеником. Этот Бану [3] жил в пустыне, одевался древесными листьями; он питался только дикими растениями и плодами и часто днем и ночью погружался в холодную воду, чтобы очиститься. Иаков, называемый «братом Господним», соблюдал подобные же аскетические правила [4]. Позднее, около конца I века, баптизм вступил в борьбу с христианством, особенно в Малой Азии. Автор книг, приписываемых евангелисту Иоанну, борется против него, по-видимому, путем перетолковывания его смысла [5]. Одна из сивиллиных [6] поэм, по-видимому, принадлежит этой школе. Что касается сект гемеробаптистов, баптистов, елхасаитов (*сабийцы, могтасила* арабских писателей [7]), которые во втором веке наполняли Сирию, Палестину, Вавилонию и остатки которых существуют до нашего времени под названием мендаитов или «христиан Св. Иоанна», то они скорее того же происхождения, как и школа Иоанна Крестителя, нежели являются истинным потомством Иоанна. Настоящая его школа, наполовину создавшаяся вместе с христианством, превратилась в небольшую христианскую ересь и угасла в неизвестности. Иоанн как бы предчувствовал будущее. Если бы он поддался жалкому соперничеству, он был бы теперь забыт в толпе сектантов своей эпохи. Став выше своего самолюбия, он приобрел славу и завоевал себе исключительное положение в религиозном пантеоне человечества.

---

[1] Деяния, XVIII, 25; XIX, 1—5. Ср. Епифан, Adv. haer., XXX, 16.

[2] Vita, 2.

[3] Быть может, это не кто иной, как Бунаи, которого Талмуд причисляет к ученикам Иисуса? (Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 43а).

[4] Гегезипп, у Евсевия, Hust. eccl., II, 23.

[5] Иоанна, I, 8, 26, 33; IV, 2; 1 посл. Иоанна, V, 6. Ср. Деяния, X, 47.

[6] Книга IV. См. в особенности ст. 157 и след.

[7] Напоминаю, что сабийцы тождественны с арамейским словом «баптисты». *Могтасила* означает то же самое на арабском языке.

ГЛАВА XIII

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ.

Иисус отправлялся в Иерусалим на праздник Пасхи почти ежегодно. Подробности каждого из этих путешествий мало известны, ибо синоптики о них мало говорят [1], а данные на этот счет четвертого Евангелия весьма туманны [2]. По-видимому, важнейшее из посещений Иисусом столицы имело место в 31 г., и несомненно, после смерти Иоанна. Его сопровождали многие из его учеников. Хотя Иисус не придавал большого значения паломничеству, но, не желая оскорблять общественного мнения евреев, с которым он еще не порвал окончательно, он соглашался на них. Кроме того, эти путешествия имели существенное значение для его планов; ибо он уже чувствовал, что для того, чтобы играть первостепенную роль,

---

[1] Однако они смутно упоминают о них. Им так же хорошо известны, как и четвертому Евангелию, отношения Иисуса к Иосифу Аримафейскому. Сам Лука (X, 38—42) знал Вифанскую семью. Лука имел некоторое неясное представление о системе путешествий Иисуса согласно четвертому Евангелию. Действительно, в его Евангелии маршрут Иисуса, начиная с гл. IX, 51 и до гл. XVIII, 31, до такой степени странен, что приходится предположить, что Лука смешал в этих главах эпизоды различных путешествий. Сценой для эпизодов, рассказанных в главах: X, 25 и след.; X, 38 и след.; XI, 29 и след.; XI, 37 и след.; XII, 1 и след.; XIII, 10 и след.; XIII, 31 и след.; XIV, 1 и след.; XV, 1 и след.— является, по-видимому, Иерусалим или его окрестности. Затруднение в этой части повествования проистекает, по-видимому, из того, что Лука насильственно укладывает свои материалы в рамку синоптиков, из которой он не осмеливается выступать. Большая часть речей против фарисеев и саддукеев, произнесенных по синоптикам в Галилее, имеют смысл только для Иерусалима. Наконец, промежуток времени, который по синоптикам отделяет вход Иисуса в Иерусалим от Страстей, хотя он мог достигать и нескольких недель (Матфея, XXVI, 55; Марка, XIV, 49), все-таки недостаточен для объяснения всего, что должно было произойти между прибытием Иисуса в этот город и его смертью. Слова Матфея, XXIII, 37, и Луки, XIII, 34, по-видимому, подтверждают это положение; можно, однако, сказать, что это не более как цитата, подобно тексту Матфея, XXIII, 34, относящаяся вообще к тем усилиям спасти народ, которые Бог совершал через своих пророков.

[2] Точно отмечены два паломничества (Иоанна, II, 13 и V, 1), не считая последнего путешествия (VII, 10), из которого Иисус уже не возвращался в Галилею. Первое из них имело место еще в то время, когда Иоанн совершал свои крещения. Следовательно, оно приходилось на Пасху 29 г. по Р. X. Однако обстоятельства, описываемые так, как бы они произошли во время этого путешествия, относятся к более ранней эпохе (ср. в особенности Иоанна, II, 14 и след. и Матфея, XXI, 12—13; Марка, XI, 15—17 и Луки, XIX, 45—46). Очевидно, или в первых главах четвертого Евангелия перепутаны даты, или автор смешал между собой обстоятельства, относящиеся к различным путешествиям.

ему надо выйти из Галилеи и атаковать иудаизм в его твердыне, которой был Иерусалим.

Маленькая галилейская община являлась здесь довольно-таки беспочвенной. Иерусалим был в то время почти тем же, что и в настоящее время, городом педантизма, язвительных острот, словопрений, ненавистничества, умственного ничтожества. Фанатизм доходил здесь до крайних пределов; религиозные восстания возникали ежедневно. Господствовали фарисеи; единственным занятием было изучение Закона, доведенное до самых ничтожных мелочей; все сводилось к чистейшей казуистике. Этот исключительно теологический и канонический культ не давал ничего для возвышения умов. Происходило нечто аналогичное с бесплодной доктриной мусульманского факи, с этим пустопорожним учением, которое вращается вокруг мечети и ведет только к потере времени и бесполезной трате сил на диалектику, без всякой пользы для дисциплины ума. Теологическое воспитание современного духовенства, при всей его сухости, все-таки не дает представления об этом, ибо эпоха Возрождения внесла во все наши науки, даже наиболее непокорные, некоторую долю литературности и методики, благодаря которым схоластика приняла более или менее гуманитарную окраску. Наука иудейского ученого, *софера* или книжника, была чисто варварской, абсурдной, лишенной всякого морального элемента [1]. К довершению несчастья, она внушала тому, кто истратил все силы на ее приобретение, чувство смешной гордости. Гордясь мнимым знанием, которое стоило таких трудов, иудейский книжник относился к греческой культуре с тем же презрением, с каким ученый мусульманин нашего времени относится к европейской цивилизации и которое свойственно католическому богослову старой школы по отношению к светским знаниям. Общим свойством этих схоластических культур является то, что они притупляют ум ко всему изящному и воспитывают уважение лишь к головоломному ребячеству, на которое растрачивается вся жизнь и на которое создается взгляд как на естественное занятие людей, сделавших серьезность своей профессией [2].

Этот ненавистный мир не мог не тяготить весьма

---

[1] Об этом можно судить по Талмуду, этому отголоску еврейской схоластики того времени.

[2] Иосиф, Ant., XX, XI, 2.

сильно прямую и нежную душу и совесть северных израильтян. Презрение иерусалимских граждан к галилеянам еще более усиливало эту отчужденность. В прекрасном храме, предмете всех их стремлений, они зачастую встречали лишь притеснения. Казалось, специально для них был написан стих из псалма паломников: «Желаю лучше быть у порога в доме Божием» [1]. Первосвященник презрительно усмехался, видя их наивную набожность, почти совершенно так же, как духовенство в Италии, освоившееся с святилищами до фамильярности, относится с холодностью и почти с насмешкой к жаркой вере пришедшего издалека пилигрима. Галилеяне говорили на местном довольно испорченном наречии; произношение слов было у них неправильно; они смешивали различные придыхания, откуда происходили недоразумения, над которыми было много смеха [2]. В вопросах религии их считали невежественными и недостаточно правоверными [3]; выражение «глупый галилеянин» стало поговоркой [4]. Считали (и не без основания), что иудейская кровь у них с сильной примесью, и бесспорным признавалось, что из Галилеи не могло быть пророка [5]. Отодвинутые таким образом на самые границы, почти за пределы иудаизма, бедные галилеяне для поддержания своих надежд могли ссылаться лишь на один, довольно плохо истолкованный текст из Исайи [6]: «Земля Завулонова и земля Нефалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая! Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет». Родной город Иисуса пользовался, по-видимому, особенно дурной славой. Говорят, народная поговорка гласила: «Из Назарета может ли быть что доброе?»

Необыкновенная скудость природы в окрестностях Иерусалима, с своей стороны, должна была увеличивать

---

[1] Псалтирь, пс. 83, ст. 11.

[2] Матфея, XXVI, 73; Марка, XIV, 70; Деяния, II, 7; Вавил. Талмуд, *Ерубин*, 53а и след.; Берешит равва, 26с.

[3] Место трактата *Ерубин*, цитир. выше; Мишна, *Недарим*, II, 4; Иерус. Талмуд, *Шаббат*, XVI, и до конца; Вавил. Талмуд, *Баба батра*, 25В.

[4] *Ерубин*, loc. cit., 53b.

[5] Иоанна, XII, 52. Современная экзегетика доказала, что два или три пророка были родом из Галилеи; но доводы, которыми это подтверждается, во времена Иисуса были неизвестны. Относительно, например, Илии см. Иосиф, Ant., VIII, XIII, 2.

[6] Исайя, IX, 1—2; Матфея, IV, 13 и след.

нерасположение Иисуса. Долины здесь безводны, почва бесплодна и камениста. Когда глаз встречает впадину Мертвого моря, то вид открывается до некоторой степени поразительный, но за исключением этого он очень монотонен. Один холм Мизпа, с связанными с ним воспоминаниями из самой древней истории Израиля, привлекает к себе внимание. Во времена Иисуса город имел почти тот же архитектурный характер, как и теперь. В нем, правда, не было древних монументов, ибо до династии Асмонеев евреи чуждались почти всякого рода искусств; Иоанн Гиркан начал украшать его, а Ирод Великий сделал его великолепным. Иродовы постройки соперничают с самыми законченными монументами античного мира своим грандиозным характером, совершенством выполнения и красотой материалов [1]. Около этой эпохи в окрестностях Иерусалима воздвигалось много гробниц, оригинальных по стилю [2]. Стиль этих монументов был греческий, приспособленный к иудейским обычаям и значительно измененный соответственно их принципам. Скульптурные орнаменты на мотивы из мира животных, которые Ирод себе позволял к великому неудовольствию ригористов, здесь были совершенно изгнаны и заменены орнаментами из растительного мира. Пристрастие древних обитателей Финикии и Палестины к монолитным сооружениям, высеченным в скале, как бы возрождалось в этих оригинальных гробницах, где греческие ордена так странно примешиваются к зодчеству троглодитов. Иисус, смотревший на произведения искусства как на пышную выставку тщеславия, относился к этим монументам неблагосклонно [3]. Его абсолютный спиритуализм и установившееся убеждение, что образ старого мира преходящ, ограничивали его интересы одним духовным.

Храм в эпоху Иисуса был совсем новым, и внешняя его отделка была даже не совсем окончена. Ирод начал его перестройку в 20 и 21 гг. до Р. Х. с целью согласовать его с характером других сооружений. Неф, или корабль храма, был окончен в восемнадцать месяцев, портики за

[1] Иосиф, Ant., XV, VIII — XI; B. I., V, V, 6; Марка, XIII, 1—2.

[2] Так называемые могилы Судей, Авессалома, Захарии, Иосафата, Св. Иакова. Ср. описание гробницы Маккавеев в Модине (1 книга Маккавейская, XIII, 27 и след.).

[3] Матфея, XXIII, 29; XXIV, 1 и след.; Марка, XIII, 1 и след.; Луки, XXI, 5 и след. Ср. Енох, XCVII, 13—14; Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 33b.

восемь лет [1]; но пристройки подвигались медленно и были окончены лишь незадолго до взятия Иерусалима [2]. Иисус, вероятно, смотрел на работы, производившиеся здесь, не без тайного неудовольствия. Эти расчеты на продолжительное будущее были как бы оскорблением его близкому пришествию. Более проницательный, нежели неверующие и фанатики, он предвидел, что эти прекрасные сооружения очень недолговечны [3].

В общем храм представлял чудное по своей внушительности зрелище, и нынешний *харам* [4], при всей его красоте, едва лишь дает об этом некоторое представление. Его дворы и прилегающие к ним портики были местом ежедневного стечения толпы народа, так что все это громадное пространство служило в одно и то же время храмом, форумом, судом, университетом. Здесь сосредоточивались все пререкания между собой иудейских школ, все каноническое обучение, судебные процессы и гражданские дела, словом, вся деятельность нации [5]. Здесь постоянно шел бой аргументами, как на арене для словесных турниров, оглашавшейся софизмами и хитросплетениями. Таким образом, храм имел большое сходство с мусульманской мечетью. Римляне, относившиеся в эту эпоху с полным уважением к чужеземным религиям, пока они оставались на своей собственной территории [6], не позволяли себе даже входить в это святилище; надписи на греческом и латинском языках указывали, до какого пункта разрешался доступ для неевреев [7]. Но башня Антония, главный центр римской власти, господствовала над всей оградой и позволяла видеть все, что внутри нее происходит [8]. Полицейская власть в храме принадлежала иудеям;

---

[1] Иосиф, Ant., XV, XI, 5, 6.

[2] Иосиф, Ant., XX, IX, 7; Иоанна, II, 20.

[3] Матфея, XXIV, 2; XXVI, 61; XXVII, 40; Марка, XIII, 2; XIV, 58; XV, 29; Луки, XXI, 6; Иоанна, II, 19, 20.

[4] Вогюэ, Le Temple de Lérusalem (Paris, 1864). Нет сомнения, что храм и его ограда занимали место мечети Омара и *харама*, или священного двора, окружающего мечеть. Площадка харама в некоторых своих частях, именно в том месте, куда евреи ходят плакать, составляет самый цоколь Иродова храма.

[5] Луки, II, 46 и след.; Мишна, *Синедрион*, X, 2; Вавил. Талмуд, *Синедрион* 41a; *Рош хашана*, 31a.

[6] Светоний, Aug., 93.

[7] Филон, Legatio ad Caium, 31; Иосиф, B. I., V, V, 2; VI, II, 4; Деяния, XXI, 28.

[8] Следы этой башни и ныне видны в южной части харама.

особый комендант заведовал его управлением, приказывал отпирать и затворять ворота, не позволял входить на паперть с палкой в руке, в пыльной обуви, с какой-либо ношей или с целью сократить путь [1]. Особенно тщательно наблюдалось за тем, чтобы во внутренние портики не вошел кто-либо в состоянии, по закону считающемся нечистым. Среди первого двора были устроены особые помещения для женщин, огороженные деревянными заборами.

Здесь Иисус проводил все дни во время своего пребывания в Иерусалиме. На праздниках в этом городе происходило чрезвычайное стечение народа. Пилигримы группами в десять—двадцать человек заполоняли все и жили той беспорядочной толпой, в которой так нравится жить восточному человеку [2]. Иисус терялся в этой толпе, и его бедные галилеяне, группировавшиеся вокруг него, производили здесь мало впечатления. Вероятно, он чувствовал, что находится здесь среди враждебного мира, который отнесется к нему с полным презрением. Все, что он видел кругом себя, раздражало его. Самый храм, как и вообще всякие места, усиленно посещаемые благочестивыми людьми, представлял собой не слишком поучительное зрелище. Обряды богослужения сопровождались довольно отталкивающими подробностями, и особенно торговлей, ради которой в священной ограде устроился целый ряд лавок. Здесь продавали жертвенных животных; тут же были меняльные лавки; по временам можно было вообразить себя на базаре [3]. Низшие служители при храме, разумеется, исправляли свои обязанности со всей вульгарностью и отсутствием религиозного чувства, свойственными низшему духовенству всех времен. Это пренебрежительное и небрежное обращение с священными предметами оскорбляло религиозное чувство Иисуса, иногда доходившее до щепетильности [4]. Он говорил, что дом молитвы обращен в притон воров. Однажды он не мог сдержать своего негодования, разогнал ударами бича из веревок этих низких продавцов и опрокинул их столы [5]. Вообще он не любил

---

[1] Мишна, *Беракот*, IX, 5; Вавил. Талмуд, *Иебамот*, 6b.; Марка, XI, 16.

[2] Иосиф, В. I., II, XIV, 3; VI, IX, 3. Ср. Псалтирь, пс. 132.

[3] Вавил. Талмуд, *Рош хашана*, 31a; *Синедрион*, 41a; *Шаббат*, 15a.

[4] Марка, XI, 16.

[5] Матфея, XXI, 12 и след.; Марка, XI, 15 и след.; Луки, XIX, 45 и след.; Иоанна, II, 14 и след.

храма. В усвоенном им культе своего Отца не было места этим сценам, годным для бойни. Все эти старинные иудейские установления ему не нравились, и он страдал, когда был вынужден сообразовываться с ними. Таким образом, храм, или место его, не внушали каких-либо благочестивых чувств на первых порах христианства иудействующим христианам. Истинно новые люди испытывали отвращение к этой античной святыне. Константин и первые христианские императоры приказали сохранить языческие постройки Адриана [1]. Только враги христианства, вроде Юлиана, почитали это место [2]. Когда Омар вступил в Иерусалим, место, где находился храм, было преднамеренно загрязнено из ненависти к евреям [3]. И только ислам, то есть в некотором роде восстановление иудаизма в том, что в нем наиболее характерно для семитической расы, воздал ему почести. Это место всегда считалось антихристианским.

Гордость иудеев довершила недовольство ими Иисуса и сделала для него пребывание в Иерусалиме тягостным. По мере того как созревали великие идеи Израиля, первосвященничество приходило в упадок. Учреждение синагог создало огромное преимущество истолкователю Закона, книжнику, перед священником. Священники существовали лишь в Иерусалиме, да и здесь роль их сводилась к выполнению лишь обрядов, подобно нашим приходским священникам, лишенным права проповеди; таким образом, они были оттеснены на задний план оратором синагоги, казуистом, *софером* или книжником, хотя он был и мирянином. Знаменитые талмудисты не были священниками; по понятиям того времени это были ученые. Правда, иерусалимский первосвященник занимал в глазах нации весьма высокий пост, но он отнюдь не стоял во главе религиозного движения. Верховный жрец, достоинство которого было уже унижено Иродом [4], все более и более становился римским сановником [5], и его часто смещали для того, чтобы дать другим воспользоваться выгодами его звания. Почти все священники были противниками фарисеев, этих чрезвычайно экзальтированных ревнителей из мирян, и при-

[1] Itin. a Burdig. Hierus., стр. 152 (изд. Шотта); Св. Иеремия, у Исайи, II, 8, и у Матфея, XXIV, 15.

[2] Аммиан Марцеллин, XXIII, 4.

[3] Евтихий, Ann., II, 286 и след. (Оксфорд, 1659).

[4] Иосиф, Ant., XV, III, 1, 3.

[5] Иосиф, Ant., XVIII, II.

надлежали к секте саддукеев, то есть принадлежали к той неверующей аристократии, которая образовалась при храме, жила на счет алтаря, но ясно видела его суетность [1]. Жреческая каста настолько обособилась от национального чувства и отстала от великого религиозного направления, увлекавшего за собой народ, что самое название «саддукей» (*садоки*), сперва означавшее просто члена жреческого рода Садока, сделалось синонимом «материалиста» и «эпикурейца».

Со времен царствования Ирода Великого в развращении первосвященника принял участие еще более пагубный элемент. Ирод, увлекшись любовью к Мариамне, дочери некоего Симона, сына Воета из Александрии, и желая жениться на ней (около 28 г. до Р. Х.), не нашел другого средства облагородить своего будущего тестя и возвысить его до себя, как сделав его первосвященником. Этот род интриганов и держал в своих руках, почти без перерыва, в течение тридцати пяти лет верховную жреческую власть [2]. Находясь в тесной связи с царствующим домом, он потерял эту власть только после свержения Архелая и снова получил ее (в 42 г. по Р. Х.), когда Ирод Агриппа на некоторое время успел восстановить все, сделанное Иродом Великим. Таким образом, под именем Воетусим [3] была создана новая жреческая аристократия, весьма светская, очень мало набожная, почти сливавшаяся с саддукеями. В Талмуде и в сочинениях раввинов Воетусимы изображаются в виде неверующих и всегда отождествляются с саддукеями [4]. В результате всего этого вокруг храма образовался в своем роде римский двор, живший политикой, отличавшийся малою склонностью к эксцессам религиозного усердия, даже опасавшийся его, не желавший

---

[1] Деяния, IV, 1 и след.; V, 17; XIX, 14; Иосиф, Ant., XX, IX, 1; *Пиркэ Абот*, I, 10. Ср. Тосифта, *Менахот*, II.

[2] Иосиф, Ant., XV, IX, 3; XVIII, VI, 4; XIII, 1; XVIII, I, 1; II, 1; XIX, VI, 2; VIII, 1.

[3] Это название встречается лишь в еврейских документах. Я полагаю, что под «иродианами» в Евангелии именно разумеются *Воетусимы*. Глава у Епифана (Adv. haer., XX) об иродианах имеет мало значения.

[4] *Абот Натан*, 5; *Соферим*, III, 5; Мишна, *Менахот*, X, 3; Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 118a. Название *воетусим* в талмудических книгах часто чередуется с саддукеями или с словом *миним* (еретики). Ср., Тосифта, *Жома*, I, в Иерус. Талмуде, под тем же заглавием, I, 5, и в Вавил. Талмуде, то же заглавие, 19b; Ср. также Марка, VIII, 15, с Матфея, XVII, 16.

ничего слышать о святых людях и новаторах, ибо он существовал на счет установившейся рутины. Эти священники-эпикурейцы не обладали пылкостью фарисеев, они жаждали лишь спокойствия; их безбожность в вопросах нравственности, их холодная нерелигиозность и возмущали Иисуса. Таким образом, при всей разнице между ними первосвященники и фарисеи сливались воедино в его антипатии к ним. Но, будучи чужеземцем и не имея достаточного кредита, он должен был долго таить в самом себе свое неудовольствие и сообщать свои чувства только избранному обществу, которое его сопровождало.

Однако перед своим довольно продолжительным последним пребыванием в Иерусалиме, окончившимся его смертью, Иисус попытался заставить выслушать себя. Он начал проповедовать; о нем заговорили; заговорили и о некоторых делах его, которые почитались чудесами. Но в результате не создалось ни церкви в Иерусалиме, ни группы иерусалимских учеников. Прекрасный учитель, прощавший всем грехи, лишь бы его любили, не мог найти особенного сочувствия в этом святилище суетных диспутов и устарелых жертвоприношений. Все ограничилось тем, что у него создались некоторые добрые отношения, плодами которых он впоследствии мог воспользоваться. Нет основания думать, что именно с той поры завязалось его знакомство с вифанской семьей, доставившее ему столько утешений среди тяжких испытаний последних месяцев его жизни. Но, быть может, тогда начались его отношения с Марией, матерью Марка, в доме которой несколько лет спустя происходило собрание апостолов, и с самим Марком [1]. Весьма рано также он обратил на себя внимание Никодима, богатого фарисея, члена синедриона, человека весьма уважаемого в Иерусалиме [2]. Этот, по-видимому, честный и добродетельный человек почувствовал влечение к молодому галилеянину. Не желая себя компрометировать, он пришел к Иисусу ночью и имел с ним весьма продолжительную беседу [3]. Без сомнения, он

[1] Марка, XIV, 51—52, где neaniskos, по-видимому, и есть Марк; Деяния, XII, 12.

[2] По-видимому, о нем упоминается в Талмуде. Вавил. Талм., *Таанит*, 20a, *Гиттин*, 56a; *Кетубот*, 66b; *Абот Натан*, VII; Мидраш равва, *Ека*, 64a. В *Таанит* он отождествляется с Бунаи, который, по *Синедриону* (см. выше, стр. 159, примеч. 3), был учеником Иисуса. Если же, однако, Бунаи то же лицо, что и Бану у Иосифа, то это сопоставление не имеет никакого значения.

[3] Иоанна, III, 1 и след; VII, 50. Текст этой беседы был вымышлен

вынес из нее благоприятное впечатление, ибо впоследствии он защищал Иисуса от нападок своих собратьев [1], а после смерти Иисуса мы видим, что он благочестиво заботится об останках своего учителя [2]. Никодим не сделался христианином; он думал, что его положение обязывает его не присоединяться к революционному движению, которое еще не насчитывало выдающихся людей в числе своих приверженцев. Но он был очень дружески расположен к Иисусу и оказывал ему услуги, хотя и не был в состоянии спасти его от смертного приговора, который в ту эпоху, до какой мы теперь дошли в нашем рассказе, был уже как бы подписан.

Что касается знаменитых ученых своего времени, то Иисус, по-видимому, не имел с ними отношений. Гиллель и Шаммаи в то время уже умерли. Самым крупным авторитетом был тогда Гамалиил, внук Гиллеля. Это был человек либеральный и светский, преданный мирским наукам, склонный к терпимости благодаря своим связям с высшим обществом [3]. В противоположность фарисеям, которые ходили, набросив на голову покрывало или закрыв глаза, он смотрел на женщин, даже на язычниц [4]. Это ему прощалось, однако, так же как и знание греческого языка, ввиду его близости ко двору [5]. После смерти Иисуса он, говорят, выражал весьма умеренные взгляды насчет новой секты [6]. Из его школы вышел Св. Павел [7]. Но весьма вероятно, что Иисус никогда в ней не бывал.

Иисус вынес из Иерусалима по крайней мере одно убеждение, которое с тех пор крепко в нем укоренилось, что нечего и думать о соглашении с древним иудейским культом. Ему представлялось абсолютно необходимым уничтожение жертвоприношений, которые внушали ему такое отвращение, упразднение нечестивого и высокомерного священства, и в общем смысле отмена Закона. С этого момента он является уже не реформатором, а разрушителем иудаизма. Некоторые из последователей мессианских

автором четвертого Евангелия; тем не менее едва ли можно допустить предположение, что тем же автором вымышлена и самая личность Никодима или, по меньшей мере, роль, которую он играл в жизни Иисуса.

[1] Иоанна, VII, 50 и след.

[2] Иоанна, XIX, 39.

[3] Мишна, *Баба метсия*, V, 8; Вавил. Талмуд, *Сота*, 49b.

[4] Иерус. Талмуд, *Беракот*, IX, 2.

[5] *Сота*, loc. cit., и *Баба кама*, 83a.

[6] Деяния, V, 34 и след.

[7] Деяния, XXII, 3.

идей уже допускали, что Мессия даст новый закон, который будет общим для всего мира [1]. Ессениане, которые были почти неевреи, тоже относились, по-видимому, равнодушно к храму и Моисеевым правилам. Но то была единичная смелая попытка, а не общепризнанная. Иисус первый осмелился сказать, что, начиная с него или, вернее, начиная с Иоанна [2], Закон уже не существует. Если иногда он пользовался более скромными выражениями на этот счет [3], то единственно чтобы не слишком задевать установившиеся предрассудки. Но когда его вынуждали к тому, он приподнимал все завесы и объявлял, что Закон более не имеет никакой силы. В этом отношении он прибегал к сильным сравнениям: «Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани,— говорил он.— Не вливают также вина молодого в мехи ветхие» [4]. В смысле практическом это было его главным, мастерским, творческим деянием. Этот храм изгоняет из своей ограды всех неевреев высокомерными надписями, Иисус это отрицает. Этот сухой, узкий, немилосердный Закон создан только для сынов Авраама. Иисус утверждает, что каждый человек при добром желании, каждый, кто его принимает и любит, есть сын Авраамов [5]. Расовая гордость представляется ему главным врагом, с которым следует бороться. Другими словами — Иисус уже не иудей. Он революционер до крайней степени; он призывает всех людей к культу, основанному на том их общем свойстве, что все они дети Божии. Он провозглашает права человека, а не права иудея; религию человека, а не религию иудея; освобождение человека, а не освобождение иудея [6]. О, как все это далеко от Иуды Гавлонита, от Матфия Марголота, проповедовавших революцию во имя Закона! Основана религия человечества, но основана не на крови, а на сердце. Мир перерос Моисея; нет смысла в существовании храма, и он осужден бесповоротно.

---

[1] Carmina sibyllina, I, III, 573 и след.; 715 и след.; 756—758. Ср. Таргум Ионафана, Исайя, XII, 3.

[2] Луки, XVI, 16. Слова Матфея, XI, 12—13 менее ясны, но они не могут иметь иного значения.

[3] Матфея, V, 17—18 (Ср. Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 116b). Это место нисколько не противоречит другим местам, в которых заключается уничтожение Закона. Оно означает только, что все образы Ветхого Завета осуществились в Иисусе. Ср. Луки, XVI, 17.

[4] Матфея, IX, 16—17; Луки, V, 36 и след.

[5] Луки, XIX, 9.

[6] Матфея, XXIV, 14; XXVIII, 19; Марка, XIII, 10; XVI, 15; Луки, XXIV, 47.

ГЛАВА XIV

ОТНОШЕНИЕ ИИСУСА К ЯЗЫЧНИКАМ И САМАРИТЯНАМ.

Будучи последовательным в своих принципах, Иисус презирал все, что не было религией сердца. Суетные обрядности ханжей [1], внешний ригоризм, который ищет спасения в кривлянии, имели в лице его смертельного врага. Он мало заботился о постах [2]. Он предпочитал жертвоприношению прощение обид [3]. Любовь к Богу, милосердие, взаимное прощение — вот весь его закон [4]. Что может быть менее связано со священством? Священник по самому своему назначению всегда побуждается к общественному богослужению, в котором его участие обязательно; он отвращает от личной молитвы, которая есть способ обходиться без него. Мы тщетно стали бы искать в Евангелии каких-либо религиозных обрядов, установленных Иисусом. Крещение для него имеет лишь второстепенное значение [5], что же касается молитвы, он требует только одного, чтобы она была от сердца. Как это всегда бывает, многие думали заменить у людей слабых духом истинную любовь к добру одними добрыми пожеланиями и воображали достигнуть Царства Небесного, называя Иисуса: *равви, равви*; он отвергал таких людей и говорил, что его религия заключается в делании добра [6]. Часто он цитировал текст из Исайи: «Люди сии чтут меня языком, сердце же их далеко отстоит от меня» [7].

Суббота была главным пунктом, на котором строилось все здание фарисейской мелочности и щепетильности. Это античное и превосходное учреждение сделалось поводом для жалких казуистических диспутов и источником тысячи суеверий [8]. Верили, что сама природа соблюдает субботу; все перемежающиеся источники считались «суб-

---

[1] Матфея, XV, 9.

[2] Матфея, IX, 14; XI, 19.

[3] Матфея, V, 23 и след.; IX, 13; XII, 7.

[4] Матфея, XXII, 37 и след.; Марка, XII, 29 и след.; Луки, X, 25 и след.

[5] Матфея, XXVIII, 19 и Марка, XVI, 16 не передают нам подлинных слов Иисуса. Ср. Деяния, X, 47; 1 посл. к Корин., I, 17.

[6] Матфея, VII, 21; Луки, VI, 46.

[7] Матфея, XV, 8; Марка, VII, 6. Ср. Исайя, XXIX, 13.

[8] См. в особенности Мишна, *Шаббат*, и Livre des Jubilés (перевод с эфиопского Эвальда).

ботниками»[1]. Иисус очень любил побивать своих противников на этом пункте[2]. Он открыто нарушал субботу и на упреки, которые ему делали по этому поводу, отвечал тонкими насмешками. На еще более высоких основаниях он презирал целую кучу современных правил, прибавленных к Закону преданием и поэтому наиболее милых сердцу ханжи. Омовения, чересчур мелочная разборчивость в отношении того, что чисто и нечисто, встречали в нем беспощадного врага: «Можете ли вы тоже омыть вашу душу? — говорил он.— Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из его сердца». Фарисеи, проповедники этого лицемерия, были мишенью всех его ударов. Он обвинял их в том, что они выходят за пределы Закона, выдумывают неисполнимые правила, чтобы создать для людей случаи согрешить: «Слепые, вожди слепых,— говорил он,— а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». «Змии, порождения ехиднины,— прибавлял он,— они говорят только о добром, а внутри злы; они заставляют лгать пословицу: от избытка сердца говорят уста»[3].

Он недостаточно знал язычников, чтобы рассчитывать на их обращении создать что-либо прочное. В Галилее было много язычников, но общественного, организованного культа ложных богов, по-видимому, не существовало[4]. Иисус мог наблюдать развитие такого культа в полном блеске в стране Тира и Сидона, в Кесарии Филиппийской и в Декаполисе[5]. Он мало обращал на него внимания. У него никогда не замечалось этого утомительного педантизма евреев его времени, этих декламаций, направляемых против идолопоклонства, столь обычных у его единоверцев после Александра, и наполняющих, например, всю книгу «Премудрости»[6]. В язычниках его поражает не идолопо-

[1] Иосиф, В. I., VII, V, 1; Плиний, Hist. Nat., XXXI, 18. Ср. Томсон, The Land and the Book, I, стр. 406 и след.

[2] Матфея, XII, 1—14; Марка, II, 23—28; Луки, VI, 1—5; XIII, 4 и след.; XIV, 1 и след.

[3] Матфея, XII, 34; XV, 1 и след.; 12 и след.; XXIII вся; Марка, VII, 1 и след.; 15 и след.; Луки, VI, 45; XI, 39 и след.

[4] Я думаю, что язычники в Галилее находились главным образом на ее границах, например в Кадесе, самое же сердце страны, за исключением города Тивериады, было иудейским. Линия, которой начинаются развалины синагог, в настоящее время ясно обозначается на высоте озера Чулех (Самахонитского). Следы языческой скульптуры, будто бы открытые в Телль-Хуме, сомнительны. Берег моря, в частности город д'Акр, не входил в состав Галилеи.

[5] См. выше, стр. 130.

[6] Главы XIII и след.

клонство, а их рабство [1]. Молодой еврейский демократ, истинный брат в этом отношении Иуды Гавлонита, не признавал иного господина, кроме Бога, и его очень оскорбляли почести, которые воздавались царским особам, и лживые титулы, которые им часто присваивались. Помимо этого, в большинстве случаев, где он встречается с язычниками, он обнаруживает к ним большую снисходительность; иногда он умышленно возлагает на них больше надежд, нежели на иудеев [2]. На них перенесется Царство Божие. «Когда хозяин недоволен теми, кому отдал в наем свой виноградник, что он делает? Он отдает его другим, которые будут приносить ему добрые плоды» [3]. Иисус тем более должен был держаться этой идеи, что по иудейским понятиям обращение язычников является одним из самых верных признаков пришествия Мессии [4]. На празднестве в его Царстве Божием у него возлягут рядом с Авраамом, Исааком и Иаковом люди, пришедшие от всех четырех стран света, между тем как законные наследники Царства будут отвергнуты [5]. Правда, нередко может показаться, что в предписаниях, которые он дает своим ученикам, заключается совершенно противоположная тенденция: он как будто предписывает им проповедовать спасение исключительно правоверным евреям [6]: он отзывается об язычниках сообразно с иудейскими предубеждениями [7]. Но надо припомнить, что его ученики, узкий ум которых не был достаточно восприимчив к этой высшей индифферентности по отношению к достоинству сынов Авраамовых, легко могли изменить предписания своего учителя в духе своих собственных идей [8]. Сверх того, весьма возможно, что Иисус сам несколько видоизменял свое отношение к язычникам, точно так же, как Магомет отзывается в Коране

---

[1] Матфея, XX, 25; Марка, X, 42; Луки, XXII, 25.

[2] Матфея, VIII, 5 и след.; XV, 22 и след.; Марка, VII, 25 и след.; Луки, IV, 25 и след.

[3] Матфея, XXI, 41; Марка, XII, 9; Луки, XX, 16.

[4] Исайя, II, 2 и след.; LX; Амос, IX, 11 и след.; Иеремия, III, 17; Малахия, I, 11; Товит, XIII, 13 и след.; Carmina sibyllina, III, 715 и след. Ср. Матфея, XXIV, 14; Деяния, XV, 15 и след.

[5] Матфея, VIII, 11—12; XXI, 33 и след.; XXII, 1 и след.

[6] Матфея, VII, 6; X, 5—6; XV, 24; XXI, 43.

[7] Матфея, V, 46 и след.; VI, 7, 32; XVIII, 17; Луки, VI, 32 и след.; XII, 30.

[8] В этом нас убеждает то обстоятельство, что, несомненно, подлинные слова Иисуса, Logia Матфея, носят характер всеобщей морали и нисколько не отзываются иудейским ханжеством.

об иудеях — то с самым высоким уважением, то с крайней жестокостью, смотря по тому, надеется ли он привлечь их к себе или нет. Действительно, предание приписывает Иисусу два совершенно противоположных правила прозелитизма, которыми он мог пользоваться поочередно: «Кто не против вас, тот за вас».— «Кто не со мной, тот против меня» [1]. Страстная борьба почти неизбежно влечет за собой такого рода противоречия.

Несомненно, что среди своих учеников он насчитывал много таких людей, которых иудеи называли «эллинами» [2]. Это слово имело в Палестине весьма различное значение. Так назывались то язычники, то иудеи, умеющие говорить по-гречески и живущие среди язычников [3], то люди языческого происхождения, обращенные в иудаизм [4]. Вероятно, у этой последней категории эллинов Иисус пользовался наибольшей симпатией [5]. Присоединение к иудаизму имело много степеней, но прозелиты всегда оставались в состоянии более низком, нежели кровные иудеи. Те, о которых идет здесь речь, назывались «прозелитами врат» или «людьми богобоязненными», и они подчинялись правилам Ноя, а не Моисея [6]. Самая приниженность их была, без сомнения, причиной их сближения с Иисусом, и благодаря ей он относился к ним благосклонно.

То же самое отношение было у него и к самаритянам. Самария, втиснутая наподобие острова между двумя большими провинциями иудаизма (Иудея и Галилея), образовала в Палестине некоторого рода клин, где еще сохранялся древний культ Гаризима, родственного и соперничавшего с культом Иерусалима. Эта бедная секта, не обладавшая ни гением, ни мудрой организацией иудаизма в истинном смысле этого слова, встречала у иерусалимских иудеев

---

[1] Матфея, XII, 30; Марка, IX, 39; Луки, IX, 50; XI, 23.

[2] Иосиф утверждает это категорически (Ant., XVIII, III, 3), и нет основания предполагать здесь подделки в его тексте. Ср. Иоанна, VII, 35; XII, 20—21.

[3] Иерус. Талмуд. *Сота*, VIII, 1.

[4] См. в особенности Иоанна, VII, 35; XII, 20; Деяния, XIV, 1; XVII, 4; XVIII, 4; XXI, 28.

[5] Иоанна, XII, 20; Деяния, VIII, 27.

[6] Мишна, *Баба метсия*, IX, 12; Вавил. Талмудт *Синедрион*, 56b. Деяния, VIII, 27; X, 2, 22, 35; XIII, 16, 26, 43, 50; XVI, 14; XVII, 4, 17; XVIII, 7; посл. к Гал., II, 3; Иосиф, Ant., XIV, VII, 2; Леви, Epigr. Beiträge zur Gesch. der Iuden, стр. 311 и след.

жестокое к себе отношение [1]. Ее ставили на одну доску с язычниками, но относились к ней с еще большею ненавистью [2]. Из духа противоречия Иисус был к ней особенно расположен. Часто он даже предпочитает самаритян правоверным иудеям. Если же в других случаях он как бы запрещает своим ученикам идти к ним с проповедью, оставляя свое Евангелие для чистых израильтян [3], то и здесь, без сомнения, такое предписание вызывалось обстоятельствами и получило в глазах апостолов слишком большое абсолютное значение. Действительно, иногда самаритяне дурно его принимали, ибо предполагали, что и он проникнут предубеждениями своих единоверцев [4]; совершенно так же в наши дни свободомыслящий европеец встречается с мусульманами как враг, ибо они предполагают в нем всегда христианина-фанатика. Иисус умел стоять выше подобных недоразумений [5]. По-видимому, в Сихеме у него было несколько учеников, и он провел здесь по меньшей мере два дня [6]. В одном случае он нашел благодарность и истинное милосердие только у самаритянина [7]. Притча о раненом человеке на дороге в Иерихон принадлежит к числу прекраснейших притч. Проходит священник, видит раненого и продолжает свой путь. Проходит левит и тоже не останавливается. И сжалился над ним самаритянин, который подошел к нему, помазал ему маслом его раны, перевязал их [8]. Отсюда Иисус заключает, что истинное братство между людьми создается милосердием, а не религиозным убеждением. «Ближним» для иудея является прежде всего единоверец [9], а для Иисуса человек милосердный к себе подобному без различия секты. Брат-

---

[1] Екклезиаст, L, 27—28; Иоанна, VIII, 48; Иосиф, Ant., IX, XIV, 3; XI, VIII, 6; XII, V, 5; Иерус. Талмуд, *Абода Цара*, V, 4; *Песахим*, I, 1.

[2] Матфея, X, 5; Луки, XVII, 18; Ср. Вавил. Талмуд, *Холин*, 6а.

[3] Матфея, X, 5—6.

[4] Луки, IX, 53.

[5] Луки, IX, 56.

[6] Иоанна, IV, 39—43. Все это подвержено некоторому сомнению, благодаря тому, что только Лука и автор четвертого Евангелия, которые оба были антииудейского направления и поэтому старались доказать, что Иисус был благосклонен к язычникам, одни упоминают об этих отношениях Иисуса к самаритянам и при этом впадают в противоречие по данному поводу с Матфеем (X, 5).

[7] Луки, XVII, 16 и след.

[8] Луки, X, 30 и след.

[9] Текст в книге Левит, XIX, 18, 33 и след. имеет гораздо более широкий смысл; но круг братства в иудейских понятиях все более суживался.

ство между людьми в самом широком смысле этого слова проповедуется во всех его поучениях.

Эти мысли, теснившиеся в голове Иисуса при выходе его из Иерусалима, нашли себе яркое выражение в одном эпизоде, который относится именно к его обратному пути из Иерусалима [1]. Дорога из Иерусалима в Галилею проходит в расстоянии получаса пути от Сихема [2], перед входом в долину, над которой господствуют горы Эбал и Гаризим. Иудейские пилигримы по большей части избегали этой дороги, предпочитая сделать большой крюк через Перею, лишь бы не подвергаться притеснениям со стороны самаритян и не обращаться к ним с какими-либо просьбами. Было запрещено пить и есть с ними [3]; для некоторых казуистов считалось аксиомой, что «кусок хлеба самаритянина то же, что свиное мясо» [4]. Поэтому если иудеи и шли этой дорогой, то наперед запасались пищей; и при этом им все-таки редко удавалось избегнуть побоев и дурного обращения [5]. Иисус не разделял ни этих предубеждений, ни этих опасений. Дойдя до того места пути, где с левой стороны открывается долина Сихема, он почувствовал усталость и захотел отдохнуть у колодца. В то время, как и теперь, самаритяне имели обыкновение давать всем пунктам своих долин названия, связанные с воспоминаниями из эпохи патриархов; этот колодец назывался у них «колодцем Иакова»; вероятно, это был тот самый, который доныне носит название *Бир-Якуб*. Ученики вошли в долину и направились в город за провизией. Иисус сел возле колодца; перед ним открывался вид на гору Гаризим.

Около полудня из Сихема пришла одна женщина за водой. Иисус попросил у нее напиться и этим чрезвычайно ее удивил, так как обыкновенно иудеи избегали всяких сношений с самаритянами. Разговор с Иисусом совершенно покорил ее, она признала в нем пророка и, ожидая с его стороны упреков за свою веру, предупредила их: «Господи,— сказала она,— отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно

---

[1] Иоанна, IV, 4 и след.

[2] Ныне *Наплус*. Из слов Иоанна, IV, 5, вытекает, что Sychar есть Сихем; ср. Бытие, XXXIII, 19; XLVIII, 22, и Иисус Навин, XXIV, 32.

[3] Луки, IX, 53; Иоанна, IV, 9.

[4] Мишна, *Шебеит*, VIII, 10; повторяется и в других местах Талмуда.

[5] Иосиф, Ant., XX, V, 1; B. I., XII, II, 3; Vita, 52.

поклоняться, находится в Иерусалиме». Иисус говорит ей: «Поверь мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине» [1].

В день, когда он произнес эти слова, он поистине был Сыном Божиим. Тогда он высказал то слово, на котором должно было покоиться все здание вечной религии. Этим словом он создавал чистый культ, не имеющий ни эпохи, ни родины, находящийся вне времени и пространства, культ, который будут исповедовать все возвышенные души впредь до скончания века. В этот день его религия стала не только истинной религией человечества, но абсолютной религией; и если на других планетах существуют обитатели, одаренные разумом и нравственностью, их религия не может быть иной, нежели та, которую возвестил Иисус у колодца Иакова. Человек не сумел держаться этой религии, ибо идеала удается достигнуть лишь на один момент. Слово Иисуса было проблеском света среди ночного мрака, и понадобилось восемнадцать веков для того, чтобы глаза человечества (что я говорю! — лишь бесконечно малой части человечества) привыкли к этому свету. Но проблеск света обратится в ясный день, и, пройдя весь цикл заблуждений, человечество возвратится к этому слову, как к бессмертному выражению своей веры и своих надежд.

ГЛАВА XV

НАЧАЛО ЛЕГЕНДЫ ОБ ИИСУСЕ. СОБСТВЕННОЕ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СВОЕЙ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЙ РОЛИ.

Иисус возвратился в Галилею окончательно отрешившимся от своих еврейских верований и в ярко революционном настроении. С этого времени его идеи

[1] Иоанна, IV, 21—23. Не следует особенно настаивать на исторической реальности этой беседы, так как передать ее содержание могли только Иисус и его собеседница. Но эпизод, передаваемый в IV гл. Евангелия от Иоанна, без сомнения, излагает нам одну из сокровеннейших мыслей Иисуса, и большая часть обстоятельств этого повествования по своему характеру поразительно правдива. Ст. 22 по мысли своей, составляющей противоположность стихам 21 и 23, представляется неудачным добавлением евангелиста, который сам испугался смелости передаваемых им слов. Это обстоятельство, равно как и слабость в исполнении всего остального эпизода со своей стороны утверждают в мысли, что только в стихах 21 и 23 передаются нам подлинные слова Иисуса.

начали формулироваться с полной отчетливостью. Невинные афоризмы первого пророческого периода его жизни, частью заимствованные у его предшественников, прекрасные проповеди нравственности второго периода теперь переходят в решительную политику. Закон будет отменен, и именно он отменит его [1]. Мессия явился, и именно он этот Мессия [2]. Царство Божие скоро объявится, и именно он его объявит. Он знает, что падет жертвой своей смелости, но Царство Божие не может быть завоевано без насилия; оно водворится путем катастроф и раздоров [3]. Но после своей смерти Сын Человеческий возвратится в славе, в сопровождении легионов ангелов, и те, кто его отвергал, будут посрамлены.

Смелость такой идеи не должна нас удивлять. Иисус уже задолго до этого чувствовал себя по отношению к Богу как сын по отношению к отцу. То, что у всякого другого казалось бы невыносимой горделивостью, у него не может быть рассматриваемо с этой точки зрения.

Титул «сын Давида» был первый, который он принял [4], причем, вероятно, он вовсе не участвовал в невинных подтасовках, сделанных в подтверждение его прав на это наименование. По-видимому, род Давида в то время давно уже пресекся [5]; ни Асмонеи, ни Ирод, ни римляне ни на минуту не подозревали, что где-нибудь по соседству с ними может скрываться кто-либо из представителей древней

---

[1] Против этого толкования приводят серьезные возражения в виде сомнений среди непосредственных учеников Иисуса, значительная часть которых осталась верна иудаизму. Но процесс против Иисуса не оставляет места для сомнений. Мы увидим ниже, что синедрион относился к нему как к «соблазнителю». Талмуд приводит процедуру суда против него как пример, которому должно следовать по отношению к «соблазнителям», покушающимся ниспровергнуть Закон Моисея (Иерус. Талмуд, *Синедрион*, XIV, 16; Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 43а, 67а). Ср. Деяния, VI, 13—14.

[2] Постепенное нарастание заявлений Иисуса в этом отношении можно проследить, сравнив Матфея, XVI, 13 и след.; Марка, I, 24, 25, 34; VIII, 27 и след.; XIV, 6; Луки, IX, 18 и след.

[3] Матфея, XI, 12.

[4] Посл. к Римл., I, 3; Апокалипсис, V, 5; XXII, 16.

[5] Правда, некоторым ученым, как, например, Гиллелю, Гамалиилу, приписывалось происхождение из рода Давида. Но это притязание весьма сомнительного характера. Ср. Иерус. Талмуд, *Таанит*, IV, 2. Если бы род Давида сохранился в виде сколько-нибудь заметной и имеющей известность группы, то каким образом в великих смутах той эпохи она никогда не фигурирует наряду с садокитами, воетузами, асмонеями, иродианами? Гегезин и Евсевий, Hist. eccl., III, 19 и 20, сообщают не более как отголоски христианского предания.

династии. Но с прекращением династии Асмонеев мечта о неведомом потомке древних царей постоянно кружила всем головы. Общим верованием было, что Мессия будет сыном Давидовым [1] и, подобно ему, родится в Вифлееме [2]. Но не такова была первоначальная мысль Иисуса. Его Небесное Царство не имело ничего общего с воспоминанием о Давиде, которым были заняты иудейские умы. Он воображал себя Сыном Божиим, а не сыном Давида. Его царство и освобождение, о котором он помышлял, были совершенно иного порядка. Но в этом отношении общее мнение произвело на него давление. Необходимым следствием первой посылки, что «Иисус есть Мессия», является вторая посылка, что «Иисус сын Давида». Он позволял называть себя этим именем, ибо без него не мог надеяться на какой бы то ни было успех. По-видимому, кончилось тем, что это стало ему нравиться, ибо он охотнее совершал чудеса, когда, обращаясь к нему, ему давали это имя [3]. В этом, как и во многих других обстоятельствах своей жизни, Иисус уступал общераспространенным идеям своей эпохи, хотя и не вполне разделял их. К своему догмату о Царстве Божием он прибавлял все, что подогревало сердца и воображение. Мы видели, что таким образом он принял крещение Иоанна, которое, однако, в его глазах не должно было иметь особенно важного значения.

Но тут явилось крупное затруднение в виде всем известного обстоятельства, что он родился в Назарете. Неизвестно, оспаривал ли это возражение сам Иисус. Быть может, оно совсем не возникало в Галилее, где идея, что сын Давидов должен родиться в Вифлееме, была менее распространена. Сверх того, для галилеянина-идеалиста титул сына Давидова достаточно оправдывался тем, что тот, кто его носит, возвышает славу своей расы и возвращает на землю прекрасные дни Израиля. Подтверждал ли Иисус своим молчанием вымышленные родословные, которые выдумывали его последователи с целью доказать

---

[1] Матфея, XXII, 42; Марка, XII, 35; Луки, I, 32; Деяния, II, 20 и след.; 4 книга Ездры, XII, 32 (в переводах сирийском, арабском, эфиопском и армянском). *Бен-Давид* в Талмуде зачастую означает Мессию. См., например, Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 97а.

[2] Матфея, II, 5—6; Иоанна, VII, 41—42. В этом отношении пользовались довольно произвольно текстом Михея, V, 1, быть может, измененным. Ср. Таргум Ионафана. В первоначальном еврейском тексте значилось, вероятно, *Вет-Ефрата*.

[3] Матфея, IX, 27; XII, 23; XV, 22; XX, 30—31; Марка, X, 47, 52; Луки, XVIII, 38.

его царское происхождение? [1] Известны ли были ему, хотя бы отчасти, легенды, придуманные для того, чтобы признать местом его рождения Вифлеем [2], и, в частности, известна ли ему была та уловка, которая связывала его рождение в Вифлееме с переписью, произведенной по распоряжению римского легата Квириния? [3] Мы не можем на это ответить. Неточности и противоречия, встречающиеся в его родословных [4], заставляют думать, что они составляют результат работы народной мысли в различных местах и что ни одна из них не была санкционирована Иисусом [5]. Сам лично он никогда не называл себя сыном Давидовым. Ученики его, как люди менее просвещенные, иногда преувеличивали то, что он говорил о самом себе; чаще всего он и не знал ничего об этих преувеличениях. Прибавим еще к этому, что в течение первых трех веков значительные фракции христианства [6] упорно отрицали царское происхождение Иисуса и достоверность его родословных.

Таким образом, его легенда явилась плодом обширного и совершенно произвольного замысла и вырабатывалась вокруг него при его жизни. Ни одно великое событие в истории не обходилось без целого цикла басен, и Иисус, если бы и хотел, не мог бы остановить этого народного творчества. Быть может, проницательный глаз сумел бы уже с этой поры различить зародыш повествований, в которых Иисусу должны были приписать сверхъестественное происхождение [7] или в силу весьма распрост-

---

[1] Матфея, I, 1 и след.; Луки, III, 23 и след.

[2] Замечательно, сверх того, что в трех или четырех верстах от Назарета находился другой Вифлеем. Иисус Навин, XIX, 15; карта Ван-де-Вельде.

[3] Матфея, II, 1 и след.; Луки, II, 1 и след.

[4] Обе родословные его совершенно не согласуются между собой и мало соответствуют Ветхому Завету. В повествовании Луки о переписи Квириния обнаруживается анахронизм. См. выше, стр. 63 и 64, примечания. Наконец, естественно, что легенда воспользовалась этим обстоятельством. Переписи сильно волновали иудеев, противоречили их узким понятиям, и о них сохранялось воспоминание надолго. Ср. Деяния, V, 37.

[5] Юлий Африкан (у Евсевия, Hist. eccl., I, 7) предполагает, что пытались сочинять родословные Иисуса его родственники, нашедшие убежище в Вифании.

[6] Евионимы, «евреи», «назореи». Татиен, Марсион. Ср. Епиф., Adv. haer., XXIX, 9; XXX, 3, 14; XLVI, 1; Феодорит, Haeret. fab., I, 20; Исидор Пелузский, Epist., I, 371, Ad Pansophium.

[7] Матфея, I, 18 и след.; Луки, I, 26 и след. Конечно, в I веке это не было всеобщим догматом, ибо Иисуса без всяких оговорок называли

раненной в древности идеи, что необыкновенный человек не может родиться от обычных половых отношений; или для того, чтобы согласовать его рождение с неправильно понятой главой из Исайи [1], которая толковалась в том смысле, что Мессия родится от девы; или, наконец, как вывод из идеи, что «Дух Божий», воплощенный в божественной ипостаси, есть начало плодовитости [2]. Быть может, относительно детства Иисуса ходил уже не один анекдот, сочиненный для того, чтобы доказать в самой биографии его осуществление мессианского идеала [3] или, лучше сказать, пророчеств, которые относились экзегетикой аллегорий того времени к Мессии. Общее распространение имело в то время поверье, что Мессию возвестит звезда [4], что придут послы из дальних стран поклониться новорожденному и поднести ему дары [5]. Предполагалось, что пророчество это осуществилось в лице халдейских астрологов, которые будто бы посетили Иерусалим около этого времени. Другие приписывали Иисусу с самых пеленок сношения с знаменитыми людьми его эпохи: каковы Иоанн Креститель, Ирод Великий, двое старцев, Симеон и Анна, которые, по преданию, были известны своей святостью [6]. Эти комбинации подтверждались довольно сомнительной хронологией и в большинстве случаев основывались на совершенно извращенных реальных фактах [7]. Но все эти басни были проникнуты духом удивительной нежности и доброты, чисто народным чувством, и благодаря этому они явились необходимым дополнением к проповеди [8]. После смерти Иисуса все подобного рода рассказы получили

тогда «сыном Иосифа», и обе родословные, предназначавшиеся для установления его происхождения от линии Давида, являются родословными Иосифа. Ср. посл. к Гал., IV, 4; посл. к Римл., I, 3.

[1] Исайя, VII, 14; Ср. Матфея, I, 22—23.

[2] Бытие, I, 2. Об аналогичных идеях у египтян сообщают Геродот, III, 28; Pomp. Mela, I, 9; Плутарх, Quaest. 3; symp., VIII, 1, 3; De Iside et Osir., 43; Мариэтт, Mém. sur la mére d'Apis (Paris, 1856).

[3] Матфея, I, 15, 23; Исайя, VII, 14 и след.

[4] *Завещание двенадцати патриархов*, Левий, 18. На это верование указывает название *Варкокаб*. Иерус. Талмуд, *Таанит*, IV, 8. Ссылались также на Числа, XXVII, 17.

[5] Исайя, LX, 3; Псалтирь, LXXII, 10.

[6] Луки, II, 25 и след. (плохой авторитет).

[7] Легенда об избиении младенцев относится, вероятно, к какому-либо зверству, совершенному Иродом вблизи Вифлеема. Ср. Иосиф, Ant., XIV, IX, 4; B. I., IXXXIII. 6.

[8] Матфея, I и II; Луки, I и II; Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 78, 106. Первоевангелие Иакова (апокриф.), 18 и след.

особенно широкое распространение, но можно думать, что они ходили также и при жизни его, нигде не встречая ничего, кроме набожного доверия и наивного восхищения.

Едва ли можно сомневаться в том, что сам Иисус никогда не помышлял выдавать себя за воплотившегося Бога. Такого рода идея положительно чужда еврейскому уму, и в Евангелиях синоптиков нет ни следа чего-либо подобного [1]; намеки на нее встречаются лишь в той части четвертого Евангелия, которую менее всего можно считать отголоском истинных идей Иисуса. Иногда Иисус как бы принимает даже меры к тому, чтобы отвергнуть подобного рода учение [2]. Даже и в четвертом Евангелии обвинение в том, что он объявлял себя Богом или равным Богу, выставляется клеветой со стороны иудеев [3]. В этом же Евангелии Иисус заявляет, что Отец более его [4]. Сверх того, он признает, что Отец открыл ему не все [5]. Он считает себя выше обыкновенного человека, но от Бога его отделяет целая бесконечность. Он Сын Божий, но и все люди сыны Бога или могут до известной степени сделаться таковыми [6]. Все люди ежедневно должны называть Бога своим Отцом; все воскресшие будут сынами Божиими [7]. В Ветхом Завете то же сыновнее родство с Богом приписывалось личностям, которых отнюдь не считали равными Богу [8]. На семитических языках и на языке Нового Завета слово «сын» в фигуральном смысле может иметь самое широкое значение [9]. Сверх того, Иисус составил себе о че-

---

[1] Некоторые места, как, например, Деяния, II, 22, даже совершенно исключают ее.

[2] Матфея, IV, 10; VII, 21, 22; XIX, 17; Марка, I, 44; III, 12; X, 17, 18; Луки, XVIII, 19.

[3] Иоанна, V, 18 и след.; X, 33 и след.

[4] Иоанна, XIV, 28.

[5] Марка, XIII, 35.

[6] Матфея, V, 9, 45; Луки, III, 38; VI, 35; XX, 36; Иоанна, I, 12—13; X, 34—35. Ср. Деяния, XVII, 28—29; посл. к Римл., VIII, 14—17; 19, 21, 23; IX, 26; 2 посл. к Коринф., VI, 18; посл. к Гал., III, 26; IV, 1 и след.; посл. к Филим., II, 15; посл. Варнавы, 14 (стр. 10, Гильгенфельд, по Codex sinaiticus) и в Ветхом Завете, Второзаконие, XIV, 1 и в особенности Премудрость Соломона, II, 13, 18.

[7] Луки, XX, 36.

[8] Бытие, VI, 2; Иов, I, 6; II, 1; XXVIII, 7; Псалтирь, II, 7; LXXXII, 6; 2 книга Царств, VII, 14.

[9] Сыны диавола (Матфея, XIII, 38; Деяния, XIII, 10); сыны мира сего (Марка, III, 17; Луки, XVI, 8; XX, 34); сыны света (Луки, XVI, 8; Иоанна, XII, 36); сыны воскресения (Луки, XX, 36); сыны царства

ловеке совсем не то невысокое представление, до которого низвел человека холодный деизм. По его поэтическому познаванию природы вся вселенная проникнута единым дыханием: дыхание человека есть дыхание Бога; Бог обитает в человеке и живет человеком, точно так же, как и человек обитает в Боге и живет Богом [1]. Трансцендентальный идеализм Иисуса никогда не позволял ему ясно определять свою собственную личность. Он в своем Отце, и Отец в нем. Он живет в своих учениках и всюду с ними [2]; он и его ученики составляют одно целое, как и Отец его с ним одно целое [3]. В идее для него заключается все; тело, обуславливающее индивидуальные отличия, есть ничто.

Таким образом, название «Сын Божий», или просто «Сын» [4], стало для Иисуса аналогичным с «Сыном Человеческим», а следовательно, и синонимом Мессии, с той только разницей, что он называл сам себя только «Сыном Человеческим» и, по-видимому, никогда сам не присваивал себе названия «Сына Божия» [5]. Названием «Сын Человеческий» он выражал свое право судьи, а «Сын Божий» — свое участие в высших предначертаниях и свое могущество. Это могущество беспредельно. Власть эта дана ему его Отцом. Он получил власть даже отменить субботу [6]. Никто не может знать Отца иначе как через Сына [7]. Отец передал ему право судить [8]. Природа ему повинуется; но она повинуется также и всякому, кто верит и молится;

(Матфея, VIII, 12; XIII, 38); сыны чертога брачного (Матфея, IX, 15; Марка, II, 19; Луки, V, 34); сыны геенны огненной (Матфея, XXIII, 15), сыны мира (Луки, X, 6) и пр. Напомним, что Юпитер язычников был patēr andrōn te theōn te.

[1] Ср. Деяния, XVII, 28.

[2] Матфея, XVIII, 20; XXVIII, 20.

[3] Иоанна, X, 30; XVII, 21; ср. вообще все последние поучения, передаваемые четвертым Евангелием, в особенности в главе XVII, которые прекрасно выражают одну из сторон психологического состояния Иисуса, хотя их и нельзя признать истинно историческими документами.

[4] Тексты, подтверждающие это, слишком многочисленны, чтобы приводить их здесь.

[5] Иисус пользуется названием «Сына Божия» или просто «Сына» вместо местоимения личного «я» только в четвертом Евангелии. У Матфея, XI, 27; XXVIII, 19; Марка, XIII, 32; Луки, X, 22 он дает себе это название лишь косвенно. Сверх того, тексты Матфея, XI, 27 и Луки, X, 22, в системе синоптиков являются позднейшими вставками, соответствующими типу поучений четвертого Евангелия.

[6] Матфея, XII, 8; Луки, VI, 5.

[7] Матфея, XII, 27; XXVIII, 18; Луки, X, 22.

[8] Иоанна, V, 22.

вера всемогуща [1]. Надо помнить, что ни у него, ни у его слушателей не было ни малейшего понятия о законах природы, ограничивающих пределы возможного. Видевшие его чудеса благодарили Бога за то, что он дал такую власть людям. Он отпускает грехи [2]; он выше Давида, Авраама, Соломона, пророков [3]. Нам известно, в какой именно форме и в какой мере это утверждалось. Иисуса нельзя судить по правилам наших мелочных условностей. Восхищение, которое он вызывал у учеников, действовало на него и увлекало его. Очевидно, что титул *равви*, которым он сперва довольствовался, теперь его уже не удовлетворяет; даже титул пророка или посланного от Бога уже не соответствует настроению его мыслей. Положение, которое он себе приписывает, свойственно сверхчеловеческому существу; он хочет, чтобы за ним признали отношения к Богу высшего порядка, нежели у остальных людей. Надо, однако, заметить, что слова «сверхчеловеческий» и «сверхъестественный», заимствованные у нашего богословия, не имели никакого смысла в высоком религиозном познании Иисуса. Для него и природа, и развитие человека не составляли собой определенных ограниченных областей вне Бога, жалкой реальности, подчиненной законам, непреложным до отчаянья. Для него не было ничего сверхъестественного, ибо не было для него природы. В своем опьянении бесконечной любовью он забывал тяжелые цепи, которые держат ум в плену; одним скачком он переносился через пропасть, которая отделяет человека от Бога благодаря ограниченности человеческих способностей и которая для большинства людей составляет непреодолимое препятствие.

Нельзя не признать, что в этих положениях Иисуса заключался зародыш той доктрины, которая впоследствии возвела его на степень одного из лиц Божества [4], отождествив его со «Словом», или «Вторым Богом» [5], или «Старшим сыном Бога» [6], или с «Ангелом метатроном» [7], этим созда-

[1] Матфея, XVII, 18—19; Луки, XVII, 6.

[2] Матфея, IX, 2 и след.; Марка, II, 5 и след.; Луки, V, 20; VII, 47—48.

[3] Матфея, XII, 41—42; XXII, 43 и след.; Марка, XII, 6; Иоанна, VIII, 25 и след.

[4] См. в особенности Иоанна, XIV и след.

[5] Филон, цит. по Евсевию, Praep. evang., VII, 13.

[6] Филон, De migr. Abr., § 1; Quod Deus immut., § 6; De confus. ling., § § 14 и 28; De profugis, § 20; De somniis, I, § 37; De agric. Noë, § 12; Quis rerum divinarum haeres sit, § 25 и след., 48 и след., и пр.

[7] Metathronos, то есть разделяющий престол с Богом; божествен-

нием иудейского богословия [1]. Созданием подобной теологии руководила потребность внести поправку в крайнюю суровость древнего монотеизма и поставить рядом с Богом другое существо, ассистента, которому Отец Предвечный мог бы вверять управление вселенной. Уже начинало распространяться верование, что некоторые люди являются воплощением божественных способностей или «сил»; у самаритян около этой эпохи был чудотворец, которого называли «великой силой Божией» [2]. Уже в течение двух веков умозрительная философия иудаизма склонялась к тому, чтобы создавать отдельные лица из божественных атрибутов или из отдельных выражений, относящихся к Божеству. Таким образом, «Дух Божий», о котором часто упоминается в Ветхом Завете, рассматривается как особое существо, «Святой Дух». Точно так же «Премудрость Божия», «Слово Божие» становятся вполне самобытными лицами. То был зародыш процесса, давшего в результате *сефирот* кабалистики, *эоны* гностицизма, лица или ипостаси христиан, словом, всю ту сухую мифологию, состоящую из олицетворенных отвлечений, к которой должен прибегать монотеизм, когда он желает ввести в понятие о Боге многообразность.

По-видимому, Иисус чуждался этих богословских тонкостей, которые вскоре должны были наполнить мир бесплодными препирательствами. Метафизическая теория Слова в том виде, как она встречается в сочинениях ее современника Филона, в халдейских *таргум* и даже в кни-

---

ный секретарь, который ведет список заслуг и грехов: Берешит равва, V, 6с; Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 38b; *Хагига*, 15а; Таргум Ионафана, Бытие, V, 24.

[1] В этой теории Слова (Logos) вовсе нет греческих элементов. Сопоставление этого понятия с «гоновер» парсов также ни на чем не основано. «*Минохиред*», или «божественный разум», скорее представляет аналогию с иудейским Logos (см. отрывки из книги, озаглавленной *Минохиред* у Шпигеля, Parsi-Grammatik, стр. 161—162). Но развитие, которое получило учение *Минохиред* у парсов, относится к более поздней эпохе и может внушать мысль о чужеземном влиянии. «Божественный разум» (*Майниу-Крату*) встречается в зендских книгах, но не служит здесь основанием какой-либо теории; термин этот входит только в некоторые призывания. Сближения, которые пытались делать между теорией иудеев и христиан о «Слове» и некоторыми пунктами египетской теологии, быть может, имеют известное значение. Но этих сближений все-таки недостаточно, чтобы доказывать, будто эта теория является заимствованием у Египта.

[2] Деяния, VIII, 10.

ге «Премудрости» [1], нисколько не проглядывает ни в Logia Матфея, ни вообще в синоптических Евангелиях, столь точно передающих подлинные слова Иисуса. Действительно, учение о Слове не имело ничего общего с мессианством. «Слово» Филона и *Таргума* отнюдь не то же, что Мессия. Лишь позднее начали отождествлять Слово с Иисусом и, исходя из этого принципа, создавать целое новое богословие, весьма отличное от учения о Царстве Божием [2] По существу, Слову принадлежит роль создателя и провидения, Иисус же никогда не заявлял притязаний ни на то, что он создал мир, ни на то, что он им управляет. Роль его будет в том, чтобы судить мир, обновить его. Он претендовал лишь на председательство в суде при конце мира, и все первые христиане приписывали ему именно это значение [3]. До наступления великого дня он сидит одесную Отца в качестве его *метатрона,* первого министра и будущего мстителя [4]. Сверхчеловеческий Христос византийских хоров, сидящий в качестве судии среди апостолов, которые аналогичны с ним и выше ангелов, призванных только ассистировать и служить им, вот вполне точное образное представление понятия о «Сыне Человеческом», первые следы которого так резко намечаются еще в книге Даниила.

Во всяком случае, тому миру вовсе не была свойственна строгая точность обдуманной схоластики. Вся совокупность изложенных нами идей в уме учеников складывалась в столь неопределенную богословскую систему, что Сын Божий, этот двойник божества, в их представлении действует совершенно как человек. Он подвергается искушению, он не ведает многих вещей, он исправляется, меняет свои взгляды [5]; он бывает угнетен, теряет мужество;

---

[1] Премудрость Соломона, IX, 1—2; XVI, 12. Ср. VII, 12; VIII, 5 и след.; IX и вообще IX — XI. Эти просопопеи олицетворенной Премудрости встречаются даже и в более древних книгах. Притчи, XIII, IX; Иов, XXVIII.

[2] Апокалипсис, XIX, 13; Иоанна, I, 1—14. Прошу, впрочем, заметить, что даже и в четвертом Евангелии выражение «Слово» употребляется только в прологе, и повествователь ни разу не влагает его в уста самого Иисуса.

[3] Деяния, X, 42; посл. к Римл., II, 16; 2 посл. к Коринф., V, 10.

[4] Матфея, XXVI, 64; Марка, XVI, 19; Луки, XXII, 69; Деяния, VII, 55; посл. к Римл., VIII, 34; посл. к Ефес., I, 20; посл. к Колосс., III, 1; посл. к Евр., I, 3, 13; VIII, 1; X, 12; XII, 2; 1 посл. Петра, III, 22. См. цитир. выше тексты о роли еврейского метатрона.

[5] Матфея, X, 5; ср. с XXVIII, 19; Марка, VII, 24, 27, 29.

он просит Отца избавить его от испытаний; он покоряется Богу, как сын покоряется отцу [1]. Ему предстоит судить мир, а дня суда он не знает [2]. Он принимает меры, чтобы обеспечить свою безопасность [3]. Вскоре после его рождения приходится скрыть его, чтобы спасти от могущественных людей, желавших убить его [4]. При заклинаниях дьявол издевается над ним и не сразу отходит [5]. В его чудесах чувствуется тяжкое усилие, утомление, как будто «нечто выходит из него» [6]. Все это просто деяния человека, посланного Богом, человека, которому Бог покровительствует и благоприятствует [7]. Тут нечего требовать ни логики, ни последовательности. Разноречивость показаний обусловливается потребностью Иисуса внушить в себя веру и энтузиазмом его учеников. Для мессианцев школы тысячелетников, для закоренелых читателей книг Даниила и Еноха он был Сыном Человеческим; для иудеев общей веры, для читателей Исайи и Михея он был Сыном Давида; для своих последователей он был Сыном Божиим или просто Сыном. Другие принимали его за воскресшего Иоанна Крестителя, и ученики не порицали их за это; или за Илию, за Иеремию, согласно народному верованию, что древние пророки восстанут, чтобы приуготовить эпоху Мессии [8].

Непоколебимое убеждение или, вернее, энтузиазм, исключавший у него всякую возможность сомнения, покрывал всю эту смелость. Мы с нашими холодными и боязливыми натурами плохо понимаем, как можно быть до такой степени во власти идеи, апостолом которой выступаешь. Для нас, глубоко серьезных людей, убеждение вместе с тем предполагает и искренность. Но искренность не имеет особенного значения у восточных народов, не очень привычных к тонкостям критического ума. Добросовестность и обман в нашем прямолинейном сознании — понятия, друг друга взаимно исключающие. На Востоке от

---

[1] Матфея, XXVI, 39 и след.; Марка, XIV, 32 и след.; Луки, XXII, 42 и след.; Иоанна, XII, 27.

[2] Марка, XIII, 32. Ср. Матфея, XXIV, 36.

[3] Матфея, XII, 14, 16; XIV, 13; Марка, III, 6—7; IX, 29—30; Иоанна, VII, 1 и след.

[4] Матфея, II, 20.

[5] Матфея, XVII, 20; Марка, IX, 25.

[6] Луки, VIII, 45, 46; Иоанна, XI, 33, 38.

[7] Деяния, II, 22.

[8] Матфея, XIV, 2; XVI, 14; XVII, 3 и след.; Марка, VI, 14—15; VIII, 28; Луки, IX, 8 и след.; 19.

одного к другому существуют тысячи переходов и оттенков. Авторы апокрифических книг (например, Даниила, Еноха), в высшей степени экзальтированные люди, совершали ради своего дела и, конечно, без малейшей тени сомнения деяние, которое мы назвали бы подлогом. Для восточного человека фактическая правда имеет весьма мало значения; он все видит сквозь призму своих предрассудков, интересов, страстей.

История станет невозможной, если не допустить открыто, что для искренности существует много мерок. Вера не знает иного закона, кроме выгоды для того, что она считает истиной. Так как цель, которую она преследует, для нее абсолютно священна, то она без всяких затруднений подтверждает свой тезис плохими аргументами, когда хороших оказывается недостаточно. Если данное доказательство неосновательно, то сколько других зато неопровержимы!.. Если данного чуда не было в действительности, зато сколько было других!.. Сколько благочестивых людей, убежденных в истинности своей религии, пытались восторжествовать над упорством людей при помощи средств, негодность которых они сами понимали! Сколько стигматиков, конвульсионеров, сколько «одержимых» в монастырях были вовлечены влиянием мира, среди которого они жили, и собственной верой в притворство, то из желания не остаться позади других, то из желания поддержать свое дело, которому угрожала опасность! Все великое совершается народом, народом же нельзя руководить, не разделяя его идей. Философ, который, зная это, уединяется и замыкается в своем благородстве, заслуживает высокой похвалы. Но нельзя порицать того, кто берет человечество со всеми его иллюзиями и пытается влиять на него· и через него. Цезарь отлично знал, что он не сын Венеры. Франция не была бы тем, что она есть, если бы в течение тысячи лет не существовало веры в святое миро Реймса. Нам, в нашем бессилии, нетрудно называть это ложью и, гордясь нашей робкой честностью, презрительно относиться к героям, которые приняли битву с жизнью при совершенно иных условиях. Когда нам с нашей разборчивостью удастся совершить то, что те сделали своими обманами, тогда мы будем иметь право строго судить их. И, по крайней мере, следует делать коренное различие между такими обществами, как наше, где все происходит при ярком свете разума, и теми наивными и доверчивыми обществами, в которых зародились верования, господст-

вовавшие в течение веков. Нет великого дела, которое бы не было основано на легенде. Единственно, кто в этом виноват, это человечество, которое желает быть обманутым.

ГЛАВА XVI

ЧУДЕСА.

По мнению современников Иисуса, было только два доказательства сверхъестественности его миссии — чудеса и осуществление пророчеств, и ученики его прибегали к обоим этим способам доказательства с полной добросовестностью. Уже давно Иисус убедился в том, что пророки писали, имея в виду именно его. Он находил себя в их священных предсказаниях; он смотрел на себя как на зеркало, в котором весь пророческий гений Израиля читал будущее своего народа. Христианская школа, быть может, еще при жизни Иисуса пыталась доказать, что он совершенно отвечает всему, что пророки предсказывали о Мессии [1]. Во многих случаях, однако, эти аналогии представляются чисто внешними и для нас даже почти неуловимыми. Большею частью случайные или ничтожные обстоятельства из жизни учителя напоминали его ученикам некоторые места в Псалмах или у пророков, и благодаря тому, что мысли их постоянно были заняты этим, они усматривали в таких местах образ своего учителя [2]. Таким образом, вся экзегетика того времени заключалась почти только в игре словами, в цитатах, которые приводились искусственно и произвольно [3]. Синагога не имела официально установленного перечня текстов, относящихся к будущему царству. Мессианские толкования были свободны и скорее представляли собой игру слов, чем серьезную аргументацию.

Что касается чудес, то в ту эпоху они считались непременным признаком божественности и знамением пророческого призвания. Легенды об Илие и Елисее были полны чудес. Считалось непреложным, что Мессия тоже будет совершать много чудес [4]. В недалеком расстоянии от Иису-

---

[1] Например, Матфея, I, 22; II, 5—6, 15, 18; IV, 15.

[2] Матфея, I, 23; IV, 6, 14; XXVI, 31, 54, 56; XXVII, 9, 35; Марка, XIV, 27; XV, 28; Иоанна, XII, 14, 15; XVIII, 9; XIX, 19, 24, 28, 36.

[3] Мы видим это почти на каждой странице Талмуда.

[4] Иоанна, VII, 34; 4 книга Ездры, XIII, 50.

са, в Самарии, волхв по имени Симон своими фокусами создал себе роль почти божественную[1]. Впоследствии, когда хотели раздуть славу Аполлония Тианского и доказать, что вся жизнь его была странствованием Бога на земле, это оказалось возможно не иначе как путем измышления целого ряда чудес, которые он будто бы совершил[2]. Сами александрийские философы, Плотин и другие, уверяли, будто они совершали чудеса[3]. Таким образом, Иисусу предстояло выбрать одно из двух: или отказаться от своей миссии, или сделаться чудотворцем. Надо припомнить, что весь античный мир, за исключением великих научных школ Греции и их римских последователей, признавал чудеса; что Иисус с своей стороны не только верил в них, но и не имел ни малейшего понятия о естественном порядке и его законах. Знания его в этом отношении были ничуть не выше, чем его современников. Даже более того, одним из наиболее глубоко укоренившихся его убеждений было именно то, что человек при помощи веры и молитвы может повелевать природою[4]. Способность творить чудеса вообще считалась привилегией, которой Бог регулярно наделяет людей[5], и в этом не находили ничего удивительного.

Времена переменились, и то, что составляло славу великого учителя, нам теперь представляется как бы унижением его достоинства, и если когда-либо культ Иисуса ослабеет среди человечества, то, несомненно, это будет именно благодаря тем его деяниям, за которые в него уверовали. Критика не находит никаких затруднений при оценке этого рода исторических явлений. Чудотворец нашего времени, если не иметь в виду крайней наивности, какая, например, имела место у некоторых стигматизированных в Германии, внушал бы отвращение, ибо он совершал бы чудеса, в которые сам не верит; он непременно был бы шарлатаном. Но если мы возьмем Франциска Ассизского, то положение совершенно изменится; цикл чудес, связанный с зарождением ордена Св. Франциска, не только нас не оскорбляет, но даже доставляет нам истинное удовольствие. Основатели христианства жили

---

[1] Деяния, VIII, 9 и след.

[2] См. его биографию, написанную Филостратом.

[3] См. Евнап, Жизнеописания софистов; жизнь Плотина, Порфирия; жизнь Прокла, Мариния; жизнь Исидора, приписываемая Дамаскину.

[4] Матфея, XVII, 19; XXI, 21—22; Марка, XI, 23—24.

[5] Матфея, IX, 8.

в состоянии поэтического неведения, почти столь же полного, как у Св. Клары и у трех сотоварищей (tres socii). Им казалось совершенно естественным, что учитель их видится с Моисеем и Илией, что он повелевает стихиями, исцеляет больных. Сверх того, надо припомнить, что всякая идея утрачивает свою чистоту, лишь только она обнаруживает стремление осуществиться. Тут никогда нельзя добиться успеха без некоторого трения, от которого страдает чуткая душа. Но такова уже участь слабого ума человеческого, что обыкновенно все наилучшее достигается лишь плохими средствами. Доказательства первоначальных апологетов христианства основаны на очень слабой аргументации. Моисей, Христофор Колумб, Магомет восторжествовали над препятствиями, лишь считаясь изо дня в день с слабостью людей и доказывая истину не всегда правдивыми доводами. Возможно, что окружающие Иисуса были в большей степени поражены его чудесами, нежели его проповедями, при всей их необыкновенной божественной глубине. Прибавим еще, что народная молва как при жизни, так и после смерти Иисуса, без сомнения, чудовищно преувеличивала число его чудес. В самом деле, типы евангельских чудес не отличаются большим разнообразием; они повторяют друг друга и представляются сколком с весьма ограниченного числа образцов, приспособленных к народному вкусу.

Среди рассказов о чудесах, утомительно перечисляемых в Евангелиях, невозможно отличить чудеса, приписанные Иисусу общественным мнением при жизни его или после смерти, от тех чудес, в которых он дал согласие играть активную роль. В особенности невозможно определить, насколько исторически достоверны некоторые неприятно поражающие подробности этого рода событий в виде, например, усилий, смущения, трепета и других приемов, отзывающихся фокусничеством [1], или же все эти обстоятельства представляют собой плоды верований редакторов, сильно озабоченных теургией и в этом отношении живших в такой же атмосфере, как спириты нашего времени [2]. Действительно, народное мнение требовало, чтобы божественная сила в человеке являлась в виде некоего эпилепти-

---

[1] Луки, VIII. 45—46; Иоанна, XI, 33, 38.

[2] Деяния, II, 2 и след.; IV, 31; VIII, 15 и след.; X, 44 и след. В течение почти целого века апостолы и их ученики грезят чудесами. См. Деяния, послания Павла, Евсевия (цитаты из Папия), Hist. eccl. III, 39. Ср. Марка, III, 15; XVI, 17, 18, 20.

ческого или конвульсивного припадка [1]. Почти все чудеса, о которых Иисус думал, что он их совершил, были, как кажется, чудесными исцелениями. В ту пору медицина в Иудее была тем, чем она осталась и доныне на Востоке, то есть не имела ничего общего с наукой и предоставлялась исключительно индивидуальному вдохновению. Научная медицина, основанная в Греции пятью веками раньше, в эпоху Иисуса была почти неизвестна палестинским иудеям. При таком состоянии знаний появление высшего существа, человека, который относится к больному с нежностью и внушает ему уверенность в выздоровление, часто оказывается самым лучшим лекарством. Кто осмелится утверждать, что во многих случаях, за исключением болезней, связанных с органическими повреждениями, самое прикосновение к больному особенного человека не стоит всего фармацевтического арсенала? Самая радость, удовольствие повидать его уже имеет целительное действие. Она дает, что может: улыбку, надежду на выздоровление, и этого не так мало.

Иисус имел такое же представление о рациональной медицине, как и большинство его современников; как и все, он верил, что излечение достигается главным образом с помощью религиозных обрядов, и такое верование было совершенно последовательным. Раз на болезнь смотрели как на наказание за грех [2] или как на наваждение злого духа [3], а отнюдь не как на результат физических причин, лучшим врачом считался святой человек, обладающий сверхъестественной силой. На исцеление смотрели как на деяние нравственного порядка; Иисус, ощущавший свою нравственную силу, должен был думать, что он одарен и специальной способностью исцелять. При уверенности, что прикосновение к его одежде [4], возложение рук [5], смазывание своей слюной [6] приносит больным пользу, с его стороны было бы жестоким, если бы он отказывал страждущим в утешении, которое из знамений Царства Божия и всегда связывалось с освобождением нищих [7]. И то и другое было признаком великого переворота, который

[1] Марка, V, 30; Луки, VI, 19; VIII, 46; Иоанна, XI, 33, 38.
[2] Иоанна, V, 14; IX, 1 и след., 34.
[3] Матфея, IX, 32—33; XII, 22; Луки, XIII, 11, 16.
[4] Луки, VIII, 45—46.
[5] Луки, XIV, 40.
[6] Марка, VIII, 23; Иоанна, IX, 6.
[7] Матфея, XI, 5; XV, 30—31; Луки, IX, 1—2, 6.

должен был закончиться уничтожением всех несправедливостей и немощей. Ессениане, у которых имеется столько родственного с Иисусом, слыли тоже весьма могущественными целителями [1].

Один из видов исцелений, которые чаще всего совершал Иисус, было заклинание или изгнание бесов. Необычайная легкость, с которой принималась вера в демонов, была общей для всех умов той эпохи. По общему мнению, господствовавшему не только в Иудее, но и во всем мире, демоны могли овладевать телом иных людей и заставлять их действовать против собственной их воли. Персидский *див*, неоднократно упоминаемый в Авесте [2], *Аешма-даева*, «див любострастных вожделений», известный у иудеев под названием *Асмодея* [3], считался причиной всех истерических заболеваний у женщин [4]. Тем же самым объяснялось происхождение эпилепсии, всех душевных и нервных болезней [5], при которых больной как бы не владеет собой, всякого рода недуги, для которых не усматривается видимой причины, как, например, глухота, немота [6]. Превосходный трактат Гиппократа «О священной болезни», в котором были установлены еще за четыре с половиной века до Иисуса истинные принципы медицины по этому предмету, не рассеял общего заблуждения на этот счет. Существовало предположение, что для изгнания демонов есть более или менее действенные приемы: заклинание составляло такую же определенную профессию, как медицина [7]. Нет сомнения, что Иисусу еще при жизни приписывалось знакомство с новейшими секретами этого искусства [8]. В те времена в Иудее было много сумасшедших, вероятно, вследствие крайней экзальтации умов. Эти сумасшедшие, ходившие на свободе, как это имеет место в тех странах и в настоящее время, поселялись в покинутых пещерах, служивших гробницами и обычно дававших приют разбой-

---

[1] См. выше примеч. 7 на стр. 71.

[2] *Вендидад*, XI, 26; *Ясна*, X, 18.

[3] Товит, III, 8; VI, 14; Вавил. Талмуд, *Гиттин*, 68а.

[4] Ср. Марка, XVI, 9; Луки, VIII, 2; Еванг. Детства, 16, 33. Сирийский кодекс в Anecdota syriaca у Ланда, I, стр. 452.

[5] Иосиф, B. I., VII, VI, 3; Луциан, Philopseud., 16; Филострат, Vita Apoll., III, 38; IV, 20; Аретей, De causis morb. chron., I, 4.

[6] Матфея, IX, 33; XII, 22; Марка, IX, 16, 24; Луки, XI, 44.

[7] Товит, VIII, 2—3; Матфея, XII, 27; Марка, IX, 38; Деяния, XIX, 13; Иосиф, Ant., VIII, 11, 5; Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 85; Луциан, Epigr; XXIII (XVII Диндорфа).

[8] Матфея, XVII, 20; Марка, IX, 24 и след.

никам. Иисус часто сталкивался с подобными несчастливцами [1]. По этому поводу ходило множество странных рассказов, в которых запечатлелось все легковерие той эпохи. Но и в этом отношении не следует преувеличивать влияние Иисуса. Душевные расстройства, которыми страдали одержимые, часто были сами по себе довольно легкими. Еще и в наши дни в Сирии сумасшедшими или одержимыми бесом (оба эти понятия известны под одним общим названием *меджнун*) считают людей, отличающихся лишь некоторыми странностями [2]. Часто нежного слова достаточно, чтобы «изгнать демона» в подобных случаях. Без сомнения, таковы и были средства, которыми пользовался Иисус. Кто знает, не распространилась ли его слава заклинателя почти без его ведома? Люди, живущие на Востоке, нередко по прошествии некоторого времени с удивлением узнают, что пользуются огромной славой медика, колдуна, отыскивателя кладов, причем совершенно не могут дать себе отчета в том, какие именно факты послужили поводом для подобных вымыслов [3].

Сверх того, многие обстоятельства указывают на то, что Иисус лишь впоследствии сделался чудотворцем, и притом против своего желания. Нередко он совершает чудеса только после усиленных просьб, как бы с неудовольствием и упрекая тех, которые просят об этом, в умственной грубости [4]. Затем, необъяснимой с первого взгляда особенностью является у него стремление совершать свои чудеса тайком, причем он дает людям, получившим от

---

[1] Матфея, VIII, 28; IX, 34; XII, 43 и след.; XVII, 14 и след.; 20; Марка, V, 1 и след.; Луки, VIII, 27 и след.

[2] Фразу «Daemonum habes» (Матфея, XI, 18; Луки, VII, 33; Иоанна, VII, 20; VIII, 48 и след.; X, 20 и след.) следует переводить: «Ты сумасшедший», что по-арабски будет «Меджнун энте». Глагол daimonan во всем классическом античном мире имел также значение «быть сумасшедшим».

[3] Один человек, замешанный в современные сектантские движения в Персии, рассказывал мне, что когда он образовал вокруг себя кружок франкмасонов, поначалу имевших большой успех, то очень скоро он был прославлен в качестве пророка и, к удивлению своему, стал ежедневно получать сведения о чудесах, которые он будто бы совершил. Нашлась масса людей, готовых чуть ли не идти за него на смерть. Легенда о нем, так сказать, росла у него на глазах и увлекла бы его, если бы само персидское правительство не освободило его из-под влияния его учеников. Человек этот говорил мне, что, едва не сделавшись пророком, он знает, как происходят такого рода вещи, и что, конечно, они совершаются именно так, как я их описал в «Жизни Иисуса».

[4] Матфея, XII, 39; XVI, 4; XVII, 16; Марка, VIII, 17 и след.; IX, 18; Луки, IX, 41; XI, 29.

него исцеление, совет никому об этом не рассказывать [1]. Когда бесы хотят объявить его Сыном Божиим, он запрещает им говорить; они признают его вопреки его воле [2]. Эти черты особенно характерны у Марка, который по преимуществу является повествователем чудес и заклинаний. По-видимому, ученик, доставлявший основные данные этого Евангелия, особенно утруждал Иисуса своим восхищением по поводу чудес, так что учитель, тяготившийся такого рода репутацией, не раз говаривал ему: «молчи об этом». Один раз неудовольствие по этому поводу разразилось странной вспышкой [3], выражением гнева, в котором сквозит, что Иисуса утомляли эти вечные просьбы слабых умов. Можно сказать, что моментами роль чудотворца ему неприятна и что он пытается возможно меньше разглашать чудеса, которые, так сказать, родятся на каждом его шагу. Когда враги его просят у него чуда, особенно небесного, метеора, он им упорно в этом отказывает [4]. Следовательно, позволительно думать, что репутация чудотворца была ему навязана, что он не слишком этому противился, но ничем и не содействовал этому и что, во всяком случае, он сознавал неосновательность общественного мнения в этом отношении.

Если бы мы стали слишком поддаваться нашим антипатиям, то погрешили бы против исторического метода. Чтобы удовлетворить существенным условиям истинной критики, необходимо понимать разницу эпох и освободиться от инстинктивных привычек, которые являются результатом чисто рационалистического воспитания. Для того чтобы избавить характер Иисуса от нареканий, которые он может на себя навлечь, не следует умалчивать о фактах, которые в глазах его современников были бы поставлены на первый план [5]. Было бы весьма удобно утверждать, что все это добавления учеников, которые стояли гораздо ниже своего учителя и, не будучи в состоянии понять истинного его величия, пытались возвеличить его приемами, совершенно недостойными его. Но все четыре повествова-

---

[1] Матфея, VIII, 4; IX, 30, 31; XII, 16 и след.; Марка, I, 44; VII, 24 и след.; VIII, 26.

[2] Марка, I, 24—25, 34; III, 12; Луки, IV, 41. Ср. Жизнь Исидора, приписываемая Дамаскину, § 56.

[3] Матфея, XVII, 16; Марка, IX, 18; Луки, IX, 41.

[4] Матфея, XII, 38 и след.; XVI, 1 и след.; Марка, VIII, 11; Луки, XI, 29 и след.

[5] Иосиф, Ant., XVIII, III, 3.

теля жизни Иисуса единогласно восхваляют его чудеса; один из них, переводчик апостола Петра [1], Марк, до такой степени настаивает на этом пункте, что если бы характер Христа пришлось изображать единственно по этому Евангелию, то Иисус оказался бы заклинателем, обладающим редкой обаятельностью, чрезвычайно могущественным волшебником, которого боялись и от которого любили как-нибудь избавиться [2]. Итак, мы, не колеблясь, должны допустить, что деяния, которые в наше время рассматривались бы как признаки иллюзии или безумия, занимали в жизни Иисуса видное место. Но можно ли пожертвовать этой темной стороне великой стороной подобной жизни? Этого следовало бы остеречься. Простой волшебник не вызвал бы нравственной революции, подобной той, которую совершил Иисус. Если бы в Иисусе чудотворец заслонил собой моралиста и религиозного реформатора, то от него произошла бы школа теургии, а не христианства.

Тот же вопрос, в сущности, может быть одинаково поставлен по отношению ко всем святым и основателям религий. Те состояния, которые в наше время считаются патологическими, как, например, эпилепсия, видения, некогда считались признаком силы и величия. Нынешняя медицина может определить ту болезнь, которая решила судьбу Магомета [3]. Почти вплоть до нашего времени люди, больше всего потрудившиеся на благо своих ближних (даже сам прекрасный Венсан-де-Поль!), слыли волей-неволей чудотворцами. Но если исходить из того положения, что каждый исторический человек, которому приписываются деяния, почитающиеся в XIX веке малоосмысленными или шарлатанскими, сам был сумасшедшим или шарлатаном, то вся критика будет направлена по ложному пути. Александрийская школа была благородна, а между тем она отдавалась приемам экстравагантной теургии. Сократ и Паскаль не были свободны от галлюцинаций. Все события должно объяснять причинами, которые им пропорциональны. Слабости человеческого ума порождают не

---

[1] Папий у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[2] Марка, VI, 40; V, 15, 17, 33; VI, 49, 50; X, 32. Ср. Матфея, VIII, 27, 34; IX, 8; XIV, 27; XVII, 6—7; Луки, IV, 36; V, 17; VIII, 25, 35, 37; IX, 34. В апокрифическом Евангелии, называемом «от Фомы Израильтянина», эта черта доведена до самой крайней нелепости. Ср. Miracles de l'enfance, у Тило, Cod. apocr., N. T., стр. CX, примечание.

[3] Hysteria muscularis Шенлейна. Шпренгер, Das Leben und die Lehre des Mohammad, I, стр. 207 и след.

только слабость; великие события происходят от великих причин, заложенных в природе человека, хотя нередко такие события сопровождаются подробностями, которые для поверхностного ума заслоняют собой их величие.

Итак, в общем было бы правильно идти к заключению, что Иисус был чудотворцем и заклинателем лишь поневоле. Как всегда бывает с великими божественными натурами, он скорее подчинялся чудесам, которых от него требовало общественное мнение, нежели совершал их. Обыкновенно чудо является делом публики, а не того, кому оно приписывается. Если бы Иисус и упорно отказывался совершать чудеса, толпа создала бы их для него; самым великим чудом было бы, если бы он не делал чудес; в этом случае все законы истории и психологии толпы потерпели бы сильнейшее нарушение. Он был не более властен умерить жадное стремление толпы и собственных своих учеников к чудесному, нежели Св. Бернар или Св. Франциск Ассизский. Чудеса Иисуса были тем насилием, которое над ним совершил его век, уступкой, которая была вырвана у него потребностью эпохи. Но заклинатель и чудотворец пали и забыты, между тем как реформатор религии будет вечно жить.

Даже те, кто в него не верил, были поражены этими фактами и старались сами их повидать [1]. Язычники и мало осведомленные люди испытывали чувство страха и старались выпроводить его из своих округов [2]. Быть может, многие помышляли воспользоваться его именем для восстания [3]. Но чисто моральное, отнюдь не политическое направление деятельности Иисуса спасало его от подобных увлечений. Царство его находилось в кругу детей, которых привлекали к нему и удерживали возле него одинаковая юность воображения и одно и то же предвкушение Царства Небесного.

ГЛАВА XVII

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ФОРМА ИДЕЙ ИИСУСА О ЦАРСТВИИ БОЖИЕМ.

Мы должны предположить, что эта последняя фаза деятельности Иисуса продолжалась около восемнадцати месяцев, со времени возвращения его из палом-

[1] Матфея, XIV, 1 и след.; Марка, VI, 14; Луки, IX, 7; XXIII, 8.
[2] Матфея, VIII, 34; V, 17; VIII, 37.
[3] Иоанна, VI, 14—15. Ср. Луки, XXII, 36—38.

ничества на Пасху в 31 г. и до путешествия его на праздник Скинопигии (поставления кущей) в 32 г.[1]. За этот промежуток времени мысль Иисуса не обогатилась ни одним новым элементом, но все в нем развивалось и вырабатывалось с постоянно возрастающей степенью мощности и смелости.

Основной идеей Иисуса с первого его дня было установление Царства Божия. Но, как уже было сказано, это Царство Божие Иисус понимал в весьма различном смысле. Иногда Иисуса можно было бы счесть демократическим вождем, желающим просто учредить царство бедных и обездоленных. В другой раз Царство Божие является буквальным осуществлением апокалипсических видений, относящихся к Мессии. Наконец, часто Царство Божие есть царство душ, а грядущее освобождение — освобождение духа. В этом случае революция, к которой стремился Иисус, является именно той, которая и совершилась в действительности, учреждением нового культа, более чистого, нежели культ Моисея. По-видимому, все эти мысли жили одновременно в сознании Иисуса. Первая из них, идея светской революции, казалось бы, не очень долго останавливала на себе его внимание. Иисус никогда не считал земное, земные богатства, материальную власть настолько ценными, чтобы стоило о них думать. У него не было никакого внешнего самолюбия. Иногда, в силу естественной последовательности, его высокое религиозное значение было готово обратиться в социальное. К нему обращались с просьбой быть судьей и посредником в вопросах имущественных. Иисус с гордостью отклонял подобного рода предложения, почти как оскорбительные для него[2]. Он жил своим небесным идеалом и никогда не изменял бедности и своему пренебрежительному отношению к богатству.

---

[1] Иоанна, V, 1; VII, 2. По изложению Иоанна, общественная жизнь Иисуса, по-видимому, продолжалась два или три года. У синоптиков в этом отношении мы не находим точного определения, хотя у них как бы замечается намерение втиснуть все события в рамку одного года. Ср. аналогичное мнение валентиниан, у Иринея, Adv. haer., I, III, 3; II, XXII, 1 и след.; и мнение автора псевдо-климентовых Проповедей, XVII, 19. Если верно предположение, что Иисус умер в 33 г., то согласно Луке, III, 1, получится промежуток времени в пять лет. Во всяком случае, так как Пилат был смещен перед Пасхой 36 г., то продолжительность общественной жизни Иисуса не могла быть больше семи лет. Недоразумение в этом отношении произошло, без сомнения, вследствие того, что начало общественной жизни нельзя считать таким резко определенным событием, как это обыкновенно предполагается.

[2] Луки, XII, 13—14.

Что касается двух других понятий о Царстве Божием, то в Иисусе они как бы уживались одновременно. Если бы он был не более как энтузиастом, запутавшимся в Апокалипсисах, которыми питалось народное воображение, то он остался бы неизвестным сектантом, стоящим ниже тех, кому принадлежали пленившие его идеи. Если бы он был только пуританином, вроде Каннинга или «савоярского викария», то, бесспорно, он не имел бы никакого успеха. Обе части его системы, или, лучше сказать, оба его понятия о Царстве Божием, опирались одно на другое, и это взаимное обоснование увенчалось необыкновенным успехом. Первые христиане были духовидцами, мысли их вращались в мире идей, который мы бы определили как мир мечтаний; но они являются в то же время героями социальной борьбы, которая закончилась освобождением совести и учреждением новой религии, а из этой религии в конце концов должен будет выйти чистый культ, возвещенный ее основателем.

Апокалипсические идеи Иисуса в их наиболее полном виде можно было бы формулировать следующим образом.

Существующий общественный строй приходит к концу. Концом этим будет громадный переворот, «агония», похожая на родовые боли, *полингенезия*, или «возрождение», по собственному выражению Иисуса [1], которому будут предшествовать зловещие бедствия и о котором предвозвестят странные явления [2]. В самый великий день на небе вспыхнет знамение Сына Человеческого; то будет громоподобное и молниеносное видение, как на горе Синае: страшная гроза разразится на небе, сноп огня мгновенно

---

[1] Матфея, X, 21—22.

[2] Матфея, XXIV, 3 и след.; Марка, XIII, 4 и след.; Луки, XVII, 22 и след.; XXI, 7 и след. Надо заметить, что картина кончины мира, приписываемая здесь Иисусу синоптиками, заключает в себе много черт, относящихся к осаде Иерусалима. Лука писал свое Евангелие спустя некоторое время после этой осады (XXI, 9, 20, 24). Напротив, редакция Матфея (XXVI, 15, 16, 22, 29) переносит именно к моменту самой осады или к эпохе, непосредственно следовавшей после ее. Между тем, без всякого сомнения, Иисус возвещал великие ужасы лишь как явления, предшествующие его второму пришествию. Эти ужасы входили в состав всех иудейских Апокалипсисов. Енох, XCIX — С, CII, CIII (подразделение Диллъмана); Carmina sibyllina, III, 334 и след.; 633 и след.; V, 511 и след.; Успение Моисея, гл. 5 и след. (изд. Гильгенфельда); Апокалипсис Варуха, у Цериани, Monum., Т. 1, вып. II, стр. 79 и след. Также и у Даниила царство святых наступит лишь после того, как отчаяние достигнет своей высшей точки (VII, 25 и след.; VIII, 23 и след.; IX, 26—27; XII, 1).

вспыхнет от востока до запада. Мессия явится на облаках [1], во всей своей силе и славе, при трубном звуке, окруженный ангелами. Ученики его воссядут рядом с ним на тронах. Тогда мертвые воскреснут, и Мессия воздаст каждому по делам его [2].

На этом суде люди будут разделены на две категории, по их делам [3]. Исполнителями приговора будут ангелы [4]. Избранные войдут в чудное царство, уготованное им от создания мира [5]; там они, облеченные светом, возлягут за пиршество с Авраамом [6], патриархами и пророками. Но их будет малое число [7]. Прочие же пойдут в *геенну*. Геенной называлась долина, лежавшая к западу от Иерусалима. В различные эпохи здесь предавались культу огня, и место это обратилось в некоторого рода клоаку. Таким образом, по представлению Иисуса, геенна есть мрачная, нечистая долина, подземная бездна, пылающая огнем [8]. Неудостоенные Царства будут здесь гореть, их будут поедать черви, и одну участь с ними разделят Сатана и его мятежные ангелы [9]. Там будет плач и скрежет зубов [10]. Царство Божие будет как замкнутый чертог внутри сияющий, посреди этого мира мрака и мучений [11].

Этот новый порядок вещей будет вечным. Раю и геенне не будет конца. Их отделяет друг от друга непроходимая бездна [12]. Сын Человеческий, сидя одесную Бога, будет пер-

---

[1] Ср. Даниил, VII, 13; Carmina sibyllina, III, 286, 652; Апокалипсис, I, 7.

[2] Матфея, XVI, 27; XIX, 28; XX, 21; XXIII, 39; XXIV, 30 и след.; XXV, 31 и след.; XXVI, 64; Марка, XIV, 62; Луки, XIII, 35; XXII, 30, 69; 1 посл. к Коринф., XV, 52; 1 посл. к Фес., IV, 15 и след. Здесь христианская идея сильно отклоняется от иудейской. См. 4 книга Ездры, V, 56; VI, 6; XII, 33—34.

[3] Матфея, XIII, 38 и след.; XXV, 33.

[4] Матфея, XIII, 39, 41, 49.

[5] Матфея, XXV, 34; Ср. Иоанна, XIV, 2.

[6] Матфея, VIII, 11; XIII, 43; XXVI, 29; Луки, XIII, 28; XVI, 22; XXII, 30.

[7] Луки, XIII, 23 и след.

[8] Ср. Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 39a.

[9] Матфея, XXV, 41. Идея о падших ангелах, получившая особенное развитие в книге Еноха, была общепринятой в кружке Иисуса. Посл. Иуды, 6 и след.; 2-е посл., приписываемое Петру, II, 4, 11; Апокалипсис, XII, 9; Луки, X, 18; Иоанна, VIII, 44.

[10] Матфея, V, 22; VIII, 12; X, 28; XIII, 40, 42, 50; XVIII, 8; XXIV, 51; XXV, 30; Марка, IX, 43 и след.

[11] Матфея, VIII, 12; XXII, 13; XXV, 30. Ср. Иосиф, В. I., III, VIII, 5.

[12] Луки, XVI, 28.

венствовать в этом окончательном состоянии мира и человечества [1].

Из сочинений той эпохи с абсолютной очевидностью явствует, что все это понималось и учениками, а иногда и самим учителем совершенно буквально. Если первое поколение христиан обладало каким-либо глубоким и непреложным верованием, то именно в кончину мира [2] и в то, что великое «явление» [3] Христа должно произойти в самом непродолжительном времени. Энергичное провозглашение: «Время близко!» [4], которым Апокалипсис начинается и оканчивается, это беспрестанно повторяемое напоминание: «имеющий уши слышать, да слышит» [5] были лозунгами надежд и единения в течение всего апостольского века. Одно из сирийских выражений *Маран афа*, «Господь наш приближается!» [6], сделалось ходячим среди верующих; они повторяли его между собой, чтобы утвердиться в своей вере и в своих упованиях. Апокалипсис, написанный в 68 г. по **Р. Х.** [7], назначает самый срок пришествия через три с половиной года [8]. В «Вознесении Исайи» [9] приводится расчет, очень близкий к этому.

Иисус никогда не пускался в такие определения. Когда его спрашивали о времени его пришествия, он всегда отказывался отвечать; однажды он заявил даже, что дату этого великого дня знает только Отец, который не открывал этой тайны ни ангелам, ни Сыну [10]. Он говорил, что в тот

---

[1] Марка, III, 29; Луки, XXII, 69; Деяния, VII, 55.

[2] Луки, XVIII, 8; Деяния, II, 17; III, 19 и след.; 1 посл. к Коринф., XV, 23—24, 52; 1 посл. к Фес., III, 13; IV, 14 и след.; V, 23; 2 посл. к Фес., II, 1—11 (henestēken, ст. 2, означает непосредственную близость; Св. Павел отрицает, чтобы конец мира был настолько близок, но поддерживает, ст. 7—8, его близость вообще); 1 посл. к Тим. VI, 14; 2 посл. к Тим., IV, 1—8; посл. к Титу, II, 13, посл. Иакова, V, 3, 8; посл. Иуды, 16—21; 2 посл. Петра, III, вся. Апокалипсис весь, и в частности: I, 1; II, 5, 16; III, 11; VI, 11; XI, 14; XXII, 6, 7, 12, 20. Ср. 4 книга Ездры, IV, 26.

[3] Луки, XVIII, 30; 1 посл. к Коринф., I, 7—8; 2 посл. к Фес., I, 7; 1 посл. Петра, I, 7, 13; Апокалипсис, I, 1.

[4] Апокалипсис, I, 3; XXII, 10. Ср. I, 1.

[5] Матфея, XI, 15; XIII, 9, 43; Марка, IV, 9, 23; VII, 16; Луки, VIII, 8; XIV, 35; Апокалипсис, II, 7, 11, 27, 29; III, 6, 13, 32; XIII, 9.

[6] 1 посл. к Коринф., XVI, 22.

[7] Апокалипсис, XVII. Шестым императором, о котором автор упоминает как о царствующем в данное время, был Гальба. Зверь, который должен вернуться, это Нерон, имя которого дается в цифрах (XIII, 18).

[8] Апокалипсис, XI, 2, 3; XII, 6, 14. Ср. Даниила, VII, 25; XII, 7.

[9] Гл. IV, ст. 12 и 14. Ср. Цедренус, стр. 68 (Paris, 1647).

[10] Матфея, XXIV, 36; Марка, XIII, 32.

момент, когда Царство Божие ожидается с беспокойным любопытством, оно именно и не придет [1]. Он постоянно повторял, что это будет такой же неожиданностью, как неожиданны были для Ноя и Лота катастрофы, поразившие их; что нужно быть всегда готовым к нему, что всякий должен бодрствовать и держать свою лампаду зажженной, как для свадебной процессии, которая назначается неожиданно [2]; что Сын Человеческий придет, как тать в ночи, в час, когда его не ожидают [3]; что он появится, как молния, которая пробежит от одного края горизонта до другого [4]. Но все его заявления о близости катастрофы не оставляют места для разных толкований [5]. «Нынешний род,—говорил он,— не пройдет, как все это сбудется. Некоторые из стоящих здесь не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царстве своем» [6]. Тех, кто ему не верит, он упрекает в том, что они не умеют различать предвозвестников будущего Царства: «Вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времени не можете?» [7] Благодаря иллюзии, свойственной всем великим реформаторам, Иисус представлял себе конечную цель гораздо более близкой, нежели она была в действительности; он не принимал в расчет медлительности человеческих движений; он воображал, что в один день осуществится то, что спустя и восемнадцать веков еще не закончило своего осуществления.

Эти столь определенные заявления занимали умы христианской семьи в течение почти семидесяти лет. Предполагалось, что некоторые из учеников увидят день конечного пришествия раньше, нежели умрут. В особенности Иоанн *причислялся* к этим ученикам [8]. Многие верили, что он никогда не умрет. Быть может, таково было позднейшее мнение, возникшее в конце первого века ввиду той глубо-

---

[1] Луки, XVII, 20. Ср. Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 97а.

[2] Матфея, XXIV, 36 и след.; Марка, XIII, 32 и след.; Луки, II, 5, 10 и след.; XVII, 20 и след.

[3] Луки, XII, 40; 2 и посл. Петра, III, 10.

[4] Луки, XVII, 24.

[5] Матфея, X, 23; XXIV—XXV целиком, в особенности XXIV, 29, 34; Марка, XIII, 30; Луки, XIII, 35; XXI, 28 и след.

[6] Матфея, XVI, 28; XXIII, 36, 39; XXIV, 34; Марка, VIII, 39; Луки, IX, 27; XXI, 32.

[7] Матфея, XVI, 2—4; Луки, XII, 54—56.

[8] Иоанна, XXI, 22—23.

кой старости, до которой Иоанн дожил, так как это давало повод думать, что Бог хочет оставить его в живых до великого дня, чтобы осуществить таким образом слово Иисуса. После того как он умер, у многих вера поколебалась, а его ученики с тех пор давали предсказанию Христа уже более умеренное толкование [1].

Признавая полностью апокалипсические верования в том виде, как они изложены в иудейских апокрифических книгах, Иисус в то же время признавал и догмат о воскресении из мертвых, который является пополнением или, вернее, одним из условий этих верований. Как мы уже говорили [2], это учение для Израиля было еще новинкой; масса людей его не знала или не верила в него [3]. Для фарисеев и горячих приверженцев мессианских верований этот догмат был твердо установленным [4]. Иисус принял его без оговорок, но понимал его всегда в самом идеалистическом смысле. Многие представляли себе дело так, что воскресшие в будущей жизни будут есть, пить, жениться. Иисус вполне допускает в своем Царстве новую пасху, стол и вино новое [5], но категорически исключает браки. Саддукеи по этому поводу приводили аргумент с виду грубый, но по существу в достаточной степени соответствовавший старой теологии. Следует припомнить, что, по древним мудрецам, человек продолжает жить после своей смерти в своих детях. Кодекс Моисея посвятил этой патриархальной теории особое оригинальное учреждение, левират. Отсюда саддукеи вывели весьма хитроумные заключения, говорившие против воскресения.

Иисус вышел из этого затруднения, объявив категорически, что в вечной жизни разницы между полами не будет и что человек уподобится ангелам [6]. Иногда он

---

[1] Иоанна, XXI, 22—23. Вся XXI глава четвертого Евангелия является добавлением, как это можно думать по заключительной формуле первоначальной редакции в стихе 31 главы XX. Но это прибавление, по-видимому, относится к той эпохе, когда названное Евангелие было обнародовано.

[2] См. выше, стр. 81—82.

[3] Марка, IX, 9; Луки, XX, 27 и след.

[4] Даниил, XII, 2 и след.; 2 книга Маккавейская, гл. VII вся; XII, 45—46; XIV, 46; Деяния, XXIII, 6—8; Иосиф, Ant., XVIII, 1, 3; B. I., II, VIII, 14; III, VIII, 5.

[5] Матфея, XXVI, 29; Луки, XXII, 30.

[6] Матфея, XX, 24 и след.; Луки, XX, 34—38; евионитское Евангелие, так наз. «от Египтян», у Климента Алекс., Strom., II, 9, 13; Климент Римск., посл. II, 12; Вавил. Талмуд, *Беракот*, 17а.

обещает воскресение только праведным [1], а всю кару нечестивцев сводит к тому, что они умрут без остатка и перейдут в состояние небытия [2]. Однако чаще Иисус думает, что и злые воскреснут для вечной муки [3].

Как видно, во всех этих теориях не было абсолютно ничего нового. Ни Евангелия, ни сочинения апостолов в отношении апокалипсических доктрин не заключают ничего такого, чего нет у Даниила [4], Еноха [5], в Сивилльских пророчествах [6], в Успении Моисея [7] — книгах еврейского происхождения. Иисус разделял эти идеи, общераспространенные среди его современников. Он принял их за основу своего дела или, лучше сказать, за одну из его основ, ибо он имел слишком глубокое понятие об истинном значении своего дела для того, чтобы строить его единственно на столь непрочных принципах, как пророчества, которые подвергаются опасности, что события блистательно опровергнут их.

Действительно, подобное учение, если его понимать в буквальном смысле, очевидно, не могло иметь будущего. Мир, продолжая существовать вопреки этому учению, был бы наглядным опровержением его. Следовательно, оно могло бы сохраниться самое большее в течение одного поколения. Вера в него первого поколения христиан была бы понятна, но уже для второго поколения она была бы необъяснима. После смерти Иоанна или последнего из современников Иисуса, кто бы он ни был, слова учителя оказались бы ложью [8]. Если бы учение Иисуса сводилось лишь к верованию в близкую кончину мира, несомненно, в настоящее время оно преспокойно было бы предано забвению. Что же спасло его учение? Большой простор евангельских взглядов, который допускал отыскивание под одним и тем же символом идей, свойственных весьма

---

[1] Луки, XIV, 14; XX, 35—36. Таково также мнение апостола Павла; 1 посл. к Коринф., XV, 23 и след. (относительно стиха 51 не следует доверяться Вульгате); 1 посл. к Фес., IV, 12 и след. См. выше, стр. 81—82.

[2] Ср. 4 книга Ездры, IX, 22.

[3] Матфея, XXV, 32 и след.

[4] См. в особенности главы II, VI—VIII, X—XIII.

[5] Гл. I (главы XLV—LII, LXII внушают подозрение, что они вставлены впоследствии), XCIII, 9 и след.

[6] Кн. III, 573 и след.; 652 и след.; 766 и след.; 795.

[7] У Гильгенфельда, Novum Test. extra canonem. recerpt., стр. 99 и след.

[8] Вызванные этим терзания христианской совести переданы с большой наивностью во 2-м послании, приписываемом Петру, III, 8 и след.

17 Заказ № 313

различному интеллектуальному состоянию. Кончина мира не последовала, хотя Иисус возвещал ее, а ученики в нее верили. Но мир обновился, и обновился именно в том смысле, о котором говорил Иисус. Мысль его была плодотворна именно потому, что она имела две стороны. Химера, заключавшаяся в ней, не подверглась общей участи стольких других химер, порожденных человеческим умом, потому что в ней гнездился зародыш жизни, который, проникнув благодаря своей сказочной оболочке в сознание человечества, принес в нем вечные плоды.

Не говорите, что такое толкование подсказано снисходительностью, измышлено с целью очистить память нашего великого учителя от жестокого обличения его мечтаний суровой действительностью. Нет и нет! Иисус понимал, желал и основал это истинное Царство Божие, царство духа, где каждый станет царем и пастырем; царство, которое, подобно горчичному зерну, превратится в могучее дерево, осеняющее весь мир и дающее в своих ветвях приют птицам и их гнездам. Наряду с ложной, холодной, невозможной идеей Страшного суда он познал истинный град Божий, истинную «палингенезию», Нагорную проповедь, апофеоз слабого, любовь к народу, любовь к бедности, возвеличение всего, что унижено, правдиво и наивно. Он передал нам это возвеличение с искусством несравненного артиста такими чертами, которые не изгладятся вовеки. Каждый из нас обязан ему лучшей частью своего «я». Простим же ему его веру в несбыточный Апокалипсис, в торжественное пришествие на облаках. Быть может, и это было заблуждением не столько его личным, сколько его учеников, и если правда, что он разделял общую иллюзию, то что за беда, раз его мечта дала ему силу встретить смерть и поддержала его в борьбе, которая в противном случае была бы для него слишком неравной?

Итак, следует придавать различный смысл божественному граду по идее Иисуса. Если бы его единственная мысль заключалась в том, что близок конец мира и что к этому надо готовиться, то он недалеко ушел бы от Иоанна Крестителя. Последним словом его проповеди был бы призыв к тому, чтобы отказаться от мира, который готов рухнуть, постепенно отрешиться от настоящей жизни, стремиться к грядущему царству. Но учение Иисуса всегда имело гораздо более широкий размах. Иисус стремился к тому, чтобы создать новое состояние для человечества, а не только к тому, чтобы подготовить кончину существу-

ющего. Илия или Иеремия, воскреснув, чтобы приготовить людей к последним катастрофам, проповедовали бы совсем не так, как он. Это настолько верно, что та нравственность, которая приурочивалась к последним дням мира, сделалась вечной нравственностью и спасла человечество. Сам Иисус во многих случаях пользуется такими способами проповеди, которые вовсе не соответствуют апокалипсической теории. Нередко он заявляет, что Царство Божие уже началось, что оно внутри каждого человека, который и может им наслаждаться, если он этого достоин, что каждый создает это Царство без всякого шума истинным обращением к правде своего сердца[1]. В таком случае Царство Божие сводится лишь к добру[2], к такому порядку вещей, который лучше существующего, к царству правды, водворению которого каждый должен содействовать по мере своих сил; или также к свободе духа, к состоянию, до некоторой степени аналогичному с буддистским «освобождением» как результатом отрешения от мира. Эти истины, представляющиеся нам чисто отвлеченными, для Иисуса были живой действительностью. В его мыслях все это имеет конкретную и вещественную форму: Иисус сам был человеком, который наиболее твердо верил в реальность своего идеала.

Разделяя утопии своей эпохи и своей расы, Иисус сумел создать из них высокие истины благодаря недоразумениям, чреватым своими последствиями. Его Царство Божие, без сомнения, было апокалипсическим, которому скоро предстояло явиться на небе. Но, сверх того, и, вероятно, главным образом, это было царство духа, создаваемое свободой и сыновним чувством, которые испытывает добродетельный человек на лоне своего Отца. Это была религия необыкновенной чистоты, без обрядов, без храма, без жрецов; это было нравственное осуждение мира, переданного совести праведного человека и в руки народа. Вот что было создано для того, чтобы жить и действительно осталось жить. Когда после целого столетия тщетных ожиданий материалистическое упование на близкую кончину мира иссякло, истинное Царство Божие отделилось от него. Снисходительные объяснения набросили покрывало на реальное царство, которое не желает наступать. Упрямые умы, вроде Папия, продолжали держаться буквы учения Иисуса, но

---

[1] Матфея, VI, 10, 33; Марка, XII, 34; Луки, XI, 2; XII, 31; XVII, 20, 21 и след.

[2] См. в особенности Марка, XII, 34.

к ним относились как к людям узким и отсталым [1]. Откровение Иоанна, эта первая книга Нового Завета [2] в собственном смысле слова, была отодвинута на второй план, так как в ней слишком категорически высказывалась идея катастрофы в ближайшем будущем; ее признали непонятной, искажали на тысячу ладов и почти что отвергали [3]. Или, по крайней мере, осуществление ее пророчеств отодвинули в бесконечно далекое будущее. Немногие отставшие бедняки, которые в эпоху расцвета критики все еще хранили в себе надежды первых учеников, были объявлены еретиками, затерялись в нижних слоях христианства. Человечество перешло к другому Царству Божию. Истина, составлявшая известную часть идеи Иисуса, отвлекла человечество от химеры, затемнявшей эту идею.

Но не будем относиться к этой химере с презрением; она была лишь грубой корой священного ядра, которым мы живы. Фантастическое Царство Небесное, неустанное искание града Божьего, которым всегда было занято христианство за всю его длинную историю, было главным принципом великого инстинкта будущего, который воодушевлял всех реформаторов, упрямых последователей Апокалипсиса, от Иоахима Флора до протестантского сектанта нашего времени. Это стремление, не будучи в силах создать совершенное общество, было источником необычайного напряжения, которое всегда превращало истинного христианина в атлета в его борьбе против настоящего. Таким образом, идея «Царства Божия» и Апокалипсис, который дает полную картину его, представляют в известном смысле наиболее возвышенное и наиболее поэтическое выражение человеческого прогресса. Разумеется, отсюда же должны были исходить и великие заблуждения. Кончина мира как угроза, постоянно висевшая над человечеством, вызывая периодические страхи, принесла

---

[1] Ириней, Adv. Haer., V, XXXIII, 3, 4; Евсевий, Hist. eccl., III, 39.

[2] Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 81.

[3] Греческая церковь долгое время выкидывала ее из канона. Евсевий, Hist. eccl., III, 25, 28. 39; VII, 25; Кирилл Иерусалимский, Catech., IV, 33—36; XV, 16; Григорий Назианзин, Carm., стр. 261, 1104, изд. Кайо; Лаодикейский Собор, канон 60; продолж. *Хронографии* Никифора, стр. 419 (Paris, 1652). Арминиане также относят Апокалипсис к книгам, принадлежность коих к канону сомнительна. Саркис Шноргали, цит. в Exercice de la foi héret., с одобрения католикоса Нерсеса (Москва, 1850, на армянском языке), стр. 115—117. Наконец, Апокалипсис не упоминается в древней версии Пескито.

немало вреда всякому общественному развитию[1]. Общество, не будучи уверено в прочности своего существования, нажило себе от этого некоторый вечный трепет и те привычки унизительного смирения, благодаря которым Средние века стоят значительно ниже античного мира и современной эпохи. Сверх того, произошло глубокое изменение во взгляде на пришествие Христа. Когда в первый раз человечеству было возвещено, что планете его приходит конец, оно, как дитя, встречающее смерть улыбкой, приняло эту весть с искреннейшей и живейшей радостью, какую когда-либо испытывало. Но, старея, мир привязался к жизни. День избавления, которого так долго ждали чистые души Галилеи, для этих железных веков сделался днем гнева: Dies irae, dies illa! Но и в недрах варварства идея Царства Божия оставалась плодотворной. Некоторые из актов первой половины Средних веков, начинавшиеся формулой: «Ввиду приближения вечерних сумерек мира...», были хартиями свободы. Невзирая на феодальную церковь, многие секты, религиозные ордена, святые люди не переставали протестовать против несправедливостей мира. Даже в наши дни, в наше смутное время, когда у Иисуса нет более истинных продолжателей его дела, нежели именно те, кто как бы отрицает его, мечты об идеальном строе общества, имеющие столько сходства с мечтами первоначальных христианских сект, в известном смысле представляют собой лишь развитие той же идеи, одну из ветвей того громадного дерева, в котором прозябают все мысли о будущем, а ствол и корень которого вечно будет составлять «Царство Божие». Все социальные революции человечества будут прививками идеи, заключающейся в этих словах. Но, будучи запятнаны грубым материализмом, стремясь к невозможному, то есть к основанию всеобщего счастья путем политических и экономических мероприятий, попытки «социалистов» нашего времени останутся бесплодными до тех пор, пока они не примут за основу истинный дух Иисуса, под которым я разумею абсолютный идеализм, тот принцип, что для того, чтобы владеть землей, надо от нее отказаться.

С другой стороны, слова «Царство Божие» необыкновенно удачно выражают потребность души в некотором дополнении к судьбе человеческой, в компенсации за

---

[1] См., например, пролог Григория Турского в его Histoire ecclésiastique des Francs.

существующую на земле неправду жизни. Те, кто не хочет признать, что человек состоит из двух сущностей, кто находит, что догмат деизма о бессмертии души противоречит физиологии, любят убаюкивать себя надеждой на конечное возмещение, которое так или иначе, в неизвестной форме, удовлетворит потребности человеческого сердца. Как знать, не принесет ли нам последняя степень прогресса спустя миллионы веков абсолютного познания вселенной и не произойдет ли в этом познании возрождение всего пережитого? Сон в течение миллиона веков не длиннее сна в течение часа. Имея в виду эту гипотезу, можно признать, что Св. Павел опять-таки был прав, говоря [1]: in ictu oculi! (в мгновение ока!). Несомненно, что нравственность и добродетель человечества восторжествуют, что рано или поздно чувство честного бедного человека будет судить мир и что в тот день идеальный образ Иисуса смутит суетного человека, не верившего в добродетель, эгоиста, не умевшего с ней сообразоваться. Таким образом, любимое выражение Иисуса остается исполненным вечной красоты. Словно дар грандиозного предвидения руководил в этом отношении великим учителем и удерживал его на беспредельной высоте, на которой он совмещал в себе в одно и то же время истины различного порядка.

ГЛАВА XVIII

УЧРЕЖДЕНИЯ ИИСУСА.

Мы видим доказательство тому, что Иисус никогда не был весь поглощен апокалипсическими идеями, в том, что в то самое время, когда он был более всего занят ими, он с изумительною уверенностью в своих взглядах набрасывал основы Церкви, предназначенной для долготы дней. Едва ли можно сомневаться в том, что он сам выбрал из числа своих учеников тех, которых по преимуществу называли «апостолами» или «двенадцатью», так как уже на другой день после его смерти мы встречаем их как организацию, которая путем выбора пополняет выбывшего из их среды [2]. В числе их были двое сыновей

---

[1] 1 посл. к Коринф., XV, 52.

[2] Матфея, X, 1 и след.; Марка, III, 13 и след.; Луки, IV, 13; Иоанна, VI, 70; XIII, 18; XV, 16; Деяния, I, 15 и след.; 1 посл. к Коринф., XV, 5; посл. к Гал., I, 10; Апокалипсис, XXI, 12.

Ионы, двое сыновей Зеведея, Иаков, сын Алфея, Филипп, Нафанаил, Варфоломей, Фома, Матвий, Симон Зилот, Фаддей или Леввий, Иуда из Кериота [1]. Возможно, что при определении этого числа играла известную роль идея двенадцати колен Израиля [2]. Как бы то ни было, эти «двенадцать» составляли группу привилегированных учеников, среди которых Петр сохранял за собой чисто братское [3] старшинство и которой Иисус доверил пропаганду своего учения. Но тут не было и помина о правильно организованной жреческой коллегии; самые списки «двенадцати», дошедшие до нас, представляют много неточностей и противоречий; двое или трое из лиц, внесенных в них, остались в полнейшей неизвестности. По меньшей мере двое из них, Петр и Филипп [4], были женаты и имели детей.

Очевидно, Иисус сообщал этим двенадцати тайны, которые запрещалось доводить до общего сведения [5]. Иногда представляется, будто он хотел облечь свою личность в некоторого рода таинственность, отложить главнейшие доказательства до времени, которое наступит после его смерти, открыться вполне только своим ученикам, поручив им впоследствии объявить об этом всему миру [6]. «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях». Таким образом, он избавлялся от слишком точных объяснений и создавал некоторого рода посредничество между собой и общественным мнением. Несомненно, что для апостолов существовали тайные поручения и что он развивал им некоторые притчи, смысл которых для толпы оставлял неопределенным [7]. Некоторая загадочность и оригинальность в связи между отдельными мыслями были тогда общеприняты в поучениях книжников, как об этом можно судить по сентенциям в *Пиркэ Абот*: Иисус объяснял своим ближайшим ученикам то, что казалось странным

---

[1] Матфея, X, 2 и след.; Марка, III, 16 и след.; Луки, VI, 14 и след.; Деяния, I, 13; Папий у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[2] Матфея, XIX, 28; Луки, XXII, 30.

[3] Деяния, I, 15; II, 14; V, 2—3, 29; VIII, 19; XV, 7; посл. к Гал., I, 18.

[4] Относительно Петра см. выше, стр. 131; относительно Филиппа см. у Папия, Поликрата и Климента Алекс., по цит. у Евсевия, Hist. eccl., III, 30, 31, 39; V, 24.

[5] Матфея, XVI, 20; XVII, 9; Марка, VIII, 30; IX, 8.

[6] Матфея, X, 27, 28; XVI, 20; Марка, IV, 21 и след.; VIII, 30; Луки, VIII, 17; IX, 21; XII, 2 и след.; Иоанна, XIV, 22; посл. Варнавы, 5.

[7] Матфея, XIII, 10 и след.; 34 и след.; Марка, IV, 10 и след.; 33 и след.; Луки, VIII, 9 и след.; XII, 41.

в его апофегмах и апологах, и для них очищал свое поучение от изобиловавших в нем и иногда затемнявших его смысл сравнений [1]. Многие из таких объяснений, по-видимому, тщательно сохранялись [2].

Апостолы начали проповедовать еще при жизни Иисуса [3], но никогда сколько-нибудь не отклонялись от него. Впрочем, их проповедь ограничивалась тем, что они возвещали скорое пришествие Царства Божия [4]. Они переходили из города в город, пользовались гостеприимством или, лучше сказать, согласно обычаям того времени, сами забирали все, что требовалось. На Востоке гость пользуется большим авторитетом; он старше хозяина дома; хозяин оказывает ему величайшее доверие. Проповедь у домашнего очага — превосходное средство для пропаганды новых учений. Пришелец показывает припрятанное у него сокровище; в этом заключается плата за гостеприимство; благодаря вежливости и добрым отношениям, весь дом таким образом оказывается завоеванным. Без восточного гостеприимства распространение христианства было бы невозможно объяснить. Иисус, высоко ценивший добрые старые нравы, приглашал своих учеников не стесняясь пользоваться этим древним общественным правом, которое в больших городах, где существовали и гостиницы [5], вероятно, уже не соблюдалось. «Работник,— говорил он,— достоин своей платы». Водворившись у кого-нибудь, они здесь и оставались, ели и пили то, что им предлагали хозяева, до окончания своей миссии [6].

Иисус желал, чтобы, по его примеру, благовествующие послы при помощи доброжелательных манер и приветливости сообщали бы своей проповеди приятный характер. Он требовал, чтобы, входя в дом, они произносили: «Мир дому сему» или пожелание счастья. Некоторые колебались, так как такое приветствие на Востоке в то время, как и ныне, считалось знаком религиозного общения, заявлять о котором людям неизвестной веры было бы рискованно [7]. «Не бойтесь,— говорил Иисус,— если в доме

---

[1] Матфея, XVI, 6 и след.; Марка, VII, 17—23.

[2] Матфея, XIII, 18 и след.; Марка, VII, 18 и след.

[3] Луки, IX, 6.

[4] Луки, X, 11.

[5] Греческое слово pandokeion на всех восточных наречиях одинаково и означает гостиницу.

[6] Марка, VI, 10 и след.

[7] 2 посл. Иоанна, 10—11.

никто не будет достоин вашего мира, мир ваш к вам возвратится» [1]. Иногда, действительно, случалось, что апостолов Царства Божия худо принимали, и они приходили жаловаться Иисусу, который обыкновенно старался их успокоить. Некоторые из них, убежденные во всемогуществе своего учителя, обижались такой его снисходительностью. Сыновья Зеведея просили его послать с неба огонь на негостеприимные города [2]. Иисус относился к таким вспышкам со свойственной ему тонкой иронией и сдерживал их словами: «Я пришел не губить души, а спасать».

Он пытался всеми способами установить тот принцип, что апостолы его то же, что он сам [3]. Думали, что он передал им свои чудесные силы. Они изгоняли демонов, пророчествовали и образовали школу знаменитых заклинателей [4], хотя несомненно, что некоторые случаи оказывались им не по силам [5]. Они совершали также исцеления, или возложением рук, или при помощи помазывания маслом [6], что было одним из главных приемов восточной медицины. Наконец, подобно «псиллам», они могли брать в руки змей и безнаказанно принимать внутрь смертельные яды [7]. И по мере того, как эпоха Иисуса уходила в прошлое, эта теургия становилась все более отталкивающей. Но нет сомнения, что она входила в обычное право первоначальной церкви и что она более всего привлекала к себе внимание современников [8]. Как и следовало ожидать, шарлатаны начали эксплуатировать такое легковерие народа. Еще при жизни Иисуса многие, не будучи его учениками, изгоняли бесов его именем. Истинные ученики сильно гневались на это и старались помешать таким заклинателям. Иисус, не усматривая в этом никакого ущерба для своей славы, напротив, не обнаруживал к ним особенной строгости [9]. Надо еще заметить, что такого рода сверхъестественная власть, если можно так выразиться, становилась уже ремеслом. Доводя свои логические выводы до абсурда, некоторые люди изгоняли бесов именем Вельзе-

---

[1] Матфея, X, 11 и след.; Луки, X, 5 и след.

[2] Луки, IX, 52 и след.

[3] Матфея, X, 40—42; XXV, 35 и след.; Марка, IX, 40; Луки, X, 16; Иоанна, XIII, 20.

[4] Матфея, VII, 22; X, 1; Марка, III, 15; VI, 13; Луки, X, 17.

[5] Матфея, XVII, 18—19.

[6] Марка, VI, 13; XVI, 18; посл. Иакова, V, 14.

[7] Марка, XVI, 18; Луки, X, 19.

[8] Марка, XVI, 20.

[9] Марка, IX, 37—38; Луки, IX, 49—50.

вула [1], князя демонов. Предполагалось, что этот князь тьмы и адских легионов должен был иметь неограниченную власть над своими подданными, и, следовательно, действуя через него, можно было с полной уверенностью заставить беса обратиться в бегство [2]. Некоторые делали даже попытки купить у учеников Иисуса секрет их чудесного дара, который им был доверен [3].

С этого времени уже проявляется первый зародыш Церкви. Плодотворная идея власти людей, соединившихся между собой (ecclesia), по-видимому, принадлежит именно Иисусу. Проникшись своим чисто идеалистическим учением, что в союзе, основанном на любви, имеется налицо участие душ, он заявлял, что, где несколько человек соберется во имя его, там и он будет посреди них. Он вверяет Церкви право связывать и разрешать (то есть объявлять то или другое дозволенным или недозволенным), отпускать грехи, облегчать, давать предупреждения, молиться с уверенностью, что молитва будет услышана [4]. Возможно, что многие из этих слов были приписаны учителю позднее, чтобы создать таким образом основу для коллективной власти, которую впоследствии пытались поставить на место его авторитета. Во всяком случае, мы видим, что отдельные церкви начали организовываться лишь после его смерти, и притом первая их конституция создавалась просто по образцу синагог. Многие лица, сильно привязавшиеся к Иисусу и возлагавшие на него большие ожидания, как, например, Иосиф Аримафейский, Мария Магдалина, Никодим, по-видимому, не вошли в эти церкви и остались при нежных и почтительных воспоминаниях, которые у них сохранились о нем.

В конце концов, в поучениях Иисуса нет ни следа прикладной морали, ни сколько-нибудь определенного канонического права. Лишь в одном случае, именно по поводу брака, он выразился с полной определенностью и запретил разводы [5]. Точно так же в его учении нет ни богословия, ни символов. Едва лишь намечены некоторые взгляды на Отца, Сына, Св. Духа [6], из которых впоследствии были созданы Троичность и Воплощение, но которые у него

---

[1] Древнее божество филистимлян, превращенное иудеями в демона.
[2] Матфея, XII, 24 и след.
[3] Деяния, VIII, 18 и след.
[4] Матфея, XVII, 17 и след.; Иоанна, XX, 23.
[5] Матфея, XIX, 3 и след.
[6] Матфея, XXVIII, 19; Ср. Матфея, III, 16—17; Иоанна, XV, 26.

оставались лишь в виде неопределенных образов. В последних книгах иудейского канона уже упоминается о Св. Духе как о некоторой ипостаси Божества, иногда отождествляемой с Мудростью или Словом [1]. Иисус на этом пункте не настаивал [2], но обещал дать своим ученикам крещение огнем и Духом Святым [3], которое будет иметь преимущество перед крещением Иоанна. Для Иисуса Дух Святой не отделялся от понятия о вдохновении, постоянно исходившем от Бога Отца [4]. Впоследствии появились более тонкие различия. Представляли себе, таким образом, что Иисус обещал своим ученикам послать к ним после своей смерти вместо себя Духа, который научит их всему и будет свидетельствовать об истинах, возвещенных им самим [5]. Однажды апостолы получили уверенность в том, что они и восприняли это крещение Святым Духом, сошедшим на них в виде сильного ветра и огненных языков [6]. Для означения того же самого понятия о Св. Духе пользовались термином *Пераклит*, заимствованным сирийско-халдейским языком у греческого (paraklētos) и, по-видимому, получившим в этом случае значение «Ходатая» [7], «Утешителя» [8], «наставника в небесных истинах», на которого возложено «возвестить людям тайны, еще скрытые от них» [9]. Весьма сомнительно, чтобы Иисус употреблял это слово. В этом отношении применялся прием, которым впоследствии в течение веков пользовались иудейское богословие и христианское богословие и от которого должен был произойти целый ряд божественных ассистентов, *метатрон, синадельф* или *сандальфон*, и все олицетворение кабалы, с той только разницей, что в иудаизме этим созданиям богословия суждено было остаться в виде частичных и свободных умозрений, тогда как в христианстве, уже начиная с IV века, они должны были войти в самую сущность православия и всеобщего догмата.

---

[1] Премудрость Соломона, I, 7; VII, 7; IX, 17; XII, 1; Екклезиаст, I, 9; XV, 5; XXIV, 27; XXXIX, 8; Иудифь, XVI, 17.

[2] Матфея, X, 20; Луки, XII, 12; XXIV, 49; Иоанна, XIV, 26; XV, 26.

[3] Матфея, III, 11; Марка, I, 8; Луки, III, 16; Иоанна, I, 26; III, 5; Деяния, I, 5, 8; X, 47.

[4] Матфея, X, 20; Марка, XIII, 11; Луки, XII, 12; XXI, 15.

[5] Иоанна, XV, 26; XVI, 13, 16; Ср. Луки, XXIV, 49; Деяния, I, 8.

[6] Деяния, II, 1—4; XI, 15; XIX, 6. Ср. Иоанна, VII, 39.

[7] *Переклиту* противопоставлялся *катигор* (katēgoros), «обвинитель».

[8] Иоанна, XIV, 16; 1 посл. Иоанна, II, 1.

[9] Иоанна, XIV, 26; XV, 26; XVI, 7 и след. Это слово встречается в четвертом Евангелии и у Филона, De mundi opificio, § 6.

Бесполезно было бы отмечать, насколько самая мысль о религиозной книге, в которую бы вошли кодекс и правила веры, была чужда идеям Иисуса. Не только он не составлял такой книги, но даже всему духу нарождавшейся секты противоречило составление священных книг. Все верили в канун великой конечной катастрофы. Ожидался Мессия, который наложит печать на Закон и Пророков, а новых текстов возвещать уже не будет. И за исключением Апокалипсиса, который в известном смысле является единственной книгой откровения первоначального христианства [1], все сочинения апостольского века носят случайный характер и нисколько не обнаруживают притязаний дать полный догматический свод. Евангелия имели сперва чисто частный характер и пользовались гораздо меньшим авторитетом, нежели предание [2].

Однако не имела ли новая секта какого-либо таинства, обряда, внешнего знака сообщества? Один такой знак, по всем преданиям установленный самим Иисусом, действительно был. Одной из любимых идей учителя была та, что он есть новый хлеб,— хлеб, имеющий несомненное преимущество перед манной, хлеб, которым будет жить все человечество. Эта идея, зародыш таинства Евхаристии, в его устах иногда принимала до странности конкретную форму. Однажды в синагоге в Капернауме он дошел в этом отношении до такой смелости, что она ему стоила многих из его учеников: «Истинно, истинно говорю вам,— сказал он,— не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес» [3]. И затем прибавил: «Я есмь хлеб жизни: приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня — не будет жаждать никогда» [4]. Эти слова вызвали оживленный протест. «И возроптали на Него иудеи за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сошедший с небес. И говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отца и мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сошел с небес?» Но Иисус настаивал усиленно на этом. «Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я

---

[1] Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 81.

[2] Папий, у Евсевия, Hist. eccl., III, 39.

[3] Иоанна, VI, 32 и след.

[4] Подобный же оборот речи, вызывающий недоразумения, находится у Иоанна, IV, 10 и след.

отдам за жизнь мира» [1]. Общее негодование дошло до высшей точки: «Как Он может нам дать есть Плоть Свою?» Но Иисус пошел еще дальше: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни: ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть Пища, и Кровь Моя истинно есть питие; ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною». Такое упорное отстаивание своего парадокса возмутило многих учеников, которые отошли от него после этого и уже не ходили за ним. Но Иисус не брал своих слов назад; он только прибавил к этому: «Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь». Двенадцать остались ему верны, несмотря на такую странную проповедь. Это подало повод ученику Кифе выразить свою абсолютную преданность Иисусу и лишний раз заявить: «Ты — Христос, Сын Бога живого!»

Весьма возможно, что с того времени за общей трапезой секты установился обычай, имевший некоторое отношение к этому поучению, столь недоброжелательно принятому жителями Капернаума. Но апостольские предания на этот счет довольно разноречивы и передаются, вероятно, с умышленной неполнотой. Синоптические Евангелия, рассказ которых об этом подтвержден Св. Павлом, приводят в виде основания для мистического обряда единственный акт, имеющий характер таинства, и относят его к последней вечере [2]. Но четвертое Евангелие, в котором как раз повествуется об инциденте в синагоге в Капернауме, не говорит ни слова о подобном акте, хотя излагает последнюю вечерю довольно пространно. Сверх того, впоследствии Иисус был узнан по тому, как он преломил хлеб [3], как будто для тех, кто ходил с ним, жест этот представлялся у Иисуса наиболее характерным. После смерти его в набожных воспоминаниях его учеников он представлялся в образе

---

[1] Все эти речи носят на себе слишком явный отпечаток стиля, свойственного четвертому Евангелию, для того чтобы возможно было признать их точность. Тем не менее в инциденте, сообщаемом в VI главе этого Евангелия, нельзя не признать исторической реальности.

[2] Матфея, XXVI, 26 и след.; Марка, XIV, 22 и след.; Луки, XXII и след.; 1 посл. к Коринф., XI, 23 и след.

[3] Луки, XXIV, 30, 35.

председателя таинственной трапезы, который берет в руки хлеб, благословляет его, преломляет и раздает присутствующим [1]. Можно думать, что таково было одно из его обыкновений и что в такой момент он бывал особенно приветливым и растроганным. И еще одна фактическая подробность вечери, рыба на столе,— прямое доказательство тому, что обряд установился на берегу Тивериадского озера [2],— получила также почти сакраментальный характер и стала необходимой принадлежностью изображений Тайной вечери [3].

Трапезы стали у нарождающейся секты одним из наиболее приятных моментов ее жизни. В это время все сходились; учитель говорил с каждым и поддерживал общий разговор, полный чарующей веселости. Иисус любил эти минуты, и ему нравилось, когда вся его духовная семья группировалась таким образом вокруг него [4]. По еврейскому обычаю в начале каждой трапезы хозяин дома берет хлеб, с молитвой благословляет его, преломляет и предлагает каждому из присутствующих за столом. Таким же способом происходило и освящение вина [5]. У ессениан и терапевтов священная трапеза уже составляла важный обряд и получила то развитие, которое приобрела впоследствии и христианская вечеря [6]. Участие в разделе хлеба рассматривалось как взаимная связь между всеми участниками, при-

---

[1] Иоанна, XXI, 13; Евагелие от евреев у Св. Иеремии, De viris iilustr., III, 2.

[2] Ср. Матфея, VII, 10; XIV, 17 и след.; XV, 34 и след.; Марка, VI, 38 и след.; Луки, IX, 13 и след.; XI, 11; XXIV, 42; Иоанна, VI, 9 и след.; XXI, 9 и след. Бассейн Тивериадского озера единственное место в Палестине, где рыба составляет весьма существенную часть пищи жителей.

[3] Иоанна, XXI, 13; Луки, XXIV, 42—43. Ср. наиболее старинные изображения Тайной вечери, которые приводит или проверяет г. де Росси в своей диссертации об ΙΧΘΥΣ (Specilegium Solesmense de dom Pitra, t. III, стр. 568 и след.). Ср. де Росси, Bull. di arch. crist., третий год, стр. 44 и след., 73 и след. Несомненно, что сардины, так же, как и хлеб, были непременной принадлежностью всякой еды. См. надпись в Ланувиуме, 2-е col., 16—17. Смысл анаграммы, которая заключается в слове ΙΧΘΥΣ, по всей вероятности, имеет отношение к более древнему преданию касательно роли, которую играла рыба в евангельских трапезах.

[4] Луки, XXII, 15.

[5] Матфея, XIV, 19; Луки, XXIV, 30; Деяния, XXVII, 35; Вавил. Талмуд, *Беракот*, 37b. Такой обычай и доныне существует за столом у израильтян.

[6] Филон, De vita contemplatione, § 6—11; Иосиф, B. I., II, VIII, 7.

частие их к союзу [1]. Иисус в этом отношении выражался в крайне энергичных словах, которые впоследствии были приняты буквально. Иисус был в одно и то же время крайним идеалистом в понятиях и крайним материалистом в выражениях. Желая внушить ту мысль, что верующий живет им, что сам он, Иисус, всецело (всей душой, кровью и телом) составляет жизнь верующего, он говорил своим ученикам: «Я есмь ваша пища», и эта фраза, переделанная в образный стиль, превратилась в положение: «Плоть моя — ваш хлеб, кровь моя — ваше питие». Затем способ выражаться, усвоенный Иисусом, заводит его еще дальше, и за столом, указывая на пищу, он говорит: «Вот я», а взявшись за хлеб: «Сие есть тело мое» и за вино: «Сия есть кровь моя». Все это тот же образный способ выражения одной и той же мысли: «Я есмь ваша пища».

Этот мистический обряд получил важное значение еще при жизни Иисуса. Он был установлен, вероятно, задолго до последнего путешествия его в Иерусалим и был скорее результатом общего учения, нежели отдельного определенного акта. После смерти Иисуса он превратился в великий символ христианского общения [2], и самое установление его было связано с одним из торжественнейших моментов в жизни Спасителя. В акте освящения хлеба и вина желали видеть достопамятное прощание Иисуса со своими учениками в момент, когда он оставлял жизнь [3]. В самом таинстве усматривали возобновление общения с самим Иисусом [4]. Чисто спиритуалистическая идея о присутствии душ, которая была одной из наиболее свойственных учителю, под влиянием которой он говорил, например, что сам присутствует среди своих учеников, когда они собираются во имя его [5], облегчало такого рода толкование. Мы уже говорили [6], что Иисус никогда не имел определенного мнения о том, что дается индивидуальностью. В той степени экзальтации, до которой он дошел, идея у него преобладала над всем остальным до такой степени, что тело не ставилось ни во что. Те, кто любят друг друга, кто живет друг другом, составляют одно целое;

---

[1] Деяния, II, 46; XX, 7, 11; 1 посл. к Коринф., X, 16—18.

[2] Деяния, II, 42, 46.

[3] Луки, XXII, 19; 1 посл. к Коринф., XI, 20 и след.; Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 41, 70; Apol., I, 66.

[4] 1 посл. к Коринф., X, 16.

[5] Матфея, XVIII, 20.

[6] См. выше, стр. 181.

следовательно, могут ли он и его ученики не быть единым? [1] Его ученики усвоили такой же способ выражаться [2]. Те из них, кто годами жили им, всегда видели его перед собой с хлебом и чашей «в своих святых и досточтимых руках» [3], предающим себя им в пищу. И они вкушали именно его самого в виде хлеба и вина; он стал истинной Пасхой, так как пролитием его крови древняя Пасха отменялась. Нашим точно определенным языком, в котором собственный смысл и метафора всегда должны строго различаться друг от друга, невозможно передать особенности того стиля, существенной чертой которого является присвоение полной реальности метафоре или, вернее сказать, идее.

ГЛАВА XIX

ПРОГРЕССИВНОЕ НАРАСТАНИЕ ЭНТУЗИАЗМА И ЭКЗАЛЬТАЦИИ.

Совершенно ясно, что подобное религиозное сообщество, основанное исключительно на ожидании Царства Божия, должно было само по себе представляться далеко не совершенным. Все первое поколение христиан жило ожиданием и мечтами. Накануне конца мира считалось бесцельным все, что служит только к продлению существующего. Собственность была запрещена [4]. Полагалось избегать также всего, что привязывает человека к земному, всего, что отвлекает его мысли от небесного. Хотя многие ученики были женаты, тем не менее все вновь вступавшие в секту, по-видимому, не женились [5]. Предпочиталось безбрачие; даже людям, состоявшим в браке, предлагалось воздержание [6]. Казалось, был такой момент, когда учитель одобрял поступок тех, которые увечили себя ради Царства Божия [7]. В этом отношении он был только последователен, исходя из принципа: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их

---

[1] Иоанна, XII вся.
[2] Посл. к Ефес., III, 17.
[3] Слова одного весьма древнего канона греческих и латинских месс.
[4] Матфея, XIX, 21; Луки, XIV, 33; Деяния, IV, 32 и след.; V, 1—11.
[5] Матфея, XIX, 10 и след.; Луки, XVIII, 29 и след.
[6] Павел всегда проповедовал это. Ср. Апокалипсис, XIV, 4.
[7] Матфея, XIX, 2.

и брось от себя; лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели быть ввержену в огонь вечный с двумя руками и двумя ногами. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную»[1]. Прекращение рода некоторые считали признаком и необходимым условием Царства Божия.

Из этого видно, что первоначальная христианская Церковь никогда бы не могла образовать прочного общества, если бы зародыши, вложенные Иисусом в его учение, не отличались большим разнообразием. Понадобилось еще более столетия, чтобы истинная христианская Церковь, завоевавшая мир, отделилась от этой небольшой секты «святых последнего дня» и обратилась в кадры, пригодные для всего человеческого общества. В конце концов, то же самое случилось с буддизмом, который сперва был основан только для иноков. То же постигло бы и орден Св. Франциска, если бы ему удалось осуществить свое притязание сделаться общим правилом для всего человеческого общества. Великие организации, о которых мы упомянули, зародившись в виде утопий и пользуясь успехом именно благодаря заключавшимся в них преувеличениям, могли завоевать мир только при условии глубоких видоизменений в них и при согласии отказаться от всех своих чрезмерных требований. Иисус не пережил этого первого всецело монашеского периода, когда считали возможным безнаказанно пытаться осуществить неосуществимое. Он не делал никаких уступок. Он смело проповедовал войну с природой, полный разрыв с кровью. «Истинно говорю вам,— поучал Иисус,— кто оставит свой дом, жену, братьев, родных, детей ради Царства Божия, тому возвратится сторицей в этом мире, а в будущем он получит жизнь вечную»[2].

Такой же экзальтацией дышат предписания, которые, как полагают, Иисус давал своим ученикам[3]. Снисходительный к посторонним, довольствуясь иногда полуприверженностью[4], по отношению к своим он обнаруживает крайнюю суровость. Тут он не мирится с полумерами. Это как бы «орден», основанный на самых строгих правилах.

---

[1] Матфея, XVIII, 8, 9. См. Вавил. Талмуд. *Ниддах*, 13b.

[2] Луки, XVIII, 29—30.

[3] Матфея, X вся; XXIV, 9; Марка, IV, 8 и след.; IX, 40; XIII, 9—13; Луки, IX, 3 и след.; X, 1 и след; XXI, 17; Иоанна, XV, 18 и след.; XVII, 14.

[4] Марка, IX, 38 и след.

Исходя из мысли, что житейские заботы смущают и унижают человека, Иисус требует от своих последователей полного отрешения от земного и абсолютной преданности его делу. Они не должны брать с собой денег, ни съестных припасов в дорогу, даже дорожного мешка или смены платья. Они обязуются быть абсолютно нищими, питаться подаянием, жить из милости. «То, что вы получили даром, отдавайте другим даром» [1] — так выражался он на своем дивном языке. Когда вас арестуют, приведут к судьям, не приготовляйтесь, что отвечать; небесный ходатай вдохновит вас и внушит вам ответы. Отец пошлет вам свыше своего Духа, который станет принципом всех ваших деяний, руководителем ваших мыслей, руководителем среди мира [2]. Когда вас изгонят из какого-либо города, отряхните прах со своей обуви, но, во всяком случае, пусть этот город знает, что делает, чтобы он не мог ссылаться на свое неведение о близком пришествии Царства Божия. «И прежде, чем вы обойдете все города Израиля,— прибавлял он,— Сын Человеческий уже появится».

Страшная горячность воодушевляет все эти поучения, которые отчасти, быть может, созданы энтузиазмом учеников [3], но и в таком случае все-таки косвенно исходят от самого Иисуса, ибо самый энтузиазм этот был делом его рук. Иисус возвещал тем, кто желает за ним последовать, что их ожидают большие преследования и ненависть со стороны человеческого рода. Он посылает их, как агнцев к волкам. Их будут бичевать в синагогах, влачить по тюрьмам. Брат будет выдавать брата, отец своего сына. Когда их будут преследовать в одной стране, пусть бегут в другую.

«Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего,— говорил он.— И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца нашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» [4]. «Итак всякого, кто исповедает Меня перед людьми, того исповедаю Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от

---

[1] Матфея, X, 8. Ср. Мидраш Ялкут, *Второзаконие*, отд. 824.

[2] Матфея, X, 20; Иоанна, XIV, 16 и след.; 26; XV, 26; XVI, 7, 13.

[3] Тексты Матфея, X, 38; XVI, 24; Марка, VIII, 34; Луки, XIV, 27, могли быть составлены не иначе как после смерти Иисуса.

[4] Матфея, X, 24—31; Луки, XII, 4—7.

Меня пред людьми, отрекусь от того и Я, когда прииду во славе Отца Своего со святыми ангелами»[1].

Среди таких приступов ригоризма он доходил до умерщвления плоти. Требования его становились безграничными. Пренебрегая здравыми пределами, которые кладет человеческая природа, он требует, чтобы его последователи жили только для него, любили одного его. «Если кто приходит ко Мне,— говорит он,— и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, и притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»[2]. «Так, всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»[3]. В это время к его словам примешивалось нечто сверхчеловеческое и страшное; то было как бы пламя, уничтожавшее всю жизнь в самом ее корне и превращавшее все в ужасную пустыню. Резкое и печальное чувство отвращения к миру, преувеличенного отречения от него, характеризующее христианское совершенство, было основано не радостным и тонким моралистом первых дней, а мрачным гигантом, который под влиянием некоторого грандиозного предчувствия все более и более удалялся от всего человеческого. Можно было бы сказать, что в эти моменты борьбы с законнейшими из требований сердца он забывал все радости бытия, удовольствия, которые испытывает человек, когда он любит, видит, чувствует. Выходя из всякой меры, он осмеливался говорить: «Кто хочет идти за Мной, отвергнись от себя и возьми крест свой и следуй за Мною! Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. Ибо кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»[4] Два эпизода из ряда таких, которые нельзя считать историческими, но которые предназначены для того, чтобы передать характерную черту, преувеличив ее, прекрасно рисуют этот вызов, брошенный природе. Иисус говорит одному человеку: «Следуй за мной!» — «Господи,— отвечает тот,— позволь

[1] Матфея, X, 32—33; Марка, VIII, 38; Луки, IX, 26; XII, 8—9.

[2] Луки, XIV, 26. Здесь надо считаться с преувеличенным характером стиля Луки.

[3] Луки, XIV, 33.

[4] Матфея, X, 37—39; XVI, 24—26; Марка, VIII, 34—37; Луки, IX, 23—25; XIV, 26—27; XVII, 33; Иоанна, XII, 25.

мне прежде пойти и похоронить отца моего».— Но Иисус сказал ему: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди благовествуй Царство Божие». Еще другой сказал: «Я пойду за тобой, Господи, но прежде позволь мне проститься с домашними своими». Но Иисус сказал: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царства Божия» [1]. Среди таких преувеличений проскальзывает необычайная уверенность, а иногда и оттенки странной кротости, которые перевертывают вверх дном все наши представления. «Придите ко Мне,— восклицает он,— все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдите покой душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» [2].

Эта экзальтированная мораль, проповедуемая со страшной энергией и гиперболическим языком, угрожала будущему серьезной опасностью. Отрешая человека от земли, она разбивает его жизнь. Христианин получит репутацию дурного сына, плохого патриота, так как ради Христа он противится своему отцу и борется со своей родиной. Античный город, республика, общая мать, государство, общий закон для всех, все они построены на враждебном отношении к Царству Божию. Таким образом, в мир вносится роковой зародыш теократии.

С этого момента можно уже предвидеть и другое последствие. Перенесенная в общество, находящееся в спокойном состоянии и уверенное в своей собственной прочности, эта мораль, созданная для момента кризиса, должна была представиться невозможной. Таким образом, Евангелию суждено было сделаться для христиан утопией, об осуществлении которой стали бы беспокоиться лишь весьма немногие. Для огромного же большинства эти громоносные правила осуждены были на полное забвение, которое поддерживалось и самим духовенством; человек евангельского духа будет считаться опасным. И для человека, наиболее заинтересованного в жизни, наиболее горделивого, наиболее жестокого, наиболее лишенного поэтического чувства, вроде, например, Людовика XIV, должны были найтись священники, которые, наперекор Евангелию, стали бы его убеждать в том, что он христианин. Но

---

[1] Матфея, VIII, 21—22; Луки, IX, 56—62.
[2] Матфея, XI, 28—30.

всегда будут встречаться также и святые люди, которые примут буквально высокие парадоксы Иисуса. Тем самым, что совершенство ставилось вне обычных общественных условий, а вполне евангельская жизнь оказывалась возможной только вне мира, устанавливались принципы аскетизма и монашества. Христианские общины должны будут усвоить две морали, одну умеренно-героическую, для обыкновенных людей, другую, экзальтированную до крайностей, для совершенного человека; и совершенным человеком будет считаться инок, подчиненный правилам, которые будто бы осуществляют евангельский идеал. Несомненно, что подобный идеал не может получить значения общего правила, хотя бы в виду обязательности безбрачия и нищеты. Таким образом, только монах в некоторых отношениях может считаться истинным христианином. Здравый смысл возмущается подобными крайностями; если считаться с ними, то в невозможности исполнения их следует видеть признак слабости и заблуждения. Но обычный здравый смысл плохой судья, когда речь идет о великих вещах. Чтобы добиться от человечества немногого, следует требовать от него побольше. Громадный нравственный прогресс, которым мы обязаны Евангелию, произошел от его преувеличения. Благодаря именно этому Евангелие, подобно стоицизму, но в бесконечно большей степени, послужило живым доказательством существования божественных сил, скрытых в человеке, памятником, воздвигнутым могуществу человеческой воли.

Можно легко себе представить, что в тот момент жизни Иисуса, до которого мы теперь дошли, для него абсолютно уже не существовало все, что не относилось к Царству Божию. Он был, если можно так выразиться, совершенно вне природы: семья, дружба, родина не имели для него никакого смысла. Без сомнения, уже с этого времени он приносил свою жизнь в жертву. Иногда можно даже прийти к заключению, что, видя в своей смерти средство основать свое Царство, он сознательно и обдуманно вел к тому, чтобы заставить убить себя [1]. В других случаях (хотя подобная мысль была возведена в степень догмата лишь впоследствии) смерть представляется ему жертвой, предназначенной для примирения с его Отцом и для спасения людей [2]. Он был проникнут странным

[1] Матфея, XVI, 21—23; XVII, 12, 21—22.
[2] Марка, X, 45.

вкусом к преследованиям и мучениям[1]. Собственная кровь представлялась ему водой второго крещения, которою ему предстояло омыться, и казалось, будто им овладела странная поспешность идти навстречу этому крещению, которое одно только и могло утолить его жажду[2].

Величие его взглядов на будущее по временам бывает поразительным. Он не скрывает от себя той страшной бури, которую ему суждено поднять в мире. «Не думайте,— говорил он с красивой смелостью,— что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И отныне враги человеку — домашние его»[3]. «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»[4] «Изгонят вас из синагог,— говорил он,—и даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу[5]. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас»[6].

Увлекаемый этим ужасающим нарастанием энтузиазма и находясь под влиянием требований своей все более и более возбуждающей проповеди, Иисус более уже не был свободен в своих действиях; теперь он принадлежал своей роли и в некотором смысле человечеству. Порой можно бы сказать, что разум его мутится. У него появляются приступы смертельной тоски и внутреннего волнения[7]. Голова у него идет кругом под влиянием величественных видений Царства Божия, которые постоянно огнем горят перед его глазами. Следует напомнить, что минутами его близкие говорили о нем, что он вышел из себя[8], а враги объявили, что он одержим бесом[9]. Его чрезвычайно страстный темперамент побуждал его на каждом шагу выходить из границ человеческой природы. Так как дело его

---

[1] Луки, VI, 22 и след.
[2] Луки, XII, 50.
[3] Матфея, X, 34—36; Луки, XII, 51—58. Ср. Михея, VII, 5—6.
[4] Луки, XII, 49. См. греческий текст.
[5] Иоанна, XVI, 2.
[6] Иоанна, XV, 18—20.
[7] Иоанна, XII, 27.
[8] Марка, III, 21 и след.
[9] Марка, III, 22; Иоанна, VII, 20; VIII, 48 и след.; X, 20 и след.

не было делом разума и не считалось с доводами человеческого ума, то он и требовал наиболее властно одной только «веры» [1]. Это слово наиболее часто повторялось в маленькой общине. Но это слово является лозунгом всех народных движений. Совершенно ясно, что ни одно из них не произошло бы, если бы тому, кто их возбуждает, понадобилось приобретать себе последователей одного за другим путем логически выведенных неопровержимых доводов. Размышление может только наводить на сомнения, и если бы участников Французской революции, например, предварительно требовалось убеждать достаточно пространными соображениями, то все они дожили бы до глубокой старости, ничего не сделав. Точно так же Иисус метил не столько на правильно сложившееся убеждение, сколько на увлечение. Настойчивый, властный, он не терпел никакой оппозиции: обращаться надо, он ждет этого. Его природная кротость словно покинула его; он бывал резким и грозным [2]. В некоторые моменты собственные ученики перестают его понимать, и он внушает им даже чувство некоторого страха [3]. Негодование по поводу всякого сопротивления увлекало его до того, что он совершал непонятные и с виду абсурдные поступки [4].

Но это не значит, что добродетель его поколебалась: борьба его во имя идеала с действительностью становилась невыносимой. Он страдал и возмущался от соприкосновения с землей. Препятствие раздражало его. Его представление о Сыне Божием становилось смутным и преувеличенным. Божественность имеет свои перерывы; нельзя быть постоянно всю свою жизнь Сыном Божиим. Можно быть им в известные часы, под влиянием внезапного наития, но эти моменты должны сменяться продолжительными темными промежутками. Роковой закон, осуждающий каждую идею и приходящий в упадок, лишь только делаются попытки привлечь людей на ее сторону, применялся и к Иисусу. Люди, соприкасаясь с ним, понижали его до своего уровня. Более нескольких месяцев нельзя было выдержать тот тон, который он взял; наступал момент, когда смерть должна была дать выход из положения, напряженного до крайней степени, поднять его выше

---

[1] Матфея, VIII, 10; IX, 2, 22, 28—29; XVII, 19; Иоанна, VI, 29 и пр.

[2] Матфея, XVII, 17 (Vulg. 16); Марка, III, 5; IX, 19 (Vulg. 18); Луки, VIII, 45; IX, 41.

[3] Эта черта особенно характерна у Марка: IV, 40; V, 15; IX, 31; X, 32.

[4] Марка, XI, 12—14; 20 и след.

непреодолимых препятствий на его безвыходном пути, и, избавив его от чересчур затянувшегося испытания, сделать его отныне уже непогрешимым, и возвратить ему его небесную невозмутимость.

ГЛАВА XX

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, КОТОРОЕ ВСТРЕЧАЛ ИИСУС.

В первый период своей деятельности Иисус, по-видимому, не встречал сколько-нибудь серьезного противодействия. Благодаря полнейшей свободе, которой пользовалась Галилея, и множеству учителей, которые выступали со всех сторон, его проповедь произвела впечатление лишь среди весьма ограниченного кружка лиц. Но с того времени, как Иисус выступил на широковещательное поприще чудес и общественного успеха, над ним начала собираться гроза. Уже не раз ему приходилось скрываться и бежать [1]. Тем не менее Антипа никогда его не стеснял, хотя иной раз Иисус выражался на его счет весьма сурово [2]. Тетрарх находился в своей обычной резиденции [3], Тивериаде, всего в каких-нибудь двух-трех лье от того округа, который Иисус избрал ареной своей деятельности; до правителя доходили слухи об его чудесах, и хотя он, без сомнения, принимал их за ловкие фокусы, тем не менее он пожелал их видеть [4]. Неверующие в то время сильно интересовались этого рода фактами [5]. Но Иисус с своим обычным тактом отказал в этом тетрарху. Он сильно остерегался входить в сношения с неверующим миром, который хотел доставить себе суетную забаву; он стремился привлекать к себе только народ; он берег для простых людей средства, годные только для них.

Однажды распространился слух, будто бы Иисус не кто иной, как Иоанн Креститель, воскресший из мертвых. Антипа был сильно этим озабочен и смущен [6] и употребил хитрость с целью удалить пророка из пределов своих владений. Фарисеи, под видом интереса к участи Иису-

---

[1] Матфея, XII, 14—16; Марка, III, 7; 29—30.

[2] Марка, VIII, 15; Луки, XIII, 32.

[3] Иосиф, Vita, 9; Madden, History of Jewish Coinage, стр. 97 и след.

[4] Луки, IX, 9; XXIII, 8.

[5] Луций, приписанный Луциану, 4.

[6] Матфея, XIV, 1 и след.; Марка, VI, 14 и след.; Луки, IX, 7 и след.

са, предупредили его, будто бы Антипа замышляет его убить. Однако Иисус, при всей своей простоте, заметил ловушку и не ушел [1]. Но его миролюбивые приемы, его непричастность к политической агитации среди народа в конце концов успокоили тетрарха, и опасность рассеялась.

Однако далеко не во всех городах Галилеи новое учение было принято одинаково благосклонно. Не только неверующий Назарет продолжал отрицать того, кому суждено было его прославить, не только собственные братья по-прежнему не верили в него [2], даже приозерные города, в общем благоволившие к нему, не все были им обращены. Иисус часто жалуется на неверие и жестокость сердец, которые он встречает, и, хотя естественно видеть в подобных упреках отчасти прием преувеличения со стороны проповедника, хотя в них чувствуется некоторого рода convicium seculi, который подчеркивался Иисусом из подражания Иоанну Крестителю [3], тем не менее ясно, что далеко не вся страна целиком обратилась к учению о Царстве Божием. «Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! — воскликнул он однажды.— Ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были чудеса, явленные в вас, то давно бы они в вретище и пепле покаялись. Но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо если бы в Содоме явлены были чудеса, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» [4]. «Царица Южная,— прибавил он,—восстанет на суде с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой, и вот здесь больше Соломона. Ниневитяне восстанут на суде с родом сим и осудят его, ибо они покаялись проповеди Иониной, и вот здесь больше Ионы» [5]. Его скитальческий образ жизни, сперва так прельщавший его, начинал уже казаться ему тягостным. «Лисицы имеют норы,— говорил он,— и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет где преклонить голову» [6]. Он обвинял неверующих

---

[1] Луки, XVIII, 31 и след.
[2] Иоанна, VII, 5.
[3] Матфея, XII, 39, 45; XII, 15; XVI, 4; Луки, XI, 29.
[4] Матфея, XI, 21—24; Луки, X, 12—15.
[5] Матфея, XII, 41—42; Луки, XI, 31—32.
[6] Матфея, VIII, 20; Луки, IX, 58.

в том, что они отрицают очевидность. Горечь и упреки все более и более переполняли его сердце.

Действительно, Иисус не мог относиться к противодействию с холодностью философа, который, понимая причину происхождения различных мнений, циркулирующих в мире, находит вполне естественным, что не все держатся одних взглядов с ним. Одним из главных недостатков еврейской расы является ее упорство в спорах и обидный тон, который она всегда вносит в прения. Нигде в мире не бывало таких страстных споров, как у евреев между собой. Чуткость к оттенкам делает человека вежливым и умеренным. Но отсутствие оттенков и составляет одну из наиболее постоянных черт семитического ума. Тонкие произведения, например диалоги Платона, совершенно чужды этим народам. Иисус, который был свободен почти от всех недостатков своей расы и у которого господствующей чертой характера была именно бесконечная деликатность, вопреки самому себе был вынужден прибегать к общераспространенным полемическим приемам [1]. Подобно Иоанну Крестителю [2], он употреблял по адресу своих противников весьма резкие выражения. Будучи изысканно кротким с простосердечными людьми, он ожесточался, встречаясь с неверием, даже если оно не носило агрессивного характера [3]. Это уже не простой кроткий учитель, произносивший Нагорную проповедь, еще не встречавший на своем пути ни противодействия, ни препятствий. Страстность, лежавшая в основе его характера, побуждала его на самые резкие выходки. Не следует удивляться такой странной смеси противоречий. В наши дни один человек отличался такими же резко выраженными контрастами в своем характере, именно Ламеннэ. В его прекрасном труде «Paroles d'un croyant», как в мираже, чередуются взрывы самого бешеного гнева с самыми нежными переходами. Этот человек, отличавшийся в общежитии редкой добротой, становился неукротимым до безумия по отношению к тем, кто мыслил иначе, нежели он. Сам Иисус не без основания применял к себе один текст из книги Исайи [4]: «Не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной

---

[1] Матфея, XII, 34; XV, 14; XXIII, 33.
[2] Матфея, III, 7.
[3] Матфея, XII, 30; Луки, XXI, 23.
[4] Исайя, XLII, 2—3.

не переломит и льна курящегося не угасит» [1]. И тем не менее многое из того, что он советует своим ученикам, уже носит в себе зародыши истинного фанатизма [2], те самые зародыши, которым суждено было в Средние века развиться таким жестоким способом. Но следует ли упрекать его в этом? Никакая революция немыслима без некоторой резкости. Если бы Лютер или деятели Французской революции должны были соблюдать правила вежливости, не совершилось бы ни реформации, ни революции. Надо радоваться, что Иисус не имел дела ни с каким законом, карающим за оскорбление целого класса граждан. Фарисеи были бы неприкосновенны. Все великие приобретения человечества были совершены во имя абсолютных принципов. Один философ сказал своим ученикам: «Уважайте мнение других и верьте, что никто не бывает настолько же вполне прав, насколько вполне не прав его противник». Но деятельность Иисуса не имеет ничего общего с бесстрастным умозрением философа. Для пылкой души невыносима самая мысль, что в известный момент идеал был бы почти достигнут, если бы этому не помешала чья-либо злоба. Каково же испытать это основателю нового мира!

Непреодолимое препятствие идеям Иисуса шло главным образом со стороны фарисеев. Иисус все более и более отдалялся от того иудаизма, который слыл правоверным. Фарисеи же были нервом и силой иудаизма. Хотя центр этой партии находился в Иерусалиме, тем не менее она имела приверженцев, живших в Галилее или, по крайней мере, часто посещавших север [3]. Вообще это были люди узкого ума, сильно погрязшие по внешности, отличавшиеся презрительной официальной, самодовольной и самоуверенной набожностью [4]. Они усвоили себе странные манеры, над которыми смеялись даже те, кто к ним самим относился с уважением. Доказательством этому служат те прозвища, которые они получили в народе и которые отзываются карикатурой. Так, были фарисеи «кривоногие» (*никфи*), которые волочили ноги, когда ходили по улицам, и задевали за все булыжники; фарисеи «с ок-

---

1 Матфея, XII, 19—20.

2 Матфея, X, 14—15, 21 и след.; 34 и след.; Луки, XIX, 27.

3 Марка, VII, 1; Луки, V, 17 и след.; VII, 36.

4 Матфея, VI, 2, 5, 16; IX, 11, 14; XII, 2; XXIII, 5, 15, 23; Луки, V, 30; VI, 2, 7; XI, 39 и след.; XVIII, 12; Иоанна, IX, 16; *Пиркэ Абот*, 1, 16; Иосиф, Ant., XVII, II, 4; XVIII, I, 3; Vita, 38; Вавил. Талмуд, *Сота*. 22b.

ровавленным лбом» (*кицаи*), которые ходили с зажмуренными глазами, чтобы не видеть женщин, и потому так часто натыкались на стены, что лоб у них всегда был в крови; фарисеи «колотушки», которые держались согнувшись вдвое, подобно рукояти колотушки (*медукии*); фарисеи «с сильными плечами» (*тикми*), ходившие сгорбившись, как бы взвалив себе на плечи всю тяжесть Закона; фарисеи «что надо сделать? я делаю», всегда готовящиеся выполнить какое-либо предписание; и наконец, «крашеные» фарисеи, для которых вся внешняя сторона набожности являлась лишь лаком, скрывавшим под собой их лицемерие [1]. Действительно, зачастую весь их ригоризм был видимостью, под которой скрывалась большая нравственная распущенность [2]. Тем не менее народ обманывался на их счет. Инстинкт народа вообще всегда верен, хотя он может сильнейшим образом заблуждаться в оценке лиц; ложная набожность весьма легко его обманывает. То, что народ любит в набожных людях, действительно хорошо и достойно любви, но у него достаточно проницательности, чтобы отличить притворство от действительной набожности.

Нетрудно понять ту антипатию, которая должна была возникнуть в столь страстном обществе непременно между Иисусом и личностями подобного характера. Иисус признавал только религию сердца; религия фарисеев заключалась почти исключительно в соблюдении правил. Иисус искал униженных и всякого рода отверженцев; фарисеи видели в этом оскорбление для их религии порядочных людей. Фарисей был человеком непогрешимым и безгрешным, педантом, который уверен в своей правоте; он занимал первые места в синагогах, молился на улицах, громогласно подавал милостыню, обращая внимание на то, благодарят ли его при этом. Иисус проповедовал, что каждый должен со страхом и трепетом ждать суда Божия. Дурное религиозное направление, представителем которого

[1] Мишна, *Сота*, III, 2; Иерус. Талмуд, *Беракот*, IX и до конца; *Сота*, V, 7; Вавил. Талмуд, *Сота*, 22b. Эти две редакции данного любопытного места в Талмуде значительно разнятся между собой. Мы руководствовались почти всюду вавилонской редакцией, которая кажется более естественной. Ср. Епифан, Adv. haer., XVI, 1. В конце концов характерные черты, приводимые Епифаном, равно как и многие из черт, находящихся в Талмуде, могут относиться к эпохе позднейшей, нежели эпоха Иисуса, к той эпохе, когда «фарисей» стало синонимом слова «набожный».

[2] Матфея, V, 20; XV, 4; XXIII, 3, 16 и след.; Иоанна, VIII, 7; Иосиф, Ant., XII, IX, 1; XIII, X, 5.

было фарисейство, господствовало бесконтрольно. До Иисуса, так же как и в его время, было много людей, каковы, например, Иисус, сын Сирахов, один из истинных предков Иисуса Назарейского, Гамалиил, Антигон из Соко, кроткий и благородный Гиллель, которые проповедовали гораздо более возвышенные, почти уже евангельские религиозные учения. Но эти добрые семена заглохли. Прекрасные правила Гиллеля, резюмировавшие весь Закон в справедливости [1], правила Иисуса, сына Сирахова, сводившего весь культ к добрым делам [2], были или забыты, или преданы проклятию [3]. Одержал верх Шаммаи с своим односторонним, узким духом. Громадная масса «преданий» заглушила Закон [4] под предлогом его поддержаний или истолкования. Без сомнения, это консервативное направление имело свою хорошую сторону; очень хорошо, что еврейский народ до безумия любил свой Закон, ибо эта безумная любовь, спасая Моисеев Закон при Антиохе Епифане и при Ироде, сохранила в то же время и закваску, необходимую для возникновения христианства. Но, взятые сами по себе, предосторожности, о которых идет речь, были не более как ребячеством. Синагога, являвшаяся их складом, сделалась источником заблуждений. Царство ее кончалось, но требовать от нее, чтобы она отреклась, это значило бы требовать от установленной власти того, чего она никогда не делала и не может делать.

Иисус вел непрерывную борьбу с официальным лицемерием. Обычной тактикой реформаторов, выступающих при том религиозном состоянии, которое мы только что описали и которое можно назвать «традиционным формализмом», бывает противопоставление «традициям» текстов священных книг. Религиозное усердие всегда является новатором, даже в то время, когда оно выдает себя за консерватора в самой высокой степени. Подобно тому как неокатолики нашего времени беспрестанно удаляются от Евангелия, так и фарисеи на каждом шагу удалялись от Библии. Поэтому пуританский реформатор обыкновенно бывает по существу «библейским»; исходя из непреложного текста, он критикует ту ходячую теологию, которая

---

[1] Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 31a; *Жома*, 35b.

[2] Екклезиаст, XVII, 21 и след.; XXXV, 1 и след.

[3] Иерус. Талмуд, *Синедрион*, XI, 1; Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 100b.

[4] Матфея, XV, 2.

создалась путем эволюции из рода в род; то же самое делали впоследствии караиты, протестанты. Иисус гораздо более энергично принялся подрывать основы. Правда, мы видим, что иногда он ссылается на священный текст, оспаривая лживые *мазоры*, или предания, фарисеев [1]. Вообще же он мало занимается экзегетикой; он взывает к совести. Он одним ударом уничтожает и текст, и комментарии. Он прекрасно доказывает фарисеям, как тяжко они изменяют своими преданиями Моисеев Закон, но отнюдь не утверждает, что сам вернется к Моисею. Цель его была идти вперед, а не назад. Иисус был более чем просто реформатором обветшавшей религии, он был создателем вечной религии человечества.

Споры возникали в особенности по поводу массы внешних обрядностей, которые были введены преданием и которых ни Иисус, ни его ученики не соблюдали [2]. Фарисеи резко упрекали его за это. Когда он обедал с ними, то приводил их в негодование тем, что не совершал обычных омовений. «Подавайте лучше милостыню,— говорил он,— тогда все будет у вас чисто» [3]. Его в высшей степени оскорбляла та самоуверенность, которую фарисеи вносили в вопросы религии, их низменная набожность, которая вела лишь к тщеславной погоне за первенством, титулами, а вовсе не к улучшению сердец. Мысль эта с бесконечной правдивостью и очарованием выражена в одной превосходной притче. «Два человека вошли в храм помолиться: один — фарисей, а другой — мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже, благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь; пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на него; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже, будь милостив ко мне грешному! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот!» [4]

Результатом этой борьбы была ненависть, которую могла утолить только смерть. Еще Иоанн Креститель вызывал против себя такую же вражду [5]. Но иерусалимские

---

[1] Матфея, XV, 2 и след.; Марка, VII, 2 и след.

[2] Матфея, XV, 2 и след.; Марка, VII, 4, 8; Луки, V до конца и VI начало; XI, 38 и след.

[3] Луки, XI, 41.

[4] Луки, XVIII, 9—14; ср. там же, XIV, 7—11.

[5] Матфея, III, 7 и след.; XVII, 12—13.

аристократы, относившиеся к нему с презрением, предоставили простым людям считать его пророком [1]. На этот же раз война была не на живот, а на смерть. На свете появился новый дух, который уничтожил все предшествовавшее. Иоанн Креститель был еврей до мозга костей; Иисус едва лишь заслуживал бы название еврея. Он постоянно обращается к восприимчивости морального чутья. Он вступает в диспут, лишь когда приводит аргументы против фарисеев, и противник принуждает его, как это всегда и бывает, говорить в одном тоне с ним [2]. Его превосходные насмешки, его лукавые вызовы поражали противников всегда в самое сердце. И он запечатлевал ими навеки нанесенные раны! Не кто иной, как Иисус, с божественным искусством выткал ту Нессову рубаху осмеяния, лохмотья которой еврей, сын фарисеев, таскает на себе с тех пор в течение восемнадцати веков. Письмена этого образцового по мастерству высшего осмеяния огненными чертами выжжены на теле лицемера и лженабожного. Несравненные письмена, достойные Сына Божия письмена! Только Бог в состоянии убивать таким способом. Сократ и Мольер едва лишь царапают кожу. А у этого огонь и бешенство прожигают до самых костей.

Но справедливость требовала, чтобы этот великий мастер иронии заплатил жизнью за свой триумф. Еще с самого начала его деятельности в Галилее фарисеи старались погубить его и употребляли против него то средство, которое должно было увенчаться успехом впоследствии в Иерусалиме. Они старались вовлечь в свой спор приверженцев нового политического строя, который в то время установился [3]. Однако эти попытки окончились неудачно, благодаря той легкости, с какой Иисус мог от них ускользать в Галилее, и благодаря слабости правительства Антипы. Но он сам пошел навстречу опасности. Он отлично понимал, что влияние его неизбежно будет ограниченным, если он не выйдет из пределов Галилеи. Иудея влекла его к себе, словно чарами, он хотел попытаться сделать последнее усилие, чтобы приобрести этот мятежный город, и словно взял на себя задачу оправдать на себе пословицу, что пророк не должен умирать где-либо вне Иерусалима [4].

---

[1] Матфея, XIV, 5; XXI, 26; Марка, XI, 32; Луки, XX, 6.
[2] Матфея, XII, 3—8; XXIII, 16 и след.
[3] Марка, III, 6.
[4] Луки, XIII, 33.

ГЛАВА XXI

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИИСУСА В ИЕРУСАЛИМ.

Уже давно Иисус чувствовал, что его окружают опасности [1]. В течение длинного промежутка времени, который определяют в восемнадцать месяцев, он избегал паломничества в святой город [2]. В 32 г. (по той гипотезе, которую мы приняли) его родные, по-прежнему не верившие в него [3] и недоброжелательно относившиеся к нему, пригласили его прийти в Иерусалим на праздник Скинопигии (поставления кущей). Евангелист, по-видимому, намекает на то, что под этим приглашением скрывался какой-то план погубить его. «Яви себя миру, говорили они; никто не делает чего-либо подобного втайне. Пойди в Иудею, чтобы и там видели дела, которые ты делаешь». Иисус, опасаясь какого-либо предательства, сперва отказался, потом, когда караван паломников ушел, он также пустился в дорогу, но не сказав об этом никому и почти один [4]. Тут он окончательно сказал «прости» Галилее. Праздник поставления кущей приходится на осеннее равноденствие. До роковой развязки должно было пройти еще шесть месяцев. Но в этот промежуток времени Иисус уже не видал более милых его сердцу северных провинций. Мирные времена кончились; теперь приходилось идти шаг за шагом по скорбному пути, которому суждено было закончиться смертельными муками.

Ученики Иисуса и набожные женщины, служившие ему, встретились с ним в Иудее [5]. Но как все окружающее изменилось для него! Для Иерусалима Иисус был чужеземцем. Он чувствовал здесь перед собой сопротивление, непроницаемое для него, подобно стене. Всюду кругом западни и возражения, вечные преследования со стороны злоупотребляющих фарисеев [6]. Вместо безграничной способности верить, которой одарены юные натуры и которую он встречал в Галилее, вместо этих добрых и кротких людей, которым возражение, всегда составляющее результат некоторого недоброжелательства и нетерпения, совер-

---

[1] Матфея, XVI, 20—21; Марка, VIII, 30—31.

[2] Иоанна, VII, 1.

[3] Иоанна, VII, 5.

[4] Иоанна, VII, 10.

[5] Матфея, XXVII, 55; Марка, XV, 41; Луки, XXIII, 49, 55.

[6] Иоанна, VII, 20, 25, 30, 32.

шенно недоступно, он встречал здесь на каждом шагу упорное неверие, почти не поддававшееся тем средствам, которые ему так хорошо удавались на севере. Ученики, в качестве галилеян, встречали здесь презрение. Никодим, имевший с ним длинную беседу ночью в одно из его прежних путешествий, чуть не скомпрометировал себя перед синедрионом, когда вздумал за него заступиться. «И ты не из Галилеи ли? — сказали ему на это.— Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк!» [1]

Как уже было упомянуто, и самый город не нравился Иисусу. До сих пор он всегда избегал крупных центров, предпочитая для своего дела селения и менее значительные города. Многие из предписаний, которые он давал своим ученикам, были абсолютно неприменимы вне общества простых, маленьких людей [2]. Благодаря тому что он не имел никакого представления о свете и привык к приветливому коммунизму галилеян, у него постоянно вырывались наивности, которые в Иерусалиме могли казаться странными [3]. Его воображению, любви к природе было тесно в этих стенах. Истинная религия должна была выйти не из городского шума, а из мирной ясности полей.

Благодаря высокомерию священников посещение папертей храма было для него неприятно. Однажды некоторые из его учеников, знавших Иерусалим лучше, нежели он, хотели обратить его внимание на красоту построек храма, на превосходные материалы, из которых он был выстроен, на богатство приношений, по обету покрывавших его стены: «Видите ли все это? — сказал им Иисус.— Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне» [4]. И он ничем не стал восхищаться здесь, кроме поступка бедной вдовы, которая, проходя в это время, положила в сокровищницу две лепты. «Она положила больше всех,— сказал он,— ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей» [5]. Это критическое отношение ко всему, что делалось в Иерусалиме, стремление возвеличить бедняка, который жертвует мало, и унизить богатого, жертвующего много [6], пори-

---

[1] Иоанна, VII, 50 и след.

[2] Матфея, X, 11—13; Марка, VI, 10; Луки, X, 5—8.

[3] Матфея, XXI, 3; Марка, XI, 3; XIV, 13—14; Луки, XIX, 31; XXII, 10—12.

[4] Матфея, XXIV, 1—2; Марка, XIII, 1—2; Луки, XIX, 44; XXI, 5, 6. Ср. Марка, XI, 11.

[5] Марка, XII, 41 и след.; Луки, XXI, 1 и след.

[6] Марка, XII, 41.

цать духовенство, которое не делает ничего для народного блага, разумеется, приводило в отчаяние жреческую касту. Резиденция консервативной аристократии, храм, подобно мусульманскому *хараму*, который стал его преемником, был последним пунктом в мире, где революция могла бы иметь успех. Представьте себе, что в наше время какой-либо новатор отправился бы к мечети Омара проповедовать ниспровержение ислама. А между тем здесь находился центр еврейской жизни, здесь нужно было или победить, или умереть. На этом лобном месте, где Иисус выстрадал, конечно, больше, чем на Голгофе, все дни его проходили в диспутах и раздражении, среди скучных словопрений о каноническом праве и экзегетике, то есть в занятиях, для которых его нравственная возвышенность являлась неважным преимуществом,— что я говорю! — создавала для него невыгодное положение по сравнению с его противниками.

Но и в недрах этой беспокойной жизни доброе и чувствительное сердце Иисуса сумело создать для себя убежище, где он пользовался большим покоем. Проведя весь день в прениях в храме, вечером Иисус спускался в долину Кедронскую и немного отдыхал в саду одного земледельческого учреждения (вероятно, предназначенного для производства масла), носившего название Гефсимании [1] и служившего для жителей местом для прогулок, а затем шел провести ночь на горе Елеонской, которая лежит к востоку от города [2]. В окрестностях Иерусалима это единственное место, сколько-нибудь веселящее взоры и покрытое зеленью. Вокруг деревень, ферм или усадеб Виффагии, Гефсимании, Вифании было много оливковых плантаций, смоковниц, пальм [3]. На Елеонской горе росли два больших кедра, воспоминание о которых долго сохранялось у евреев, после того как они рассеялись по свету; ветви их давали убежище целым стаям голубей, и под тенью их устраивались небольшие базары [4]. Все это предместье слу-

---

[1] Марка, XI, 19; Луки, XXII, 39; Иоанна, XVIII, 1—2. Сад этот был недалеко от того места, где ныне набожные католики огородили несколько старых оливковых деревьев. Название *Гефсиман*, по-видимому, означает «пресс для выжимания оливкового масла».

[2] Луки, XXI, 37; XXII, 39; Иоанна, VIII, 1—2.

[3] Это можно заключить по самой этимологии этих трех слов (хотя *Виффагия* и *Вифания*, быть может, и имеют другое значение). Ср. Вавил. Талмуд. *Песахим, 53*а.

[4] Иерус. Талмуд, *Таанит*, IV, 8.

жило в некотором роде резиденцией Иисуса и его учеников; мы видим, что они знали здесь почти каждое поле, каждый дом.

В частности, деревня Вифания [1], расположенная на вершине холма и на склоне его, обращенном к Мертвому морю и к Иордану, в расстоянии полутора часов пути от Иерусалима, была любимым местом пребывания Иисуса [2]. Здесь он познакомился с семейством из трех лиц, двух сестер и третьего брата, дружбой которых он чрезвычайно дорожил [3]. Из двух сестер одна, по имени Марфа, была чрезвычайно обязательной, доброй и усердной женщиной [4]; другая, по имени Мария, полная противоположность ей, нравилась Иисусу своей чуткостью [5] и своей весьма развитой склонностью к умозрению. Нередко, сидя у ног Иисуса и слушая его, она забывала о требованиях действительной жизни. Тогда сестра ее, на долю которой приходился весь труд, кротко жаловалась на нее. «Марфа! Марфа! — говорил ей Иисус,— ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» [6]. Владелец этого дома, Симон прокаженный, был, вероятно, братом Марии и Марфы или, по меньшей мере, принадлежал к их семье [7]. Здесь, окруженный дружбой благочестивой семьи, Иисус забывал все неприятности общественной жизни. В этом мирном уголке он отдыхал от придирок, которым не переставал подвергаться со стороны фарисеев и книжников. Часто он усаживался на горе Елеонской, в виду горы Мориа [8], имея перед

---

[1] Ныне *Ель-Азирие* (от *Ель-Азир,* арабское имя Лазарь); в средневековых христианских текстах *Лазариум.*

[2] Матфея, XXI, 17—18; Марка, XI, 11—12.

[3] Иоанна, XI, 5, 35—36.

[4] Луки, X, 38—42; Иоанна, XII, 2. Лука, по-видимому, помещает дом двух сестер на пути из Галилеи в Иерусалим. Но топографию Луки с гл. IX, 51 и до гл. XVIII, 31 нельзя понять, если принять ее буквально. Некоторые эпизоды этой части третьего Евангелия имели место, по-видимому, в Иерусалиме или его окрестностях.

[5] Иоанна, XI, 20.

[6] Луки, X, 38 и след.

[7] Матфея, XXVI, 6; Марка, XIV, 40, 43; Иоанна, XI, 1 и след. Имя Лазарь, которое дает четвертое Евангелие брату Марии и Марфы, по-видимому, взято из притчи, приведенной Лукой, XVI и след. (обратите внимание особенно на ст. 30—31). Эпитет «прокаженного», присвоенный Симону и совпадающий с «язвами», о которых пишет Лука, XVI, 20—21, быть может, и послужил поводом для странной версии четвертого Евангелия. Неловкость ее (Иоанна, XI, 1—2) доказывает, что Лазарь в предании менее реален, нежели образы Марии и Марфы.

[8] Марка, XIII, 3.

глазами великолепную перспективу террас храма и его вышек, покрытых блестящей чешуей. Вид этот приводил чужеземцев в восторг; особенно при восходе солнца священная гора ослепительно сияла и представлялась глыбой снега и золота [1]. Но чувство глубокой грусти отравляло для Иисуса это зрелище, наполнявшее душу других израильтян радостью и гордостью. «Иерусалим, Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе, сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» — воскликнул он в одну из таких горьких минут [2].

Однако многие добрые души все же и здесь, как и в Галилее, были тронуты. Но гнет господствующего правоверия был так силен, что немногие осмеливались в этом сознаваться. Боялись уронить себя в глазах иерусалимских граждан, открыто вступив в школу галилеянина. При этом был риск, что за это изгонят из синагоги, а в обществе ханжества и ничтожества это считалось самым ужасным посрамлением [3]. Кроме того, отлучение от церкви влекло за собой конфискацию имущества [4]. Исключение из среды евреев не означало собой приобретения прав римского гражданства; исключенный оставался беззащитным от ударов со стороны теократического законодательства, отличавшегося самой свирепой строгостью. Однажды низшие служители храма, присутствовавшие при проповеди Иисуса и очарованные ею, пришли поверить свои сомнения священникам. «Уверовал ли в него кто из начальников или из фарисеев? — ответили им те.— Но этот народ невежда в Законе, проклят он» [5]. Таким образом, Иисус оставался для Иерусалима провинциалом, которым восхищаются такие же, как и он, провинциалы, но которого вся аристократия нации отвергает. Начальников школ здесь было слишком много для того, чтобы появление одного лишнего кого-либо особенно поражало. Голос его имел мало влияния в Иерусалиме. Предрассудки расы и секты, непосред-

---

[1] Иосиф, В. I., V, V, 6.

[2] Матфея, XIII, 37; Луки, XIII, 34. Эти слова, как и Матфея, XXIII, 34—35, по-видимому, представляют собой цитату из какого-либо апокрифического пророчества, быть может, Еноха. Ср. примеч. 1 к стр. 27 Введения и ниже примеч. 5 к стр. 237.

[3] Иоанна, VII, 13; XII, 42—43; XIX, 38.

[4] 1 книга Ездры, X, 8; посл. к Евр., X, 34; Иерус. Талмуд, *Моед Катон*, III, 1.

[5] Иоанна, VII, 45 и след.

ственные враги евангельского духа, здесь чересчур укоренились.

Учение Иисуса по необходимости значительно видоизменилось в этом новом мире. Его прекрасные проповеди, эффект которых был всегда рассчитан на молодое воображение и чистую нравственную совесть слушателей, падали здесь на каменистую почву. И сам он, чувствовавший себя так хорошо на берегах своего прелестного маленького озера, здесь стеснялся, терял почву под ногами перед лицом мира педантов. Его вечные заявления о самом себе начали принимать несколько скучный характер [1]. Ему пришлось сделаться толкователем, юристом, экзегетом, теологом. Его беседы, обыкновенно полные прелести, превратились в трескучие диспуты [2], в бесконечные схоластические битвы. Его гармоничный гений напрягался над нелепыми аргументациями по поводу Закона и пророков [3], и мы предпочли бы не видать его иной раз в роли нападающей стороны [4]. С досадной уступчивостью он позволял лукавым спорщикам подвергать себя ненужному допросу [5]. Вообще он выходил из затруднения с большой находчивостью. Правда, нередко его рассуждения бывали хитроумными (душевная простота и хитроумие соприкасаются между собой: когда простодушный человек пускается в рассуждения, он всегда становится немного софистом); можно сказать, что иногда он ищет недоразумений и умышленно запутывает их [6]; аргументация его, если судить по правилам аристотелевой логики, весьма слаба. Но когда представлялся случай выказаться его несравненному по чарующей силе уму, то это был настоящий триумф. Однажды попробовали поставить его в затруднительное положение, представив ему женщину, обвиненную в прелюбодеянии, и потребовав у него указаний, как следует поступить с ней. Всем известен великолепный ответ Иисуса [7]. Самая тонкая

---

[1] Иоанна, VIII, 13 и след.

[2] Матфея, XXI, 23 и след.

[3] Матфея, XXII, 23 и след.

[4] Матфея, XXII, 41 и след.

[5] Матфея, XXII, 36 и след., 46.

[6] См. в особенности поучения, приведенные в четвертом Евангелии, например, в гл. VIII. При этом мы спешим предупредить, что эти места четвертого Евангелия имеют значение лишь как весьма старинные предположения о жизни Иисуса.

[7] Иоанна, VIII, 3 и след. Сперва этого места не было в четвертом Евангелии; его нет в наиболее древних рукописях, а текст его не особенно устойчив. Тем не менее оно принадлежит к первоначальному еван-

насмешливость светского человека, смягченная добротой, не могла бы выразиться более изящно. Но глупцы менее всего в состоянии прощать уму, который сочетается с нравственным величием. Произнеся эти столь справедливые и чистые слова: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!», Иисус пронзил сердце лицемера и тем самым подписал свой смертный приговор.

Действительно, очень возможно, что не будь раздражения, вызванного столь горькими обидами, Иисус долго оставался бы незамеченным и, быть может, затерялся бы среди страшной грозы, которая в скором времени должна была смести всю еврейскую нацию целиком. Первосвященники и саддукеи относились к нему скорее с презрением, нежили с ненавистью. Знатные первосвященнические фамилии, *Воетусимы*, фамилия Анны, обнаруживали свой фанатизм только когда дело касалось их спокойствия. Саддукеи, подобно Иисусу, отрицали «предания» фарисеев[1]. По удивительно странной случайности эти неверующие, отрицавшие воскресение, устный Закон, существование ангелов, были настоящими евреями; вернее было бы сказать, что так как древний Закон по своей простоте уже не удовлетворял религиозным потребностям эпохи, то те люди, которые держались его с буквальной точностью и отвергали современные измышления, производили на набожных лиц впечатление нечестивцев, почти так же, как в наше время евангелический протестант в ортодоксальных странах представляется неверующим. Во всяком случае, не от такой партии могла исходить достаточно резкая реакция против Иисуса. Официальный первосвященник, обращавший все внимание лишь на политическую власть и находившийся с ней в тесном общении, ничего не понимал в этих движениях энтузиастов. Тревогу забила фарисейская буржуазия, бесчисленные *соферимы*, или книжники, которые жили наукой о «преданиях» и которым действительно угрожала доктрина нового учителя, затрагивавшая их предубеждения или их интересы.

Фарисеи постоянно пытались увлечь Иисуса на почву политических вопросов и набросить на него подозрение

гельскому преданию, как это доказывают странные особенности стихов 6, 8, не соответствующих вкусу Луки и компиляторов второй руки, которые не вносят ничего такого, что не понятно само собой. По-видимому, этот эпизод был известен Папию и находился в Евангелии от евреев (Евсевий, Hist. eccl., III, 39; см. ниже Прибавление, стр. 308, примеч. 2).

[1] Иосиф, Ant., XIII, X, 6; XVIII, I, 4.

в участии в партии Иуды Гавлонита. Прием этот был очень искусен; нужно было обладать глубоким простодушием Иисуса, чтобы не навлечь на себя неудовольствия со стороны римской власти, невзирая на провозглашение им Царства Божия. Фарисеи хотели раскрыть эту двусмысленность и заставить его объясниться. Однажды группа фарисеев и политиков, известных под именем «иродиан» (вероятно, *Воетусимы*), подошли к нему и под видом благочестивой ревнительности спросили его: «Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо. Итак, скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю или нет?» Они надеялись получить ответ, который послужил бы предлогом для того, чтобы выдать его Пилату. Ответ Иисуса был великолепен. Он велел показать ему изображение на монете: «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу»,— ответил он [1]. Глубокая мысль, предрешившая будущее христианства! Мысль полнейшего спиритуализма и удивительно верная, на которой было основано различие между духовным и светским мирами, которая также легла в основу истинного либерализма и истинного христианства!

Его кроткий и проникновенный гений внушал ему, когда он оставался наедине со своими учениками, выражения, исполненные необыкновенной чарующей привлекательности. «Истинно, истинно говорю вам, кто не дверью входит во двор овчий, тот вор и разбойник; а входящий

---

[1] Матфея, XXII, 15 и след.; Марка, XII, 13 и след.; Луки, XX, 20 и след.; ср. Иерус. Талмуд, *Синедрион*, II, 3; посл. к Римл., XIII, 6—7. Можно сомневаться в том, что этот анекдот буквально точен. На монетах Ирода, Архелая, Антипы до вступления Калигулы не было ни имени, ни изображения императора. На монетах, выбитых в Иерусалиме при прокураторах, было имя, но не было изображения императора (Эккель, Doctr., III, 497—498). На монетах Филиппа находится и имя, и изображение императора (Леви, Gesch. der jüdischen Münzen, стр. 17 и след.; Мадден, History of Jewish Coinage, стр. 80 и след.). Но эти монеты, чеканенные в Панеасе, чисто языческие; кроме того, они не были ходячей монетой в Иерусалиме, и рассуждение Христа по поводу таких монет не имело бы под собой почвы. Весьма маловероятно предположение, что Иисус дал свой ответ по поводу монет с изображением Тиверия, выбитых вне Палестины (Revue numismatique, 1860, стр. 159). Поэтому можно думать, что этот прекрасный христианский афоризм получил неверную дату задним числом. Идея, что изображение на монетах есть признак владычества, сказывается, впрочем, и в том, что, по крайней мере после второго восстания, евреи позаботились поскорее перечеканить римскую монету и выставить на ней еврейские изображения (Леви, стр. 104 и след.; Мадден, стр. 176, 203 и след.).

дверью есть истинный пастырь овцам. Овцы слушаются голоса его; и он зовет своих овец по имени и выводит их на пастбища; он идет перед ними, и овцы за ним идут, потому что знают голос его. Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Наемник, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит. Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих овец, и Мои овцы знают Меня, и Я жизнь Мою полагаю за них» [1]. Мысль, что приближается развязка кризиса человечества, часто повторяется в его поучениях. «Когда смоковница,— говорил он,— покрывается молодыми ветвями и пускает листья, то знайте, что близко лето. Возведите ваши очи и посмотрите на мир; он побелел и поспел к жатве» [2].

Вся сила его красноречия обнаруживается каждый раз, когда ему приходится бороться с лицемерием. «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; и так все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают. Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их».

«Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои [3] и увеличивают воскрилия одежд своих [4]; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах; и приветствия в народных собраниях и чтобы люди звали их: Учитель! Горе им!..»

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что взяли ключ разумения, чтобы затворить Царство Небесное человекам! [5] Ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете. Горе вам, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение. Горе

---

[1] Иоанна, X, 1—16; текст, подтверждаемый в псевдоклиментовых Проповедях, III, 52.

[2] Матфея, XXIV, 32; Марка, XIII, 28; Луки, XXI, 30; Иоанна, IV, 35.

[3] *Тотафот* или *тефиллин*, металлические пластинки или ленты пергамента с текстами из Закона, которые надеваются набожными евреями на лоб и на левую руку; этим выполняется буквально текст Исхода, XIII, 9; Второзакония, VI, 8; XI, 18.

[4] *Зизит*, красные каймы или кисти на краях одежды, которые носились евреями в отличие от язычников (Числа, XV, 38—39; Второзак., XXII, 12).

[5] При помощи своей казуистики, чрезвычайно затрудняющей вход в Царство Небесное и способной привести в уныние простодушных людей, фарисеи исключали массу человечества из Царства Божия.

вам, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя бы одного, и когда это случится, делаете его сыном геенны! Горе вам, ибо вы, как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того!» [1]

«Неразумные и слепые! Вы даете десятину с мяты, аниса и тмина и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!»

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда [2], между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой [3], очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их» [4].

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам [5], которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония».

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам, и украшаете памятники праведных, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков! Таким образом, вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших. Потому-то премудрость Божия

---

[1] Соприкосновение с могилами оскверняет людей. Поэтому было принято тщательно отмечать очертания могил на поверхности земли. Вавил. Талмуд. *Баба батра*, 58а; *Баба метсия*, 45b. Здесь заключается упрек Иисуса фарисеям в том, что они измыслили массу мелких правил, нарушаемых невольно и имеющих целью лишь увеличить число случаев отступления от Закона.

[2] Очищение посуды у фарисеев регламентировалось чрезвычайно сложными правилами (Марка, VII, 4).

[3] Этот весьма употребительный эпитет (Матфея, XXIII, 16, 17, 19, 24, 26), быть может, заключает в себе намек на обычай, усвоенный некоторыми фарисеями, ходить с зажмуренными глазами, преувеличенно выставляя таким образом свою святость. См. выше стр. 224.

[4] Лука (XI, 37 и след.), быть может, не без основания предполагает, что это поучение было сказано за обедом в ответ на замечания фарисеев.

[5] Так как могилы считались нечистыми, то существовал обычай белить их известью, чтобы предостеречь от соприкосновения с ними. См. выше примеч. 6 на стр. 236, а также Мишна, *Маазар шени*, V, 1; Иерус. Талмуд, *Шекалим*, I, 1; *Маазар шени*, V, 1; *Моед катон*, I, 2; *Сота*, IX, 1; Вавил. Талмуд, *Моед катон*, 5а. Быть может, в сравнении, которое здесь употреблено Иисусом, заключается намек на «крашеных» фарисеев (см. выше стр. 225).

сказала:[1] «Вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников: и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синаногах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина[2], которого вы убили между храмом и жертвенником». «Истинно говорю вам, что все сие придет на народ сей»[3].

Его грозный догмат о праве язычников войти в Царство Небесное, мысль, что Царство Божие достанется другим, так как те, кому оно предназначалось, не захотели его[4], повторялась в виде кровной угрозы, направленной против аристократии, и самый титул Сына Божия, который он открыто присваивал себе в своих живых притчах[5], причем враги его играют в них роль убийц небесных посланцев, был вызовом, брошенным легальному иудаизму. Смелый призыв, с которым он обращался к смиренным, был еще большим соблазном. Он объявил, что и пришел просветить слепых и ослепить тех, которые думают, что видят[6]. Однажды его неудовольствие против храма вылилось в следующих неосторожных словах: «Я разрушу храм сей рукотворный и через три дня воздвигну другой нерукотворный»[7]. Неизвестно, что под этим разумел Иисус,

---

[1] Эта цитата, по-видимому, заимствована из книги Еноха. Некоторые из откровений, будто бы сделанных этому патриарху, были вложены в уста божественной Премудрости. Ср. Енох, XXXVII, 1—4; XLVIII, 1, 7; XLIX, 1; кн. Юбилеев, гл. 7, с Луки, XI, 49. См. выше, Введение, стр. 27, примеч. 1. Быть может, цитируемый апокриф имеет христианское происхождение. (Заметьте в особенности Матфея, XXIII, стих 34, некоторые черты которого, несомненно, прибавлены уже после смерти Иисуса.) В таком случае весь этот текст следует признать позднейшей вставкой, у Марка его совсем нет.

[2] Здесь произошла путаница, которая повторяется и в так называемом Таргуме Ионафана (Lamentations, II, 20): Захарий, сын Иоиады, принят за Захария пророка, сына Варахии. Речь идет о первом (2 книга Паралипоменон, XXIV, 21). Книга эта, в которой рассказывается об убийстве Захарии, сына Иоиады, заключает собой еврейский канон. Убийство это было последним в списке убийств праведников, составленном в том порядке, в каком они рассказаны в Библии. Первым из этих убийств будет убийство Авеля.

[3] Матфея, XXIII, 2—36; Марка, XII, 38—40; Луки, XI, 39, 52.

[4] Матфея, VII, 11—12; XX, 1 и след.; XXI, 28 и след.; 33 и след., 43; XXII, 1 и след.; Марка, XII, 1 и след.; Луки, XX, 9 и след.

[5] Матфея, XXI, 37 и след.; Марка, XII, 6; Луки, XX, 9; Иоанна, X, 36 и след.

[6] Иоанна, IX, 39.

[7] Наиболее достоверна, по-видимому, та форма этих слов, которая

ученики же его старались отыскивать в этих словах разного рода весьма натянутые аллегории. Но так как нужен был только предлог, то слова эти были тотчас же подхвачены. Они будут приведены в виде улик в смертном приговоре Иисуса, их будут кричать ему в последние минуты его мучений на Голгофе. Эти ожесточенные споры всегда кончались бурей. Фарисеи бросали в него камнями [1], но этим они только исполняли правило Закона, предписывавшего побивать камнями, не выслушивая, каждого пророка, даже совершающего чудеса, который стал бы совращать народ из старой веры [2]. В других случаях они называли его безумным, одержимым бесом, самаритянином [3] или даже пытались убить его [4]. Слова его запоминали, чтобы привлечь его к ответственности по законам нетерпимой теократии, которые не были отменены римским владычеством [5].

ГЛАВА XXII

ЗАМЫСЛЫ ВРАГОВ ИИСУСА.

Иисус провел в Иерусалиме осень и часть зимы. В это время года здесь бывает довольно холодно [6]. Обыкновенно он прогуливался в портике Соломона и его крытым галереям [7]. Этот портик, единственный сохранившийся из построек древнего храма, состоял из двух галерей, образованных двумя рядами колонн и стеной, господствовавшей над долиной Кедронской [8]. Выход отсюда наружу был через Сузские ворота, остатки которых еще видны внутри места, называемого ныне «Золочеными Воротами» [9]. По другой стороне долины в то время уже су-

---

находится у Марка, XIV, 58; XV, 29. Ср. Иоанна, II, 19; Матфея, XXVI, 61; XXVII, 40; Деяния, VI, 13—14.

[1] Иоанна, VIII, 39; X, 31; XI, 8.

[2] Второзак., XIII, 1 и след. Ср. Луки, XX, 6; Иоанна, X, 33; 2 посл. к Коринф., X, 25.

[3] Иоанна, X, 20.

[4] Иоанна, V, 18; VII, 1, 20, 25, 30; VIII, 37, 40.

[5] Луки, XI, 53—54.

[6] Иерусалим находится выше уровня моря на высоте 779 метров по данным г. Винь (Vignes, Conn, des temps pour 1866) и на высоте 2440 англ. футов по Вильсону (Le Lien, 4 авг. 1866).

[7] Иоанна, X, 23. См. реставрацию храма по де Вогюэ: le Temple de Ierusalem, табл. XV и XVI, стр. 12, 22, 50 и след.

[8] Иосиф, Ant., XX, IX, 7; B. I., V, V, 2.

[9] Этот монумент, по-видимому, воздвигнут приблизительно около эпохи Юстиниана.

ществовали украшавшие ее пышные гробницы. Некоторые из находящихся здесь монументов были воздвигнуты, быть может, в память древних пророков [1], о которых помышлял Иисус, когда, сидя под портиком, громил официальные классы, давшие за этими колоссальными массами приют своему лицемерию и своему тщеславию [2].

В конце декабря в Иерусалиме праздновался день очищения храма после святотатства Антиоха Епифана [3], праздник, установленный в память этого события Иудой Маккавеем. Торжество это носило название «праздника обновления или огней»; потому что в течение восьми дней, которые он продолжался, во всех домах постоянно были зажжены все лампады [4]. Вскоре после этого Иисус предпринял путешествие в Перею и на берега Иордана, то есть в те самые местности, которые он посетил несколько лет тому назад, когда еще был последователем школы Иоанна [5], и где он, как и другие, получил крещение. Здесь он, по-видимому, несколько утешился, особенно в Иерихоне. В этом городе находилась довольно значительная таможня, потому ли, что он был расположен в исходной точке весьма важного пути, или потому, что здесь существовали плантации ароматных трав и богатые фермы [6]. Главный сборщик податей Закхей, человек богатый, пожелал видеть Иисуса [7]. Так как он был маленького роста, то взобрался на сикомору возле дороги, по которой должно было двигаться шествие. Иисус был тронут такой наивностью довольно высокопоставленного должностного лица. Он пожелал остановиться у Закхея, рискуя вызвать этим целый скандал. Действительно, многие сильно роптали, видя, что он оказывает честь своего посещения дому грешника. Ухо-

---

[1] См. выше, стр. 237. Быть может, так называемая гробница Захария была монументом в этом роде. См. Itin. a Burdig. Heirus., стр. 153 (изд. Шотта).

[2] Матфея, XXIII, 29; Луки, XI, 47.

[3] Иоанна, X, 22. Ср. 1 книга Маккавейская, IV, 52 и след.; 2 книга Маккавейская, X, 6 и след.

[4] Иосиф, Ant., VII, 7.

[5] Иоанна, X, 40. Ср. Матфея, XIX, 1; XX, 29; Марка, X, 1, 46; XVII, 35; XIX, 1. Путешествие это известно синоптикам. Но Матфей и Марк думают, что Иисус совершил его по пути из Галилеи в Иерусалим через Перею. Топография Луки будет непонятна, если не допустить, что Иисус в главах X—XVIII этого Евангелия проходил через Иерусалим.

[6] Екклезиаст, XXIV, 18; Страбон, XVI, II, 41; Св. Иустин, XXXVI, 3; Иосиф, Ant., IV, VI, 1; XIV, IV, 1; XV, IV, 2; Вавил. Талмуд, *Беракот*, 43а и пр.

[7] Луки, XIX, 1 и след. (эпизод сомнительного характера).

дя, Иисус назвал своего хозяина добрым чадом Авраама, и как бы с тем, чтобы сильнее задеть правоверных, Закхей сделался праведником: говорят, будто он раздал половину своего имения бедным и возместил вчетверо все несправедливости, которые он мог совершить. Но не в этом одном заключалось удовольствие, полученное здесь Иисусом. При выходе из города нищий, по имени Вартимей [1], очень порадовал его, упорно называя его «сыном Давидовым», хотя многие заставляли его молчать. На один момент казалось, что в этой стране, представлявшей много сходства с северными провинциями, открывается ряд таких же чудес, как и в Галилее. Прелестный оазис Иерихона, в то время хорошо орошенный, должен был представляться одним из самых красивых мест в Сирии. Иосиф говорит о нем с тем же восхищением, как о Галилее, и так же, как и Галилею, называет «божественной страной» [2].

Окончив это в некотором роде паломничество в местность своей первоначальной пророческой деятельности, Иисус возвратился в свое любимое местопребывание в Вифании [3]. Верных галилеян, находившихся в Иерусалиме, больше всего огорчало то, что здесь не было совершено ни одного чуда. Друзья Иисуса, истомившись тем дурным приемом, который Царство Божие встретило в столице, иногда жаждали великого чуда, которое нанесло бы сильный удар иерусалимскому неверию. Им казалось, что всего убедительнее подействовало бы воскресение из мертвых. Можно предполагать, что Мария и Марфа признались в этом Иисусу. Слухи уже приписывали ему два-три факта в этом роде [4]. «Если кто-нибудь воскреснет из мертвых,— без сомнения, говорили ему эти благочестивые сестры,— то, быть может, живые и покаются».— «Нет,— должен был ответить им Иисус,— если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» [5]. Припоминая один из его рассказов, именно о добром нищем, покрытом язвами, который умер и отнесен был ангелами на лоно Авраама [6], можно допустить, что тут же

---

[1] Матфея, XX, 29; Марка, X, 46 и след.; Луки, XVIII, 35.

[2] B. I., IV, VIII, 3. Ср. там же: I, VI, 6; I, XVIII, 5 и Ant., XV, IV, 2.

[3] Иоанна, XI, 1.

[4] Матфея, IX, 18 и след.; Марка, V, 22 и след.; Луки, VII, 11 и след.; VIII, 41 и след.

[5] Луки, XVI, 30—31.

[6] Возможно, что аллегорической фигуре Лазаря, («которому Бог помогает» или «который ниоткуда не получает помощи»), под которой

он прибавил: «Если бы и Лазарь вернулся, то не поверили бы». Впоследствии по этому поводу возникли разного рода недоумения. Предположение превратилось в совершившийся факт. Заговорили об воскресшем Лазаре, о непростительном упорстве, которое нужно было иметь, чтобы устоять даже и перед таким свидетельством. «Язвы» Лазаря и «проказа» Симона слились между собой [1], и в предании сохранилось, что у Марии и Марфы был брат по имени Лазарь [2], которого Иисус воскресил из мертвых [3]. Кто изведал, из каких несообразностей, из какого вздора возникают сплетни в восточных городах, тот не сочтет невозможным, чтобы такого рода слух распространился по Иерусалиму еще при жизни Иисуса и повел бы за собой пагубные для него последствия.

Действительно, довольно веские основания позволяют думать, что некоторые причины, исходившие из Вифании, содействовали тому, чтобы ускорить гибель Иисуса [4]. По некоторым данным можно заподозрить, что семья из Вифании совершила какую-нибудь неосторожность или допустила какие-либо излишества в своем усердии. Быть может, горячее желание зажать рот тем, кто обидно отрицал божественность миссии Иисуса, их друга, увлекло этих страстных его поклонников за границы всякого благоразумия. Надо также припомнить, что в нечистой и тяжелой городской атмосфере Иерусалима Иисус не был уже самим собой. По вине людей, а не его лично, совесть его утратила свою первоначальную чистоту. Доведенный до отчаяния, до крайностей, он уже не владел собой. Миссия его подавляла его, и он отдавался течению. Спустя несколько дней смерти предстояло возвратить ему его божественную

понимается народ Израильский («нищий», которого Бог возлюбил, по общепринятому выражению пророков и псалмопевцев), еще до Иисуса была посвящена какая-либо народная легенда или какая-либо ныне затерянная книга.

[1] Заметьте, как мало естественности в переходе к ст. Луки, XVI, 23. Здесь чувствуется соединение между собой разнородных элементов, свойственное Луке. См. выше Введение, стр. 45—46.

[2] Заметьте странную непоследовательность у Иоанна, XI, 1—2. Сперва Лазарь упоминается как неизвестное лицо, tis ashenon Ladzaros, затем он вдруг оказывается братом Марии и Марфы.

[3] Я более не сомневаюсь в соответствии между текстами Иоанна, XI, 1—46, и Луки, XVI, 19—31; автор четвертого Евангелия мог не иметь перед глазами текста третьего евангелиста, но оба, без сомнения, черпали из аналогичных преданий. См. Прибавление в конце книги, стр. 299—300, 317—318, 320—329.

[4] Иоанна, XI, 46 и след.; XII, 2—9 и след., 17 и след.

свободу и вырвать его из власти роковых, с часу на час все более настоятельных требований роли, которую было все труднее и труднее выдерживать.

Контраст между постоянно нарастающей экзальтацией его и равнодушием евреев все более и более усиливался. В то же время общественные власти все более ожесточались против него. В феврале или в начале марта первосвященники собрали совет [1], на котором был поставлен вопрос, могут ли Иисус и иудаизм существовать совместно? Поставить такой вопрос то же, что решить его, и первосвященник, не будучи даже пророком, как это думает евангелист, мог с полной уверенностью произнести свою кровавую аксиому: «Лучше, чтобы один человек умер за весь народ».

«Первосвященником на этот год», говоря языком четвертого Евангелия, прекрасно выражающего этими словами то состояние упадка, в котором тогда находилась первосвященническая власть, был Иосиф Каиафа, назначенный Валерием Гратом и всецело преданный римлянам. С тех пор как Иерусалимом управляли прокураторы, должность первосвященника стала сменяемой; смена первосвященников происходила почти ежегодно [2]. Тем не менее Каиафа продержался более других. Он вступил в эту должность в 25-м и потерял ее только в 36 году. О характере его нам ничего не известно. Судя по многим обстоятельствам, можно думать, что власть его была лишь номинальной. Рядом с ним и над ним мы постоянно встречаем другое лицо, пользовавшееся, по-видимому, преобладающим значением в тот решительный момент, которым мы в настоящее время занимаемся.

Лицом этим был тесть Каиафы, Ханан или Анна [3], сын Сета, старый смещенный первосвященник, в сущности, сохранявший за собой всю власть благодаря этой постоянной смене первосвященников. Он был назначен первосвященником при легате Квиринии в 7 г. по Р. Х. При вступлении Тиверия, в 14 г., он потерял это место, но продолжал пользоваться большим влиянием. Его по-прежнему называли первосвященником, хотя он уже и не занимал этой должности [4], с ним совещались во всех важных

---

[1] Иоанна, XI, 47 и след.

[2] Иосиф, Ant., XV, III, 1; XVIII, II, 2; V, 3; XX, IX, 1, 4; Иерус. Талмуд, *Жома*, I, 1; Вавил. Талмуд, *Жома, 47а*.

[3] По Иосифу, *Ананус*. Точно так же еврейское имя *Иоханан* по-гречески обращается в Иоанна.

[4] Иоанна, XVIII, 15—23; Деяния, IV, 6.

случаях. Должность первосвященника оставалась в руках его рода в течение пятидесяти лет почти без перерыва; пятеро из его сыновей занимали ее один после другого [1], не считая Каиафы, который был его зятем. Это был, что называется, «первосвященнический род», как будто бы самая должность сделалась наследственной [2]. Все высшие должности при храме тоже были почти в полном распоряжении этой семьи [3]. Правда, в первосвященничестве с фамилией Анны чередовался и другой род, именно Воэта [4]. Но Воэтусимы, обязанные своим богатством одному обстоятельству, которое делало им мало чести, далеко не пользовались таким же уважением среди благочестивой буржуазии. Таким образом, главой первосвященнической партии в действительности был Анна. Каиафа ничего не делал по собственному почину; их имена привыкли соединять вместе, и притом имя Анны всегда даже ставилось впереди [5]. Очень понятно, что при таком порядке назначения первосвященников на год и при передаче этой должности по капризу прокураторов, старый первосвященник, хранитель древних традиций, на глазах которого друг за другом следовали роды гораздо более молодые, нежели его, пользовавшийся достаточным влиянием для того, чтобы власть переходила в руки лиц, подчиненных ему по родственным связям, сам по себе был весьма важной особой. Подобно всей храмовой аристократии [6], от также был саддукеем, принадлежал к секте, которая, по словам Иосифа, отличалась особенно жестокими приговорами [7]. Все его сыновья были тоже горячими преследователями. По распоряжению одного из них, которого звали, как и отца его, Анной, был побит камнями Иаков, брат Господа, при условиях, в которых есть много сходства с обстоятельствами, сопровождавшими смерть Иисуса [8]. Весь этот род отличался коварством, смелостью и жестокостью [9], той особенной,

---

[1] Иосиф, Ant., XX, IX, 1. Ср. Иерус. Талмуд, *Хорайот*, III, 5; Тосифта, *Менахот*, II.

[2] Иосиф, Ant., XV, III, 1; B. I., IV, V, 6 и 7; Деяния, IV, 6.

[3] Иосиф, Ant., XX, IX, 3; Вавил. Талмуд, *Песахим*, *57а*.

[4] Иосиф, Ant., XV, IX, 3; XIX, VI, 2; VIII, 1.

[5] Луки, III, 2.

[6] Деяния, V, 17.

[7] Иосиф, Ant., XX, IX, 1. Ср. *Мегиллат Таанит*, гл. IV; Тосифта, *Менахот*, II.

[8] Иосиф, Ant., XX, IX, 1. Нет достаточных оснований для того, чтобы сомневаться в достоверности этого места.

[9] Иосиф, Ant., XX, IX, 1.

презрительной и подозрительной злобой, которой характеризуется еврейская политика. Таким образом, ответственность за все последующие события, которые здесь будут описаны, всей своей тяжестью падает на Анну и его род. Иисуса умертвил именно Анна (или, если угодно, партия, представителем которой он был). Анна был главным виновником этой ужасной драмы, и проклятия человечества должны бы всей тяжестью тяготеть скорее на нем, нежели на Каиафе или на Пилате.

Автор четвертого Евангелия влагает в уста Каиафы то решительное слово, которое повлекло за собой смертный приговор Иисусу [1]. Предполагалось, что первосвященник обладает некоторым даром пророчества; таким образом, для христианской общины его изречение получало глубокий смысл оракула. Но, в сущности, кто бы ни произнес его, таково было мнение всей первосвященнической партии. Партия эта всегда сильно противодействовала соблазну народа. Она старалась арестовывать религиозных энтузиастов, ибо не без основания предвидела, что они доведут своими возбуждающими проповедями страну до полной гибели. Хотя движение, вызванное Иисусом, не заключало в себе ничего политического, священники предвидели, что последствием его в конце концов будет обострение римского ига и ниспровержение храма, источника их богатств и почестей [2]. Несомненно, что причины, которым суждено было спустя тридцать пять лет повлечь за собой разрушение Иерусалима, лежали в других явлениях, а не в нарождающемся христианстве. Тем не менее нельзя утверждать, что мотив, на который в данном случае ссылались священники, был настолько неправдоподобен, чтобы усматривать в нем одну только злую волю. В общем, если бы Иисус имел успех, то он действительно привел бы еврейскую нацию к погибели. Следовательно, исходя из принципов, прочно установленных всей древней политикой, Анна и Каиафа были вправе сказать: «Лучше нам, чтобы один человек погиб за людей, нежели чтоб весь народ погиб». По нашему мнению, такое рассуждение не может быть терпимо. Но оно свойственно всем консервативным партиям с самого возникновения человеческих обществ. «Партия порядка» (я употребляю это выражение в его узком и низменном смысле) всегда была одинакова. Полагая, что все

---

[1] Иоанна, XI, 49—50. Ср. там же, XVIII, 14.
[2] Иоанна, IX, 48.

20 Заказ № 313

назначение правительства сводится к тому, чтобы не допускать народных волнений, она думает, что совершает патриотическое дело, предупреждая с помощью юридического убийства бурное кровопролитие. Нимало не заботясь о будущем, она не помышляет о том, что, объявляя войну всякой инициативе, она рискует вступить в борьбу с идеей, которой суждено рано или поздно восторжествовать. Смерть Иисуса была одним из тысячи случаев применения подобной политики. Движение, во главе которого он стоял, было чисто духовным; но это было движение; с этого момента люди порядка, убежденные в том, что существеннее всего для человечества, чтобы оно именно не испытывало движений, должны были принять меры против распространения новой идеи. Не бывало более поразительного примера того, до какой степени подобная политика приводит к совершенно противоположным результатам. Если бы Иисуса оставили в покое, то он только истощил бы свои силы в отчаянной борьбе с непреодолимыми препятствиями. Неразумная ненависть его врагов решила победу его дела и запечатлела его божественность.

Таким образом, участь Иисуса была решена уже в феврале или марте месяце [1]. Но на некоторое время Иисус еще отсрочил свою погибель. Он удалился в малоизвестный город, называвшийся Ефраим или Ефрон, близ Вифеля, в расстоянии неполного дня пути от Иерусалима, расположенный на границе пустыни [2]. Здесь он прожил с своими учениками несколько недель, пока опасность рассеялась. Но уже отданы были распоряжения арестовать его, лишь только он появится в окрестности храма. Приближался праздник Пасхи, и враги Иисуса думали, что, по своему обыкновению, он придет его праздновать в Иерусалим [3].

---

[1] Иоанна, XI, 53.

[2] Иоанна, XI, 54. Ср. Chron. pasc., XIII, 19; Иосиф В. I., IV—IX, 9; Евсевий и Св. Иеремия, De situ et nomin. loc. hebr., на слова Ephrōn и Ephraim. Обыкновенно этот город отождествляют с *Тайибеем*.

[3] Иоанна, XI, 55, 56. В отношении порядка событий во всей этой части мы следуем плану Иоанна. По-видимому, синоптики были мало осведомлены о том периоде жизни, который предшествовал Страстям.

ГЛАВА XXIII

ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ ЖИЗНИ ИИСУСА.

Действительно, он отправился в сопровождении своих учеников в последний раз посетить неверующий город. Надежды его окружающих приобретали все более и более экзальтированный характер. Поднимаясь на гору в Иерусалиме, все были уверены, что там откроется Царство Божие [1]. Нечестивость человеческая достигла высших размеров, а это был великий признак близкой кончины мира. В этом отношении все питали такую уверенность, что уже шли споры о первенстве в Царстве Божием [2]. Говорят, именно в это время Саломея обратилась к Иисусу с просьбой предоставить ее сыновьям места по правую и левую стороны Сына Человеческого [3]. Напротив, сам учитель был погружен в глубокую думу. Иногда он выражал мрачное чувство досады против своих недругов; он рассказал притчу о благородном человеке, который отправился в отдаленные страны добывать себе царство; едва он успел уехать, как сограждане пожелали от него совсем избавиться. Царь возвращается, приказывает привести к себе тех, кто не желал, чтобы он был над ними царем, и всех их предает смерти [4]. В другие моменты он напрямик разрушает иллюзии своих учеников. Когда они проходили по каменистым дорогам к северу от Иерусалима, Иисус в задумчивости уходил вперед от своих спутников. Все молча смотрели на него, испытывая к нему чувство страха и не смея заговорить с ним. Уже раньше он неоднократно говорил им о предстоящих страданиях, и они слушали его, скрепя сердце [5]. Наконец он прервал молчание и, не скрывая более своих предчувствий, поведал им свою близкую кончину [6]. Все присутствующие сильно огорчились. Ученики ожидали с часу на час появления знамения в облаках. Уже среди их толпы начинали раздаваться радостные клики, возвещающие открытие Царства Божия: «Благословен грядый во имя Господне!» [7] Кровавая перспекти-

---

[1] Луки, XIX, 11.
[2] Луки, XXII, 24 и след.
[3] Матфея, XX, 20 и след.; Марка, X, 35 и след.
[4] Луки, XIX, 12—27.
[5] Матфея, XVI, 21 и след.; Марка, VIII, 31 и след.
[6] Матфея, XX, 17 и след.; Марка, X, 31 и след.: Луки, XVIII, 31 и след.
[7] Матфея, XXIII, 39; Луки, XIII, 35.

ва, открытая перед ними Иисусом, смутила их. На каждом шагу этого рокового пути Царство Божие то приближалось, то удалялось от них в мираже их грез. Он же утверждался в мысли, что ему предстоит умереть, но что его смерть спасет мир [1]. С минуты на минуту их взаимное непонимание, его и учеников его, становилось все глубже.

По обычаю следовало приходить в Иерусалим за несколько дней перед Пасхой, чтобы приготовиться к празднику. Иисус прибыл позднее других, и был момент, когда враги его потеряли надежду схватить его [2]. Наконец за шесть дней до праздника (в субботу, 8 низана, или 28 марта [3]) он дошел до Вифании. По обыкновению, он остановился в доме Марфы и Марии и Симона прокаженного. Ему был сделан большой прием. У Симона прокаженного [4] было устроено пиршество, на которое собралось много народа, привлеченного желанием видеть нового пророка и, как говорят, также и Лазаря, о котором в последние дни распространялось много слухов. Быть может, многие принимали Симона прокаженного, возлежавшего за столом, за то лицо, которое Иисус будто бы воскресил. Марфа, как обыкновенно, служила за столом [5]. По-видимому, хозяева старались усиленным проявлением внешних знаков уважения победить холодность толпы и резче отметить высокое достоинство гостя, которого они принимали. Для того чтобы придать пиршеству характер большого торжества, Мария во время застолья вошла с сосудом с ароматами и обмыла ими ноги Иисуса. Затем она разбила сосуд, по старинному обычаю разбивать посуду, которая служила при приеме особенно почетных гостей [6]. Наконец она дошла в своем культе до крайностей, которые до тех пор были невиданны: распростерлась у ног своего учителя

---

[1] Матфея, XX, 28.

[2] Иоанна, XI, 56.

[3] Пасха праздновалась 14 низана. В 33 г. 1 число низана приходилось, по-видимому, на субботу, 21 марта. Благодаря неточности еврейского календаря все эти вычисления довольно сомнительны. См. Mem. de l'Acad. des Inscr, et B.— L., T. XXIII, ч. 2. стр. 367 и след. (новая серия).

[4] Матфея, XXVI, 6; Марка, XIV, 3. Ср. Луки, VII, 40, 43—44.

[5] Это обстоятельство не теряет своего правдоподобия даже и в том случае, если бы пиршество происходило и не в доме Марфы. На Востоке очень принято, чтобы лицо, связанное с вами узами преданности или находящееся у вас в услужении, служило вам и в том случае, когда вы обедаете где-либо в гостях.

[6] Я видел, что этот обычай до сих пор соблюдается в Суре.

и отерла их своими длинными волосами [1]. Комната наполнилась благоуханием ароматов, к великому удовольствию всех присутствовавших, за исключением скупого Иуды из Кериота. Действительно, принимая во внимание скромный образ жизни общины, это было крупной расточительностью. Скупой казначей тотчас же рассчитал, за сколько можно было бы продать этот ароматический состав и сколько денег поступило бы таким образом в кассу для бедных. Но этот расчет вызвал неудовольствие Иисуса: этим как будто допускалась мысль, что есть что-либо выше него. Он любил почести, ибо они служили его цели, закрепляя за ним титул сына Давидова. И когда упомянули по этому поводу о нищих, он довольно резко ответил: «Нищих всегда имеете с собою, а меня не всегда имеете». И, возбуждаясь все больше, он обещал бессмертие женщине, которая в этот критический момент выказала ему свою любовь [2].

На следующий день (воскресенье, 9 низана) Иисус спустился из Вифании в Иерусалим [3]. Когда на повороте дороги на вершине горы Елеонской перед ним развернулся вид города, он, как говорят, прослезился и в последний раз обратился к нему с воззванием [4]. На склоне горы близ предместья, населенного главным образом священниками и называвшегося *Виффагией* [5], Иисус еще раз получил удовлетворение своих человеческих чувств [6]. Слух об его прибытии успел распространиться. Галилеяне, пришедшие на праздник, чрезвычайно этому обрадовались и приготовили

---

[1] Следует припомнить, что во время обеда ноги присутствующих не были скрыты, как у нас, под столом, так как гости возлежали на диванах.

[2] Матфея, XXVI, 6 и след.; Марка, XIV, 3 и след.; Иоанна, XI, 2; XII, 2 и след. Ср. Луки, VII, 36 и след.

[3] Иоанна, XII, 12.

[4] Луки, XIX, 41 и след.

[5] Матфея, XXI, 1; Марка, XI, 1 (греческий текст); Луки, XIX, 29. Мишна, *Менахот*, XI, 2; Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 14b, *Песахим*, 63b. 91a; *Сота*, 45a; *Баба метсия*, 88a; *Менахот*, 78в; *Шифра*, 104b; Евсевий и Св. Иеремия, De situ et nomin. loc. hebr., b S. Hier., Opp., изд. Мартианий, II, т. 442; Св. Иеремия, Epitaphium Paulae, Opp., IV, т. 676; его же, In, Matth., XXI, 1 (Opp., IV, т. 94); его же, Lex. graec. nom. hebr., Opp., II, т. 121—122.

[6] Матфея, XXI, 1 и след.; Марка, XI, 1 и след.; Луки, XIX, 29 и след.; Иоанна, XII, 12 и след. Совпадение с текстом Захарии, IX, 9, внушает сомнение во всем этом эпизоде. Триумфальное шествие верхом на осле носит мессианский характер. Ср. Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 98b; Мидраш, *Берешит равва*, гл. XCVIII; Мидраш, *Когелет*, I, 9.

ему маленькое торжество. Привели ему ослицу с осленком, как этого требовал обычай [1]. Галилеяне покрыли спину ее вместо попоны лучшими своими одеждами и посадили его на нее. Тем временем другие постилали впереди него дорогу своими плащами и зелеными ветвями. Толпа, шедшая впереди и сзади него, с пальмовыми ветвями в руках, восклицала: «Осанна сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне!», некоторые называли его при этом даже царем Израиля [2]. «Равви, прикажи им замолчать»,— говорили ему фарисеи. «Если они замолчат, камни возопиют»,— отвечал Иисус и таким образом вошел в город. Иерусалимские жители, мало знавшие его, спрашивали, кто он такой. «Это Иисус, пророк из Назарета в Галилее»,— отвечали им. В Иерусалиме в то время было около 50 000 душ жителей [3]. При обыкновенных условиях слух о небольшом событии, вроде прибытия сколько-нибудь известного чужеземца или толпы провинциалов или какого-нибудь народного волнения на улицах города, быстро распространялся между жителями. Но во время праздников суета в городе доходила до крайних пределов [4]. В эти дни Иерусалим принадлежал пришельцам. И волнение было особенно сильно, по-видимому, именно между ними. Новообращенные, говорившие на греческом языке и пришедшие на праздник, были очень заинтересованы и хотели видеть Иисуса. Они обратились к его ученикам [5]; с точностью неизвестно, чем кончилась эта встреча. Иисус, по своему обыкновению, отправился на ночь в свое любимое местопребывание, Вифанию [6]. В течение трех следующих дней (понедельник, вторник, среда) он точно так же приходил в Иерусалим и после заката солнца удалялся или в Ви-

---

[1] Эта маленькая подробность, быть может, обязана своим происхождением тому, что текст Захарии был понят неправильно. По-видимому, авторы книг Нового Завета не знали еврейского закона параллелизма. Ср. Иоанна, XIX, 24.

[2] Луки, XIX, 38; Иоанна, XII, 13.

[3] Цифра 120 000, которую приводит Гекатей (у Иосифа, Contra Apionem, I, 22), по-видимому, преувеличена. Цицерон говорит об Иерусалиме как о местечке (Ad Atticum, II, IX). Древняя ограда, во всяком случае, не вместила бы более, нежели вчетверо против нынешнего населения, которое достигает лишь 15 000 . См. Робинсон, Biblical Researches, I, стр. 421—422 (2 изд.); Фергюссон, Topography of lerusalem, стр. 51; Форстер, Syria and Palestine, стр. 82.

[4] Иосиф, В. I., II, XIV, 3; VI, IX, 3.

[5] Иоанна, XII, 20 и след.

[6] Матфея, XXI, 17; Марка, XI, 11.

фанию, или на фермы, лежавшие по западному скату Елеонской горы, где у него было много друзей [1].

В эти последние дни великая скорбь переполняла, по-видимому, душу Иисуса, обыкновенно столь радостную, ясную. Все рассказы сходны в том, что перед арестом у него был момент смущения, тоски. По словам одних, он внезапно воскликнул: «Душа Моя теперь возмутилась; Отче! избавь Меня от часа сего!» [2]. Уверяли, что тогда послышался голос с неба; другие говорили, что ангел приходил утешать его [3]. По одной весьма распространенной версии, это произошло в Гефсиманском саду. Иисус будто бы отошел от своих уснувших учеников «на вержение камня», взяв с собой лишь Кифу и двух сыновей Зеведеевых. Тут он пал лицом на землю и молился. Душа его скорбила смертельно; ужасная тоска давила его; но преданность воле Божией одержала верх [4]. Благодаря художественному чутью, с которым производилась редакция синоптиков и которое часто заставляло их в ведении рассказа повиноваться требованиям условности или эффекта, эта сцена относится ими к последней ночи Иисуса и к моменту его ареста. Если бы это было действительно так, то трудно было бы понять, каким образом Иоанн, который будто бы был свидетелем столь трогательного факта, не рассказал бы о нем своим ученикам и каким образом редактор четвертого Евангелия не передал бы этого эпизода в своем чрезвычайном пространном рассказе о вечере четверга [5]. Все, что можно сказать, это что страшное бремя миссии, принятой на себя Иисусом, жестоко угнетало его в течение последних его дней. На минуту в нем заговорила человеческая натура. Быть может, он усомнился в своем деле. Страх, сомнения овладели им и повергли его в состояние слабости,

---

[1] Матфея, XXI, 17—18; Марка, XI, 11—12, 19; Луки, XXI, 37—38.

[2] Иоанна, XII, 27 и след. Понятно, что экзальтированный тон четвертого евангелиста и исключительный интерес, который он питает к божественной роли Иисуса, были причиной того, что в его повествовании не упоминается о моментах естественной слабости, о которых рассказывают синоптики.

[3] Луки, XII, 43; Иоанна, XII, 28—29.

[4] Матфея, XXVI, 36 и след.; Марка, XIV, 32 и след.; Луки, XXII, 39 и след.

[5] Это было бы тем менее понятно, что редактор четвертого Евангелия с особенным жаром излагает обстоятельства, относящиеся лично к Иоанну, или такие, при которых он был единственным свидетелем-очевидцем (I, 35 и след.; XIII, 23 и след.; XVIII, 15 и след.; XIX, 26 и след.; 35; XX, 2 и след.; XXI, 20 и след.).

которое хуже самой смерти. Человек, пожертвовавший великой идее своим спокойствием и законными дарами жизни, всегда печально оглядывается на самого себя, когда перед ним в первый раз встает образ смерти и старается убедить его в том, что все тщетно. Быть может, в эту минуту его посетили те трогательные воспоминания, которые могут сохраняться в самой сильной душе и которые в известные моменты пронизывают душу, подобно острому мечу. Вспомнились ли ему прозрачные струи фонтанов в Галилее, в которых было бы так приятно освежиться; виноградники и смоковницы, под которыми он мог бы отдохнуть; молодые девушки, которые, быть может, согласились бы подарить его своей любовью? Проклинал ли он жестокую судьбу свою, которая запретила ему радости, предоставленные всем другим? Сожалел ли он о том, что он одарен слишком возвышенной натурой, не оплакивал ли он, жертва собственного своего величия, что не остался простым назаретским ремесленником? Это неизвестно. Все эти внутренние волнения, очевидно, остались тайной для его учеников. Они ничего в этом не понимали и дополняли своими наивными предположениями все, что оставалось для них темным в великой душе их учителя. По крайней мере, несомненно, что божественная сущность скоро одержала в нем победу. Он еще мог бы избежать смерти, но не захотел. Любовь к своему делу увлекла его. Он решил выпить чашу до дна. И действительно, с этого момента мы видим его снова цельным и без малейшего пятнышка. Все уловки полемиста, легковерие чудотворца и заклинателя бесов теперь забыты. Остается лишь несравненный герой Страстей, основатель прав свободы совести, совершеннейший образец, воспоминание о котором впредь будет укреплять и утешать все страждущие души.

Торжество в Вифании, эта дерзость провинциалов, празднующих у врат Иерусалима прибытие их Царя — Мессии, окончательно озлобило фарисеев и храмовую аристократию. В среду (12 низана) состоялось новое совещание у Иосифа Каиафы [1]. Решено было немедленно арестовать Иисуса. Во всех мероприятиях руководствовались чувством порядка и консервативности. Необходимо было избежать шума. Так как праздник Пасхи, начинавшийся в этом году в пятницу вечером, был моментом народного скопления и возбуждения, то решено было все покончить

[1] Матфея, XXVI, 1—5; Марка, XIV, 1—2; Луки, XXII, 1—2.

к тому времени. Иисус был популярен [1]; можно было опасаться бунта. Хотя и был обычай открывать торжества, на которые собиралась вся нация, казнями преступников против первосвященнического авторитета, некоторого рода уатодафе, предназначенными для того, чтобы внушить народу религиозный ужас [2], тем не менее, вероятно, желательно было, чтобы подобные зрелища не приходились на празднуемые дни [3]. Таким образом, арест было назначено совершить на следующий день, в четверг. Решено было также не брать его в храме, куда он являлся ежедневно [4], но выследить его и арестовать в каком-нибудь глухом месте. Агенты первосвященников расспросили учеников, надеясь, воспользовавшись их слабостью или простотой, получить от них необходимые сведения. Они и нашли то, чего искали, в лице Иуды из Кериота. Этот несчастный, по совершенно необъяснимым мотивам, предал своего учителя, дал все нужные указания и даже взялся (хотя подобная крайняя степень низости едва вероятна) быть проводником отряда, на который был возложен арест. Ужасное воспоминание, которое сохранилось в христианском предании о глупости или злобе этого человека, должно было внести сюда некоторое преувеличение. До тех пор Иуда был таким же учеником, как и все остальные; он даже носил звание апостола; он совершал чудеса и изгонял бесов. Легенда, допускающая только резкие краски, может признавать, что в общем было одиннадцать святых и один отверженник. Но в действительности абсолютных категорий не бывает. Скупость, которую синоптики выставляют причиной преступления, ничего не объясняет. Странно было бы, чтобы человек, заведовавший кассой и понимавший, что он потеряет со смертью своего главы, променял бы выгоды своей должности [5] на весьма ничтожную сумму денег [6]. Не было ли задето самолюбие Иуды выговором, который он получил на пиршестве в Вифании? Но этого тоже было бы недостаточно. Четвертый евангелист хотел бы представить его

---

[1] Матфея, XXI, 46.

[2] Мишна, *Синедрион,* XI, 4; Вавио. Талмуд, *Синедрион.* 89а. Ср. Деяния, XII, 3 и след.

[3] Мишна, *Синедрион,* IV, 1.

[4] Матфея, XXVI, 55.

[5] Иоанна, XII, 6.

[6] В четвертом Евангелии о вознаграждении даже и совсем не говорится. Легенда о тридцати сребрениках, о которых упоминают синоптики, заимствована у Захарии, XI. 12—13.

вором, человеком, который с самого начала был неверующим[1], что уже совсем неправдоподобно. Скорее можно предполагать какое-либо чувство ревности, какой-нибудь внутренний разрыв. Эта гипотеза подтверждается той особенной ненавистью к Иуде, которая замечается в Евангелии, приписываемом Иоанну[2]. Будучи не столь чист сердцем, как прочие, Иуда, сам того не замечая, быть может, усвоил себе узкие взгляды своей должности. Поддавшись превратному взгляду, весьма обыкновенному у людей, занимающих активные должности, он, быть может, дошел до того, что ставил интересы кассы выше того дела, для которого она была предназначена. Администратор убил в нем апостола. По ропоту его в Вифании можно было бы предположить, что иной раз он находил, что учитель обходится их духовной семье чересчур дорого. Без сомнения, такая низменная бережливость могла не раз вызывать трения в маленькой общине.

Не отрицая факта, что Иуда из Кериота содействовал аресту своего учителя, мы все же думаем, что проклятия, которыми его осыпают, до некоторой степени несправедливы. В этом деле, быть может, с его стороны было больше поспешности, чем коварства. Суждения человека из народа в области морали отличаются живостью и справедливостью, но они бывают непостоянны и непоследовательны. Мораль его не может устоять перед аффектом. Тайные сообщества республиканской партии скрывали в своих недрах много убежденности и искренности, и тем не менее доносчики среди них были весьма многочисленны. Легкого негодования бывало достаточно для того, чтобы превратить сектанта в изменника. Но если безумное желание получить несколько серебряных монет вскружило голову бедного Иуды, то все же не видно, чтобы он окончательно утратил нравственное чувство, ибо, увидав последствия своего проступка, он раскаялся и, по преданию, окончил самоубийством[3].

С этого момента все минуты жизни Иисуса принимают торжественный характер, и каждая из них может считаться в истории человечества за целый век. Мы дошли в нашем рассказе до четверга, 13 низана (2 апреля). На следующий день вечером наступал праздник Пасхи,

---

[1] Иоанна, VI, 65; XII, 6.

[2] Иоанна, VI, 65, 71—72; XII, 6; XIII, 2, 27 и след.

[3] Матфея, XXVII, 3 и след.

который начинается ужином, причем на стол подают ягненка. Праздник продолжается затем семь дней, в течение которых едят опресноки. Особенной торжественностью отличаются первый и последний дни праздника. Ученики были уже заняты приготовлениями к празднеству [1]. Что касается Иисуса, то можно предполагать, что он знал о предательстве Иуды и не сомневался в той участи, которая его ожидала. Вечером он в последний раз ужинал с своими учениками. То не был обрядовый пасхальный стол, как это предполагалось впоследствии, причем происходила ошибка на один день [2]; но для первой Церкви ужин в четверг и был настоящей Пасхой, печатью нового союза. Каждый из учеников сохранил об этом ужине свои самые дорогие воспоминания, и много трогательных черт учителя, запечатлевшихся у них в памяти, они тоже сосредоточили на этой трапезе, сделавшейся краеугольным камнем христианского благочестия и исходной точкой плодотворнейших учреждений.

Действительно, нельзя сомневаться в том, что в этот момент сердце Иисуса было переполнено нежной любовью к маленькой Церкви, которая его окружала [3]. Его сильная и спокойная душа чувствовала себя теперь легко под тяжестью мрачных предчувствий, осаждавших ее. Для каждого из своих друзей у него нашлось доброе слово. Двое из

---

[1] Матфея, XXVI и след.; Марка, XIV, 12; Луки, XXII, 7; Иоанна, XIII, 29.

[2] Это гипотеза синоптиков (Матфея, XXVI, 17 и след.; Марка, XIV, 12 и след.; Луки, XXII, 7 и след.; 15), а следовательно, также и Св. Иустина (Dial. cum Tryph., 17, 88, 97, 100, 111). Напротив, в четвертом Евангелии положительно указывается, что Иисус умер в тот самый день, когда едят ягненка (XIII, 1—2, 29; XVIII, 28; XIX, 14, 31). Талмуд также относит смерть Иисуса к «кануну Пасхи», но, конечно, это слабый авторитет в подобном вопросе (Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 43а, 67а). Весьма серьезное возражение против этого мнения основывается на том обстоятельстве, что во второй половине II века малоазиатские церкви, исповедовавшие относительно Пасхи учение, по-видимому, находившееся в противоречии с гипотезой четвертого Евангелия, тем не менее ссылались именно на авторитет апостола Иоанна и его учеников в подтверждение доктрины, по-видимому, соответствующей повествованию синоптиков (Поликрат, у Евсевия, Hist. eccl., V, 24. Ср. Chron. pasc., стр. 6 и след., изд. Дю-Канжа). Вопрос этот весьма темный. Иоанн и его ученики могли праздновать Пасху, как и вся первоначальная апостольская школа, 14 низана не потому, чтобы они думали, будто бы Иисус ел ягненка в этот день, а потому, что верили, что Иисус, истинный пасхальный агнец (см. Иоанна, I, 29; XIX, 36, по сравнению с Апокалипсисом, V, 6 и пр.), умер в этот день.

[3] Иоанна, XIII, 1 и след.

них, Иоанн и Петр, получили особенно нежные излияния любви с его стороны. Иоанн возлежал на диване рядом с Иисусом, и голова его покоилась на груди учителя [1]. В конце ужина тайна, тяготившая душу Иисуса, чуть у него не вырвалась. «Истинно говорю вам,— сказал он,— один из вас предаст меня» [2]. Эти наивные люди почувствовали в тот момент смертельную тоску; они переглядывались, и каждый внутренне задавал себе вопрос. Тут же был и Иуда; быть может, Иисус, имевший с некоторых пор основание не доверять ему, имел в виду этими словами вырвать у него признание своей вины, прочесть это признание у него в глазах или в его смущении. Но неверный ученик не потерял самообладания; он даже осмелился, как говорят, спросить его вместе с другими: «Не я ли, равви?»

Между тем добрый и прямодушный Петр тоже терзался. Он сделал знак Иоанну, чтобы тот постарался выведать у учителя, на кого он намекает. Иоанн, имевший возможность беседовать с Иисусом неслышно для других, спросил у него разгадку этого таинственного намека. Иисус, питавший только подозрения, не захотел называть никакого имени, он только сказал Иоанну, чтобы он хорошенько обратил внимание на того, кому он даст кусок хлеба, обмакнув его в соус [3]. В то же время он обмакнул кусок хлеба и подал его Иуде. Одни Иоанн и Петр поняли, в чем дело. Иисус обратился к Иуде со словами, в которых заключался кровавый упрек, непонятный для остальных присутствующих. Они думали, что Иисус отдает приказания относительно завтрашнего праздника; после этого Иуда вышел [4].

В тот момент этот ужин никого не поразил, и, не считая намеков, которые Иисус делал своим ученикам, уловившим смысл их лишь наполовину, за ужином не произошло ничего необыкновенного. Но после смерти Иисуса этому вечеру стали придавать особенно торжественное значение, и фантазия верующих придала ему оттенок нежной таинственности. В воспоминаниях о дорогом человеке больше всего запечатлеваются его последние минуты. Благода-

---

[1] Иоанна, XIII, 23; Поликрат, у Евсевия, Hist. eccl., V, 24.

[2] Матфея, XXVI, 21 и след.; Марка, XIV, 18 и след.; Луки, XX, 21 и след.; Иоанна, XIII, 21 и след.; XXI, 20.

[3] На Востоке распорядитель трапезы выражает свое внимание к гостю тем, что за столом один или два раза приготовляет и подает ему закуску, причем составляет ее по своему собственному вкусу.

[4] Иоанна, XIII, 21 и след. разъясняет неправдоподобие в рассказах синоптиков.

ря неизбежной иллюзии, приписывают беседам, которые в это время с ним происходили, то значение, какое они могли принять только вследствие его смерти: воспоминания, копившиеся в течение многих лет, группируются вокруг нескольких часов. Большая часть учеников после вечери, о которой идет речь, уже не видала больше своего учителя. Это был прощальный пир. За этим столом, как и во многих других случаях этого рода [1], Иисус также совершил свой мистический обряд преломления хлеба. Так как с первых лет возникновения Церкви предполагалось, что ужин этот имел место в самый день Пасхи и был пасхальной трапезой, то естественно возникла мысль, что установление Евхаристии относится к этому последнему моменту. Исходя из гипотезы, что Иисус знал наперед вполне определенно час своей смерти, ученики должны были прийти к предположению, что он отложил на свои последние часы много важных актов. Сверх того, так как одной из основных идей первых христиан была та, что смерть Иисуса имеет значение жертвы, заменяющей все жертвы, установленные древним Законом, то «Тайная вечеря», относительно которой раз навсегда было решено, что она имела место накануне «Страстей», получила значение жертвоприношения по преимуществу, основного акта нового единения, знамения крови, пролитой за спасение всех людей [2]. Хлеб и вино, в связи с самой смертью, стали образом Нового Завета, который Иисус запечатлел своими страданиями, напоминанием о жертве, принесенной Иисусом, которое следовало повторять впредь до его пришествия [3].

С очень ранней эпохи это таинство было фиксировано в небольшом повествовании, которое сохранилось у нас в четырех, весьма сходных между собой, формах [4]. Но четвертому евангелисту, столь озабоченному идеей об Евхаристии [5], рассказывающему о последнем ужине так пространно, связывающему с ним столько подробностей и поучений [6], это повествование было неизвестно. Это служит доказательством тому, что секта, преданием которой представ-

[1] Луки, XXIV, 30—31, 35, изображает преломление хлеба как обыкновение Иисуса.

[2] Луки, XXII, 20.

[3] 1 посл. к Коринф., XI, 26.

[4] Матфея, XXVI, 26—28; Марка, XIV, 22—24; Луки, XXII, 19—20; 1 посл. к Коринф., XI, 23—25.

[5] Глава VI.

[6] Главы XIII—XVII.

ляют этот рассказ, вовсе не считала установление Евхаристии особенностью Тайной вечери. Для четвертого евангелиста обрядом Тайной вечери является омовение ног. Весьма вероятно, что этот обряд в некоторых первобытных христианских общинах имел известное, впоследствии утраченное, значение [1]. Без сомнения, в известных случаях Иисус прибегал к нему, чтобы показать своим ученикам пример братского смирения. Его отнесли к кануну смерти Иисуса в силу того же стремления сосредоточивать в Тайной вечере все важнейшие моральные и обрядовые предписания Иисуса.

В конце концов воспоминания, которые сохранились о последнем вечере Иисуса, воодушевлены высоким чувством любви, согласия, милосердия, взаимного уважения [2]. И душой всех символов и поучений, которые относятся христианским преданием к этому благословенному часу, всегда является единство Церкви, созданной им или его духом. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» [3]. В этот священный момент все еще обнаруживалось среди некоторых из учеников соперничество, споры из-за первенства [4]. Иисус в ответ на это дал понять, что если он, учитель, был среди своих учеников их слугой, то тем более они должны были смиряться друг перед другом. По словам некоторых, он сказал, глотнув вина: «Отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в царстве Отца Моего» [5]. По словам других, он обещал им в ближайшем будущем трапезу в своем Царстве, где они будут сидеть рядом с ним на престолах [6].

По-видимому, к концу вечера предчувствия Иисуса

---

[1] Иоанна, XIII, 14—15. Ср. Матфея, XX, 26 и след.; Луки, XXII, 26 и след.

[2] Иоанна, XIII, 1 и след. Поучения, которые приводит четвертый евангелист в заключение повествования о Тайной вечере, не могут быть приняты как исторический факт. В них встречается множество оборотов и поучений, совершенно не свойственных стилю поучений Иисуса и, напротив, чрезвычайно подходящих к обычному языку произведений Иоанна. Так, например, выражение «дети» в звательном падеже (Иоанна, XIII, 33) очень часто употребляется в первом послании, которое приписывается Иоанну. Выражение это, по-видимому, вовсе не свойственно Иисусу.

[3] Иоанна, XIII, 33—35; XV, 12—17.

[4] Луки, XXII, 24—27. Ср. Иоанна, XIII, 4 и след.

[5] Матфея, XXVI, 29; Марка, XIV, 25; Луки, XXII, 18.

[6] Луки, XXII, 29—30.

сообщились и ученикам. Все чувствовали, что серьезная опасность угрожает учителю и что развязка приближается. Был момент, когда Иисус подумал о том, чтобы принять некоторые предосторожности, и заговорил о мечах. Налицо оказалось два меча. «Довольно»,— сказал он [1]. Но он больше не распространялся об этом; он видел отлично, что робкие провинциалы не устоят перед вооруженной силой иерусалимской верховной власти. Кифа, как человек с мужественным сердцем и самоуверенный, поклялся, что последует за ним в темницу и на смерть. Иисус с своей обычной проницательностью выразил по этому поводу некоторые сомнения. По преданию, источником которого был, вероятно, сам Петр, Иисус приурочил отречение Петра от него к пению петуха [2]. Все поклялись, как и Петр, что не поддадутся слабости.

ГЛАВА XXIV

АРЕСТ ИИСУСА И СУД НАД НИМ.

Ночь уже совершенно спустилась [3], когда они вышли из дому [4]. Иисус, по своему обыкновению, прошел через Кедронскую долину и в сопровождении учеников направился в Гефсиманский сад у подножия горы Елеонской [5]. Здесь он сел. Так как превосходство его над своими друзьями было неизмеримо, то он не спал и молился, они же спали возле него, когда вдруг при свете факелов появилась толпа вооруженных людей. Это были служители храма, вооруженные палками, в некотором роде полицейская стража, оставшаяся в распоряжении священников; их подкреплял отряд римских воинов, вооруженных мечами; приказ об аресте исходил от первосвященника и синедриона [6]. Иуда, зная все обыкновения Иисуса, указал это

[1] Луки, XXII, 36—38.

[2] Матфея, XXVI, 31 и след.; Марка, XIV, 29 и след.; Луки, XXII, 33 и след.; Иоанна, XIII, 36 и след.

[3] Иоанна, XIII, 30.

[4] Подробность, что ученики, выходя, пели религиозный гимн (Матфея, XXVI, 30; Марка, XIV, 26; Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 106), обязана своим происхождением тому мнению, которого держатся синоптики, что последний ужин Иисуса был пасхальной трапезой. Перед ней и после нее обыкновенно пели псалмы. Вавил. Талмуд, *Песахим,* IX, 3 и 118а, и пр.

[5] Матфея, XXVI, 36; Марка, XIV, 32; Луки, XXII, 39; Иоанна, XVIII, 1—2.

[6] Матфея, XXVI, 47; Марка, XIV, 43; Иоанна, XVIII, 3, 12.

место, где его можно было легче всего захватить. Иуда, по единодушному заявлению всех преданий первых времен христианства, лично сопровождал этот отряд [1], а по словам некоторых [2], он даже довел гнусность до того, что обратил поцелуй в условный знак предательства. Верна ли эта подробность или нет, несомненно, что со стороны учеников последовало сопротивление [3]. Как говорят, Петр выхватил меч [4] и отсек ухо одному из служителей первосвященника по имени Малху. Иисус остановил эту попытку сопротивления. Он сам отдался в руки стражи. Слабые и неспособные оказать действительное сопротивление, особенно властям, пользовавшимся таким авторитетом, ученики обратились в бегство и рассеялись. Одни только Петр и Иоанн не теряли учителя из вида. Еще и другой молодой человек (быть может, Марк) следовал за ним издали. Его хотели арестовать, но он убежал, оставив в руках стражи легкую тунику [5].

Меры, которые было решено первосвященниками применить к Иисусу, соответствовали установленному праву. Судебная процедура против «соблазнителя» (*мессит*), который покушается на чистоту религии, разъяснена в Талмуде с подробностями, способными вызвать улыбку своим наивным бесстыдством. Юридическая западня составляет в ней существенную часть уголовного следствия. Когда человек подвергается обвинению в том, что он производит соблазн, подговаривают двух свидетелей и прячут их за перегородкой; затем устраивают так, чтобы заманить обвиняемого в комнату по другую сторону перегородки, где бы слова его могли быть услышаны невидимыми ему свидетелями. Возле него зажигают две свечи для того, чтобы бесспорно констатировать, что свидетели «видели его» [6]. Тогда его заставляют повторить свое богохульство. Затем приглашают его отречься от своего взгляда. Если он отказывается, то свидетели, слышавшие его слова, пред-

---

[1] Матфея, XXVI, 47; Марка, XIV, 43; Луки, XXII, 47; Иоанна, XVIII, 3; Деяния, I, 16; 1 посл. к Коринф., XI, 23.

[2] Так значится у синоптиков. В повествовании четвертого Евангелия Иисус сам себя называет.

[3] Этот пункт в обоих преданиях изложен одинаково.

[4] Иоанна, XVIII, 10.

[5] Марка, XIV, 51—52. Марк действительно был родом из Иерусалима. Деяния, XII, 12.

[6] В уголовных делах допускались лишь свидетели-очевидцы. Мишна, *Синедрион*, IV, 5.

ставляют его в суд, и по решению последнего его побивают камнями. Талмуд прибавляет, что этот способ был применен также и к Иисусу, что он был осужден на основании показаний двух подставных свидетелей и что в конце концов «соблазн» — единственное преступление, при преследовании которого подготовляют таким образом свидетелей [1].

Действительно, ученики Иисуса сообщают, что преступление, в котором обвиняли их учителя, было именно «соблазн» [2], и за исключением некоторых мелочей, представляющих плод фантазии раввинов, повествование в Евангелиях вполне соответствует процедуре, описанной в Талмуде. План врагов Иисуса заключался в том, чтобы уличить его путем свидетельских показаний и собственного сознания в богохульстве и посягательстве на Моисеев закон, приговорить за это к смертной казни и затем добиться у Пилата утверждения этого приговора. Как мы уже видели, первосвященническая власть находилась фактически всецело в руках Анны. Вероятно, от него шло и распоряжение об аресте. К этому сановнику прежде всего и повели Иисуса [3]. Анна начал допрашивать его об его учении и учениках. Иисус с законной гордостью отказался давать какие-либо объяснения. Он сослался на свои проповеди, которые произносились публично, он объявил, что никогда не проповедовал никакого тайного учения и предложил экс-первосвященнику допросить тех, кто слышал эти проповеди. Такой ответ был вполне естествен, но уважение, которым пользовался старый жрец, придавало отказу Иисуса от показаний дерзкий характер. Один из присутствующих, по преданию, дал Иисусу за это пощечину.

Петр и Иоанн последовали за своим учителем до жилища Анны. Иоанна знали в этом доме и пропустили без всяких затруднений, но Петра остановили при входе, и Иоанну пришлось просить привратника, чтобы Петра пропустили. Ночь была холодная. Петр, оставшись в прихожей, подошел к очагу, у которого грелась прислуга. Вскоре в нем узнали ученика обвиняемого. Несчастного выдало его галилейское произношение, и когда слуги, из коих один был родственником Малха и видел Петра в Гефси-

---

[1] Иерус. Талмуд, *Синедрион*, XIV, 16; Вавил. Талмуд. *Синедрион, 43а, 67а, Ср. Шаббат*, 104b.

[2] Матфея, XXVII, 63; Иоанна, VII, 12, 47.

[3] Иоанна, XVIII, 13 и след. Эта подробность отмечена лишь четвертым Евангелием, что и является сильным аргументом в пользу исторической достоверности этого Евангелия.

манском саду, стали преследовать его расспросами, он трижды отрекся от Иисуса и от каких бы то ни было сношений с ним. Он думал, что Иисус не может этого слышать, и ему не пришло в голову, какая великая измена заключается в его малодушии. Но его хорошая натура скоро заставила его понять, какой проступок он совершил. Случайное обстоятельство, пение петуха, напомнило ему слова Иисуса по этому поводу. Это тронуло его за сердце, он вышел и плакал горькими слезами [1].

Хотя Анна был истинным виновником замышляемого юридического убийства, но он не имел власти произнести смертный приговор над Иисусом. Он отослал его к Каиафе, который был официально первосвященником. Этот человек, слепое орудие в руках своего тестя, разумеется, должен был утвердить решение Анны. Синедрион собрался у Каиафы [2]. Началось следствие; многие заранее подготовленные свидетели появились перед судилищем, согласно инквизиторской процедуре, установленной Талмудом. Два свидетеля привели роковые слова, действительно произнесенные Иисусом: «Я разрушу храм Божий и снова воздвигну его в три дня». По еврейскому Закону хула против храма Божия была хулой против самого Бога [3]. Иисус молчал и отказывался объяснять слова, в произнесении которых его обвиняли. Если верить повествованию, то первосвященник заклинал Иисуса сказать, он ли Мессия; Иисус будто бы признал это и даже возвестил в собрании близкое пришествие его Небесного Царствия [4]. Но мужество Иисуса, решившегося умереть, этого, собственно говоря, не требовало. Вероятнее, что здесь, как и у Анны, он тоже хранил молчание. Вообще в эти последние минуты он предпочитал молчание. Приговор был подписан; искали только предлогов для него. Иисус это чувствовал и не предпринимал бесполезной самозащиты. С точки зрения ортодоксального иудаизма он, конечно, был богохульником, разрушителем установленного культа, а такие преступления по Закону карались смертью [5]. Собрание единогласно признало его заслуживающим смертной казни. Те члены собрания, которые

[1] Матфея, XXVI, 69 и след.; Марка, XIV, 66 и след.; Луки, XXII, 54 и след.; Иоанна, XVIII, 15 и след., 25 и след.

[2] Матфея, XVI, 57; Марка, XIV, 53; Луки, XVII, 66.

[3] Матфея, XXIII, 16 и след.

[4] Матфея, XXVI, 64; Марка, XIV, 62; Луки, XXII, 69. В четвертом Евангелии нет и следа подобной сцены.

[5] Левит, XXIV, 14 и след.; Второзак., XIII, 1 и след.

втайне сочувствовали ему, были в отсутствии или воздержались от голосования [1]. Обычный для всех существующих долгое время аристократий произвол побуждал судей не особенно останавливаться на последствиях приговора, который они произнесли. Жизнь человеческая в те времена легко приносилась в жертву; без сомнения, члены синедриона не думали также о том, что их детям придется отдавать отчет потомству, раздраженному приговором, который был произнесен с такой презрительной беззаботностью.

Но синедрион не имел права приводить в исполнение смертные приговоры [2]. Тем не менее при той путанице властей, которая в то время господствовала в Иудее, с этого момента Иисуса можно уже было считать осужденным. На всю эту ночь он был отдан во власть гнусных холопов, и не было тех оскорблений, которых бы ему не пришлось от них вынести [3].

Наутро первосвященники и старейшины собрались снова [4]. Надо было получить подтверждение Пилата, ибо смертный приговор, произнесенный синедрионом, ввиду римской оккупации не имел законной силы. Прокуратор в качестве императорского легата не был облечен правом жизни и смерти. Но Иисус не был римским гражданином, и достаточно было утверждения губернатором, чтобы произнесенный приговор был приведен в исполнение. Как это бывает во всех странах, где политически организованная нация покоряет народность, у которой гражданские и религиозные законы сливаются между собой, римляне вынуждены были оказывать некоторого рода официальную поддержку еврейскому Закону. Римское право по отношению к евреям не применялось. Евреи подчинялись каноническому праву, изложенному в Талмуде, подобно тому, как арабы в Алжире до сих пор живут по кодексу ислама. Сохраняя нейтралитет в вопросах религии, римляне, таким образом, очень часто санкционировали кары, определяемые за преступления против религии. Положение было почти то же, как в священных городах Индии под владычеством англичан или как было бы, наверное, теперь в Дамаске, если бы в один прекрасный день Сирия была завоевана какой-

---

[1] Луки, XXIII, 50—51.

[2] Иоанна, XVIII, 31; Иосиф, Ant., XX, IX, 1; Иерус. Талмуд. *Синедрион,* I, 1.

[3] Матфея, XXVI, 67—68; Марка, XIV, 65; Луки, XXII, 63—65.

[4] Матфея, XXVII, 1; Марка, XV, 1; Луки, XXII, 66; XXIII, 1; Иоанна, XVIII, 28.

либо европейской нацией. Иосиф утверждает (но, конечно, в этом можно и сомневаться), что когда в Иерусалиме случалось, что римлянин вступал в такие места храма, вход в которые был запрещен язычникам особыми надписями, то будто бы сами римляне выдавали иудеям такого преступника для предания его смерти [1].

Стража священников, связав Иисуса, повела его в преторию, которая помещалась в бывшем дворце Ирода [2], примыкавшем к башне Антония [3]. Это было утром в тот день, когда полагалось есть пасхального агнца (пятница, 14 низана, то есть 3 апреля). Иудеи осквернились бы, если бы вошли в преторию, и в таком случае не могли бы участвовать в священной трапезе. Они остались у входа в преторию [4]. Пилат, которому сообщили об этом, взошел на биму [5], или судилище, расположенное под открытым небом [6], в месте, которое называлось *Гаввафой*, или по-гречески *Литостротон*, так как оно было вымощено каменными плитами.

Узнав, в чем заключалось обвинение, Пилат выразил неудовольствие по поводу того, что его вмешивают в это дело [7]. Затем он заперся с Иисусом в претории. Здесь произошел разговор, подробности которого нам неизвестны, так как ни один свидетель не мог передать его ученикам Иисуса, но характер этого диалога, по-видимому, был хорошо угадан четвертым евангелистом. По крайней мере, повествование его вполне согласуется с историческими данными об обоих участниках этой беседы.

Прокуратор Понтий, по прозванию Пилат, происходившему, без сомнения, от слова pilum, почетное копье, которое было пожаловано ему или кому-либо из его предков [8], до сих пор не имел никаких отношений к нарождавшейся секте. Будучи индифферентным к внутренним рас-

---

[1] Иосиф, Ant., XV, XI, 5; B. I., VI, II, 4.

[2] Филон, Legatio ad Caium, § 38; Иосиф, B. I., II, XIV, 8.

[3] В том месте, где еще доныне помещается сераль иерусалимского паши.

[4] Иоанна, XVIII, 28.

[5] Греческое слово bēma перешло и в сирийско-халдейский язык.

[6] Иосиф, B. I., II, IX, 3; XIV, 8; Матфея, XXVII, 27; Иоанна, XVIII, 33.

[7] Иоанна, XVIII, 29.

[8] Вергилий, Энеида, XII, ст. 121; Марциал, Эпигр., I, XXXII, X, XLIII; Плутарх, Жизнь Ромула, 29. Ср. Hasta pura, военный орден. Орелли и Генцен, Inscr. lat., № 3574, 6852 и пр. По этой гипотезе Pilatus такая же форма, как Torquatus.

прям евреев, он видел во всех их сектантских движениях не более как результаты необузданной фантазии и заблуждений. Вообще он не любил евреев. Но евреи еще больше его ненавидели; они считали его жестоким, презрительным, заносчивым, обвиняли его в невероятных преступлениях [1]. Будучи центром народного брожения, Иерусалим был чрезвычайно мятежным городом, и для чужестранца жизнь в нем была невыносима. Люди экзальтированные утверждали, что у нового прокуратора было предвзятое намерение уничтожить еврейский Закон [2]. Их узкий фанатизм, религиозная нетерпимость возмущали широкое чувство справедливости и гражданского права, которое всюду приносили с собой даже самые дюжинные римляне. Все известные нам сведения о Пилате доказывают, что он был хорошим администратором [3]. В первое время своего вступления в должность у него произошли с подвластным ему народом некоторые столкновения, которые он порешил довольно грубо, причем, по-видимому, он был прав. Евреи должны были казаться ему людьми отсталыми; без сомнения, он судил об них так же, как некогда судил какой-нибудь либеральный префект о жителях Нижней Бретани, когда они возмущались по поводу проведения новой дороги или открытия новой школы. При осуществлении лучших своих проектов для блага страны, особенно же всего, что касалось общественных работ, Пилат всегда встречал непреодолимое препятствие в лице Закона. Закон сковывал жизнь до такой степени, что невозможны были никакие перемены в ней, никакие улучшения. Римские сооружения, даже самые полезные, возбуждали к себе со стороны евреев, ревнителей Закона, величайшую антипатию [4]. Два щита с надписями, поставленные Пилатом у своей резиденции, которая находилась по соседству с священной оградой, вызвали еще более сильную бурю [5]. Сперва прокуратор не особенно считался с этими предрассудками; это привело его к кровавым репрессиям [6], которые впоследствии были причиной его смещения [7]. Испытав столько столкновений, он сделался гораздо благоразумнее в своих отношениях

---

1 Филон, Legatio ad Caium, § 38.
2 Иосиф, Ant., XVIII, III, 1.
3 Иосиф, Ant., XVIII, II—IV.
4 Вавил. Талмуд, *Шаббат*, 33b.
5 Филон, Legatio ad Caium, § 38.
6 Иосиф, Ant., XVIII, III, 1 и 2; B. I., II, IX, 2 и след.; Луки, XIII, 1.
7 Иосиф, Ant., XVIII, IV, 1 и 2.

к этой невозможной нации, которая мстила своим владыкам тем, что вынуждала их применять к ней отвратительные меры строгости. И он видел с величайшим неудовольствием, что вынужден в этой новой истории играть жестокую роль ради того самого Закона, который он ненавидел [1]. Он знал, что религиозный фанатизм, добившись жестокой меры со стороны гражданских властей, сам первый возложит на них всю ответственность, будет почти обвинять их в насилии. Это высшая несправедливость, ибо в подобных случаях истинным виновником является подстрекатель!

Итак, Пилат сделал попытку спасти Иисуса. Быть может, на него произвела впечатление спокойная осанка обвиняемого. По одному преданию [2], правда не очень достоверному, Иисус будто бы встретил поддержку в лице собственной жены прокуратора, которая утверждала, что видела по этому поводу зловещий сон. Она могла видеть кроткого галилеянина из какого-либо окна, выходившего на двор храма. Быть может, она снова увидала его во сне, и кровь этого прекрасного молодого человека, которая должна была пролиться, вызвала у нее кошмар. Верно, во всяком случае, то, что Пилат оказался настроенным в пользу Иисуса. Губернатор был к нему добр и допрашивал его с намерением найти способ отослать его оправданным.

Титул «Царя Иудейского», которого Иисус никогда себе не присваивал, но который был выставлен его врагами в виде итога всей его роли и всех его притязаний, был, разумеется, лучшим поводом для того, чтобы возбудить против него римское правительство. В эту сторону и было направлено обвинение против него как бунтовщика и государственного преступника. Это была крайняя несправедливость; Иисус всегда признавал римскую империю как установленную власть. Но консервативные религиозные партии не имеют обыкновения останавливаться перед клеветой. Вопреки Иисусу, из его учения делали всевозможные выводы; его самого превратили в ученика Иуды Гавлонита; утверждали, что он запрещал платить подать кесарю [3]. Пилат спросил его, правда ли, что он Царь Иудейский [4]. Иисус ничем не выдавал своих мыслей. Но великая двусмысленность, которая составляла его силу и которой после

---

[1] Иоанна, XVIII, 35.

[2] Матфея, XXVII, 19.

[3] Луки, XXIII, 2, 5.

[4] Матфея, XXVII, 11; Марка, XV, 2; Луки, XXIII, 3; Иоанна, XVIII, 33.

его смерти суждено было создать его Царство, на этот раз погубила его. Будучи идеалистом, то есть не отделяя духа от материи, Иисус, уста которого, по изображению в Апокалипсисе, были вооружены двусторонним мечом, никогда не мог вполне успокоить на свой счет земную власть. Если верить четвертому Евангелию, он признал свое царское достоинство, но в то же время произнес эти глубокие по своему смыслу слова: «Царство Мое не от мира сего». Потом он будто бы объяснил характер своего Царства, которое все сводилось к обладанию истиной и к возвещению ее. Пилат не понял ни одного слова в этом высшем идеализме [1]. Без сомнения, Иисус произвел на него впечатление невинного мечтателя. Полное отсутствие религиозного и философского прозелитизма у римлян той эпохи побуждало их смотреть на преданность истине как на химеру. Прения по этому предмету казались им скучными и лишенными всякого смысла. Не видя той опасной для империи закваски, которая таилась в новых умозрениях, они не находили основания прибегать в подобных случаях к насилию. Все неудовольствие их направлялось скорее на тех, кто являлся к ним требовать казней по поводу таких пустых мелочей. Спустя двадцать лет такой же политики по отношению к евреям держался Галлион [2]. Вплоть до разрушения Иерусалима римляне в своем управлении страной принимали за правило совершенно не вмешиваться в сектантские распри евреев между собою [3].

Губернатору пришло в голову прибегнуть к одному способу примирить собственные чувства с требованиями фанатического народа, гнет которого он уже столько раз испытывал на себе. Тогда был обычай отдавать народу по случаю праздника Пасхи одного из осужденных. Пилат, зная, что Иисус был схвачен лишь благодаря ревности священников [4], попробовал применить этот обычай в его пользу. Он снова вышел на *виму* и предложил народу отпустить

[1] Иоанна, XVIII, 38.

[2] Деяния, XVIII, 14—15.

[3] Тацит (Ann., XV, 44) изображает смерть Иисуса в виде политической казни, совершенной по распоряжению Понтия Пилата. Но в ту эпоху, когда писал Тацит, римская политика по отношению к христианам уже подверглась изменению; их обвиняли в составлении тайного сообщества, направленного против государства. Естественно, что римский историк думал, будто Пилат, совершая казнь над Иисусом, повиновался требованиям общественной безопасности. В этом отношении сведения Иосифа гораздо более точны (Ant., XVIII, III, 3).

[4] Марка, XV, 10.

«Царя Иудейского». Предложение, сделанное в таких выражениях, носило на себе отпечаток широкого взгляда на вещи и в то же время иронии. Первосвященники увидали опасность. Они моментально стали агитировать [1] и, чтобы преодолеть уловку Пилата, внушили толпе имя узника, пользовавшегося в Иерусалиме большой популярностью. По странной случайности имя его было тоже Иисус [2], а прозвище Варрава или Вар-Равван [3]. То была довольно известная личность [4]. Он был задержан в качестве наемного убийцы во время бунта, сопровождавшегося смертоубийством [5]. Поднялся общий крик: «Отпусти нам не этого, а Иисуса Варраву». Пилат принужден был освободить Варраву.

Затруднительность его положения увеличивалась. Он боялся, чтобы чересчур большая снисходительность к обвиненному, которого назвали «Царем Иудейским», не скомпрометировала его самого. Сверх того, фанатизм вынуждает всякие власти действовать с ним заодно. Пилат счел себя обязанным пойти на уступки, но, все еще не решаясь пролить кровь ради людей, которых он терпеть не мог, он попытался обратить все дело в комедию. Под видом осмеяния торжественного титула, который давали Иисусу, он велел его бичевать [6]. Бичевание обычно совершалось предварительно распятия [7]. Не имел ли в виду Пилат дать этим понять, что приговор к крестной смерти этим самым уже произнесен, надеясь, что народ удовлетворится одной лишь предварительной мерой? Тогда произошла, судя по всем рассказам, возмутительная сцена. Солдаты надели на Иисуса красную власяницу, на голову венец из колючего терновника, дали ему жезл в руки. В таком унизительном виде его вывели на трибуну к народу. Воины дефилировали перед ним, по очереди заушали его и, преклоняя колени,

---

[1] Матфея, XXVII, 20; Марка XV, 11.

[2] В большей части рукописи имя его, «Иисус», исчезло. Но за него говорят, по крайней мере, весьма веские авторитеты.

[3] Матфея, XXVII, 16; Евангелие от евреев (Гильгенфельд, стр. 17, 28).

[4] Ср. Св. Иеремия, In Matth., XXVII, 16.

[5] Марка, XV, 7; Луки, XXIII, 19. По четвертому Евангелию, это был вор (XVIII, 40), но тут сведения Марка, по-видимому, гораздо вернее.

[6] Матфея, XXVII, 26; Марка, XV, 15; Иоанна, XIX, 1.

[7] Иосиф, B. I., VII, XIV, 9; V, XI, 1; VII, VI, 4; Тит Ливий, XXXIII, 36; Квинт Курций, VII, XI, 28.

говорили: «Радуйся, Царь Иудейский!» [1] Другие плевали в него и били тростью по голове. С трудом можно понять, чтобы римская серьезность допускала подобные постыдные поступки. Правда, что у Пилата, как прокуратора, были в распоряжении лишь наемные войска [2]. Римские граждане, какими были, например, легионеры, не унизились бы до такого недостойного поведения.

Думал ли Пилат, что подобным выставлением на позорище он избавит себя от ответственности? Надеялся ли он предотвратить смерть, угрожавшую Иисусу, сделав некоторую уступку ненависти Иудеев [3] и заменив трагическую развязку карикатурной казнью, из которой как бы напрашивался вывод, что ничего другого дело само по себе не заслуживало? Если такова была его затаенная мысль, то он не достиг цели. Шум увеличивался и обратился в настоящий бунт. Крики: «Распни его! Распни его!» раздавались со всех сторон. Священники, принимая все более вызывающий тон, объявляли, что Закон в опасности, если соблазнитель не будет предан смерти [4]. Пилат ясно видел, что для того, чтобы спасти Иисуса, придется прибегнуть к кровавому усмирению бунта. Однако он попытался еще выиграть время. Он взошел в преторию, справился, откуда Иисус был родом; он хотел найти в этом предлог, чтобы отклонить от себя ответственность [5]. По одному преданию, он будто бы отослал даже Иисуса к Антипе, который, как говорили, был в то время в Иерусалиме [6]. Иисус не поддавался на эти признаки благоволения к нему; как и

---

[1] Матфея, XXVII, 27 и след,; Марка, XV, 16 и след.; Луки, XXIII, 11; Иоанна, XIX, 2 и след.

[2] См. Ренье, Inscript. rom de l'Algérie, № 5, отр. В. Сбиры и чужеземные палачи при армиях появляются лишь позднее. Тем не менее, см. Цицерон, In Verrem, act II, во многих местах; Epist. ad Quintum fr., I, 1, 4.

[3] Луки, XXIII, 16, 22.

[4] Иоанна, XIX, 7.

[5] Иоанна, XIX, 9. Ср. Луки, XXIII, 6 и след.

[6] Возможно, что в этом скрывается первая попытка к «гармонизации Евангелий». Лука имел перед глазами повествование, в котором смерть Иисуса по ошибке приписывалась Ироду. Не желая пожертвовать этим указанием целиком, он привел полностью оба предания, тем более что ему смутно было известно (как это мы узнаем по четвертому Евангелию), что Иисус был представлен на суд по очереди трех сановников. Во многих других случаях Лука как будто имеет отдаленное понятие о фактах, передаваемых Иоанном. Наконец, в рассказе о крестной смерти третьего Евангелия находится ряд прибавлений, по-видимому, заимствованных автором из документов более свежего происхождения, в которых чувствовалось стремление приладить эти произведения к определенной цели.

у Каиафы, он замкнулся в молчании, полном достоинства и важности, что удивило Пилата. Крики извне принимали все более угрожающий характер. Слышались уже инсинуации на тему о том, что римский сановник, покровительствуя врагу кесаря, обнаруживает весьма мало преданности своему делу. Самые рьяные противники римского владычества вдруг превратились в верноподданных Тиверия, только чтобы иметь право обвинять прокуратора, обнаруживающего слишком большую терпимость в оскорблении величества. «У нас нет другого царя, кроме кесаря,— кричали они,— всякий, делающий себя царем, противник кесарю. Если губернатор отпустит этого человека, то он не друг кесарю» [1]. Слабый Пилат не мог устоять; ему уже мерещились доносы, которые будут посланы его врагами в Рим и в которых его будут обвинять в том, что он оказал поддержку сопернику Тиверия. По делу о щитах, выставленных по обету [2], евреи уже писали императору, и жалоба их имела успех. Он побоялся потерять свое место. И он уступил из угодливости, благодаря которой имени его было суждено подвергаться в истории бичеванию; при этом, как передает предание, он сложил с себя на евреев всю ответственность за то, что произойдет. По рассказам христиан, евреи приняли ее на себя с криком: «Кровь Его на нас и на наших детях!» [3]

Действительно ли были произнесены эти слова? Этому мы не обязаны верить. Но они являются выражением глубокой исторической правды. Ввиду того положения, которое римляне заняли в Иудее, Пилат, конечно, не мог сделать ничего другого, кроме того, что он сделал. Сколько смертных приговоров, продиктованных религиозной нетерпимостью, произвели насилие над гражданской властью! Король испанский, посылавший в угоду фанатическому духовенству на костер сотни своих подданных, заслуживал большего порицания, нежели Пилат, так как являлся представителем более организованной власти, нежели римская власть в Иерусалиме в 33 году по Р. Х. Когда гражданская власть по требованию священника становится преследователем и начинает действовать, то это лучший признак ее слабости. Но пусть то правительство, которое в этом отно-

---

[1] Иоанна, XIX, 12, 15. Ср. Луки, XXIII, 2. Для того, чтобы оценить точность окраски этой сцены у евангелистов, ср. Филон, Legatio ad Caium, § 38.

[2] См. выше, стр. 263.

[3] Матфея, XXVII, 24—25.

шении не имеет греха, первое бросит камень в Пилата. «Светская власть», за которой прячется жестокость духовенства, не может считаться виновником. Но никто из тех, кто заставляет своих исполнителей проливать кровь, не имеет права говорить, будто питает отвращение к крови.

Таким образом, не Тиверий и не Пилат осудили Иисуса. Осудила его староеврейская партия, этого требовал Закон Моисея. По нашим современным понятиям, не существует передачи нравственной ответственности от отца к сыну; каждый отвечает перед судом человечества и перед божественным правосудием лишь за то, что он сам совершил. Следовательно, каждый еврей, который еще в наши дни страдает за умерщвление Иисуса, имеет полное право жаловаться; быть может, в ту эпоху он был бы на месте Симона Киринеянина; или, по меньшей мере, не был бы в числе тех, которые кричали: «Распни его». Но нации несут свою ответственность так же, как и индивидуумы. И если когда-либо бывало преступление, совершенное целой нацией, то таким было убийство Иисуса. Казнь его была «законной» в том смысле, что непосредственной ее причиной был Закон, который составлял самую душу нации. Закон Моисея, правда, в его современной форме, но форма эта была принятой, карал смертью за всякую попытку изменить установленный им культ. Иисус же, несомненно, нападал на этот культ и покушался его низвергнуть. Евреи выразили это Пилату с наивной откровенностью и совершенно справедливо: «Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим» [1]. Закон этот был отвратителен; но таков был закон античной жестокости, и герой, выступавший против него с целью его низвергнуть, первый должен был испытать его на себе.

Увы! Понадобилось восемнадцать веков на то, чтоб кровь, которая готова была пролиться, принесла свои плоды. Во имя Иисуса в течение веков будут подвергать пыткам и смерти мыслителей столь же благородных, как и он. И до сих пор в странах, называющих себя христианскими, религиозные проступки подвергаются карам. Иисус не может быть ответственным за подобные заблуждения. Он не мог предвидеть, что тот или другой народ с расстроенным воображением в один прекрасный день увидит в нем страшного Молоха, алчущего жареного мяса. Христианство страдало нетерпимостью; но нетерпимость не составляет

[1] Иоанна, XIX, 7.

его сущности. Это еврейское свойство, в том смысле, что иудаизм впервые создал теорию абсолютизма в вопросах веры и установил, чтобы каждый провинившийся в совращении народа из истинной религии, даже если в подтверждение своего учения он совершал бы чудеса, должен быть побит камнями, побит руками всего народа, без суда [1]. Несомненно, что и языческие нации обнаруживали религиозную жестокость. Но если бы и у них существовал такой закон, то каким образом они могли бы принять христианство? Таким образом, Пятикнижие было первым кодексом религиозного террора. Иудаизм первый дал пример неприкосновенного догмата, вооруженного мечом. Если бы христианство, вместо того чтобы преследовать евреев с слепой ненавистью, уничтожило бы только тот режим, который предал смерти основателя христианства, то насколько оно оказалось бы более последовательным, насколько выше была бы его заслуга перед человечеством!

ГЛАВА XXV

СМЕРТЬ ИИСУСА.

Несмотря на то, что действительный мотив казни Иисуса был чисто религиозного характера, врагам его удалось выставить его перед преторией государственным преступником; за обыкновенную ересь они бы не добились приговора от скептика Пилата. Будучи последовательными в этом отношении, священники заставили толпу требовать для Иисуса крестной казни. Этот род казни был не иудейского происхождения; если бы приговор над Иисусом был произнесен по чисто Моисееву закону, то он был бы побит камнями [2]. Крест был римским способом казни, предназначенным для рабов и для тех случаев, когда смертную казнь имелось в виду усилить бесславием. Применяя этот род казни к Иисусу, его подвергали участи грабителей на больших дорогах, разбойников, бандитов,

---

[1] Второзак., XIII, 1 и след.

[2] Иосиф, Ant., XX, IX, 1. Талмуд, изображая приговор Иисуса чисто религиозным, действительно утверждает, что он был приговорен к избиению камнями; далее, правда, говорится, что он был повешен. Быть может, этим хотели выразить, что сперва он был побит камнями, а затем повешен, как это часто делалось (Мишна, *Синедрион*, VI, 4; ср. Второзак., XXI, 22). Иерус. Талмуд, *Синедрион*, XIV, 16; Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 43а, 67а.

вообще тех преступников из подонков общества, которых римляне не считали достойными чести подвергнуться обезглавлению мечом [1]. В данном случае каре подвергался химерический «Царь Иудейский», а не догматик-ересиарх. В силу этих же соображений и приведение казни в исполнение было предоставлено римлянам. В ту эпоху у римлян обязанности палачей, по крайней мере, в случаях политических преступлений, возлагались на воинов [2]. Таким образом, Иисус был отдан в руки отряда наемных войск под начальством центуриона [3], и ему пришлось подвергнуться всей гнусности казни, введенной в употребление жестокими нравами новых завоевателей. Было около полудня [4]. Его одели в его собственную одежду, которую с него снимали, когда выставляли на позорище. Так как сверх того в руках когорты уже находились два разбойника, которых нужно было тоже казнить, то всех трех осужденных соединили вместе, и шествие тронулось к месту казни.

Место это находилось на Голгофе, расположенной вне города, но близ его стен [5]. Слово *Голгофа* означает *череп;* по-видимому, оно соответствует нашему «Лысая Гора», французскому Chaumont и, вероятно, означает обнаженный холм, имеющий форму лысой головы. Место нахождения этого кургана с точностью неизвестно. Наверно, он находился где-либо к северу или северо-западу от города, на высоком неправильном плоскогорье, которое простирается между стенами и долинами Кедрона и Гиннома [6] в довольно заброшенной местности, представлявшейся еще более печальной благодаря неприятным результатам, вытекающим из соседства с большим городом. Нет решительно никаких

---

[1] Иосиф, Ant., XVII, X, 10; XX, VI, 2; B. I., V, XI, 1; Апулей, Metam., III, 9; Светоний, Galba, 9; Лампридий, Alex. Sev., 23.

[2] Тацит, Ann., III, 14.

[3] Матфея, XXVII, 54; Марка, XV, 39, 44, 45; Луки, XXIII, 47.

[4] Иоанна XIX, 14. По Марку, XV, 25, в это время было не более восьми часов утра, ибо, согласно рассказу этого евангелиста, Иисус был распят в девять часов.

[5] Матфея, XXVII, 33; Марка, XV, 22; Иоанна, XIX, 20; посл. к Евр., XIII, 12. Ср. Плавт, Miles gloriosus, II, IV, 6—7.

[6] *Голгофа,* действительно имеет некоторое отношение к холму *Гареб* и к местности *Гааф, упоминаемых Иеремией,* XXXI, 39. Оба же эти пункта, по-видимому, находились к северо-западу от города. В виде предположения можно допустить, что место, где был распят Иисус, находилось близ крайнего угла, который нынешняя стена образует к западу, или, пожалуй, на холмах, господствующих над долиной Гинном, повыше *Биркет Мамиллы.* Позволительно также думать о холмике, господствующем над «гротом Иеремии».

оснований помещать Голгофу в то определенное место, на котором со времен Константина все христианство привыкло ее чтить [1]. Но не существует также основательных возражений, которые бы побуждали вносить в этом отношении смуту в христианские воспоминания [2].

Приговоренный к смерти на кресте должен был сам не-

---

[1] Доказательства, которые приводились в пользу того, что после Константина Гроб Господень был перемещен, недостаточно основательны.

[2] Весь вопрос сводится к тому, находилось ли во времена Иисуса место, ныне называемое Голгофой и довольно углубленное внутрь нынешнего города, вне городской ограды. В 76 метрах к востоку от традиционного местоположения Голгофы был открыт кусок стены иудейской постройки, сходный со стеной Хеврона; если он входил в состав ограды времен Иисуса, то вышеуказанное традиционное местоположение Голгофы находилось вне города. (Де Вогюэ, Le Temple de Ierus., стр. 117 и след.) Существование пещеры, служившей гробницей (которая носит название «гробницы Иосифа Аримафейского»), под стеной купола Гроба Господня, по-видимому, служит доказательством тому (см., Мишна, *Парах,* III, 2; *Бабакама,* VII), что это место некогда лежало вне стен; указанный же подвал, по-видимому, не особенно древнего происхождения (см. Де Вогюэ, op. cit., стр 115), и потому нельзя предположить, будто он сооружен раньше постройки ограды, существовавшей во времена Иисуса. Далее, еще два исторических соображения, и в том числе одно весьма веское, могут быть приведены в пользу предания. Первое то, что странно было бы, если бы те, кто при Константине старались установить евангельскую топографию, не остановились бы на предположении, вытекающем из слов евангелиста Иоанна, XIX, 20, и посл. к Евр., XIII, 12. Каким образом, пользуясь свободой выбора, они могли бы не задуматься над таким серьезным затруднением? Можно, следовательно, думать, что благочестивые топографы времен Константина относились к своему делу с известной серьезностью, что они старались найти указания, и если и не отказывались от некоторых благочестивых подтасовок, то все же руководствовались аналогиями. Если бы ими руководил один только каприз, то они скорее поместили бы Голгофу на более видное место, на вершину одного из соседних с Иерусалимом бугров, чтобы тем самым удовлетворить и воображение христиан, которые непременно хотели, чтобы место смерти Иисуса находилось на горе. Второе соображение, которое говорит в пользу предания, то, что в эпоху Константина можно было руководствоваться местоположением храма Венеры на Голгофе, воздвигнутого, как говорят, Адрианом, или, по меньшей мере, принять за точку опоры воспоминания, сохранившиеся об этом храме. Но это далеко не убедительно. Евсевий (Vita, Const., III, 26), Сократ (Hist. eccl., I, 17), Созомен (Hist. eccl., II, 1), Св. Иеремия (Epist., XLIX к Павл.), правда, говорят, что в местности, которую они отождествляют с Гробом Господним, находилось святилище Венеры, но далеко не установлено: во-первых, что оно было воздвигнуто Адрианом; во-вторых, что он имел намерение воздвигнуть его именно на том месте, которое при нем носило название «Голгофы»; в-третьих, что у него было намерение построить это сооружение на том именно месте, где Иисус был предан смерти.

сти орудие своей казни [1]. Иисус, менее сильный, нежели два преступника, осужденные вместе с ним, не мог вынести тяжести своего креста. Навстречу шествию попался некто Симон из Каринеи, возвращавшийся в город, и воины, с грубостью, свойственной иноземным гарнизонам, заставили его нести роковое дерево. Быть может, в этом отношении они воспользовались правом натуральной повинности, так как сами римляне не могли унизиться до того, чтобы носить такое позорное бремя. По-видимому, впоследствии Симон вступил в христианскую общину. Два его сына, Александр и Руф, были в ней довольно известны. Быть может, он рассказал не одну из подробностей, при которых он присутствовал. Ни одного ученика возле Иисуса в этот момент не было [2].

Наконец шествие достигло места казни. По еврейскому обычаю, осужденным был предложен напиток из весьма ароматного вина, сильно охмеляющий; его давали перед казнью из милосердия, чтобы оглушить осужденного [3]. По-видимому, иерусалимские жены часто сами приносили несчастным, которых вели на казнь, этот напиток смертного часа, а если никто из них не являлся, то его покупали на общественный счет [4]. Иисус, омочив в нем губы, отказался от него [5]. Это печальное утешение обыкновенных осужденных не соответствовало его высокой натуре. Он предпочел оставить жизнь в полной ясности ума и в полном сознании ожидал желанной, призываемой смерти. Тогда с него сняли его одежды [6] и пригвоздили к кресту. Крест состоял из двух брусьев, сколоченных в форме буквы Т [7]. Он был невысок, так что ноги казненного почти касались земли [8].

---

[1] Плутарх, De sera num. vind., 9; Артемидор, Onirocrit., II, 56.

[2] Подробность, приведенная Лукой, XXIII, 27—31, принадлежит к числу тех, в которых чувствуется работа благочестивой и растроганной фантазии. Слова, влагаемые здесь в уста Иисуса, могли быть ему приписаны только после осады Иерусалима.

[3] Вавил. Талмуд, *Синедрион,* 43а; Николай из Лиры, In Math. XXVII, 34. Ср. Притчи, XXXI, 6.

[4] Вавил. Талмуд, *Синедрион,* loc. cit.

[5] Марка, XV, 23. У Матфея, XXVII, 34, эта подробность подтасована, чтобы получился намек на мессианское пророчество, находящееся в Псалмах, LXIX, 22.

[6] Матфея, XXVII, 35; Марка, XV, 24; Иоанна, XIX, 23. Ср. Артемидор, Onirocrit., II, 53.

[7] Посл. Варнавы, 9; Луциан, Iud. voc., 12. См. карикатурное изображение распятия в Риме на стене на холме Палатинском. *Гарручи,* Il. crocifisso graffito in casa dei Cesari (Roma, 1857).

[8] Это можно заключить по слову hyssōpō, Ioanna, XIX, 29. Дей-

Прежде всего, крест ставили стоймя [1]; затем к нему прикрепляли казненного, прибивая его руки к дереву гвоздями; ноги часто тоже прибивали гвоздями, иногда же только привязывали веревками [2]. К подножию креста приколачивали брус дерева, вроде рейки, которая проходила между ног осужденного, опиравшегося на нее [3]. Без этого руки его были бы разодраны гвоздями, и тело опустилось бы вниз [4]. В других случаях на высоте ног, для опоры их, приколачивали горизонтальную дощечку [5].

Иисус испытал все эти ужасы во всей их жестокости. По сторонам его были распяты два разбойника. Исполнители казни, в распоряжение которых обыкновенно поступали скромные одежды, снятые с осужденных (panniculаria) [6], бросили жребий об его одежде [7] и, сидя у подножия креста, стерегли его [8]. По преданию, Иисус в это время произнес слова, которые были у него если не на устах, то на сердце: «Отче, прости им, не ведают бо, что творят» [9].

По римскому обычаю, над головой казненного к

ствительно, тростью из иссопа нельзя достать высоко. Правда, что можно думать, будто в этом случае иссоп заимствован из кн. Исхода, XII, 22.

[1] Иосиф, В. I., VII, VI, 4; Цицерон, In Verr., V, 66; Ксеноф. Эфес., Ephesiaka, IV, 2.

[2] Луки, XXIV, 39; Иоанна, XX, 25, 27; Плавт, Mostellaria, II, I, 13. Лукан, Phars., VI, 543 и след.; 547; Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 97; Apol., I, 35; Тертуллиан, Adv. Mars., III, 19.

[3] Ириней, Adv. haer., II, XXIV, 4; Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 91.

[4] См. описание крестной казни в Китае, сделанное свидетелем-очевидцем, в Revue german., авг. 1864, стр. 358.

[5] См. graffito, о котором говорится выше, и некоторые другие монументы (Diction. des antiqu. chret., стр. 193). Ср. Григорий Турской, De gloria mart., 1, 6.

[6] Dig., XLVII, XX, De bonis damnat., 6. Адриан отменил этот обычай.

[7] Подробность, прибавленная Иоанном, XIX, 23—24, по-видимому, принята a priori. Ср. Иосиф, Ant., III, VII, 4.

[8] Матфея, XXVII, 36. Ср. Петроний, Sat., CXI, CXII.

[9] Луки XXIII, 34. Вообще, последние слова, приписываемые Иисусу, как их передает Лука, внушают сомнения. В них чувствуется преднамеренный вымысел или желание доказать осуществление пророчеств. Сверх того, в таких случаях каждый понимает по-своему. Последние слова знаменитых осужденных всегда передаются даже самыми близкими свидетелями в двух или трех совершенно различных редакциях. Так было и при казни Баба. Гобино, Les Relig. et les Philos. de l'Asie centrale, стр. 268.

кресту была прикреплена табличка[1] с надписью на трех языках, на еврейском, греческом и латинском: *Царь Иудейский*. В такой редакции надписи заключалось нечто неприятное и обидное для нации. Многочисленные зрители, проходившие здесь, читали ее и оскорблялись ею. Священники заметили Пилату, что следовало принять другую редакцию надписи, которая поясняла бы только, что Иисус назвал себя царем Иудейским. Но Пилат, уже достаточно раздосадованный этим делом, отказался изменять что-либо в том, что было написано[2].

Ученики Иисуса разбежались[3]. По одному преданию, однако, Иоанн будто бы все время стоял у креста[4]. Можно с уверенностью утверждать, что верные друзья из Галилеи, последовавшие за Иисусом в Иерусалим и продолжавшие здесь служить ему, не покидали его. Мария Клеопа, Мария из Магдалы, Иоанна из Кузы, Саломея и еще другие стояли в некотором расстоянии[5] и не спускали с него глаз[6]. Если верить четвертому Евангелию[7], то у подножия креста находилась также и Мария, мать Иисуса, и Иисус, увидав вместе свою мать и любимого из учеников, сказал последнему: «Вот мать твоя», а той: «Вот сын твой»[8]. Но было бы непонятно, каким образом

---

[1] Возможно, что во время шествия ее несли впереди Иисуса. Светоний, Caligula, 32; письма церквей Венской и Лионской, у Евсевия, Hist. eccl., V, I, 19.

[2] Матфея, XXVII, 37; Марка, XV, 26; Луки, XXIII, 38; Иоанна, XIX, 19—22. Быть может, это было мелочное требование закона. Апулей, Florida, 1, 9.

[3] Св. Иустин, Dial. cum Tryph., 106.

[4] Иоанна, XIX, 25 и след.

[5] Синоптики согласны в том, что группа верных последователей стояла «далеко» от креста. Четвертый евангелист говорит «возле», так как им руководит желание показать, что Иоанн близко подходил к кресту Иисуса.

[6] Матфея, XXVII, 55—56; Луки, XV, 40—41; XXIII, 49, 55; XXIV, 10; Иоанна, XIX, 25. Ср. Луки, XXIII, 27—31.

[7] Иоанна, XIX, 26 и след. Лука, который всегда является посредником между двумя первыми синоптиками и Иоанном, также упоминает о «всех друзьях», но помещает их на расстоянии (XXIII, 49). Правда, выражение gnõstoi может относиться и к «родным». Лука отличает, однако (II, 44), gnõstoi от syggeneis. Прибавим, что в лучших рукописях значится hoi gnõstoi aytõ, а не hoi gnõstoi aytoy. В Деяниях (I, 14) Мария, мать Иисуса, причисляется к галилейским женам; сверх того, и Лука (II, 35) предсказывает, что меч скорби пронзит ее душу. И тем не менее понятно, что он пропускает ее при крестной смерти.

[8] По-видимому, действительно после смерти Иисуса Иоанн взял

евангелисты-синоптики, перечисляя других жен, пропустили ту, присутствие которой имело бы столь поразительное значение. Быть может также, при крайне возвышенном характере Иисуса такие личные трогательные чувства маловероятны в тот момент, когда, весь поглощенный уже своим делом, он существовал только лишь для человечества.

За исключением этой небольшой группы женщин, которая издали утешала его своими взорами, перед его глазами не было ничего, кроме зрелища человеческой низости и тупости. Проходящие надругались над ним. Он слышал вокруг себя глупые насмешки, и последние стоны, вырванные у него муками, истолковывались в виде отвратительной игры слов: «Вот тот,— говорили зрители,— кто называл себя Сыном Божиим! Пусть теперь Отец избавит Его, если Он угоден Ему!» — «Других спасал,— бормотали еще другие,— а Себя Самого не может спасти. Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него!» — «Разрушающий храм,— говорили третьи,— и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого! Посмотрим!» [1] Некоторым из присутствующих, имевшим смутное понятие об его апокалипсических идеях, представлялось, что он зовет Илию, и они говорили: «Посмотрим, придет ли Илия спасти Его». По-видимому, и разбойники, распятые по сторонам его, также злословили его [2]. Небо было сумрачно [3]; земля, как и вообще в окрестностях Иерусалима, суха и угрюма. По некоторым рассказам, был один момент, когда Иисус упал духом; облако скрыло от него лик его Отца; он почувствовал смертельную тоску отчаяния, в тысячу раз более жгучую, нежели всякие муки. Перед ним не было ничего, кроме

к себе мать своего учителя и как бы был ею усыновлен (Иоанна, XIX, 27). Большое почтение, с которым в нарождающейся Церкви относились к Марии, без сомнения, побудило учеников Иоанна утверждать, что Иисус, умирая, завещал все, что было у него самого дорогого, Иоанну, которого они хотели выставить наиболее любимым из учеников Иисуса. Действительно ли находилось при Иоанне это драгоценное наследие Иисуса или же это было только предположение, во всяком случае, оно давало ему некоторое главенство над прочими апостолами и сообщало тому учению, за которое он считался ответственным, высокую степень авторитетности.

[1] Матфея, XXVII, 40 и след.; Марка, XV, 29 и след.

[2] Матфея, XXVII, 44; Марка, XV, 32. Лука, по своей склонности к обращению грешников, в этом отношении видоизменил предание.

[3] Матфея, XXVII, 45; Марка, XV, 33; Луки, XXIII, 44.

человеческой неблагодарности; быть может, им овладело раскаяние в том, что он принял страдания ради столь низкой расы, и он воскликнул: «Боже мой, Боже мой, почто ты меня оставил?» Но божественный инстинкт его снова взял верх. По мере того, как жизнь угасала в его теле, душа его прояснялась и мало-помалу возвращалась к своему небесному началу. Он снова отдался своему призванию; он видел в своей смерти спасение мира; из глаз его исчезло гнусное зрелище, развертывавшееся у его ног, и, тесно слившись с своим Отцом, он вступил еще на кресте в ту божественную жизнь, которая была ему суждена в сердцах человечества на вечные времена.

Жестокая особенность крестной казни заключалась в том, что в этом ужасном состоянии можно было жить в страшных муках три-четыре дня[1]. Кровотечение из ран в руках скоро прекращалось и вообще не могло быть смертельным. Истинной причиной смерти являлось противоестественное положение тела, которое вызывало страшное расстройство кровообращения, ужасные головные боли, боль в сердце и, наконец, оцепенение членов. Распятые на кресте, если они обладали крепким телосложением, могли даже спать и умирали только от голода[2]. Основной мыслью этой жестокой казни было не непосредственное умерщвление осужденного с помощью определенных повреждений его тела, а выставление раба с пригвожденными руками, из которых он не сумел сделать хорошего употребления, к позорному столбу, где его и предоставляли гниению. Нежная организация Иисуса избавила его от подобной медленной агонии. Жгучая жажда, составляющая одно из мучительнейших ощущений у распятого[3], как и при всякого рода казнях, сопряженных с обильным кровотечением, пожирала его. Он попросил пить. Тут поблизости стоял сосуд, наполненный обычным питьем римских воинов, состоящим из смеси уксуса с водой и называемым *posca.* Воины обязаны были брать эту *posca* во всякие экспедиции[4], к которым причислялись и казни.

---

[1] Петроний, Sat., CXI и след.; Ориген, In Matth., Comment. series, 140; арабский текст, опубликованный у Козегартена, Chrest. arab., стр. 13 и след.; Revue german., loc. cit.

[2] Евсевий, Hist. eccl., VIII, 8; Revue german., ibid.

[3] См. арабский текст Козегартена, Chrest. arab., стр. 64 и Revue german., loc. cit.

[4] Спартиан, Жизнь Адриана, 10; Вулкатий Галикан, Жизнь Авидия Кассия, 5.

Один воин обмакнул в эту смесь губку [1], укрепил ее на конце трости и поднес к губам Иисуса; он пососал ее [2]. На Востоке существовало предубеждение, будто бы если давать пить распятым или посаженным на кол, то они умирают скорее [3]; многие считали, что Иисус испустил дух тотчас после того, как выпил уксуса [4]. Гораздо вероятнее, что апоплексия, или внезапный разрыв сосуда в области сердца, послужила у него причиной скоропостижной смерти после трех часов мучений. За несколько мгновений перед тем, как испустить дух, голос его был еще твердым [5]. Вдруг он испустил ужасный крик [6], в котором присутствующие услыхали слова: «Отче, в руки твои предаю дух Мой!»; другие же, более занятые мыслью об осуществлении пророчеств, передали этот вопль в виде одного слова: «Свершилось!» Голова его склонилась на грудь, и он умер.

Покойся отныне в своей славе, благородный наставник! Дело твое закончено; положена основа твоей божественности. Не опасайся, чтобы под влиянием каких-либо ошибок погибло то, что создано твоими усилиями. Отныне, независимо от каких бы то ни было превратностей судьбы, ты будешь с высоты твоей божественности присутствовать при всех неисчислимых последствиях твоих деяний. Ценой нескольких часов страданий, почти даже не коснувшися твоей великой души, ты купил самое совершенное бессмертие. На тысячи лет ты будешь служить миру откровением! Ты будешь служить знаменем наших противоречий, символом, вокруг которого произойдут самые горячие битвы. После своей смерти ты будешь в тысячу раз более живым, в тысячу раз более любимым, нежели в течение твоего земного странствия, ты сделаешься до такой степени краеугольным камнем человечества, что вырвать у мира твое имя станет

---

[1] Вероятно, то была небольшая губка, которая служила затычкой для сосуда с *поской* (posca).

[2] Матфея, XXVII, 48; Марка, XV, 36; Луки, XXIII, 36; Иоанна, XIX, 28—30.

[3] См. Николай из Лиры, In Matth., XXVII. 34 и In Ioh., XIX, 29, равно как рассказы о казни убийцы Клебера. Ср. Revue german., loc. cit.

[4] Матфей, Марк и Иоанн, по-видимому, ставят оба эти факта в связь между собой.

[5] Матфея, XXVII, 46; Марка, XV, 34.

[6] Матфея, XXVII, 50; Марка, XV, 37; Луки, XXIII, 46; Иоанна, XIX, 30.

невозможным без потрясения его до самых глубоких оснований. Между тобой и Богом не будет никакого различия. Вполне победив смерть, вступай же во владение тем Царством, в которое за тобой последуют намеченным тобой царственным путем целые века твоих поклонников!

ГЛАВА XXVI

ИИСУС В ГРОБНИЦЕ.

Было около трех часов пополудни по нашему счету [1], когда Иисус испустил дух. По еврейскому Закону [2] запрещалось оставлять труп казненного на кресте долее вечера того дня, когда была совершена казнь. Мало вероятий, чтобы это правило соблюдалось при казнях, которые исполнялись римлянами. Но так как следующий день был субботой, и притом субботой, имевшей особенное значение, то евреи выразили римской власти [3] свое желание, чтобы священный день не был осквернен подобным зрелищем [4]. Желание их было удовлетворено; были отданы распоряжения ускорить смерть всех трех осужденных и снять тела их с крестов. Воины исполнили это приказание, применив по отношению к обоим разбойникам вторую казнь, гораздо быстрее оканчивающуюся смертью, нежели крестная, crurifragium, при которой раздробляли ноги осужденного [5]. Это было обычной казнью для рабов и военнопленных. Что касается Иисуса, то его нашли мертвым, и потому не оказалось надобности раздроблять его ноги [6]. Один из воинов, чтобы устранить всякое сомнение в действительной смерти третьего распятого, только пронзил его ударом копья [7]. Всем показалось,

---

[1] Матфея, XXVII, 46; Марка, XV, 37; Луки, XXIII, 44. Ср. Иоанна, XIX, 14.

[2] Второзак., XXI, 22—23; Иисус Навин, VIII, 29; X, 26 и след. Ср. Иосиф, В. I., IV, V, 2; Мишна, *Синедрион*, VI, 5.

[3] Иоанн говорит «Пилату», но этого не могло быть, ибо, по Марку (XV, 44—45), вечером Пилат не знал еще о смерти Иисуса.

[4] Ср. Филон, In Flaccum, § 10.

[5] Нет другого примера, чтобы crurifragium применялся вслед за распятием на кресте. Но часто для сокращения мучений осужденному наносили удар милосердия. См. у Ибн-Гашима в переводе в Zeitschrift für die Kunde des Morgenländes, I, стр. 99—100.

[6] Быть может, это вымысел a priori для уподобления Иисуса пасхальному агнцу (Исход, XII, 46; Числа, IX, 12).

[7] Это обстоятельство могло быть вымышлено для соответствия с Захарией, XII, 10. Ср. Иоанна, XIX, 37; Апокалипсис, I, 7.

будто потекла кровь и вода[1], что считалось признаком прекращения жизни.

Четвертый евангелист очень настаивает на этой подробности и заставляет апостола Иоанна присутствовать при этом в качестве свидетеля-очевидца[2]. Очевидно, что действительно возникали сомнения насчет смерти Иисуса. Для людей, привыкших видеть распятых, казалось совсем не достаточно несколько часов, чтобы получился такой результат. Приводят много случаев, где при помощи энергического лечения удавалось возвращать к жизни распятых, если они были вовремя сняты с креста[3]. Впоследствии Ориген считал нужным объяснять такую быструю смерть на кресте чудом[4]. То же самое удивление выражается и в повествовании Марка[5]. По правде сказать, лучшей гарантией для историка в этом отношении является подозрительная ненависть врагов Иисуса. Конечно, весьма сомнительно, чтобы уже с той поры евреи были озабочены опасениями, как бы Иисус не прослыл воскресшим из мертвых, но, во всяком случае, они должны были наблюсти за тем, что он действительно умер. Какова бы ни была небрежность древних в некоторые эпохи во всем, что касалось законной точности и строгого производства дел, в этом случае нельзя предполагать, чтобы заинтересованные лица не приняли некоторых предосторожностей по поводу того, что представлялось им столь важным[6].

По римскому обычаю, труп Иисуса должен был оставаться на кресте до тех пор, пока не сделается добычей птиц[7]. По еврейскому обычаю, его сняли бы вечером, чтобы бросить в какое-либо нечистое место, предназначенное для погребения казненных преступников[8]. Если бы у Иисуса не было других учеников, кроме его бедных

---

[1] Здесь также можно заподозрить символизм a priori. Ср. 1 посл. Иоанна, V, 6 и след.; Аполлинарий, Chron. pasc., стр. 7.

[2] Иоанна, XIX, 31—35.

[3] Геродот, VII, 194; Иосиф, Vita, 75.

[4] In Matth. Comment. series, 140.

[5] Марка, XV, 44—45.

[6] Христианской аргументации впоследствии потребовалось преувеличить эти предосторожности, особенно когда евреи приняли за систему утверждать, будто тело Иисуса было похищено. Матфея, XXVII, 62 и след.; XXVIII, 11—15.

[7] Гораций, Письма, I, XVI, 48; Ювенал, XIV, 77; Лукан, VI, 544; Плавт. Miles gloriosus, II, IV, 19; Артемидор, Onirocrit., II, 53; Плиний. XXXVI, 25; Плутарх, Жизнь Клеомена, 39; Петроний, Sat., CXI—CXII.

[8] Мишна, *Синедрион*, VI, 5 и 6.

земляков из Галилеи, робких и невлиятельных, то дело и произошло бы по этому последнему способу. Но мы уже видели, что, несмотря на свой малый успех в Иерусалиме, Иисус приобрел здесь симпатии, нескольких важных лиц, которые ожидали Царства Божия и, не признавая себя открыто учениками Иисуса, питали к нему чувство глубокой преданности. Один из таких людей, Иосиф, из небольшого города Аримафеи (*Гарамафаим*)[1], вечером явился к прокуратору просить у него тело Иисуса[2]. Иосиф был человек богатый и уважаемый, член синедриона. Римский обычай того времени предписывал выдавать труп казненного тому, кто его потребует[3]. Пилат, которому не были известны подробности вторичной казни с помощью crurifragium, удивился тому, что Иисус так быстро умер, и позвал сотника, который распоряжался казнью, чтобы узнать от него, как было дело. Получив надлежащее удостоверение от сотника, Пилат дал свое согласие на просьбу Иосифа. Тем временем тело, вероятно, уже было снято с креста. Его выдали Иосифу в полное его распоряжение.

Другой тайный друг Иисуса, Никодим[4], который, как мы видели, однажды уже употреблял свое влияние в пользу Иисуса, также явился в этот момент. Он доставил обильный запас веществ, необходимых для бальзамирования. Иосиф и Никодим приготовили тело Иисуса к погребению по еврейскому обычаю, то есть завернули его в саван с миррой и алоэ. Тут же присутствовали галилейские жены[5], которые, без сомнения, плакали и оглашали воздух пронзительными криками скорби.

Было уже поздно, и все это происходило с большой поспешностью. Место для окончательного погребения не было еще в то время выбрано. Сверх того, перенесение тела могло бы затянуться до позднего часа, и тогда пришлось бы нарушить субботу; между тем ученики в то время соблюдали еще вполне добросовестно предписания еврейского Закона. Поэтому решились положить тело во временной гробнице[6]. Такая находилась поблизости, в

---

[1] Вероятно, то же, что Рама Самуила, в колене Ефраимовом.
[2] Матфея, XXVII, 57 и след.; Марка, XV, 42 и след.; Луки, XXIII, 50 и след.; Иоанна, XIX, 38 и след.
[3] Digeste, XLVII, XXIV, De cadaveribus punitorum.
[4] Иоанна, XIX, 39 и след.
[5] Матфея, XXVII, 61; Марка, XX, 47; Луки, XXIII, 55.
[6] Иоанна, XIX, 41—42.

саду, в недавно высеченной в скале пещере, и еще не была в употреблении. Вероятно, она принадлежала кому-либо из последователей Иисуса [1]. Погребальные гроты, если они предназначались лишь для одного трупа, состояли из небольшого покоя, в глубине которого место для тела устраивалось в виде выступа или ниши, высеченной в стене и увенчанной аркою [2]. Так как такого рода гроты устраивались с нависшей стороны утеса, то вход в них находился на уровне земли; вместо двери вход обыкновенно заваливали большим, тяжелым камнем. В такой пещере и положили тело Иисуса [3]; ко входу в нее прикатили камень и условились вернуться для более полного погребения. Но следующий день был субботой, имевшей особенно торжественный характер, и потому погребение было отложено до послезавтра [4].

Женщины удалились, заметив хорошенько, как тело было положено. Оставшиеся свободные часы этого вечера пошли на новые приготовления для бальзамирования. В субботу все отдыхали [5].

В воскресенье утром жены (Мария из Магдалы раньше прочих) пришли к гробнице очень рано [6]. Камень у входа был отвален, и тела не было в том месте, где его положили. В то же время во всей христианской общине распространились самые странные слухи. Крик «Он воскрес!» как молния пробежал среди учеников. Любовь к Иисусу давала всюду легкий доступ этому известию. Что

---

[1] По преданию (Матфея, XXVII, 60), собственником этой пещеры был сам Иосиф Аримафейский.

[2] Пещера, которая считалась в эпоху Константина могилой Христа, была именно такой формы, насколько можно судить по описанию Аркульфа (у Мабилльона, Acta S. S. Ord. S. Benedict., отд. III, ч. II, стр. 504) и по смутным преданиям, которые сохранились у греческого духовенства в Иерусалиме относительно состояния скалы, в настоящее время скрытой под небольшим сооружением Гроба Господня. Но те доказательства, на которых при Константине основывались, принимая эту гробницу за ту именно, где был погребен Христос, были очень слабы или их вовсе не было (см. в особенности у Созомена, Hist. eccl., II, 1). Если бы даже допустить, что местоположение Голгофы приблизительно точно установлено, то все же местоположение Гроба Господня вследствие этого не получит в свою пользу сколько-нибудь серьезных доводов. Во всяком случае, внешний вид этих мест совершенно изменился.

[3] 1 посл. к Коринф., XV, 4.

[4] Луки, XXIII, 56.

[5] Луки, XXIII, 54—56.

[6] Матфея, XXVIII, 1; Марка, XVI, 1; Луки, XXIV, 1; Иоанна, XX, 1.

же произошло на самом деле? Вопрос этот мы исследуем при обработке истории апостолов и расследовании источников происхождения легенд, относящихся к воскресению из мертвых. Для историка жизнь Иисуса кончается с его последним вздохом. Но след, оставленный Иисусом в сердцах его учеников и некоторых из его преданных друзей, был так глубок, что в течение многих недель он все еще как бы жил с ними и утешал их. Кто мог бы похитить тело Иисуса? [1] При каких условиях энтузиазм, всегда легковерный, мог создать всю совокупность рассказов, которыми устанавливалась вера в воскресение? Этого мы никогда не будем знать за отсутствием каких бы то ни было документов. Заметим, однако, что в этом играла видную роль [2] сильная фантазия Марии Магдалины [3]. Божественная сила любви! Благословенны те моменты, в которые страстное чувство галлюцинирующей женщины дало миру воскресшего Бога!

ГЛАВА XXVII

УЧАСТЬ ВРАГОВ ИИСУСА.

По принятому нами исчислению, смерть Иисуса приходится на 33 год нашей эры [4]. Во всяком случае, она не могла последовать раньше 29 года, так как проповедь Иоанна и Иисуса началась только в 28 году [5], и не позднее 35 года, ибо в 36-м, и, по-видимому, именно перед Пасхой, Пилат и Каифа оба лишились своих мест [6]. Впрочем, смерть Иисуса не имела никакого отно-

---

[1] Матфея, XXVIII, 15; Иоанна, XX, 2.

[2] Это в особенности чувствуется в ст. 9 и след. главе XVI Евангелия от Марка. Эти стихи составляют заключение второго Евангелия, которое разнится с заключительным характером ст. 1—8 главы XVI; этими последними и заканчивается рукопись *B* в Ватикане и Codex sinaiticus. По четвертому Евангелию (XX, 1—2, 11 и след., 18), Мария Магдалина была также и единственной первой свидетельницей воскресения.

[3] Она была одержима семью бесами (Марка, XVI, 9; Луки, VIII, 2).

[4] 33 год вполне соответствует одному из условий задачи, ибо 14 число низана в этом году приходится на пятницу. Если отвергнуть этот год и найти другой, удовлетворяющий тому же условию, то придется год смерти Иисуса отнести или назад, раньше 29 г., или вперед, позднее 36 г. См. выше стр. 247, примеч. 3.

[5] Луки, III, 1.

[6] Иосиф, Ant., XVIII, IV, 2 и 3.

шения к этим смещениям[1]. Получив отставку, Пилат, вероятно, совсем и не думал об эпизоде, которому суждено было передать его печальную славу самому отдаленному потомству. Что касается Каиафы, то преемником его был Ионафан, его шурин, сын того самого Анны, который играл главную роль в суде над Иисусом. Саддукейская фамилия Анны еще долго не выпускала первосвященничество из своих рук и, сделавшись могущественнее, нежели когда-либо, не переставала вести с учениками и фамилией Иисуса ожесточенную борьбу, начатую еще против самого основателя христианства. Христианство, обязанное ей заключительным актом своего основания, было ей обязано и первыми своими мучениками. Анна считался одним из счастливейших людей своего века[2]. Истинный виновник смерти Иисуса, он кончил жизнь на высоте почестей и всеобщего уважения, не сомневаясь ни на минуту в том, что он оказал крупные услуги своей нации. Сыновья его продолжали господствовать среди аристократии храма, едва сдерживаемые прокураторами и нередко обходясь без их согласия в деле удовлетворения своей жестокости и высокомерия[3]. Антипа и Иродиада также скоро сошли с политической сцены. Когда Ирод Агриппа был возведен в царское достоинство Калигулой, ревнивая Иродиада поклялась, что будет тоже царицей. Под постоянным давлением со стороны этой самолюбивой женщины, которая обходилась с ним, как с трусом, за то, что он терпел старшего в своем роде, Антипа преодолел свою природную инертность и отправился в Рим выхлопотать себе такой же титул, какой получил его племянник (39 г. н. э.). Но дело повернулось как нельзя хуже. Ирод Агриппа повредил ему во мнении императора, Антипа был низложен и влачил остаток своей жизни в изгнании, переезжая с места на место, в Лион, в Испанию. Иродиада разделяла с ним эту немилость[4]. Должны были пройти еще сто лет, прежде нежели имя одного из неизвестных подданных их, став-

---

[1] Противоположное уверение Тертуллиана и Евсевия основано на апокрифе или на легенде, не имеющей никакой достоверности. (См. Филон, Cod. apocr. №. Т., стр. 813 и след.) Самоубийство Пилата (Евсевий, Hist. eccl., II, 7; Chron. ad ann. I Caii) носит также легендарный характер (Тишендорф, Evang. apocr., стр. 432 и след.).

[2] Иосиф, Ant., XX, IX, 1.

[3] Иосиф, loc. cit., Тосифта, *Менахот*, II.

[4] Иосиф, Ant., XVIII, VII, 1, 2; B, I., II, IX, 6.

шего Богом, дошло до этих отдаленных стран и над могилами этих людей напомнило об убийстве ими Иоанна Крестителя.

По поводу смерти несчастного Иуды из Кериота ходили страшные легенды. Уверяли, что ценой своего предательства он купил поле где-то в окрестностях Иерусалима. К югу от Сиона действительно существовала местность, называвшаяся *Хакельдама* [1] (поле крови). Полагали, что это и была собственность, приобретенная предателем [2]. Предание говорит, что он покончил самоубийством [3]. По другому преданию, на этом поле его постигло несчастие: он упал и внутренности его при этом выпали на землю [4]. Наконец, по словам третьего предания, он умер от водянки, сопровождавшейся такими отвратительными явлениями, что болезнь его все считали небесной карой [5]. В основе всех этих легенд лежало желание изобразить Ииуду наподобие Ахитофеля [6] и показать на нем, как осуществляются угрозы Псалмопевца по поводу коварно изменившего друга [7]. Быть может, уединившись на своем поле Хакельдама, Иуда вел в неизвестности мирный образ жизни, в то время как его бывшие друзья подготовляли завоевание мира и распространяли в нем слух об его позоре. Быть может также, что страшная ненависть, обрушившаяся на него, довела его до крайности, в которой был усмотрен перст Божий.

Но эпоха великой мести со стороны христианства должна была наступить еще очень не скоро. Новая секта была ни при чем в той катастрофе, которую вскоре суждено было иудаизму испытать на себе. Синагога поняла лишь много позже, какой опасности подвергается тот,

---

[1] Св. Иеремия, De situ et nomin. loc. hebr, на слово *Ахельдама*. Евсевий (там же) указывает это место к северу от Сиона. Но путеводители подтверждают указания Св. Иеремии. Предание, по которому Хакельдамой называлось кладбище, расположенное в долине Хинном, относится, по меньшей мере, к эпохе Константина.

[2] Деяния, I, 18—19. Матфей или, вернее, его переписчик придал этому преданию несколько иной характер с целью связать с ним происхождение кладбища для чужестранцев, находившееся неподалеку, и найти в этом оправдание изречению Захарии, XI, 12—13.

[3] Матфея, XXVII, 3.

[4] Деяния, loc. cit., Папий, у Экумения, Enarr. in Act. Apost., II, и у Фр. Мюнтера, Fragm. Patrum graec., (Hafniae, 1788), fasc. I, стр. 17 и след., Феофилакт, In Matth., XXVII, 5.

[5] Папий, у Мюнтера, loc. cit.; Феофилакт, loc. cit.

[6] 2 кн. Самуила, XVII, 23.

[7] Псалтирь, LXIX и CIX.

кто руководствуется нетерпимостью. Конечно, империя была еще более далека от подозрения, что уже народился ее будущий разрушитель. Ей суждено было идти своим путем еще около трехсот лет, не ведая, что рядом с ней вырабатываются принципы, которым было предназначено преобразовать человечество. Идея Иисуса, теократическая и демократическая в одно и то же время, будучи брошена в мир, вместе с нашествием германцев послужила одной из наиболее активных причин распадения дела, созданного Цезарями. С одной стороны — было возвещено право всех людей принять участие в Царстве Божием. С другой стороны — с этого времени религия в принципе отделилась от государства. Права совести, неподчиненные политическому закону, создают новую силу, «духовную власть». Сила эта не один раз со времени своего происхождения должна была уклониться от правды; в течение многих веков епископы были князьями, а папа — королем. Эта предполагаемая империя душ неоднократно проявляла себя в виде ужасной тирании, пользуясь как средствами для своего сохранения пыткой и костром. Но настанет день, когда отделение церкви от государства принесет свои плоды, когда владычество в сфере духа будет называться не «властью», а «свободой». Христианство, порожденное идеей человека из народа, развившееся на глазах народа, привлекшее к себе прежде всего любовь и восхищение народа, носило на себе отпечаток оригинальности, который никогда не изгладится. Это было первое торжество революции, победа народного чувства, выступление смиренных сердцем, триумф прекрасного, как его понимает народ. Таким образом, Иисус пробил брешь в аристократических обществах античного мира и открыл через нее доступ всему миру.

Действительно, как ни мало была повинна в смерти Иисуса гражданская власть (она только утвердила его приговор, и то вопреки своему желанию), ей все-таки пришлось нести на себе за это тяжелую ответственность. Играя роль начальства в трагедии на Голгофе, государство нанесло самому себе самый тяжкий удар. Легенда, полная всякого рода непочтительности к начальству, взяла верх над всем и облетела весь свет, и в этой легенде установленные власти исполняют гнусную роль: обвиняемый совершенно прав, а судьи и полиция составляют сообщество, направленное против истины. История Страстей, в высшей степени возмутительная, распространив-

шись в тысячах популярных образов, рисует, как римские орлы санкционировали самую несправедливую из всех казней, как римские воины приводили ее в исполнение, а римский префект отдал приказание ее совершить. Какой удар всем установленным властям! Им уже не суждено никогда оправиться от него. Как может тот, у кого на совести тяготеет великая Гефсиманская ошибка, принимать на себя по отношению к бедному люду вид непогрешимости?[1]

ГЛАВА XXVIII

СУЩЕСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ДЕЛА ИИСУСА.

Как мы видели, Иисус никогда не распространял своей деятельности за пределы иудаизма. Хотя симпатия его ко всем отверженцам правоверия побуждала его допустить язычников в Царство Божие, хотя он не раз посещал языческие страны и жил в них, хотя один или два раза отмечается его благосклонное отношение к неверным[2], все же можно сказать, что жизнь его вся целиком протекла в небольшом, тесно замкнутом мире, в котором он родился. Греческие и римские страны о нем и не слыхивали; имя его появляется у светских авторов лишь спустя сто лет, и то лишь косвенно, по поводу бунтов, вызванных его учением, или преследований, которым подвергались его ученики[3]. В недрах самого иудаизма Иисус не произвел также сколько-нибудь сильного впечатления. Филон, умерший около 50 г., не имел о нем ни малейшего понятия. Иосиф, родившийся в 37 г., упоминает об его казни лишь в нескольких строках[4], как об явлении второстепенной важности; перечисляя секты своей эпохи, он даже пропускает христиан[5]. Юст Тивериадский, историк, современный Иосифу, даже не называет Иисуса по имени[6]. С другой стороны, и в Мишне

[1] Это народное чувство было еще живо в Бретани в эпоху моего детства. На всякого жандарма здесь смотрели, как в других местностях смотрят на еврея, с некоторым набожным отвращением; ведь не кто иной, как жандармы, арестовали Иисуса!

[2] Матфея, VIII, 5 и след.; Луки, VII, 1 и след.; Иоанна, XII, 20 и след. Ср. Иосиф, Ant., XVIII, III, 3.

[3] Тацит, Ann., XV, 45; Светоний, Клавдий, 25.

[4] Ant., XVIII, III, 3. Это место было переделано рукой христианина.

[5] Ant., XVIII, 1; B. I., II, VIII; Vita, 2.

[6] Фотий, Bibl., cod. XXXIII.

нет ни следа нового учения; соответствующие места в двух Гемарах, где основатель христианства назван по имени, были редактированы не раньше IV или V веков [1]. Существо дела Иисуса заключалось в том, чтобы создать рядом с собой круг учеников, которым он внушил безграничную привязанность к себе и в грудь которых он заронил зародыш своего учения. Заставить полюбить себя «до такой степени, чтобы и после смерти его не переставали бы любить», таково было мастерское дело Иисуса, и именно это более всего поражало его современников [2]. Учение его было до такой степени мало догматичным, что он никогда не думал записать его или поручить сделать это другим. Человек делался его учеником не потому, что верил в то или другое, но потому, что привязывался к его личности и начинал его любить. Все, что осталось от него, это несколько сентенций, собранных по памяти его слушателями, и в особенности его нравственный тип и произведенное им впечатление. Иисус не был основателем догматов, создателем символов; он был инициатором мира, проникнутого новым духом. Менее всего были христианами, с одной стороны, учители греческой Церкви, которые, начиная с IV века, увлекли христианство на путь наивных метафизических словопрений, и, с другой стороны, схоластики латинских Средних веков, пожелавшие извлечь из Евангелия тысячи пунктов одной колоссальной «Суммы». Быть христианином означало в первые времена христианства — прилепиться к Иисусу с тем, чтобы удостоиться Царства Божия.

После этого понятно, каким образом благодаря своей исключительной судьбе чистое христианство доныне, по прошествии восемнадцати веков, сохраняет характер всеобщей и вечной религии. Это потому, что действительно в некоторых отношениях религия Иисуса представляется окончательной. Христианство как результат совершенно самобытного духовного движения, отрешившись с самого своего рождения от всяких догматических рамок, выдержав трехсотлетнюю борьбу за свободу совести, несмотря

---

[1] Иерус. Талмуд, *Синедрион*, XIV, 16, *Абода Цара*, II, 2; *Шаббат*, XIV, 4; Вавил. Талмуд, *Синедрион*, 43a, 67a; *Шаббат*, 104b, 116b. Ср. *Хагига*, 4b; *Гиттин*, 57a, 90a. Обе Гемары заимствуют большую часть своих данных об Иисусе в одной шуточной и непристойной легенде, вымышленной противниками христианства и не имеющей исторического значения. Ср. Ориген, Contra Celsum, I, 28, 32.

[2] Иосиф, Ant., XVIII, III, 3.

на все последующие свои падения, до сих пор пожинает плоды столь выдающегося своего происхождения. Чтобы обновиться, ему остается лишь вернуться к Евангелию. Царство Божие в нашем познании значительно отличается от сверхъестественного пришествия, которое, по понятиям первых христиан, должно было явиться в облаках. Но чувство, которое Иисус внес в мир, то самое, что и у нас. Его совершенный идеализм есть высшее правило жизни добродетельной и полной отрешения. Он создал небо чистых душ, где находится то, чего тщетно ищут на земле, совершеннейшее благородство детей Божиих, полная святость, полное отрешение от мирской грязи, наконец, свобода, которую реальное общество исключает как нечто недостижимое и которая может иметь всю свою полноту только лишь в области мысли. И великим учителем тех, кто находит себе прибежище в этом идеальном рае, является опять-таки Иисус. Он первый возвестил царство духа; он первый возвестил, и притом своими делами: «Царство Мое не от мира сего». Ему принадлежит, конечно, основание истинной религии. После него остается лишь развивать ее и заставлять ее приносить свои плоды.

Таким образом, «христианство» сделалось почти синонимом «религии». Все, что будет совершаться вне этой великой и прекрасной христианской традиции, останется бесплодным. Иисус создал в человечестве религию, как Сократ создал в нем философию, Аристотель — науку. Философия существовала и до Сократа, как наука — до Аристотеля. Со времен Сократа и Аристотеля философия и наука сделали громадные успехи, но все было основано на том фундаменте, который они заложили. Точно так же до Иисуса религиозная мысль претерпела несколько переворотов; со времен Иисуса она сделала великие приобретения, но тем не менее человечество не вышло и не выйдет из существа, созданного Иисусом; он установил навсегда способ, каким следует познавать чистый культ. Религия Иисуса не имеет границ. У Церкви были свои эпохи и фазы; она замкнулась в символах, которые имели или будут иметь лишь одну эпоху; Иисус же основал религию абсолютную, которая ничего не исключает, которая ничего не определяет, кроме разве чувства. Его символы — не установленные догматы; это образы, которые могут подлежать самым бесконечным толкованиям. Тщетно старались найти в Евангелии бого-

словскую предпосылку. Все вероисповедания представляют собой идею Иисуса в различном одеянии, почти так же, как средневековая схоластика, провозглашая Аристотеля единственным творцом законченной науки, извращала в то же время мысль Аристотеля. Если бы Аристотель мог присутствовать при прениях, которые вела эта школа, он отвергнул бы ее узкую доктрину; он встал бы на стороне прогрессивной партии ученых против рутины, прикрывавшейся его авторитетом, и аплодировал бы ее противникам. Точно так же, если бы Иисус вернулся и жил среди нас, он признал бы своими учениками не тех, кто пытается замкнуть всего его целиком в несколько фраз катехизиса, но тех, кто продолжает его дело. Во всех великих орденах вечная слава принадлежит тем, кто положил первый камень. Возможно, что в «Физике» и «Метеорологии» нашего времени не найдется ни одного слова из трактатов Аристотеля, озаглавленных этими словами; и тем не менее Аристотель остается основателем естествоведения. Каковы бы ни были преобразования догмата, Иисус останется в религии создателем чистого чувства; Нагорную проповедь ничто не превзойдет. Никакой переворот не уничтожит нашей связи с той великой интеллектуальной и моральной семьей, во главе которой сияет имя Иисуса. В этом смысле мы остаемся христианами, даже когда расходимся почти во всех пунктах с христианским преданием, которое нам завещано прошлым.

И это великое дело было личным делом Иисуса. Для того чтобы заставить до такой степени обожать себя, нужно заслуживать обожание. Любовь не может существовать без объекта, способного ее зажечь, и если бы даже мы не знали об Иисусе ничего, кроме той страстной любви, которую он внушал к себе окружающим, то этого было бы достаточно для нас, чтобы утверждать, что он был велик и чист. Вера, энтузиазм, стойкость первого христианского поколения объясняются только предположением, что все движение было обязано своим происхождением личности колоссальных размеров. Исследуя чудесные дела эпохи веры, наша мысль получает два впечатления, одинаково роковые для верной исторической критики. С одной стороны, является побуждение признавать эти дела безличными, приписывать коллективному воздействию то, что составляет дело личной могучей воли и высокого ума. С другой стороны, мысль отказывается

признать такими же обыкновенными людьми, как и мы, виновников этих необычайных движений, решивших судьбы человечества. Но возьмем силы, скрытые в природе человека в более широком смысле. Наши цивилизации, управляемые полицейской регламентацией, не могут иметь даже отдаленного представления о том, что значила личность в эпоху, когда для развития оригинальности каждого человека представлялось самое широкое и свободное поприще. Возможно ли предположить, чтобы в какой-нибудь каменоломне по соседству с какой-нибудь столицей нашей эпохи поселился отшельник, который временами являлся бы оттуда во дворец государей, не обращая внимания на стражу, и повелительным тоном возвещал бы царю, что приближается переворот, вызванный его проповедью. Сама мысль о возможности в наше время подобного факта вызывает у нас усмешку. Между тем таков был пророк Илия. Илия Фезбит нашего времени не прошел бы даже за решетку Тюльери. Не менее не понятны при социальных условиях, в которых мы живем, проповедь Иисуса и его свободная деятельность в Галилее. Будучи свободны от нашей условной вежливости, не получив, подобно нам, однообразного воспитания, которое так ограничивает нашу индивидуальность, эти цельные натуры вносили в свою деятельность поразительную энергию. Они представляются нам гигантами героической эпохи, лишенными всякой реальности. Какое глубокое заблуждение! Люди эти были нашими братьями; они были нашего роста, чувствовали и мыслили так же, как мы. Но дыхание Бога свободно доходило к ним, у нас же оно сковано железными цепями мещанского общества и осуждено на безнадежную посредственность.

Поэтому поставим личность Иисуса на высшую точку человеческого величия. Не дадим преувеличенному недоверию к легенде, которая постоянно вводит нас в мир сверхъестественного, поселить в нас заблуждение. Жизнь Франциска Ассизского тоже вся соткана из чудес. Сомневался ли кто-либо на этом основании в существовании и роли Франциска Ассизского? Не будем доказывать, что слава основания христианства должна принадлежать толпе первых христиан, а не тому, кого обоготворила легенда. Неравенство людей на Востоке выражено гораздо резче, чем у нас. Там мы нередко можем встретить в общей атмосфере злобы такие характеры, влияние которых нас приводит в изумление. Иисус

не только далеко не был создан своими учениками, но представляется неизмеримо выше их во всех отношениях. Они были, за исключением Св. Павла и, быть может, Св. Иоанна, людьми без инициативы и без идеальности. Сам Св. Павел не выдерживает никакого сравнения с Иисусом, что же касается св. Иоанна, то в своем Апокалипсисе он только вдохновлялся поэзией Иисуса. Отсюда неизмеримое превосходство Евангелия над всеми книгами Нового Завета. Отсюда то ощущение тягостного падения, которое испытываешь, переходя от истории Иисуса к истории апостолов. Сами евангелисты, завещавшие нам образ Иисуса, настолько ниже того, о ком говорят, что беспрестанно искажают его, не будучи способны возвыситься до него. Их сочинения полны заблуждений и противоречий. В каждой строке проглядывает оригинал, обладающий божественной красотой, против которого грешат редакторы, не понимающие его и потому подставляющие собственные мысли на место идей, лишь наполовину доступных их пониманию. В общем, характер Иисуса не только не приукрашен, а скорее умален его биографами. Для того, чтобы восстановить его соответственно действительности, критике приходится очистить его от целого ряда недоразумений, источником которых является посредственный ум его учеников.

Я знаю, что наши современные принципы не раз чувствовали себя оскорбленными легендой, созданной иной расой, под другим небом, среди других социальных условий. Бывают добродетели, которые в некоторых отношениях более соответствуют нашим вкусам. Честный и кроткий Марк Аврелий, смиренный и нежный Спиноза не думали, что они могут совершать чудеса, и потому избегнули некоторых из заблуждений, которые разделял Иисус. Спиноза в своей глубокой темноте обладал преимуществом, которого Иисус не добивался. Благодаря нашей крайней разборчивости в выборе средств для убеждения, благодаря нашей абсолютной добросовестности и нашей беспристрастной любви к чистой идее, все мы, посвятившие нашу жизнь науке, основали новый идеал нравственности. Но оценка, которую делает всеобщая история, не должна ограничиваться разбором личных заслуг. Марк Аврелий и его благородные учителя не имели длительного влияния на мир. Марк Аврелий оставил по себе превосходные книги, негодного сына, разрушающийся мир. Иисус остается для человечества неистощимым источ-

ником нравственных возрождений. Для большинства человечества одной философии недостаточно. Ему надо святости. Аполлоний Тианский с своей чудесной легендой должен был иметь больше успеха, нежели Сократ с своим холодным рассудком. «Сократ оставляет людей на земле; Аполлоний переносит их на небеса. Сократ не более как мудрец, Аполлоний — бог»[1]. Вплоть до наших времен религия никогда не существовала без доли аскетизма, набожности, чудесного. Когда после Антониев явилось желание создать религию из Философии, то пришлось преобразить философов в святых, написать «Vie edifiante» Пифагора и Плотина, навязать им легенду, добродетели воздержания и созерцательности, сверхъестественную силу, без чего современный им век не признавал их авторитета.

Итак, не будем искажать историю для удовлетворения нашей мещанской щепетильности. Кто из нас, пигмеев, мог совершить то, что совершили необузданный Франциск Ассизский, истерическая Св. Тереза? Пусть медицине известны термины для определения этих великих отклонений от человеческой природы; пусть она утверждает, что гений есть душевная болезнь; пусть она видит в известной нравственной чуткости начальную степень этизии; пусть она относит энтузиазм и любовь к нервным припадкам,— что нам за дело? Слова «святой» и «больной» имеют лишь относительное значение. Кто бы не предпочел быть больным Паскалем, нежели здоровым дюжинным человеком? Узкие тенденции, распространившиеся в наше время относительно безумия, вносят самые серьезные заблуждения в наши исторические суждения о вопросах этого рода. Состояние, в котором произносятся бессознательные речи, в котором мысль рождается без участия и управления воли, в настоящее время является достаточным поводом для того, чтобы человека, подверженного ему, удаляли из общества как галлюцинанта. Прежде это называлось пророчеством и вдохновением. Прекраснейшие явления мира были порождаемы приступами лихорадки; каждый выдающийся творческий акт сопряжен с нарушением равновесия; по закону природы они являются насильственным актом.

Конечно, мы признаем, что христианство — дело

[1] Филострат, Жизнь Аполлония, IV, 2; VII, 11; VIII, 7; Евнап, Жизнь софистов, стр. 454, 500 (изд. Didot).

слишком сложное для того, чтобы оно могло быть совершено одним человеком. В известном смысле все человечество было здесь сотрудником. Нет такого общества, как бы оно ни было замкнуто, куда не доходило бы ни малейшего дуновения ветра извне. История полна удивительных синхронизмов, которые доказывают, что различные отделы рода человеческого, не сообщаясь между собою, чрезвычайно удаленные один от другого, одновременно приходили к одним и тем же идеям и к фантазиям, почти вполне тождественным между собой. В XIII веке латины, греки, сирийцы, евреи, мусульмане создают схоластику, и притом одну и ту же схоластику от Йорка до Самарканда; в XIV веке весь мир получает склонность к мистической аллегории в Италии, Персии, Индии; в XVI веке искусство развивается почти одинаковым образом в Италии и в сердце Великих Моголов, хотя Св. Фома, Варевреус, нарбоннские раввины, багдадские *мотекаллемин* не знали друг о друге, хотя Данте и Петрарка не видывали ни единого *суфи*, хотя ни один из воспитанников школ Перузы и Флоренции не бывал никогда в Дели. Словно эпидемии проносятся в мире великие влияния, не стесняясь ни границами, ни расами. Обращение идей в человеческом роде происходит не только при посредстве книг или непосредственного обучения. Иисус не знал даже по имени ни Будды, ни Зороастра, ни Платона; он никогда не прочел ни одной греческой книги, ни одной буддийской *сутры*, а между тем без его ведома у него находятся элементы, взятые у буддизма, парсизма, у греческой мудрости. Все это передавалось по тайным каналам и по той некоторого рода симпатии, которая существует между различными отделами человечества. Великий человек, с одной стороны, все получает от своей эпохи, а с другой стороны, господствует над нею. Показать, что религия, основанная Иисусом, была естественным следствием всего предшествовавшего, не значит умалить ее значение; это значит лишь доказать, что она имела свои разумные основания, была законной, то есть соответствовала инстинктам и потребностям сердца данного века.

Разве было бы справедливее сказать, что Иисус обязан всем иудаизму и что все его величие не что иное, как величие еврейского народа? Никто не склонен более меня высоко ставить этот народ, который словно получил особенный дар совокуплять в своих недрах все крайности

добра и зла. Без сомнения, Иисус вышел из иудаизма; но он вышел из него, как Сократ вышел из школ софистов, как Лютер вышел из Средних веков, Ламенэ — из католицизма, Руссо — из XVIII века. Даже тот, кто протестует против своего века и своей расы, все же принадлежит своему веку и своей расе. Иисус не только не продолжатель иудаизма, но его дело характеризуется именно разрывом с еврейским духом. Предполагая, что в этом отношении мысль его может дать повод к недоразумению, все-таки общее направление христианства после него этого не допускает. Христианство все более и более удаляется от иудаизма. Его совершенствование будет заключаться в том, чтоб вернуться к Иисусу, а, конечно, не к иудаизму. Таким образом, великая оригинальность основателя остается неприкосновенной; слава его не допускает законного соучастника.

Бесспорно, что условия имели большое значение для успеха этой чудесной революции; но условия являются на помощь только правильным и добрым попыткам. Всякая отрасль человеческого духа, искусство, поэзия, религия в течение веков встречает благоприятную ей эпоху, когда она достигает совершенства без особых усилий и благодаря некоторого рода самопроизвольному инстинкту. Впоследствии никакой работой мысли не удается создать таких образцовых произведений, какие в этот момент создает сама природа при посредстве верховных гениев. То, что сделали прекрасные века Греции для искусств и светской литературы, эпоха Иисуса сделала для религии. Еврейское общество находилось в самом необычайном нравственном состоянии, какое когда-либо переживалось человечеством. То был один из тех божественных моментов, когда великие явления происходят сами собой, под влиянием взаимодействия тысячи скрытых сил, когда великие души встречают поддержку в виде целого потока восхищения и симпатии. Мир, отделавшись от чрезвычайно обременительной тирании небольших городских республик, пользовался большой свободой. Римский деспотизм лишь гораздо позднее дал почувствовать свое губительное влияние, и, сверх того, он был всегда менее ощутим в отдаленных провинциях, нежели в центре империи. Наши мелкие предупредительные мероприятия, гораздо более убийственные для духа, нежели казни, еще не существовали. В течение трех лет Иисус вел образ жизни, благодаря которому в наших обществах он де-

сятки раз попадал бы под суд. Достаточно было бы современных законов о лечении без надлежащих на то прав, чтобы прикончить его карьеру. С другой стороны, династия неверующих Иродов в то время мало интересовалась религиозными вопросами; при Асмонеях Иисус, вероятно, был бы арестован на первых же порах своей деятельности. При таком состоянии общества всякий новатор рисковал лишь жизнью, а для тех, кто работает для будущего, смерть является желанной. Представим только себе, что Иисус тянул бы лямку своей божественности до шестидесяти или семидесяти лет, теряя мало-помалу свой небесный огонь, мало-помалу изнашиваясь под бременем небывалой ноши! Но все благоприятствует тому, кто отмечен судьбой; он идет к славе, повинуясь непреодолимому влечению и роковому закону.

Эту великую личность, ежедневно до сих пор главенствующую над судьбами мира, позволительно назвать божественной, не в том, однако, смысле, что Иисус вмещал все божественное или может быть отождествлен с божеством, а в том смысле, что он научил род человеческий сделать один из самых крупных его шагов к идеалу, к божественному. Взятое в массе, человечество представляет собой скопище существ низких, эгоистов, стоящих выше животного только в том одном отношении, что их эгоизм более обдуман, чем у животного. Тем не менее среди этого однообразия обыденщины к небесам возвышаются колонны, свидетельствующие о более благородном призвании людей. Из всех этих колонн, показывающих человеку, откуда он происходит и куда должен стремиться, Иисус — самая высокая. В нем сосредоточилось все, что есть прекрасного и возвышенного в нашей природе. Он не был безгрешен; он побеждал в себе те же страсти, с какими мы боремся; никакой ангел Божий не подкреплял его, кроме его собственной чистой совести; никакой Сатана не искушал его, кроме того, которого каждый носит в своем сердце. Как многие из его великих черт потеряны для нас благодаря непониманию его учеников, точно так же, вероятно, и многие из его недостатков были скрыты. Но никогда ни у кого интересы человечества не преобладали до такой степени, как у него, над светской суетой. Беззаветно преданный своей идее, он сумел все подчинить ей до такой степени, что вселенная не существовала для него. Этими усилиями героической воли он и завоевал небо. Не было человека,

быть может, за исключением Сакья-Муни, который до такой степени попирал ногами семью, все радости бытия, все мирские заботы. Он жил только своим Отцом и божественной миссией, относительно которой он был убежден, что выполнит ее.

Для нас, вечных детей, которые осуждены на бессилие, которые работают не пожиная и которым никогда не суждено увидать плодов того, что ими посеяно, остается только преклоняться перед этими полубогами. Они умели то, что нам недоступно, умели создавать, утверждать, действовать. Возродится ли подобная великая оригинальность или отныне мир удовольствуется лишь тем, что будет следовать по путям, открытым ему смелыми создателями древних времен?

Это неизвестно. Но каковы бы ни были неожиданности, которые готовит нам будущее, Иисуса никто не превзойдет. Культ его будет вечно обновляться; легенда его будет вечно вызывать слезы; его страданиями будут терзаться лучшие сердца; и во все времена все будут провозглашать, что среди сынов человеческих никогда не рождалось более великого, нежели Иисус.

КОНЕЦ

ЛЕОНИД
АНДРЕЕВ

АНАТОЛЬ
ФРАНС

МИХАИЛ
БУЛГАКОВ

ЮРИЙ
НАГИБИН

АЛЕКСАНДР
ВОЛОДИН

ЛЕОНИД
АНДРЕЕВ

Иуда Искариот

1

Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота — человек очень дурной славы и его нужно остерегаться. Одни из учеников, бывавшие в Иудее, хорошо знали его сами, многие много слыхали о нем от людей, и не было никого, кто мог бы сказать о нем доброе слово. И если порицали его добрые, говоря, что Иуда корыстолюбив, коварен, наклонен к притворству и лжи, то и дурные, которых расспрашивали об Иуде, поносили его самыми жестокими словами. «Он ссорит нас постоянно,— говорили они, отплевываясь,— он думает что-то свое и в дом влезает тихо, как скорпион, а выходит из него с шумом. И у воров есть друзья, и у грабителей есть товарищи, и у лжецов есть жены, которым говорят они правду, а Иуда смеется над ворами, как и над честными, хотя сам крадет искусно и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее. Нет, не наш он, этот рыжий Иуда из Кариота»,— говорили дурные, удивляя этим людей добрых, для которых не было большой разницы между ним и всеми остальными порочными людьми Иудеи.

Рассказывали далее, что свою жену Иуда бросил давно и живет она несчастная и голодная, безуспешно стараясь из тех трех камней, что составляют поместье Иуды, выжать хлеб себе на пропитание. Сам же он много лет шатается бессмысленно в народе и доходил даже до одного моря и до другого моря, которое еще дальше; и всюду он лжет, кривляется, зорко высматривает что-то своим воровским глазом; и вдруг уходит внезапно, оставляя по себе неприятности и ссору,— любопытный, лукавый и злой,

как одноглазый бес. Детей у него не было, и это еще раз говорило, что Иуда — дурной человек и не хочет бог потомства от Иуды.

Никто из учеников не заметил, когда впервые оказался около Христа этот рыжий и безобразный иудей; но уж давно неотступно шел он по ихнему пути, вмешивался в разговоры, оказывал маленькие услуги, кланялся, улыбался и заискивал. И то совсем привычен он становился, обманывая утомленное зрение, то вдруг бросался в глаза и в уши, раздражая их, как нечто невиданно-безобразное, лживое и омерзительное. Тогда суровыми словами отгоняли его, и на короткое время он пропадал где-то у дороги — а потом снова незаметно появлялся, услужливый, льстивый и хитрый, как одноглазый бес. И не было сомнения для некоторых из учеников, что в желании его приблизиться к Иисусу скрывалось какое-то тайное намерение, был злой и коварный расчет.

Но не послушал их советов Иисус; не коснулся его слуха их пророческий голос. С тем духом светлого противоречия, который неудержимо влек его к отверженным и нелюбимым, он решительно принял Иуду и включил его в круг избранных. Ученики волновались и сдержанно роптали, а он тихо сидел, лицом к заходящему солнцу, и слушал задумчиво, может быть, их, а может быть, и что-нибудь другое. Уже десять дней не было ветра, и все тот же оставался, не двигаясь и не меняясь, прозрачный воздух, внимательный и чуткий. И казалось, будто бы сохранил он в своей прозрачной глубине все то, что кричалось и пелось в эти дни людьми, животными и птицами,— слезы, плач и веселую песню, молитву и проклятия; и от этих стеклянных, застывших голосов был он такой тяжелый, тревожный, густо насыщенный незримой жизнью. И еще раз заходило солнце. Тяжело пламенеющим шаром скатывалось оно книзу, зажигая небо; и все на земле, что было обращено к нему: смуглое лицо Иисуса, стены домов и листья деревьев,— все покорно отражало тот далекий и страшно задумчивый свет. Белая стена уже не была белою теперь, и не остался белым красный город на красной горе.

И вот пришел Иуда.

Пришел он, низко кланяясь, выгибая спину, осторожно и пугливо вытягивая вперед свою безобразную бугроватую голову,— как раз такой, каким представляли его знающие. Он был худощав, хорошего роста, почти такого

же, как Иисус, который слегка сутулился от привычки думать при ходьбе и от этого казался ниже; и достаточно крепок силою был он, по-видимому, но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха; и часто слова Иуды хотелось вытащить из своих ушей, как гнилые, шероховатые занозы. Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв. Двоилось так же и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза. Покрытый белесой мутью, не смыкающийся ни ночью, ни днем, он одинаково встречал и свет и тьму; но оттого ли, что рядом с ним был живой и хитрый товарищ, не верилось в его полную слепоту. Когда в припадке робости или волнения Иуда закрывал свой живой глаз и качал головой, этот качался вместе с движениями головы и молчаливо смотрел. Даже люди, совсем лишенные проницательности, ясно понимали, глядя на Искариота, что такой человек не может принести добра, а Иисус приблизил его и даже рядом с собою — рядом с собою посадил Иуду.

Брезгливо отодвинулся Иоанн, любимый ученик, и все остальные, любя учителя своего, неодобрительно потупились. А Иуда сел — и, двигая головой направо и налево, тоненьким голоском стал жаловаться на болезни, на то, что у него болит грудь по ночам, что, всходя на горы, он задыхается, а стоя у края пропасти, испытывает головокружение и едва удерживается от глупого желания броситься вниз. И многое другое безбожно выдумывал он, как будто не понимая, что болезни приходят к человеку не случайно, а родятся от несоответствия поступков его с заветами предвечного. Потирал грудь широкою ладонью и даже кашлял притворно этот Иуда из Кариота при общем молчании и потупленных взорах.

Иоанн, не глядя на учителя, тихо спросил Петра Симонова, своего друга:

— Тебе не наскучила эта ложь? Я не могу дольше выносить ее и уйду отсюда.

Петр взглянул на Иисуса, встретил его взор и быстро встал.

— Подожди! — сказал он другу.

Еще раз взглянул на Иисуса, быстро, как камень, оторванный от горы, двинулся к Иуде Искариоту и громко сказал ему с широкой и ясной приветливостью:

— Вот и ты с нами, Иуда.

Ласково похлопал его рукой по согнутой спине и, не глядя на учителя, но чувствуя на себе взор его, решительно добавил своим громким голосом, вытеснявшим всякие возражения, как вода вытесняет воздух:

— Это ничего, что у тебя такое скверное лицо: в наши сети попадаются еще и не такие уродины, а при еде-то они и есть самые вкусные. И не нам, рыбарям господа нашего, выбрасывать улов только потому, что рыба колюча и одноглаза. Я видел однажды в Тире осьминога, пойманного тамошними рыбаками, и так испугался, что хотел бежать. А они посмеялись надо мною, рыбаком из Тивериады, и дали мне поесть его, и я попросил еще, потому что было очень вкусно. Помнишь, учитель, я рассказывал тебе об этом, и ты тоже смеялся. А ты, Иуда, похож на осьминога — только одною половиною.

И громко захохотал, довольный своей шуткой. Когда Петр что-нибудь говорил, слова его звучали так твердо, как будто он прибивал их гвоздями. Когда Петр двигался или что-нибудь делал, он производил далеко слышный шум и вызывал ответ у самых глухих вещей: каменный пол гудел под его ногами, двери дрожали и хлопали, и самый воздух пугливо вздрагивал и шумел. В ущельях гор его голос будил сердитое эхо, а по утрам на озере, когда ловили рыбу, он кругло перекатывался по сонной и блестящей воде и заставлял улыбаться первые робкие солнечные лучи. И, вероятно, они любили за это Петра: на всех других лицах еще лежала ночная тень, а его крупная голова, и широкая обнаженная грудь, и свободно закинутые руки уже горели в зареве восхода.

Слова Петра, видимо одобренные учителем, рассеяли тягостное состояние собравшихся. Но некоторых, также бывавших у моря и видевших осьминога, смутил его чудовищный образ, приуроченный Петром столь легкомыс-

ленно к новому ученику. Им вспомнились: огромные глаза, десятки жадных щупальцев, притворное спокойствие — и раз! — обнял, облил, раздавил и высосал, ни разу не моргнувши огромными глазами. Что это? Но Иисус молчит. Иисус улыбается и исподлобья с дружеской насмешкой смотрит на Петра, продолжающего горячо рассказывать об осьминоге,— и один за другим подходили к Иуде смущенные ученики, заговаривали ласково, но отходили быстро и неловко.

И только Иоанн Зеведеев упорно молчал да Фома, видимо, не решался ничего сказать, обдумывая происшедшее. Он внимательно разглядывал Христа и Иуду, сидевших рядом, и эта странная близость божественной красоты и чудовищного безобразия, человека с кротким взором и осьминога с огромными, неподвижными, тускло-жадными глазами угнетала его ум, как неразрешимая загадка. Он напряженно морщил прямой, гладкий лоб, щурил глаза, думая, что так будет видеть лучше, но добивался только того, что у Иуды как будто и вправду появились восемь беспокойно шевелящихся ног. Но это было неверно. Фома понимал это и снова упорно смотрел.

А Иуда понемногу осмеливался: расправил руки, согнутые в локтях, ослабил мышцы, державшие его челюсти в напряжении, и осторожно начал выставлять на свет свою бугроватую голову. Она и раньше была у всех на виду, но Иуде казалось, что она глубоко и непроницаемо скрыта от глаз какой-то невидимой, но густою и хитрою пеленою. И вот теперь, точно вылезая из ямы, он чувствовал на свету свой странный череп, потом глаза — остановился — решительно открыл все свое лицо. Ничего не произошло. Петр ушел куда-то; Иисус сидел задумчиво, опершись головою на руку, и тихо покачал загорелой ногою; ученики разговаривали между собой, и только Фома внимательно и серьезно рассматривал его, как добросовестный портной, снимающий мерку. Иуда улыбнулся — Фома не ответил на улыбку, но, видимо, принял ее в расчет, как и все остальное, и продолжал разглядывать. Но что-то неприятное тревожило левую сторону Иудина лица — оглянулся: на него из темного угла холодными и красивыми очами смотрит Иоанн, красивый, чистый, не имеющий ни одного пятна на снежно-белой совести. И, идя, как и все ходят, но чувствуя так, будто он волочится по земле, подобно наказанной собаке, Иуда приблизился к нему и сказал:

— Почему ты молчишь, Иоанн? Твои слова как золотые яблоки в прозрачных серебряных сосудах, подари одно из них Иуде, который так беден.

Иоанн пристально смотрел в неподвижный, широко открытый глаз и молчал. И видел, как отполз Иуда, помедлил нерешительно и скрылся в темной глубине открытой двери.

Так как встала полная луна, то многие пошли гулять. Иисус также пошел гулять, и с невысокой кровли, где устроил свое ложе Иуда, он видел уходивших. В лунном свете каждая белая фигура казалась легкою и неторопливою и не шла, а точно скользила впереди своей черной тени; и вдруг человек пропадал в чем-то черном, и тогда слышался его голос. Когда же люди вновь появлялись под луной, они казались молчащими — как белые стены, как черные тени, как вся прозрачно-мглистая ночь. Уже почти все спали, когда Иуда услыхал тихий голос возвратившегося Христа. И все стихло в доме и вокруг него. Пропел петух; обиженно и громко, как днем, закричал где-то проснувшийся осел и неохотно, с перерывами умолк. А Иуда все не спал и слушал, притаившись. Луна осветила половину его лица и, как в замерзшем озере, отразилась странно в огромном открытом глазу.

Вдруг он что-то вспомнил и поспешно закашлял, потирая ладонью волосатую, здоровую грудь: быть может, кто-нибудь еще не спит и слушает, что думает Иуда.

II

Постепенно к Иуде привыкли и перестали замечать его безобразие. Иисус поручил ему денежный ящик, и вместе с этим на него легли все хозяйственные заботы: он покупал необходимую пищу и одежду, раздавал милостыню, а во время странствований приискивал место для остановки и ночлега. Все это он делал очень искусно, так что в скором времени заслужил расположение некоторых учеников, видевших его старания. Лгал Иуда постоянно, но и к этому привыкли, так как не видели за ложью дурных поступков, а разговору Иуды и его рассказам она придавала особенный интерес и делала жизнь похожею на смешную, а иногда и страшную сказку.

По рассказам Иуды выходило так, будто он знает всех людей и каждый человек, которого он знает, совершил в своей жизни какой-нибудь дурной поступок или

даже преступление. Хорошими же людьми, по его мнению, называются те, которые умеют скрывать свои дела и мысли; но если такого человека обнять, приласкать и выспросить хорошенько, то из него потечет, как гной из проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь. Он охотно сознавался, что иногда лжет и сам, но уверял с клятвою, что другие лгут еще больше, и если есть в мире кто-нибудь обманутый, так это он, Иуда. Случалось, что некоторые люди по многу раз обманывали его и так и этак. Так, некий хранитель сокровищ у богатого вельможи сознался ему однажды, что уже десять лет непрестанно хочет украсть вверенное ему имущество, но не может, так как боится вельможи и своей совести. И Иуда поверил ему — а он вдруг украл и обманул Иуду. Но и тут Иуда ему поверил — а он вдруг вернул украденное вельможе и опять обманул Иуду. И все обманывают его, даже животные: когда он ласкает собаку, она кусает его за пальцы, а когда он бьет ее палкой — она лижет ему ноги и смотрит в глаза, как дочь. Он убил эту собаку, глубоко зарыл ее и даже заложил большим камнем, но кто знает? Может быть, оттого, что он ее убил, она стала еще более живою и теперь не лежит в яме, а весело бегает с другими собаками.

Все весело смеялись на рассказ Иуды, и сам он приятно улыбался, щуря свой живой и насмешливый глаз, и тут же, с тою же улыбкой сознавался, что немного солгал; собаки этой он не убивал. Но он найдет ее непременно и убьет, потому что не желает быть обманутым.

Но иногда в своих рассказах он переходил границы вероятного и правдоподобного и приписывал людям такие наклонности, каких не имеет даже животное, обвинял в таких преступлениях, каких не было и никогда не бывает. И так как он называл при этом имена самых почтенных людей, то некоторые возмущались клеветою, другие же шутливо спрашивали:

— Ну, а твои отец и мать, Иуда, не были ли они хорошие люди?

Иуда прищуривал глаз, улыбался и разводил руками. И вместе с покачиванием головы качался его застывший, широко открытый глаз и молчаливо смотрел.

— А кто был мой отец? Может быть, тот человек, который бил меня розгой, а может быть, и дьявол, и козел, и петух. Разве может Иуда знать всех, с кем делила

ложе его мать? У Иуды много отцов; про которого вы говорите?

Но тут возмущались все, так как сильно почитали родителей, и Матфей, весьма начитанный в Писании, строго говорил словами Соломона:

— Кто злословит отца своего и мать свою, того светильник погаснет среди глубокой тьмы.

Иоанн же Зеведеев надменно бросал:

— Ну, а мы? Что о нас дурного скажешь ты, Иуда?

Но тот с притворным испугом замахал руками, сгорбился и заныл, как нищий, тщетно выпрашивающий подаяния у прохожего:

— Ах, искушают бедного Иуду! Смеются над Иудой, обмануть хотят бедного, доверчивого Иуду!

И пока в шутовских гримасах корчилась одна сторона его лица, другая качалась серьезно и строго, и широко смотрел никогда не смыкающийся глаз. Больше всех и громче всех хохотал над шутками Искариота Петр Симонов. Но однажды случилось так, что он вдруг нахмурился, сделался молчалив и печален и поспешно отвел Иуду в сторону, таща его за рукав.

— А Иисус? Что ты думаешь об Иисусе? — наклонившись, спросил он громким шепотом.— Только не шути, прошу тебя.

Иуда злобно взглянул на него:

— А ты что думаешь?

Петр испуганно и радостно прошептал:

— Я думаю, что он — сын бога живого.

— Зачем же ты спрашиваешь? Что может тебе сказать Иуда, у которого отец козел!

— Но ты его любишь? Ты как будто никого не любишь, Иуда.

С той же странной злобою Искариот бросил отрывисто и резко:

— Люблю.

После этого разговора Петр дня два громко называл Иуду своим другом-осьминогом, а тот неповоротливо и все так же злобно старался ускользнуть от него куда-нибудь в темный угол и там сидел угрюмо, светлея своим белым несмыкающимся глазом.

Вполне серьезно слушал Иуду один только Фома: он не понимал шуток, притворства и лжи, игры словами и мыслями и во всем доискивался основательного и положительного. И все рассказы Искариота о дурных людях

и поступках он часто перебивал короткими деловыми замечаниями:

— Это нужно доказать. Ты сам это слышал? А кто еще был при этом, кроме тебя? Как его зовут?

Иуда раздражался и визгливо кричал, что он все это сам видел и сам слышал, но упрямый Фома продолжал допрашивать неотвязчиво и спокойно, пока Иуда не сознавался, что солгал, или не сочинял новой правдоподобной лжи, над которою тот надолго задумывался. И, найдя ошибку, немедленно приходил и равнодушно уличал лжеца. Вообще, Иуда возбуждал в нем сильное любопытство, и это создало между ними что-то вроде дружбы, полной крика, смеха и ругательств — с одной стороны, и спокойных, настойчивых вопросов — с другой. Временами Иуда чувствовал нестерпимое отвращение к своему странному другу и, пронизывая его острым взглядом, говорил раздраженно, почти с мольбою:

— Но чего ты хочешь? Я все сказал тебе, все.

— Я хочу, чтобы ты доказал, как может быть козел твоим отцом? — с равнодушной настойчивостью допрашивал Фома и ждал ответа.

Случилось, что после одного из таких вопросов Иуда вдруг замолчал и удивленно с ног до головы ощупал его глазом: увидел длинный, прямой стан, серое лицо, прямые прозрачно-светлые глаза, две толстые складки, идущие от носа и пропадающие в жесткой, ровно подстриженной бороде, и убедительно сказал:

— Какой ты глупый, Фома! Ты что видишь во сне: дерево, стену, осла?

И Фома как-то странно смутился и ничего не возразил. А ночью, когда Иуда уже заволакивал для сна свой живой и беспокойный глаз, он вдруг громко сказал с своего ложа — они оба спали теперь вместе на кровле:

— Ты не прав, Иуда. Я вижу очень дурные сны. Как ты думаешь: за свои сны также должен отвечать человек?

— А разве сны видит кто-нибудь другой, а не он сам?

Фома тихо вздохнул и задумался. А Иуда презрительно улыбнулся, плотно закрыл свой воровской глаз и спокойно отдался своим мятежным снам, чудовищным грезам, безумным видениям, на части раздиравшим его бугроватый череп.

Когда, во время странствований Иисуса по Иудее, путники приближались к какому-нибудь селению, Искариот

рассказывал дурное о жителях его и предвещал беду. Но почти всегда случалось так, что люди, о которых говорил он дурно, с радостью встречали Христа и его друзей, окружали их вниманием и любовью и становились верующими, а денежный ящик Иуды делался так полон, что трудно было его нести. И тогда над его ошибкой смеялись, а он покорно разводил руками и говорил:

— Так! Так! Иуда думал, что они плохие, а они хорошие: и поверили быстро, и дали денег. Опять, значит, обманули Иуду, бедного, доверчивого Иуду из Кариота!

Но как-то раз, уже далеко отойдя от селения, встретившего их радушно, Фома и Иуда горячо заспорили и, чтобы решить спор, вернулись обратно. Только на другой день догнали они Иисуса с учениками, и Фома имел вид смущенный и грустный, а Иуда глядел так гордо, как будто ожидал, что вот сейчас все начнут его поздравлять и благодарить. Подойдя к учителю, Фома решительно заявил:

— Иуда прав, господи. Это были злые и глупые люди, и на камень упало семя твоих слов.

И рассказал, что произошло в селении. Уж после ухода из него Иисуса и его учеников одна старая женщина начала кричать, что у нее украли молоденького беленького козленка, и обвинила в покраже ушедших. Вначале с нею спорили, а когда она упрямо доказывала, что больше некому было украсть, как Иисусу, то многие поверили и даже хотели пуститься в погоню. И хотя вскоре нашли козленка запутавшимся в кустах, но все-таки решили, что Иисус обманщик и, может быть, даже вор.

— Так вот как! — вскричал Петр, раздувая ноздри.— Господи, хочешь, я вернусь к этим глупцам, и...

Но молчавший все время Иисус сурово взглянул на него, и Петр замолчал и скрылся сзади, за спинами других. И уже никто больше не заговаривал о происшедшем, как будто ничего не случилось совсем и как будто не прав оказался Иуда. Напрасно со всех сторон показывал он себя, стараясь сделать скромным свое раздвоенное хищное, с крючковатым носом лицо,— на него не глядели, а если кто и взглядывал, то очень недружелюбно, даже с презрением как будто.

И с этого же дня как-то странно изменилось к нему отношение Иисуса. И прежде почему-то было так, что Иуда никогда не говорил прямо с Иисусом, и тот никогда прямо не обращался к нему, но зато часто взглядывал

на него ласковыми глазами, улыбался на некоторые его шутки, и если долго не видел, то спрашивал: а где же Иуда? А теперь глядел на него, точно не видя, хотя по-прежнему — и даже упорнее, чем прежде,— искал его глазами всякий раз, когда начинал говорить к ученикам или к народу, но или садился к нему спиною и через голову бросал слова свои на Иуду, или делал вид, что совсем его не замечает. И что бы он ни говорил, хотя бы сегодня одно, а завтра другое, хотя бы даже то самое, что думает Иуда,— казалось, однако, что он всегда говорит против Иуды. И для всех он был нежным и прекрасным цветком, благоухающей розою ливанскою, а для Иуды оставлял одни только острые шипы — как будто нет сердца у Иуды, как будто глаз и носа нет у него и не лучше, чем все, понимает он красоту нежных и беспорочных лепестков.

— Фома! Ты любишь желтую ливанскую розу, у которой смуглое лицо и глаза, как у серны? — спросил он своего друга однажды, и тот равнодушно ответил:

— Розу? Да, мне приятен ее запах. Но я не слыхал, чтобы у роз были смуглые лица и глаза, как у серны.

— Как? Ты не знаешь и того, что у многорукого кактуса, который вчера разорвал твою новую одежду, один только красный цветок и один только глаз?

Но и этого не знал Фома, хотя вчера кактус действительно вцепился в его одежду и разорвал ее на жалкие клочки. Он ничего не знал, этот Фома, хотя обо всем расспрашивал и смотрел так прямо своими прозрачными и ясными глазами, сквозь которые, как сквозь финикийское стекло, было видно стену позади и привязанного к ней понурого осла.

Произошел некоторое время спустя и еще один случай, в котором опять-таки правым оказался Иуда. В одном иудейском селении, которое он настолько не хвалил, что даже советовал обойти его стороною, Христа приняли очень враждебно, а после проповеди его и обличения лицемеров пришли в ярость и хотели побить камнями его и учеников. Врагов было много, и, несомненно, им удалось бы осуществить свое пагубное намерение, если бы не Иуда из Кариота. Охваченный безумным страхом за Иисуса, точно видя уже капли крови на его белой рубашке, Иуда яростно и слепо бросался на толпу, грозил, кричал, умолял и лгал и тем дал время и возможность уйти Иисусу и ученикам. Разительно проворный, как будто он бегал на

десятке ног, смешной и страшный в своей ярости и мольбах, он бешено метался перед толпою и очаровывал ее какой-то странной силой. Он кричал, что вовсе не одержим бесом Назарей, что он просто обманщик, вор, любящий деньги, как и все его ученики, как и сам Иуда,— потрясал денежным ящиком, кривлялся и молил, припадая к земле. И постепенно гнев толпы перешел в смех и отвращение, и опустились поднятые с каменьями руки.

— Недостойны эти люди, чтобы умереть от руки честного,— говорили одни, в то время как другие задумчиво провожали глазами быстро удалявшегося Иуду.

И снова ожидал Иуда поздравлений, похвал и благодарности, и выставлял на вид свою изодранную одежду, и лгал, что били его,— но и на этот раз был он непонятно обманут. Разгневанный Иисус шел большими шагами и молчал, и даже Иоанн с Петром не осмеливались приблизиться к нему; и все, кому попадался на глаза Иуда в изодранной одежде, с своим счастливо-возбужденным, но все же еще немного испуганным лицом, отгоняли его от себя короткими и гневными восклицаниями. Как будто не он спас их всех, как будто не он спас их учителя, которого они так любят.

— Ты хочешь видеть глупцов? — сказал он Фоме, задумчиво шедшему сзади.— Посмотри: вот идут они по дороге, кучкой, как стадо баранов, и поднимают пыль. А ты, умный Фома, плетешься сзади, а я, благородный, прекрасный Иуда, плетусь сзади, как грязный раб, которому не место рядом с господином.

— Почему ты называешь себя прекрасным? — удивился Фома.

— Потому что я красив,— убежденно ответил Иуда и рассказал, многое прибавляя, как он обманул врагов Иисуса и посмеялся над ними и их глупыми каменьями.

— Но ты солгал! — сказал Фома.

— Ну да, солгал,— согласился спокойно Искариот.— Я им дал то, что они просили, а они мне вернули то, что мне нужно. И что такое ложь, мой умный Фома? Разве не большею ложью была бы смерть Иисуса?

— Ты поступил нехорошо. Теперь я верю, что отец твой — дьявол. Это он научил тебя, Иуда.

Лицо Искариота побелело и вдруг как-то быстро надвинулось на Фому — словно белое облако нашло и закрыло дорогу Иисуса. Мягким движением Иуда так же быстро прижал его к себе, прижал сильно, парализуя движения, зашептал в ухо:

— Значит, дьявол научил меня? Так, так, Фома. А я спас Иисуса? Значит, дьявол любит Иисуса, значит, дьяволу нужен Иисус и правда? Так, так, Фома. Но ведь мой отец не дьявол, а козел. Может, и козлу нужен Иисус? Хе? А вам он не нужен, нет? И правда не нужна?

Рассерженный и слегка испуганный Фома с трудом вырвался из липких объятий Иуды и быстро зашагал вперед, но вскоре замедлил шаги, стараясь понять происшедшее.

А Иуда тихонько плелся сзади и понемногу отставал. Вот в отдалении смешались в пеструю кучку идущие, и уже нельзя было рассмотреть, которая из этих маленьких фигурок Иисус. Вот и маленький Фома превратился в серую точку — и внезапно все пропали за поворотом. Оглянувшись, Иуда сошел с дороги и огромными скачками спустился в глубину каменистого оврага. От быстрого и порывистого бега платье его раздувалось и руки взмывали вверх, как для полета. Вот на обрыве он поскользнулся и быстрым серым комком скатился вниз, обдираясь о камни, вскочил и гневно погрозил горе кулаком:

— Ты еще, проклятая!..

И, внезапно сменив быстроту движений угрюмой и сосредоточенной медленностью, выбрал место у большого камня и сел неторопливо. Повернулся, точно ища удобного положения, прижал руки, ладонь с ладонью, к серому камню и тяжело прислонился к ним головою. И так час и два сидел он, не шевелясь и обманывая птиц, неподвижный и серый, как сам серый камень. И впереди его, и сзади, и со всех сторон поднимались стены оврага, острой линией обрезая края синего неба; и всюду, впиваясь в землю, высились огромные серые камни — словно прошел здесь когда-то каменный дождь и в бесконечной думе застыли его тяжелые капли. И на опрокинутый, обрубленный череп похож был этот дико-пустынный овраг, и каждый камень в нем был как застывшая мысль, и их было много, и все они думали — тяжело, безгранично, упорно.

Вот дружелюбно проковылял возле Иуды на своих шатких ногах обманутый скорпион. Иуда взглянул на него, не отнимая от камня головы, и снова неподвижно остановились на чем-то его глаза, оба неподвижные, оба покрытые белесою странною мутью, оба точно слепые и страшно зрячие. Вот из земли, из камней, из расселин стала подниматься спокойная ночная тьма, окутала неподвижного Иуду и быстро поползла вверх — к светлому,

побледневшему небу. Наступила ночь со своими мыслями и снами.

В эту ночь Иуда не вернулся на ночлег, и ученики, оторванные от дум своих хлопотами о пище и питье, роптали на его нерадивость.

III

Однажды, около полудня, Иисус и ученики его проходили по каменистой и горной дороге, лишенной тени, и так как уже более пяти часов находились в пути, то начал Иисус жаловаться на усталость. Ученики остановились, и Петр с другом своим Иоанном разостлали на земле плащи свои и других учеников, сверху же укрепили их между двумя высокими камнями и таким образом сделали для Иисуса как бы шатер. И он возлег в шатре, отдыхая от солнечного зноя, они же развлекали его веселыми речами и шутками. Но, видя, что и речи утомляют его, сами же будучи мало чувствительны к усталости и жару, удалились на некоторое расстояние и предались различным занятиям. Кто по склону горы между камнями разыскивал съедобные корни и, найдя, приносил Иисусу; кто, взбираясь все выше и выше, искал задумчиво границ голубеющей дали и, не находя, поднимался на новые островерхие камни. Иоанн нашел между камней красивую, голубенькую ящерицу и в нежных ладонях, тихо смеясь, принес ее Иисусу; и ящерица смотрела своими выпуклыми, загадочными глазами в его глаза, а потом быстро скользнула холодным тельцем по его теплой руке и быстро унесла куда-то свой нежный, вздрагивающий хвостик.

Петр же, не любивший тихих удовольствий, а с ним Филипп занялись тем, что отрывали от горы большие камни и пускали их вниз, состязаясь в силе. И, привлеченные их громким смехом, понемногу собрались вокруг них остальные и приняли участие в игре. Напрягаясь, они отдирали от земли старый, обросший камень, поднимали его высоко обеими руками и пускали по склону. Тяжелый, он ударялся коротко и тупо и на мгновение задумывался; потом нерешительно делал первый скачок — и с каждым прикосновением к земле, беря от нее быстроту и крепость, становился легкий, свирепый, всеразрушающий. Уже не прыгал, а летел он с оскаленными зубами, и воздух, свистя, пропускал его тупую, круглую тушу.

Вот край — плавным последним движением камень взмывал кверху и спокойно, в тяжелой задумчивости, округло летел вниз, на дно невидимой пропасти.

— Ну-ка, еще один! — кричал Петр. Белые зубы его сверкали среди черной бороды и усов, мощная грудь и руки обнажились, и старые сердитые камни, тупо удивляясь поднимающей их силе, один за другим покорно уносились в бездну. Даже хрупкий Иоанн бросал небольшие камешки, и, тихо улыбаясь, смотрел на их забаву Иисус.

— Что же ты, Иуда? Отчего ты не примешь участие в игре — это, по-видимому, так весело? — спросил Фома, найдя своего странного друга в неподвижности, за большим серым камнем.

— У меня грудь болит, и меня не звали.

— А разве нужно звать? Ну, так вот я тебя зову, иди. Посмотри, какие камни бросает Петр.

Иуда как-то боком взглянул на него, и тут Фома впервые смутно почувствовал, что у Иуды из Кариота — два лица. Но не успел он этого понять, как Иуда сказал своим обычным тоном, льстивым и в то же время насмешливым:

— Разве есть кто-нибудь сильнее Петра? Когда он кричит, все ослы в Иерусалиме думают, что пришел их Мессия, и тоже поднимают крик. Ты слышал когда-нибудь их крик, Фома?

И, приветливо улыбаясь и стыдливо запахивая одеждою грудь, поросшую курчавыми рыжими волосами, Иуда вступил в круг играющих. И так как всем было очень весело, то встретили его с радостью и громкими шутками, и даже Иоанн снисходительно улыбнулся, когда Иуда, кряхтя и притворно охая, взялся за огромный камень. Но вот он легко поднял его и бросил, и слепой, широко открытый глаз его, покачнувшись, неподвижно уставился на Петра, а другой, лукавый и веселый, налился тихим смехом.

— Нет, ты еще брось! — сказал Петр обиженно.

И вот один за другим поднимали они и бросали гигантские камни, и, удивляясь, смотрели на них ученики. Петр бросал большой камень — Иуда, продолжая улыбаться, отыскивал глазом еще больший обломок, ласково впивался в него длинными пальцами, облипал его, качался вместе с ним и, бледнея, посылал его в пропасть. Бросив свой камень, Петр откидывался назад и так следил за

его падением — Иуда же наклонялся вперед, выгибался и простирал длинные шевелящиеся руки, точно сам хотел улететь за камнем. Наконец оба они, сперва Петр, потом Иуда, схватились за старый, седой камень — и не могли его поднять, ни тот, ни другой. Весь красный, Петр решительно подошел к Иисусу и громко сказал:

— Господи! Я не хочу, чтобы Иуда был сильнее меня. Помоги мне поднять тот камень и бросить.

И тихо ответил ему что-то Иисус. Петр недовольно пожал широкими плечами, но ничего не осмелился возразить и вернулся назад со словами:

— Он сказал: а кто поможет Искариоту?

Но вот взглянул он на Иуду, который, задыхаясь и крепко стиснув зубы, продолжал еще обнимать упорный камень, и весело засмеялся:

— Вот так больной! Посмотрите, что делает наш больной, бедный Иуда!

И засмеялся сам Иуда, так неожиданно уличенный в своей лжи, и засмеялись все остальные — даже Фома слегка раздвинул улыбкой свои прямые, нависшие на губы, серые усы. И так, дружелюбно болтая и смеясь, все двинулись в путь, и Петр, совершенно примирившийся с победителем, время от времени подталкивал его кулаком в бок и громко хохотал:

— Вот так больной!

Все хвалили Иуду, все признавали, что он победитель, все дружелюбно болтали с ним, но Иисус — но Иисус и на этот раз не захотел похвалить Иуду. Молча шел он впереди, покусывая сорванную травинку; и понемногу один за другим переставали смеяться ученики и переходили к Иисусу. И в скором времени опять вышло так, что все они тесною кучкою шли впереди, а Иуда — Иуда-победитель — Иуда сильный — один плелся сзади, глотая пыль.

Вот они остановились, и Иисус положил руку на плечо Петра, другою рукою указывая вдаль, где уже показался в дымке Иерусалим. И широкая, могучая спина Петра бережно приняла эту тонкую, загорелую руку.

На ночлег они остановились в Вифании, в доме Лазаря. И когда все собрались для беседы, Иуда подумал, что теперь вспомнят о его победе над Петром, и сел поближе. Но ученики были молчаливы и необычно задумчивы. Образы пройденного пути: и солнце, и камень, и трава, и Христос, возлежащий в шатре, тихо плыли в голове, навевая мягкую задумчивость, рождая смутные, но слад-

кие грезы о каком-то вечном движении под солнцем. Сладко отдыхало утомленное тело, и все оно думало о чем-то загадочно-прекрасном и большом — и никто не вспомнил об Иуде.

Иуда вышел. Потом вернулся. Иисус говорил, и в молчании слушали его речь ученики. Неподвижно, как изваяние, сидела у ног его Мария и, закинув голову, смотрела в его лицо. Иоанн, придвинувшись близко, старался сделать так, чтобы рука его коснулась одежды учителя, но не обеспокоила его. Коснулся — и замер. И громко и сильно дышал Петр, вторя дыханием своим речи Иисуса.

Искариот остановился у порога и, презрительно миновав взглядом собравшихся, весь огонь его сосредоточил на Иисусе. И по мере того как смотрел, гасло все вокруг него, одевалось тьмою и безмолвием, и только светлел Иисус с своею поднятой рукой. Но вот и он словно поднялся в воздух, словно растаял и сделался такой, как будто весь он состоял из надозерного тумана, пронизанного светом заходящей луны; и мягкая речь его звучала где-то далеко-далеко и нежно. И, вглядываясь в колеблющийся призрак, вслушиваясь в нежную мелодию далеких и призрачных слов, Иуда забрал в железные пальцы всю душу и в необъятном мраке ее молча начал строить что-то огромное. Медленно, в глубокой тьме, он поднимал какие-то громады, подобные горам, и плавно накладывал одна на другую; и снова поднимал, и снова накладывал; и что-то росло во мраке, ширилось беззвучно, раздвигало границы. Вот куполом почувствовал он голову свою, и в непроглядном мраке его продолжало расти огромное, и кто-то молча работал: поднимал громады, подобные горам, накладывая одну на другую, и снова поднимал... И нежно звучали где-то далекие и призрачные слова. Так стоял он, загораживая дверь, огромный и черный, и говорил Иисус, и громко вторило его словам прерывистое и сильное дыхание Петра. Но вдруг Иисус смолк — резким незаконченным звуком, и Петр, точно проснувшись, восторженно воскликнул:

— Господи! Тебе ведомы глаголы вечной жизни!

Но Иисус молчал и пристально глядел куда-то. И когда последовали за его взором, то увидели у дверей окаменевшего Иуду с раскрытым ртом и остановившимися глазами. И, не поняв, в чем дело, засмеялись. Матфей же, начитанный в Писании, притронулся к плечу Иуды и сказал словами Соломона:

— Смотрящий кротко — помилован будет, а встречающийся в воротах — стеснит других.

Иуда вздрогнул и даже вскрикнул слегка от испуга; и все у него — глаза, руки и ноги — точно побежало в разные стороны, как у животного, которое внезапно увидело над собою глаза человека. Прямо к Иуде шел Иисус и слово какое-то нес на устах своих — и прошел мимо Иуды в открытую и теперь свободную дверь.

Уже в середине ночи обеспокоенный Фома подошел к ложу Иуды, присел на корточки и спросил:

— Ты плачешь, Иуда?

— Нет. Отойди, Фома.

— Отчего же ты стонешь и скрипишь зубами? Ты нездоров?

Иуда помолчал, и из уст его, одно за другим, стали падать тяжелые слова, налитые тоскою и гневом.

— Почему он не любит меня? Почему он любит тех? Разве я не красивее, не лучше, не сильнее их? Разве не я спас ему жизнь, пока те бежали, согнувшись, как трусливые собаки?

— Мой бедный друг, ты не совсем прав. Ты вовсе не красив, и язык твой так же неприятен, как и твое лицо. Ты лжешь и злословишь постоянно, как же ты хочешь, чтобы тебя любил Иисус?

Но Иуда точно не слышал его и продолжал, тяжело шевелясь в темноте:

— Почему он не с Иудой, а с теми, кто его не любит? Иоанн принес ему ящерицу — я принес бы ему ядовитую змею. Петр бросал камни — я гору бы повернул для него! Но что такое ядовитая змея? Вот вырван у нее зуб, и ожерельем ложится она вокруг шеи. Но что такое гора, которую можно срыть руками и ногами потоптать? Я дал бы ему Иуду, смелого, прекрасного Иуду! А теперь он погибнет, и вместе с ним погибнет и Иуда.

— Ты что-то странно говоришь, Иуда!

— Сухая смоковница, которую нужно порубить секирою,— ведь это я, это обо мне он сказал. Почему же он не рубит? Он не смеет, Фома. Я его знаю: он боится Иуды! Он прячется от смелого, сильного, прекрасного Иуды! Он любит глупых, предателей, лжецов. Ты лжец, Фома, ты слыхал об этом?

Фома очень удивился и хотел возражать, но подумал,

что Иуда просто бранится, и только покачал в темноте головою. И еще сильнее затосковал Иуда; он стонал, скрежетал зубами, и слышно было, как беспокойно движется под покрывалом все его большое тело.

— Что так болит у Иуды? Кто приложил огонь к его телу? Он сына своего отдает собакам! Он дочь свою отдает разбойникам на поругание, невесту свою — на непотребство. Но разве не нежное сердце у Иуды? Уйди, Фома, уйди, глупый. Пусть один останется сильный, смелый, прекрасный Иуда!

IV

Иуда утаил несколько динариев, и это открылось благодаря Фоме, который видел случайно, сколько было дано денег. Можно было предположить, что это уже не первый раз Иуда совершает кражу, и все пришли в негодование. Разгневанный Петр схватил Иуду за ворот его платья и почти волоком притащил к Иисусу, и испуганный, побледневший Иуда не сопротивлялся.

— Учитель, смотри! Вот он — шутник! Вот он — вор! Ты ему поверил, а он крадет наши деньги. Вор! Негодяй! Если ты позволишь, я сам...

Но Иисус молчал. И, внимательно взглянув на него, Петр быстро покраснел и разжал руку, державшую ворот. Иуда стыдливо оправился, искоса поглядел на Петра и принял покорно-угнетенный вид раскаявшегося преступника.

— Так вот как! — сердито сказал Петр и громко хлопнул дверью, уходя. И все были недовольны и говорили, что ни за что не останутся теперь с Иудою,— но Иоанн что-то быстро сообразил и проскользнул в дверь, за которой слышался тихий и как будто даже ласковый голос Иисуса. И когда по прошествии времени вышел оттуда, то был бледный и потупленные его глаза краснели как бы от недавних слез.

— Учитель сказал... Учитель сказал, что Иуда может брать денег, сколько он хочет.

Петр сердито засмеялся. Быстро, с укором взглянул на него Иоанн и, внезапно загоревшись весь, смешивая слезы с гневом, восторг со слезами, звонко воскликнул:

— И никто не должен считать, сколько денег получил Иуда. Он наш брат, и все деньги его, как и наши, и если ему нужно много, пусть берет много, никому не говоря и

ни с кем не советуясь. Иуда наш брат, и вы тяжко обидели его — так сказал учитель... Стыдно вам, братья!

В дверях стоял бледный, криво улыбавшийся Иуда, и легким движением Иоанн приблизился и трижды поцеловал его. За ним смущенно подошли Иаков, Филипп и другие — после каждого поцелуя Иуда вытирал рот, но чмокал громко, как будто этот звук доставлял ему удовольствие. Последним подошел Петр.

— Все мы тут глупые, все слепые, Иуда. Один он видит, один он умный. Мне можно поцеловать тебя?

— Отчего же? Целуй! — согласился Иуда.

Петр крепко поцеловал его и на ухо громко сказал:

— А я тебя чуть не удушил! Они хоть так, а я прямо за горло! Тебе не больно было?

— Немножко.

— Пойду к нему и все расскажу. Ведь я и на него рассердился,— мрачно сказал Петр, стараясь тихонько, без шума, отворить дверь.

— А что же ты, Фома? — строго спросил Иоанн, наблюдавший за действиями и словами учеников.

— Я еще не знаю. Мне нужно подумать.

И долго думал Фома, почти весь день. Разошлись по делам своим ученики, и уже где-то за стеною громко и весело кричал Петр, а он все соображал. Он сделал бы это быстрее, но ему несколько мешал Иуда, неотступно следивший за ним насмешливым взглядом и изредка серьезно спрашивавший:

— Ну как, Фома? Как идет дело?

Потом Иуда притащил свой денежный ящик и громко, звеня монетами и притворно не глядя на Фому, стал считать деньги.

— Двадцать один, двадцать два, двадцать три... Смотри, Фома, опять фальшивая монета. Ах, какие все люди мошенники, они даже жертвуют фальшивые деньги... Двадцать четыре... А потом опять скажут, что украл Иуда... Двадцать пять, двадцать шесть...

Фома решительно подошел к нему — уже к вечеру это было — и сказал:

— Он прав, Иуда. Дай я поцелую тебя.

— Вот как? Двадцать девять, тридцать. Напрасно. Я опять буду красть. Тридцать один...

— Как же можно красть, когда нет ни своего, ни чужого. Ты просто будешь брать, сколько тебе нужно, брат.

— И это столько времени тебе понадобилось, чтобы повторить только его слова? Не дорожишь же ты временем, умный Фома.

— Ты, кажется, смеешься надо мною, брат?

— И подумай, хорошо ли ты поступаешь, добродетельный Фома, повторяя слова его? Ведь это он сказал — «свое»,— а не ты. Это он поцеловал меня — вы же только осквернили мне рот. Я и до сих пор чувствую, как ползают по мне ваши мокрые губы. Это так отвратительно, добрый Фома. Тридцать восемь, тридцать девять, сорок. Сорок динариев, Фома; не хочешь ли проверить?

— Ведь он наш учитель. Как же нам не повторять слов учителя?

— Разве отвалился ворот у Иуды? Разве он теперь голый и его не за что схватить? Вот уйдет учитель из дому, и опять украдет нечаянно Иуда три динария, и разве не за тот же ворот вы схватите его?

— Мы теперь знаем, Иуда. Мы поняли.

— А разве не у всех учеников плохая память? И разве не всех учителей обманывали их ученики? Вот поднял учитель розгу — ученики кричат: мы знаем, учитель! А ушел учитель спать, и говорят ученики: не этому ли учил нас учитель? И тут. Сегодня утром ты назвал меня: вор. Сегодня вечером ты зовешь меня: брат. А как ты назовешь меня завтра?

Иуда засмеялся и, легко поднимая рукою тяжелый, звенящий ящик, продолжал:

— Когда дует сильный ветер, он поднимает сор. И глупые люди смотрят на сор и говорят: вот ветер! А это только сор, мой добрый Фома, ослиный помет, растоптанный ногами. Вот встретил он стену и тихо лег у подножия ее, а ветер летит дальше, ветер летит дальше, мой добрый Фома!

Иуда предупредительно показал рукой через стену и снова засмеялся.

— Я рад, что тебе весело,— сказал Фома.— Но очень жаль, что в твоей веселости много зла.

— Как же не быть веселым человеку, которого столько целовали и который так полезен? Если бы я не украл трех динариев, разве узнал бы Иоанн, что такое восторг? И разве не приятно быть крюком, на который вывешивает для просушки: Иоанн — свою отсыревшую добродетель, Фома — свой ум, поеденный молью?

— Мне кажется, что лучше мне уйти.

— Но ведь я же шучу. Я шучу, мой добрый Фома,— я только хотел знать, действительно ли ты желаешь поцеловать старого, противного Иуду, вора, который украл три динария и отдал их блуднице.

— Блуднице? — удивился Фома.— А об этом ты сказал учителю?

— Вот ты опять сомневаешься, Фома. Да, блуднице. Но если бы ты знал, Фома, что это была за несчастная женщина. Уже два дня она ничего не ела...

— Ты это знаешь наверное? — смутился Фома.

— Да, конечно. Ведь я сам два дня был с нею и видел, что она ничего не ест и пьет только красное вино. Она шаталась от истощения, и я падал вместе с нею...

Фома быстро встал и, уже отойдя на несколько шагов, кинул Иуде:

— По-видимому, в тебя вселился сатана, Иуда.

И, уходя, слышал в наступивших сумерках, как жалобно позванивал в руках Иуды тяжелый денежный ящик. И как будто смеялся Иуда.

Но уже на другой день Фоме пришлось сознаться, что он ошибся в Иуде — так прост, мягок и в то же время серьезен был Искариот. Он не кривлялся, не шутил злоречиво, не кланялся и не оскорблял, но тихо и незаметно делал свое хозяйственное дело. Был он проворен, как и прежде,— точно не две ноги, как у всех людей, а целый десяток имел их, но бегал бесшумно, без писка, воплей и смеха, похожего на смех гиены, каким раньше сопровождал он все действия свои. А когда Иисус начинал говорить, он тихо усаживался в углу, складывая свои руки и ноги, и смотрел так хорошо своими большими глазами, что многие обратили на это внимание. И о людях он перестал говорить дурное, и больше молчал, так что сам строгий Матфей счел возможным похвалить его, сказав словами Соломона:

— Скудоумный высказывает презрение к ближнему своему; но разумный человек молчит.

И поднял палец, намекая тем на прежнее злоречие Иуды. В скором времени и все заметили в Иуде эту перемену и порадовались ей; и только Иисус все так же чуждо смотрел на него, хотя прямо ничем не выражал своего нерасположения. И сам Иоанн, которому Иуда оказывал теперь глубокое почтение, как любимому ученику Иисуса и своему заступнику в случае с тремя динариями, стал относиться к нему несколько мягче и даже иногда вступал в беседу.

— Как ты думаешь, Иуда,— сказал он однажды снисходительно,— кто из нас, Петр или я, будет первым возле Христа в его небесном царствии?

Иуда подумал и ответил:

— Я полагаю, что ты.

— А Петр думает, что он,— усмехнулся Иоанн.

— Нет. Петр всех ангелов разгонит своим криком — ты слышишь, как он кричит? Конечно, он будет спорить с тобою и постарается первый занять место, так как уверяет, что тоже любит Иисуса,— но он уже староват, а ты молод, он тяжел на ногу, а ты бегаешь быстро, и ты первый войдешь туда со Христом. Не так ли?

— Да, я не оставлю Иисуса,— согласился Иоанн.

И в тот же самый день и с таким же вопросом обратился к Иуде Петр Симонов. Но, боясь, что громкий голос его будет услышан другими, отвел Иуду в самый дальний угол, за дом.

— Так как же ты думаешь? — тревожно спрашивал он.— Ты умный, тебя за ум сам учитель хвалит, и ты скажешь правду.

— Конечно, ты,— без колебания ответил Искариот; и Петр с негодованием воскликнул:

— Я ему говорил!

— Но, конечно, и там он будет стараться отнять у тебя первое место.

— Конечно!

— Но что он может сделать, когда место уже будет занято тобою? Ведь ты первый пойдешь туда с Иисусом? Ты не оставишь его одного? Разве не тебя назвал он — камень?

Петр положил руку на плечо Иуды и горячо сказал:

— Говорю тебе, Иуда, ты самый умный из нас. Зачем только ты такой насмешливый и злой? Учитель не любит этого. А то ведь и ты мог бы стать любимым учеником, не хуже Иоанна. Но только и тебе,— Петр угрожающе поднял руку,— не отдам я своего места возле Иисуса, ни на земле, ни там! Слышишь!

Так старался Иуда доставить всем приятное, но и свое что-то думал при этом. И, оставаясь все тем же скромным, сдержанным и незаметным, каждому умел сказать то, что ему особенно нравится. Так, Фоме он сказал:

— Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим.

Матфею же, который страдал некоторым излишест-

вом в пище и питие и стыдился этого, привел слова мудрого и почитаемого им Соломона:

— Праведник ест до сытости, а чрево беззаконных терпит лишение.

Но и приятное говорил редко, тем самым придавая ему особенную ценность, а больше молчал, внимательно прислушиваясь ко всему, что говорится, и думал о чем-то. Размышляющий Иуда имел, однако, вид неприятный, смешной и в то же время внушающий страх. Пока двигался его живой и хитрый глаз, Иуда казался простым и добрым, но когда оба глаза останавливались неподвижно и в старые бугры и складки собиралась кожа на его выпуклом лбу — являлась тягостная догадка о каких-то совсем особенных мыслях, ворочающихся под этим черепом. Совсем чужие, совсем особенные, совсем не имеющие языка, они глухим молчанием тайны окружали размышляющего Искариота, и хотелось, чтобы он поскорее начал говорить, шевелиться, даже лгать. Ибо сама ложь, сказанная человеческим языком, казалась правдою и светом перед этим безнадежно-глухим и неотзывчивым молчанием.

— Опять задумался, Иуда? — кричал Петр, своим ясным голосом и лицом внезапно разрывая глухое молчание Иудиных дум, отгоняя их куда-то в темный угол.— О чем ты думаешь?

— О многом,— с покойной улыбкой отвечал Искариот. И, заметив, вероятно, как нехорошо действует на других его молчание, чаще стал удаляться от учеников и много времени проводил в уединенных прогулках или же забирался на плоскую кровлю и там тихонько сидел. И уже несколько раз слегка пугался Фома, наткнувшись неожиданно в темноте на какую-то серую груду, из которой вдруг высовывались руки и ноги Иуды и слышался его шутливый голос.

Только однажды Иуда как-то особенно резко и странно напомнил прежнего Иуду, и произошло это как раз во время спора о первенстве в царстве небесном. В присутствии учителя Петр и Иоанн перекорялись друг с другом, горячо оспаривая свое место возле Иисуса: перечисляли свои заслуги, мерили степень своей любви к Иисусу, горячились, кричали, даже бранились несдержанно, Петр — весь красный от гнева, рокочущий; Иоанн — бледный и тихий, с дрожащими руками и кусающейся речью. Уже непристойным делался их спор и начал хму-

риться учитель, когда Петр взглянул случайно на Иуду и самодовольно захохотал; взглянул на Иуду Иоанн и также улыбнулся — каждый из них вспомнил, что говорил ему умный Искариот. И, уже предвкушая радость близкого торжества, они молча и согласно призвали Иуду в судьи, и Петр закричал:

— Ну-ка, умный Иуда! Скажи-ка нам, кто будет первый возле Иисуса — он или я?

Но Иуда молчал, дышал тяжело и глазами жадно спрашивал о чем-то спокойно-глубокие глаза Иисуса.

— Да,— подтвердил снисходительно Иоанн,— скажи ты ему, кто будет первый возле Иисуса.

Не отрывая глаз от Христа, Иуда медленно поднялся и ответил тихо и важно:

— Я!

Иисус медленно опустил взоры. И, тихо бия себя в грудь костлявым пальцем, Искариот повторил торжественно и строго:

— Я! Я буду возле Иисуса!

И вышел. Пораженные дерзкой выходкой, ученики молчали, и только Петр, вдруг вспомнив что-то, шепнул Фоме неожиданно тихим голосом:

— Так вот о чем он думает!.. Ты слышал?

V

Как раз в это время Иуда Искариот совершил первый, решительный шаг к предательству: тайно посетил первосвященника Анну. Был он встречен очень сурово, но не смутился этим и потребовал продолжительной беседы с глазу на глаз. И, оставшись наедине с сухим и суровым стариком, презрительно смотревшим на него из-под нависших, тяжелых век, рассказал, что он, Иуда, человек благочестивый и в ученики к Иисусу Назарею вступил с единственной целью уличить обманщика и предать его в руки закона.

— А кто он, этот Назарей? — пренебрежительно спросил Анна, делая вид, что в первый раз слышит имя Иисуса.

Иуда также сделал вид, что верит странному неведению первосвященника, и подробно рассказал о проповеди Иисуса и чудесах, ненависти его к фарисеям и храму, о постоянных нарушениях им закона и, наконец, о желании его исторгнуть власть из рук церковников и создать свое

особенное царство. И так искусно перемешивал правду с ложью, что внимательнее взглянул на него Анна и лениво сказал:

— Мало ли в Иудее обманщиков и безумцев?

— Нет, он опасный человек,— горячо возразил Иуда,— он нарушает закон. И пусть лучше один человек погибнет, чем весь народ.

Анна одобрительно кивнул головою.

— Но у него, кажется, много учеников?

— Да, много.

— И они, вероятно, очень любят его?

— Да, они говорят, что любят. Очень любят, больше, чем себя.

— Но если мы захотим взять его, не вступятся ли они? Не поднимут ли они восстания?

Иуда засмеялся продолжительно и зло.

— Они? Эти трусливые собаки, которые бегут, как только человек наклоняется за камнем. Они!

— Разве они такие дурные? — холодно спросил Анна.

— А разве дурные бегают от хороших, а не хорошие от дурных? Хе! Они хорошие и поэтому побегут. Они хорошие, и поэтому они спрячутся. Они хорошие, и поэтому они явятся только тогда, когда Иисуса надо будет класть в гроб. И они положат его сами, а ты только казни́!

— Но ведь они же любят его? Ты сам сказал.

— Своего учителя они всегда любят, но больше мертвым, чем живым. Когда учитель жив, он может спросить у них урок, и тогда им будет плохо. А когда учитель умирает, они сами становятся учителями, и плохо делается уже другим! Хе!

Анна проницательно взглянул на предателя, и сухие губы его сморщились — это значило, что Анна улыбается.

— Ты обижен ими? Я это вижу.

— Разве может укрыться что-либо от твоей проницательности, мудрый Анна? Ты проник в самое сердце Иуды. Да. Они обидели бедного Иуду. Они сказали, что он украл у них три динария,— как будто Иуда не самый честный человек в Израиле!

И еще долго говорили они об Иисусе, об учениках его, о гибельном влиянии его на израильский народ — но решительного ответа не дал на этот раз осторожный и хитрый Анна. Он уже давно следил за Иисусом и на тайных совещаниях с родственниками и друзьями своими, начальниками и саддукеями уже давно решил участь про-

рока из Галилеи. Но он не доверял Иуде, о котором и раньше слыхал как о дурном и лживом человеке, не доверял его легкомысленным надеждам на трусость учеников и народа. В свою силу Анна верил, но боялся кровопролития, боялся грозного бунта, на который так легко шел непокорный и гневливый народ иерусалимский, боялся, наконец, сурового вмешательства властей из Рима. Раздутая сопротивлением, оплодотворенная красной кровью народа, дающей жизнь всему, на что она падает,— еще сильнее разрастется ересь и в гибких кольцах своих задушит Анну, и власть, и всех его друзей. И когда во второй раз постучался к нему Искариот, Анна смутился духом и не принял его. Но и в третий и в четвертый раз пришел к нему Искариот, настойчивый, как ветер, который и днем и ночью стучится в запертую дверь и дышит в скважины ее.

— Я вижу, что боится чего-то мудрый Анна,— сказал Иуда, допущенный наконец к первосвященнику.

— Я довольно силен, чтобы ничего не бояться,— надменно ответил Анна, и Искариот раболепно поклонился, простирая руку.— Чего ты хочешь?

— Я хочу предать вам Назарея.

— Он нам не нужен.

Иуда поклонился и ждал, покорно устремив свой глаз на первосвященника.

— Ступай.

— Но я должен прийти опять. Не так ли, почтенный Анна?

— Тебя не пустят. Ступай.

Но вот и еще раз, и еще раз постучался Иуда из Кариота и был впущен к престарелому Анне. Сухой и злобный, удрученный мыслями, молча глядел он на предателя и точно считал волосы на бугроватой голове его. Но молчал и Иуда — точно и сам подсчитывал волоски в реденькой седой бородке первосвященника.

— Ну? Ты опять здесь? — надменно бросил, точно плюнул на голову, раздраженный Анна.

— Я хочу предать вам Назарея.

Оба замолчали, продолжая с вниманием разглядывать друг друга. Но Искариот смотрел спокойно, а Анну уже начала покалывать тихая злость, сухая и холодная, как предутренний иней зимою.

— Сколько же ты хочешь за твоего Иисуса?

— А сколько вы дадите?

Анна с наслаждением оскорбительно сказал:

— Вы все шайка мошенников. Тридцать сребреников — вот сколько мы дадим.

И тихо порадовался, видя, как весь затрепыхал, задвигался, забегал Иуда — проворный и быстрый, как будто не две ноги, а целый десяток их было у него.

— За Иисуса? Тридцать сребреников? — закричал он голосом дикого изумления, порадовавшим Анну.— За Иисуса Назарея! И вы хотите купить Иисуса за тридцать сребреников? И вы думаете, что вам могут продать Иисуса за тридцать сребреников?

Иуда быстро повернулся к стене и захохотал в ее белое плоское лицо, поднимая длинные руки:

— Ты слышишь? Тридцать сребреников! За Иисуса!

С той же тихой радостью Анна равнодушно заметил:

— Если не хочешь, то ступай. Мы найдем человека, который продаст дешевле.

И, точно торговцы старым платьем, которые на грязной площади перебрасывают с рук на руки негодную ветошь, кричат, клянутся и бранятся, они вступили в горячий и бешеный торг. Упиваясь странным восторгом, бегая, вертясь, крича, Иуда по пальцам вычислял достоинства того, кого он продает.

— А то, что он добр и исцеляет больных, это так уже ничего и не стоит, по-вашему? А? Нет, вы скажите, как честный человек!

— Если ты...— пробовал вставить порозовевший Анна, холодная злость которого быстро нагревалась на раскаленных словах Иуды; но тот беззастенчиво перебивал его:

— А то, что он красив и молод — как нарцисс саронский, как лилия долин? А? Это ничего не стоит? Вы, быть может, скажете, что он стар и никуда не годен, что Иуда продает вам старого петуха? А?

— Если ты...— старался кричать Анна, но его старческий голос, как пух ветром, уносила отчаянно-бурная речь Иуды.

— Тридцать сребреников! Ведь это одного обола не выходит за каплю крови! Половины обола не выходит за слезу! Четверть обола за стон! А крики! А судороги! А за то, чтобы его сердце остановилось? А за то, чтобы закрылись его глаза? Это даром? — вопил Искариот, наступая на первосвященника, всего его одевая безумным движением своих рук, пальцев, крутящихся слов.

— За все! За все! — задыхался Анна.

— А сами вы сколько наживаете на этом? Хе? Вы ограбить хотите Иуду, кусок хлеба вырвать у его детей? Я не могу! Я на площадь пойду, я кричать буду: Анна ограбил бедного Иуду! Спасите!

Утомленный, совсем закружившийся Анна бешено затопал по полу мягкими туфлями и замахал руками:

— Вон!.. Вон!..

Но Иуда вдруг смиренно согнулся и развел руками:

— Но если вы так... Зачем же ты сердишься на бедного Иуду, который желает добра своим детям? У тебя тоже есть дети, прекрасные молодые люди...

— Мы другого... Мы другого... Вон!

— Но разве я сказал, что я не могу уступить? И разве я вам не верю, что может прийти другой и отдать вам Иисуса за пятнадцать оболов? За два обола? За один?

И, кланяясь все ниже, извиваясь и льстя, Иуда покорно согласился на предложенные ему деньги. Дрожащею, сухою рукой порозовевший Анна отдал ему деньги и, молча отвернувшись и жуя губами, ждал, пока Иуда перепробовал на зубах все серебряные монеты. Изредка Анна оглядывался и, точно обжегшись, снова поднимал голову к потолку и усиленно жевал губами.

— Теперь так много фальшивых денег,— спокойно пояснил Иуда.

— Это деньги, пожертвованные благочестивыми людьми на храм,— сказал Анна, быстро оглянувшись и еще быстрее подставив глазам Иуды свой розоватый лысый затылок.

— Но разве благочестивые люди умеют отличать фальшивое от настоящего? Это умеют только мошенники.

Полученные деньги Иуда не отнес домой, но, выйдя за город, спрятал их под камнем. И назад он возвращался тихо, тяжелыми и медлительными шагами, как раненое животное, медленно уползающее в свою темную нору после жестокой и смертельной битвы. Но не было своей норы у Иуды, а был дом, и в этом доме он увидел Иисуса. Усталый, похудевший, измученный непрерывной борьбой с фарисеями, стеною белых, блестящих ученых лбов окружавших его каждодневно в храме, он сидел, прижавшись щекою к шершавой стене, и, по-видимому, крепко спал. В открытое окно влетали беспокойные звуки города, за стеной стучал Петр, сбивая для трапезы новый стол, и напевал тихую галилейскую

песенку — но он ничего не слышал и спал спокойно и крепко. И это был тот, кого они купили за тридцать сребреников.

Бесшумно продвинувшись вперед, Иуда с нежной осторожностью матери, которая боится разбудить свое больное дитя, с изумлением вылезшего из логовища зверя, которого вдруг очаровал беленький цветок, тихо коснулся его мягких волос и быстро отдернул руку. Еще раз коснулся — и выполз бесшумно.

— Господи! — сказал он.— Господи!

И, выйдя в место, куда ходили по нужде, долго плакал там, корчась, извиваясь, царапая ногтями грудь и кусая плечи. Ласкал воображаемые волосы Иисуса, нашептывал тихо что-то нежное и смешное и скрипел зубами. Потом внезапно перестал плакать, стонать и скрежетать зубами и тяжело задумался, склонив на сторону мокрое лицо, похожий на человека, который прислушивается. И так долго стоял он, тяжелый, решительный и всему чужой, как сама судьба.

...Тихою любовью, нежным вниманием, ласкою окружил Иуда несчастного Иисуса в эти последние дни его короткой жизни. Стыдливый и робкий, как девушка в своей первой любви, страшно чуткий и проницательный, как она,— он угадывал малейшие невысказанные желания Иисуса, проникал в сокровенную глубину его ощущений, мимолетных вспышек грусти, тяжелых мгновений усталости. И куда бы ни ступала нога Иисуса, она встречала мягкое, и куда бы ни обращался его взор, он находил приятное. Раньше Иуда не любил Марию Магдалину и других женщин, которые были возле Иисуса, грубо шутил над ними и причинял мелкие неприятности — теперь он стал их другом, смешным и неповоротливым союзником. С глубоким интересом разговаривал с ними о маленьких милых привычках Иисуса, подолгу с настойчивостью расспрашивая об одном и том же, таинственно совал деньги в руку, в самую ладонь,— и те приносили амбру, благовонное дорогое мирро, столь любимое Иисусом, и обтирали ему ноги. Сам покупал, отчаянно торгуясь, дорогое вино для Иисуса и потом очень сердился, когда почти все его выпивал Петр с равнодушием человека, придающего значение только количеству; и в каменистом Иерусалиме, почти вовсе лишенном деревьев, цветов и зелени, доставал откуда-то молоденькие весенние цветы,

зелененькую травку и через тех же женщин передавал Иисусу. Сам приносил на руках — первый раз в жизни — маленьких детей, добывая их где-то по дворам или на улице и принужденно целуя их, чтобы не плакали; и часто случалось, что к задумавшемуся Иисусу вдруг вползало на колени что-то маленькое, черненькое, с курчавыми волосами и грязным носиком и требовательно искало ласки. И пока оба они радовались друг на друга, Иуда строго прохаживался в стороне, как суровый тюремщик, который сам весною впустил к заключенному бабочку и теперь притворно ворчит, жалуясь на беспорядок.

По вечерам, когда вместе с тьмою у окон становилась на страже и тревога, Искариот искусно наводил разговор на Галилею, чуждую ему, но милую Иисусу Галилею, с ее тихой водой и зелеными берегами. И до тех пор раскачивал он тяжелого Петра, пока не просыпались в нем засохшие воспоминания и в ярких картинах, где все было громко, красочно и густо, не вставала перед глазами и слухом милая галилейская жизнь. С жадным вниманием, по-детски полуоткрыв рот, заранее смеясь глазами, слушал Иисус его порывистую, звонкую, веселую речь и иногда так хохотал над его шутками, что на несколько минут приходилось останавливать рассказ. Но еще лучше, чем Петр, рассказывал Иоанн; у него не было смешного и неожиданного, но все становилось таким задумчивым, необыкновенным и прекрасным, что у Иисуса показывались на глазах слезы и он тихонько вздыхал, а Иуда толкал в бок Марию Магдалину и с восторгом шептал ей:

— Как он рассказывает! Ты слышишь?

— Слышу, конечно.

— Нет, ты лучше слушай. Вы, женщины, никогда не умеете хорошо слушать.

Потом все тихо расходились спать, и Иисус нежно и с благодарностью целовал Иоанна и ласково гладил по плечу высокого Петра.

И без зависти, с снисходительным презрением смотрел Иуда на эти ласки. Что значат все эти рассказы, эти поцелуи и вздохи сравнительно с тем, что знает он, Иуда из Кариота, рыжий, безобразный иудей, рожденный среди камней!

VI

Одною рукой предавая Иисуса, другой рукой Иуда старательно искал расстроить свои собственные планы. Он не отговаривал Иисуса от последнего, опасного путешествия в Иерусалим, как делали это женщины, он даже склонялся скорее на сторону родственников Иисуса и тех его учеников, которые победу над Иерусалимом считали необходимою для полного торжества дела. Но настойчиво и упорно предупреждал он об опасности и в живых красках изображал грозную ненависть фарисеев к Иисусу, их готовность пойти на преступление и тайно или явно умертвить пророка из Галилеи. Каждый день и каждый час говорил он об этом, и не было ни одного из верующих, перед кем не стоял бы Иуда, подняв грозящий палец, и не говорил бы предостерегающе и строго:

— Нужно беречь Иисуса! Нужно беречь Иисуса! Нужно заступиться за Иисуса, когда придет на то время.

Но безграничная ли вера учеников в чудесную силу их учителя, сознание ли правоты своей или просто ослепление — пугливые слова Иуды встречались улыбкою, а бесконечные советы вызывали даже ропот. Когда Иуда добыл откуда-то и принес два меча, только Петру понравилось это, и только Петр похвалил мечи и Иуду, остальные же недовольно сказали:

— Разве мы воины, что должны опоясываться мечами? И разве Иисус не пророк, а военачальник?

— Но если они захотят умертвить его?

— Они не посмеют, когда увидят, что весь народ идет за ним.

— А если посмеют? Тогда что?

Иоанн говорил пренебрежительно:

— Можно подумать, что только один ты, Иуда, любишь учителя.

И, жадно вцепившись в эти слова, совсем не обижаясь, Иуда начинал допрашивать торопливо, горячо, с суровой настойчивостью:

— Но вы его любите, да?

И не было ни одного из верующих, приходивших к Иисусу, кого он не спросил бы неоднократно:

— А ты его любишь? Крепко любишь?

И все отвечали, что любят.

Он часто беседовал с Фомой и, подняв предостере-

гающе сухой, цепкий палец с длинным и грязным ногтем, таинственно предупреждал его:

— Смотри, Фома, близится страшное время. Готовы ли вы к нему? Почему ты не взял меча, который я принес?

Фома рассудительно ответил:

— Мы люди, непривычные к обращению с оружием. И если мы вступим в борьбу с римскими воинами, то они всех нас перебьют. Кроме того, ты принес только два меча — что можно сделать двумя мечами?

— Можно еще достать. Их можно отнять у воинов,— нетерпеливо возразил Иуда, и даже серьезный Фома улыбнулся сквозь прямые, нависшие усы:

— Ах, Иуда, Иуда! А эти где ты взял? Они похожи на мечи римских солдат.

— Это я украл. Можно было еще украсть, но там закричали — и я убежал.

Фома задумался и печально сказал:

— Опять ты поступил нехорошо, Иуда. Зачем ты крадешь?

— Но ведь нет же чужого!

— Да, но завтра воинов спросят: а где ваши мечи? И, не найдя, накажут их без вины.

И впоследствии, уже после смерти Иисуса, ученики припоминали эти разговоры Иуды и решили, что вместе с учителем хотел он погубить и их, вызвав на неравную и убийственную борьбу. И еще раз прокляли ненавистное имя Иуды из Кариота, предателя.

А рассерженный Иуда, после каждого такого разговора, шел к женщинам и плакался перед ними. И охотно слушали его женщины. То женственное и нежное, что было в его любви к Иисусу, сблизило его с ними, сделало его в их глазах простым, понятным и даже красивым, хотя по-прежнему в его обращении с ними сквозило некоторое пренебрежение.

— Разве это люди? — горько жаловался он на учеников, доверчиво устремляя на Марию свой слепой и неподвижный глаз.— Это же не люди! У них нет крови в жилах даже на обол!

— Но ведь ты же всегда говорил дурно о людях,— возражала Мария.

— Разве я когда-нибудь говорил о людях дурно? — удивлялся Иуда.— Ну да, я говорил о них дурно, но разве не могли бы они быть немного лучше? Ах, Мария,

глупая Мария, зачем ты не мужчина и не можешь носить меча!

— Он так тяжел, я не подниму его,— улыбнулась Мария.

— Поднимешь, когда мужчины будут так плохи. Отдала ли ты Иисусу лилию, которую нашел я в горах? Я встал рано утром, чтобы найти ее, и сегодня было такое красное солнце, Мария! Рад ли был он? Улыбнулся ли он?

— Да, он был рад. Он сказал, что от цветка пахнет Галилеей.

— И ты, конечно, не сказала ему, что это Иуда достал, Иуда из Кариота?

— Ты же просил не говорить.

— Нет, не надо, конечно, не надо,— вздохнул Иуда.— Но ты могла проболтаться, женщины так болтливы. Но ты не проболталась, нет? Ты была тверда? Так, так, Мария, ты хорошая женщина. Ты знаешь, у меня где-то есть жена. Теперь бы я хотел посмотреть на нее: быть может, она тоже неплохая женщина. Не знаю. Она говорила: Иуда лгун, Иуда Симонов злой, и я ушел от нее. Но, может быть, она и хорошая женщина, ты не знаешь?

— Как же я могу знать, когда я ни разу не видела твоей жены?

— Так, так, Мария. А как ты думаешь, тридцать сребреников — это большие деньги? Или нет, небольшие?

— Я думаю, что небольшие.

— Конечно, конечно. А сколько ты получала, когда была блудницей? Пять серебреников или десять? Ты была дорогая?

Мария Магдалина покраснела и опустила голову, так что пышные золотистые волосы совсем закрыли ее лицо: виднелся только круглый и белый подбородок.

— Какой ты недобрый, Иуда! Я хочу забыть об этом, а ты вспоминаешь.

— Нет, Мария, этого забывать не надо. Зачем? Пусть другие забывают, что ты была блудницей, а ты помни.

— Ведь это грех.

— Тому страшно, кто греха еще не совершал. А кто уже совершил его — чего бояться тому? Разве мертвый боится смерти, а не живой? А мертвый смеется над живым и над страхом его.

Так дружелюбно сидели они и болтали по целым часам — он, уже старый, сухой, безобразный, со своею буг-

роватой головой и дико раздвоившимся лицом; она — молодая, стыдливая, нежная, очарованная жизнью, как сказкою, как сном.

А время равнодушно протекало, и тридцать сребреников лежали под камнем, и близился неумолимо страшный день предательства. Уже вступил Иисус в Иерусалим на осляти, и, расстилая одежды по пути его, приветствовал его народ восторженными криками:

— Осанна! Осанна! Грядый во имя господне!

И так велико было ликование, так неудержимо в криках рвалась к нему любовь, что плакал Иисус, а ученики его говорили гордо:

— Не сын ли это божий с нами?

И сами кричали торжествующе:

— Осанна! Осанна! Грядый во имя господне!

В тот вечер долго не отходили ко сну, вспоминая торжественную и радостную встречу, а Петр был как сумасшедший, как одержимый бесом веселия и гордости. Он кричал, заглушая все речи своим львиным рыканием, хохотал, бросая свой хохот на головы, как круглые, большие камни, целовал Иоанна, целовал Иакова и даже поцеловал Иуду. И сознался шумно, что он очень боялся за Иисуса, а теперь ничего не боится, потому что видел любовь народа к Иисусу. Удивительно быстро двигая живым и зорким глазом, смотрел по сторонам Искариот; задумывался и вновь слушал и смотрел; потом отвел в сторону Фому и, точно прикалывая его к стене своим острым взором, спросил в недоумении, страхе и какой-то смутной надежде:

— Фома! А что, если он прав? Если камни у него под ногами, а у меня под ногою — песок только?

— Про кого ты говоришь? — осведомился Фома.

— Как же тогда Иуда из Кариота? Тогда я сам должен удушить его, чтобы сделать правду. Кто обманывает Иуду: вы или сам Иуда? Кто обманывает Иуду? Кто?

— Я тебя не понимаю, Иуда. Ты говоришь очень непонятно. Кто обманывает Иуду? Кто прав?

И, покачивая головою, Иуда повторил, как эхо:

— Кто обманывает Иуду? Кто прав?

И на другой еще день в том, как поднимал Иуда руку с откинутым большим пальцем, как он смотрел на Фому, звучал все тот же странный вопрос:

— Кто обманывает Иуду? Кто прав?

И еще больше удивился и даже обеспокоился Фома.

когда вдруг ночью зазвучал громкий и как будто радостный голос Иуды:

— Тогда не будет Иуды из Кариота. Тогда не будет Иисуса. Тогда будет... Фома, глупый Фома! Хотелось ли тебе когда-нибудь взять землю и поднять ее? И, может быть, бросить потом.

— Это невозможно. Что ты говоришь, Иуда!

— Это возможно,— убежденно сказал Искариот.— И мы ее поднимем когда-нибудь, когда ты будешь спать, глупый Фома. Спи! Мне весело, Фома! Когда ты спишь, у тебя в носу играет галилейская свирель. Спи!

Но вот уже разошлись по Иерусалиму верующие и скрылись в домах, за стенами, и загадочны стали лица встречных. Погасло ликование. И уже смутные слухи об опасности поползли в какие-то щели; пробовал сумрачный Петр подаренный ему Иудою меч. И все печальнее и строже становилось лицо учителя. Так быстро пробегало время и неумолимо приближало страшный день предательства. Вот прошла и последняя вечеря, полная печали и смутного страха, и уже прозвучали неясные слова Иисуса о ком-то, кто предаст его.

— Ты знаешь, кто его предаст? — спрашивал Фома, смотря на Иуду своими прямыми и ясными, почти прозрачными глазами.

— Да, знаю,— ответил Иуда, суровый и решительный.— Ты, Фома, предашь его. Но он сам не верит тому, что говорит! Пора! Пора! Почему он не зовет к себе сильного, прекрасного Иуду?

...Уже не днями, а короткими, быстро летящими часами мерялось неумолимое время. И был вечер, и вечерняя тишина была, и длинные тени ложились по земле — первые острые стрелы грядущей ночи великого боя, когда прозвучал печальный и суровый голос. Он говорил:

— Ты знаешь, куда я иду, господи? Я иду предать тебя в руки твоих врагов.

И было долгое молчание, тишина вечера и острые, черные тени.

— Ты молчишь, господи? Ты приказываешь мне идти?

И снова молчание.

— Позволь мне остаться. Но ты не можешь? Или не смеешь? Или не хочешь?

И снова молчание, огромное, как глаза вечности.

— Но ведь ты знаешь, что я люблю тебя. Ты все знаешь. Зачем ты так смотришь на Иуду? Велика тайна

твоих прекрасных глаз, но разве моя — меньше? Повели мне остаться!.. Но ты молчишь, ты все молчишь? Господи, господи, затем ли в тоске и муках искал я тебя всю мою жизнь, искал и нашел! Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжелее гор и свинца. Разве ты не слышишь, как трещит под нею грудь Иуды из Кариота?

И последнее молчание, бездонное, как последний взгляд вечности.

— Я иду.

Даже не проснулась вечерняя тишина, не закричала и не заплакала она и не зазвенела тихим звоном своего тонкого стекла — так слаб был шум удалявшихся шагов. Прошумели и смолкли. И задумалась вечерняя тишина, протянулась длинными тенями, потемнела — и вдруг вздохнула вся шелестом тоскливо взметнувшихся листьев, вздохнула и замерла, встречая ночь.

Затолклись, захлопали, застучали другие голоса — точно развязал кто-то мешок с живыми звонкими голосами, и они попáдали оттуда на землю, по одному, по два, целой кучей. Это говорили ученики. И, покрывая их всех, стукаясь о деревья, о стены, падая на самого себя, загремел решительный и властный голос Петра — он клялся, что никогда не оставит учителя своего.

— Господи,— говорил он с тоскою и гневом.— Господи! С тобою я готов и в темницу и на смерть идти.

И тихо, как мягкое эхо чьих-то удалявшихся шагов, прозвучал беспощадный ответ:

— Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься от меня.

VII

Уже встала луна, когда Иисус собрался идти на гору Елеонскую, где проводил он все последние ночи свои. Но непонятно медлил он, и ученики, готовые тронуться в путь, торопили его; тогда он сказал внезапно:

— Кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч. Ибо сказываю вам, что должно исполниться на мне и этому написанному: «И к злодеям причтен».

Ученики удивились и смотрели друг на друга с смущением. Петр же ответил:

— Господи! Вот здесь два меча.

Он взглянул испытующе на их добрые лица, опустил голову и сказал тихо:

— Довольно.

Звонко отдавались в узких улицах шаги идущих — и пугались ученики звука шагов своих; на белой стене, озаренной луною, вырастали их черные тени — и теней своих пугались они. Так молча проходили они по спящему Иерусалиму, и вот уже за ворота города они вышли, и в глубокой лощине, полной загадочно-неподвижных теней, открылся им Кедронский поток. Теперь их пугало все. Тихое журчание и плеск воды на камнях казались им голосами подкрадывающихся людей; уродливые тени скал и деревьев, преграждающие дорогу, беспокоили их пестротою своею, и движением казалась их ночная неподвижность. Но, по мере того как поднимались они в гору и приближались к Гефсиманскому саду, где в безопасности и тишине уже провели столько ночей, они делались смелее. Изредка оглядываясь на оставленный Иерусалим, весь белый под луною, они разговаривали между собой о минувшем страхе; и те, которые шли сзади, слышали отрывочно тихие слова Иисуса. О том, что все покинут его, говорил он.

В саду, в начале его, они остановились. Большая часть осталась на месте и с тихим говором начала готовиться ко сну, расстилая плащи в прозрачном кружеве теней и лунного света. Иисус же, томимый беспокойством, и четверо его ближайших учеников пошли дальше, в глубину сада. Там сели они на земле, не остывшей еще от дневного жара, и, пока Иисус молчал, Петр и Иоанн лениво перекидывались словами, почти лишенными смысла. Зевая от усталости, они говорили о том, как холодна ночь, и о том, как дорого мясо в Иерусалиме, рыбы же совсем нельзя достать. Старались точным числом определить количество паломников, собравшихся к празднику в город, и Петр, громкою зевотою растягивая слова, говорил, что двадцать тысяч, а Иоанн и брат его Иаков уверяли так же лениво, что не больше десяти. Вдруг Иисус быстро поднялся.

— Душа моя скорбит смертельно. Побудьте здесь и бодрствуйте,— сказал он и быстрыми шагами удалился в чащу и скоро пропал в неподвижности теней и света.

— Куда он? — сказал Иоанн, поднявшись на локте.

Петр повернул голову вслед ушедшему и утомленно ответил:

— Не знаю.

И, еще раз громко зевнув, опрокинулся на спину и затих. Затихли и остальные, и крепкий сон здоровой усталости охватил их неподвижные тела. Сквозь тяжелую дрему Петр видел смутно что-то белое, наклонившееся над ним, и чей-то голос прозвучал и погас, не оставив следа в его помрачненном сознании.

— Симон, ты спишь?

И опять он спал, и опять какой-то тихий голос коснулся его слуха и погас, не оставив следа:

— Так ли и одного часа не могли вы бодрствовать со мною?

«Ах, господи, если бы ты знал, как мне хочется спать»,— подумал он в полусне, но ему показалось, что сказал он это громко. И снова он уснул, и много как будто прошло времени, когда внезапно выросла около него фигура Иисуса и громкий будящий голос мгновенно отрезвил его и остальных.

— Вы все еще спите и почиваете? Конечно, пришел час — вот предается сын человеческий в руки грешников.

Ученики быстро вскочили на ноги, растерянно хватая свои плащи и дрожа от холода внезапного пробуждения. Сквозь чащу деревьев, озаряя их бегучим огнем факелов, с топотом и шумом, в лязге оружия и хрусте ломающихся веток приближалась толпа воинов и служителей храма. А с другой стороны прибегали трясущиеся от холода ученики с испуганными, заспанными лицами и, еще не понимая, в чем дело, торопливо спрашивали:

— Что это? Что это за люди с факелами?

Бледный Фома, со сбившимся в сторону прямым усом, зябко ляскал зубами и говорил Петру:

— По-видимому, это пришли за нами.

Вот толпа воинов окружила их, и дымный, тревожный блеск огней отогнал куда-то в стороны и вверх тихое сияние луны. Впереди воинов торопливо двигался Иуда из Кариота и, остро ворочая живым глазом своим, разыскивал Иисуса. Нашел его, на миг остановился взором на его высокой, тонкой фигуре и быстро шепнул служителям:

— Кого я поцелую, тот и есть. Возьмите его и ведите осторожно. Но только осторожно, вы слыхали?

Затем быстро придвинулся к Иисусу, ожидавшему его молча, и погрузил, как нож, свой прямой и острый взгляд в его спокойные, потемневшие глаза.

— Радуйся, равви! — сказал он громко, вкладывая странный и грозный смысл в слова обычного приветствия.

Но Иисус молчал, и с ужасом глядели на предателя ученики, не понимая, как может столько зла вместить в себя душа человека. Быстрым взглядом окинул Искариот их смятенные ряды, заметил трепет, готовый перейти в громко ляскающую дрожь испуга, заметил бледность, бессмысленные улыбки, вялые движения рук, точно стянутых железом у предплечья,— и зажглась в его сердце смертельная скорбь, подобная той, какую испытал перед этим Христос. Вытянувшись в сотню громко звенящих рыдающих струн, он быстро рванулся к Иисусу и нежно поцеловал его холодную щеку. Так тихо, так нежно, с такой мучительной любовью и тоской, что будь Иисус цветком на тоненьком стебельке, он не колыхнул бы его этим поцелуем и жемчужной росы не сронил бы с чистых лепестков.

— Иуда,— сказал Иисус и молнией своего взора осветил ту чудовищную груду насторожившихся теней, что была душой Искариота,— но в бездонную глубину ее не мог проникнуть.— Иуда! Целованием ли предаешь сына человеческого?

И видел, как дрогнул и пришел в движение весь этот чудовищный хаос. Безмолвным и строгим, как смерть в своем гордом величии, стоял Иуда из Кариота, а внутри его все стонало, гремело и выло тысячью буйных и огненных голосов:

«Да! Целованием любви предаем мы тебя. Целованием любви предаем мы тебя на поругание, на истязания, на смерть! Голосом любви скликаем мы палачей из темных нор и ставим крест — и высоко над теменем земли мы поднимаем на кресте любовью распятую любовь».

Так стоял Иуда, безмолвный и холодный, как смерть, а крику души его отвечали крики и шум, поднявшиеся вокруг Иисуса. С грубой нерешительностью вооруженной силы, с неловкостью смутно понимаемой цели уже хватали его за руки солдаты и тащили куда-то, свою нерешительность принимая за сопротивление, свой страх — за насмешку над ними и издевательство. Как кучка испуганных ягнят, теснились ученики, ничему не препятствуя, но всем мешая — и даже самим себе; и только немногие решались ходить и действовать отдельно от других. Толкаемый со всех сторон, Петр Симонов с трудом, точно потеряв все свои силы, извлек из ножен меч и слабо, косым ударом

опустил его на голову одного из служителей — но никакого вреда не причинил. И заметивший это Иисус приказал ему бросить ненужный меч, и, слабо звякнув, упало под ноги железо, столь видимо лишенное своей колющей и убивающей силы, что никому не пришло в голову поднять его. Так и валялось оно под ногами, и много дней спустя нашли его на том же месте играющие дети и сделали его своей забавой.

Солдаты распихивали учеников, а те вновь собирались и тупо лезли под ноги, и это продолжалось до тех пор, пока не овладела солдатами презрительная ярость. Вот один из них, насупив брови, двинулся к кричащему Иоанну; другой грубо столкнул с своего плеча руку Фомы, в чем-то убеждавшего его, и к самым прямым и прозрачным глазам его поднес огромный кулак,— и побежал Иоанн, и побежали Фома и Иаков, и все ученики, сколько ни было их здесь, оставив Иисуса, бежали. Теряя плащи, ушибаясь о деревья, натыкаясь на камни и падая, они бежали в горы, гонимые страхом, и в тишине лунной ночи звонко гудела земля под топотом многочисленных ног. Кто-то неизвестный, по-видимому только что вставший с постели, ибо был покрыт он только одним одеялом, возбужденно сновал в толпе воинов и служителей. Но, когда его хотели задержать и схватили за одеяло, он испуганно вскрикнул и бросился бежать, как и другие, оставив свою одежду в руках солдат. Так совершенно голый бежал он отчаянными скачками, и нагое тело его странно мелькало под луною.

Когда Иисуса увели, вышел из-за деревьев притаившийся Петр и в отдалении последовал за учителем. И, увидя впереди себя другого человека, шедшего молча, подумал, что это Иоанн, и тихо окликнул его:

— Иоанн, это ты?

— А, это ты, Петр? — ответил тот, остановившись, и по голосу Петр признал в нем предателя.— Почему же ты, Петр, не убежал вместе с другими?

Петр остановился и с отвращением произнес:

— Отойди от меня, сатана!

Иуда засмеялся и, не обращая более внимания на Петра, пошел дальше, туда, где дымно сверкали факелы и лязг оружия смешивался с отчетливым звуком шагов. Двинулся осторожно за ним и Петр, и так почти одновременно вошли они во двор первосвященника и вмешались в толпу служителей, гревшихся у костров. Хмуро

грел над огнем свои костлявые руки Иуда и слышал, как где-то позади него громко заговорил Петр:

— Нет, я не знаю его.

Но там, очевидно, настаивали на том, что он из учеников Иисуса, потому что еще громче Петр повторил:

— Да нет же, я не понимаю, что вы говорите!

Не оглядываясь и нехотя улыбаясь, Иуда мотнул утвердительно головой и пробормотал:

— Так, так, Петр! Никому не уступай своего места возле Иисуса!

И не видел он, как ушел со двора перепуганный Петр, чтобы не показываться более. И с этого вечера до самой смерти Иисуса не видел Иуда вблизи его ни одного из учеников; и среди всей этой толпы были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные общностью страданий,— тот, кого предали на поругание и муки, и тот, кто его предал. Из одного кубка страданий, как братья, пили они оба, преданный и предатель, и огненная влага одинаково опаляла чистые и нечистые уста.

Пристально глядя на огонь костра, наполнявший глаза ощущением жара, протягивая к огню длинные шевелящиеся руки, весь бесформенный в путанице рук и ног, дрожащих теней и света, Искариот бормотал жалобно и хрипло:

— Как холодно! Боже мой, как холодно!

Так, вероятно, когда уезжают ночью рыбаки, оставив на берегу тлеющий костер, из темной глубины моря вылезает нечто, подползает к огню, смотрит на него пристально и дико, тянется к нему всеми членами своими и бормочет жалобно и хрипло:

— Как холодно! Боже мой, как холодно!

Вдруг за своей спиной Иуда услышал взрыв громких голосов, крики и смех солдат, полные знакомой, сонно жадной злобы, и хлесткие, короткие удары по живому телу. Обернулся, пронизанный мгновенной болью всего тела, всех костей,— это били Иисуса.

Так вот оно!

Видел, как солдаты увели Иисуса к себе в караульню. Ночь проходила, гасли костры и покрывались пеплом, а из караульни все еще неслись глухие крики, смех и ругательства. Это били Иисуса. Точно заблудившись, Искариот проворно бегал по обезлюдевшему двору, останавливался с разбегу, поднимал голову и снова бежал, удивленно натыкаясь на костры, на стены. Потом прилипал к стене

караульни и, вытягиваясь, присасывался к окну, к щелям дверей и жадно разглядывал, что делается там. Видел тесную, душную комнату, грязную, как все караульни в мире, с заплеванным полом и такими замасленными, запятнанными стенами, точно по ним ходили или валялись. И видел человека, которого били. Его били по лицу, по голове, перебрасывали, как мягкий тюк, с одного конца на другой; и так как он не кричал и не сопротивлялся, то минутами, после напряженного смотрения, действительно начинало казаться, что это не живой человек, а какая-то мягкая кукла, без костей и крови. И выгибалась она странно, как кукла, и когда при падении ударялась головой о камни пола, то не было впечатления удара твердым о твердое, а все то же мягкое, безболезненное. И когда долго смотреть, то становилось похоже на какую-то бесконечную, странную игру — иногда до полного почти обмана. После одного сильного толчка человек, или кукла, опустился плавным движением на колени к сидящему солдату; тот, в свою очередь, оттолкнул, и оно, перевернувшись, село к следующему, и так еще и еще. Поднялся сильный хохот, и Иуда также улыбнулся — точно чья-то сильная рука железными пальцами разодрала ему рот. Это был обманут рот Иуды.

Ночь тянулась, и костры еще тлели. Иуда отвалился от стены и медленно прибрел к одному из костров, раскопал уголь, поправил его и, хотя холода теперь не чувствовал, протянул над огнем слегка дрожащие руки. И забормотал тоскливо:

— Ах, больно, очень больно, сыночек мой, сыночек, сыночек. Больно, очень больно!..

Потом опять пошел к окну, желтеющему тусклым огнем в прорезе черной решетки, и снова стал смотреть, как бьют Иисуса. Один раз перед самыми глазами Иуды промелькнуло его смуглое, теперь обезображенное лицо в чаще спутавшихся волос. Вот чья-то рука впилась в эти волосы, повалила человека и, равномерно переворачивая голову с одной стороны на другую, стала лицом его вытирать заплеванный пол. Под самым окном спал солдат, открыв рот с белыми блестящими зубами; вот чья-то широкая спина с толстой, голой шеей загородила окно, и больше ничего уже не видно. И вдруг стало тихо.

Что это? Почему они молчат? Вдруг они догадались?

Мгновенно вся голова Иуды, во всех частях своих, наполняется гулом, криком, ревом тысяч взбесившихся мы-

слей. Они догадались? Они поняли, что это — самый лучший человек? — это так просто, так ясно. Что там теперь? Стоят перед ним на коленях и плачут тихо, целуя его ноги. Вот выходит он сюда, а за ним ползут покорно те — выходит сюда, к Иуде, выходит победителем, мужем, властелином правды, богом...

— Кто обманывает Иуду? Кто прав?

Но нет. Опять крик и шум. Бьют опять. Не поняли, не догадались и бьют еще сильнее, еще больнее бьют. А костры догорают, покрываясь пеплом, и дым над ними так же прозрачно синь, как и воздух, и небо так же светло, как и луна. Это наступает день.

— Что такое день? — спрашивает Иуда.

Вот все загорелось, засверкало, помолодело, и дым наверху уже не синий, а розовый. Это восходит солнце.

— Что такое солнце? — спрашивает Иуда.

VIII

На Иуду показывали пальцами, и некоторые презрительно, другие с ненавистью и страхом говорили:

— Смотрите: это Иуда Предатель!

Это уже начиналась позорная слава его, на которую обрек он себя вовеки. Тысячи лет пройдут, народы сменятся народами, а в воздухе все еще будут звучать слова, произносимые с презрением и страхом добрыми и злыми:

— Иуда Предатель... Иуда Предатель!

Но он равнодушно слушал то, что говорили про него, поглощенный чувством всепобеждающего жгучего любопытства. С самого утра, когда вывели из караульни избитого Иисуса, Иуда ходил за ним и как-то странно не ощущал ни тоски, ни боли, ни радости — одно только непобедимое желание все видеть и все слышать. Хотя не спал всю ночь, но тело свое чувствовал легким; когда его не пропускали вперед, теснили, он расталкивал народ толчками и проворно вылезал на первое место; и ни минуты не оставался в покое его живой и быстрый глаз. При допросе Иисуса Каиафой, чтобы не пропустить ни одного слова, он оттопыривал рукою ухо и утвердительно мотал головою, бормоча:

— Так! Так! Ты слышишь, Иисус!

Но свободным он не был — как муха, привязанная на нитку: жужжа летает она туда и сюда, но ни на одну

минуту не оставляет ее послушная и упорная нитка. Какие-то каменные мысли лежали в затылке у Иуды, и к ним он был привязан крепко; он не знал как будто, что это за мысли, не хотел их трогать, но чувствовал их постоянно. И минутами они вдруг надвигались на него, наседали, начинали давить всею своею невообразимой тяжестью — точно свод каменной пещеры медленно и страшно опускался на его голову. Тогда он хватался рукою за сердце, старался шевелиться весь, как озябший, и спешил перевести глаза на новое место, еще на новое место. Когда Иисуса выводили от Каиафы, он совсем близко встретил его утомленный взор и, как-то не отдавая отчета, несколько раз дружелюбно кивнул головою.

— Я здесь, сынок, здесь! — пробормотал он торопливо и со злобой толкнул в спину какого-то ротозея, стоявшего ему на дороге. Теперь огромной, крикливой толпою все двигались к Пилату на последний допрос и суд, и с тем же невыносимым любопытством Иуда быстро и жадно разглядывал лица все прибывавшего народа. Многие были совершенно незнакомы, их никогда не видел Иуда, но встречались и те, которые кричали Иисусу: «Осанна!» — и с каждым шагом количество их как будто возрастало.

«Так, так! — быстро подумал Иуда, и голова его закружилась, как у пьяного.— Все кончено. Вот сейчас закричат они: это наш, это Иисус, что вы делаете? И все поймут и...»

Но верующие шли молча. Одни притворно улыбались, делая вид, что все это не касается их; другие что-то сдержанно говорили, но в гуле движения, в громких и исступленных криках врагов Иисуса бесследно тонули их тихие голоса. И опять стало легко. Вдруг Иуда заметил невдалеке осторожно пробиравшегося Фому и, что-то быстро придумав, хотел к нему подойти. При виде предателя Фома испугался и хотел скрыться, но в узенькой, грязной уличке, между двух стен, Иуда нагнал его.

— Фома! Да погоди же!

Фома остановился и, протягивая вперед обе руки, торжественно произнес:

— Отойди от меня, сатана.

Искариот нетерпеливо махнул рукою.

— Какой ты глупый, Фома, я думал, что ты умнее других. Сатана! Сатана! Ведь это надо доказать.

Опустив руки, Фома удивленно спросил:

— Но разве не ты предал учителя? Я сам видел, как ты привел воинов и указал им на Иисуса. Если это не предательство, то что же тогда предательство?

— Другое, другое,— торопливо сказал Иуда.— Слушай, вас здесь много. Нужно, чтобы вы все собрались вместе и громко потребовали: отдайте Иисуса, он наш. Вам не откажут, не посмеют. Они сами поймут...

— Что ты! Что ты,— решительно отмахнулся руками Фома,— разве ты не видел, сколько здесь вооруженных солдат и служителей храма. И потом суда еще не было, и мы не должны препятствовать суду. Разве он не поймет, что Иисус невинен, и не повелит немедля освободить его?

— Ты тоже так думаешь? — задумчиво спросил Иуда.— Фома, Фома, но если это правда? Что же тогда? Кто прав? Кто обманул Иуду?

— Мы сегодня говорили всю ночь и решили: не может суд осудить невинного. Если же он осудит...

— Ну! — торопил Искариот.

— ...то это не суд. И им же придется худо, когда надо будет дать ответ перед настоящим Судиею.

— Перед настоящим! Есть еще настоящий! — засмеялся Иуда.

— И все наши прокляли тебя, но так как ты говоришь, что не ты предатель, то, я думаю, тебя следовало бы судить...

Не дослушав, Иуда круто повернул и быстро устремился вниз по уличке, вслед за удаляющейся толпой. Но вскоре замедлил шаги и пошел неторопливо, подумав, что когда идет много народу, то всегда идут они медленно и одиноко идущий непременно нагонит их.

Когда Пилат вывел Иисуса из своего дворца и поставил его перед народом, Иуда, прижатый к колонне тяжелыми спинами солдат, яростно ворочающий головою, чтобы рассмотреть что-нибудь между двух блистающих шлемов, вдруг ясно почувствовал, что теперь все кончено. Под солнцем, высоко над головами толпы, он увидел Иисуса, окровавленного, бледного, в терновом венце, остриями своими вонзавшемся в лоб; у края возвышения стоял он, видимый весь с головы до маленьких загорелых ног, и так спокойно ждал, был так ясен в свой непорочности и чистоте, что только слепой, который не видит самого солнца, не увидел бы этого, только безумец не понял бы. И молчал народ — так тихо было, что слышал Иуда,

как дышит стоящий впереди солдат и при каждом дыхании где-то поскрипывает ремень на его теле.

«Так. Все кончено. Сейчас они поймут»,— подумал Иуда, и вдруг что-то странное, похожее на ослепительную радость падения с бесконечно высокой горы в голубую сияющую бездну, остановило его сердце.

Презрительно оттянув губы вниз, к круглому бритому подбородку, Пилат бросает в толпу сухие, короткие слова — так кости бросают в стаю голодных собак, думая обмануть их жажду свежей крови и живого трепещущего мяса:

— Вы привели ко мне человека этого, как развращающего народ; и вот я при вас исследовал и не нашел человека этого виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете его...

Иуда закрыл глаза. Ждет.

И весь народ закричал, завопил, завыл на тысячу звериных и человеческих голосов:

— Смерть ему! Распни его! Распни его!

И вот, точно глумясь над самим собою, точно в одном миге желая испытать всю беспредельность падения, безумия и позора, тот же народ кричит, вопит, требует тысячью звериных и человеческих голосов:

— Варраву отпусти нам! Его распни! Распни!

Но ведь еще римлянин не сказал своего решающего слова: по его бритому надменному лицу пробегают судороги отвращения и гнева. Он понимает, он понял! Вот он говорит тихо служителям своим, но голос его не слышен в реве толпы. Что он говорит? Велит им взять мечи и ударить на этих безумцев?

— Принесите воды.

Воды? Какой воды? Зачем?

Вот он моет руки — зачем-то моет свои белые, чистые, украшенные перстнями руки — и злобно кричит, поднимая их, удивленно молчащему народу:

— Неповинен я в крови праведника этого. Смотрите вы!

Еще скатывается с пальцев вода на мраморные плиты, когда что-то мягкое распластывается у ног Пилата и горячие, острые губы целуют его бессильно сопротивляющуюся руку — присасываются к ней, как щупальца, тянут кровь, почти кусают. С отвращением и страхом он взглядывает вниз — видит большое извивающееся тело, дико двоящееся лицо и два огромные глаза, так странно не-

похожие друг на друга, как будто не одно существо, а множество их цепляется за его ноги и руки. И слышит ядовитый шепот, прерывистый, горячий:

— Ты мудрый... Ты благородный!.. Ты мудрый, мудрый!..

И такой поистине сатанинскою радостью пылает это дикое лицо, что с криком ногою отталкивает его Пилат, и Иуда падает навзничь. И, лежа на каменных плитах, похожий на опрокинутого дьявола, он все еще тянется рукою к уходящему Пилату и кричит, как страстно влюбленный:

— Ты мудрый! Ты мудрый! Ты благородный!

Затем проворно поднимается и бежит, провожаемый хохотом солдат. Ведь еще не все кончено. Когда они увидят крест, когда они увидят гвозди, они могут понять, и тогда... Что тогда? Видит мельком оторопелого бледного Фому и зачем-то, успокоительно кивнув ему головою, нагоняет Иисуса, ведомого на казнь. Идти тяжело, мелкие камни скатываются под ногами, и вдруг Иуда чувствует, что он устал. Весь уходит в заботу о том, чтобы лучше ставить ногу, тускло смотрит по сторонам и видит плачущую Марию Магдалину, видит множество плачущих женщин — распущенные волосы, красные глаза, искривленные уста,— всю безмерную печаль нежной женской души, отданной на поругание. Оживляется внезапно и, улучив мгновение, подбегает к Иисусу.

— Я с тобою,— шепчет он торопливо.

Солдаты отгоняют его ударами бичей, и, извиваясь, чтобы ускользнуть от ударов, показывая солдатам оскаленные зубы, он поясняет торопливо:

— Я с тобою. Туда. Ты понимаешь, туда!

Вытирает с лица кровь и грозит кулаком солдату, который оборачивается, смеясь, и показывает на него другим. Ищет зачем-то Фому — но ни его, ни одного из учеников нет в толпе провожающих. Снова чувствует усталость и тяжело передвигает ноги, внимательно разглядывая острые, белые, рассыпающиеся камешки.

...Когда был поднят молот, чтобы пригвоздить к дереву левую руку Иисуса, Иуда закрыл глаза и целую вечность не дышал, не видел, не жил, а только слушал. Но вот со скрежетом ударилось железо о железо, и раз за разом тупые, короткие, низкие удары — слышно, как входит острый гвоздь в мягкое дерево, раздвигая частицы его...

Одна рука. Еще не поздно.

Другая рука. Еще не поздно.

Нога, другая нога — неужели все кончено? Нерешительно раскрывает глаза и видит, как поднимается, качаясь, крест и устанавливается в яме. Видит, как, напряженно содрогаясь, вытягиваются мучительно руки Иисуса, расширяют раны — и внезапно уходит под ребра опавший живот. Тянутся, тянутся руки, становятся тонкие, белеют, вывертываются в плечах, и раны под гвоздями краснеют, ползут — вот оборвутся они сейчас... Нет, остановилось. Все остановилось. Только ходят ребра, поднимаемые коротким, глубоким дыханием.

На самом темени земли вздымается крест — и на нем распятый Иисус. Осуществился ужас и мечты Искариота — он поднимается с колен, на которых стоял зачем-то, и холодно оглядывается кругом. Так смотрит суровый победитель, который уже решил в сердце своем предать все разрушению и смерти и в последний раз обводит взором чужой и богатый город, еще живой и шумный, но уже призрачный под холодною рукою смерти. И вдруг так же ясно, как ужасную победу свою, видит Искариот ее зловещую шаткость. А вдруг они поймут? Еще не поздно. Иисус еще жив. Вот смотрит он зовущими, тоскующими глазами...

Что может удержать от разрыва тоненькую пленку, застилающую глаза людей, такую тоненькую, что ее как будто нет совсем? Вдруг — они поймут? Вдруг все своею грозной массой мужчин, женщин и детей они двинутся вперед, молча, без крика, сотрут солдат, зальют их по уши своей кровью, вырвут из земли проклятый крест и руками оставшихся в живых высоко над теменем земли поднимут свободного Иисуса! Осанна! Осанна!

Осанна? Нет, лучше Иуда ляжет на землю. Нет, лучше, лежа на земле и ляская зубами, как собака, он будет высматривать и ждать, пока не поднимутся все те. Но что случилось с временем? То почти останавливается оно, так что хочется пихать его руками, бить ногами, кнутом, как ленивого осла,— то безумно мчится оно с какой-то горы, и захватывает дыхание, и руки напрасно ищут опоры. Вон плачет Мария Магдалина. Вон плачет мать Иисуса. Пусть плачут. Разве значат сейчас что-нибудь ее слезы, слезы всех матерей, всех женщин в мире!

— Что такое слезы? — спрашивает Иуда и бешено толкает неподвижное время, бьет его кулаками, прокли-

нает, как раба. Оно чужое и оттого так непослушно. О, если бы оно принадлежало Иуде — но оно принадлежит всем этим плачущим, смеющимся, болтающим, как на базаре; оно принадлежит солнцу; оно принадлежит кресту и сердцу Иисуса, умирающему так медленно.

Какое подлое сердце у Иуды! Он держит его рукою, а оно кричит «Осанна!» так громко, что вот услышат все. Он прижимает его к земле, а оно кричит: «Осанна, осанна!» — как болтун, который на улице разбрасывает святые тайны... Молчи! Молчи!

Вдруг громкий, оборванный плач, глухие крики, поспешное движение к кресту. Что это? Поняли?

Нет, умирает Иисус. И это может быть? Да, Иисус умирает. Бледные руки неподвижны, но по лицу, по груди и ногам пробегают короткие судороги. И это может быть? Да, умирает. Дыхание реже. Остановилось... Нет, еще вздох, еще на земле Иисус. И еще? Нет... Нет... Нет... Иисус умер.

Свершилось. Осанна! Осанна!

Осуществился ужас и мечты. Кто вырвет теперь победу из рук Искариота? Свершилось. Пусть все народы, какие есть на земле, стекутся к Голгофе и возопиют миллионами своих глоток: «Осанна, Осанна!» — и моря крови и слез прольют к подножию ее — они найдут только позорный крест мертвого Иисуса.

Спокойно и холодно Искариот оглядывает умершего, останавливается на миг взором на щеке, которую еще только вчера поцеловал он прощальным поцелуем, и медленно отходит. Теперь все время принадлежит ему, и идет он неторопливо; теперь вся земля принадлежит ему, и ступает он твердо, как повелитель, как царь, как тот, кто беспредельно и радостно в этом мире одинок. Замечает мать Иисуса и говорит ей сурово:

— Ты плачешь, мать? Плачь, плачь, и долго еще будут плакать с тобою все матери земли. Дотоле, пока не придем мы вместе с Иисусом и не разрушим смерть.

Что он — безумен или издевается, этот предатель? Но он серьезен, и лицо его строго, и в безумной торопливости не бегают его глаза, как прежде. Вот останавливается он и с холодным вниманием осматривает новую, маленькую землю. Маленькая она стала, и всю ее он чувствует под своими ногами; смотрит на маленькие горы, тихо краснеющие в последних лучах солнца, и горы чувствует

под своими ногами; смотрит на небо, широко открывшее свой синий рот, смотрит на кругленькое солнце, безуспешно старающееся обжечь и ослепить,— и небо и солнце чувствует под своими ногами. Беспредельно и радостно одинокий, он гордо ощутил бессилие всех сил, действующих в мире, и все их бросил в пропасть.

И дальше идет он спокойными и властными шагами. И не идет время ни спереди, ни сзади; покорное, вместе с ним движется оно всею незримою громадой.

Свершилось.

IX

Старым обманщиком, покашливая, льстиво улыбаясь, кланяясь бесконечно, явился перед синедрионом Иуда из Кариота — Предатель. Это было на другой день после убийства Иисуса, около полудня. Тут были все они, его судьи и убийцы: и престарелый Анна со своими сыновьями, тучными и отвратительными подобиями отца, и снедаемый честолюбием Каиафа, зять его, и все другие члены синедриона, укравшие имена свои у памяти людской,— богатые и знатные саддукеи, гордые силою своею и знанием закона. Молча встретили они Предателя, и надменные лица их остались неподвижны: как будто не вошло ничего. И даже самый маленький из них и ничтожный, на которого другие на обращали внимания, поднимал кверху свое птичье лицо и смотрел так, будто не вошло ничего. Иуда кланялся, кланялся, кланялся, а они смотрели и молчали: как будто не человек вошел, а только вползло нечистое насекомое, которого не видно. Но не такой был человек Иуда из Кариота, чтобы смутиться: они молчали, а он себе кланялся и думал, что если и до вечера придется, то и до вечера он будет кланяться.

Наконец нетерпеливый Каиафа спросил:

— Что надо тебе?

Иуда еще раз поклонился и громко сказал:

— Это я, Иуда из Кариота, тот, что предал вам Иисуса Назарея.

— Так что же? Ты получил свое. Ступай! — приказал Анна, но Иуда как будто не слыхал приказания и продолжал кланяться. И, взглянув на него, Каиафа спросил Анну:

— Сколько ему дали?

— Тридцать серебреников.

Каиафа усмехнулся, усмехнулся и сам седой Анна, и по всем надменным лицам скользнула веселая улыбка; а тот, у которого было птичье лицо, даже засмеялся. И, заметно бледнея, быстро подхватил Иуда:

— Так, так. Конечно, очень мало, но разве Иуда недоволен, разве Иуда кричит, что его ограбили? Он доволен. Разве не святому делу он послужил? Святому. Разве не самые мудрые люди слушают теперь Иуду и думают: он наш, Иуда из Кариота, он наш брат, наш друг, Иуда из Кариота. Предатель? Разве Анне не хочется стать на колени и поцеловать у Иуды руку? Но только Иуда не даст, он трус, он боится, что его укусят.

Каиафа сказал:

— Выгони этого пса. Что он лает?

— Ступай отсюда. Нам нет времени слушать твою болтовню,— равнодушно сказал Анна.

Иуда выпрямился и закрыл глаза. То притворство, которое так легко носил он всю жизнь, вдруг стало невыносимым бременем; и одним движением ресниц он сбросил его. И когда снова взглянул на Анну, то был взор его прост, и прям, и страшен в своей голой правдивости. Но и на это не обратили внимания.

— Ты хочешь, чтобы тебя выгнали палками? — крикнул Каиафа.

Задыхаясь под тяжестью страшных слов, которые он поднимал все выше и выше, чтобы бросить их оттуда на головы судей, Иуда хрипло спросил:

— А вы знаете... вы знаете... кто был он — тот, которого вчера вы осудили и распяли?

— Знаем. Ступай!

Одним словом он прорвет сейчас ту тонкую пленку, что застилает их глаза,— и вся земля дрогнет под тяжестью беспощадной истины! У них была душа — они лишатся ее; у них была жизнь — они потеряют жизнь; у них был свет перед очами — вечная тьма и ужас покроют их. Осанна! Осанна!

И вот они, эти страшные слова, раздирающие горло:

— Он не был обманщик. Он был невинен и чист. Вы слышите? Иуда обманул вас. Он предал вам невинного.

Ждет. И слышит равнодушный, старческий голос Анны.

— И это все, что ты хотел сказать?

— Кажется, вы не поняли меня,— говорит Иуда с достоинством, бледнея.— Иуда обманул вас. Он был невинен. Вы убили невинного.

Тот, у которого птичье лицо, улыбается, но Анна равнодушен, Анна скучен, Анна зевает. И зевает вслед за ним Каиафа и говорит утомленно:

— Что же мне говорили об уме Иуды из Кариота? Это просто дурак, очень скучный дурак.

— Что! — кричит Иуда, весь наливаясь темным бешенством.— А кто вы, умные! Иуда обманул вас — вы слышите! Не его он предал, а вас, мудрых, вас, сильных, предал он позорной смерти, которая не кончится вовеки. Тридцать серебреников! Так, так. Но ведь это цена вашей крови, грязной, как те помои, что выливают женщины за ворота домов своих. Ах, Анна, старый, седой, глупый Анна, наглотавшийся закона,—зачем ты не дал одним серебреником, одним оболом больше! Ведь в этой цене пойдешь ты вовеки.

— Вон! — закричал побагровевший Каиафа. Но Анна остановил его движением руки и все так же равнодушно спросил Иуду:

— Теперь все?

— Ведь если я пойду в пустыню и крикну зверям: звери, вы слышали, во сколько оценили люди своего Иисуса, что сделают звери? Они вылезут из логовищ, они завоют от гнева, они забудут свой страх перед человеком и все придут сюда, чтобы сожрать вас! Если я скажу морю: море, ты знаешь, во сколько люди оценили своего Иисуса? Если я скажу горам: горы, вы знаете, во сколько люди оценили Иисуса? И море и горы оставят свои места, определенные извека, и придут сюда, и упадут на головы ваши!

— Не хочет ли Иуда стать пророком? Он говорит так громко! — насмешливо заметил тот, у которого было птичье лицо, и заискивающе взглянул на Каиафу.

— Сегодня я видел бледное солнце. Оно смотрело с ужасом на землю и говорило: где же человек? Сегодня я видел скорпиона. Он сидел на камне и смеялся и говорил: где же человек? Я подошел близко и в глаза ему посмотрел. И он смеялся и говорил: где же человек, скажите мне, я не вижу! Или ослеп Иуда, бедный Иуда из Кариота!

И Искариот громко заплакал. Был он в эти минуты похож на безумного, и Каиафа, отвернувшись, презрительно махнул рукою. Анна же подумал немного и сказал:

— Я вижу, Иуда, что ты действительно получил мало

и это волнует тебя. Вот еще деньги, возьми и отдай своим детям.

Он бросил что-то, звякнувшее резко. И еще не замолк этот звук, как другой, похожий, странно продолжил его: это Иуда горстью бросал серебреники и оболы в лица первосвященника и судей, возвращая плату за Иисуса. Косым дождем криво летели монеты, попадая в лица, на стол, раскатываясь по полу. Некоторые из судей закрывались руками, ладонями наружу, другие, вскочив с мест, кричали и бранились. Иуда, стараясь попасть в Анну, бросил последнюю монету, за которою долго шарила в мешке его дрожащая рука, плюнул и гневно вышел.

— Так, так! — бормотал он, быстро проходя по уличкам и пугая детей.— Ты, кажется, плакал, Иуда? Разве действительно прав Каиафа, говоря, что глуп Иуда из Кариота? Кто плачет в день великой мести, тот недостоин ее — знаешь ли ты это, Иуда? Не давай глазам твоим обманывать тебя, не давай сердцу твоему лгать, не заливай огня слезами, Иуда из Кариота!

Ученики Иисуса сидели в грустном молчании и прислушивались к тому, что делается снаружи дома. Еще была опасность, что месть врагов Иисуса не ограничится им одним, и все ждали вторжения стражи и, быть может, новых казней. Возле Иоанна, которому, как любимому ученику Иисуса, была особенно тяжела смерть его, сидели Мария Магдалина и Матфей и утешали его. Мария тихо гладила рукою его пышные волнистые волосы, Матфей же наставительно говорил словами Соломона:

— Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города.

В это мгновение, громко хлопнув дверью, вошел Иуда Искариот. Все испуганно вскочили и вначале даже не поняли, кто это, а когда разглядели ненавистное лицо и рыжую бугроватую голову, то подняли крик. Петр же поднял обе руки и закричал:

— Уходи отсюда, Предатель! Уходи, иначе я убью тебя!

Но всмотрелись лучше в лицо и глаза Предателя и смолкли, испуганно шепча:

— Оставьте! Оставьте его! В него вселился сатана.

Выждав тишину, Иуда громко воскликнул:

— Радуйтесь, глаза Иуды из Кариота! Холодных убийц вы видели сейчас — и вот уже трусливые предатели перед вами! Где Иисус? Я вас спрашиваю: где Иисус?

Было что-то властное в хриплом голосе Искариота, и покорно ответил Фома:

— Ты же сам знаешь, Иуда, что учителя нашего вчера вечером распяли.

— Как же вы позволили это? Где же была ваша любовь? Ты, любимый ученик, ты — камень, где были вы, когда на дереве распинали вашего друга?

— Что же могли мы сделать, посуди сам,— развел руками Фома.

— Ты это спрашиваешь, Фома? Так, так! — склонил голову набок Иуда из Кариота и вдруг гневно обрушился: — Кто любит, тот не спрашивает, что делать! Он идет и делает все. Он плачет, он кусается, он душит врага и кости ломает у него! Кто любит! Когда твой сын утопает, разве ты идешь в город и спрашиваешь прохожих: «Что мне делать? Мой сын утопает!» — а не бросаешься сам в воду и не тонешь рядом с сыном. Кто любит!

Петр хмуро ответил на неистовую речь Иуды:

— Я обнажил меч, но он сам сказал — не надо.

— Не надо? И ты послушался? — засмеялся Искариот.— Петр, Петр, разве можно его слушать! Разве понимает он что-нибудь в людях, в борьбе!

— Кто не повинуется ему, тот идет в геенну огненную.

— Отчего же ты не пошел? Отчего ты не пошел, Петр? Геенна огненная — что такое геенна? Ну и пусть бы ты пошел — зачем тебе душа, если ты не смеешь бросить ее в огонь, когда захочешь.

— Молчи! — крикнул Иоанн, поднимаясь.— Он сам хотел этой жертвы! И жертва его прекрасна!

— Разве есть прекрасная жертва, что ты говоришь, любимый ученик? Где жертва, там и палач, и предатели там! Жертва — это страдания для одного и позор для всех. Предатели, предатели, что сделали вы с землею? Теперь смотрят на нее сверху и снизу и хохочут и кричат: посмотрите на эту землю, на ней распяли Иисуса! И плюют на нее — как я!

Иуда гневно плюнул на землю.

— Он весь грех людей взял на себя. Его жертва прекрасна! — настаивал Иоанн.

— Нет, вы на себя взяли весь грех. Любимый ученик! Разве не от тебя начнется род предателей, порода малодушных и лжецов? Слепцы, что сделали вы с землею? Вы погубить ее захотели, вы скоро будете целовать крест,

на котором вы распяли Иисуса! Так, так — целовать крест обещает вам Иуда!

— Иуда, не оскорбляй! — прорычал Петр, багровея.— Как могли бы мы убить всех врагов его? Их так много!

— И ты, Петр! — с гневом воскликнул Иоанн.— Разве ты не видишь, что в него вселился сатана? Отойди от нас, искуситель. Ты полон лжи! Учитель не велел убивать.

— Но разве он запретил вам и умирать? Почему же вы живы, когда он мертв? Почему ваши ноги ходят, ваш язык болтает дрянное, ваши глаза моргают, когда он мертв, недвижим, безгласен? Как смеют быть красными твои щеки, Иоанн, когда его бледны? Как смеешь ты кричать, Петр, когда он молчит? Что делать, спрашиваете вы Иуду? И отвечает вам Иуда, прекрасный, смелый Иуда из Кариота: умереть. Вы должны были пасть на дороге, за мечи, за руки хватать солдат. Утопить их в море своей крови — умереть, умереть! Пусть бы сам Отец его закричал от ужаса, когда все вы вошли бы туда!

Иуда замолчал, подняв руку, и вдруг заметил на столе остатки трапезы. И с странным изумлением, любопытно, как будто первый раз в жизни увидел пищу, оглядел ее и медленно спросил:

— Что это? Вы ели? Быть может, вы спали также?

— Я спал,— кротко опустив голову, ответил Петр, уже чувствуя в Иуде кого-то, кто может приказывать.— Спал и ел.

Фома решительно и твердо сказал:

— Это все неверно, Иуда. Подумай: если бы все умерли, то кто бы рассказал об Иисусе? Кто бы понес людям его учение, если бы умерли все: и Петр, и Иоанн, и я?

— А что такое сама правда в устах предателей? Разве не ложью становится она? Фома, Фома, разве ты не понимаешь, что только сторож ты теперь у гроба мертвой правды. Засыпает сторож, и приходит вор, и уносит правду с собою,— скажи, где правда? Будь же ты проклят, Фома! Бесплоден и нищ ты будешь вовеки, и вы с ним, проклятые!

— Будь сам проклят, сатана! — крикнул Иоанн, и повторили его возглас Иаков, и Матфей, и все другие ученики. Только Петр молчал.

— Я иду к нему! — сказал Иуда, простирая вверх властную руку.— Кто за Искариотом к Иисусу?

— Я! Я с тобою! — крикнул Петр, вставая. Но Иоанн и другие с ужасом остановили его, говоря:

— Безумный! Ты забыл, что он предал учителя в руки врагов!

Петр ударил себя кулаком в грудь и горько заплакал:

— Куда же мне идти? Господи! Куда же мне идти!

Иуда давно уже, во время своих одиноких прогулок, наметил то место, где он убьет себя после смерти Иисуса. Это было на горе, высоко над Иерусалимом, и стояло там только одно дерево, кривое, измученное ветром, рвущим его со всех сторон, полузасохшее. Одну из своих обломанных кривых ветвей оно протянуло к Иерусалиму, как бы благословляя его или чем-то угрожая, и ее избрал Иуда для того, чтобы сделать на ней петлю. Но идти до дерева было далеко и трудно, и очень устал Иуда из Кариота. Все те же маленькие острые камешки рассыпались у него под ногами и точно тянули его назад, а гора была высока; обвеяна ветром, угрюма и зла. И уже несколько раз присаживался Иуда отдохнуть, и дышал тяжело, а сзади, сквозь расселины камней, холодом дышала в его спину гора.

— Ты еще, проклятая! — говорил Иуда презрительно и дышал тяжело, покачивая тяжелой головою, в которой все мысли теперь окаменели. Потом вдруг поднимал ее, широко раскрывал застывшие глаза и гневно бормотал:

— Нет, они слишком плохи для Иуды. Ты слышишь, Иисус? Теперь ты мне поверишь? Я иду к тебе. Встреть меня ласково, я устал. Я очень устал. Потом мы вместе с тобою, обнявшись, как братья, вернемся на землю. Хорошо?

Опять качал каменеющей головою и опять широко раскрыл глаза, бормоча:

— Но может быть, ты и там будешь сердиться на Иуду из Кариота? И не поверишь? И в ад меня пошлешь? Ну что же! Я пойду в ад! И на огне твоего ада я буду ковать железо и разрушу твое небо. Хорошо? Тогда ты поверишь мне? Тогда пойдешь со мною назад на землю, Иисус?

Наконец добрался Иуда до вершины и до кривого дерева, и тут стал мучить его ветер. Но когда Иуда выбранил его, то начал петь мягко и тихо — улетал куда-то ветер и прощался.

— Хорошо, хорошо! А они собаки! — ответил ему Иуда, делая петлю. И так как веревка могла обмануть его и оборваться, то повесил ее над обрывом — если оборвется, то все равно на камнях найдет он смерть. И перед тем как оттолкнуться ногою от края и повиснуть, Иуда из Кариота еще раз заботливо предупредил Иисуса:

— Так встреть же меня ласково, я очень устал, Иисус.

И прыгнул. Веревка натянулась, но выдержала: шея Иуды стала тоненькая, а руки и ноги сложились и обвисли, как мокрые. Умер. Так в два дня, один за другим, оставили землю Иисус Назарей и Иуда из Кариота. Предатель.

Всю ночь, как какой-то чудовищный плод, качался Иуда над Иерусалимом; и ветер поворачивал его то к городу лицом, то к пустыне — точно и городу и пустыне хотел он показать Иуду. Но, куда бы ни поворачивалось обезображенное смертью лицо, красные глаза, налитые кровью и теперь одинаковые, как братья, неотступно смотрели в небо. А наутро кто-то зоркий увидел над городом висящего Иуду и закричал в испуге. Пришли люди, и сняли его, и, узнав, кто это, бросили его в глухой овраг, куда бросали дохлых лошадей, кошек и другую падаль.

И в тот вечер все верующие узнали о страшной смерти Предателя, а на другой день узнал о ней весь Иерусалим. Узнала о ней каменистая Иудея, и зеленая Галилея узнала о ней; и до одного моря, и до другого, которое еще дальше, долетела весть о смерти Предателя. Ни быстрее, ни тише, но вместе с временем шла она, и как нет конца у времени, так не будет конца рассказам о предательстве Иуды и страшной смерти его. И все — добрые и злые — одинаково предадут проклятию позорную память его; и у всех народов, какие были, какие есть, останется он одиноким в жестокой участи своей — Иуда из Кариота, Предатель.

24 февраля 1907 г.
Капри

АНАТОЛЬ
ФРАНС

Прокуратор Иудеи

Элий Ламия, рожденный в Италии от знатных родителей, носил еще юношескую одежду, когда отправился изучать философию в афинские школы. Он жил затем в Риме и вел в своем доме на Эсквилине роскошную жизнь среди молодых гуляк. Но, обвиненный в преступной связи с Лепидой, женой консула Сульпиция Квирина, и признанный виновным, он был сослан цезарем Тиберием. Ему шел тогда двадцать четвертый год. В течение восемнадцати лет, проведенных им в ссылке, он объездил Сирию, Палестину, Каппадокию, Армению и подолгу жил в Антиохии, Цезарее, Иерусалиме. Когда, после смерти Тиберия, престол занял Кай, Ламия добился возвращения в Город[1]. Он вернул даже часть своего имущества. Бедствия сделали его мудрым.

Он избегал всяких встреч с женщинами свободного поведения, совершенно не искал общественных должностей, удалялся от почестей и жил замкнуто в своем доме на Эсквилине. Описывая все замечательное, что он видел во время своих дальних путешествий, он превращал, как он говорил, свои минувшие горести в развлечения для настоящего времени. Среди этих-то мирных трудов и усердных размышлений над книгами Эпикура, с легким удивленьем и некоторой грустью он заметил приближение старости. На шестьдесят втором году, мучимый довольно докучной простудой, он отправился лечиться на воды в Байи. Этот берег, некогда привлекавший альцион, посещался

[1] Так древние римляне называли Рим. *Примеч. перев.*

в это время богатыми и жадными до удовольствия римлянами. В течение недели Ламия жил одиноко, не имея друзей среди этой блестящей толпы, но однажды, после обеда, когда он был в хорошем настроении, ему пришла фантазия взобраться на холмы, которые были увиты, как вакханки, виноградными ветвями и глядели на волны.

Дойдя до вершины, он сел на краю тропинки под фисташковым деревом и стал блуждать взглядом по прекрасному пейзажу. Слева простирались синеватые и обнаженные поля Пелегрены вплоть до развалин Кум, справа — Лиценский мыс погружал свой заостренный выступ в Тирренское море. Под его ногами, на запад, роскошные Байи, следуя грациозному изгибу берега, развертывали свои сады, свои виллы, полные статуй, свои портики, мраморные террасы на берегу голубого моря, в котором резвились дельфины. Перед ним, по ту сторону залива, на кампанийском берегу, позолоченном уже склонившимся солнцем, блистали храмы, виднелись вдали лавровые деревья Физилиппа, и на горизонте сиял освещенный закатом Везувий.

Ламия вынул из складок своей тоги сверток, содержавший «Трактат о природе», растянулся на земле и стал читать. Но крик раба заставил его подняться, чтобы дать дорогу носилкам, которые поднимались по узкой тропинке виноградника. Когда носилки совсем приблизились, Ламия увидел распростертого на подушках старика крупного телосложения, который, держа руку у лба, смотрел угрюмо и надменно. Его орлиный нос возвышался над губами, выступавшими над выпуклым подбородком и мощными челюстями. Ламия тотчас же узнал это лицо. Секунду он колебался позвать старика. Затем бросился к носилкам с изумленным и радостным движением и воскликнул:

— Понтий Пилат, благодарю богов, они дали мне увидеть тебя!

Старик, сделав знак рабам остановиться, устремил внимательный взгляд на человека, который его приветствовал.

— Понтий, мой дорогой гость,— сказал тот,— двадцать лет настолько убелили мои волосы и исчертили мои щеки, что ты уже не узнаешь твоего Элия Ламию.

При этом имени Понтий Пилат сошел с носилок настолько быстро, насколько ему позволяли возраст и тяжесть его походки. И он дважды обнял Элия Ламию.

— Конечно, мне приятно тебя видеть,— сказал он.—

Увы! Ты напоминаешь мне о минувших днях, когда я был прокуратором Иудеи в провинции Сирии. Прошло уже тридцать лет с тех пор, как мы увиделись впервые. Это было в Цезарее, куда ты приехал влачить скуку изгнания. Я был вполне счастлив оттого, что мог немного смягчить ее; и из дружбы, Ламия, ты сопровождал меня в этот печальный Иерусалим, где евреи внушали мне скорбь и отвращение. Ты был более чем девять лет моим гостем и товарищем, и оба мы, беседуя о Городе, утешались: ты — в своем несчастье, я — в моем величии.

Ламия снова обнял его.

— Ты не все сказал, Понтий: ты вовсе не вспомнил, как ты употребил в мою пользу твое влияние у Ирода Антиппы и как широко ты открыл мне свой кошелек.

— Не будем об этом говорить,— ответил Понтий,— так как, возвратившись в Рим, ты мне послал с одним из твоих вольноотпущенников сумму, которая вознаградила меня с избытком.

— Понтий, я не думал расквитаться с тобой деньгами. Но ответь мне: исполнили ли боги твои желания? Досталось ли тебе счастье, которое ты заслужил? Расскажи мне о своей семье, твоей судьбе, твоем здоровье.

— Возвратившись в Сицилию, где я владел землями, я возделываю и продаю хлеб. Моя старшая дочь, моя трижды дорогая Понтия, став вдовой, приехала ко мне и управляет моим домом. Я сохранил по милости богов ясность разума; моя память совершенно не ослабела. Но старость не приходит без длинной свиты скорбей и немощей. Меня жестоко мучит подагра. И ты видишь меня сейчас отправляющимся в Пелегренские поля в поисках исцеления от моих страданий. Эта знойная земля, из которой ночью вырывается пламя, испускает едкие серные пары, которые, говорят, успокаивают боль и возвращают гибкость суставам. По крайней мере, врачи уверяют в этом.

— Испытай это сам, Понтий! Но, страдая от подагры и нуждаясь в жгучих парах, ты кажешься едва достигшим моего возраста, тогда как в действительности ты старше на десять лет. Конечно, ты сохранил крепость, какой я не имел никогда, и меня радует, что я нашел тебя столь здоровым. Почему, дорогой, ты отказался так рано от общественных должностей? Почему, оставив управление Иудеей, ты поселился в твоих Сицилийских владениях в добровольном изгнании? Расскажи мне о твоих делах с того момента, как я перестал быть их свидетелем. Ты

готовился подавить мятеж самаритян, когда я отправился в Каппадокию, где я надеялся извлечь некоторую пользу из разведения лошадей и мулов. С тех пор я тебя не видел. Каков был успех твоей экспедиции? Расскажи мне. Меня интересует все, что касается тебя.

Понтий Пилат грустно покачал головой.

— Врожденная заботливость,— сказал он,— и чувство долга заставляли меня выполнять общественные обязанности не только старательно, но и с любовью. Однако ненависть беспрестанно преследовала меня. Интрига и жалобы сломили мою жизнь в расцвете и заставили иссохнуть плоды, которые она должна была принести. Ты спрашиваешь меня о мятеже самаритян. Сядем на этот холмик. Я расскажу тебе об этом в немногих словах. Эти события мне так памятны, как будто они произошли вчера.

Один простолюдин, владеющий даром слова, как находили многие в Сирии, убедил самаритян собрать войско на горе Газим, которая считается в этой стране священным местом, и обещал показать им священные сосуды, которые какой-то герой или же бог, называемый ими Моисеем, скрыл в древние времена, еще при Эвандре и Энее, нашем предке. Поверив ему, самаритяне подняли мятеж. Но, извещенный вовремя, я занял гору отрядом кавалерии и расположил всадников так, чтобы они охраняли подступы к ней.

Эти меры предосторожности были необходимы. Уже мятежники осаждали пригород Тиратаба, расположенный у подножья Газима. Я легко рассеял их и подавил восстание в самом начале. Затем, чтобы произвести большее впечатление с наименьшими жертвами, я предал казни вождей восстания. Но ты знаешь, Ламия, в какой зависимости держал меня проконсул Вителлий, который, правя Сирией не для Рима, а против Рима, считал, что провинции Империи даются на откуп тетрархам. Старейшины самаритян упали к его ногам, с ненавистью жалуясь на меня. Если послушать их, ничто не было так далеко от их намерений, как неповиновение цезарю. Я был подстрекателем, и вот они собрались вокруг Газима, чтобы воспротивиться моей жестокости. Вителлий выслушал их жалобы и, поручив иудейские дела своему другу Марцеллу, приказал мне отправиться оправдаться перед императором. С сердцем, переполненным горечью и досадой, я сел на корабль. Когда я высадился на итальянском побережье, Тиберий, пресыщенный годами и властью, умер внезапно на мысе Мизене, выступ которого, простертый в вечернем

сумраке, виден отсюда. Я просил правосудия у его преемника, Кая, который имел живой ум и знал сирийские дела. Но — удивляйся со мной, Ламия! — несправедливость судьбы упорно преследовала меня. Кай приблизил тогда к себе в Городе еврея Агриппу, своего товарища детства, которым он бесконечно дорожил. Агриппа же покровительствовал Вителлию, потому что Вителлий был недругом Антиппы, которого Агриппа ненавидел. Император сочувствовал своему азиатскому любимцу и даже отказался меня выслушать. Я должен был подвергнуться незаслуженной немилости. Пожираемый слезами, сгорая злобой, я вернулся в свои сицилийские земли, где я умер бы от скорби, если бы моя милая Понтия не приехала утешать своего отца. Я возделываю хлеб и выращиваю самые тучные колосья во всей провинции. Теперь моя жизнь закончена. Будущее рассудит Вителлия и меня.

— Понтий,— сказала Ламия,— я убежден, что ты действовал по отношению к самаритянам, следуя присущей тебе справедливости и исключительно в интересах Рима. Но не повиновался ли ты в этом случае твоей необузданной храбрости, которая тебя всегда увлекала? Ты знаешь, что в Иудее, когда я еще был моложе тебя и должен был быть более увлекающимся, мне нередко приходилось давать тебе советы милосердия.

— Милосердие по отношению к евреям! — воскликнул Понтий Пилат.— Так много прожив среди них, ты плохо знаешь этих врагов рода человеческого. Все они, без исключения, надменны и подлы, они соединяют позорную трусость с неодолимым упрямством, их любовь надоедлива так же, как их ненависть. Мой ум воспитался, Ламия, на установлениях божественного Августа. Когда я был назначен прокуратором Иудеи, величие римского мира уже облекало землю. Уже нельзя было видеть, как во времена наших гражданских междоусобий, проконсулов, обогащающихся путем грабежа провинций. Я знал свой долг. Я старался руководствоваться лишь благоразумием и умеренностью. Боги мне в этом свидетели, я был настойчив только в милосердии. В чем же мне помогли эти добродетельные помыслы? Ты меня видел, Ламия, когда, в начале моего правления, вспыхнуло первое восстание. Нужно ли напоминать тебе его обстоятельства? Гарнизон цезарей отправлялся на зимние квартиры в Иерусалим. Легионеры несли знамена с изображением цезаря. Это зрелище оскорбило жителей Иерусалима, которые совершенно не при-

знают божественности императора, как будто, если следует повиноваться, не более достойно повиноваться богу, нежели человеку. Священники пришли к моему трибуналу, с надменной покорностью прося меня вынести знамена за пределы священного города. Я отказался из уважения к божественности цезаря и величию Империи. Тогда чернь, подстрекаемая жрецами, зашумела вокруг претории мольбами и угрозами. Я приказал солдатам вложить копья в фации [1] и, расположившись вокруг башни Антония, вооружившись жезлами и оружием, рассеять подобно ликторам [2] эту дерзкую толпу. Но, не обращая внимания на удары, евреи продолжали умолять меня, а наиболее упрямые, ложась на землю, вытягивали шею и готовы были умереть под жезлами. Ты был тогда свидетелем моего унижения, Ламия. По приказу Вителлия я должен был вернуть изображения в Цезарею. Конечно, я не заслужил этого позора. Пред лицом бессмертных богов клянусь, что я не оскорбил ни разу за время моего правления справедливости и законов. Но я стар. Мои враги и доносчики умерли. Я умру неотмщенным. Кто защитит мою память?

Он простонал и умолк. Ламия ответил:

— Разумно не поддаваться ни отчаянию, ни надежде относительно неведомого будущего. Разве важно, что люди будут думать о нас? Лишь мы сами свидетели и судьи для себя. Будь уверен, Понтий Пилат, в свидетельстве, которое воздаст тебе твоя доблесть. Довольствуйся тем, что ты сохранил самоуважение и уважение твоих друзей. Впрочем, нельзя управлять народом при помощи одного только милосердия. Любовь к ближним, которую советует философия, находит мало места среди государственных людей.

— Оставим это,— сказал Понтий.— Серные пары, вырывающиеся из Пелегренских полей, обладают большей силой, когда они выходят из земли, еще нагретой солнечными лучами. Мне надо спешить. Прощай! Но так как я встретил друга, я хочу использовать это благодеяние судьбы. Элий Ламия, окажи мне честь — приходи завтра ко мне обедать. Мой дом расположен на берегу моря, на краю города, со стороны Мизена. Ты легко узнаешь его по портику, на котором видна живопись, представляющая Орфея среди тигров и львов, которых он очаровывает звуками лиры.

---

[1] Фации — прутья. Примеч. перев.

[2] Ликторы — нечто вроде полицейских офицеров. Примеч. перев.

— До завтра, Ламия,— сказал он, снова всходя на носилки.— Завтра мы побеседуем о Иудее.

На другой день Ламия пришел в обеденный час к дому Понтия Пилата. Только два ложа ожидали гостей. На сервированном без роскоши, но с достоинством столе стояли серебряные блюда, в которых были приготовлены винные ягоды в меду, дрозды, лукринские устрицы и сицилийские миноги. Понтий и Ламия во время еды расспрашивали друг друга о болезнях, симптомы которых подробно описывали и рассказывали, о различных лекарствах, которые им рекомендовали. Затем, радуясь встрече в Байях, они взапуски хвалили красоту этого побережья и мягкость климата. Ламия превозносил изящество куртизанок, которые встречались на пляже, отягченные золотом и влачащие покрывала, вышитые варварами. Но старый прокуратор был недоволен тщеславием, которое ради пустых камней и тончайших тканей, вытканных человеческой рукой, заставляет переходить римские деньги в руки чужих народов и даже врагов империи. Они заговорили потом о больших работах, выполненных в стране, о чудесном мосте, выстроенном Каем между Путеолом и Байями, о каналах, вырытых Августом, чтобы направить морские воды к озерам Авернскому и Лукринскому.

— Я также,— сказал Понтий со вздохом,— хотел предпринять большие общественные работы. Когда я получил, на мое несчастье, управление Иудеей, я составил план акведука в двести стадий, который должен был доставлять в Иерусалим в изобилии чистую воду. Высота уровня, ширина поперечника, наклон медных водоемов, к которым были бы присоединены распределительные трубы,— все это я изучил и, по мнению инженеров, все разрешил сам. Я разработал устав для водного управления, чтобы никто из частных лиц не мог совершать недозволенные захваты. Были командированы архитекторы и рабочие. Я приказал начать работы. Но далекие от того, чтобы с удовлетворением смотреть на это сооружение, мощные арки которого должны были нести здоровье с водой в их город, жители Иерусалима стали издавать жалобные вопли. Собравшись в толпы, крича о святотатстве и нечестии, они набросились на рабочих и разметали камни, предназначенные для фундамента. Знаешь ли ты, Ламия, более отвратительных варваров? Однако Вителлий

нашел их требования справедливыми, и я получил приказание прервать работу.

— Большой вопрос,— сказал Ламия,— следует ли доставлять счастье людям против их воли?

Понтий Пилат продолжал, не слушая его:

— Отвергнуть акведук, какое безумие! Но все, что исходит от римлян, ненавистно евреям. Мы для них — нечистые существа, и одно наше присутствие уже оскорбляет их. Ты знаешь, что они не осмеливались войти в преторию, боясь оскверниться, и что я должен был производить суд под открытым небом, на той самой мраморной мостовой, где ты так часто ходил.

— Они боятся и презирают нас. Но разве Рим не является матерью и кормилицей для народов, которые все, как дети, радостно нежатся на его любящем лоне? Наши знамена простерли до граней вселенной мир и свободу. Видя в побежденных лишь друзей, мы сохраняем, мы обеспечиваем за завоеванными народами их обычаи и законы. Разве Помпей, покорив Сирию, прежде раздираемую множеством царей, не доставил ей покоя и благоденствия? И когда Рим мог продавать свои благодеяния за золото, разве он брал богатства, которыми изобилуют храмы варваров? Разве он ограбил богиню-мать в Пессинонте; Юпитера в Моримене и Киликии, еврейского бога в Иерусалиме? Антиохия, Пальмира, Арамея, спокойные, несмотря на свое богатство, воздвигают храмы в честь гения Рима и божественности цезаря. Одни только евреи нас ненавидят и дерзко обращаются с нами. Подать приходится вырывать от них, и они упрямо отказываются от военной службы.

— Евреи,— ответил Ламия,— очень привержены к своим древним обычаям. Они подозревали тебя без оснований — я с этим согласен — в желании отменить их закон и изменить их обычаи. Послушай терпеливо, Понтий, если я тебе скажу, что ты не всегда действовал так, чтобы рассеять их прискорбное заблуждение. Ты забавлялся, не сознавая этого, тем, что возбуждал их беспокойство, и я не однажды видел, как ты обнаруживал презрение, которое внушали тебе их религиозные обряды. Ты их оскорблял, в особенности тем, что заставлял легионеров караулить в башне Антония одежды и священные украшения верховного жреца. Надо сознаться, что, не возвышаясь до подобного нам размышления о божественных предметах, евреи славятся таинствами, освященными их древностью.

Понтий Пилат пожал плечами:

— Они совершенно не имеют,— сказал он,— точного представления о сущности божества. Они поклоняются Юпитеру, но не давая ему ни имени, ни изображения. Они не почитают его даже в образе камня, как делают некоторые народы Азии. Они ничего не знают об Аполлоне, Нептуне, Марсе, Плутоне, ни о каких бы то ни было богинях. Однако я полагаю, что они некогда поклонялись Венере, так как еще и теперь женщины кладут на алтарь в жертву голубей, и ты знаешь, так же как и я, что торговцы, устраиваясь под портиками храма, продают парами этих птиц для жертвоприношения. Мне даже доложили однажды, что явился какой-то сумасшедший и разогнал этих торговцев жертвами. Священники жаловались на это как на святотатство. Я думаю, что этот обычай приносить в жертву голубей был установлен в честь Венеры. Почему ты смеешься, Ламия?

— Я смеюсь,— сказал Ламия,— забавной мысли, которая, не знаю почему, пришла мне в голову. Я подумал, что еврейский Юпитер может когда-нибудь явиться в Рим и преследовать там тебя своим гневом. Почему бы нет? Азия и Африка уже дали нам большое число богов. В Риме уже воздвигнут храм в честь Изиды и лающего Анубиса. Мы встречаем на перекрестках и даже на бегах добрую богиню сирийцев, восседающую на осле. И знаешь ли ты, что во время царствования Тиберия один молодой всадник появился в виде рогатого египетского Юпитера и приобрел этим нарядом покровительство одной знатной дамы, слишком добродетельной, чтобы в чем-нибудь отказать богам. Берегись, Понтий, как бы невидимый еврейский Юпитер не высадился однажды в Остии!

При мысли, что божество может явиться из Идуеи, быстрая улыбка скользнула по строгому лицу прокуратора. Затем он серьезно ответил:

— Как евреи могли бы навязать священное писание другим народам, когда они сами спорят между собой относительно истолкования этого закона? Ты их видел, Ламия, разделенными на двадцать враждующих сект, в общественных местах, со своими свитками в руках, поносящих друг друга и рвущих друг друга за бороды. Ты их видел в колоннаде храма раздирающими в знак отчаяния свои грязные одежды вокруг нескольких несчастных, охваченных пророческим бредом. Они не понимают, как можно спорить спокойно, с ясной душой о божественных предме-

тах, которые покрыты тайной и непостигаемы, так как сущность бессмертных остается скрытой от нас и мы не можем постичь ее. Я думаю, однако, что разумно верить в провидение богов. Но евреи совсем не имеют философии, и они не переносят несогласия во взглядах. Наоборот, они считают заслуживающими казни тех, которые держатся относительно божества мнений, противоречащих их закону. И с тех пор, как гений Рима владычествует ими и важнейшие постановления их судей могут быть допущены лишь с разрешения проконсула или прокуратора, они ежеминутно умоляют римский магистрат применить суровый приговор; они осаждают преторию требованиями смерти. Сто раз я их видел разъяренными, богатых и бедных, собравшихся вокруг своих священников, толпящихся вокруг моего кресла из слоновой кости, хватающихся за края моей тоги, за ремни моих сандалий, чтобы вымаливать, чтобы вымогать смерть каких-нибудь несчастных, вину которых я не мог определить и которых я считал лишь столь же безумными, как и их обвинители. Что я говорю — сто раз! Это бывало каждый день, каждый час! И, однако, я должен был исполнять их законы, как наши, так как Рим приказал мне быть не разрушителем, а опорой их обычаев и так как я должен был быть для них прутьями и топором ликтора. В первое время я старался вразумить их; я пытался избавить их несчастные жертвы от казни. Но это милосердие еще более разъяряло их; они выпрашивали свою добычу, кружась вокруг меня, как ястребы, хлопающие крыльями и стучащие клювом. Их священники писали цезарю, будто я нарушаю их законы, и их просьбы, подкрепленные Вителлием, навлекли на меня суровый выговор. Сколько раз я решал послать вместе, как говорят греки, к воронам обвиняемых и судей!

— Не думай, Ламия, что я питаю бессильную злобу и старческий гнев против этого народа. Но я предвижу тяжелое положение, в которое они поставят нас рано или поздно. Так как ими невозможно управлять, их следует уничтожить. В этом нет сомнения: вечно непокорные, таящие бунт в своих разгоряченных душах, они когда-нибудь вспыхнут против нас такою яростью, пред которой ярость нумидийцев и угрозы парфян — не более как детский каприз. Они питают втайне безумные надежды и безрассудно замышляют погубить нас. И может ли быть иначе, если они ждут, согласно какому-то пророчеству, князя их крови, который должен править миром? С этим народом невоз-

можно справиться. Надо, чтоб он больше не существовал. Надо разрушить Иерусалим от основания до вершины. Быть может, как я ни стар, мне будет в один прекрасный день дано увидеть, как падут его стены, как пламя пожрет его дома, как жители будут корчиться на острие меча, как посыплют солью площадь, где был храм. И в этот день я буду наконец отомщен.

Ламия старался придать разговору более мягкий тон.

— Понтий,— сказал он,— я хорошо понимаю твои старые огорчения и твои зловещия предчувствия. Конечно, то, что ты узнал о характере евреев, не слишком лестно для них. Но я, живя в Иерусалиме из любопытства и вращаясь среди народа, нашел у этих людей добродетели, которые остались неизвестны тебе: я знал евреев, полных мягкости, чьи простые нравы и верные сердца напоминают мне то, что рассказывали наши поэты о старце из Эбалии. И ты сам, Понтий, видел умирающими под носилками твоих легионеров простых людей, которые, не называя своего имени, погибали за то, что они считали справедливым. Такие люди вовсе не заслуживают нашего презрения. Я говорю так потому, что во всех случаях надо сохранять меру и справедливость. Но прибавляю, что я никогда не испытывал к евреям живой симпатии. Еврейки же мне очень нравились. Я был тогда молод, и сирийки приводили меня в большое волнение. Их красные губы, их влажные, блестящие во мраке глаза, их пристальные взгляды пронизывали меня насквозь. Накрашенное, благоухающее нардом и миррой, их тело было прекрасно и волшебно.

Понтий слушал эти похвалы с нетерпением.

— Я не принадлежу к числу тех людей, которые попадались в сети евреек,— сказал он,— и (так как об этом зашла речь, Ламия) я никогда не одобрял твоей невоздержанности. Если я недостаточно отметил тогда, что я считал твоей большой виной обольщение жены консула в Риме, то лишь потому, что ты жестоко поплатился за свое преступление. У патрициев брак священен; это институт, на котором держится Рим. Что касается женщин из рабынь и иностранок, мы не завязывали бы с ними никаких отношений, если бы наши тела не были позорно изнежены. Позволь мне тебе сказать, что ты слишком почитал Венеру перекрестков, и в особенности я осуждаю тебя, Ламия, за то, что ты не заключил законного брака и не дал государству детей, как должен сделать каждый добрый гражданин.

Но изгнанник Тиберия уже не слушал старого судью. Выпив свою чашу фалернского, он улыбался какому-то незримому образу.

Помолчав мгновение, он начал очень тихим голосом, постепенно повышая его:

— Они танцовали с такой медлительностью, эти сирийские женщины! Я знал одну еврейку из Иерусалима, которая в хижине, при свете маленькой чадящей лампы, на скверном ковре, танцовала, поднимая руки и ударяя в бубен. Изгибая стан, откинув голову, как бы увлекаемую тяжестью ее рыжих волос, тонущими в сладострастии глазами, пылающая и изнемогающая, гибкая — она бы даже Клеопатру заставила побледнеть от зависти. Я любил ее варварские танцы, ее немного хриплое и все же сладостное пение, благоухания, полусон, в котором она, казалось, жила. Я всюду следовал за нею. Я вошел из-за нее в низменную среду солдат, фигляров и ростовщиков, которые окружали ее. Однажды она исчезла, и я больше не встречал ее. Я долго искал ее в подозрительных улицах и в тавернах. От нее было труднее отвыкнуть, чем от греческого вина. Через несколько месяцев после того, как я потерял ее из виду, я случайно узнал, что она присоединилась к небольшой группе мужчин и женщин, следовавшей за молодым галилейским чудотворцем. Его звали Иисус; он был родом из Назарета и был распят на кресте, не знаю, за какое преступление. Понтий, помнишь ли ты этого человека?

Понтий Пилат нахмурил брови и поднес руки ко лбу, как бы роясь в памяти. Затем, помолчав немного, он пробормотал:

— Иисус? Иисус из Назарета? Не припоминаю.

МИХАИЛ
БУЛГАКОВ

«Мастер и Маргарита»

Главы из романа

ПОНТИЙ ПИЛАТ

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета. Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожи и конвоя примешивается проклятая розовая струя. От флигелей в тылу дворца, где расположилась пришедшая с прокуратором в Ершалаим первая когорта Двенадцатого Молниеносного легиона, заносило дымком в колоннаду через верхнюю площадку сада, и к горьковатому дыму, свидетельствовавшему о том, что кашевары в кентуриях начали готовить обед, примешивался все тот же жирный розовый дух. О боги, боги, за что вы наказываете меня?

«Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит полголовы. От нее нет средств, нет никакого спасения. Попробую не двигать головой».

На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону.

Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента. Не удержавшись от болезненной гримасы, прокура-

тор искоса, бегло проглядел написанное, вернул пергамент секретарю и с трудом проговорил:

— Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

— Да, прокуратор,— ответил секретарь.

— Что же он?

— Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение,— объяснил секретарь.

Прокуратор дернул щекой и сказал тихо:

— Приведите обвиняемого.

И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшейся кровью. Приведенный с тревожным любопытством глядел на прокуратора.

Тот помолчал, потом тихо спросил по-арамейски:

— Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?

Прокуратор при этом сидел как каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов. Прокуратор был как каменный, потому что боялся качнуть пылающей адской болью головой.

Человек со связанными руками несколько подался вперед и начал говорить:

— Добрый человек! Поверь мне...

Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же перебил его:

— Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно,— и так же монотонно прибавил: — Кентуриона Крысобоя ко мне.

Всем показалось, что на балконе потемнело, когда кентурион, командующий особой кентурией, Марк, прозванный Крысобоем, предстал перед прокуратором.

Крысобой был на голову выше самого высокого из солдат легиона и настолько широк в плечах, что совершенно заслонил еще невысокое солнце.

Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни:

— Преступник называет меня «добрый человек». Вы-

ведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить.

И все, кроме неподвижного прокуратора, проводили взглядом Марка Крысобоя, который махнул рукою арестованному, показывая, что тот должен следовать за ним.

Крысобоя вообще все провожали взглядами, где бы он ни появлялся, из-за его роста, а те, кто видел его впервые, из-за того еще, что лицо кентуриона было изуродовано: нос его некогда был разбит ударом германской палицы.

Простучали тяжелые сапоги Марка по мозаике, связанный пошел за ним бесшумно, полное молчание настало в колоннаде, и слышно было, как ворковали голуби на площадке сада у балкона, да еще вода пела замысловатую приятную песню в фонтане.

Прокуратору захотелось подняться, подставить висок под струю и так замереть. Но он знал, что и это ему не поможет.

Выведя арестованного из-под колонн в сад, Крысобой вынул из рук у легионера, стоявшего у подножия бронзовой статуи, бич и, несильно размахнувшись, ударил арестованного по плечам. Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обессмыслились. Марк одною левою рукой, легко, как пустой мешок, вздернул на воздух упавшего, поставил его на ноги и заговорил гнусаво, плохо выговаривая арамейские слова:

— Римского прокуратора называть — игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня или ударить тебя?

Арестованный пошатнулся, но совладал с собою, краска вернулась, он перевел дыхание и ответил хрипло:

— Я понял тебя. Не бей меня.

Через минуту он вновь стоял перед прокуратором.

Прозвучал тусклый, больной голос:

— Имя?

— Мое? — торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывать более гнева.

Прокуратор сказал негромко:

— Мое — мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твое.

— Иешуа,— поспешно ответил арестант.

— Прозвище есть?

— Га-Ноцри.

— Откуда ты родом?

— Из города Гамалы,— ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала.

— Кто ты по крови?

— Я точно не знаю,— живо ответил арестованный,— я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...

— Где ты живешь постоянно?

— У меня нет постоянного жилища,— застенчиво ответил арестант,— я путешествую из города в город.

— Это можно выразить короче, одним словом — бродяга,— сказал прокуратор и спросил: — Родные есть?

— Нет никого. Я один в мире.

— Знаешь ли грамоту?

— Да.

— Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?

— Знаю. Греческий.

Вспухшее веко приподнялось, подернутый дымкой страдания глаз уставился на арестованного. Другой глаз остался закрытым.

Пилат заговорил по-гречески:

— Так ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ?

Тут арестант опять оживился, глаза его перестали выражать испуг, и он заговорил по-гречески:

— Я, доб...— тут ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился,— я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие.

Удивление выразилось на лице секретаря, сгорбившегося над низеньким столом и записывавшего показания. Он поднял голову, но тотчас же опять склонил ее к пергаменту.

— Множество разных людей стекается в этот город к празднику. Бывают среди них маги, астрологи, предсказатели и убийцы,— говорил монотонно прокуратор,— а попадаются и лгуны. Ты, например, лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди.

— Эти добрые люди,— заговорил арестант и, торопливо прибавив: — игемон,— продолжал: — ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю

опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной.

Наступило молчание. Теперь уже оба больные глаза тяжело глядели на арестанта.

— Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник,— произнес Пилат мягко и монотонно,— за тобою записано немного, но записанного достаточно, чтобы тебя повесить.

— Нет, нет, игемон,— весь напрягаясь в желании убедить, говорил арестованный,— ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты, бога ради, свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал.

— Кто такой? — брезгливо спросил Пилат и тронул висок рукой.

— Левий Матвей,— охотно объяснил арестант,— он был сборщиком податей, и я с ним встретился впервые на дороге в Виффагии, там, где углом выходит фиговый сад, и разговорился с ним. Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой,— тут арестант усмехнулся,— я лично не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово...

Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивленный взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора.

— ...однако, послушав меня, он стал смягчаться,— продолжал Иешуа,— наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мною путешествовать...

Пилат усмехнулся одною щекой, оскалив желтые зубы, и промолвил, повернувшись всем туловищем к секретарю:

— О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем. Сборщик податей, вы слышите, бросил деньги на дорогу!

Не зная, как ответить на это, секретарь счел нужным повторить улыбку Пилата.

— А он сказал, что деньги ему отныне стали ненавистны,— объяснил Иешуа странные действия Левия Матвея и добавил: — И с тех пор он стал моим спутником.

Все еще скалясь, прокуратор поглядел на арестованного, затем на солнце, неуклонно подымающееся вверх над конными статуями гипподрома, лежащего далеко внизу

направо. и вдруг в какой-то тошной муке подумал о том, что проще всего было бы изгнать с балкона этого странного разбойника, произнеся только два слова: «Повесить его». Изгнать и конвой, уйти из колоннады внутрь дворца, велеть затемнить комнату, повалиться на ложе, потребовать холодной воды, жалобным голосом позвать собаку Банга́, пожаловаться ей на гемикранию. И мысль об яде вдруг соблазнительно мелькнула в больной голове прокуратора.

Он смотрел мутными глазами на арестованного и некоторое время молчал, мучительно вспоминая, зачем на утреннем безжалостном ершалаимском солнцепеке стоит перед ним арестант с обезображенным побоями лицом и какие еще никому не нужные вопросы ему придется задавать.

— Левий Матвей? — хриплым голосом спросил больной и закрыл глаза.

— Да, Левий Матвей,— донесся до него высокий, мучающий его голос.

— А вот что ты все-таки говорил про храм толпе на базаре?

Голос отвечавшего, казалось, колол Пилату в висок, был невыразимо мучителен, и этот голос говорил:

— Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее.

— Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И тут прокуратор подумал: «О, боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше...» И опять померещилась ему чаша с темною жидкостью. «Яду мне, яду!»

И вновь он услышал голос:

— Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.

Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова.

Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над гипподромом, что луч пробрался в колоннаду и подползает к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится от солнца.

Тут прокуратор поднялся с кресла, сжал голову руками, и на желтоватом его бритом лице выразился ужас. Но он тотчас же подавил его своею волею и вновь опустился в кресло.

Арестант же тем временем продолжал свою речь, но секретарь ничего более не записывал, а только, вытянув шею, как гусь, старался не проронить ни одного слова.

— Ну вот, все и кончилось,— говорил арестованный, благожелательно поглядывая на Пилата,— и я чрезвычайно этому рад. Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе. Гроза начнется,— арестант повернулся, прищурился на солнце,— позже, к вечеру. Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы тебя. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека.

Секретарь смертельно побледнел и уронил свиток на пол.

— Беда в том,— продолжал никем не останавливаемый связанный,— что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон,— и тут говорящий позволил себе улыбнуться.

Секретарь думал теперь только об одном, верить ли ему ушам своим или не верить. Приходилось верить. Тогда он постарался представить себе, в какую именно причудливую форму выльется гнев вспыльчивого прокуратора при этой неслыханной дерзости арестованного. И этого секретарь представить себе не мог, хотя и хорошо знал прокуратора.

Тогда раздался сорванный, хрипловатый голос прокуратора, по-латыни сказавшего:

— Развяжите ему руки.

Один из конвойных легионеров стукнул копьем, передал его другому, подошел и снял веревки с арестанта. Секретарь поднял свиток, решил пока что ничего не записывать и ничему не удивляться.

— Сознайся,— тихо по-гречески спросил Пилат,— ты великий врач?

— Нет, прокуратор, я не врач,— ответил арестант, с наслаждением потирая измятую и опухшую багровую кисть руки.

Круто, исподлобья Пилат буравил глазами арестанта, и в этих глазах уже не было мути, в них появились всем знакомые искры.

— Я не спросил тебя,— сказал Пилат,— ты, может быть, знаешь и латинский язык?

— Да, знаю,— ответил арестант.

Краска выступила на желтоватых щеках Пилата, и он спросил по-латыни:

— Как ты узнал, что я хотел позвать собаку?

— Это очень просто,— ответил арестант по-латыни,— ты водил рукой по воздуху,— арестант повторил жест Пилата,— как будто хотел погладить, и губы...

— Да,— сказал Пилат.

Помолчали, потом Пилат задал вопрос по-гречески:

— Итак, ты врач?

— Нет, нет,— живо ответил арестант,— поверь мне, я не врач.

— Ну, хорошо. Если хочешь это держать в тайне, держи. К делу это прямого отношения не имеет. Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм?

— Я, игемон, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. Разве я похож на слабоумного?

— О да, ты не похож на слабоумного,— тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой,— так поклянись, что этого не было.

— Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? — спросил, очень оживившись, развязанный.

— Ну, хотя бы жизнью твоею,— ответил прокуратор,— ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

— Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон? — спросил арестант,— если это так, ты очень ошибаешься.

Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:

— Я могу перерезать этот волосок.

— И в этом ты ошибаешься,— светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант,— согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

— Так, так,— улыбнувшись, сказал Пилат,— теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Ершалаиме ходили за тобою по пятам. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо. Кстати, скажи: верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку? — тут прокуратор указал на свиток пергамента.

Арестант недоуменно поглядел на прокуратора.

— У меня и осла-то никакого нет, игемон,— сказал он.— Пришел я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пешком, в сопровождении одного Левия Матвея, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не знал.

— Не знаешь ли ты таких,— продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта,— некоего Дисмаса, другого — Гестаса и третьего — Вар-раввана?

— Этих добрых людей я не знаю,— ответил арестант.

— Правда?

— Правда.

— А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех,— ответил арестант,— злых людей нет на свете.

— Впервые слышу об этом,— сказал Пилат, усмехнувшись,— но, может быть, я мало знаю жизнь! Можете дальнейшее не записывать,— обратился он к секретарю, хотя тот и так ничего не записывал, и продолжал говорить арестанту: — В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

— Нет, я своим умом дошел до этого.

— И ты проповедуешь это?

— Да.

— А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоем,— он — добрый?

— Да,— ответил арестант,— он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств. Интересно бы знать, кто его искалечил?

— Охотно могу сообщить это,— отозвался Пилат,— ибо я был свидетелем этого. Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя. Германцы вцепились ему в шею, в руки, в ноги. Пехотный манипул попал в мешок, и если бы не врубилась с фланга кавалерийская турма,

а командовал ею я,— тебе, философ, не пришлось бы разговаривать с Крысобоем. Это было в бою при Идиставизо, в Долине Дев.

— Если бы с ним поговорить,— вдруг мечтательно сказал арестант,— я уверен, что он резко изменился бы.

— Я полагаю,— отозвался Пилат,— что мало радости ты доставил бы легату легиона, если бы вздумал разговаривать с кем-нибудь из его офицеров или солдат. Впрочем, этого и не случится, к общему счастью, и первый, кто об этом позаботится, буду я.

В это время в колоннаду стремительно влетела ласточка, сделала под золотым потолком круг, снизилась, чуть не задела острым крылом лица медной статуи в нише и скрылась за капителью колонны. Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо.

В течение ее полета в светлой теперь и легкой голове прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа, по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные, утопические речи Га-Ноцри могут быть причиною волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению в Кесарии Стратоновой на Средиземном море, то есть именно там, где резиденция прокуратора.

Оставалось это продиктовать секретарю.

Крылья ласточки фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю. Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того столбом загорелась пыль.

— Все о нем? — спросил Пилат у секретаря.

— Нет, к сожалению,— неожиданно ответил секретарь и подал Пилату другой кусок пергамента.

— Что еще там? — спросил Пилат и нахмурился.

Прочитав поданное, он еще более изменился в лице. Темная ли кровь прилила к шее и лицу или случилось что-либо другое, но только кожа его утратила желтизну, побурела, а глаза как будто провалились.

Опять-таки виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и застучавшая в них, только у прокура-

тора что-то случилось со зрением. Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедавшая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризною губой. Пилату показалось, что исчезли розовые колонны балкона и кровли Ершалаима вдали, внизу за садом, и все утонуло вокруг в густейшей зелени капрейских садов. И со слухом совершилось что-то странное — как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...»

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «Погиб!», потом: «Погибли!..» И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то долженствующем непременно быть — и с кем?! — бессмертии, причем бессмертие почему-то вызвало нестерпимую тоску.

Пилат напрягся, изгнал видение, вернулся взором на балкон, и опять перед ним оказались глаза арестанта.

— Слушай, Га-Ноцри,— заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны,— ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?.. Или... не... говорил? — Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

— Правду говорить легко и приятно,— заметил арестант.

— Мне не нужно знать,— придушенным, злым голосом отозвался Пилат,— приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить. Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти.

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он позволил себе поднять руку, как бы заслоняясь от солнечного луча, и за этой рукой, как за щитом, послать арестанту какой-то намекающий взор.

— Итак,— говорил он,— отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре?

— Дело было так,— охотно начал рассказывать арестант,— позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из

города Кириафа. Он пригласил меня к себе в дом в Нижнем Городе и угостил...

— Добрый человек? — спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах.

— Очень добрый и любознательный человек,— подтвердил арестант,— он выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...

— Светильники зажег...— сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали.

— Да,— немного удивившись осведомленности прокуратора, продолжал Иешуа,— попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал.

— И что же ты сказал? — спросил Пилат,— или ты ответишь, что ты забыл, что говорил? — но в тоне Пилата была уже безнадежность.

— В числе прочего я говорил,— рассказывал арестант,— что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

— Далее!

— Далее ничего не было,— сказал арестант,— тут вбежали люди, стали вязать меня и повели в тюрьму.

Секретарь, стараясь не проронить ни слова, быстро чертил на пергаменте слова.

— На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия! — сорванный и больной голос Пилата разросся.

Прокуратор с ненавистью почему-то глядел на секретаря и конвой.

— И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней! — Тут Пилат вскричал: — Вывести конвой с балкона! — И, повернувшись к секретарю, добавил: — Оставьте меня с преступником наедине, здесь государственное дело.

Конвой поднял копья и, мерно стуча подкованными калигами, вышел с балкона в сад, а за конвоем вышел и секретарь.

Молчание на балконе некоторое время нарушала только песня воды в фонтане. Пилат видел, как вздувалась над трубочкой водяная тарелка, как отламывались ее края, как падали струйками.

Первым заговорил арестант:

— Я вижу, что совершилась какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль.

— Я думаю,— странно усмехнувшись, ответил прокуратор,— что есть еще кое-кто на свете, кого тебе следовало бы пожалеть более, чем Иуду из Кириафа, и кому придется гораздо хуже, чем Иуде! Итак, Марк Крысобой, холодный и убежденный палач, люди, которые, как я вижу,— прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа,— тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда — все они добрые люди?

— Да,— ответил арестант.

— И настанет царство истины?

— Настанет, игемон,— убежденно ответил Иешуа.

— Оно никогда не настанет! — вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. Так много лет тому назад в Долине Дев кричал Пилат своим всадникам слова: «Руби их! Руби их! Великан Крысобой попался!» Он еще повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: — Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

— Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

— Бог один,— ответил Иешуа,— в него я верю.

— Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем,— тут голос Пилата сел,— это не поможет. Жены нет? — почему-то тоскливо спросил Пилат, не понимая, что с ним происходит.

— Нет, я один.

— Ненавистный город,— вдруг почему-то пробормотал прокуратор и передернул плечами, как будто озяб, а руки потер, как бы обмывая их,— если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудою из Кариафа, право, это было бы лучше.

— А ты бы меня отпустил, игемон,— неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен,— я вижу, что меня хотят убить.

Лицо Пилата исказилось судорогой, он обратил к Иешуа воспаленные, в красных жилках белки глаз и сказал:

— Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место? Я твоих мыслей не разделяю! И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись.

— Игемон...

— Молчать! — вскричал Пилат и бешеным взором проводил ласточку, опять впорхнувшую на балкон,— ко мне! — крикнул Пилат.

И когда секретарь и конвой вернулись на свои места, Пилат объявил, что утверждает смертный приговор, вынесенный в собрании Малого Синедриона преступнику Иешуа Га-Ноцри, и секретарь записал сказанное Пилатом.

Через минуту перед прокуратором стоял Марк Крысобой. Ему прокуратор приказал сдать преступника начальнику тайной службы и при этом передать ему распоряжение прокуратора о том, чтобы Иешуа Га-Ноцри был отделен от других осужденных, а также о том, чтобы команде тайной службы было под страхом тяжкой кары запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на какие-либо его вопросы.

По знаку Марка вокруг Иешуа сомкнулся конвой и вывел его с балкона.

Затем перед прокуратором предстал стройный, светлобородый красавец со сверкающими на груди львиными мордами, с орлиными перьями на гребне шлема, с золотыми бляшками на портупее меча, в зашнурованной до колен обуви на тройной подошве, в наброшенном на левое плечо багряном плаще. Это был командующий легионом легат. Его прокуратор спросил о том, где сейчас находится себастийская когорта. Легат сообщил, что себастийцы держат оцепление на площади перед гипподромом, где будет объявлен народу приговор над преступниками.

Тогда прокуратор распорядился, чтобы легат выделил из римской когорты две кентурии. Одна из них, под командою Крысобоя, должна будет конвоировать преступников, повозки с приспособлениями для казни и палачей при отправлении на Лысую Гору, а при прибытии на нее войти в верхнее оцепление. Другая же должна быть сейчас же отправлена на Лысую Гору и начинать оцепление немедленно. Для этой же цели, то есть для охраны Горы, прокуратор попросил легата отправить вспомогательный кавалерийский полк — сирийскую алу.

Когда легат покинул балкон, прокуратор приказал секретарю пригласить президента Синедриона, двух членов его и начальника храмовой стражи Ершалаима во дворец, но при этом добавил, что просит устроить так, чтобы до совещания со всеми этими людьми он мог говорить с президентом раньше и наедине.

Приказания прокуратора были исполнены быстро и точно, и солнце, с какою-то необыкновенною яростью сжигавшее в эти дни Ершалаим, не успело еще приблизиться к своей наивысшей точке, когда на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, сторожививших лестницу, встретились прокуратор и исполняющий обязанности президента Синедриона первосвященник иудейский Иосиф Каифа.

В саду было тихо. Но, выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада с пальмами на чудовищных слоновых ногах, площадь, с которой перед прокуратором развернулся весь ненавистный ему Ершалаим с висячими мостами, крепостями и — самое главное — с не поддающейся никакому описанию глыбой мрамора с золотою драконовой чешуею вместо крыши — храмом Ершалаимским,— острым слухом уловил прокуратор далеко и внизу, там, где каменная стена отделяла нижние террасы дворцового сада от городской площади, низкое ворчание, над которым взмывали по временам слабенькие, тонкие не то стоны, не то крики.

Прокуратор понял, что там на площади уже собралась несметная толпа взволнованных последними беспорядками жителей Ершалаима, что эта толпа в нетерпении ожидает вынесения приговора и что в ней кричат беспокойные продавцы воды.

Прокуратор начал с того, что пригласил первосвященника на балкон, с тем чтобы укрыться от безжалостного зноя, но Каифа вежливо извинился и объяснил, что сделать этого не может. Пилат накинул капюшон на свою чуть лысеющую голову и начал разговор. Разговор этот шел по-гречески.

Пилат сказал, что он разобрал дело Иешуа Га-Ноцри и утвердил смертный приговор.

Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, кроме того, этот Иешуа Га-Ноцри. Первые двое, вздумавшие подбивать народ на бунт против кесаря, взяты с боем римскою властью, числятся

за прокуратором, и, следовательно, о них здесь речь идти не будет. Последние же, Вар-равван и Га-Ноцри, схвачены местной властью и осуждены Синедрионом. Согласно закону, согласно обычаю, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника пасхи.

Итак, прокуратор желает знать, кого из двух преступников намерен освободить Синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцри? Каифа склонил голову в знак того, что вопрос ему ясен, и ответил:

— Синедрион просит отпустить Вар-раввана.

Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ вызывает его изумление.

Пилат это и сделал с большим искусством. Брови на надменном лице поднялись, прокуратор прямо в глаза поглядел первосвященнику с изумлением.

— Признаюсь, этот ответ меня удивил,— мягко заговорил прокуратор,— боюсь, нет ли здесь недоразумения.

Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована.

В самом деле: преступления Вар-раввана и Га-Ноцри совершенно не сравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Ершалаиме и других некоторых местах, то первый отягощен гораздо значительнее. Мало того, что он позволил себе прямые призывы к мятежу, но он еще убил стража при попытках брать его. Вар-равван гораздо опаснее, нежели Га-Ноцри.

В силу всего изложенного прокуратор просит первосвященника пересмотреть решение и оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее вреден, а таким, без сомнения, является Га-Ноцри. Итак?

Каифа прямо в глаза посмотрел Пилату и сказал тихим, но твердым голосом, что Синедрион внимательно ознакомился с делом и вторично сообщает, что намерен освободить Вар-раввана.

— Как? Даже после моего ходатайства? Ходатайства того, в лице которого говорит римская власть? Первосвященник, повтори в третий раз.

— И в третий раз мы сообщаем, что освобождаем Вар-раввана,— тихо сказал Каифа.

Все было кончено, и говорить более было не о чем. Га-Ноцри уходил навсегда, и страшные, злые боли прокуратора некому излечить; от них нет средства, кроме смерти. Но не эта мысль поразила сейчас Пилата. Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконе, пронизала все его существо. Он тотчас постарался ее объяснить, и объяснение было странное: показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал.

Пилат прогнал эту мысль, и она улетела в одно мгновение, как и прилетела. Она улетела, а тоска осталась необъясненной, ибо не могла же ее объяснить мелькнувшая как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль: «Бессмертие... пришло бессмертие...» Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке.

— Хорошо,— сказал Пилат,— да будет так.

Тут он оглянулся, окинул взором видимый ему мир и удивился происшедшей перемене. Пропал отягощенный розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень. Поплыла вместо этого всего какая-то багровая гуща, в ней закачались водоросли и двинулись куда-то, а вместе с ними двинулся и сам Пилат. Теперь его уносил, удушая и обжигая, самый страшный гнев, гнев бессилия.

— Тесно мне,— вымолвил Пилат,— тесно мне!

Он холодно влажною рукой рванул пряжку с ворота плаща, и та упала на песок.

— Сегодня душно, где-то идет гроза,— отозвался Каифа, не сводя глаз с покрасневшего лица прокуратора и предвидя все муки, которые еще предстоят. «О, какой страшный месяц нисан в этом году!»

— Нет,— сказал Пилат,— это не оттого, что душно, а тесно мне стало с тобой, Каифа,— и, сузив глаза, Пилат улыбнулся и добавил: — Побереги себя, первосвященник.

Темные глаза первосвященника блеснули, и, не хуже, чем ранее прокуратор, он выразил на своем лице удивление.

— Что слышу я, прокуратор? — гордо и спокойно ответил Каифа,— ты угрожаешь мне после вынесенного приговора, утвержденного тобою самим? Может ли это быть? Мы привыкли к тому, что римский прокуратор выбирает

слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь, игемон?

Пилат мертвыми глазами поглядел на первосвященника и, оскалившись, изобразил улыбку.

— Что ты, первосвященник! Кто же может услышать нас сейчас здесь? Разве я похож на юного бродячего юродивого, которого сегодня казнят? Мальчик ли я, Каифа? Знаю, что говорю и где говорю. Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что мышь не проникнет ни в какую щель! Да не только мышь, не проникнет даже этот, как его... из города Кириафа. Кстати, ты знаешь такого, первосвященник? Да... если бы такой проник сюда, он горько пожалел бы себя, в этом ты мне, конечно, поверишь? Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя! Ни тебе, ни народу твоему,— и Пилат указал вдаль направо, туда, где в высоте пылал храм,— это я тебе говорю — Пилат Понтийский, всадник Золотое Копье!

— Знаю, знаю! — бесстрашно ответил чернобородый Каифа, и глаза его сверкнули. Он вознес руку к небу и продолжал: — Знает народ иудейский, что ты ненавидишь его лютою ненавистью и много мучений ты ему причинишь, но вовсе ты его не погубишь! Защитит его бог! Услышит нас, услышит всемогущий кесарь, укроет нас от губителя Пилата!

— О нет! — воскликнул Пилат, и с каждым словом ему становилось легче и легче: не нужно больше притворяться, не нужно было подбирать слова.— Слишком много ты жаловался кесарю на меня, и настал теперь мой час, Каифа! Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору, весть о том, как вы заведомых мятежников в Ершалаиме прячете от смерти. И не водою из Соломонова пруда, как хотел я для вашей пользы, напою я тогда Ершалаим! Нет, не водою! Вспомни, как мне пришлось из-за вас снимать со стен щиты с вензелями императора, перемещать войска, пришлось, видишь, самому приехать, глядеть, что у вас тут творится! Вспомни мое слово, первосвященник. Увидишь ты не одну когорту в Ершалаиме, нет! Придет под стены города полностью легион Фульмината, подойдет арабская конница, тогда услышишь ты горький плач и стенания! Вспомнишь ты тогда спасенного Вар-раввана и пожалеешь, что послал на смерть философа с его мирною проповедью!

Лицо первосвященника покрылось пятнами, глаза горе-

ли. Он, подобно прокуратору, улыбнулся, скалясь, и ответил:

— Веришь ли ты, прокуратор, сам тому, что сейчас говоришь? Нет, не веришь! Не мир, не мир принес нам обольститель народа в Ершалаим, и ты, всадник, это прекрасно понимаешь. Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвел народ под римские мечи! Но я, первосвященник иудейский, покуда жив, не дам на поругание веру и защищу народ! Ты слышишь, Пилат? — И тут Каифа грозно поднял руку: — Прислушайся, прокуратор!

Каифа смолк, и прокуратор услыхал опять как бы шум моря, подкатывающего к самым стенам сада Ирода Великого. Этот шум поднимался снизу к ногам и в лицо прокуратору. А за спиною у него, там, за крыльями дворца, слышались тревожные трубные сигналы, тяжкий хруст сотен ног, железное бряцание,— тут прокуратор понял, что римская пехота уже выходит, согласно его приказу, стремясь на страшный для бунтовщиков и разбойников предсмертный парад.

— Ты слышишь, прокуратор? — тихо повторил первосвященник,— неужели ты скажешь мне, что все это,— тут первосвященник поднял обе руки, и темный капюшон свалился с головы Каифы,— вызвал жалкий разбойник Вар-равван?

Прокуратор тыльной стороной кисти руки вытер мокрый, холодный лоб, поглядел в землю, потом, прищурившись, в небо, увидел, что раскаленный шар почти над самой его головою, а тень Каифы совсем съежилась у львиного хвоста, и сказал тихо и равнодушно:

— Дело идет к полудню. Мы увлеклись беседою, а между тем надо продолжать.

В изысканных выражениях извинившись перед первосвященником, он попросил его присесть на скамью в тени магнолии и обождать, пока он вызовет остальных лиц, нужных для последнего краткого совещания, и отдаст еще одно распоряжение, связанное с казнью.

Каифа вежливо поклонился, приложив руку к сердцу, и остался в саду, а Пилат вернулся на балкон. Там ожидавшему его секретарю он велел пригласить в сад легата легиона, трибуна когорты, а также двух членов Синедриона и начальника храмовой стражи, ожидавших вызова на следующей нижней террасе сада в круглой беседке

с фонтаном. К этому Пилат добавил, что он тотчас выйдет и сам, и удалился внутрь дворца.

Пока секретарь собирал совещание, прокуратор в затененной от солнца темными шторами комнате имел свидание с каким-то человеком, лицо которого было наполовину прикрыто капюшоном, хотя в комнате лучи солнца и не могли его беспокоить. Свидание это было чрезвычайно кратко. Прокуратор тихо сказал человеку несколько слов, после чего тот удалился, а Пилат через колоннаду прошел в сад.

Там в присутствии всех, кого он желал видеть, прокуратор торжественно и сухо подтвердил, что он утверждает смертный приговор Иешуа Га-Ноцри, и официально осведомился у членов Синедриона о том, кого из преступников угодно оставить в живых. Получив ответ, что это — Вар-равван, прокуратор сказал:

— Очень хорошо,— и велел секретарю тут же занести это в протокол, сжал в руке поднятую секретарем с песка пряжку и торжественно сказал: — Пора!

Тут все присутствующие тронулись вниз по широкой мраморной лестнице меж стен роз, источавших одуряющий аромат, спускаясь все ниже и ниже к дворцовой стене, к воротам, выводящим на большую, гладко вымощенную площадь, в конце которой виднелись колонны и статуи ершалаимского ристалища.

Лишь только группа, выйдя из сада на площадь, поднялась на обширный, царящий над площадью каменный помост, Пилат, оглядываясь сквозь прищуренные веки, разобрался в обстановке. То пространство, которое он только что прошел, то есть пространство от дворцовой стены до помоста, было пусто, но зато впереди себя Пилат площади уже не увидел — ее съела толпа. Она залила бы и самый помост, и то очищенное пространство, если бы тройной ряд себастийских солдат по левую руку Пилата и солдат итурейской вспомогательной когорты по правую — не держал ее.

Итак, Пилат поднялся на помост, сжимая машинально в кулаке ненужную пряжку и щурясь. Щурился прокуратор не оттого, что солнце жгло ему глаза, нет! Он не хотел почему-то видеть группу осужденных, которых, как он это прекрасно знал, сейчас вслед за ним возводят на помост.

Лишь только белый плащ с багряной подбивкой возник в высоте на каменном утесе над краем человеческого

моря, незрячему Пилату в уши ударила звуковая волна: «Га-а-а...» Она началась негромко, зародившись где-то вдали у гипподрома, потом стала громоподобной и, продержавшись несколько секунд, начала спадать. «Увидели меня»,— подумал прокуратор. Волна не дошла до низшей точки и неожиданно стала опять вырастать и, качаясь, поднялась выше первой, и на второй волне, как на морском валу вскипает пена, вскипел свист и отдельные, сквозь гром различимые, женские стоны. «Это их ввели на помост...— подумал Пилат,— а стоны оттого, что задавили несколько женщин, когда толпа подалась вперед».

Он выждал некоторое время, зная, что никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама.

И когда этот момент наступил, прокуратор выбросил вверх правую руку, и последний шум сдуло с толпы.

Тогда Пилат набрал, сколько мог, горячего воздуха в грудь и закричал, и сорванный его голос понесло над тысячами голов:

— Именем кесаря императора!

Тут в уши ему ударил несколько раз железный рубленый крик — в когортах, взбросив вверх копья и значки, страшно прокричали солдаты:

— Да здравствует кесарь!

Пилат задрал голову и уткнул ее прямо в солнце. Под веками у него вспыхнул зеленый огонь, от него загорелся мозг, и над толпою полетели хриплые арамейские слова:

— Четверо преступников, арестованных в Ершалаиме за убийства, подстрекательства к мятежу и оскорбление законов и веры, приговорены к позорной казни — повешению на столбах! И эта казнь сейчас совершится на Лысой Горе! Имена преступников — Дисмас, Гестас, Вар-равван и Га-Ноцри. Вот они перед вами!

Пилат указал вправо рукой, не видя никаких преступников, но зная, что они там, на месте, где им нужно быть.

Толпа ответила длинным гулом как бы удивления или облегчения. Когда же он потух, Пилат продолжал:

— Но казнены из них будут только трое, ибо, согласно закону и обычаю, в честь праздника пасхи одному из осужденных, по выбору Малого Синедриона и по утверждению римской власти, великодушный кесарь императора возвращает его презренную жизнь!

Пилат выкрикивал слова и в то же время слушал,

как на смену гулу идет великая тишина. Теперь ни вздоха, ни шороха не доносилось до его ушей, и даже настало мгновение, когда Пилату показалось, что все кругом вообще исчезло. Ненавидимый им город умер, и только он один стоит, сжигаемый отвесными лучами, упершись лицом в небо. Пилат еще придержал тишину, а потом начал выкрикивать:

— Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...

Он сделал еще одну паузу, задерживая имя, проверяя, все ли сказал, потому что знал, что мертвый город воскреснет после произнесения имени счастливца и никакие дальнейшие слова слышны быть не могут.

«Все? — беззвучно шепнул себе Пилат.— Все. Имя!»

И, раскатив букву «р» над молчащим городом, он прокричал:

— Вар-равван!

Тут ему показалось, что солнце, зазвенев, лопнуло над ним и залило ему огнем уши. В этом огне бушевали рев, визги, стоны, хохот и свист.

Пилат повернулся и пошел по мосту назад к ступеням, не глядя ни на что, кроме разноцветных шашек настила под ногами, чтобы не оступиться. Он знал, что теперь у него за спиною на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо — как человек, который уже был в руках смерти, вырвался из этих рук! Как легионеры снимают с него веревки, невольно причиняя ему жгучую боль в вывихнутых на допросе руках, как он, морщась и охая, все же улыбается бессмысленной, сумасшедшей улыбкой.

Он знал, что в это же время конвой уже ведет к боковым ступеням троих со связанными руками, чтобы выводить их на дорогу, ведущую на запад, за город, к Лысой Горе. Лишь оказавшись за помостом, в тылу его, Пилат открыл глаза, зная, что он теперь в безопасности — осужденных он видеть уже не мог.

К стону начинавшей утихать толпы примешались теперь и были различимы пронзительные выкрики глашатаев, повторявших одни на арамейском, другие на греческом языках все то, что прокричал с помоста прокуратор. Кроме того, до слуха его долетел дробный, стрекочущий и приближающийся конский топот и труба, что-то коротко и весело прокричавшая. Этим звукам ответил сверля-

щий свист мальчишек с кровель домов улицы, выводящей с базара на гипподромскую площадь, и крики «берегись!».

Солдат, одиноко стоявший в очищенном пространстве площади со значком в руке, тревожно взмахнул им, и тогда прокуратор, легат легиона, секретарь и конвой остановились.

Кавалерийская ала, забирая все шире рыси, вылетела на площадь, чтобы пересечь ее в сторонке, минуя скопище народа, и по переулку под каменной стеной, по которой стлался виноград, кратчайшей дорогой проскакать к Лысой Горе.

Летящий рысью маленький, как мальчик, темный, как мулат, командир алы — сириец, равняясь с Пилатом, что-то тонко крикнул и выхватил из ножен меч. Злая вороная взмокшая лошадь шарахнулась, поднялась на дыбы. Вбросив меч в ножны, командир ударил плетью лошадь по шее, выровнял ее и поскакал в переулок, переходя в галоп. За ним по три в ряд полетели всадники в туче пыли, запрыгали кончики легких бамбуковых пик, мимо прокуратора понеслись казавшиеся особенно смуглыми под белыми тюрбанами лица с весело оскаленными, сверкающими зубами.

Поднимая до неба пыль, ала ворвалась в переулок, и мимо Пилата последним проскакал солдат с пылающей на солнце трубою за спиной.

Закрываясь от пыли рукой и недовольно морща лицо, Пилат двинулся дальше, устремляясь к воротам дворцового сада, а за ним двинулся легат, секретарь и конвой.

Было около десяти часов утра.

КАЗНЬ

Солнце уже снижалось над Лысой Горой, и была эта гора оцеплена двойным оцеплением.

Та кавалерийская ала, что перерезала путь прокуратору около полудня, рысью вышла к Хевровским воротам города. Путь для нее уже был приготовлен. Пехотинцы каппадокийской когорты отдавили в стороны скопища людей, мулов и верблюдов, и ала, рыся и подымая до неба белые столбы пыли, вышла на перекресток, где сходились две дороги: южная, ведущая в Вифлеем, и северо-западная — в Яффу. Ала понеслась по северо-западной дороге. Те же каппадокийцы были рассыпаны по краям дороги, и заблаговременно они согнали с нее в стороны все кара-

ваны, спешившие на праздник в Ершалаим. Толпы богомольцев стояли за каппадокийцами, покинув свои временные полосатые шатры, раскинутые прямо на траве. Пройдя около километра, ала обогнала вторую когорту Молниеносного легиона и первая подошла, покрыв еще один километр, к подножию Лысой Горы. Здесь она спешилась. Командир рассыпал алу на взводы, и они оцепили все подножие невысокого холма, оставив свободным только один подъем на него с яффской дороги.

Через некоторое время за алой к холму пришла вторая когорта, поднялась на один ярус выше и венцом опоясала гору.

Наконец подошла кентурия под командой Марка Крысобоя. Она шла, растянутая двумя цепями по краям дороги, а между этими цепями, под конвоем тайной стражи, ехали в повозке трое осужденных с белыми досками на шее, на каждой из которых было написано «Разбойник и мятежник», на двух языках — арамейском и греческом. За повозкой осужденных двигались другие, нагруженные свежеотесанными столбами с перекладинами, веревками, лопатами, ведрами и топорами. На этих повозках ехали шесть палачей. За ними верхом ехали кентурион Марк, начальник храмовой стражи Ершалаима и тот самый человек в капюшоне, с которым Пилат имел мимолетное совещание в затемненной комнате во дворце. Замыкалась процессия солдатскою цепью, а за нею уже шло около двух тысяч любопытных, не испугавшихся адской жары и желавших присутствовать при интересном зрелище.

К этим любопытным из города присоединились теперь любопытные богомольцы, которых беспрепятственно пропускали в хвост процессии. Под тонкие выкрики глашатаев, сопровождавших колонну и кричавших то, что около полудня прокричал Пилат, она втянулась на Лысую Гору.

Ала пропустила всех во второй ярус, а вторая кентурия наверх пропустила только тех, кто имел отношение к казни, а затем, быстро маневрируя, рассеяла толпу вокруг всего холма, так что та оказалась между пехотным оцеплением вверху и кавалерийским внизу. Теперь она могла видеть казнь сквозь неплотную цепь пехотинцев.

Итак, прошло со времени подъема процессии на гору более трех часов, и солнце уже снижалось над Лысой Горой, но жар еще был невыносим, и солдаты в обоих оцеплениях страдали от него, томились от скуки и в душе проклинали трех разбойников, искренне желая им скорейшей смерти.

Маленький командир алы со взмокшим лбом и в темной от пота на спине белой рубахе, находившийся внизу холма у открытого подъема, то и дело подходил к кожаному ведру в первом взводе, черпал из него пригоршнями воду, пил и мочил свой тюрбан. Получив от этого некоторое облегчение, он отходил и вновь начинал мерить взад и вперед пыльную дорогу, ведущую на вершину. Длинный меч его стучал по кожаному шнурованному сапогу. Командир желал показать своим кавалеристам пример выносливости, но, жалея солдат, разрешил им из пик, воткнутых в землю, устроить пирамиды и набросить на них белые плащи. Под этими шалашами и скрывались от безжалостного солнца сирийцы. Ведра пустели быстро, и кавалеристы из разных взводов по очереди отправлялись за водой в балку под город, где в жидкой тени тощих тутовых дерев доживал свои дни на этой дьявольской жаре мутноватый ручей. Тут же стояли, ловя нестойкую тень, и скучали коноводы, державшие присмиревших лошадей.

Томление солдат и брань их по адресу разбойников были понятны. Опасения прокуратора насчет беспорядков, которые могли произойти во время казни в ненавидимом им городе Ершалаиме, по счастью, не оправдались. И когда побежал четвертый час казни, между двумя цепями, верхней пехотой и кавалерией у подножья, не осталось, вопреки всем ожиданиям, ни одного человека. Солнце сожгло толпу и погнало ее обратно в Ершалаим. За цепью двух римских кентурий оказались только две неизвестно кому принадлежащие и зачем-то попавшие на холм собаки. Но и их сморила жара, и они легли, высунув языки, тяжело дыша и не обращая никакого внимания на зеленоспинных ящериц, единственных существ, не боящихся солнца и шныряющих меж раскаленными камнями и какими-то вьющимися по земле растениями с большими колючками.

Никто не сделал попытки отбивать осужденных ни в самом Ершалаиме, наводненном войсками, ни здесь, на оцепленном холме, и толпа вернулась в город, ибо действительно ровно ничего интересного не было в этой казни, а там в городе уже шли приготовления к наступающему вечером великому празднику пасхи.

Римская пехота во втором ярусе страдала еще больше кавалеристов. Кентурион Крысобой единственно что разрешил солдатам — это снять шлемы и накрыться белыми повязками, смоченными водой, но держал солдат стоя и

с копьями в руках. Сам он в такой же повязке, но не смоченной, а сухой, расхаживал невдалеке от группы палачей, не сняв даже со своей рубахи накладных серебряных львиных морд, не сняв поножей, меча и ножа. Солнце било прямо в кентуриона, не причиняя ему никакого вреда, и на львиные морды нельзя было взглянуть, глаза выедал ослепительный блеск как бы вскипавшего на солнце серебра.

На изуродованном лице Крысобоя не выражалось ни утомление, ни неудовольствие, и казалось, что великан кентурион в силах ходить так весь день, всю ночь и еще день,— словом, столько, сколько будет надо. Все так же ходить, наложив руки на тяжелый с медными бляхами пояс, все так же сурово поглядывая то на столбы с казнимыми, то на солдат в цепи, все так же равнодушно отбрасывая носком мохнатого сапога попадающиеся ему под ноги выбеленные временем человеческие кости или мелкие кремни.

Тот человек в капюшоне поместился невдалеке от столбов на трехногом табурете и сидел в благодушной неподвижности, изредка, впрочем, от скуки прутиком расковыривая песок.

То, что было сказано о том, что за цепью легионеров не было ни одного человека, не совсем верно. Один-то человек был, но просто не всем он был виден. Он поместился не на той стороне, где был открыт подъем на гору и с которой было удобнее всего видеть казнь, а в стороне северной, там, где холм был не отлог и доступен, а неровен, где были и провалы и щели, там, где, уцепившись в расщелине за проклятую небом безводную землю, пыталось жить больное фиговое деревцо.

Именно под ним, вовсе не дающим никакой тени, и утвердился этот единственный зритель, а не участник казни, и сидел на камне с самого начала, то есть вот уже четвертый час. Да, для того, чтобы видеть казнь, он выбрал не лучшую, а худшую позицию. Но все-таки и с нее столбы были видны, видны были за цепью и два сверкающие пятна на груди кентуриона, а этого, по-видимому, для человека, явно желавшего остаться мало замеченным и никем не тревожимым, было совершенно достаточно.

Но часа четыре тому назад, при начале казни, этот человек вел себя совершенно не так и очень мог быть замечен, отчего, вероятно, он и переменил теперь свое поведение и уединился.

Тогда, лишь только процессия вошла на самый верх

за цепь, он и появился впервые и притом как человек явно опоздавший. Он тяжело дышал и не шел, а бежал на холм, толкался и, увидев, что перед ним, как и перед всеми другими, сомкнулась цепь, сделал наивную попытку, притворившись, что не понимает раздраженных окриков, прорваться между солдатами к самому месту казни, где уже снимали осужденных с повозки. За это он получил тяжкий удар тупым концом копья в грудь и отскочил от солдат, вскрикнув, но не от боли, а от отчаяния. Ударившего легионера он окинул мутным и совершенно равнодушным ко всему взором, как человек, не чувствительный к физической боли.

Кашляя и задыхаясь, держась за грудь, он обежал кругом холма, стремясь на северной стороне найти какую-нибудь щель в цепи, где можно было бы проскользнуть. Но было уже поздно. Кольцо сомкнулось. И человек с искаженным от горя лицом вынужден был отказаться от своих попыток прорваться к повозкам, с которых уже сняли столбы. Эти попытки ни к чему не привели бы, кроме того, что он был бы схвачен, а быть задержанным в этот день никоим образом не входило в его план.

И вот он ушел в сторону к расщелине, где было спокойнее и никто ему не мешал.

Теперь, сидя на камне, этот чернобородый, с гноящимися от солнца и бессонницы глазами, человек тосковал. Он то вздыхал, открывая свой истасканный в скитаниях, из голубого превратившийся в грязно-серый, таллиф, и обнажал ушибленную копьем грудь, по которой стекал грязный пот, то в невыносимой муке поднимал глаза в небо, следя за тремя стервятниками, давно уже плававшими в вышине большими кругами в предчувствии скорого пира, то вперял безнадежный взор в желтую землю и видел на ней полуразрушенный собачий череп и бегающих вокруг него ящериц.

Мучения человека были настолько велики, что по временам он заговаривал сам с собой.

— О, я глупец! — бормотал он, раскачиваясь на камне в душевной боли и ногтями царапая смуглую грудь,— глупец, неразумная женщина, трус! Падаль я, а не человек!

Он умолкал, поникал головой, потом, напившись из деревянной фляги теплой воды, оживал вновь и хватался то за нож, спрятанный под таллифом на груди, то за кусок пергамента, лежащий перед ним на камне рядом с палочкой и пузырьком с тушью.

На этом пергаменте уже были набросаны записи:

«Бегут минуты, и я, Левий Матвей, нахожусь на Лысой Горе, а смерти все нет!»

Далее:

«Солнце склоняется, а смерти нет».

Теперь Левий Матвей безнадежно записал острой палочкой так:

«Бог! За что гневаешься на него? Пошли ему смерть».

Записав это, он бесслезно всхлипнул и опять ногтями изранил свою грудь.

Причина отчаяния Левия заключалась в той страшной неудаче, что постигла Иешуа и его, и, кроме того, в той тяжкой ошибке, которую он, Левий, по его мнению, совершил. Позавчера днем Иешуа и Левий находились в Вифании под Ершалаимом, где гостили у одного огородника, которому чрезвычайно понравились проповеди Иешуа. Все утро оба гостя проработали на огороде, помогая хозяину, а к вечеру собирались идти по холодку в Ершалаим. Но Иешуа почему-то заспешил, сказал, что у него в городе неотложное дело, и ушел около полудня один. Вот в этом-то и заключалась первая ошибка Левия Матвея. Зачем, зачем он отпустил его одного!

Вечером Матвею идти в Ершалаим не пришлось. Какая-то неожиданная и ужасная хворь поразила его. Его затрясло, тело его наполнилось огнем, он стал стучать зубами и поминутно просить пить. Никуда идти он не мог. Он повалился на попону в сарае огородника и провалялся на ней до рассвета пятницы, когда болезнь так же неожиданно отпустила Левия, как и напала на него. Хоть он был еще слаб и ноги его дрожали, он, томимый каким-то предчувствием беды, распростился с хозяином и отправился в Ершалаим. Там он узнал, что предчувствие его не обмануло. Беда случилась. Левий был в толпе и слышал, как прокуратор объявлял приговор.

Когда осужденных повели на гору, Левий Матвей бежал рядом с цепью в толпе любопытных, стараясь каким-нибудь образом незаметно дать знать Иешуа хотя бы уж то, что он, Левий, здесь, с ним, что он не бросил его на последнем пути и что он молится о том, чтобы смерть Иешуа постигла как можно скорее. Но Иешуа, смотрящий вдаль, туда, куда его увозили, конечно, Левия не видал.

И вот, когда процессия прошла около полуверсты по дороге, Матвея, которого толкали в толпе у самой цепи, осенила простая и гениальная мысль, и тотчас же, по сво-

ей горячности, он осыпал себя проклятиями за то, что она не пришла ему раньше. Солдаты шли не тесною цепью. Между ними были промежутки. При большой ловкости и очень точном расчете можно было, согнувшись, проскочить между двумя легионерами, дорваться до повозки и вскочить на нее. Тогда Иешуа спасен от мучений.

Одного мгновения достаточно, чтобы ударить Иешуа ножом в спину, крикнув ему: «Иешуа! Я спасаю тебя и ухожу вместе с тобой! Я, Матвей, твой верный и единственный ученик!»

А если бы бог благословил еще одним свободным мгновением, можно было бы успеть заколоться и самому, избежав смерти на столбе. Впрочем, последнее мало интересовало Левия, бывшего сборщика податей. Ему было безразлично, как погибать. Он хотел одного, чтобы Иешуа, не сделавший никому в жизни ни малейшего зла, избежал бы истязаний.

План был очень хорош, но дело заключалось в том, что у Левия ножа с собою не было. Не было у него и ни одной монеты денег.

В бешенстве на себя, Левий выбрался из толпы и побежал обратно в город. В горящей его голове прыгала только одна горячечная мысль о том, как сейчас же, каким угодно способом, достать в городе нож и успеть догнать процессию.

Он добежал до городских ворот, лавируя в толчее всасывавшихся в город караванов, и увидел на левой руке у себя раскрытую дверь лавчонки, где продавали хлеб. Тяжело дыша после бега по раскаленной дороге, Левий овладел собой, очень степенно вошел в лавчонку, приветствовал хозяйку, стоявшую за прилавком, попросил ее снять с полки верхний каравай, который почему-то ему понравился больше других, и, когда та повернулась, молча и быстро взял с прилавка то, чего лучше и быть не может,— отточенный, как бритва, длинный хлебный нож, и тотчас кинулся из лавки вон. Через несколько минут он вновь был на яффской дороге. Но процессии уже не было видно. Он побежал. По временам ему приходилось валиться прямо в пыль и лежать неподвижно, чтобы отдышаться. И так он лежал, поражая проезжающих на мулах и шедших пешком в Ершалаим людей. Он лежал, слушая, как колотится его сердце не только в груди, но и в голове и в ушах. Отдышавшись немного, он вскакивал и продолжал бежать, но все медленнее и медленнее. Когда он наконец

увидал пылящую вдали длинную процессию, она была уже у подножия холма.

— О, бог...— простонал Левий, понимая, что он опаздывает. И он опоздал.

Когда истек четвертый час казни, мучения Левия достигли наивысшей степени, и он впал в ярость. Поднявшись с камня, он швырнул на землю бесполезно, как он теперь думал, украденный нож, раздавил флягу ногою, лишив себя воды, сбросил с головы кефи, вцепился в свои жидкие волосы и стал проклинать себя.

Он проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, поносил своего отца и мать, породивших на свет глупца.

Видя, что клятвы и брань не действуют и ничего от этого на солнцепеке не меняется, он сжал сухие кулаки, зажмурившись, вознес их к небу, к солнцу, которое сползало все ниже, удлиняя тени и уходя, чтобы упасть в Средиземное море, и потребовал у бога немедленного чуда. Он требовал, чтобы бог тотчас же послал Иешуа смерть.

Открыв глаза, он убедился в том, что на холме все без изменений, за исключением того, что пылавшие на груди кентуриона пятна потухли. Солнце посылало лучи в спины казнимых, обращенных лицами к Ершалаиму. Тогда Левий закричал:

— Проклинаю тебя, бог!

Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости бога и верить ему более не намерен.

— Ты глух! — рычал Левий,— если б ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил его тут же.

Зажмуриваясь, Левий ждал огня, который упадет на него с неба и поразит его самого. Этого не случилось, и, не разжимая век, Левий продолжал выкрикивать язвительные и обидные речи небу. Он кричал о полном своем разочаровании и о том, что существуют другие боги и религии. Да, другой бог не допустил бы того, никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем солнцем на столбе.

— Я ошибался! — кричал совсем охрипший Левий,— ты бог зла! Или твои глаза совсем закрыл дым из курильниц храма, а уши твои перестали что-либо слышать, кроме трубных звуков священников? Ты не всемогущий бог. Ты черный бог. Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!

Тут что-то дунуло в лицо бывшему сборщику и что-то

зашелестело у него под ногами. Дунуло еще раз, и тогда, открыв глаза, Левий увидел, что все в мире, под влиянием ли его проклятий или в силу каких-либо других причин, изменилось. Солнце исчезло, не дойдя до моря, в котором тонуло ежевечерне. Поглотив его, по небу с запада поднималась грозно и неуклонно грозовая туча. Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым. Туча ворчала, и из нее время от времени вываливались огненные нити. По яффской дороге, по скудной Гионской долине, над шатрами богомольцев, гонимые внезапно поднявшимся ветром, летели пыльные столбы. Левий умолк, стараясь сообразить, принесет ли гроза, которая сейчас накроет Ершалаим, какое-либо изменение в судьбе несчастного Иешуа. И тут же, глядя на нити огня, раскраивающие тучу, стал просить, чтобы молния ударила в столб Иешуа. В раскаянии глядя в чистое небо, которое еще не пожрала туча и где стервятники ложились на крыло, чтобы уходить от грозы, Левий подумал, что безумно поспешил со своими проклятиями. Теперь бог не послушает его.

Обратив свой взор к подножию холма, Левий приковался к тому месту, где стоял, рассыпавшись, кавалерийский полк, и увидел, что там произошли значительные изменения. С высоты Левию удалось хорошо рассмотреть, как солдаты суетились, выдергивая пики из земли, как набрасывали на себя плащи, как коноводы бежали к дороге рысцой, ведя в поводу вороных лошадей. Полк снимался, это было ясно. Левий, защищаясь от бьющей в лицо пыли рукой, отплевываясь, старался сообразить, что бы это значило, что кавалерия собирается уходить? Он перевел взгляд повыше и разглядел фигурку в багряной военной хламиде, поднимающуюся к площадке казни. И тут от предчувствия радостного конца похолодело сердце бывшего сборщика.

Подымавшийся на гору в пятом часу страданий разбойников был командир когорты, прискакавший из Ершалаима в сопровождении ординарца. Цепь солдат по мановению Крысобоя разомкнулась, и кентурион отдал честь трибуну. Тот, отведя Крысобоя в сторону, что-то прошептал ему. Кентурион вторично отдал честь и двинулся к группе палачей, сидящих на камнях у подножий столбов. Трибун же направил свои шаги к тому, кто сидел на трехногом табурете, и сидящий вежливо поднялся навстречу трибуну. И ему что-то негромко сказал трибун, и оба они пошли

к столбам. К ним присоединился и начальник храмовой стражи.

Крысобой, брезгливо покосившись на грязные тряпки, лежащие на земле у столбов, тряпки, бывшие недавно одеждой преступников, от которой отказались палачи, отозвал двух из них и приказал:

— За мною!

С ближайшего столба доносилась хриплая бессмысленная песенка. Повешенный на нем Гестас к концу третьего часа казни сошел с ума от мух и солнца и теперь тихо пел что-то про виноград, но головою, покрытой чалмой, изредка все-таки покачивал, и тогда мухи вяло поднимались с его лица и возвращались на него опять.

Дисмас на втором столбе страдал более двух других, потому что его не одолевало забытье, и он качал головой часто и мерно, то вправо, то влево, чтобы ухом ударять по плечу.

Счастливее двух других был Иешуа. В первый же час его стали поражать обмороки, а затем он впал в забытье, повесив голову в размотавшейся чалме. Мухи и слепни поэтому совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой. В паху, и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело.

Повинуясь жестам человека в капюшоне, один из палачей взял копье, а другой принес к столбу ведро и губку. Первый из палачей поднял копье и постучал им сперва по одной, потом по другой руке Иешуа, вытянутым и привязанным веревками к поперечной перекладине столба. Тело с выпятившимися ребрами вздрогнуло. Палач провел концом копья по животу. Тогда Иешуа поднял голову, и мухи с гуденьем снялись, и открылось лицо повешенного, распухшее от укусов, с заплывшими глазами, неузнаваемое лицо.

Разлепив веки, Га-Ноцри глянул вниз. Глаза его, обычно ясные, теперь были мутноваты.

— Га-Ноцри! — сказал палач.

Га-Ноцри шевельнул вспухшими губами и отозвался хриплым разбойничьим голосом:

— Что тебе надо? Зачем подошел ко мне?

— Пей! — сказал палач, и пропитанная водою губка на конце копья поднялась к губам Иешуа. Радость сверкнула у того в глазах, он прильнул к губке и с жадностью начал впитывать влагу. С соседнего столба донесся голос Дисмаса:

— Несправедливость! Я такой же разбойник, как и он.

Дисмас напрягся, но шевельнуться не смог, руки его в трех местах на перекладине держали веревочные кольца. Он втянул живот, ногтями вцепился в концы перекладин, голову держал повернутой к столбу Иешуа, злоба пылала в глазах Дисмаса.

Пыльная туча накрыла площадку, сильно потемнело. Когда пыль унеслась, кентурион крикнул:

— Молчать на втором столбе!

Дисмас умолк. Иешуа оторвался от губки и, стараясь чтобы голос его звучал ласково и убедительно, и не добившись этого, хрипло попросил палача:

— Дай попить ему.

Становилось все темнее. Туча залила уже полнеба, стремясь к Ершалаиму, белые кипящие облака неслись впереди напоенной черной влагой и огнем тучи. Сверкнуло и ударило над самым холмом. Палач снял губку с копья.

— Славь великодушного игемона! — торжественно шепнул он и тихонько кольнул Иешуа в сердце. Тот дрогнул, шепнул:

— Игемон...

Кровь побежала по его животу, нижняя челюсть судорожно дрогнула, и голова его повисла.

При втором громовом ударе палач уже поил Дисмаса и с теми же словами:

— Славь игемона! — убил и его.

Гестас, лишенный рассудка, испуганно вскрикнул, лишь только палач оказался возле него, но когда губка коснулась его губ, прорычал что-то и вцепился в нее зубами. Через несколько секунд обвисло и его тело, сколько позволяли веревки.

Человек в капюшоне шел по следам палача и кентуриона, а за ним начальник храмовой стражи. Остановившись у первого столба, человек в капюшоне внимательно оглядел окровавленного Иешуа, тронул белой рукой ступню и сказал спутникам.

— Мертв.

То же повторилось и у двух других столбов.

После этого трибун сделал знак кентуриону и, повернувшись, начал уходить с вершины вместе с начальником храмовой стражи и человеком в капюшоне. Настала полутьма, и молнии бороздили черное небо. Из него вдруг брызнуло огнем, и крик кентуриона: «Снимай цепь!» — утонул

в грохоте. Счастливые солдаты кинулись бежать с холма, надевая шлемы. Тьма закрыла Ершалаим.

Ливень хлынул внезапно и застал кентурии на полдороге на холме. Вода обрушилась так страшно, что, когда солдаты бежали книзу, им вдогонку уже летели бушующие потоки. Солдаты скользили и падали на размокшей глине, спеша на ровную дорогу, по которой — уже чуть видная в пелене воды — уходила в Ершалаим до нитки мокрая конница. Через несколько минут в дымном вареве грозы, воды и огня на холме остался только один человек. Потрясая недаром украденным ножом, срываясь со скользких уступов, цепляясь за что попало, иногда ползя на коленях, он стремился к столбам. Он то пропадал в полной мгле, то вдруг освещался трепещущим светом.

Дорвавшись до столбов, уже по щиколотку в воде, он содрал с себя отяжелевший, пропитанный водою таллиф, остался в одной рубахе и припал к ногам Иешуа. Он перерезал веревки на голенях, поднялся на нижнюю перекладину, обнял Иешуа и освободил руки от верхних связей. Голое влажное тело Иешуа обрушилось на Левия и повалило его наземь. Левий тут же хотел взвалить его на плечи, но какая-то мысль остановила его. Он оставил на земле в воде тело с запрокинутой головой и разметанными руками и побежал на разъезжающихся в глиняной жиже ногах к другим столбам. Он перерезал веревки и на них, и два тела обрушились на землю.

Прошло несколько минут, и на вершине холма остались только эти два тела и три пустых столба. Вода била и поворачивала эти тела.

Ни Левия, ни тела Иешуа наверху у холма в это время уже не было.

КАК ПРОКУРАТОР ПЫТАЛСЯ СПАСТИ ИУДУ ИЗ КИРИАФА

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сараи, переулки, пруды... Пропал Ершалаим — великий город, как будто не существовал на свете.

30 Заказ № 313

Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана.

Она уже навалилась своим брюхом на Лысый Череп, где палачи поспешно кололи казнимых, она навалилась на храм в Ершалаиме, сползла дымными потоками с холма и залила Нижний Город. Она вливалась в окошки и гнала с кривых улиц людей в дома. Она не спешила отдавать свою влагу и отдавала только свет. Лишь тогда дымное черное варево распарывал огонь, из кромешной тьмы взлетала вверх великая глыба храма со сверкающим чешуйчатым покровом. Но он угасал во мгновение, и храм погружался в темную бездну. Несколько раз он выскакивал из нее и опять проваливался, и каждый раз этот провал сопровождался грохотом катастрофы.

Другие трепетные мерцания вызывали из бездны противостоящий храму на западном холме дворец Ирода Великого, и страшные безглазые золотые статуи взлетали к черному небу, простирая к нему руки. Но опять прятался небесный огонь, и тяжелые удары грома загоняли золотых идолов во тьму.

Ливень хлынул неожиданно, и тогда гроза перешла в ураган. В том самом месте, где около полудня, близ мраморной скамьи в саду, беседовали прокуратор и первосвященник, с ударом, похожим на пушечный, как трость переломило кипарис. Вместе с водяною пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад.

В это время под колоннами находился только один человек, и этот человек был прокуратор.

Теперь он не сидел в кресле, а лежал на ложе у низкого небольшого стола, уставленного яствами и вином в кувшинах. Другое ложе, пустое, находилось с другой стороны стола. У ног прокуратора простиралась неубранная красная, как бы кровавая, лужа и валялись осколки разбитого кувшина. Слуга, перед грозою накрывавший для прокуратора стол, почему-то растерялся под его взглядом, взволновался от того, что чем-то не угодил, и прокуратор, рассердившись на него, разбил кувшин о мозаичный пол, проговорив:

— Почему в лицо не смотришь, когда подаешь? Разве ты что-нибудь украл?

Черное лицо африканца посерело, в глазах его появил-

ся смертельный ужас, он задрожал и едва не разбил и второй кувшин, но гнев прокуратора почему-то улетел так же быстро, как и прилетел. Африканец кинулся было подбирать осколки и затирать лужу, но прокуратор махнул ему рукою, и раб убежал. А лужа осталась.

Теперь африканец во время урагана прятался возле ниши, где помещалась статуя белой нагой женщины со склоненной головой, боясь показаться не вовремя на глаза и в то же время опасаясь и пропустить момент, когда его может позвать прокуратор.

Лежащий на ложе в грозовом полумраке прокуратор сам наливал себе вино в чашу, пил долгими глотками, по временам притрагивался к хлебу, крошил его, глотал маленькими кусочками, время от времени высасывал устрицы, жевал лимон и пил опять.

Если бы не рев воды, если бы не удары грома, которые, казалось, грозили расплющить крышу дворца, если бы не стук града, молотившего по ступеням балкона, можно было бы расслышать, что прокуратор что-то бормочет, разговаривая сам с собой. И если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет, наблюдатель мог бы видеть, что лицо прокуратора с воспаленными последними бессонницами и вином глазами выражает нетерпение, что прокуратор не только глядит на две белые розы, утонувшие в красной луже, но постоянно поворачивает лицо к саду навстречу водяной пыли и песку, что он кого-то ждет, нетерпеливо ждет.

Прошло некоторое время, и пелена воды перед глазами прокуратора стала редеть. Как ни был яростен ураган, он ослабевал. Сучья больше не трещали и не падали. Удары грома и блистания становились реже. Над Ершалаимом плыло уже не фиолетовое с белой опушкой покрывало, а обыкновенная серая арьергардная туча. Грозу сносило к Мертвому морю.

Теперь уж можно было расслышать в отдельности и шум дождя, и шум воды, низвергающейся по желобам и прямо по ступеням той лестницы, по которой днем прокуратор шел для объявления приговора на площади. А наконец зазвучал и заглушенный доселе фонтан. Светлело. В серой пелене, убегавшей на восток, появились синие окна.

Тут издали, прорываясь сквозь стук уже совсем слабенького дождика, донеслись до слуха прокуратора слабые звуки труб и стрекотание нескольких сот копыт. Услышав это, прокуратор шевельнулся, и лицо его оживилось.

Ала возвращалась с Лысой Горы, судя по звуку, она проходила через ту самую площадь, где был объявлен приговор.

Наконец услышал прокуратор и долгожданные шаги, и шлепанье по лестнице, ведущей к верхней площадке сада перед самым балконом. Прокуратор вытянул шею, и глаза его заблистали, выражая радость.

Между двух мраморных львов показалась сперва голова в капюшоне, а затем и совершенно мокрый человек в облепившем тело плаще. Это был тот самый человек, что перед приговором шептался с прокуратором в затемненной комнате дворца и который во время казни сидел на трехногом табурете, играя прутиком.

Не разбирая луж, человек в капюшоне пересек площадку сада, вступил на мозаичный пол балкона и, подняв руку, сказал высоким приятным голосом:

— Прокуратору здравствовать и радоваться.— Пришедший говорил по-латыни.

— Боги! — воскликнул Пилат,— да ведь на вас нет сухой нитки! Каков ураган? А? Прошу вас немедленно пройти ко мне. Переоденьтесь, сделайте мне одолжение.

Пришедший откинул капюшон, обнаружив совершенно мокрую, с прилипшими ко лбу волосами, голову, и, выразив на своем бритом лице вежливую улыбку, стал отказываться переодеться, уверяя, что дождик не может ему ничем повредить.

— Не хочу слушать,— ответил Пилат и хлопнул в ладоши. Этим он вызвал прячущихся от него слуг и велел им позаботиться о пришедшем, а затем немедленно подавать горячее блюдо. Для того чтобы высушить волосы, переодеться, переобуться и вообще привести себя в порядок, пришедшему к прокуратору понадобилось очень мало времени, и вскорости он появился на балконе в сухих сандалиях, в сухом багряном военном плаще и с приглаженными волосами.

В это время солнце вернулось в Ершалаим и, прежде чем уйти и утонуть в Средиземном море, посылало прощальные лучи ненавидимому прокуратором городу и золотило ступени балкона. Фонтан совсем ожил и распелся во всю мочь, голуби выбрались на песок, гулькали, перепрыгивали через сломанные сучья, клевали что-то в мокром песке. Красная лужа была затерта, убраны черепки, на столе дымилось мясо.

— Я слушаю приказания прокуратора,— сказал пришедший, подходя к столу.

— Но ничего не услышите, пока не сядете и не выпьете вина,— любезно ответил Пилат и указал на другое ложе.

Пришедший прилег, слуга налил в его чашу густое красное вино. Другой слуга, осторожно наклоняясь над плечом Пилата, наполнил чашу прокуратору. После этого тот жестом удалил обоих слуг. Пока пришедший пил и ел, Пилат, прихлебывая вино, поглядывал прищуренными глазами на своего гостя. Явившийся к Пилату человек был средних лет, с очень приятным округлым и опрятным лицом, с мясистым носом. Волосы его были какого-то неопределенного цвета. Сейчас, высыхая, они светлели. Национальность пришельца было бы трудно установить. Основное, что определяло его лицо, это было, пожалуй, выражение добродушия, которое нарушали, впрочем, глаза, или, вернее, не глаза, а манера пришедшего глядеть на собеседника. Обычно маленькие глаза свои пришелец держал под прикрытыми, немного странноватыми, как будто припухшими, веками. Тогда в щелочках этих глаз светилось незлобное лукавство. Надо полагать, что гость прокуратора был наклонен к юмору. Но по временам, совершенно изгоняя поблескивающий этот юмор из щелочек, теперешний гость прокуратора широко открывал веки и взглядывал на своего собеседника внезапно и в упор, как будто с целью быстро разглядеть какое-то незаметное пятнышко на носу у собеседника. Это продолжалось одно мгновение, после чего веки опять опускались, суживались щелочки, и в них начинало светиться добродушие и лукавый ум.

Пришедший не отказался и от второй чаши вина, с видимым наслаждением проглотил несколько устриц, отведал вареных овощей, съел кусок мяса.

Насытившись, он похвалил вино:

— Превосходная лоза, прокуратор, но это — не «Фалерно»?

— «Цекуба», тридцатилетнее,— любезно отозвался прокуратор.

Гость приложил руку к сердцу, отказался что-либо еще есть, объявил, что сыт. Тогда Пилат наполнил свою чашу, гость поступил так же. Оба обедающие отлили немного вина из своих чаш в блюдо с мясом, и прокуратор произнес громко, поднимая чашу:

— За нас, за тебя, кесарь, отец римлян, самый дорогой и лучший из людей!

После этого допили вино, и африканцы убрали со стола яства, оставив на нем фрукты и кувшины. Опять-

таки жестом прокуратор удалил слуг и остался со своим гостем один под колоннадой.

— Итак,— заговорил негромко Пилат,— что можете вы сказать мне о настроении в этом городе?

Он невольно обратил свой взор туда, где за террасами сада, внизу, догорали и колоннады, и плоские кровли, позлащаемые последними лучами.

— Я полагаю, прокуратор,— ответил гость,— что настроение в Ершалаиме теперь удовлетворительное.

— Так что можно ручаться, что беспорядки более не угрожают?

— Ручаться можно,— ласково поглядывая на прокуратора, ответил гость,— лишь за одно в мире — за мощь великого кесаря.

— Да пошлют ему боги долгую жизнь,— тотчас же подхватил Пилат,— и всеобщий мир.— Он помолчал и продолжал: — Так что вы полагаете, что войска теперь можно увести?

— Я полагаю, что когорта Молниеносного может уйти,— ответил гость и прибавил: — Хорошо бы было, если бы на прощанье она продефилировала по городу.

— Очень хорошая мысль,— одобрил прокуратор,— послезавтра я ее отпущу и сам уеду, и — клянусь вам пиром двенадцати богов, ларами клянусь — я отдал бы многое, чтобы сделать это сегодня.

— Прокуратор не любит Ершалаима? — добродушно спросил гость.

— Помилосердствуйте,— улыбаясь, воскликнул прокуратор,— нет более безнадежного места на земле. Я не говорю уже о природе! Я бываю болен всякий раз, как мне приходится сюда приезжать. Но это бы еще полгоря. Но эти праздники — маги, чародеи, волшебники, эти стаи богомольцев... Фанатики, фанатики! Чего стоил один этот мессия, которого они вдруг стали ожидать в этом году! Каждую минуту только и ждешь, что придется быть свидетелем неприятнейшего кровопролития. Все время тасовать войска, читать доносы и ябеды, из которых к тому же половина написана на тебя самого! Согласитесь, что это скучно. О, если бы не императорская служба!..

— Да, праздники здесь трудные,— согласился гость.

— От всей души желаю, чтобы они скорее кончились,— энергично добавил Пилат.— Я получу возможность наконец вернуться в Кесарию. Верите ли, это бредовое сооружение Ирода,— прокуратор махнул рукою вдоль ко-

лоннады, так что стало ясно, что он говорит о дворце,— положительно сводит меня с ума. Я не могу ночевать в нем. Мир не знал более странной архитектуры. Да, но вернемся к делам. Прежде всего, этот проклятый Вар-равван вас не тревожит?

Тут гость и послал свой особенный взгляд в щеку прокуратора. Но тот скучающими глазами глядел вдаль, брезгливо сморщившись и созерцая часть города, лежащую у его ног и угасающую в предвечерье. Угас и взгляд гостя, и веки его опустились.

— Надо думать, что Вар стал теперь безопасен, как ягненок,— заговорил гость, и морщинки появились на круглом лице.— Ему неудобно бунтовать теперь.

— Слишком знаменит? — спросил Пилат, усмехнувшись.

— Прокуратор, как всегда, тонко понимает вопрос!

— Но, во всяком случае,— озабоченно заметил прокуратор, и тонкий, длинный палец с черным камнем перстня поднялся вверх,— надо будет...

— О, прокуратор может быть уверен в том, что, пока я в Иудее, Вар не сделает ни шагу без того, чтобы за ним не шли по пятам.

— Теперь я спокоен, как, впрочем, и всегда спокоен, когда вы здесь.

— Прокуратор слишком добр!

— А теперь прошу сообщить мне о казни,— сказал прокуратор.

— Что именно интересует прокуратора?

— Не было ли со стороны толпы попыток выражения возмущения? Это главное, конечно.

— Никаких,— ответил гость.

— Очень хорошо. Вы сами установили, что смерть пришла?

— Прокуратор может быть уверен в этом.

— А скажите... напиток им давали перед повешением на столбы?

— Да. Но он,— тут гость закрыл глаза,— отказался его выпить.

— Кто именно? — спросил Пилат.

— Простите, игемон! — воскликнул гость,— я не назвал? Га-Ноцри.

— Безумец! — сказал Пилат, почему-то гримасничая. Под левым глазом у него задергалась жилка,— умирать от ожогов солнца! Зачем же отказываться от

того, что предлагается по закону? В каких выражениях он отказался?

— Он сказал,— опять закрывая глаза, ответил гость,— что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь.

— Кого? — глухо спросил Пилат.

— Этого он, игемон, не сказал.

— Не пытался ли он проповедовать что-либо в присутствии солдат?

— Нет, игемон, он не был многословен на этот раз. Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость.

— К чему это было сказано? — услышал гость внезапно треснувший голос.

— Этого нельзя было понять. Он вообще вел себя странно, как, впрочем, и всегда.

— В чем странность?

— Он все время пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих и все время улыбался какой-то растерянной улыбкой.

— Больше ничего? — спросил хриплый голос.

— Больше ничего.

Прокуратор стукнул чашей, наливая себе вина. Осушив ее до самого дна, он заговорил:

— Дело заключается в следующем: хотя мы и не можем обнаружить — в данное время, по крайней мере,— каких-либо его поклонников или последователей, тем не менее ручаться, что их совсем нет, нельзя.

Гость внимательно слушал, наклонив голову.

— И вот, во избежание каких-нибудь сюрпризов,— продолжал прокуратор,— я прошу вас немедленно и без всякого шума убрать с лица земли тела всех трех казненных и похоронить их в тайне и в тишине, так, чтобы о них больше не было ни слуху ни духу.

— Слушаю, игемон,— сказал гость и встал, говоря: — Ввиду сложности и ответственности дела разрешите мне ехать немедленно.

— Нет, присядьте еще,— сказал Пилат, жестом останавливая своего гостя,— есть еще два вопроса. Второй — ваши громадные заслуги на труднейшей работе в должности заведующего тайной службой при прокураторе Иудеи дают мне приятную возможность доложить об этом в Риме.

Тут лицо гостя порозовело, он встал и поклонился прокуратору, говоря:

— Я лишь исполняю свой долг на императорской службе!

— Но я хотел бы просить вас,— продолжал игемон,— если вам предложат перевод отсюда с повышением, отказаться от него и остаться здесь. Мне ни за что не хотелось бы расстаться с вами. Пусть вас наградят каким-нибудь иным способом.

— Я счастлив служить под вашим начальством, игемон.

— Мне это очень приятно. Итак, третий вопрос. Касается этого, как его... Иуды из Кириафа.

Тут гость и послал прокуратору свой взгляд и тотчас, как полагается, угасил его.

— Говорят, что он,— понижая голос, продолжал прокуратор,— деньги будто бы получил за то, что так радушно принял у себя этого безумного философа.

— Получит,— тихонько поправил Пилата начальник тайной службы.

— А велика ли сумма?

— Этого никто не может знать, игемон.

— Даже вы? — своим изумлением выражая комплимент, сказал игемон.

— Увы, даже я,— спокойно ответил гость,— но что он получит эти деньги сегодня вечером, это я знаю. Его сегодня вызывают во дворец Каифы.

— Ах, жадный старик из Кириафа,— улыбаясь, заметил прокуратор,— ведь он старик?

— Прокуратор никогда не ошибается, но на сей раз ошибся,— любезно ответил гость,— человек из Кириафа — молодой человек.

— Скажите! Характеристику его вы можете мне дать? Фанатик?

— О нет, прокуратор.

— Так. А еще что-нибудь?

— Очень красив.

— А еще? Имеет, может быть, какую-нибудь страсть?

— Трудно знать так уж точно всех в этом громадном городе, прокуратор...

— О нет, нет, Афраний! Не преуменьшайте своих заслуг!

— У него есть одна страсть, прокуратор.— Гость сделал крохотную паузу.— Страсть к деньгам.

— А он чем занимается?

Афраний поднял глаза кверху, подумал и ответил:

— Он работает в меняльной лавке у одного из своих родственников.

— Ах, так, так, так, так.— Тут прокуратор умолк, оглянулся, нет ли кого на балконе, и потом сказал тихо:— Так вот в чем дело — я получил сегодня сведения о том, что его зарежут этой ночью.

Здесь гость не только метнул свой взгляд на прокуратора, но даже немного задержал его, а после этого ответил:

— Вы, прокуратор, слишком лестно отзывались обо мне. По-моему, я не заслуживаю вашего доклада. У меня этих сведений нет.

— Вы достойны наивысшей награды,— ответил прокуратор,— но сведения такие имеются.

— Осмелюсь спросить, от кого же эти сведения?

— Позвольте мне пока этого не говорить, тем более что они случайны, темны и недостоверны. Но я обязан предвидеть все. Такова моя должность, а пуще всего я обязан верить своему предчувствию, ибо никогда еще оно меня не обманывало. Сведение же заключается в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцри, возмущенный чудовищным предательством этого менялы, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью, а деньги, полученные за предательство, подбросить первосвященнику с запиской: «Возвращаю проклятые деньги!»

Больше своих неожиданных взглядов начальник тайной службы на игемона не бросал и продолжал слушать его, прищурившись, а Пилат продолжал:

— Вообразите, приятно ли будет первосвященнику в праздничную ночь получить подобный подарок?

— Не только не приятно,— улыбнувшись, ответил гость,— но я полагаю, прокуратор, что это вызовет очень большой скандал.

— И я сам того же мнения. Вот поэтому я прошу вас заняться этим делом, то есть принять все меры к охране Иуды из Кириафа.

— Приказание игемона будет исполнено,— заговорил Афраний,— но я должен успокоить игемона: замысел злодеев чрезвычайно трудно выполним. Ведь подумать только,— гость, говоря, обернулся и продолжал: — выследить человека, зарезать, да еще узнать, сколько получил, да ухитриться вернуть деньги Каифе, и все это в одну ночь? Сегодня?

— И тем не менее его зарежут сегодня,— упрямо повторил Пилат,— у меня предчувствие, говорю я вам! Не было случая, чтобы оно меня обмануло,— тут судорога

прошла по лицу прокуратора, и он коротко потер руки.

— Слушаю,— покорно отозвался гость, поднялся, выпрямился и вдруг спросил сурово: — Так зарежут, игемон?

— Да,— ответил Пилат,— и вся надежда только на вашу изумляющую всех исполнительность.

Гость поправил тяжелый пояс под плащом и сказал:

— Имею честь, желаю здравствовать и радоваться.

— Ах да,— негромко вскричал Пилат,— я ведь совсем и забыл! Ведь я вам должен!..

Гость изумился.

— Право, прокуратор, вы мне ничего не должны.

— Ну как же нет! При въезде моем в Ершалаим, помните, толпа нищих... я еще хотел швырнуть им деньги, а у меня не было, и я взял у вас.

— О прокуратор, это какая-нибудь безделица!

— И о безделице надлежит помнить.

Тут Пилат обернулся, поднял плащ, лежащий на кресле сзади него, вынул из-под него кожаный мешок и протянул его гостю. Тот поклонился, принимая его, и спрятал под плащ.

— Я жду,— заговорил Пилат,— доклада о погребении, а также и по этому делу Иуды из Кириафа сегодня же ночью, слышите, Афраний, сегодня. Конвою будет дан приказ будить меня, лишь только вы появитесь. Я жду вас!

— Имею честь,— сказал начальник тайной службы и, повернувшись, пошел с балкона. Слышно было, как он хрустел, проходя по мокрому песку площадки, потом послышался стук его сапог по мрамору меж львов. Потом срезало его ноги, туловище и, наконец, пропал и капюшон. Тут только прокуратор увидел, что солнца уже нет и пришли сумерки.

ПОГРЕБЕНИЕ

Может быть, эти сумерки и были причиною того, что внешность прокуратора резко изменилась. Он как будто на глазах постарел, сгорбился и, кроме того, стал тревожен. Один раз он оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приближалась праздничная ночь, вечерние тени играли свою игру, и, вероятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидит в пустом кресле.

Допустив малодушие — пошевелив плащ, прокуратор оставил его и забегал по балкону, то потирая руки, то подбегая к столу и хватаясь за чашу, то останавливаясь и начиная бессмысленно глядеть в мозаику пола, как будто пытаясь прочесть в ней какие-то письмена.

За сегодняшний день уже второй раз на него пала тоска. Потирая висок, в котором от адской утренней боли осталось только тупое, немного ноющее воспоминание, прокуратор все силился понять, в чем причина его душевных мучений. И быстро он понял это, но постарался обмануть себя. Ему ясно было, что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями. Обман же самого себя заключался в том, что прокуратор старался внушить себе, что действия эти, теперешние, вечерние, не менее важны, чем утренний приговор. Но это очень плохо удавалось прокуратору.

На одном из поворотов он круто остановился и свистнул. В ответ на этот свист в сумерках загремел низкий лай, и из сада выскочил на балкон гигантский остроухий пес серой шерсти, в ошейнике с золочеными бляшками.

— Банга, Банга,— слабо крикнул прокуратор.

Пес поднялся на задние лапы, а передние опустил на плечи своему хозяину, так что едва не повалил на пол, и лизнул его в щеку. Прокуратор сел в кресло. Банга, высунув язык и часто дыша, улегся у ног хозяина, причем радость в глазах пса означала, что кончилась гроза, единственное в мире, чего боялся бесстрашный пес, а также и то, что он опять тут, рядом с тем человеком, которого любил, уважал и считал самым могучим в мире, повелителем всех людей, благодаря которому и самого себя пес считал существом привилегированным, высшим и особенным. Но, улегшись у ног и даже не глядя на своего хозяина, а глядя в вечереющий сад, пес сразу понял, что хозяина его постигла беда. Поэтому он переменил позу, поднялся, зашел сбоку и передние лапы и голову положил на колени прокуратору, вымазав полы плаща мокрым песком. Вероятно, действия Банги должны были означать, что он утешает своего хозяина и несчастье готов встретить вместе с ним. Это он пытался выразить и в глазах, скашиваемых к хозяину, и в насторожившихся навостренных ушах. Так оба они, и пес и человек, любящие друг друга, встретили праздничную ночь на балконе.

В это время гость прокуратора находился в больших

хлопотах. Покинув верхнюю площадку сада перед балконом, он по лестнице спустился на следующую террасу сада, повернул направо и вышел к казармам, расположенным на территории дворца. В этих казармах и были расквартированы те две кентурии, которые пришли вместе с прокуратором на праздники в Ершалаим, а также тайная стража прокуратора, командовал которой этот самый гость. Гость провел в казармах немного времени, не более десяти минут, но по прошествии этих десяти минут со двора казарм выехали три повозки, нагруженные шанцевым инструментом и бочкой с водою. Повозки сопровождали пятнадцать человек в серых плащах, верховые. В сопровождении их повозки выехали с территории дворца через задние ворота, взяли на запад, вышли из ворот в городской стене и пошли по тропинке сперва на Вифлеемскую дорогу, а потом по ней на север, дошли до перекрестка у Хевронских ворот и тогда двинулись по Яффской дороге, по которой днем проходила процессия с осужденными на казнь. В это время уже было темно и на горизонте показалась луна.

Вскорости после того как уехали повозки с сопровождающей их командой, отбыл с территории дворца верхом и гость прокуратора, переодевшийся в темный поношенный хитон. Гость направился не за город, а в город. Через некоторое время его можно было видеть подъезжающим к крепости Антония, расположенной на севере и в непосредственной близости от великого храма. В крепости гость также пробыл очень недолго, а затем след его обнаружился в Нижнем Городе, в кривых его и путаных улицах. Сюда гость приехал уже верхом на муле.

Хорошо знавший город гость легко разыскал ту улицу, которая ему была нужна. Она носила название Греческой, так как на ней помещалось несколько греческих лавок, в том числе одна, в которой торговали коврами. Именно у этой лавки гость остановил своего мула, слез и привязал его к кольцу у ворот. Лавка была уже заперта. Гость вошел в калитку, находившуюся рядом со входом в лавку, и попал в квадратный небольшой дворик, покоем обставленный сараями. Повернув во дворе за угол, гость оказался у каменной террасы жилого дома, увитой плющом, и осмотрелся. И в домике и в сараях было темно, еще не зажигали огня. Гость негромко позвал:

— Низа!

На зов этот заскрипела дверь, и в вечернем полумраке на тераске появилась молодая женщина без покры-

вала. Она склонилась над перилами терраски, тревожно всматриваясь, желая узнать, кто пришел. Узнав пришельца, она приветливо заулыбалась ему, закивала головой, махнула рукой.

— Ты одна? — негромко по-гречески спросил Афраний.

— Одна,— шепнула женщина на террасе.— Муж утром уехал в Кесарию,— тут женщина оглянулась на дверь и шепотом добавила: — Но служанка дома.— Тут она сделала жест, означающий — «входите». Афраний оглянулся и вступил на каменные ступени. После этого и женщина и он скрылись внутри домика.

У этой женщины Афраний пробыл совсем уже недолго,— никак не более минут пяти. После этого он покинул дом и террасу, пониже опустил капюшон на глаза и вышел на улицу. В домах в это время уже зажигали светильники, предпраздничная толчея была еще очень велика, и Афраний на своем муле потерялся в потоке прохожих и всадников. Дальнейший путь его никому не известен.

Женщина же, которую Афраний называл Низа, оставшись одна, начала переодеваться, причем очень спешила. Но как ни трудно было ей разыскивать нужные ей вещи в темной комнате, светильника она не зажгла и служанку не вызывала. Лишь после того как она была готова и на голове у нее уже было темное покрывало, в домике послышался ее голос:

— Если меня кто-нибудь спросит, скажи, что я ушла в гости к Энанте.

Послышалось ворчание старой служанки в темноте:

— К Энанте? Ох уж эта Энанта! Ведь запретил же муж ходить к ней! Сводница она, твоя Энанта! Вот скажу мужу...

— Ну, ну, ну, замолчи,— отозвалась Низа и, как тень, выскользнула из домика. Сандалии Низы простучали по каменным плитам дворика. Служанка с ворчанием закрыла дверь на террасу. Низа покинула свой дом.

В это самое время из другого переулка в Нижнем Городе, переулка изломанного, уступами сбегавшего к одному из городских прудов, из калитки неприглядного дома, слепой своей стороной выходящего в переулок, а окнами во двор, вышел молодой, с аккуратно подстриженной бородкой человек в белом чистом кефи, ниспавдавшем на плечи, в новом праздничном голубом таллифе с кисточками внизу и в новеньких скрипящих сандалиях. Горбоносый

красавец, принарядившийся для великого праздника, шел бодро, обгоняя прохожих, спешащих домой к праздничной трапезе, смотрел, как загоралось одно окно за другим. Молодой человек направлялся по дороге, ведущей мимо базара ко дворцу первосвященника Каифы, расположенному у подножия храмового холма.

Через некоторое время его можно было видеть входящим в ворота двора Каифы. А через некоторое время еще — покидающим этот двор.

После посещения дворца, в котором уже пылали светильники и факелы, в котором шла праздничная суета, молодой человек пошел еще бодрее, еще радостнее и заспешил обратно в Нижний Город. На том самом углу, где улица вливалась в базарную площадь, в кипении и толчее его обогнала как бы танцующей походкой идущая легкая женщина в черном покрывале, накинутом на самые глаза. Обгоняя молодого красавца, эта женщина на мгновение откинула покрывало повыше, метнула в сторону молодого человека взгляд, но не только не замедлила шага, а ускорила его, как будто пытаясь скрыться от того, кого она обогнала.

Молодой человек не только заметил эту женщину, нет, он узнал ее, а узнав, вздрогнул, остановился, в недоумении глядя ей в спину, и тотчас же пустился ее догонять. Едва не сбив с ног какого-то прохожего с кувшином в руках, молодой человек догнал женщину и, тяжело дыша от волнения, окликнул ее:

— Низа!

Женщина повернулась, прищурилась, причем на лице ее выразилась холодная досада, и сухо ответила по-гречески:

— Ах, это ты, Иуда? А я тебя не узнала сразу. Впрочем, это хорошо. У нас есть примета, что тот, кого не узнают, станет богатым...

Волнуясь до того, что сердце стало прыгать, как птица под черным покрывалом, Иуда спросил прерывающимся шепотом, опасаясь, чтобы не услышали прохожие:

— Куда же ты идешь, Низа?

— А зачем тебе это знать? — ответила Низа, замедляя шаг и надменно глядя на Иуду.

Тогда в голосе Иуды послышались какие-то детские интонации, он зашептал растерянно:

— Но как же?.. Ведь мы же условились. Я хотел зайти к тебе. Ты сказала, что весь вечер будешь дома...

— Ах нет, нет,— ответила Низа и капризно выставила вперед нижнюю губу, отчего Иуде показалось, что ее лицо, самое красивое лицо, какое он когда-либо видел в жизни, стало еще красивее,— мне стало скучно. У вас праздник, а что же прикажешь делать мне? Сидеть и слушать, как ты вздыхаешь на террасе? И бояться к тому же, что служанка расскажет об этом мужу? Нет, нет, и я решила уйти за город слушать соловьев.

— Как за город? — спросил растерявшийся Иуда,— одна?

— Конечно, одна,— ответила Низа.

— Позволь мне сопровождать тебя,— задыхаясь, попросил Иуда. Мысли его помутились, он забыл про все на свете и смотрел молящими глазами в голубые, а теперь казавшиеся черными глаза Низы.

Низа ничего не ответила и прибавила шагу.

— Что же ты молчишь, Низа? — жалобно спросил Иуда, ровняя по ней свой шаг.

— А мне не будет скучно с тобой? — вдруг спросила Низа и остановилась. Тут мысли Иуды совсем смешались.

— Ну, хорошо,— смягчилась наконец Низа,— пойдем.

— А куда, куда?

— Погоди... зайдем в этот дворик и условимся, а то я боюсь, что кто-нибудь из знакомых увидит меня и потом скажут, что я была с любовником на улице.

И тут на базаре не стало Низы и Иуды. Они шептались в подворотне какого-то двора.

—Иди в масличное имение,— шептала Низа, натягивая покрывало на глаза и отворачиваясь от какого-то человека, который с ведром входил в подворотню,— в Гефсиманию, за Кедрон, понял?

— Да, да, да.

— Я пойду вперед,— продолжала Низа,— но ты не иди по моим пятам, а отделись от меня. Я уйду вперед... Когда перейдешь поток... ты знаешь, где грот?

— Знаю, знаю...

— Пойдешь мимо масличного жома вверх и поворачивай к гроту. Я буду там. Но только не смей идти сейчас же за мной, имей терпение, подожди здесь.— И с этими словами Низа вышла из подворотни, как будто и не говорила с Иудой.

Иуда простоял некоторое время один, стараясь собрать разбегающиеся мысли. В числе их была мысль о том,

как он объяснит свое отсутствие на праздничной трапезе у родных. Иуда стоял и придумывал какую-то ложь, но в волнении ничего как следует не обдумал и не приготовил, и его ноги сами без его воли вынесли его из подворотни вон.

Теперь он изменил свой путь, он не стремился уже в Нижний Город, а повернулся обратно к дворцу Каифы. Теперь Иуда плохо видел окружающее. Праздник уже вошел в город. Теперь вокруг Иуды в окнах не только сверкали огни, но уже слышались славословия. Последние опоздавшие гнали осликов, подхлестывали их, кричали на них. Ноги сами несли Иуду, и он не заметил, как мимо него пролетели мшистые страшные башни Антония, он не слышал трубного рева в крепости, никакого внимания не обратил на конный римский патруль с факелом, залившим тревожным светом его путь. Пройдя башню, Иуда, повернувшись, увидел, что в страшной высоте над храмом зажглись два гигантских пятисвечия. Но и их Иуда разглядел смутно, ему показалось, что над Ершалаимом засветились десять невиданных по размерам лампад, спорящих со светом единственной лампады, которая все выше подымалась над Ершалаимом,— лампады луны. Теперь Иуде ни до чего не было дела, он стремился к Гефсиманским воротам, он хотел скорее покинуть город. По временам ему казалось, что впереди него, среди спин и прохожих, мелькает танцующая фигурка, ведет его за собой. Но это был обман — Иуда понимал, что Низа значительно обогнала его. Иуда пробежал мимо меняльных лавок, попал наконец к Гефсиманским воротам. В них, горя от нетерпения, он все-таки вынужден был задержаться. В город входили верблюды, вслед за ними въехал военный сирийский патруль, который Иуда мысленно проклял...

Но все кончается. Нетерпеливый Иуда был уже за городскою стеной. На левой руке у себя Иуда увидел маленькое кладбище, возле него несколько полосатых шатров богомольцев. Пересекши пыльную дорогу, заливаемую луной, Иуда устремился к кедронскому потоку, с тем чтобы его пересечь. Вода тихо журчала у Иуды под ногами. Перепрыгивая с камня на камень, он наконец выбрался на противоположный гефсиманский берег и с великою радостью увидел, что дорога над садами здесь пуста. Невдалеке уже виднелись полуразрушенные ворота масличного имения.

После душного города Иуду поразил одуряющий

31 Заказ № 313

запах весенней ночи. Из сада через ограду выливалась волна запахов миртов и акаций с гефсиманских полян.

Ворота никто не охранял, никого в них не было, и через несколько минут Иуда уже бежал под таинственною тенью развесистых громадных маслин. Дорога вела в гору, Иуда подымался, тяжело дыша, по временам попадая из тьмы в узорчатые лунные ковры, напомнившие ему те ковры, что он видел в лавке у ревнивого мужа Низы. Через некоторое время мелькнул на левой руке у Иуды, на поляне, масличный жом с тяжелым каменным колесом и груда каких-то бочек. В саду никого не было. Работы закончились на закате. В саду не было ни души, и теперь над Иудой гремели и заливались хоры соловьев.

Цель Иуды была близка. Он знал, что направо в темноте сейчас начнет слышать тихий шепот падающей в гроте воды. Так и случилось, он услыхал его. Становилось прохладнее.

Тогда он замедлил шаг и негромко крикнул:

— Низа!

Но вместо Низы, отлепившись от толстого ствола маслины, на дорогу выпрыгнула мужская коренастая фигура, и что-то блеснуло у нее в руке и тотчас потухло.

Иуда шарахнулся назад и слабо вскрикнул:

— Ах!

Второй человек преградил ему путь.

Первый, что был впереди, спросил Иуду:

— Сколько получил сейчас? Говори, если хочешь сохранить жизнь!

Надежда вспыхнула в сердце Иуды. Он отчаянно вскричал:

— Тридцать тетрадрахм! Тридцать тетрадрахм! Все, что получил, с собою. Вот деньги! Берите, но отдайте жизнь!

Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной у Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку. Иуду швырнуло вперед, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. Передний человек поймал Иуду на свой нож и по рукоять всадил его в сердце Иуды.

— Ни... за...— не своим, высоким и чистым молодым голосом, а голосом низким и укоризненным проговорил Иуда и больше не издал ни одного звука. Тело его так сильно ударилось об землю, что она загудела.

Тогда третья фигура появилась на дороге. Этот третий был в плаще с капюшоном.

— Не медлите,— приказал третий. Убийцы быстро упаковали кошель вместе с запиской, поданной третьим, в кожу и перекрестили ее веревкой. Второй засунул сверток за пазуху, и затем оба убийцы бросились с дороги в стороны, и тьма их съела между маслинами. Третий же присел на корточки возле убитого и заглянул ему в лицо. В тени оно представилось смотрящему белым, как мел, и каким-то одухотворенно красивым. Через несколько секунд никого из живых на дороге не было. Бездыханное тело лежало с раскинутыми руками. Левая ступня попала в лунное пятно, так что отчетливо был виден каждый ремешок сандалии.

Весь Гефсиманский сад в это время гремел соловьиным пением. Куда направились двое зарезавших Иуду, не знает никто, но путь третьего человека в капюшоне известен. Покинув дорожку, он устремился в чащу масличных деревьев, пробираясь к югу. Он перелез через ограду сада вдалеке от главных ворот, в южном углу его, там, где вывалились верхние камни кладки. Вскоре он был на берегу Кедрона. Тогда он вошел в воду и пробирался некоторое время по воде, пока не увидел вдали силуэты двух лошадей и человека возле них. Лошади также стояли в потоке. Вода струилась, омывая их копыта. Коновод сел на одну из лошадей, человек в капюшоне вскочил на другую, и медленно они оба пошли в потоке, и слышно было, как хрустели камни под копытами лошадей. Потом всадники выехали из воды, выбрались на ершалаимский берег и пошли шагом под стеною города. Тут коновод отделился, ускакал вперед и скрылся из глаз, а человек в капюшоне остановил лошадь, слез с нее на пустынной дороге, снял свой плащ, вывернул его наизнанку, вынул из-под плаща плоский шлем без оперения, надел его. Теперь на лошадь вскочил человек в военной хламиде и с коротким мечом на бедре. Он тронул поводья, и горячая кавалерийская лошадь пошла рысью, потряхивая всадника. Теперь путь был недалек. Всадник подъезжал к южным воротам Ершалаима.

Под аркою ворот танцевало и прыгало беспокойное пламя факелов. Караульные солдаты из второй кентурии Молниеносного легиона сидели на каменных скамьях, играя в кости. Увидев въезжающего военного, солдаты вскочили с мест, военный махнул им рукой и въехал в город.

Город был залит праздничными огнями. Во всех окнах

играло пламя светильников, и отовсюду, сливаясь в нестройный хор, звучали славословия. Изредка заглядывая в окна, выходящие на улицу, всадник мог видеть людей за праздничным столом, на котором лежало мясо козленка, стояли чаши с вином меж блюд с горькими травами. Насвистывая какую-то тихую песенку, всадник неспешной рысью пробирался по пустынным улицам Нижнего Города, направляясь к Антониевой башне, изредка поглядывая на нигде не виданные в мире пятисвечия, пылающие над храмом, или на луну, которая висела еще выше пятисвечий.

Дворец Ирода Великого не принимал никакого участия в торжестве пасхальной ночи. В подсобных покоях дворца, обращенных на юг, где разместились офицеры римской когорты и легат легиона, светились огни, там чувствовалось какое-то движение и жизнь, передняя же часть, парадная, где был единственный и невольный жилец дворца — прокуратор,— вся она, со своими колоннадами и золотыми статуями, как будто ослепла под ярчайшей луной. Тут, внутри дворца, господствовали мрак и тишина. И внутрь прокуратор, как и говорил Афранию, уйти не пожелал. Он велел постель приготовить на балконе, там же, где обедал, а утром вел допрос. Прокуратор лег на приготовленное ложе, но сон не пожелал прийти к нему. Оголенная луна висела высоко в чистом небе, и прокуратор не сводил с нее глаз в течение нескольких часов.

Примерно в полночь сон наконец сжалился над игемоном. Судорожно зевнув, прокуратор расстегнул и сбросил плащ, снял опоясывающий рубаху ремень с широким стальным ножом в ножнах, положил его в кресло у ложа, снял сандалии и вытянулся. Банга тотчас поднялся к нему на постель и лег рядом, голова к голове, и прокуратор, положив собаке руку на шею, закрыл наконец глаза. Только тогда заснул и пес.

Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца к постели тянулась лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить

другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собою разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением — ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить. Казни не было! Не было! Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны.

Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок.

Вот, например, не трусил же теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в Долине Дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-Великана. Но помилуйте меня, философ! Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?

— Да, да,— стонал и всхлипывал во сне Пилат.

Разумеется, погубит. Утром бы еще не погубил, а теперь, ночью, взвесив все, согласен погубить. Он пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно ни в чем не виноватого безумного мечтателя и врача!

— Мы теперь будем всегда вместе,— говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом ставший на дороге всадника с золотым копьем.— Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня,— сейчас же помянут и тебя! Меня — подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя — сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы.

— Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета,— просил во сне Пилат. И, заручившись во сне кивком идущего рядом с ним нищего из Эн-Сарида, жестокий прокуратор Иудеи от радости плакал и смеялся во сне.

Все это было хорошо, но тем ужаснее было пробуждение игемона. Банга зарычал на луну, и скользкая, как бы укатанная маслом, голубая дорога перед прокуратором провалилась. Он открыл глаза, и первое, что вспомнил, это что казнь была. Первое, что сделал прокуратор,

это привычным жестом вцепился в ошейник Банги, потом больными глазами стал искать луну и увидел, что она немного отошла в сторону и посеребрилась. Ее свет перебивал неприятный, беспокойный свет, играющий на балконе перед самыми глазами. В руках у кентуриона Крысобоя пылал и коптил факел. Держащий его со страхом и злобой косился на опасного зверя, приготовившегося к прыжку.

— Не трогать, Банга,— сказал прокуратор больным голосом и кашлянул. Заслоняясь от пламени рукою, он продолжал: — И ночью, и при луне мне нет покоя. О, боги! У вас тоже плохая должность, Марк. Солдат вы калечите...

В величайшем изумлении Марк глядел на прокуратора, и тот опомнился. Чтобы загладить напрасные слова, произнесенные со сна, прокуратор сказал:

— Не обижайтесь, кентурион, мое положение, повторяю, еще хуже. Что вам надо?

— К вам начальник тайной стражи,— спокойно сообщил Марк.

— Зовите, зовите,— прочищая горло кашлем, приказал прокуратор и стал босыми ногами нашаривать сандалии. Пламя заиграло на колоннах, застучали калиги кентуриона по мозаике. Кентурион вышел в сад.

— И при луне мне нет покоя,— скрипнув зубами, сам себе сказал прокуратор.

На балконе вместо кентуриона появился человек в капюшоне.

— Банга, не трогать,— тихо сказал прокуратор и сдавил затылок пса.

Прежде чем начать говорить, Афраний, по своему обыкновению, оглянулся и ушел в тень и, убедившись, что, кроме Банги, лишних на балконе нет, тихо сказал:

— Прошу отдать меня под суд, прокуратор. Вы оказались правы. Я не сумел уберечь Иуду из Кириафа, его зарезали. Прошу суд и отставку.

Афранию показалось, что на него глядят четыре глаза — собачьи и волчьи.

Афраний вынул из-под хламиды заскорузлый от крови кошель, запечатанный двумя печатями.

— Вот этот мешок с деньгами подбросили убийцы в дом первосвященника. Кровь на этом мешке — кровь Иуды из Кириафа.

— Сколько там, интересно? — спросил Пилат, наклоняясь к мешку.

— Тридцать тетрадрахм.

Прокуратор усмехнулся и сказал:

— Мало.

Афраний молчал.

— Где убитый?

— Этого я не знаю,— со спокойным достоинством ответил человек, никогда не расстававшийся со своим капюшоном,— сегодня утром начнем розыск.

Прокуратор вздрогнул, оставил ремень сандалии, который никак не застегивался.

— Но вы наверно знаете, что он убит?

На это прокуратор получил сухой ответ:

— Я, прокуратор, пятнадцать лет на работе в Иудее. Я начал службу при Валерии Грате. Мне не обязательно видеть труп для того, чтобы сказать, что человек убит, и вот я вам докладываю, что тот, кого именовали Иуда из города Кириафа, несколько часов тому назад зарезан.

— Простите меня, Афраний,— ответил Пилат,— я еще не проснулся как следует, отчего и сказал это. Я сплю плохо,— прокуратор усмехнулся,— и все время вижу во сне лунный луч. Так смешно, вообразите. Будто бы я гуляю по этому лучу. Итак, я хотел бы знать ваши предположения по этому делу. Где вы собираетесь его искать? Садитесь, начальник тайной службы.

Афраний поклонился, пододвинул кресло поближе к кровати и сел, брякнув мечом.

— Я собираюсь его искать недалеко от масличного жома в Гефсиманском саду.

— Так, так. А почему именно там?

— Игемон, по моим соображениям, Иуда убит не в самом Ершалаиме и не где-нибудь далеко от него. Он убит под Ершалаимом.

— Считаю вас одним из выдающихся знатоков своего дела. Я не знаю, впрочем, как обстоит дело в Риме, но в колониях равного вам нет. Объясните, почему?

— Ни в коем случае не допускаю мысли,— говорил негромко Афраний,— о том, чтобы Иуда дался в руки каким-нибудь подозрительным людям в черте города. На улице не зарежешь тайно. Значит, его должны были заманить куда-нибудь в подвал. Но служба уже искала его в Нижнем Городе и, несомненно, нашла бы. Но его нет в городе,

за это вам ручаюсь. Если бы его убили вдалеке от города, этот пакет с деньгами не мог бы быть подброшен так скоро. Он убит вблизи города. Его сумели выманить за город.

— Не постигаю, каким образом это можно было сделать.

— Да, прокуратор, это самый трудный вопрос во всем деле, и я даже не знаю, удастся ли мне его разрешить.

— Действительно, загадочно! В праздничный вечер верующий уходит неизвестно зачем за город, покинув пасхальную трапезу, и там погибает. Кто и чем мог его выманить? Не сделала ли это женщина? — вдруг вдохновенно спросил прокуратор.

Афраний отвечал спокойно и веско:

— Ни в коем случае, прокуратор. Эта возможность совершенно исключена. Надлежит рассуждать логически. Кто был заинтересован в гибели Иуды? Какие-то бродячие фантазеры, какой-то кружок, в котором прежде всего не было никаких женщин. Чтобы жениться, прокуратор, требуются деньги, чтобы произвести на свет человека, нужны они же, но чтобы зарезать человека при помощи женщины, нужны очень большие деньги, и ни у каких бродяг их нету. Женщины не было в этом деле, прокуратор. Более того скажу, такое толкование убийства может лишь сбивать со следу, мешать следствию и путать меня.

— Я вижу, что вы совершенно правы, Афраний,— говорил Пилат,— и я лишь позволил себе высказать свое предположение.

— Оно, увы, ошибочно, прокуратор.

— Но что же, что же тогда? — воскликнул прокуратор, с жадным любопытством всматриваясь в лицо Афрания.

— Я полагаю, что это все те же деньги.

— Замечательная мысль! Но кто и за что мог предложить ему деньги ночью за городом?

— О, нет, прокуратор, не так. У меня есть единственное предположение, и если оно неверно, то других объяснений я, пожалуй, не найду,— Афраний наклонился поближе к прокуратору и шепотом договорил: — Иуда хотел спрятать свои деньги в укромном, одному ему известном месте.

— Очень тонкое объяснение. Так, по-видимому, дело и обстояло. Теперь я вас понимаю: его выманили не люди, а его собственная мысль. Да, да, это так.

— Так. Иуда был недоверчив. Он прятал деньги от людей.

— Да, вы сказали, в Гефсимании. А почему именно там вы намерены искать его — этого я, признаюсь, не пойму.

— О, прокуратор, это проще всего. Никто не будет прятать деньги на дорогах, в открытых и пустых местах. Иуда не был ни на дороге в Хеврон, ни на дороге в Вифанию. Он должен был быть в защищенном, укромном месте с деревьями. Это так просто. А таких других мест, кроме Гефсимании, под Ершалаимом нету. Далеко он уйти не мог.

— Вы совершенно убедили меня. Итак, что же делать теперь?

— Я немедленно начну искать убийц, которые выследили Иуду за городом, а сам тем временем, как я уж докладывал вам, пойду под суд.

— За что?

— Моя охрана упустила его вечером на базаре после того, как он покинул дворец Каифы. Как это произошло, не постигаю. Этого еще не было в моей жизни. Он был взят в наблюдение тотчас же после нашего разговора. Но в районе базара он переложился куда-то, сделал такую странную петлю, что бесследно ушел.

— Так. Объявляю вам, что я не считаю нужным отдавать вас под суд. Вы сделали все, что могли, и никто в мире,— тут прокуратор улыбнулся,— не сумел бы сделать больше вашего. Взыщите с сыщиков, потерявших Иуду. Но и тут, предупреждаю вас, я не хотел бы, чтобы взыскание было хоть сколько-нибудь строгим. В конце концов, мы сделали все для того, чтобы позаботиться об этом негодяе! Да, я забыл спросить,— прокуратор потер лоб,— как же они ухитрились подбросить деньги Каифе?

— Видите ли, прокуратор... Это не особенно сложно. Мстители прошли в тылу дворца Каифы, там, где переулок господствует над задним двором. Они перебросили пакет через забор.

— С запиской?

— Да, точно так, как вы и предполагали, прокуратор. Да, впрочем,— тут Афраний сорвал печать с пакета и показал его внутренность Пилату.

— Помилуйте, что вы делаете, Афраний, ведь печати-то, наверное, храмовые!

— Прокуратору не стоит беспокоить себя этим вопросом,— ответил Афраний, закрывая пакет.

— Неужели все печати есть у вас? — рассмеявшись, спросил Пилат.

— Иначе быть не может, прокуратор,— без всякого смеха, очень сурово ответил Афраний.

— Воображаю, что было у Каифы!

— Да, прокуратор, это вызвало очень большое волнение. Меня они приглашали немедленно.

Даже в полутьме было видно, как сверкают глаза Пилата.

— Это интересно, интересно...

— Осмеливаюсь возразить, прокуратор, это не было интересно. Скучнейшее и утомительнейшее дело. На мой вопрос, не выплачивались ли кому деньги во дворце Каифы, мне сказали категорически, что этого не было.

— Ах так? Ну, что же, не выплачивались, стало быть, не выплачивались. Тем труднее будет найти убийц.

— Совершенно верно, прокуратор.

— Да, Афраний, вот что внезапно мне пришло в голову: не покончил ли он сам с собой?

— О нет, прокуратор,— даже откинувшись от удивления в кресле, ответил Афраний,— простите меня, но это совершенно невероятно!

— Ах, в этом городе все вероятно! Я готов спорить, что через самое короткое время слухи об этом поползут по всему городу.

Тут Афраний метнул в прокуратора свой взгляд, подумал и ответил:

— Это может быть, прокуратор.

Прокуратор, видимо, все не мог расстаться с этим вопросом об убийстве человека из Кириафа, хотя и так уж все было ясно, и спросил даже с некоторой мечтательностью:

— А я желал бы видеть, как они убивали его.

— Убит он с чрезвычайным искусством, прокуратор,— ответил Афраний, с некоторой иронией поглядывая на прокуратора.

— Откуда же вы это-то знаете?

— Благоволите обратить внимание на мешок, прокуратор,— ответил Афраний,— я вам ручаюсь за то, что кровь Иуды хлынула волной. Мне приходилось видеть убитых, прокуратор, на своем веку!

— Так что он, конечно, не встанет?

— Нет, прокуратор, он встанет,— ответил, улыбаясь философски, Афраний,— когда труба Мессии, которого

здесь ожидают, прозвучит над ним. Но ранее он не встанет!

— Довольно, Афраний. Этот вопрос ясен. Перейдем к погребению.

— Казненные погребены, прокуратор.

— О Афраний, отдать вас под суд было бы преступлением. Вы достойны наивысшей награды. Как было?

Афраний начал рассказывать и рассказал, что в то время, как он сам занимался делом Иуды, команда тайной стражи, руководимая его помощником, достигла холма, когда наступил вечер. Одного тела на верхушке она не обнаружила. Пилат вздрогнул, сказал хрипло:

— Ах, как же я этого не предвидел!

— Не стоит беспокоиться, прокуратор,— сказал Афраний и продолжал повествовать:— Тела Дисмаса и Гестаса с выклеванными хищными птицами глазами подняли и тотчас же бросились на поиски третьего тела. Его обнаружили в очень скором времени. Некий человек...

— Левий Матвей,— не вопросительно, а скорее утвердительно сказал Пилат.

— Да, прокуратор...

Левий Матвей прятался в пещере на северном склоне Лысого Черепа, дожидаясь тьмы. Голое тело Иешуа Га-Ноцри было с ним. Когда стража вошла в пещеру с факелом, Левий впал в отчаяние и злобу. Он кричал о том, что не совершил никакого преступления и что всякий человек согласно закону имеет право похоронить казненного преступника, если пожелает. Левий Матвей говорил, что не хочет расстаться с этим телом. Он был возбужден, выкрикивал что-то бессвязное, то просил, то угрожал и проклинал...

— Его пришлось схватить? — мрачно спросил Пилат.

— Нет, прокуратор, нет,— очень успокоительно ответил Афраний,— дерзкого безумца удалось успокоить, объяснив, что тело будет погребено.

Левий, осмыслив сказанное, утих, но заявил, что он никуда не уйдет и желает участвовать в погребении. Он сказал, что он не уйдет, даже если его начнут убивать, и даже предлагал для этой цели хлебный нож, который был с ним.

— Его прогнали? — сдавленным голосом сказал Пилат.

— Нет, прокуратор, нет. Мой помощник разрешил ему участвовать в погребении.

— Кто из ваших помощников руководил этим? — спросил Пилат.

— Толмай,— ответил Афраний и прибавил в тревоге: — Может быть, он допустил ошибку?

— Продолжайте,— ответил Пилат,— ошибки не было. Я вообще начинаю немного теряться, Афраний, я, по-видимому, имею дело с человеком, который никогда не делает ошибок. Этот человек — вы.

— Левия Матвея взяли в повозку вместе с телами казненных и часа через два достигли пустынного ущелья к северу от Ершалаима. Там команда, работая посменно, в течение часа выкопала глубокую яму и в ней похоронила всех трех казненных.

— Обнаженными?

— Нет, прокуратор,— команда взяла с собой для этой цели хитоны. На пальцы погребаемым были надеты кольца. Иешуа с одной нарезкой, Дисмасу с двумя и Гестасу с тремя. Яма закрыта, завалена камнями. Опознавательный знак Толмаю известен.

— Ах, если б я мог предвидеть! — морщась, заговорил Пилат.— Ведь мне нужно было бы повидать этого Левия Матвея...

— Он здесь, прокуратор!

Пилат, широко расширив глаза, глядел некоторое время на Афрания, а потом сказал так:

— Благодарю вас за все, что сделано по этому делу. Прошу вас завтра прислать мне Толмая, объявить ему заранее, что я доволен им, а вас, Афраний,— тут прокуратор вынул из кармана пояса, лежащего на столе, перстень и подал его начальнику тайной службы,— прошу принять это на память.

Афраний поклонился, молвив:

— Большая честь, прокуратор.

— Команде, производившей погребение, прошу выдать награды. Сыщикам, упустившим Иуду, выговор. А Левия Матвея сейчас ко мне. Мне нужны подробности по делу Иешуа.

— Слушаю, прокуратор,— отозвался Афраний и стал отступать и кланяться, а прокуратор хлопнул в ладоши и закричал.

— Ко мне, сюда! Светильник в колоннаду!

Афраний уже уходил в сад, а за спиною Пилата в руках слуг уже мелькали огни. Три светильника на столе оказались перед прокуратором, и лунная ночь тотчас отсту-

пила в сад, как будто бы Афраний увел ее с собою. Вместо Афрания на балкон вступил неизвестный маленький и тощий человек рядом с гигантом кентурионом. Этот второй, поймав взгляд прокуратора, тотчас отступил в сад и скрылся.

Прокуратор изучал пришедшего человека жадными и немного испуганными глазами. Так смотрят на того, о ком слышали много, о ком и сами думали и кто наконец появился.

Пришедший человек, лет под сорок, был черен, оборван, покрыт засохшей грязью, смотрел по-волчьи, исподлобья. Словом, он был очень непригляден и скорее всего походил на городского нищего, каких много толчется на террасах храма или на базарах шумного и грязного Нижнего Города.

Молчание продолжалось долго, и нарушено оно было странным поведением приведенного к Пилату. Он изменился в лице, шатнулся и, если бы не ухватился грязной рукой за край стола, упал бы.

— Что с тобой? — спросил его Пилат.

— Ничего,— ответил Левий Матвей и сделал такое движение, как будто что-то проглотил. Тощая, голая, грязная шея его взбухла и опять опала.

— Что с тобою, отвечай,— повторил Пилат.

— Я устал,— ответил Левий и мрачно поглядел в пол.

— Сядь,— молвил Пилат и указал на кресло.

Левий недоверчиво поглядел на прокуратора, двинулся к креслу, испуганно покосился на золотые ручки и сел не в кресло, а рядом с ним, на пол.

— Объясни, почему не сел в кресло? — спросил Пилат.

— Я грязный, я его запачкаю,— сказал Левий, глядя в землю.

— Сейчас тебе дадут поесть.

— Я не хочу есть,— ответил Левий.

— Зачем же лгать? — спросил тихо Пилат,— ты ведь не ел целый день, а может быть, и больше. Ну, хорошо, не ешь. Я призвал тебя, чтобы ты показал мне нож, который был у тебя.

— Солдаты отняли его у меня, когда вводили сюда,— ответил Левий и добавил мрачно: — Вы мне его верните, мне его надо отдать хозяину, я его украл.

— Зачем?

— Чтобы веревки перерезать,— ответил Левий.

— Марк! — крикнул прокуратор, и кентурион вступил под колонны.— Нож его мне дайте.

Кентурион вынул из одного из двух чехлов на поясе грязный хлебный нож и подал его прокуратору, а сам удалился.

— А у кого взял нож?

— В хлебной лавке у Хевронских ворот, как войдешь в город, сейчас же налево.

Пилат поглядел на широкое лезвие, попробовал пальцем, остер ли нож, зачем-то и сказал:

— Насчет ножа не беспокойся, нож вернут в лавку. А теперь мне нужно второе: покажи хартию, которую ты носишь с собой и где записаны слова Иешуа.

Левий с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо его обезобразилось совершенно.

— Все хотите отнять? И последнее, что имею? — спросил он.

— Я не сказал тебе — отдай,— ответил Пилат,— я сказал — покажи.

Левий порылся за пазухой и вынул свиток пергамента. Пилат взял его, развернул, расстелил между огнями и, щурясь, стал изучать малоразборчивые чернильные знаки. Трудно было понять эти корявые строчки, и Пилат морщился и склонялся к самому пергаменту, водил пальцем по строчкам. Ему удалось все-таки разобрать, что записанное представляет собою несвязную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков. Кое-что Пилат прочел: «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты...»

Гримасничая от напряжения, Пилат щурился, читал: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...»

Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: «...бóльшего порока... трусость».

Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию.

— Возьми,— сказал он и, помолчав, прибавил: — Ты, как я вижу, книжный человек, и незачем тебе, одинокому, ходить в нищей одежде без пристанища. У меня в Кесарии есть большая библиотека, я очень богат и хочу взять тебя на службу. Ты будешь разбирать и хранить папирусы, будешь сыт и одет.

Левий встал и ответил:

— Нет, я не хочу.

— Почему? — темнея лицом, спросил прокуратор,— я тебе неприятен, ты меня боишься?

Та же плохая улыбка исказила лицо Левия, и он сказал:

— Нет, потому что ты будешь меня бояться. Тебе не очень-то легко будет смотреть в лицо мне после того, как ты его убил.

— Молчи,— ответил Пилат,— возьми денег.

Левий отрицательно покачал головой, а прокуратор продолжал:

— Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил. Ибо, если б это было так, ты обязательно взял бы у меня что-нибудь. Имей в виду, что он перед смертью сказал, что никого не винит,— Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось.— И сам он непременно взял бы что-нибудь. Ты жесток, а тот жестоким не был. Куда ты пойдешь?

Левий вдруг приблизился к столу, уперся в него обеими руками и, глядя горящими глазами на прокуратора, зашептал ему:

— Ты, игемон, знай, что я в Ершалаиме зарежу одного человека. Мне хочется тебе это сказать, чтобы ты знал, что крови еще будет.

— Я тоже знаю, что она еще будет,— ответил Пилат,— своими словами ты меня не удивил. Ты, конечно, хочешь зарезать меня?

— Тебя мне зарезать не удастся,— ответил Левий, оскалившись и улыбаясь,— я не такой глупый человек, чтобы на это рассчитывать, но я зарежу Иуду из Кириафа, я этому посвящу остаток жизни.

Тут наслаждение выразилось в глазах прокуратора, и он, поманив к себе пальцем поближе Левия Матвея, сказал:

— Это тебе сделать не удастся, ты себя не беспокой. Иуду этой ночью уже зарезали.

Левий отпрыгнул от стола, дико озираясь, и выкрикнул:

— Кто это сделал?

— Не будь ревнив,— оскалясь, ответил Пилат и потер руки,— я боюсь, что были поклонники у него и кроме тебя.

— Кто это сделал? — шепотом повторил Левий.

Пилат ответил ему:

— Это сделал я.

Левий открыл рот, дико поглядел на прокуратора, а тот сказал:

— Этого, конечно, маловато, сделанного, но все-таки это сделал я.— И прибавил: — Ну, а теперь возьмешь что-нибудь?

Левий подумал, стал смягчаться и наконец сказал:

— Вели мне дать кусочек чистого пергамента.

Прошел час. Левия не было во дворце. Теперь тишину рассвета нарушал только тихий шум шагов часовых в саду. Луна быстро выцветала, на другом краю неба было видно беловатое пятнышко утренней звезды. Светильники давным-давно погасли. На ложе лежал прокуратор. Подложив руку под щеку, он спал и дышал беззвучно. Рядом с ним спал Банга.

Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

ЮРИЙ

НАГИБИН

Любимый ученик

Как полагается, в преданиях все это обрело притчевый лад, стало наглядным уроком смирения. Иначе и быть не могло. Каждый его жест, каждое слово были перетолкованы в поучение, что не лишено основания. Он не мог растрачиваться на свободную игру чувств, слишком мало времени было ему отпущено, пойди вырасти урожай новой веры на каменистой, сухой, неплодной почве дремучих душ. Но сейчас было другое, ему хотелось прикоснуться к человеческой плоти, в близости страшного исхода ему стало ясно, как мало телесного было в его жизни.

Сильно и нежно помнились ему ласковые крепкие руки и круглые колени матери. Смутно, то ли истинным детским воспоминанием, то ли мнимой, навязанной ему окружающими памятью виделся единственный товарищ его ранних лет, брат в каком-то колене Иоанн, серьезный, красивый и печальный, немного старше его. Неужели он провидел свою судьбу, что голова его с закатившимися глазами будет подана на золотом блюде блудной Иродиаде? Наверное, так подробно он этого не знал, но знал, что будет с т р а ш н о е, и потому никогда не улыбался, тихий, сосредоточенный в себе, приветливый мальчик. Но ведь и ты никогда не улыбался, потому что тоже знал, что в конце будет страшное. Блаженны неведающие... Как скромны и тихи были их редкие игры. Они не возились, не боролись, не барахтались, как все мальчишки, Иоанн что-то искал в траве, потом приносил цветочек, и вы молча внимательно его рассматривали.

И ты в свой черед находил камушек или мертвую бабочку и нес находку другу. И снова шло безмолвное, задумчивое лицезрение. Вы не знали названий этих цветов, травинок, насекомых, но почему-то не спрашивали своих матерей — Марию и Елизавету об именах малых мира сего. Лишь раз попался цветок, напоминающий формой крест, ты видел такой в руках у матери, когда еще не умел ни ходить, ни говорить и жил у нее на коленях. Слово «крест» входило в название, но ты не вспомнил.

Мать поздно спустила его с рук на землю, словно боялась, что он уйдет и потеряется. Он и ушел в свой час, без сожаления и печали, как уходил от всех ради ждущих впереди. Лишь тем двенадцати, которым он сегодня вымоет ноги, позволено было следовать за ним. Одних он сам позвал, другие напросились в спутники, третьи были ему вверены.

А с Иоанном они встретились через много лет, когда тот стал рослым, стройным мужчиной с прекрасной лохматой головой; его крупное тело было закутано в плащ из грубой верблюжьей шерсти, дыхание отдавало диким медом и травами, он проповедовал людям о скором приходе Мессии и крестил их в Иордане. Иисус пришел к нему из Галилеи принять святое крещение. Что-то отстраняюще щепетильное было в смирении, склоненности Иоанна перед ним, и это пресекло возможность доверительного тона старой дружбы. Пришлось удовольствоваться негреющим жаром встречи Мессии и его пророка.

Мысль соскользнула с Иоанна, Иисус вспомнил сестер Марфу и Марию, в чьем доме он находил приют. Они омывали его усталые ноги, мазали миром голову. Особенно приятны были прикосновения легких, внимательных, никуда не спешащих рук Марии. А Марфа, всегда не успевавшая по домашности, вечная хлопотунья, омывала ноги, будто миску споласкивала после еды.

Другая женщина, тоже именем Мария, омыла ему ноги слезами и вытерла своими пышными, мягкими рыжими волосами. Она была блудницей среди людей, но что ему было до этого? Раз на дороге она припала к его ногам, он наклонился и тронул ее за плечо и в этот миг забыл себя и свое предназначение. Хотелось зарыться в ее рыжие, с бронзовым отливом волосы и остаться там навсегда.

Сам он редко касался человечьей плоти, разве что

исцеляя прокаженных, изъязвленных, паралячных, бесноватых или оживляя трупы, но физической радости эти прикосновения не доставляли.

Телесность жизни — вот чем он был обойден. Одинокие странствия по каменистой пустыне и пыльным дорогам, удаления от мира, мучительные искусы, проповеди и поучения, бездомность — лисицы имуть норы, птицы небесные — гнезда, а Сыну Человеческому негде преклонить голову,— все это уводило от густого человечьего тепла в стылую пустоту бестелесности. Он трогал жизнь не перстами, а словом. И как прекрасно было, когда вдруг, устав от бессилия взываний, он схватил плеть и отхлестал торгашей, раскинувшихся в храме со своими товарами, выгнав их вон. Хорошо погуляла треххвостка по жирным спинам и плечам.

И чудесно вспомнить, как на белой ослице он спускался с Иерихонской кручи после сорокадневного искуса, легкий, словно бы хмельной от голода, ободравшего его плоть до тонины осеннего листа. Он сидел, сильно откинувшись назад, иначе ослица повалилась бы с отвесной пади, по которой извивалась узенькая тропка. Порой казалось, что он пребывает в свободном падении — парении, и это оборачивалось предчувствием будущей невесомости, а ему хотелось совсем иного — тяжести плоти. И он обрадовался, когда в изножии склон стал менее крут, а там и вовсе — пологим, тропка расширилась и в правую ногу ему заколотился лопаткой сынок ослицы, трусивший на круче сзади. Иногда он тыкался в него мягким носом, и радостно было слияние с плотью жизни.

Он уже знал, что в небесном чертоге Отца ему будет скучно без грубой, плотной, пахучей, пестрой земной круговерти с кучей ненужных забот и дел, порочной, низкой, отвращающей персть земную от милостиво простертых божьих рук,— да ведь после сладимой родниковой воды хочется иной раз ожечь гортань глотком пряного хмельного вина. И сейчас он жалел, что так мало пил из этой чаши.

До чего же, наверное, страшно, душно и захватывающе постоянно пребывать в обхвате этой жизни, сквозь которую он проходил, как солнечный луч сквозь воздух.

Я ведь так мало знаю о той обычной жизни, которой живут простые люди, а не пророки, думал Иисус. Я не знаю названий многих деревьев, цветов, трав, камней, мелких животных, снующих в траве и песке, я даже не

знаю, как называются иные предметы, служащие для домашней пользы, ремесла, забав. Я затрудняюсь порой на обычных словах, и обо мне пустили слух, что я косноязычен. Я слишком рано задумался над тем, что непричастно дневной заботе, и тут у меня достаточно слов, а если вдруг не хватало, я создавал нужные слова сам, и люди, слушавшие меня, понимали их, будто всегда знали, лишь не желавшие слышать делали вид, что не понимают. И я слишком рано прозрел участь, мне уготованную, и ужаснулся. Нет, я сам уготовил ее себе, пожалев людей и дав этой жалости превзойти любовь к себе единственному, на чем стоит мир людей. Господь, создав меня своим хотением, предоставил мне право выбора. Я мог остаться одним из пророков, еще одним предтечей, но я принял на себя ношу и стал сыном Предвечного. Я не был обречен на свой путь. Вифлеемская звезда сияла не мне, я даже не видел ее из вертепа своими мутными опрокинутыми глазами. Она была звездой надежды. Все делается произволением Божьим, но мне дана была свобода. Я выбрал крест, не обманув Небесного отца. Но пока еще я Сын Человеческий и чувства во мне человеческие, иначе я не мог бы исполнить того, к чему призван. И страдания мне предстоят человеческие, и они страшат меня, и опамятование в славе и бестелесности не довлеет моей душе.

...Иисус взял в руки стопу Иоанна, «которого Он любил» — с трогательной и наивной настойчивостью будет повторять Евангелист, вспоминая свои дни с Христом. А потомки перетолкуют в «любимейшего». Верно ли это? Он, правда, очень любил Иоанна и дал ему место возле себя, как и брату его Иакову Заведееву. О том просила Иисуса их мать, доверяя ему своих сыновей. Он отчитал тщеславную женщину мгновенной родившейся притчей, но по какой-то слабости выполнил ее просьбу. А ведь одесную от него надлежало бы сидеть Петру — камню, на котором он оснует свою церковь. Петру — будущему первосвященнику, хранителю райских врат.

Иоанн был одним из самых любимых, он старался всех любить одинаково, но даже ему это не удавалось. Иоанн был ласков, как женщина. Он все стремился склонить голову на плечо, на грудь Учителя, приятно щекотали шею его волнистые мягкие волосы той же бронзовой рыжины, что у Марии Магдалины. Остальные ученики не решались прикасаться к Учителю, даже горячий, по-

рывистый, не умеющий сдерживать своих движений Петр. Ласковость, любовь, нежность были сущностью Иоанновой души, и невероятно, что этой женственной натуре суждено исторгнуть из себя самые ужасные, неистовые, опаляющие ум слова, какие только слетали когда-либо с человеческого языка, слова его Откровения. Величайшим словослагателем и бесстрашным провидцем окажется этот кроткий человек с легким пушком на округлых девических ланитах. Ему выпадет самая счастливая и долгая жизнь из всех апостолов, если может быть счастлив человек, увидевший внутренним взором коня бледного и семь Ангелов с семью язвами, в коих изойдет ярость Божия. Он узнает бичевание, но его минует мученическая смерть. Его преклонные дни закатятся среди свято почитающих его единоверцев, которым он, совсем уже дряхлый, будет настойчиво повторять: дети, любите друг друга. Они спросят его, зачем он постоянно твердит одно и то же. И он ответит: это заповедь Господа, и если соблюдете ее, то и довольно.

Нога Иоанна была под стать всему его телесному составу: стройная, с узкой стопой и длинными пальцами, какая-то не захоженная, будто не прошел он следом за Учителем столько каменистых дорог. Иисус с удовольствием обмыл ему ноги и вытер полотенцем из сурового полотна. «Спасибо, равви»,— с красным от смущения лицом проговорил Иоанн и отошел, так бережно ставя ноги, будто опасался за свои отныне драгоценные конечности.

Он вымыл ноги Иакову. Тот слышал проповеди Иоанна Крестителя и без колебаний пошел за Иисусом, когда тот его позвал. Это было в характере Иакова: он пойдет как угодно далеко, если его подтолкнуть, и остановится, лишь когда его удержат. Приверженность таких людей особенно ценна, она словно гарантия истинности твоего дела. Иаков глубоко чувствующий человек, но не чувствительный, как его брат. Его чувства проверяются разумом. Он был бы достойным наследником своего отца — зажиточного рыбака, владельца самых больших коптилен в поселке, но слова Предтечи разбудили в нем другое сердце. И все же он не стал искать того, о ком тот вещал, он ловил рыбу — на редкость удачливо. Он был из тех счастливых рыбаков, что имеют легкую руку на рыбу. А в должный час мать взяла его за руку и вместе с младшим сыном вручила Иисусу. Общее семейное сердце Заведеевых уже открылось той новой вере, которую предрекал Креститель.

Иисус омыл ему ноги, хорошие, надежные, ухоженные ноги человека, знающего себе цену и внимательного к своему телу. Не вяжется с основательным, прочным, осмотрительным Иаковом ожидающая его насильственная смерть от руки Ирода Агриппы.

С тазом воды подошел Андрей, славный, милый Андрей. Он принял крещение от Иоанна и раньше брата своего Петра пошел за Иисусом, потому и прозвище ему будет Первозванный. Он понесет слово Божье в самые темные и страшные пределы земли: к скифам и севернее, к угрюмым племенам, обитающим в дремучих лесах, на берегах широких холодных рек. Редко раскиданные по лесной и полевой бескрайней пустынности и оттого подозрительные, пугливые и жестокие, они не убьют Андрея, как предсказывали свирепые, но все же более человечные скифы. Терпеливо и недоверчиво будут слушать наставления апостола, иные с кривой усмешкой примут от него святое крещение и отпустят с миром. А мученическую смерть на косом кресте примет Андрей на греческом острове Патросе по воле римского проконсула Энея. Хуже северных варваров окажутся просвещенные римляне для несущего слово Божье. Что стоит просвещение, если сердце глухо к Главному Слову?

Андрей станет покровителем той страны, что возникнет на месте обитания навещенных им диких племен. И флаг, и высшая награда страны станут андреевскими — ни один из тех, кто пошел за Сыном Человеческим, не удостоился подобной мирской почести. Но не уберег косой андреевский крест этот народ, оставшийся в глубине своей таким же темным, диким, кровожадным, как во дни прихода Первозванного. И построят они на своих просторах царство тьмы, второй ад, не скрытый в земном провале, а раскинувшийся бесстыдно, как блудница на ложе, меж двух океанов. Появятся там поддельные пророки, чудотворцы волею Сатаны. Христос накормил двумя рыбами и пятью хлебами пять тысяч человек, эти будут кормить тем же количеством пищи, не преумножающейся тайно, трехсотмиллионный народ, порождая глад и мор. А один лжечудотворец превратит все вино в воду, иссушит, изломает, изведет лозу, кою воспитывали бессчетные поколения виноградарей, дабы обратила она вложенный в нее заботливый нежный труд в благодатный сок. И подведет он смятенный народ, утративший свое исконное веселие, возносившее его дух горе, под власть Змея — Полоза,

подручного Сатаны, по чьему хотению соблазнил он прародительницу Еву и лишил человека рая...

Иисус долго поливал водою молодые ноги Варфоломея; под тонкой кожей расходились голубые жилки, и так страшно было представить себе, что эту кожу сдерет с живого человека разъяренная чернь у стен Иерусалима. Первой жертвой христианства будет этот оставшийся неизвестным миру юноша; благодарное, но несведущее потомство подарит ему великие духовные подвиги в Индии, а неблагодарное — откажет в существовании, заменив его Нафанаилом, о котором Иисус обмолвился раз добрым словом.

Иисус не знал прежде, что человеческие ноги столь же разнообразны и выразительны, как лицо и руки, что в них тоже отражается характер. Когда босые ноги купаются в дорожной пыли, кажется, что все они одинаковы, а они разные, совсем разные,— как щедр Господь в зиждительстве своем, никогда не повторяющем уже бывшее, в его мире нет копий, все сотворено наново.

Сейчас он вытирал ноги Иакову Алфееву, подобные врытым в землю столбам, так же прочен, прям, неуклонен был суровый характер апостола, двоюродного его брата, ставшего первым епископом Иерусалимским. А у младшего Алфеева — Фаддея, скромного, стремящегося затениться, ноги были тонки и сухи, как у оленя. А вот «разношенные», неухоженные ноги Матфея, бывшего мытаря, немало намытарившегося по земле; небольшие беспокойные ступни Фомы — любопытного, недоверчивого — вот и сейчас посмотрел, чисто ли моет. «Ты и в раны мои персты вложишь, Фома-неверующий»,— укорил Иисус. Трудно поверить, что этот пронырливый человек, которому надо все своими руками потрогать, станет одним из самых твердых и бесстрашных проводников его Слова, которое он понесет в огнедышащие аравийские пустыни.

Дошла очередь и до култышек — иначе не скажешь — Петра: коротких, гнутых, без щиколоток. Можно подумать, что Петр ходил другими дорогами, нежели его товарищи. У тех ноги странников, у него — страстотерпца: сбитые, порезанные, в мозолях и синяках. Всегда в горении — нетерпелив, страстен, как собака преданный и, как собака, поджимающий хвост в миг опасности, равно способный к мгновенному геройству и позорному испугу, настолько богатый чувствами, что хватило бы на всех апостолов и еще осталось,— вот уж воистину: ничего

человеческое не чуждо. Потому и решил основать на нем свою церковь Иисус. Она будет, как он, самоотверженна, как он, не стойка, как он, цельна, как он, сумбурна, как он, способна на мученичество: распятый головой вниз, он явит то великое мужество, какого ему не хватало в менее грозных скрутах судьбы, слезливая и неуклонная, как он, любящая и яростная и способная к радости. Если б камню и впрямь быть плотью церкви, то ставить ее надобно на Иакове Алфееве — это кремень. Но он ставил человеческую церковь, и этот горячий, кипящий, наивный делатель годился больше всех, чтобы церковь была для человека, слабого, грешного, исполненного стольких противоречивых задатков, но тянущегося ввысь — к раскаянию и правде.

И вот перед ним смуглые, опрятные, будто не пристает к ним дорожная пыль, ноги Иуды. Он чем-то взволнован, Иисус уже научился угадывать чувства учеников по ногам, не заглядывая в лица. Небось опять взял деньги из общей казны, хранителем которой поставили бывшего мытаря. Взял, чтобы отдать какому-нибудь попрошайке. Апостольский казначей знал счет денежке, но был жалостлив и доверчив: не мог отказать в подаянии, особенно тем ловкачам, что так хорошо прикидываются несчастнейшими из несчастных. Они выглядят куда убедительнее истинно неимущих, потому что лишены стыдливой гордости бедняков. С какой охотой обнажают они искусно наведенные язвы. А много ли надо такому доброму, мягче воска человеку, как Иуда, у которого не глаза, а сердце на мокром месте. Собственных денег у Иуды почти не водилось, и он запускал руку в общую скудную казну. Все это знали, но молчали, уважая его безоружную доброту.

Но сильнее стыда, тревоги, страха разоблачения была изливающаяся на Иисуса любовь. Иуда любил его сильнее, чем Петр, Андрей, Иаков, даже сильнее, чем Иоанн. Иисус ладонями чуял то замирающее наслаждение, какое доставляли Иуде прикосновения Учителя, его забота и ласка. Он даже перестал мучиться из-за похищенных грошей, не для своей же сласти он их взял. Как-нибудь заработает и вернет в кассу или у заможных друзей попросит. Но Учитель моет ему ноги и делает это так старательно и серьезно, что внутри него заходили волны умиления, душа стала влажной, Иуда боялся расплакаться. Иисус услышал взволнованное сердце Иуды через жилку

на подъеме ступни, и, похоже, в этот миг уже созревшее решение стало окончательным. Он сможет — сказалось в нем. И еще он подумал: вот судьба тех, кто слишком сильно любит.

Как всегда, последним подошел к нему Симон Кананит, был он почтенных лет, но еще скромнее Фаддея, хотя никому не уступал спокойным умом, глубокой преданной душой; его неподдельное смирение благотворно действовало на климат маленькой общины, умеряя любую заносчивость.

Опорожнив таз и вымыв руки, Иисус дал знать, чтобы готовили пасху, а сам отозвал Иуду в покойчик близ трапезной. Они собрались для вечери в поместительном доме юного прозелита Марка. Сам хозяин не принадлежал к избранным ученикам и потому отсутствовал. За высоким окошком дотлевала вечерняя апрельская заря. Они встали в ее печальный, изнемогающий свет. Иисус сказал:

— Завтра свершится предсказанное пророком: один из вас предаст меня.

Иуда вскинул кудлатую голову, похожую на голову большого доброго пса. Иисус понял то, что перелилось в его зрачках: казначей ждал разговора о взятых в кассе деньгах, а Учитель позвал совсем для другого, чего он не мог сразу ухватить.

Христос повторил сказанное. Он не раз заговаривал с учениками о ждущем его конце, правда, темными для простого разума словами пророков.

— Начальники жизни убьют меня. Я умру на кресте, искупив грехи человеческие. Да сбудется воля Божья.

— Но... так скоро? — донеслось из-за края света. Он понял.

— В назначенный срок я воскресну и вознесусь к престолу Всевышнего. Так будет. Готов ты стать орудием Воли Божьей?

— Я люблю тебя,— снова дуновением.

— Поэтому ты избран.

— Но сам ты любишь Иоанна.

Он ревнует, подумал Иисус. Я люблю вас всех. Иоанн ласков и нежен, брат его Иаков скуп в чувстве, но я люблю его не меньше. Петр резок, порывист, порой груб, но дорог мне и за его слабости, и за его достоинства. А могу ли не любить я брата моего Иакова-меньшого, или Первозванного, или доброго ворчуна Матфея,

или тишайшего Симона? И так я могу сказать о каждом. Но ты станешь наособь, ближе всех ко мне, ибо возлюбишь меня сильнее жизни, чести и души спасения.

— Значит, и душа моя погибнет?

Иисус наклонил голову. Он мог бы дать ему утешение: до страшного суда. Когда все грешники, равно ханжи и лицемеры, что пакостили лишь в помыслах, боясь живого греха, будут низринуты в огненную печь, я возьму тебя за руки и отведу к Престолу Отца моего. Но сейчас я не дам тебе даже такой надежды. Коли откроются смертным помыслы Божьи, вера станет сделкой. Должно всему свершиться по воле Отца моего, но свободным хотением, ибо свободным зрит он человека, движимого верой, а не расчетом на милость и страхом перед карой. Обреки себя на свой страшный подвиг, Иуда, обреки без надежды, и ты станешь выше меня, ибо я знаю, что, пройдя сквозь муки, позор и смерть, восстану в славе и силе, знаю — и трепещу. Меня ждет место одесную Отца моего, а я маюсь, дрожу, мокну холодным потом, мой рассудок мутится от страха, каково же будет тебе, обреченному на муки вечные и вечный позор в памяти людей? Но ты решишься, и я пойму, почему Господь не отказывается от человека при всей его мерзости и для чего моя смерть на кресте.

— Я сделаю, как ты говоришь, Господи.

Он не сказал «Учитель», он сказал «Господи» — ему открылось, он сделает.

Иисус почувствовал, что ему стыдно смотреть в глаза Иуде. Но он пересилил себя и взглянул. Никогда, никогда не видел он такого бледного, такого бедного лица. Он едва не дрогнул: успокойся, брат, я хотел испытать тебя. Ты выдержал испытание. Спокойно ложись к пасхальному столу. Все будет, как предсказано пророками. Без тебя. И знай, Иуда, ты всегда в моем сердце.

Но он ничего не сказал. Его кроткий и беспощадный взгляд спокойно отторг последнюю — молчаливую — мольбу Иуды.

— Боже,— дрожащим голосом проговорил Иуда,— подари мне одно: дай целованием уст предать тебя врагам.

— Будь посему,— сказал Иисус.— Но это последняя твоя просьба.

И совершил он пасху с учениками своими. Пили сладкое пасхальное вино, ели легкую пасхальную пищу. И он сказал ученикам, что один из них предаст его.

Они опечалились и, не переставая жевать, стали наперебой спрашивать:

— Не я ли, равви?

Он сказал:

— Опустивший со мной руку в блюдо, этот предаст меня. Впрочем, Сын Человеческий идет, как писано о нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается. Лучше было бы ему не родиться.

Он опустил руку в блюдо с вареным, крупно нарезанным карпом и стал нашаривать кусок. Иуда не протянул своей руки. Иисус уставил взор на его полуопущенные веки. Палец его укололся об острую кость. Иуда долго крепился, не подымая век, но не выдержал и полыхнул на Учителя смятенно-синим взглядом.

— Не я ли, равви? — запинаясь, спросил Иуда.

— Ты сказал,— ответил Иисус и поднес ко рту кусок разваренной рыбы, розовый от крови из его пальца.

Он так и не понял, почему ученики никак не отозвались на сказанное. Когда он только произнес слово о предательстве, Петр схватился за нож. Иисус следил, чтобы перехватить его руку, если он обратит оружие против предателя. Но Петр спокойно переложил нож в руке и отрезал себе козьего сыра. Они и раньше не всегда его понимали, поскольку он говорил притчами, обиняками — лишь такие речи осиливают время и остаются в памяти потомков, но для их простых умов даже прямое слово не всегда было доходчиво. Нередко они принимали за околичность напрямую выраженную суть. Возможно, и сейчас они полагали какой-то второй смысл за его словами, который был недоступен их усталому и затуманенному вином рассудку. Придет для них пора, когда все туманности и замутненности опрозрачнеют и сольются в единую завершенную картину. Иисус не стал им ничего пояснять. Так лучше, пусть Иуда на равных проведет со всеми эту последнюю вечерю.

Он взял опреснок, благословив, переломил и раздал ученикам. Никто не удивился, что Иуда получил свой кусок.

— Ядите,— сказал Иисус,— сие тело мое.

Они послушно принялись жевать хлеб.

Он взял чашу с вином и протянул ученикам.

— Пейте из нее все, ибо сие есть кровь моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов.

Они отпивали поочередно, Иуда тоже сделал глоток,

следующий в череду не побрезговал чашей после него.

— Сказываю вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца моего.

И снова ему показалось, что лишь один Иуда понял истинный смысл его слов и почернел лицом, ибо знал, что не пить ему новое вино в Царстве Предвечного. Остальные, похоже, думали, что Иисус собирается выпить с ними в доме покойного плотника Иосифа, мужа его матери Марии. Никогда еще не видел так ясно Иисус, что пошли за ним люди прекрасные, но несмысленные и медлительные сердцем. Что с того, их час еще не пробил, но он уже близок. Потрясенные его исходом, они очнутся другими людьми, с обновленным разумом и душой: огненноустые проповедники, бесстрашные подвижники, провидцы, мученики за веру, а одного осенит дивный поэтический дар.

После вечери они поднялись на гору Елеонскую, и он напомнил спутникам слова пророка Захарии: «поражу пастыря, и рассеются овцы стада».

Сие сказано о вашем Учителе. Ибо вы соблазнитесь обо мне в эту ночь.

И они, то ли снова не поняв, то ли догадываясь о своей слабости, промолчали. Лишь горячка Петр вскричал порывисто:

— Если и все соблазнятся о тебе, я никогда не соблазнюсь!

И сказал ему Иисус:

— В эту ночь, прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от меня.

Всполох поднялся, как в курятнике, куда забралась лисица. Вопили, бедные, что никогда не соблазнятся, скорее дадут себя на куски изрезать, и только Иуда молчал.

Потом пошли в Гефсиманский сад, а Иуда отстал.

Иисус взял с собой на ночлег только троих: Иоанна, Иакова и Петра, и с ними удалился под сень старых олив. Он просил спутников не спать, бодрствовать с ним в его последнюю ночь, но, отяжелевшие от пасхального стола и неспособные управлять собой, они сразу начали клевать носом, а там и задышали мерным, с присвистом дыханием сна. Он отошел от них и присел на камень.

Ночь была лунная и звездная, он видел кровли Иерусалима и задумался о людях, мирно спящих в своих

домах, храпящих, чешущихся, вертящихся с бока на бок, ласкающих женское тело и не ведающих, какой грядет день. День, когда люди убьют Бога. А если б ведали? Все равно спали бы, и храпели, и чесались, и вертелись, и творили любовь, ведь спят же его ученики, сведомые о расправе над Учителем. Неужели люди так толстокожи и лишены воображения? Или в них еще не проснулась настоящая душа — отзывчивая, жалостливая, влажная? Может, для того и будет завтрашний день: обратить полузверьевую душу, какой до сих пор обходились, в человеческую? Люди станут другими, когда он повиснет на кресте с разъехавшимися позвонками, не все, не сразу, но станут. Возраст нового человечества пойдет от Голгофы.

И вдруг что-то сломалось в нем, будто хрястнул хребет души, он увидел завтрашний день без осеняющего смысла, без света искупительной жертвы, а житейски: потная толпа, источающая чесночный смрад, сухая, горячая пыль, забивающаяся в волосы, в складки одежды, хрустящая на зубах, грубый шум любопытства, нетерпения, злая ругань из-за лучшего места,— и себя нагого, западающего от стыда в собственный живот перед этим тысячеглазьем. Какой срам! Ему, никогда не обнажавшемуся не только перед женщиной, но даже при мужчинах, висеть голым на виду огромной толпы. И там будет Мария Магдалина, и жены-мироносицы, и его Мать, и незнакомые девы и женщины Иерусалима. С содроганием думая о казни, он как-то забывал об этой казни стыдом. И, не совладав с собой, он закричал в высеребренное небо:

— Отче мой! Если можешь, да минует меня чаша сия!

Небо не отозвалось.

Он упал на лицо, раздираемый протестующим ужасом и бессилием перед Богом.

Он лежал долго, пока низкое бессилие не обернулось достоинством смирения.

— Будет как Ты хочешь, а не так, как я хочу,— прошептал Иисус.

Он встал, подошел к ученикам и стал их расталкивать. Они мычали, вертели головами, протирали красные, слезящиеся глаза. Какие жалкие люди! И в них он думал найти поддержку.

— Я же просил вас не спать,— устало сказал

Иисус.— Неужели вы не могли один час бодрствовать со мной?

— Прости, равви,— покаянно сказал Петр и зевнул так, что чуть не свихнул себе челюсть.— Мы старались не спать. Как будто кто песку в глаза насыпал.

Иисусу расхотелось укорять их, видно, еще не властны они ни над духом, ни над плотью своей. Он оставил непроспавшихся, зевающих, кашляющих, постанывающих людей и вернулся к своему камню. Иуда не заснул бы, в нем уже пробудилась та грядущая душа, которая постигнет и этих сонь, и тех, кого он не взял с собой. А каково сейчас Иуде? Ему некому пожаловаться, как жаловался он Отцу своему, он даже имени Господа не смеет произнести. Иуде во сто крат страшнее, безысходнее. Его тело не вознесется со смертного одра в небесный чертог, а будет расклевано хищными птицами, душа уйдет в преисподнюю, а память навеки проклята. Вот чья последняя ночь воистину ужасна. Мысли о Иуде устыдили, он сказал:

— Отче мой, если не может чаша сия миновать меня, да будет воля твоя.

Он помолился светлой молитвой и оглянул ночь с тихими деревьями, тенями и бликами, с высоко поднявшимся небом. Исчезло серебряное струение, ограненные кристаллы звезд обособленно раскинулись по темной, глухой глади. Удаляющееся небо дышало холодом. С телесным ознобом вернулась леденящая душу тоска.

Иисус пошел к ученикам и вновь застал их спящими. Они не проснулись на громкую, надтреснутую укоризну. Иисус оставил их в покое, хотя так нуждался сейчас в сочувственном слове. Но что поделать: люди спят, небо молчит и дышит холодом. Иуда, лишь мы с тобой обречены бодрствовать в этот страшный канун. Иуда, брат мой и жертва, прости меня!..

Уже под утро, вновь истомленный тоской, он в третий раз толкнулся к тем, от кого ждал помощи в свою последнюю ночь, но они беспросыпно спали, открыв глупые рты.

— Вы все еще спите-почиваете? А ведь приблизился час, и Сын Человеческий предастся в руки грешников!

Он сказал это звучным, глубоким, проникновенным голосом, способным разбудить и мертвого, но рыбаки-проповедники не проснулись.

— Встаньте! — тщетно взывал к ним Иисус.— Приближается предающий меня!

Но они проснулись лишь от топота ног, стука, звяка, бряка вооруженных мечами, копьями, кольями людей, которых привел Иуда. Проснулись, хлопая глазами и словно не понимая, где они находятся и что происходит вокруг. Так, не поняв, а может, все поняв, пустились наутек и не слышали слов Иуды, обращенных к вожакам своры, которую он привел:

— Кого я поцелую, тот и есть Царь иудейский. Берите его.

Он повернулся к Иисусу и сделал широкий шаг навстречу ему.

— Радуйся, равви! — и потянулся к устам Иисуса.

Тот взял в руки его кудлатую голову, их губы сомкнулись. Иисус почувствовал благостный запах скошенных трав, когда к ним попадает мята и душица. Воистину уста праведников благоухают, а уста грешников источают смрад. Странные слова Иуды были понятны Иисусу: он тверд и сделает все до конца. Нежно и горестно смотрел Спаситель в лицо предавшего его. Как истаяла его плоть, а глаза провалились в череп — вот чем он оплатил эту ночь.

Отсюда, а не с дома Понтия Пилата начинается крестный путь Христа, ибо здесь испытал он первую жестокую потерю.

Дальше будет много всякого — и пустого, и трогательного, и глупо-жестокого, и безобразного, и страдальческого: искаженное лицо Матери, так и не понявшей, что произошло от Благовещения до креста на холме Голгофы, прелестное и в дыме слез ненужное лицо Марии Магдалины, и последняя доброта человека: воин протянул ему на кончике пики губку, смоченную в питье римского легионера на марше: смесь вина, уксуса и воды, так освежающего спаленную жаждой гортань, отчаянный взыв к Отцу: «Почто меня покинул?» — и душераздирающий, вполне человечий вопль, когда разъехался позвоночный столб. Затем тьма, дальше началось Богово...

С Иудой все было куда проще. Вечером того же дня он выбрал в окрестностях Иерусалима молодую крепкую оливу. Крепка была и веревка, захваченная из дома. Он взобрался по стволу до толстого, надежного сука, привязал к нему веревку, накинул петлю на шею, затянул до отказа и, прошептав возлюбленное имя, кинулся вниз.

Христос не ошибся в нем. Возмездие должно было

следовать прямо за преступлением, иначе не сбылось бы начертанное: Христос будет предан, но горе тому, кто его предаст. В этом коренится многое: и духовные, и даже правовые начала. Первый кнут доносчику — отсюда. В предательство должна быть заложена расплата. Предать Христа мог любой из апостолов, но лишь один Иуда мог после этого повеситься. Пример Петра лучшее тому доказательство: троекратное отречение он оплатил слезами, а не петлей.

АЛЕКСАНДР
ВОЛОДИН

Мать Иисуса

Тридцать третий год нашей эры.
Дом Марии, матери Иисуса.
В открытой двери стоит ее Д о ч ь. *Она только что вошла и вглядывается в сумрак комнаты. «Мама»,— тихо позвала она.*

Мать Что там? Где мальчик?
Дочь Отвела твоего ребеночка, нашлись люди, приютили.
Мать Видишь — не побоялись.
Дочь Ну кто теперь не боится! Тоже дрожат. Самые верные друзья попрятались. Все куда-то исчезли, никого не найти. А первый друг, Петр, первый и отрекся.
Мать Вот ругаешься. Нехорошо.
Дочь Почему нехорошо?
Мать А вот потому и нехорошо.
Дочь Почему нехорошо? Ты можешь объяснить членораздельно?
Мать Что?..
Дочь Почему, спрашиваю, нехорошо?
Мать А... (*Прислушиваясь, что на улице.*) Он что говорил? Других не надо судить. Тогда и тебя судить не будут.
Дочь Не знаю, не слышала, чтоб он это говорил.
Мать Спроси у людей, которые слышали.
Дочь Все что-нибудь слышали. Каждый что-нибудь да слышал. Мы, говорит, ученики. Учились, учились, ничему не научились.

33 Заказ № 313

Мать	Я все-таки пойду.
Дочь	Куда?
Мать	Туда.
Дочь	Сейчас? Зачем?
Мать	Мало ли...
Дочь	Ну придешь. Там уже никого нет!
Мать	Не знаю, не знаю. Лягу на гробницу полежу.
Дочь	Заберут.
Мать	Ну и заберут.
Дочь	Тогда я тоже с тобой. Пускай видят! А то правда, живой был — за ним толпы ходили, а казнили — никого нет...

Они прислушались — было тихо. Как вдруг дверь отворилась. Вошел крупный п а р е н ь *шестнадцати лет, однако еще невзрослый по разуму.*

Мать	Почему ты ушел оттуда?
Младший сын	Они сказали — иди домой.
Мать	Кто сказал?
Младший сын	Там их отец пришел. Он сказал: пускай убирается домой, не хватает, чтобы его у нас нашли.
Дочь	Еще один смельчак.
Младший сын	Я есть хочу.
Дочь	Что ты сразу начинаешь ныть! Как будто ему не дают. Не дадут — тогда будешь ныть.
Младший сын	Смотри, мама, она опять придирается.
Дочь	Потому что не строй из себя ребеночка.
Мать	Не ссорьтесь.
Дочь	Поцелуй его.
Мать	Я и тебя могу поцеловать.
Дочь	Мы уйдем, а его куда денем?
Младший сын	Я дома буду. Я есть хочу.
Мать	Сейчас покормлю.
Младший сын	А вы куда собрались?
Мать	Мы в Ерусалим идем.
Младший сын	Зачем?
Мать	Пойдем к гробнице, где лежит Иисус.

Младший сын В гробнице его уже нет.

Мать Как — нет?

Младший сын Так, нет.

Дочь Где же он?

Младший сын А его унесли оттуда.

Мать Куда унесли? Кто унес? Где он? Где!..

Младший сын Неизвестно. Кто-то вытащил и унес.

Дочь Что-то недослышал, что-то недопонял и болтает.

Младший сын Мама, она опять.

Дочь Объясни, недоразвитый,— что ты там недопонял?

Младший сын Да это все уже знают. Женщины пошли к пещере, а камень отвален. Пещера открыта, и никого там нет.

Дочь Какие женщины ходили? Припомни, кто это видел?

Младший сын Магдалина ходила и еще кто-то.

Дочь Магдалине верить нельзя, она истеричка.

Младший сын А если Петр видал то же самое? Только потому, что это я говорю, мне не верят!

Дочь Постой, что они видели там? Просто пустая пещера?

Младший сын Просто пустая пещера. И только пелены лежат, в которые он был обернут. Белые пелены в крови.

Мать Верно, он был обернут...

Дочь Если это правда — надо разобраться. Может быть, его эти негодяи утащили. Фарисеи. И зарыли где-нибудь в другом месте. Чтоб ничего не осталось. Чтоб никто не мог прийти к этой пещере. Чтобы не встретились пришедшие туда, не посмотрели бы друг другу в глаза, не подумали чего-нибудь...

Камень в окно. Брызнули стекла.

Младший сын А говорят, наоборот, что его унесли друзья и спрятали в надежном месте.

Дочь Как они тебя спрятали, так они и его спрятали.

Мать А может быть, он все-таки остался жив?

Младший сын Ты что?

Дочь Мама, перестань!

Мать Думают, замучили его до смерти, а он жив...

Дочь Пойдем, мама, там все выясним. Нечего верить слухам, да еще из десятых уст.

Мать Теперь как раз нельзя отлучаться. В случае чего — куда ему идти? Он же сюда пойдет. Пришел, а нас дома нет.

Дочь Мама, бедная моя, ты послушай себя, что ты говоришь. Он три часа висел на кресте. Потом специально проверяли, что он умер!

Мать Ты иди. Все узнай там и мне расскажешь. А я побуду. Привести хоть в порядок дом. Разгром такой... Сынок, ты помоги мне, чтобы побыстрее.

Младший сын Я есть хочу.

Дочь Говорят тебе, помоги! Растормозись немножко!

Вошел второй сын Марии.

Старший сын Здравствуй, мама. (*Поцеловал ее почтительно.*)

Мать Ты слышал? Иисуса не нашли в гробнице.

Старший сын Путаница какая-то. Но вы пока молчите. Если что спросят, ничего не знаем.

Дочь Что ты всех пугаешь? Все время пугает. Сам трясется, хочет, чтобы все тряслись! Зачем тогда пришел сюда?

Старший сын Я пришел только дать совет. А ваше дело — принять к сведению или наплевать. Как обычно вы и делаете. Но тогда смотрите сами.

Мать Он правильно говорит. Сейчас главное — молчать. Потом наговоримся, когда он объявится.

Старший сын Кто объявится?

Дочь Помолчи, мама.

Старший сын Секреты. Но потом ко мне не бегите. Мать, сядь и послушай. И вы послушайте. Сейчас

тут за дверью стоит один человек. Римлянин. Крупнейший меценат, путешественник, знаток восточных языков.

Дочь Не слишком ли много достоинств.

Старший сын Он просил привести его сюда. Просто познакомиться с семьей. Иисуса он почитает и сам возмущен этой бессмысленной казнью. Словом, это мой добрый знакомый и в каком-то смысле даже друг.

Дочь Интересно, как ты с ним подружился. Поставлял женщин? Или продавал сувениры?

Мать Ты нехорошо говоришь, дочка. Она так не думает.

Дочь Почему, так и думаю.

Старший сын Словом, человек ждет за дверью. Специально сюда ехал, что же, отправим его обратно? Или все-таки разрешим зайти?

Мать Позови его. Действительно, сколько времени держим человека за дверью.

Старший сын Но условие. Никаких споров, никаких намеков. Это может плохо кончиться для всех. Все-таки человек из Рима.

Дочь Добрый друг донесет властям.

Старший сын Вот это я как раз имел в виду, такие разговорчики.

Младший сын Мам, а поесть когда?

Старший сын Уйдет, тогда поешь.

Он отворил дверь, позвал: «Прошу вас. Немного врасплох, но ничего, ничего...»
Вошел Римлянин.

Это его брат, это — сестра. Мать... Познакомьтесь: это наш гость из Рима. Вы, ребятишки, пока занялись бы чем-нибудь.

Римлянин Благодарю вас за то, что вы согласились меня принять. Прошу прощения, что я явился к вам в такой момент.

Мать (*Римлянину*). Виновата, вы случайно не слышали, что там?..

Старший сын В общем, все это потом, мама, потом. (*Римлянину.*) Вот это был, по существу, его уголок. Здесь полка, которую он собственноручно

выпилил. Довольно интересный узор, несколько национальный, может быть... На чердаке сохранилась кроватка, в которой он спал в детстве, можно подняться посмотреть.

Мать Не суетись, сынок.

Старший сын В чем дело? Что опять не так?

Дочь Ты забыла, наш гость — римлянин. Почему же не посуетиться перед ним?

Старший сын Я, кажется, просил.

Римлянин Ничего, это естественно. Но если бы вы меня узнали поближе, ваша неприязнь, надеюсь, уменьшилась бы.

Старший сын Не люблю об этом рассуждать, но мне непонятно вот это оголтелое неприятие всего чужеземного.

Дочь Особенно римского.

Старший сын Рим — это Рим.

Дочь А весь остальной мир создан для его удовольствия.

Старший сын Я просил...

Дочь А половина римских императоров были негодяи! И у каждого руки по локоть в крови!

Старший сын Если тебе жизнь не дорога — продолжай.

Дочь Быть осужденной за учение Иисуса — для меня только радость! Вас будут ненавидеть! За одно только имя мое! Вот что он сказал!

Старший сын А я тебе другие слова его напомню: всякая власть — от кого она? От бога!

Дочь Не говорил он этого! Ты сейчас придумал! Теперь начнут придумывать, потому что он уже никому не может ответить!

Римлянин Ваша сестра, мне кажется, ближе к истине. Всякая власть в какой-то мере зло.

Дочь Приятно слышать.

Римлянин Владычество Рима — тяжкое бремя, я понимаю вас. Римлянам смешно рассчитывать на любовь порабощенной страны. Однако всякая ненависть, в том числе и к властям,— тоже зло. И в свою очередь порождает ненависть.

Разве не так?

Старший сын Интересная мысль!

Римлянин Вы знаете, сейчас это кажется невероятным, но может случиться, что последователи вашего брата когда-нибудь отберут власть и также будут преследовать и казнить тех, кто мыслит иначе.

Мать Как вы можете это говорить!

Старший сын Тихо, мама.

Римлянин Простите, это так, разврат ума. Счастлив, что познакомился с вами. (*Дочери.*) Сохраню самое искреннее уважение. Но с другими не советую говорить так откровенно.

Мать Вы правы, сейчас надо молчать. Хотя Иисус ничего плохого не хотел. Он хорошего хотел, одного хорошего.

Старший сын Но ведь никто не спорит! Все, собственно, ясно.

Мать Вы, наверное, много путешествовали, нагляделись всего. Тщеславие, гордыня, злословие. Вино пьют уже не для веселья, а из-за распущенности. А веселья все равно становится все меньше. Многие живут только завистью друг к другу. Ради своего превосходства некоторые жертвуют всем, даже жизнью. Хорошо ли это? Каждый хочет отделиться от других, впадает в уныние. А он что говорил? У него все слова были простые. Только простые слова, я их часто слышала. Сострадание. Милосердие. Братство. Любовь. Не просто любовь жены и мужа, а вообще любовь к ближнему, это значит к любому человеку. Вот и все почти слова. Ну еще — терпение, это понятно. И главное, это не ради кого-то, но ради собственного же блага, для своей же радости и покоя. А у кого в душе есть радость, тот и с другими может поделиться. Я понятно говорю?

Старший сын Понятно, понятно.

Римлянин Если бы я мог верить, как вы!

Мать Это просто. Это как раз очень просто.

Римлянин Что вы! Я боюсь забот, страданий, люблю наслаждения.

Младший сын Вы были в Риме!

Старший сын Дошло.

Римлянин Я был в Риме, я жил в Риме и там, видимо, умру.

Младший сын Я никогда не был в Риме.

Римлянин Это большое упущение. Я мог бы кое-что тебе рассказать. Впрочем, и ты можешь кое-что мне рассказать.

Младший сын (*ухмыльнулся*). А я ничего на знаю.

Римлянин Ты жил в Галилее.

Младший сын Я и сейчас тут живу.

Римлянин Тогда давай так. Я тебе буду рассказывать про Рим, а ты мне расскажешь про своего брата.

Младший сын Про этого?

Римлянин Нет, про того.

Старший сын Вот и прекрасно. Садитесь вот здесь, вам никто не будет мешать.

Римлянин и мальчик сели в сторонке. Здесь они будут беседовать.

(*Негромко.*) Мама, давай подарим ему полочку. Зачем она здесь, просто для украшения. А он коллекционер, для него это ценность.

Дочь Хочешь подарить полочку?

Старший сын А тебе какое дело?

Дочь Мама, он продаст ее.

Старший сын Почему она все время подозревает меня в мошенничестве?

Дочь Если даже ты совершаешь честный поступок, я невольно начинаю гадать, зачем тебе это понадобилось.

Мать Полочку — нехорошо. Как будто специально дождались и вот распоряжаемся его вещами.

Старший сын	Тогда подарим эту палку. Палку, надеюсь, жалеть не будем?
Мать	(*отобрала палку*). Это его дорожный посох, он с ним ходил, нельзя.
Старший сын	Нельзя. Ну вот валяется ремешок от его сандалий! Ремешок можно?
Мать	(*забрала ремешок*). Его ремешок, нельзя.
Старший сын	(*теряя терпение*). Значит, все, что его,— нельзя.
Мать	Нельзя.
Старший сын	Но ведь теперь интересно именно то, что принадлежало ему! Не мне, не тебе, а ему! Как же быть?

В дом вошла молодая женщина, усталая, с дальней, видимо, дороги.

Женщина	(*Матери*). Ничего не слышала? А?..
Мать	Сама всех спрашиваю, никто ничего не говорит.
Женщина	(*Дочери*). А ваши ничего не слышали?
Дочь	Какие наши?
Женщина	Ладно тебе, конспираторы. Теперь уж никому не до вас. Как вы там, ничего не слышали?
Дочь	А что мы должны слышать?
Женщина	Все боятся слово сказать. (*Старшему сыну.*) А ты? Вертишься там с высокопоставленными. Уж, наверное, краем уха что-нибудь слышал!
Старший сын	Да что она пристает ко мне? Ты что сюда пришла? Люди тут! Не видишь? Никто ничего не слышал, пошла отсюда!
Женщина	А я слышала!..
Мать	Что!.. Что слышала?
Женщина	Он жив!
Мать	Кто жив?
Женщина	Твой сын! Он воскрес!
Старший сын	В каком смысле?
Женщина	Они его убили, а он жив! Они его распяли, а он воскрес! Вот в каком смысле!
Дочь	Как — воскрес? Что-то неясно.
Женщина	Вот люди! Когда он сам это предсказывал, верили, что так и будет. А когда это на самом деле случилось — не верят!

Римлянин (*оторвался от беседы с Младшим сыном*). Нет, все-таки. Что случилось?

Женщина Да, случилось! Жив он! Воскрес! Как сам и предсказывал! Что теперь ему сделают? Как теперь его накажут?

Старший сын Тихо, тихо...

Мать Ты говоришь, он предсказывал. Я что-то не помню. Может, прослушала...

Женщина Он предсказывал, что пройдет через смерть и вернется для новой жизни! Тогда верили, а теперь вот говорят, а поверить боимся!..

Мать А мне не говорил. Другим сказал, а матери ни слова...

Старший сын Кто видел?

Женщина Магдалина видела. Своими глазами.

Старший сын (*Римлянину*). Магдалина — одержимая женщина. При ее отношении к брату — весьма понятная галлюцинация.

Женщина Значит, она больше всех его любила, если первая увидела! Сначала ей тоже не верили. Но другие женщины, которые тоже ходили к гробнице, рассказывали, что видели там ангела в белом одеянии. А некоторые говорят, что им явилось два ангела! Они и отвалили камень от гроба, чтобы Иисус мог встать и уйти.

Старший сын Интересно, сколько ангелов будет к утру.

Мать А я говорила, что он жив. Я говорила!

Дочь Поверить, конечно, трудно. Но если он даже, так сказать, воскрес в сердцах любящих людей, то все равно это чудо. Само по себе. Они хотели убить нашу веру в освобождение! А ее убить нельзя! И вот она воскресла.

Старший сын Тихо, тихо.

Дочь Трясешься? Трясись!

Старший сын А я требую, чтобы ты сидела тихо. Соображаешь, какая теперь начнется слежка за нами? И учтите, это всех касается! Что, если они там тоже поверили в эту историю? Там тоже, знаете, умы. Начнут его искать. Где

его будут искать? Прежде всего здесь! За домом уже установлено наблюдение. Кто сюда зашел — уже на заметке!

Дочь За себя не беспокойся. В случае чего, я заверю, что ты их верный раб!

Старший сын А я тебе сейчас как врежу!

Дочь (*подбежала, остановилась перед ним*). Давай, давай! Твоему гостю будет интересно. Увезет домой яркое впечатление!

Женщина Брат и сестра! Ругаетесь! В такой день! Лучше бы я сюда не заходила!

Старший сын (*Римлянину*). Прошу прощения за эту сцену.

Римлянин Не обращайте на меня внимания. Меня нет.

Старший сын Видите ли, если эту фанатичку не остановить, она тут всех загубит.

Дочь Верный раб! Послушный раб!

Мать Давайте я вас покормлю. Все хотят есть.

Старший сын Кто хочет есть? Никто не хочет есть.

Младший сын Не говори за всех.

Старший сын Ты-то хоть помолчи.

Мать Все будут молчать, ты один будешь говорить.

Старший сын Да и ты, мать... Вела бы себя как-то покультурнее.

Младший сын А что ты всем делаешь замечания! Все молчите, один он будет говорить! Никто ничего не понимает, он один все понимает! Он не хочет есть — никто не хочет есть! Он главнее всех!

Старший сын Сгинь, недотепа. Надоело. Никто не хочет понять... Сами не можете понять — послушайте других. Может быть, установим какой-нибудь порядок?

Дочь А кто будет устанавливать? Ты?

Старший сын Почему бы и нет? Я, во всяком случае, старший.

Мать Не ты старший, не ты. Старшего дома нет.

Старший сын Слушай, Мать. Не хочу тебя обидеть, но ты припомни. Много он бывал дома? Часто ты его видела? Ему до вас и дела не было. Он был, так сказать, выше всего этого.

Мать Неправда! Неправда!

Старший сын (*спокойно*). Что неправда?

Мать Неправда! Он любил нас! Он всегда нас любил! Он и уходил из дому, а все равно нас любил. Он отовсюду нам посылал... Где бы он ни был, он все равно нам посылал... Всегда.

Старший сын (*спокойно*). Что, что он нам посылал?

Мать (*не сразу нашлась*). Привет и ласку.

Старший сын Привет и ласку.

Мать Не смейся. Не надо смеяться.

Женщина Родной брат! Родной брат! Что говорит!

Старший сын Да, родной брат. Потому и говорю. Для вас это человек не от мира сего. Особенно теперь. Мертвых все умеют любить. А для нас он просто Иисус. И были у него обыкновенные человеческие недостатки. И достоинства. И были у него завихрения. А что касается меня, то я далеко не во всем с ним согласен. Случалось с ним и поспорить. Скажем, по вопросу...

Римлянин Любопытно, о чем же вы спорили?

Старший сын (*уклоняясь*). Ну, это наши внутренние дела. Во всяком случае, если бы он был жив, он и сам не захотел бы причинять неприятности своей семье.

Мать (*смотрит на него с жалостью*). Тяжко тебе будет жить. Ох как тяжело...

Старший сын Ну, мать, я вижу, ты тоже научилась предсказывать. Почему же это мне будет тяжко жить?

Мать Считаешь, что вокруг тебя глупые люди. Трудно тебе будет с глупыми-то всю жизнь.

Старший сын Не понял.

Тем временем в дом вошел человек в пыльной дорожной одежде. У него ясное, сильное лицо. Это один из учеников Христа.

Мать (*к нему*). Что? Что?..

Ученик. На дорогах ни души. Иду по улицам Галилеи — никого, тишина, никто не работает,

лавки заперты, все сидят по домам. Выглядывают в окошки, чего-то ждут. А чего ждать? Все, что должно было произойти, уже произошло.

Мать А что произошло? Слухи ходят, а толком никто ничего не скажет...

Ученик Для того я и пришел сюда, чтобы сообщить, что произошло. Потому что тебе теперь предстоит совсем другая жизнь. Теперь, Мария, ты будешь жить уже иначе.

Мать Ты уж не пугай меня...

Ученик Вечером все мы, его ученики, собрались, как прежде, за трапезой, чтобы вместе вспомнить учителя. Двери были заперты. Как вдруг он появился среди нас — никто и не заметил как, когда — и сказал: «Мир вам». Только два слова, больше ничего не сказал. На руках и ногах его были раны от гвоздей. Но мы ничего не смогли сказать ему в ответ. Мы растерялись. Хотя он сам говорил нам при жизни: там, где соберутся во имя его, он будет между ними.

Старший сын Мне думается, он сказал это все же в переносном смысле.

Мать И стол не накрыт, мало ли что, вдруг заявится голодный. А то всегда так: забежит, нашлось что-нибудь — поест, а не сообразишь сразу — уже куда-то дальше пошагал...

Женщина бросилась к Марии, опустилась перед ней на колени. Та испугалась, стала отрывать ее от себя.

Мать Ты что? Вставай сейчас же, что это тебе в голову взбрело!

Женщина Мария, ты, его мать, поймешь меня. Прости за просьбу такую... Мальчик мой, сын мой болеет. Все говорят, надежды нет. Устала я, устала! Укрепи меня в моей надежде! Благослови!

Ученик Вот о чем я тебе говорил. Теперь к тебе многие придут, Мать Божья. И те, кто не верил в него, попозже, но придут.

Мать Да что мне делать с ней? Так и будем стоять?

Ученик А ты возложи ей на голову руки и пожелай добра.

Мать Ну, вот, возложила...
Ученик Пожелала добра?
Мать А как же.
Ученик Вот и все. А теперь, женщина, вставай и можешь идти. И рассказывай всем то, что я рассказал. И ссылайся прямо на меня.
Женщина (*поднялась*). Ну, мать, думала ли ты... Вчера еще... Могли ли мы думать?!. (*Дочери.*) Что, девочка, можно ли было подумать? (*Поцеловала ее.*) А вы ссоритесь. Разве можно сейчас ругаться... (*Подошла к Старшему брату, поцеловала трижды.*) Сейчас все должны в мире жить. (*Поцеловала Младшего брата, тот смутился.*) Отворачивается... Да что ты отворачиваешься, твой брат воскрес! В такой день все могут целоваться! Иисус воскрес! (*Поцеловала и Римлянина.*) Иисус воскрес!
Ученик Ладно, иди. Только будешь рассказывать — не путай ничего. А то сейчас начнут добавлять своего, кто во что горазд, что было, чего не было. Иди и говори громко, не бойся, теперь пускай они боятся!

Женщина пошла. Ученик, в двери, напутствовал ее: «Люди, выходите!»

Женщина Люди, выходите!
Ученик Распахните двери, теперь бояться нечего!

Слышится голос Женщины: «Теперь бояться нечего! Теперь пускай они боятся! Иисус воскрес! Теперь все переменится! Теперь всем воздастся! Иисус воскрес!..»

(*Марии*). Людей не бойся. Кому нужна помощь — помоги.
Мать Как я могу, я не умею ничего...
Ученик Сумеешь.
Мать Да уж поверь, что не сумею. Если он больной. Или она бесплодная. Что же я могу поделать? Только позориться. Я и сказать им ничего не могу. Я вот говорю, а меня родные дети не слушают.
Ученик Но ведь он твой сын?
Мать Ну, мой.
Ученик Бог почему-то именно тебя избрал для этого?
Мать Ну, меня...

Ученик Почему так случилось? Мы, сознаться, думали над этим. Пытались постичь. Некоторые, честно говоря, дивятся. Действительно, есть женщины и поумнее, и покрасивее. Этого ты не будешь отрицать?

Мать В том-то и дело. Я и сама, сознаться, думала, думала да и бросила. Но теперь-то что делать. Ты говоришь, надо что-то делать.

Ученик Но, с другой стороны. Посмотри на себя. И вы посмотрите. Тебе сколько лет? Уж под пятьдесят, наверно.

Мать Да, уж скоро.

Ученик Ну. А ты все такая же, как прежде.

Мать Когда — прежде?

Ученик Когда ты его родила.

Дочь А правда. Я как-то не обращала внимания...

Ученик Это не чудо?

Младший сын А я обращал внимание. Думаю, что такое?..

Римлянин Вам пятьдесят лет? Хотя, конечно, у вас же взрослые дети. Ну да, меньше и быть не может... Да вас надо показывать римским дамам!..

Мать (*смущена*). Вы скажете...

Ученик Не вам с нами найти ответ на эту загадку. Она еще будет привлекать к себе лучшие умы... А пока — прощай, Мария.

Дочь Остальные для тебя уже не существуют.

Ученик Стараешься меня в чем-то уличить. Конечно, я попрощался бы со всеми и с тобой.

Дочь Значит, я не поняла. Думала, ты все забыл, дорогой.

Ученик Нет, я не забыл.

Дочь А то хочешь, напомню, милый.

Ученик Не стоит.

Дочь Может быть, я тебя обидела, любимый?

Ученик Нет.

Дочь Или ты успел в кого-нибудь влюбиться, ненаглядный?

Ученик У меня были другие заботы.

Дочь А ведь грешил, грешил, друг мой!

Ученик Если глаз твой соблазнит тебя, вырви его и брось от себя. Вот что он говорил.

Дочь Но любовь — она разве не от Бога? Бог и сам любил.

Ученик Но не так, как ты думаешь.

Дочь Что я думаю — это для тебя темная ночь, тебе этого не понять.

Старший сын Дети. Ну, дети!

Дочь Значит, ты решил совсем покончить с этим, нежный друг?

Ученик Да, решил.

Дочь Ради чего же, свет мой?

Ученик А ради того лишь, чему Он учил: оставьте дом, и братьев, и сестер, и жену ради меня и взамен получите во сто крат больше.

Дочь Теперь поняла. Желаю тебе получить побольше, сладостный мой!

Ученик Если бы я хотел получить побольше житейских благ, ты могла бы надо мной посмеяться. Но ты видишь, я нищ. И так проживу до конца своих дней. Не земных удовольствий мы ищем. Земную жизнь мы посвятим Ему. Хватило бы сил нести Его учение людям.

Дочь И детей у вас не будет?

Ученик Значит, не будет.

Дочь Кто же примет его учение из ваших рук, когда вы состаритесь?

Ученик Человеческий род не вымрет.

Дочь А вдруг за вами все пойдут? Все станут такие же праведные, как вы?

Ученик Все, положим, не пойдут.

Дочь На это, значит, рассчитываете... В общем, понятно.

Ученик В таком тоне я отказываюсь продолжать разговор. Мать, скажи ей!

В двери он остановился перед людьми, которые не решались войти.

Ученик Заходите, не бойтесь. Она здесь, она ждет вас!

Старший сын (*Римлянину*). Начинается. Не пора ли нам восвояси?

Римлянин Нет, нет, не пора.

Старший сын Как угодно.

Тем временем люди входили в комнату. Здесь горькие судьбы, скудные жизни, годы болезней, унижения.

Мать Вы тоже слышали? Пришли порадоваться с нами? Спасибо. Мы и сами только что узнали, никак не опомнимся!

Люди смотрели на нее молча.

Посидите, расскажите нам что-нибудь! А это мои — старшенький, дочка. А это гость из Рима, путешествует, заехал к нам...

— Благослови, Мария,— попросила женщина.— Коснись! И тут же, поднимая на руки и протягивая к ней детей, стали просить другие:
— Коснись, Мария!
— Коснись своей рукой!
— Коснись, Мария, благослови! Что тебе стоит!

Мать Боюсь, что не будет толку от этого...
Старик Ты Его мать! Ты не должна отталкивать от себя!
Мать Ну, хорошо, если вы просите, вот, коснулась.
Слепой Пустите-ка, незрячий я, никак не подойти.
Мать Что тебе, вот я...
Слепой Прозреть бы мне, милая.
Мать Как же я могу это сделать, сам подумай!
Слепой А ты попробуй, вдруг получится.
Мать Да уж поверь, что не получится!
Слепой Если ты действительно Его мать — быть этого не может.

«Благослови, Мария,— снова заволновались люди.— Коснись, Мария!..» Они приближались к ней, теснили.— «Благослови, мать! Коснись! Не прогоняй нас!»

Мать (*вырвалась, отпрянула от них*). Не умею я этого! Уходите!
Старший сын Тихо все!
Люди смолкли.

Не на площади, в доме находитесь! Давайте-ка сначала все выйдем. Ненадолго. Потом снова войдете, но уже по одному. Мать, я прав? Нельзя же так.
Мать Нельзя так, нельзя.
Старший сын Тогда скажи, чтобы все вышли. А потом

будут входить по очереди. И ты с каждым поговоришь.

Мать Я с каждым поговорю.

Старший сын Слышите? Просят вас. Выходим, выходим.

Люди стали выбираться из комнаты.

И договоритесь сами, кто за кем будет входить. А кого уже благословили, те с богом идите по домам.

(*Закрыл за последним дверь, придержал ее, обернулся.*) Мать, ты встала бы лучше здесь, посередине.

Дочь Может, ты встанешь вместо нее?

Старший сын Не можешь успокоиться. Не время, честное слово... Теперь, мать, слушай внимательно: говори только самое необходимое. Ничего лишнего. Сказала, и тут же замолкни. Они сами додумают, что нужно.

Дочь Может быть, ты за нее и скажешь?

Старший сын Понадобится — скажу не хуже других. Мать, готова? Впускаю. (*Открыл дверь.*) Кто первый? (*Снова прикрыл.*) Опять слепец.

Мать Не хочу! Не хочу!..

Старший сын Мама, ты не понимаешь, его нельзя прогнать ни с чем.

Мать Не пускай его сюда!

Старший сын (*приоткрыв дверь*). Придется немного обождать. В сторону, пожалуйста. Кто следующий?

В комнату протиснулся человек с нервным лицом.

Нервный Простите, что я вторгаюсь к вам. Я околачиваюсь около вашего дома со вчерашнего дня.

Мать Садитесь, пожалуйста.

Нервный Благодарю вас. Мне надо с вами поговорить. Хотя говорить, возможно, и нет смысла. Я несчастлив, живу безрадостно. Почему? В том-то и дело, что причины, пожалуй, и нет. Кроме разве лишь моей собственной глупости. Правда, эта глупость особая, глупость образованного и даже мыслящего человека. Дело в том,

что моя жизнь состоит из делания глупых поступков и разнообразных страданий по этому поводу. Просыпаюсь утром, вспоминаю, что было вчера, и сразу же начинаю вот так мотать головой и бормотать: «Нет, нет». То есть не было этого, не было! Но это было, ничего уже не исправить. Вы никогда не мотаете головой?

Мать Нет...

Нервный Причем поступки мои не злобные и корыстные, наоборот! Я непрерывно думаю о ближних, как выражается ваш сын, жертвую ради них самым дорогим. Но потом, и очень скоро, именно из-за этого начинаю тяготиться, бежать именно от тех самых людей. Ваш сын учил: давайте и воздастся вам. Но если ты отдал самое дорогое свое человеку скверному, который надменно принял это и теперь смотрит на тебя сверху вниз? Правда, ваш сын говорил: любите врагов ваших. Но как этого добиться? Вероятно, надо сначала приучиться любить хороших людей, а потом уже попытаться любить и других. Может быть, они до сих пор были обращены к тебе дурной стороной, как и ты к ним. А вдруг обернутся хорошей, как и ты?.. Но я обижаю и самых близких — отца, мать! Потом мотаю головой, а уже поздно. Начинаешь думать: как же так — я одинок и печален, ведь это грешно и глупо! Тогда бросаюсь в соблазны веселой жизни — и опять стыд и похмелье. У вас бывает стыд и похмелье?

Мать Нет...

Нервный Видите... Чего ради я терзаю себя в этой единственной жизни? Что возместит мне эти дурацкие терзания? Загробная жизнь? В загробную жизнь мне трудно поверить. Я преклоняюсь перед вашим сыном, его учение — это, в сущности, гениальные уроки практической морали. И служат они не только для того, чтобы делать людям добро, но для излечения своей собственной души, для покоя и гармонии здесь, внутри! Но — загробная жизнь? Вероятно, поверить в нее мне мешает

образование, знание конкретных наук... Но предположим, что после этой жизни ничего не будет. Тогда значит, что все это — земля, солнце, птицы — все это только временное, несущественное? Я имею в виду тех, кому трудно поверить!.. Да, но ведь можно быть свободным от религиозной веры и все же оставаться нравственным человеком. Делать добро и не терзаться суетой. Разумеется, для этого надо много сердца и ума. Но поначалу хотя бы понять!..

Вдруг рухнул, уткнулся головой в колени ей. Она с трудом его подняла. Он заговорил, не сразу.

Благодарю вас... Этой беседы я не забуду...

И вышел.

Старший сын (*Матери*). Видишь, как просто?

Мать Умный человек.

Дочь Невропат.

Римлянин А знаете, ваш бог приносит больше пользы, чем римские конкуренты.

За дверью все громче голоса. Старший сын отправился навести порядок, но было уже поздно. В комнату опять входил слепой, с ним другие.

Старший сын Мы же договорились — по одному человеку. А тебя я вообще просил обождать!

Слепой Мы ждали, Мария, но ты не зовешь нас. Очередь все растет, если ты будешь медлить, мы так и не дождемся!

— *Там все здоровые, они могут подождать, а нам трудно!*

Мать (*вскричала*). Не умею я этого! Не умею! Говорите — я мать! Ну и что! Своих матерей вы же не просите, чтобы они вас исцелили!

Слепой При мне к твоему сыну однажды подошел человек в проказе. Иисус очистил его! Все это видели! А мне, незрячему, не удалось приблизиться к нему! Помилуй меня, Мария! Мы верим тебе, почему ты сама себе не веришь?

— *За ним всегда шли больные и увечные.*

Он всех жалел, всех исцелял!

Слепой Сжалься надо мной, попробуй!

Старший сын Попробуй, мама! Почему не попробовать? Иисус тоже не знал своих возможностей, а потом узнал, и видишь, что получилось?

Мать Уходите отсюда! Уходите!

Из двери на нее печально смотрел Ученик.

Ученик Дурные слухи догнали меня в пути. И я вернулся. Говорят, ты заставляешь ждать пришедших к тебе людей за дверью дома.

Старший сын Мы прибегли к этому только ради удобства.

Ученик Не с тобой говорят. (*Марии.*) Твой сын никогда не заставлял людей ждать за дверью дома.

Мария молчит.

Твой сын попросил бы их зайти.

Мать Нечего им заходить — у меня дела.

Ученик У тебя сейчас нет более важных дел.

Мать Я три ночи не спала, у меня дети не кормлены, я три дня в доме не убиралась!

Ученик Надо, чтобы было чисто в душе, а не в доме.

Старший сын В душе у нее чисто. Она Иисуса родила! Не забывайте все же, куда вы пришли!

Мать Ну что я могу сделать, если он от рождения слепой!

Ученик А что в таких случаях делал твой сын?

Мать Не знаю...

Ученик Все знают, одна ты не знаешь.

Мать Я не видела, дома он этого не делал.

Ученик Кто истинно верит, тому не надо видеть.

Мария молчит.

Ученик (*задумался; печально и сурово*). Ради твоего сына я хотел молчать. Но теперь скажу. Ради него же.

Пришедшие в дом люди слушали его тревожно.

Однажды мать Иисуса и братья стояли у дома, где он беседовал с людьми, и хотели поговорить с ним. Он же, узнав о том, проговорил: кто мать моя и братья мои? И указал

рукой на учеников своих: вот мать моя и братья мои! Ибо кто будет исполнять волю отца моего небесного, тот мне брат, и сестра, и мать! Было так, Мария?

Мать Не знаю, в дом нас не пустили. Но кто не пустил, не знаю.

Ученик Кто же, ты думаешь, мог вас не пустить?

Мать Да вы же и не пустили!

Ученик Зачем же это нам понадобилось вас не пускать?

Мать Вы ему даже не сказали, что я пришла! Боялись, что люди увидят его с нами и скажут: а не плотников ли это сын? Да вот же его мать, и братья, и сестра, мы же их всех знаем, чем же он от них отличается?.. И начнут сомневаться в нем. А он Божий сын! Он Божий сын! Божий сын!..

Старший сын В каком смысле?

Мать Тебе этого не понять. Это только он знает, и я знаю.

Ученик А я утверждаю, что ученики были ему роднее, чем родственники! Не здесь Его дом, а Там!

Мать А все-таки, когда он узнал, что за ним придут стражники, он пожалел нас! Он совершил пасху не дома, а у чужих людей! Это чтобы я не видела, как его забирают и избивают кольями!

Ученик Не потому он совершал пасху у чужих людей, а потому, что они были ему роднее, чем родные! Он как говорил? Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью его, и невестку со свекровью ее! И враги человеку домашние его! Кто любит отца и мать более меня — тот не достоин меня!

Дочь Это неправда! Он любил мать! Ты бы умел так любить! Вы говорите, Иисус добрый. А кто его этому научил? Вы говорите, Иисус смиренный. Откуда это у него? Восхваляете за то, что он был тверд и не отрекался от истины. А она? Зачем же ты требуешь, чтобы мать его говорила не то, что думает!

Мать А хотите знать? Если бы он пришел сюда

еще раз, вы бы снова предали его и стояли бы в сторонке и смотрели, как его распинают!

Ученик (*голосом сильным и ясным*). Братья мои! Покиньте этот дом. Здесь нет и следа Того, Кто некогда жил. Здесь не найдем мы Его. Пускай же в этот день, когда всюду праздник, здесь будет пусто, как пусто везде, где Его нет.

Старик Не осуждай нас за то, что мы сюда пришли...

Ученик Как я могу осуждать вас, если я сам сюда пришел.

Старик Не осуждай нас и ты, Мария. Мы просили того, что тебе не по силам.

Мать Я не осуждаю вас. Хотя все, что он говорит,— клевета. Иисус никогда не стыдился нас. Если бы он презирал своих близких, разве он мог бы любить других? (*Ученику.*) А сестру свою он любил сильнее, чем ты любил ее, хотя и не клялся, как ты. Не потому ли и советовал нам: не клянитесь!

Старик Что же нам делать теперь? Кого слушать? Вы бы решили между собой. Кого нам просить о помощи?

Мать О помощи просить — это его. Он ученик его. Он вместе с ним ходил по дорогам, запоминал его слова, переспрашивал, что они значат. Для чего же и учил их Иисус? Для того, чтобы теперь они учили вас...

Люди оборотились к Ученику. Теперь уже к нему простирали свои руки.

— Благослови! Ты был с Ним, ты Его ученик, благослови! — просили люди, окружая его.

— Благослови сына моего! Коснись моего мальчика!

— Коснись своей рукой!

— Коснись, что тебе стоит!

— Прозреть бы мне, коснись!..

Ученик (*не сразу решился, затем коснулся одного, другого*). Блаженны страдающие, ибо утешатся. Блаженны милосердные, чистые сердцем, только они войдут в царство небесное. Бог избрал вас, бедных, униженных, смирен-

ных, чтобы посрамить богатых, надменных, переполненных собой, мир вам... Благодарю вас за то, что вы верите в Его силу... Благодать тебе. Иди. Мир тебе. Отправляйся... И ты утешься в своей скорби!

Получив благословение, люди, один за другим, покидали дом.

Дочь А ты что остался? Иди, исцелитель, паси свое стадо!

Ученик Он всегда исцелял больных, и не тебе, Мария, отнимать веру у тех, кто страдает. Но речь идет не только о верящих в Него, а также о врагах! Когда Он изгонял торговцев из храма, они Его спросили: как ты докажешь, что имеешь право так поступать? Он должен был доказать это своими чудесами!

Римлянин Простите, Мария, что я вмешиваюсь, но мне думается так. Скорее всего, вы правы, слухи о его чудесах — это фантазия толпы. Но поймите, ради своей великой задачи он вынужден был подтверждать эти слухи. И творить некоторые так называемые чудеса.

Дочь И потом, мама, в сущности, ведь он творил чудеса, но, может быть, в другом смысле. Он возвращал зрение тем, кто ослеплен духовно!

Ученик Нет, зачем же так, не надо подменять.

Старший сын Без некоторых простительных компромиссов успеха достичь нельзя. Ну, так уж сложилось.

Ученик Речь идет не о компромиссах.

Старший сын Почему же, что было, то было, давайте смотреть правде в глаза. Вокруг него всегда толпилось столько жаждущих исцеления, что кто-то действительно исцелился. А чудеса поражают больше, чем проповеди.

Ученик Видишь, Мария, каждый мыслит по-своему, но говорят тебе одно. Неужели ты и теперь не поняла?

Мария молчит.

Значит, так: мы будем говорить одно, а ты будешь говорить другое!

Мать Я не буду говорить.

Ученик Но к тебе будут приходить! И будут спрашивать! Теперь все будут спрашивать о Нем! Придется отвечать и тебе, и нам. Что же ты будешь отвечать: превращал Он воду в вино или нет?

Мать Может быть, и превращал. Может быть, что и превращал.

Ученик Да будет твое слово, да — да, нет — нет.

Мать Ну так — нет. Нет. Чего не видела, того не видела...

Ученик Ну, хорошо же... (*Пошел к выходу. Но, открыв дверь, обернулся.*) Фарисей!.. Фарисей идет сюда. Может быть, один из тех, которые убили твоего сына. Фарисей — кровавый лоб. Фарисей — чего изволите? Вот кого здесь не хватало! Вот с кем вы найдете общий язык! Эти тоже не верят в то, что Он совершал чудеса. Вот кому здесь место, вот кого здесь, наверное, ждут! А я здесь не нужен, я пошел... (*Уходит.*)

Старший сын Интересно, зачем этот Фарисей сюда пожаловал. Будет о чем-нибудь допытываться — лучше всего молчите. Особенно ты, мать. Ну, если уж очень пристанет, так что не будет другого выхода,— поговори. Тем более что ты и правда не веришь в чудеса и знамения. Так что тебе не придется даже кривить душой.

В дом вошел Фарисей. Он стар. Взгляд его внимателен и прям.

Фарисей Здравствуйте.

Ему не ответили.

Не бойтесь меня, не бойтесь! Я по-хорошему пришел... Вот и славно, все здесь, все собрались. Это ваша дочка?

Мать Дочь.

Фарисей И ты оставайся. С тобой тоже хотелось бы побеседовать. Это старший. Это младшенький. Так... Это дочь.

Старший сын А это гость из Рима.

Фарисей Путешественник, меценат? Решили посетить нашу страну? Тяжкое, темное время. Осенью

у нас хорошо... Но мне хотелось бы поговорить с этой женщиной. Наши внутренние дела.

Римлянин Не обращайте на меня внимания.

Мать Зачем ты пришел сюда? Зачем позоришь мой дом?

Фарисей (*мягко*). Не я опозорил твой дом.

Мать Разве можно приходить в дом убитого тобой человека!

Фарисей Я не убивал твоего сына. В душе я был против этого. Но его должны были казнить. Это была единственная возможность доказать, что он не Мессия, каким из гордыни или по безумию себя считал.

Мать Уйди, прошу. У меня плохие мысли, я хотела бы тебя убить.

Старший сын Мать нездорова. Все эти события повлияли на нее.

Фарисей Я предпочел бы прийти сюда позже. Но необходимость возникла сейчас. До меня дошел слух... Я хотел его проверить. Скажи мне, небесные знамения и чудеса, которые он якобы творил,— знаешь ли ты их или это плод воображения слепой толпы, желающей видеть в нем Бога? Так, говорят, ты сказала людям, пришедшим к тебе, и в этом была смела и чиста душой. Верно ли это?

Дочь Быстро пронюхали.

Мать Что я говорила? Не говорила я ничего.

Старший сын Мать, ты же ничего плохого не сказала! Повтори коротко в двух словах. Я думаю, больше ничего не потребуется.

Фарисей Только так. И я немедленно уйду, потому что вижу, что мое присутствие тягостно.

Дочь Не надо, мама.

Римлянин Простите, но я тоже советую этот разговор отложить. Вам надо все спокойно обдумать.

Фарисей Приверженцам твоего сына ты не нужна. Они хотят, как Бога, вознести его на небо. Они говорят, что Иисус отрекся от тебя, что дом его не здесь. И дети тебя покинут, потому что родство с Богом, даже отсутствующим, вынести трудно. Ты останешься одна в этом доме! Бойся этого! Не зову тебя, чтобы ты шла к нам. Но пока прошу

	тебя об одном: не беги от нас. Так ты бежишь от жизни, Мария.
Дочь	Он говорил: два человека вошли в храм помолиться, один — Фарисей, другой — мытарь, который выколачивает подати у бедных людей. Фарисей молился так: «Боже, благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди — грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь!» Мытарь же, ударяя в грудь, говорит и говорит только одно: «Боже, грешен я! Будь милостив ко мне, грешному!» И ушел оправданный! А Фарисей так и не получил прощения!
Фарисей	Я знаю эту басню. Твой сын всегда злобно поносил нас.
Мать	Он видеть вас не мог! Как вы надменно ходите по улицам, ожидая приветствий. Как ищете первенства и почестей, как, молясь, оборачиваете головы, чтобы узнать, видят ли это люди, как творите милостыню напоказ. Он смеялся над вашим благочестием, и его насмешки поражали вас в самое сердце! Вашу ненависть к нему могла утолить только его смерть! Только убийство!
Старший сын	(*улыбаясь, Фарисею*). Вот женщины, вот женщины! Сами завтра не вспомнят, что наговорили.
Фарисей	Не убийство, а казнь. Это разные вещи. Допрос его совершался строго с участием свидетелей.
Дочь	Лжесвидетелей!
Фарисей	Приговор был вынесен по закону.
Дочь	Почему же вы судили его тайно, а не на людях?
Фарисей	Люди приветствовали решение суда. Когда его вели на место казни, они кричали: распни, распни его!
Мать	(*простонала*). Несчастные! Несчастные! Несчастные!
Старший сын	Мама должна успокоиться. Она устала, ее можно понять.
Фарисей	(*Римлянину*). Но вы-то!.. Этот Иисус причинил бы много зла не только нам, но и Риму!

Римлянин Я, знаете ли, частное лицо. Эта проблема меня мало интересует.

Фарисей А если бы возбужденный им народ перестал платить подать Римской империи? Это, извините, коснулось бы и вас!

Римлянин Будем объективны, он, напротив, советовал платить подать Риму.

Дочь Только из-за презрения и нежелания с вами спорить!

Фарисей Спорить он, положим, безумно любил и спорил по поводам гораздо менее важным. И не ради того, чтобы выяснить истину, а только для того, чтобы победить в споре! Любыми средствами! Особенно в присутствии зрителей! Политик был, политик!

Римлянин К политике, положим, он вообще относился иронически.

Дочь Как и вы, кажется!

Римлянин Да, как и я.

Дочь Удобная позиция. В любом случае вы оказываетесь выше всех.

Фарисей Политик был! И дальновидный! Несмотря на то, что о гражданском управлении он имел самое неясное представление. Его рассуждения о царях и властях были потешны!

Дочь Они кажутся потешными вам! Потому что он не давал себе труда разобраться в ваших муравьиных интригах! Но у него было точное отношение ко всем чиновникам: каждый из них враг людям!

Римлянин Скучно, скучно слушать вас. Злость всегда скучна. Особенно вы, девушка. Сестра его. Вам ли не знать, что он хотел создать убежище только для души! Среди господства злобы и грубой силы!

Дочь Тогда объясните мне, за что его преследовали и убили, если он такой безобидный человек.

Римлянин Разрешите не объяснять. Вам будет трудно в этом разобраться. Вам обоим.

Фарисей Почему же это мне будет трудно в этом разобраться?

Римлянин Не он политик, а вы политики, вы! А всякий, кто занят политическими страстями, не мо-

жет простить другим, если они ставят что-то выше его партийных идеалов!

Дочь Он ненавидел богатых и знатных!

Римлянин Но он никогда не собирался занять их место. Он хотел уничтожить богатство и власть, но не овладеть ими.

Дочь Все-таки уничтожить!

Римлянин Но не оружием. А посредством душевной чистоты.

Фарисей А я утверждаю: он хотел основать новое государство. Хотел беспорядка и революции!

Дочь Вот это ближе к истине.

Римлянин Но к кому он обращался за помощью? К самым невоинственным людям. К женщинам и детям, к униженным и смиренным. Революция? Возможно. Но какая? Когда все, что сейчас значительно, перестанет быть важным!

Фарисей Вот, вот что самое гнусное! Он хотел поколебать закон, который существовал века и пребудет вечно. А теперь — где он, ваш Иисус? И в чем его учение? Нас трое здесь, и мы не можем прийти к согласию. Как же придут к согласию тысячи и тысячи?

Дочь А ты пойди по городам, и увидишь, как приходят к согласию тысячи и тысячи! Он теперь недоступен вам, а последствия его дел даже представить трудно! Вас же запомнят лишь потому, что вы один миг стояли на его пути!

Фарисей А вот за эти слова ты будешь проклята. И весь этот дом проклят. Пусть будет дом этот пуст!

Старший сын Зачем вы так?..

Фарисей И все живущие здесь, все родственники прокляты! Ты кто? Брат? Тоже проклят... (*И покинул дом.*)

Старший сын (*сестре*). Дождались. (*Римлянину.*) И вы тоже — зачем было вмешиваться? Я вообще ни за что попал... Не знаю, как вы, а мне пора.

Дочь Беги, беги, все равно ты уже проклят.

Мать Вот и все. Это ты уходишь навсегда, больше сюда не вернешься.

Старший сын Зачем же так! Сейчас мне нужно будет уехать. Но не на век же.

Мать Конечно, поезжай, у тебя много дел. И еще с нами сколько времени потерял.

Старший сын Поверь, мать, я хотел тебе только добра. Если бы ты меня слушала, то могла бы неплохо жить, даже не представляешь как! И тебе, сестрица, я хотел добра. Предпочитаешь пропасть ни за что — твое дело. Иисус учил делать добро, а среди вас добро делаю я один. (*Римлянину.*) И для вас я немало постарался. А ради чего? Не знаю. Они думают ради выгоды. Что же, пусть так. Зато вы набрались впечатлений, будет о чем рассказать в Риме. А я что получил? Проклятие!.. (*Неожиданно для себя опустился перед Матерью на колени.*)

Мария положила руку на голову его. Старший сын ушел.

Мать Вот еще одного сына нет... (*Младшему.*) Мальчик, да ведь ты есть хочешь.

Младший сын Вспомнила.

Мать Давайте все поедим. (*Дочери.*) Накрывай.

Ставят на стол хлеб, кувшин с молоком.

Извините за угощение.

Римлянин Все хорошо, все хорошо.

Мать Вина нет. Вы, наверно, привыкли с вином.

Римлянин Не беспокойтесь, пожалуйста.

Младший сын (*подняв голову, беспокойно проговорил*). Мам, кто-то ходит.

Мать Никто не ходит, тебе показалось...

Римлянин (*Дочери*). Я грубо с вами говорил, простите.

Дочь Что там. Я в жизни не такого наслышалась.

Младший сын А Иисус говорил: где соберутся вместе несколько человек и вспомнят о нем, там он и будет среди них.

Мать Наверно, он имел в виду, что его будут вспоминать. И правда, вот вспоминаем.

Римлянин Мне хотелось бы как-нибудь помочь вам. Я даже знаю как, но не решаюсь сказать.

Мать Тогда не говорите.

Младший сын По-моему, кто-то ходит.

Мать Никто не ходит, тебе показалось.

Младший сын А мне показалось.

Мать Вот и я говорю.

Римлянин Старший сын ваш устроен в жизни, вообще, он деловой человек. А вот о младшем надо подумать. Мальчик непрактичный, лишен ярко выраженных склонностей. Ему бы надо учиться, иначе он пропадет.

Мать (*Младшему сыну*). Ты хочешь уйти от нас?

Младший сын Почему уйти?

Римлянин Он боится вас огорчить.

Мать Вы уже обо всем договорились?

Младший сын Мама, ты сама подумай. Что мне здесь делать? И наоборот, что меня ждет там. Разве можно сравнить?

Мать Никуда не уйдешь!

Дочь Так вот в чем дело. Тут беспокоились, какой сувенир предложить гостю, а он, оказывается, сам себе приглядел. Живой сувенир, можно демонстрировать в Риме. Смотрите, настоящий брат Иисуса! Какой забавный! Какой милый недоразвитый мальчик! Говорят, у его брата тоже было не все в порядке!

Римлянин Несправедливо.

Дочь Может быть.

Младший сын Ты знаешь, с кем ты говоришь? Его носят на носилках! У него в Риме свой дворец из мрамора!

Римлянин Зачем так? Это не имеет никакого значения.

Дочь Почему же, нам интересно. Его носят на носилках. Это существенно.

Младший сын А знаешь, что такое Рим? Кто не видел Рима, тот все равно что не жил на свете! Там есть цирк! Чтобы его пройти в длину, нужно десять минут времени! Там повсюду памятники и статуи! Люди со всего света приезжают, чтобы их посмотреть!

Мать А у нас зато какая речка. Найдешь ли там такую речку?

Римлянин У нас купаются в бассейнах.

Мать Разве можно сравнить бассейн с речкой!

Младший сын Вот именно, разве можно сравнить!

Мать Здесь у тебя товарищи! Не жалко с ними расставаться? Ведь это уже навсегда!

Младший сын А там другие товарищи найдутся, не хуже.

Мать Таких уже не найдешь.

Младший сын Почему не найду?

Мать Они над тобой будут смеяться.

Младший сын С чего же они будут надо мной смеяться?

Мать Уж поверь, что будут.

Младший сын Тогда я сам буду над ними смеяться.

Мать Нет, мальчик, у тебя не получится.

Младший сын Все равно я не буду здесь жить. Мне все равно мерещится, что тут кто-то ходит.

Мать Кто ходит, сынок?

Младший сын Кто! Иисус.

Мать Тебе это неприятно?

Младший сын А кому приятно...

Мать Иди.

Младший сын Мама, если ты не хочешь, я не поеду!

Мать Хочу я, малыш, хочу.

Младший сын (*слезы вдруг подступили к горлу, и стыдно этого*). Как же ты будешь здесь?.. Одна, без никого!

Мать Почему одна? Мы с дочкой будем, вдвоем.

Римлянин Решайте же что-нибудь. Если ты хочешь остаться...

Младший сын Нет!.. Я не знаю!.. Прости меня, мама!

Римлянин Придет время, вы поймете, что это к лучшему.

Мать Да, да. Тогда уж не тяните.

Младший сын Я поесть не успел, а она меня гонит.

Мать (*не глядя*). Возьми с собой хлеб и сыр.

Римлянин Ничего, мы в городе поедим. Вставай, мальчик. Проститесь с ним все-таки.

Мать (*обняла сына, покачивает, словно баюкает*). Прости, маленький, обидела тебя. Не вспоминай этого! Если там, среди увлечений и веселья, что-нибудь случайно напомнит тебе наш дом, то вспоминай лучше, как мы сидели за столом все вместе. А твой хозяин...

Римлянин Не называйте меня так.

Мать Может быть, он полюбит тебя. А нет — и так проживешь. Нельзя в одном птичнике растить орленка и цыплят. Орленок взлетит и разобьется о крышу, а цыплята разбегутся кто куда. (*Отклонилась, посмотрела на сына внимательно и правой рукой — сверху вниз, потом слева вправо — осенила его крестом.*)

Младший сын (*испугался*). Ты что...

Мать Это так, на прощание... Брата вспоминай, Иисуса. Это — всегда, где бы ты ни был.

Римлянин Надеюсь, увидимся.

Мать (*рассеянно*). Где уж, теперь едва ли. (*Словно в комнате никого нет.*) Что ж, дочка, пора и за дело.

Римлянин от двери манит сына, чтобы тот не мучил мать прощанием. Ушли.

Дочь Убираться будем?

Мать Не надо, я просто так сказала, чтобы они ушли. Пустеет дом, пустеет...

Дочь Нашел время, негодяй, когда уходить.

Мать Я его плохо проводила. Никогда не получается, простишься как попало...

Дочь Ничего, мать. Я обещаю, что не уйду.

Мать Лучше, чем дома, тебе нигде не будет. Только и ты уйдешь.

Дочь Куда? Мама!

Мать Уйдешь, чтобы сгореть огонечком. Быстро сгоришь. Мало кому посветишь.

Дочь Нет, что же получается? Значит, они добились своего? Оказалось, достаточно расправиться только с одним человеком! Только Иисуса нет! И все рухнуло. Каждый тащит в угол кусок его идеи, кому какой по силам. Тошно, мама, тошно! Он говорил — надо радоваться жизни. Ему хорошо было, тогда-то.

А сейчас? Чему радоваться... Должна сказать, мама, что люди молодые, нашего поколения, не всё принимают в его учении. Мы, например, не собираемся подставлять другую щеку! Мы не хотим ждать, когда все само собой образуется.

Мать Погибнешь, дочка, погибнешь. Все равно ничего не изменить.

Дочь Кто знает.

Мать Много крови прольется...

Дочь Мама, о чем ты! Я тут должна сходить, в общем, в одно место. Если кто-нибудь зайдет, будет меня спрашивать, скажи, ушла по делу. Будут переспрашивать по какому — не знаю, мол... Ничего, что я ухожу? Я ненадолго. А ты отдохни пока.

Мать Так и не пришел...

Дочь Так и не пришел. Я, собственно, и не надеялась.

Мать Иди, иди. Я действительно пока отдохну.

Дочь Ты молодчина, мать. (*Обняла ее, ушла.*)

Мать Видишь, что творится? Вот и сестра твоя побежала куда-то. В какое-то место. Знаю, почему она бежит отсюда. Чтобы я не увидела ее погибель. Хорошо, что не увижу... Не увижу, как твой брат будет торговать твоим именем. Не увижу, как другой твой брат станет потешать римлян. Не увижу... Получается, что Фарисей был прав. Все ушли, осталась я одна. В пустом доме, точно. Пошлет сюда людей, чтобы посмотрели на меня. Как я живу в пустом доме. И будут говорить: а Фарисей это предсказал. Что делать, надо жить. Надо ждать. Может быть, они еще и вернутся... Может быть, и ты вернешься? Вспомнишь дорогу в родной дом? Неведомы твои дела. Все равно знай, я жду тебя. Я долго могу ждать, сколько нужно. Явишься — а я дома, я здесь...

Занавес

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Форзац:

Вводные развороты:

Шмуцтитулы:

БИБЛЕЙСКИЙ

К А Л Е Н Д А Р Ь

Счет месяцев		Названия месяцев древние и ассиро-вавилонские, число дней в месяце и особые дни	Соответствует месяцам современного календаря
в священном году	в гражданском году		
I	7	**Авив,** Нисан. 30 дней 14. Пасха (Исх. гл. 12; Лев. 23,5; Числ. 28, 16). 16. Принесение первого снопа жатвы ячменя (Лев. 23, 10—14).	март — апрель
II	8	**Зиф,** Ияр. 29 дней 14. Вторая пасха — для тех, кто не мог совершить первую (Числ. 9, 10—12).	апрель — май
III	9	Сиван. 30 дней 6. Пятидесятница (Лев. 23, 16) или праздник седмиц (Втор. 16, 9—10). Принесение начатков жатвы пшеницы (Лев. 23, 15—21) и начатков всех плодов земли (Числ. 28, 26; Втор. 26, 2, 10).	май — июнь
IV	10	Фаммуз. 29 дней 17. Пост. Взятие Иерусалима (Зах. 8, 19).	июнь — июль
V	11	Ав. 30 дней 9. Пост. Разрушение храма иерусалимского (Зах. 8, 19).	июль — август
VI	12	Элул. 29 дней	август — сентябрь
VII	1	**Афаним,** Тишри. 30 дней 1. Праздник труб (Числ. 29, 1). Новый год. 10. День очищения (Лев. 16, 29; 25, 9). 15—22. Праздник кущей (Лев. 23, 34—36; Числ. 29, 12—35).	сентябрь — октябрь
VIII	2	**Бул,** Мархешван. 29 дней	октябрь — ноябрь
IX	3	Кислев. 30 дней 25. Праздник обновления (I Мак. 4, 52—59. Ин. 10, 22).	ноябрь — декабрь
X	4	Тебеф. 29 дней	декабрь — январь
XI	5	Шеват. 30 дней	январь — февраль
XII	6	Адар. 29 дней 11. Пост Есфири (Есф. 4, 16). 14—15. Праздник Пурим (Есф. 9, 17—32).	февраль — март

В Библии священный год со времени исхода из Египта начинается с весны, с месяца авив, что значит месяц зрелого колоса (Исх. 13,4; 12,2). Это был месяц весеннего равноденствия и время созревания ячменя (Лев. 23, 10—14). Позже он стал называться нисаном. В 14-й день этого месяца, который приходится в полнолуние, праздновали Пасху (Исх. гл. 12). Другие месяцы названий не имели,

о них говорили: второй месяц, десятый месяц и т. д. Лишь в рассказе о постройке храма Соломона при участии финикийцев три месяца названы особо: зиф (месяц цветения) — 3 Цар. 6,1, афаним (месяц бурных ветров) — 3 Цар. 8,2, и бул (месяц произрастания) — 3 Цар. 6,38; это финикийские названия. После плена вавилонского появились ассиро-вавилонские названия месяцев: нисан (Неем. 2,1), ияр, сиван (Есф. 8,9), фаммуз, или таммуз, ав, элул (Неем. 6,15), тишри, мархешван, кислев, или хаслев (Неем. 1,1; Зах. 7,1), тебеф (Есф. 2,16), шеват (Зах. 1,7) и адар (Есф. 3,7). Те из них, которые не встречаются в Библии, известны по сочинениям Иосифа Флавия (I век по Р. Х.) и другим древним источникам.

Гражданский год начинался и кончался осенью (ср. Исх. 23, 16; 34, 22), после уборки урожая (в месяце тишри). В Библии встречается счет месяцев и по священному и по гражданскому году.

Начало месяца определялось по появлению видимого серпа новой луны; этот день, новомесячие, был праздничным (Числ. 10, 10; 28, 11). От одного новолуния до другого проходит 29 1/2 суток, поэтому месяцы имели продолжительность в 29 и 30 дней попеременно. 12 лунных месяцев составляют год в 354 дня, что на 11 дней меньше солнечного года. За три года разница между лунным и солнечным годом составит целый месяц, поэтому примерно раз в три года добавлялся 13-й месяц, и получался год продолжительностью в 384 дня. Это делалось для того, чтобы авив оставался весенним месяцем.

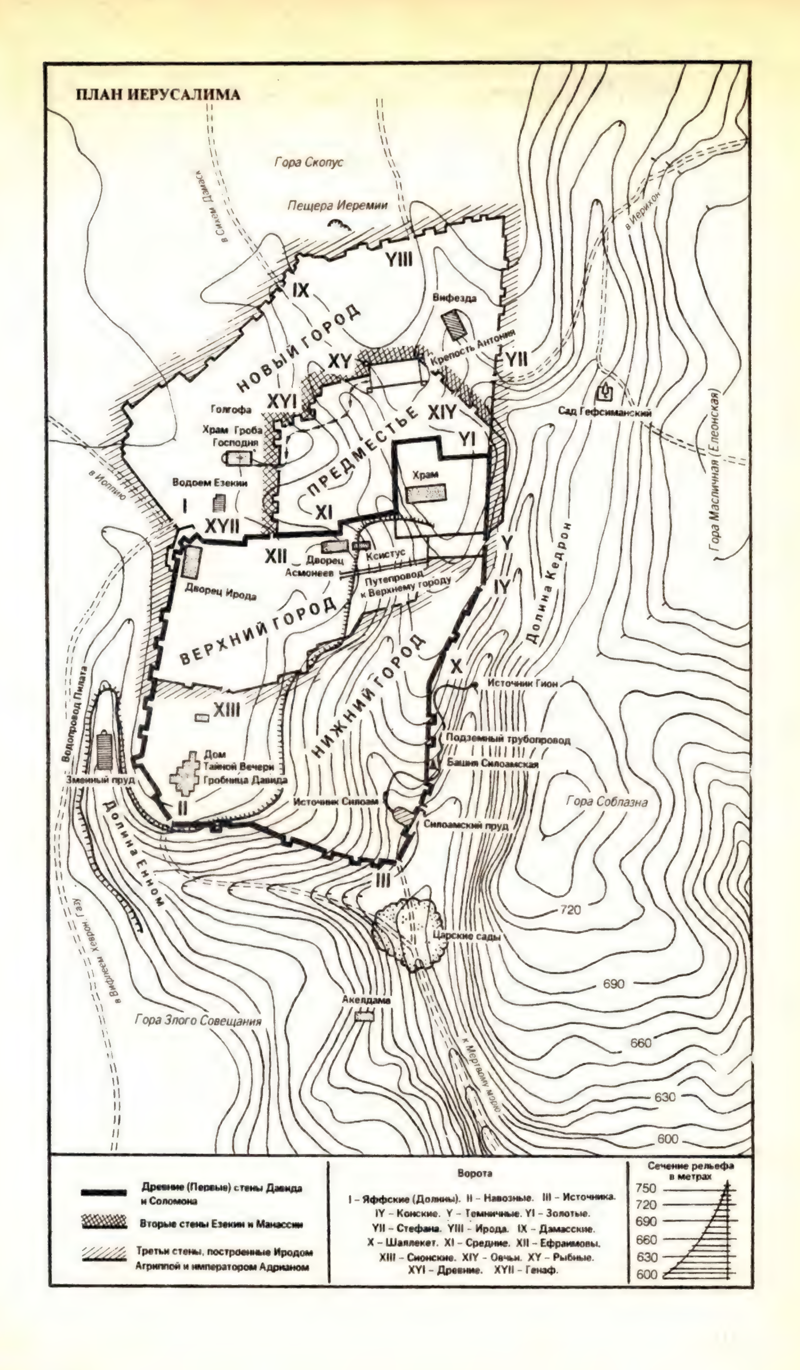
В прилагаемой таблице указаны названия месяцев в священном и гражданском году (т. е. первый месяц, второй и т. д.), а также древние (ханаанские и финикийские) и послепленные (ассиро-вавилонские) названия в том виде, в каком они приведены в русской Библии. Обозначено количество дней в месяце, перечислены библейские праздники и посты и показано приблизительное соответствие библейских месяцев современным.

Дни недели, кроме субботы (шабат), особых наименований не имели, если не считать существовавшего в эллинистическую эпоху греческого названия дня перед субботой — параскеви, что значит «приготовление» (к дню покоя — субботе). Неделя завершалась субботой, поэтому «день первый» (после субботы, см. Мф. 28, 1) соответствует нашему воскресенью, «день второй» — понедельнику и т. д.

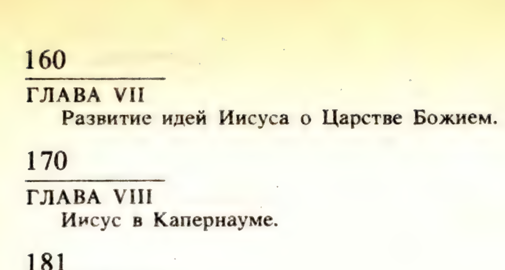
День (в смысле суток) начинался с захода солнца, т. е. с позднего вечера. В древности как ночь, так и день делились на три части: ночь на первую, вторую и третью стражи (Суд. 7, 19), а день — на утро, полдень и вечер (см. Пс. 54, 18). Позднее, со времен римского владычества, ночь делилась на четыре стражи (Лк. 12, 38; Мф. 14, 25) и вошло в употребление понятие «час» — двенадцатая часть дня или ночи (Мф. 20, 1—8; Деян. 23, 23).

ПЛАН

И Е Р У С А Л И М А


ПЛАН ИЕРУСАЛИМА
Гора Скопус
Пещера Иеремии
в Сихем Дамаск
в Иерихон
YIII
IX
Вифезда
НОВЫЙ ГОРОД
Крепость Антония
XY
YII
XYI
Сад Гефсиманский
Голгофа
ПРЕДМЕСТЬЕ
XIY
Храм Гроба Господня
YI
Храм
в Иоппию
Водоем Езекии
I
XI
XYII
Гора Масличная (Елеонская)
Y
XII
Дворец Асмонеев
Ксистус
Путепровод к Верхнему городу
Дворец Ирода
IY
Долина Кедрон
ВЕРХНИЙ ГОРОД
НИЖНИЙ ГОРОД
X
Источник Гион
Водопровод Пилата
XIII
Подземный трубопровод
Дом Тайной Вечери
Гробница Давида
Башня Силоамская
Змеиный пруд
Гора Соблазна
Источник Силоам
II
Силоамский пруд
Долина Енном
III
720
Царские сады
в Вифлеем Хеврон Газу
690
Акелдама
Гора Злого Совещания
660
к Мертвому морю
630
600
Древние (Первые) стены Давида и Соломона
Вторые стены Езекии и Манассии
Третьи стены, построенные Иродом Агриппой и императором Адрианом
Ворота
I – Яффские (Долины). II – Навозные. III – Источника.
IY – Конские. Y – Темничные. YI – Золотые.
YII – Стефана. YIII – Ирода. IX – Дамасские.
X – Шаллекет. XI – Средние. XII – Ефраимовы.
XIII – Сионские. XIY – Овечьи. XY – Рыбные.
XYI – Древние. XYII – Генаф.
Сечение рельефа в метрах
750
720
690
660
630
600

СОДЕРЖАНИЕ



В 11 В ночь на 14 нисана: Иисус Христос. Иуда Искариот. Понтий Пилат/Сост. В. А. Блинов.— Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. Ассоциация уральских издателей, 1991.—560 с.: ил.

ISBN 5—7529—0429—3

В пер.: 15 р. 150 000 экз.

Вечная тема взаимоотношений Иисуса Христа, Иуды Искариота, Понтия Пилата — источник раздумий, выбора нравственного пути многих поколений.

Сборник составили избранные произведения писателей, обратившихся к сюжетам Нового Завета. Это произведения Э. Ренана, А. Франса, Л. Андреева, М. Булгакова, Ю. Нагибина, А. Володина. В качестве предисловия использована статья протоиерея Александра Меня.

Рассчитана на широкий круг читателей.

В $\frac{4702010206\text{-}061}{М158(03)\text{-}91}$ Без объявл.-91 ББК 84Р7

В НОЧЬ НА 14 НИСАНА

ИИСУС ХРИСТОС, ИУДА ИСКАРИОТ,
ПОНТИЙ ПИЛАТ

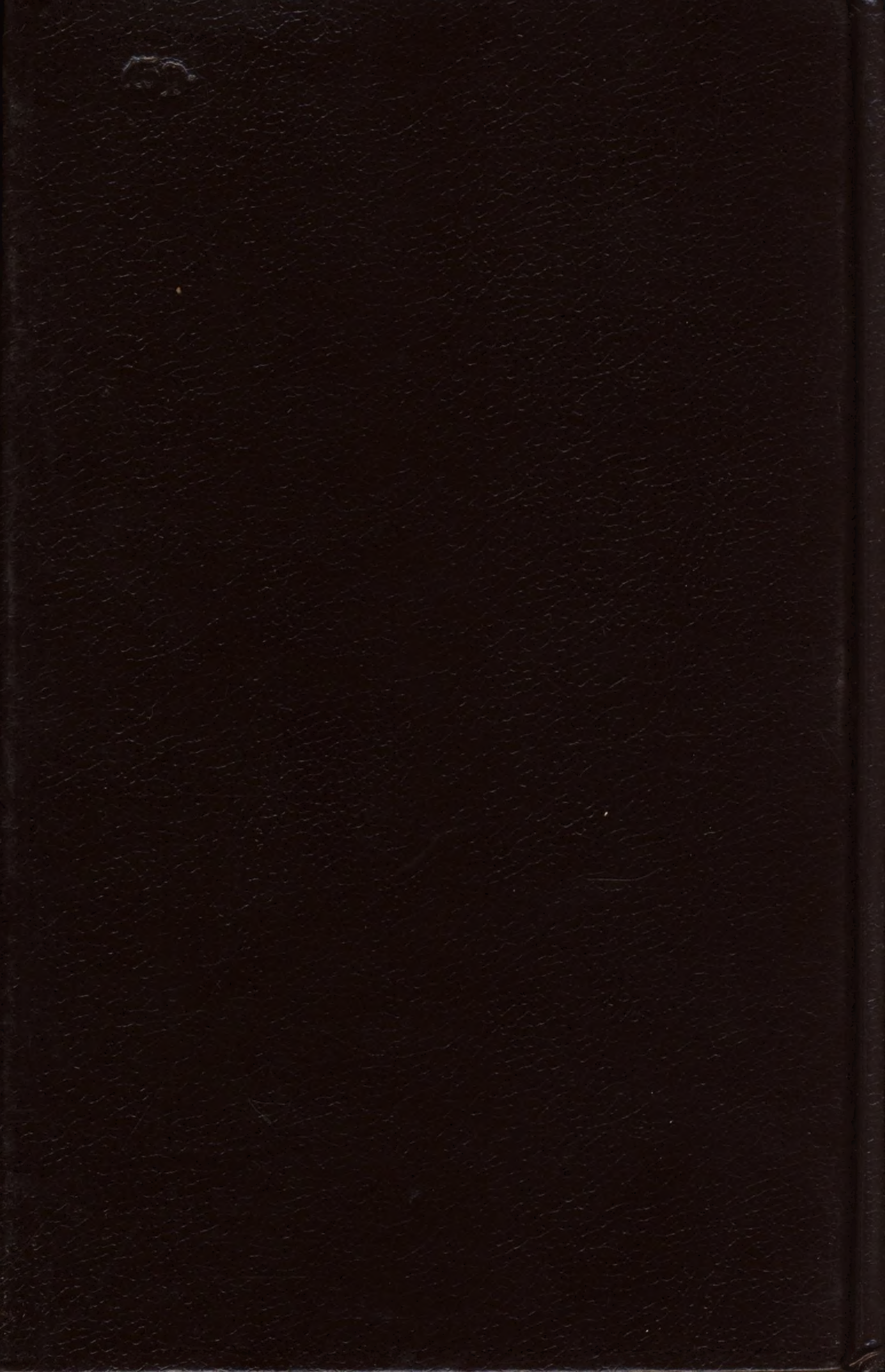
Редактор М. Э. Чупрякова
Художник и художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры Т. В. Сергеенко, Н. И. Тунгусова

ИБ № 2194
Сдано в набор 24.07.91. Подписано в печать 11.11.91. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 30,2. Уч.-изд. л. 31,0. Тираж 150 000. Заказ 313. Цена 15 р.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Екатеринбург, ГСП-351, Малышева, 24. Типография «Уральский рабочий», 620151, Екатеринбург, пр. Ленина, 49.

$^{1}/_{32}$.
тная.
000.

-351,
бург,



В НОЧЬ
НА 14
НИСАНА